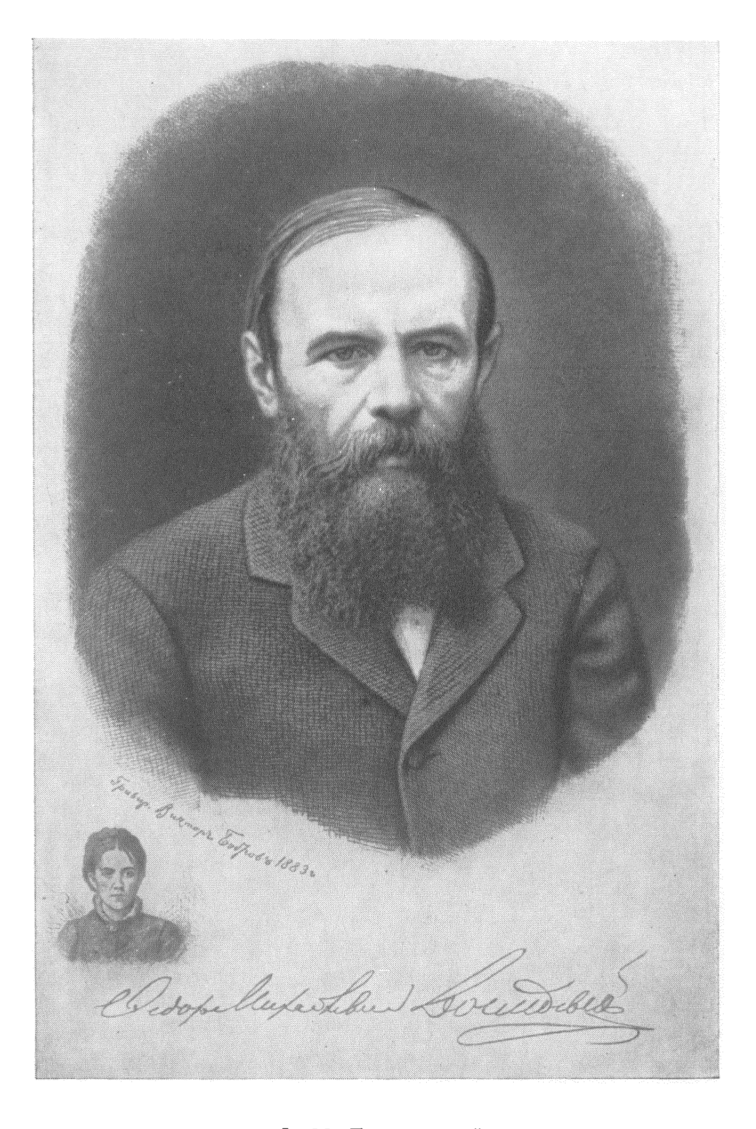
Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

30

КНИГА I



Ф. М. Достоевский.

Офорт В. А. Боброва по фотографии М. М. Панова 1880 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1988

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ТРИДЦАТЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПИСЬМА
1878—1881

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1988

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:

А. В. АРХИПОВА, А. М. БЕРЕЗКИН,
И. А. БИТЮГОВА, Н. Ф. БУДАНОВА,
Е. И. КИЙКО, Г. В. СТЕПАНОВА,
И. Д. ЯКУБОВИЧ

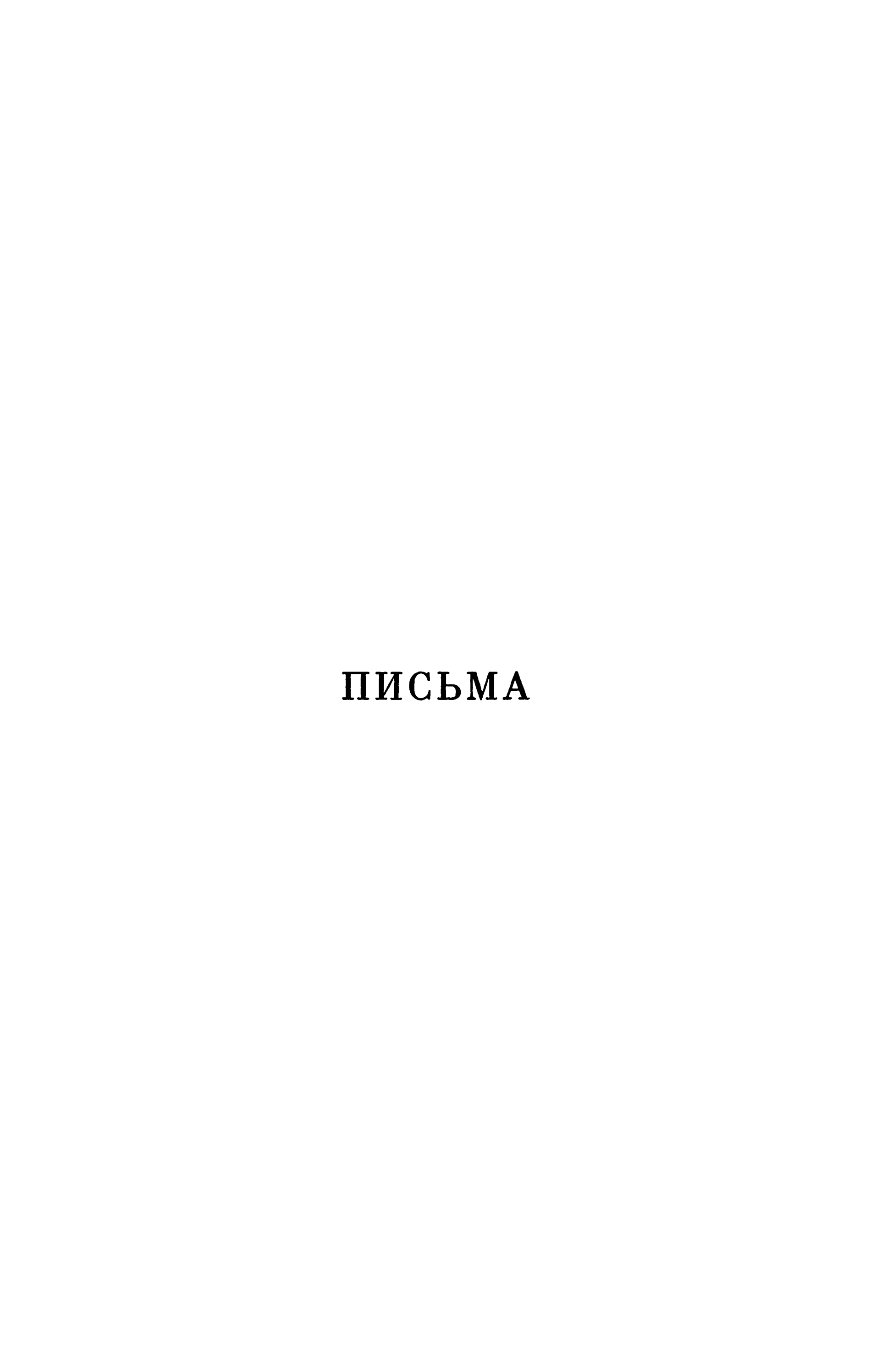
Редакторы XXX тома, кн. 1

Н. Ф. БУДАНОВА, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР,
И. Д. ЯКУБОВИЧ

*

Д $\frac{4702010100\text{-}544}{042\,(02)\text{-}88}$ Подписное

ISBN 5-02-027953-6 (Т. 30, кн. 1)
ISBN 5-02-027952-8



ПИСЬМА

1878

726. Е. П. КОРНИЛОВОЙ

Вторая половина января. Петербург

Многоуважаемая Катерина Прокофьевна,

Благодарю за всё. Племянник мой кланяется Вам в пояс, особенно за Шабанову.[1] На днях надеюсь быть у Вас и прочесть Вам ту статейку, о которой говорил.[2] Еще не получил, хотя и уведомили меня, что отпечатана. Получу и сейчас доставлю.

Ваш всепокорнейший Ф. Достоевский.

727. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ

8 февраля 1878. Петербург

Милостивый государь Константин Степанович,

Я получил (от 6 февраля сего года) уведомление Ваше о избрании меня в члены-корреспонденты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности вместе с тем и диплом на означенное звание.[1]

Убедительнейше прошу Вас, высокоуважаемый Константин Степанович, передать высокому ученому учреждению, удостоившему меня избрания, что я принимаю избрание это с живейшею признательностью, вполне сознавая и ценя всю великость оказанной мне чести за столь малые и слабые, покамест, заслуги мои.[2]

При сем покорнейше прошу Вас принять от меня уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Федор Достоевский.

8 февраля
1878 г.

728. А. Н. ЯКОБИ

Февраль (после 8) 1878. Петербург

Милостивая государыня Александра Николаевна,

Благодарю Вас за присылку книжки.[1] То, что Вы у меня перепечатали, — мне не повредит теперь, но если б вышло пораньше, то повредило бы.[2] К большому сожалению, не могу Вам

дать перепечатать «Мальчик у Христа на елке» — потому что сам намерен издать (и это в самом скором времени) мои маленькие рассказы.[3] Согласитесь, что перепечатка у Вас могла бы мне, в таком случае, повредить. Во всяком случае очень сожалею, что *решительно не могу* угодить Вам. Анна Григорьевна благодарит Вас за память о ней и кланяется.[4]

Ваш покорный слуга и преданный Вам

Ф. Достоевский.

729. Н. Е. ГРИЩЕНКО

28 февраля 1878. Петербург

Петербург, 28-го февраля 1878 г.

...[1] Да многие не верят теперь литературе, то есть ее искренности, и ожидают чего-то нового, а те-то и не примечают ничего. Вы вот жалуетесь на жидов в Черниговской губернии,[2] а у нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издается на жидовские деньги жидами (которых прибывает в литературу всё больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русскими именами — вот и всё в них русского. Я думаю, что это только еще начало, но что жиды захватят гораздо еще больший круг действий в литературе; а уже до жизни, до явлений текущей действительности я не касаюсь: жид распространяется с ужасающею быстротою. А ведь жид и его кагал — это всё равно, что заговор против русских!

Есть много старых, уже седых либералов, никогда не любивших Россию, даже ненавидевших ее за ее «варварство», и убежденных в душе, что они любят и Россию, и народ. Всё это люди отвлеченные, из тех, у которых всё образование и европейничанье состоит в том, чтоб «ужасно любить человечество», но *лишь вообще*. Если же человечество воплотится в *человека*, в *лицо*, то они не могут даже стерпеть это лицо, стоять подле него не могут из отвращения к нему. Отчасти так же у них и с нациями: человечество любят, но если оно заявляет себя в потребностях, в нуждах и мольбах нации, то считают это предрассудком, отсталостью, шовинизмом. Это всё люди отвлеченные, им не больно, и проживают они в сущности в невозмутимом спокойствии, как бы ни горячились они в своих писаниях. Редакция «Слова» — это отсталые либералы, совершенно не замечающие, что они давно уже выжили свое время, что они отжили, и ненавидящие всё новое и свежее по инстинкту. Да и ничего они в новом, текущем и грядущем и понять не могут. Заступаются они за жидов, во-первых, потому, что когда-то (в XVIII столетии) это было и ново, и либерально, и потребно. Какое им дело, что теперь жид торжествует и гнетет русского? Для них всё еще русский гнетет жида. А главное, тут вера: это из ненависти к христианству они

так полюбили жида; и заметьте: жид тут у них не нация, защищают они его потому только, что в других к жиду подозревают национальное отвращение и ненависть. Следовательно, карают других, как нацию.[3]

Ф. Достоевский.

730. Л. А. ОЖИГИНОЙ

28 февраля 1878. Петербург

Петербург. 28 февраля 1878 г.

Милостивая государыня, Любовь Александровна![1]

Разбирая письма, на которые, за всяким недосугом и нездоровьем, не ответил, набрел и на Ваше вторичное, от 7 января.[2] Из него вижу, что на первое Ваше письмо Вы ответа не получили, и, однако, я Вам написал ответ, и помнится, на один из указанных Вами адресов, а именно на Н. Н. Бекетова (так ли? Получили ли?). Или я только замыслил написать Вам ответ, но за недосугом и за множеством переписки отложил, затем заболел, забыл, и Вы никакого еще от меня ответа не получали?[3] Всё это могло случиться, потому что у меня самая расстроенная (падучею болезнью) память в мире. Намерения я нередко принимаю за исполнения, за что часто на меня сердятся.

Во всяком случае, хоть я Вам, может быть, и ответил и послал письмо (это, кажется, наверно), но для очистки совести отвечу этими несколькими строками еще.

Оба письма Ваши я прочел с искренним чувством. Вы меня заинтересовали, и мне бы приятно было Вас узнать. Уверяю Вас, Любовь Александровна, что я ни на миг не усомнился в смысле выражений Вашего первого письма, что, кажется, Вас беспокоит (во 2-м письме). Если когда свидимся, то тем лучше будет.[4] Что же до писем, то на этот счет я скучлив: я не умею написать письма и боюсь писать. Пишешь с жаром, пишешь много (это случалось), и вдруг какая-нибудь черточка — и всё письмо понимается наизнанку. Что же, если действительно есть мысль, на которой нельзя согласиться? Переписываться о какой-нибудь такой мысли года два или три? Прекрасное занятие! Оттого не боюсь вступать с Вами в такие рассуждения, что из писем Ваших мне ясно выказался Ваш ум: с Вами можно говорить. Вы поймете и не рассердитесь. А вот недавно одна госпожа очень обиделась, когда я (не зная ее вовсе) отказался вести с нею предложенную ею мне постоянную переписку. Вы думаете, я из таких людей, которые спасают сердца, разрешают души, отгоняют скорбь? Многие мне это пишут — но я знаю *наверно*, что способен скорее вселить разочарование и отвращение. Я убаюкивать не мастер, хотя иногда брался за это. А ведь многим существам только и надо, чтоб их убаюкали.

Не помню, что я Вам ответил на первое Ваше письмо. Во всяком случае позвольте пожать Вам искренно и дружески руку, поблагодарить за доброе ко мне чувство и надеяться, что чувство это не так скоро изменится во вражду.

До свидания, храни Вас судьба!

Ваш Федор Достоевский.

731. Н. Л. ОЗМИДОВУ

Февраль 1878. Петербург

Февраля 1878 г.
Петерб‹ург›.

Добрейший и любезнейший Николай Лукич.

Во-первых, простите, что так непростительно запоздал с ответом за хворостью и всякими недосугами. Во-вторых, что я Вам могу ответить и какой намек могу Вам дать на Ваш роковой и вековечный вопрос?[1] И в двух ли строках письма уложится это дело? Вот если б мы говорили с Вами несколько часов — другое дело, но ведь и тогда ничего бы, может быть, и не вышло, неверующие всего труднее убеждаются словами и рассуждениями. А не лучше ли бы Вам прочесть повнимательнее все послания ап‹остола› Павла? Там очень много говорится собственно о вере, и лучше и сказать нельзя.[2] Хорошо, если б Вы тоже прочли *всю* Библию в переводе. Удивительное впечатление в целом делает эта книга. Выно́сите, например, такую мысль несомненно: что другой такой книги в человечестве нет и не может быть. И это — верите ли Вы, или не верите.

Намеков тут никаких быть не может. Скажу Вам лишь одно слово: всякий организм существует на земле, чтоб жить, а не истреблять себя.

Наука определила так и уже подвела довольно точно законы для утверждения этой аксиомы. Человечество в его целом есть, конечно, только организм. Этот организм бесспорно имеет свои законы бытия. Разум же человеческий их отыскивает. Теперь представьте себе, что нет бога и бессмертия души (бессмертие души и бог — это всё одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне тогда жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? Без бессмертия-то ведь всё дело в том, чтоб только достигнуть мой срок, и там хоть всё гори. А если так, то почему мне (если я только надеюсь на мою ловкость и ум, чтоб не попасться закону) и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мне если уж не резать, так прямо не жить на счет других, в одну свою утробу? Ведь я умру, и всё умрет, ничего не будет! Таким образом, и выйдет, что один лишь человеческий организм не подпадает под всеобщую аксиому и живет лишь *для разрушения себя*, а не для сохранения и питания себя. Ибо что за общество, если все члены один другому враги? И вый-

дет страшный вздор. Прибавьте тут, сверх всего этого, *мое я*, которое всё сознало. Если оно это всё сознало, то есть всю землю и ее аксиому, то, стало быть, это *мое я* выше всего этого, по крайней мере не укладывается в одно это, а становится как бы в сторону, над всем этим, судит и сознает его. Но в таком случае это *я* не только не подчиняется земной аксиоме, земному закону, но и выходит из них, выше их имеет закон. Где же этот закон? Не на земле, где всё закончено и всё умирает бесследно и без воскресения.[3] Нет ли намека на бессмертие души? Если б его не было, то стали ли бы Вы сами-то, Николай Лукич, о нем беспокоиться, письма писать, искать его? Значит, Вы с Вашим *я* не можете справиться: в земной порядок оно не укладывается, а ищет еще чего-то другого, кроме земли, чему тоже принадлежит оно. Впрочем, что ни пиши, ничего из этого не выйдет. Крепко жму Вам руку и прощаюсь с Вами. Не оставляйте Вашего беспокойства, ищите и, может быть, найдете.

Ваш слуга и искренний доброжелатель

Ф. Достоевский.

732. В. В. МИХАЙЛОВУ

16 марта 1878. Петербург

С.-Петербург, 16 марта 1878 г.

Многоуважаемый Владимир Васильевич, дорогой корреспондент.

Ваше прелестное, умное, симпатичное письмо получено мною 19-го ноября прошлого года,[1] а теперь 16-е марта 1878 года. И вот только теперь я собрался Вам отвечать, — можете ли Вы примириться с этим? Правда, в декабрьском № «Дневника», который вышел в январе, было к Вам несколько слов,[2] — но это не облегчает дела. Я и не оправдываюсь, но выставлю хоть две причины. Слишком больное и расстроенное состояние вплоть до самого последнего № «Дневника». Так и положил тогда никому не отвечать, пока не издам последнего №. Ну а затем, почти вплоть до сих пор еще пущее нездоровье, всё падучая и мрачное затем расположение духа. Ну вот это первая причина, верьте ей. Вторая причина — мое страшное, непобедимое, невозможное отвращение писать письма. Сам люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможным и даже нелепым: я не умею положительно высказываться в письме. Напишешь иное письмо, и вдруг вам присылают мнение или возражение на такие мысли, будто бы мною в нем написанные, о которых я никогда и думать не мог. И если я попаду в ад, то мне, конечно, присуждено будет за грехи мои писать по десятку писем в день, не меньше. Вот вторая причина, верьте ей.

Письмо Ваше произвело на меня чрезвычайно милое и дружественное к Вам впечатление. Я получаю очень много дружественных писем, но таких корреспондентов, как Вы, немного. В Вас чувствуешь *своего* человека, а теперь, когда жизнь проходит, а меж тем так бы хотелось еще жить и делать, — теперь встреча с *своим* человеком производит радость и укрепляет надежду. Есть, значит, люди на Руси, и немало их, и они-то жизненная сила ее, они-то спасут ее, только бы соединиться им. Вот для того, чтобы соединиться, я Вам отвечаю и жму Вам руку от всего сердца.

Всё Ваше письмо прочел раза три и (виноват) прочел и еще кой-кому, и еще кой-кому прочту. Взгляд мне Ваш хочется передать здесь, дух Ваш русский (настоящий) втолковать кому-нибудь из здешних. (*NB*. Читал, между прочим, Аполлону Николаевичу Майкову, поэту. Он был восхищен и даже взял на время Ваше письмо к себе. С этим человеком я в очень многом согласен в мыслях.)

О подробностях письма Вашего писать не стану. О здешнем много бы можно написать, но я коротко писать не умею, да и просто — не умею писать писем. Но если спросите что-нибудь, то есть если захотите именно от меня ответа в чем-нибудь, то отвечу, обещаю это. А теперь одно дело: Вы не прочь мне еще писать, как упомянули в Вашем письме. Я это очень ценю и *на Вас рассчитываю*. В Вашем письме меня очень заинтересовало, между прочим, то, что Вы любите детей, много жили с детьми, да и теперь с ними бываете. Ну вот и просьба к Вам, дорогой Владимир Васильевич: я замыслил и скоро начну большой роман, в котором, между другими, будут много участвовать дети и именно малолетние, с 7 до 15 лет примерно.[3] Детей будет выведено много. Я их изучаю и всю жизнь изучал, и очень люблю, и сам их имею. Но наблюдения такого человека, как Вы, для меня (я понимаю это) будут драгоценны. Итак, напишите мне *об детях* то, что сами знаете. И о петербургских детях, звавших Вас дяденькой, и о елизаветградских детях, и *о чем знаете*. (Случаи, привычки, ответы, слова и словечки, черты, семейственность, вера, злодейство и невинность; природа и учитель, латинский язык и проч. и проч. — одним словом, что сами знаете.) [4] Очень мне поможете, очень буду благодарен и буду жадно ждать. Я в Петербурге буду наверное до 15-го мая, после того буду, вероятно (с моими детьми), в Старой Руссе. До 15-го мая адрес мой теперешний.[5]

Посылаю Вам мою фотографическую карточку [6] и еще раз прошу прощения. Хоть и невежлив был с Вами, но люблю Вас.

А теперь до свидания. Верьте моей сердечной искренности и глубочайшему к Вам уважению.

Ваш весь Федор Достоевский.

733. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

24 марта 1878. Петербург

24 марта/78.

Любезный брат Коля, посылаю шесть (6) рублей, более не могу никак. Сами сидим без денег. Теперь не то время, доживаем последнее,[1] а получки почти ниоткуда. Жалею, что болен, я тоже не совсем здоров, да и время слишком располагает к худу.

Выздоровеешь — зайди. До свидания, тороплюсь.

Твой весь Ф. Достоевский.

Анна Гр‹игорьевна› кланяется, дети тебя целуют.

На конверте:

Его высокоблагородию
Николаю Михайловичу
Достоевскому
(со вложением 5 руб. и 1 руб. на руки
Наталье Мартыновне).

На обороте:

Предтеченская улица, дом № 5,
квартира № 12 Егорова

734. Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 марта 1878. Петербург

Петербург. Марта 24/78.

Милостивый государь, Николай Павлович,

О книгах для Керенской библиотеки мною уже давно сделано распоряжение о высылке, и в настоящее время Вы, конечно, всё получили.[1]

Теперь же о рукописи в декабрьском *неподписанном* письме.[2] В «Дневнике» я не ответил ничего, потому что надеялся разыскать Ваш адресс по книге подписчиков (Керенск. штемпель конверта) и переписаться с Вами лично, но за множеством недосуга и нездоровья откладывал день ото дня. Наконец пришло Ваше письмо от 3 марта и всё объяснило. Отвечаю не сейчас потому, что опять стал болен. А потому покорнейше прошу извинить замедление.

Первым делом вопрос: кто этот мыслитель, мысли которого Вы передали? Если можете, то сообщите его настоящее имя.[3] Он слишком заинтересовал меня. По крайней мере, сообщите хоть что-нибудь о нем подробнее как о лице; всё это — если можно.

Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои. Сегодня я прочел их (анонимно) Владимиру Сергеевичу Соловьеву, молодому нашему философу, читающему теперь лекции о религии, — лекции посещаемые чуть не тысячною толпою. Я нарочно ждал его, чтоб ему[а] прочесть Ваше изложение идей мыслителя, так как нашел в его воззрении много сходного. Это нам дало прекрасных *2 часа*. Он глубоко сочувствует мыслителю и почти то же самое хотел читать в следующую лекцию (ему осталось еще 4 лекции из 12).[4] Но вот положительный и твердый вопрос, который я еще в декабре положил Вам сделать:

В изложении идей мыслителя самое существенное, без сомнения, есть — долг воскресенья прежде живших предков, долг, который, если б был восполнен, то остановил бы деторождение и наступило бы то, что обозначено в Евангелии и в Апокалипсисе воскресеньем первым. Но, однако, у Вас, в Вашем изложении, совсем не обозначено: как понимаете Вы это воскресение предков и в какой форме представляете его себе и веруете ему? То есть понимаете ли Вы его как-нибудь мысленно, аллегорически, н<а>прим<ер> как Ренан, понимающий его прояснившимся человеческим сознанием в конце жизни человечества до той степени, что совершенно будет ясно уму тех будущих людей, сколько такой-то, например, предок повлиял на человечество, чем повлиял, как и проч., и до такой степени, что роль всякого прежде жившего человека выяснится совершенно ясно, дела его угадаются (наукой, силою аналогии) — и до такой всё это степени, что мы, разумеется, сознáем и то, насколько все эти прежде бывшие, влияв *на* нас, тем самым и *перевоплотились* каждый в нас, а стало быть, и в тех окончательных людей, всё узнавших и гармонических, которыми закончится человечество.[5]

Или:

Ваш мыслитель прямо и буквально представляет себе, как намекает[б] религия, что воскресение будет реальное, личное, что пропасть, отделяющая нас от душ предков наших, засыплется, победится побежденною смертию, и они воскреснут не в сознании только нашем, не аллегорически, а действительно, лично, реально в телах. (*NB.* Конечно не в теперешних телах, ибо уж одно то, что наступит бессмертие, прекратится брак и рождение детей, свидетельствует, что тела в первом воскресении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, то есть такие, может быть, как Христово тело по воскресении его, до вознесения в Пятидесятницу?) [6]

Ответ на этот вопрос необходим — иначе всё будет непонятно. Предупреждаю, что мы здесь, то есть я и Соловьев, по крайней

[а] *Далее было*: их
[б] *Было начато*: гов<орит>

мере верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле.

Сообщите же, если можете и хотите, многоуважаемый Николай Павлович, как думает обо этом Ваш мыслитель, и, если можете, сообщите подробнее.[7]

А об назначении: чем должна быть народная школа, я, разумеется, с Вами во всем согласен.[8]

Адресс мой прежний: то есть у Греческой церкви, Греческий проспект, дом Струбинского, квартира № 6.

NB. Этот адресс до 15 мая (впрочем, и после можно писать на него, хотя я и уеду, но письма до меня дойдут). —

Глубоко Вас уважающий

Ф. Достоевский.

735. А. П. УМАНЕЦ

24 марта 1878. Петербург

Петербург, 24 марта/78.

Милостивая государыня многоуважаемая Александра Петровна!

Простите ли Вы мне, что отвечаю Вам так поздно? Много было дела, много разных забот, а пуще всего — нездоровье. Во всяком случае прошу — простите. Не лень и не небрежность были причиной замедления.[1]

№, однако, Вам был выслан скоро по получении Вашего письма от 21 января.[2] Но карточку мою, которую Вы желали получить, и ответ мой на привет Ваш замедлились, отчасти и потому, что сам в то время не имел еще карточки и приобрел только лишь недавно.[3]

Позвольте пожелать Вам здоровья и еще долгой жизни. Мне тяжело бы было терять столь сочувствующих мне людей. Позвольте надеяться, что и впредь Вы сохраните всё доброе расположение Ваше ко мне. Ваше письмо в первый раз сказало мне о Вашем существовании, а между тем, смотрите, мы никогда не видались, а уже друзья, встретились в жизни и исполнили божий завет: сошлись, протянули друг другу руки, полюбили друг друга, а когда умрем, то с мыслью, что не чужды были друг другу, повлияли друг на друга и получили кой-что друг от друга.

Верьте, что так бы следовало всем людям жить на земле, но покамест того еще нет, дружатся и роднятся духовно пока лишь одни единицы, а умирают — то оставляют почти всё чужих и не приметивших их существование...

До свидания.

Глубоко уважающий Вас и слуга Ваш

Ф. Достоевский.

736. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

27 марта 1878. Петербург

27/марта 78 г.

Вопрос о четвертом измерении.

(Письмо в редакцию)

М<илостивый> г<осударь>.

Преподаватель механики Осип Николаевич Ливчак, прибывший на днях из Вильно по делу, касающемуся некоторых современных военно-технических вопросов,[1] сообщил мне, между прочим, весьма любопытный документ. Он завязал три узла на нитке, припечатанной по концам печатями, — одним словом, разрешил задачу Цольнера и Следа, касающуюся «четвертого измерения», о которой, как известно, был поднят в последние два месяца довольно любопытный спор в печати и в публике.[2] Я видел даже и документ: нитку, припечатанную к бумаге печатями, с завязанными на ней узлами, а на этой же бумаге и 12 подписей лиц, бывших свидетелями успешного разрешения г-ном Ливчаком хитрой задачи. По крайней мере этим кой-что разъяснится. Мне показалось, что об этом даже нужно сказать хоть два слова в печати, вот почему и адрессую вам это.[3]

Примите, и пр.

Федор Достоевский.

737. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

27 марта 1878. Петербург

Петербург, 27 марта/78.

Милостивая государыня,

На Ваше письмо от 20 февраля[1] отвечаю лишь теперь, через месяц, за недосугом и нездоровьем, а потому весьма прошу Вас не рассердиться.

Вы задаете вопросы, на которые надо писать вместо ответа трактаты, а не письма. Да и вопросы-то разрешаются лишь всею жизнию. Ну что если б я Вам написал хоть 10 листов, но одно какое-нибудь недоумение, которое при устном разговоре могло бы быть тотчас разъяснено, — и вот Вы меня не понимаете, не соглашаетесь со мною и отвергаете все мои 10 листов? Ну разве можно на эти темы говорить между собою людям вовсе незнакомым через переписку. По-моему, совершенно невозможно, а для дела так и вредно.

Из письма Вашего я заключаю, что Вы добрая мать и многим озабочены насчет Вашего подрастающего ребенка. Но к чему Вам разрешение тех вопросов, которые Вы мне прислали, — не могу понять. Вы слишком многим задаетесь и болезненно беспо-

коитесь. Дело может быть ведено гораздо проще. К чему такие задачи: «Что такое *благо*, что нет?». Эти вопросы — вопросы лишь для Вас, как и для всякого *внутреннего* человека, но при воспитании-то Вашего ребенка к чему это? Все, кто способны к *истине*, все те чувствуют своею совестию, что такое благо, а что нет? Будьте добры, и пусть ребенок Ваш поймет, что Вы добры (сам, без подсказывания), и пусть запомнит, что Вы были добры, то, поверьте, Вы исполните пред ним Вашу обязанность на всю его жизнь, потому что Вы *непосредственно* научите его тому, что добро хорошо. И при этом он всю жизнь будет вспоминать Ваш образ с большим почтением, а может быть, и с умилением. И если б Вы сделали много и дурного, то есть по крайней мере легкомысленного, болезненного и даже смешного, то он *несомненно* простит Вам, рано ли, поздно ли в воспоминании о Вас всё Ваше дурное ради хорошего, которое запомнит. Знайте тоже, что более Вы для него ничего и не можете сделать. Да этого и слишком довольно. Воспоминание о *хорошем* у родителей, то есть о добре, о правде, о честности, о сострадании, об отсутствии ложного стыда и по возможности лжи, — всё это из него сделает другого человека рано ли, поздно ли, будьте уверены. Не думайте, по крайней мере, что этого мало. К огромному дереву прививают крошечную ветку, и плоды дерева изменяются.

Ваш ребенок 8 лет: знакомьте его с Евангелием, учите его веровать в бога строго по закону. Это sine qua non,* иначе не будет хорошего человека, а выйдет в самом лучшем случае *страдалец*, а в дурном так и равнодушный *жирный человек*, да и еще того хуже. Лучше Христа ничего не выдумаете, поверьте этому.

Представьте себе, что ребенок Ваш, выросши до 15 или 16 лет, придет к Вам (от дурных товарищей в школе, например) и задаст Вам или своему отцу такой вопрос: «Для чего мне любить Вас и к чему мне ставить это в обязанность?». Поверьте, что тогда Вам никакие знания и вопросы не помогут, да и нечего совсем Вам будет отвечать ему. А потому надо сделать так, чтоб он *и не приходил к Вам* с таким вопросом. А это возможно будет лишь в том случае, если он будет Вас прямо любить, непосредственно, так что и вопрос-то не в состоянии будет зайти ему в голову — разве как-нибудь в школе наберется парадоксальных убеждений; но ведь слишком легко будет разобрать парадокс от правды и на вопрос этот стоит лишь улыбнуться и продолжать ему делать добро.

К тому же, излишне и болезненно заботясь о детях, можно надорвать им нервы и надоесть; просто надоесть им, несмотря на взаимную любовь, а потому нужно страшное чувство меры. В Вас же, кажется, чувства меры, в этом отношении, мало. Вы пишете, наприм<ер>, такую фразу, что, «живя для них (для мужа и сына), жила бы лично эгоистическою жизнью.

---

* непременное условие (*лат.*).

а имеешь ли право на то, когда вокруг тебя люди, нуждающиеся в тебе?». Какая праздная и ненужная мысль. Да кто же Вам мешает жить для людей, будучи женой и матерью? Напротив, именно живя и для других, окружающих, изливая и на них доброту свою и *труд сердца* своего, Вы станете примером светлым ребенку и вдвое милее Вашему мужу. Но если Вам пришел в голову такой вопрос, значит, Вы вообразили, что нужно прилепиться и к мужу, и к ребенку,[2] забыв *весь свет*, то есть без чувства меры. Да Вы этак только надоедите ребенку, даже если б он Вас и любил. Заметьте еще, что Вам может показаться Ваш круг действия малым и что Вы захотите огромного, чуть не мирового круга действия. Но ведь всякий ли имеет право на такие желания? Поверьте, что быть примером хорошего даже и в малом районе действия — страшно полезно, потому что влияет на десятки и сотни людей. Твердое желание не лгать и правдиво жить смутит легкомыслие людей, Вас всегда окружающих, и повлияет на них. Вот Вам и подвиг. И тут можно страшно много сделать. Не ездить же, бросив всё, *за вопросами* в Петербург в Медицинскую Академию или шататься по женским курсам.[3] Я этих вижу здесь каждый день: какая бездарность, я Вам скажу! И даже становятся дурными людьми мало-помалу из хороших. Не видя деятельности подле себя, начинают любить человека по книжке и отвлеченно; любят человечество и презирают единичного несчастного, скучают при встрече с ним и бегают от него.[4]

На вопросы, Вами заданные, решительно не знаю, что сказать, потому что и не понимаю их. Конечно, виноваты в дурном ребенке, в одно и то же время, и дурные его природные наклонности (так как человек несомненно рождается с ними) и воспитатели, которые не сумели или поленились вовремя *овладеть* дурными наклонностями и направить их к хорошему (примером). Во-2-х, на ребенка, как и на взрослого, влияет и большинство среды, в которой он находится, и влияют и отдельные личности до полного овладения им. Никакого тут вопроса нет, и всё это — судя по обстоятельствам (а Вам надо побеждать обстоятельства, так как Вы мать и это Ваш долг, но не мучением, не чувствительностью, не докучанием любовью, а добрым внешним примером). По вопросу же о труде и говорить не хочу. Заправите в добрых чувствах ребенка, и он полюбит труд.[5] Но довольно, написал много, устал, а сказал мало, так что, конечно, Вы меня не поймете.

Примите уверение в моем уважении.

Ваш слуга Федор Достоевский.

Петр Великий мог бы оставаться на жирной и спокойной жизни в Московском дворце, имея $1^1/_2$ мильона государственного доходу, и, однако ж, он всю жизнь проработал, был в *труде* и удивлялся, как это люди могут не трудиться.[6]

738. Л. В. ГРИГОРЬЕВУ

27 марта 1878. Петербург

Петербург.
27 марта 78.

Милостивый государь Леонид Васильевич,

«Дневник» за оба года, надеюсь, уже Вы теперь получили. Он сейчас, после письма [1] Вашего, и был выслан.

Теплое и дружеское напоминание Ваше о прежнем петербургском житье, о наших встречах и о тогдашних людях взволновало меня. Но знаете, чем особенно? Тем, что я *совсем забыл* не только Вас, но и Юрасова, про которого Вы упоминаете в письме Вашем. Не смешали ли Вы меня с моим третьим братом, Николаем Михайловичем? Я должен Вам сказать, что я страдаю падучею болезнию, и она отнимает у меня совершенно память, особенно к некоторым событиям. Верите ли, что я, поминутно, не узнаю в лицо людей, с которыми познакомился всего с месяц назад. Кроме того — я совсем забываю мои собственные сочинения. В эту зиму прочел один мой роман, «Преступление и наказание», который написал 10 лет тому,[2] и более двух третей романа прочел совершенно за новое, незнакомое, как будто и не я писал, до того я успел забыть его. Но всё же, думаю, не настолько же я забывчив, чтоб забыть такого человека, которого посещал (хотя и в 60-м году), у которого встречался с людьми, то есть Юрасова например.[3] Никакого Юрасова я теперь не могу припомнить. Повторяю, нет ли с Вашей стороны ошибки?

Но всё равно, из письма Вашего вижу, что Вы всё же *знакомы* со мной и знаете меня.

Что же до прежних, тогдашних людей, шедших тогда с новым словом, то они несомненно сделали свое дело и отжили свой век.[4] Несомненно тоже, что идут (и скоро придут) новые люди, так что горевать и тосковать нечего. Будем достойными, чтоб встретить их и узнать их. Вы с Вашим умом и сердцем, конечно, не отвергнете их, не пропустите их мимо. Огромное теперь время для России, и дожили мы до любопытнейшей точки. . .

Рад бы прислать Вам карточку мою, если б сам имел, чтоб Вы могли увидав сличить: ошиблись Вы или нет? Но сам не имею карточки, все роздал и очень досадую, что не могу Вам выслать.

Позвольте пожать Вам искренно руку.

Ваш покорный слуга
Федор Достоевский.

739. Ф. Ф. РАДЕЦКОМУ

16 апреля 1878. Петербург

Дорогой нам, всем русским, генерал
и незабвенный старый товарищ
Федор Федорович,

Может быть, Вы меня и не помните, как старого товарища в Главном инженерном училище. Вы были во 2-м кондукторском классе, когда я поступил, по экзамену, в третий; [1] но я припоминаю Вас портупей-юнкером, как будто и не было тридцати пяти лет промежутка.[2] Когда, в прошлом году, начались Ваши подвиги, наконец-то объявившие Ваше имя всей России, мы здесь, прежние Ваши товарищи (иные, как я, давно уже оставившие военную службу), — следили за Вашими делами, как за чем-то нам родным, как будто до нас, не как русских только, но и лично, касавшимся.[3] — Раз встретившись нынешней зимой с многоуважаемым Александром Ивановичем [4] и заговорив о войне, мы с восторгом вспомянули о Вас и о победах Ваших.[5] Александр Иванович, услышав от меня, что я хотел бы Вам написать, стал горячо настаивать, чтоб я не оставлял намерения. И вот вдруг оказывается, что Вы, дорогой нам всем русский человек, тоже нас помните. Глубоко благодарим Вас за это.[6] Здесь мы трепещем от страха, чем и как закончится война, — трепещем перед «европеизмом» нашим.[7] Одна надежда на государя да вот на таких, как Вы.

Дай же Вам бог всего лучшего и успешного. С моей стороны посылаю Вам горячий русский привет и глубокий поклон. Теперь у нас светлый праздник: Христос воскресе! И да воскреснет к жизни труждающееся и обремененное великое Славянское племя усилиями таких, как Вы, исполнителей всеобщего и великого русского дела.

А вместе с тем да вступит и наш русский «европеизм» на новую, светлую и православную Христову дорогу. И бесспорно, что самая лучшая часть России теперь с Вами, там, за Балканами. Воротясь домой со славою, она принесет с Востока и новый свет. Так многие здесь теперь верят и ожидают.

Примите, многоуважаемый Федор Федорович, этот привет и глубокий поклон мой как сердечное и искреннее выражение чувств от старого товарища и от благодарного русского

покорнейшего слуги Вашего

Федора Достоевского.

Петербург.
16 апреля/78 год.

740. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Около 17—18 апреля 1878. Петербург

Любезнейший брат Коля,

Денег имею менее, чем когда-либо, а потому посылаю влагаемые 3 руб. (а 40 к. Наталье Мартыновне в руки). Больше. к чрезвычайному моему горю, не могу дать, и дома остаюсь с суммой меньшей, чем тебе даю. А потому извини и не сердись. Пришли еще раз на неделе (в конце около пятницы), и. может. будут, но опять немного. Да и во всяком случае получу о тебе известие, если пришлешь. Итак, пришли. Да пришли тоже те *какие-то* бумаги или документы нашей няни Прохоровны.[1] которые ты взял для написания какой-то просьбы или не знаю уж что. Эти бумажонки *до крайности* теперь нужны. Сделай же милость. и с просьбой, если возможно. А то так и так.

Жена кланяется. Дети целуют тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

741. А. И. САВЕЛЬЕВУ

18 апреля 1878. Петербург

Милостивый государь,
многоуважаемый Александр Иванович,

Письмецо это приготовляю заране, на всякий случай, то есть ввиду того, что могу не застать Вас дома. Прилагаю при сем и письмо к многоуважаемому Федору Федоровичу.[1] А за сим Христос воскресе, желаю Вам всего лучшего среди нашего хлопотливого времени. Примите уверения в искреннейшем моем уважении и привязанности.

Ваш покорный слуга

Федор Достоевский.

Петербург/18 апреля.

742. СТУДЕНТАМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

18 апреля 1878. Петербург

Петербург, 18 апреля 1878 г.

Многоуважаемые г-да, писавшие мне студенты.

Простите. что так долго не отвечал вам; кроме действительного нездоровья моего, были и еще обстоятельства замедления. Я хотел было отвечать печатно в газетах; но вдруг вышло, что

это невозможно, *по не зависящим от меня обстоятельствам*, по крайней мере невозможно ответить в должной полноте.[1] Во-вторых. если б отвечать вам лишь письменно, то, думал я. что же я вам отвечу? Ваши вопросы захватывают *всё*, решительно *всё* современное внутреннее России; итак, целую книгу писать, что ли — всё profession de foi? *

Решился, наконец, написать это маленькое письмецо, рискуя быть в высшей степени вами непонятым, а это было бы очень мне неприятно.

Вы пишете мне: «всего нужнее для нас — разрешить вопрос. насколько мы сами, студенты, виноваты, какие выводы о нас из этого происшествия может сделать общество и мы сами?».[2]

Далее вы очень тонко и верно подметили существеннейшие черты отношения русской современной прессы к молодежи:

«В нашей прессе явно господствует какой-то *предупреждающий* тон снисходительного извинения (к вам то есть)». Это очень верно: именно *предупреждающий*, заготовленный заранее, на все случаи, по известному шаблону, и в высшей степени оказенившийся и износившийся.

И далее вы пишете: «очевидно, нам нечего ожидать от этих людей, которые сами ничего от нас не ожидают и отворачиваются, высказав свое бесповоротное суждение „диким народам“».

Это совершенно верно, именно *отворачиваются*, да и дела им (большинству по крайней мере) нет до вас никакого. Но есть люди, и их немало, и в прессе, и в обществе, которые убиты мыслью, что молодежь отшатнулась *от народа* (это главное и прежде всего) и потом, то есть теперь, и от общества. Потому что это так. Живет мечтательно и отвлеченно, следуя чужим учениям, ничего не хочет знать в России, а стремится учить ее сама. А, наконец, теперь *несомненно*, попала в руки какой-то совершенно внешней политической руководящей партии, которой до молодежи уж ровно никакого нет дела и которая употребляет ее, как материал и Панургово стадо,[3] для своих внешних и особенных целей. Не думайте отрицать это, господа; это так.

Вы спрашиваете, господа: «насколько вы сами, студенты. виноваты?». Вот мой ответ: по-моему, вы ничем не виноваты. Вы лишь дети этого же «общества», которое вы теперь оставляете и которое есть «ложь со всех сторон». Но, отрываясь от него и оставляя его, наш студент уходит не к народу, а куда-то за границу, в «европеизм», в отвлеченное царство небывалого никогда общечеловека, и таким образом разрывает и с народом, презирая его и не узнавая его, как истинный сын того общества, от которого тоже оторвался. А между тем в народе всё наше спасение (но это длинная тема)... Разрыв же с народом тоже не может быть строго поставлен в вину молодежи. Где же ей было, раньше жизни. *додуматься до народа!* [4]

---

* исповедание веры (*франц.*).

А между тем всего хуже то, что народ уже увидел и заметил разрыв с ним интеллигентной молодежи русской, и худшее тут то, что уже назвал отмеченных им молодых людей *студентами*. Он давно их стал отмечать, еще в начале шестидесятых годов: затем все эти хождения *в народ* произвели в народе лишь отвращение.[5] «Барчонки», говорит народ (это название я знаю. я гарантирую его вам, он так назвал).[6] А между тем ведь в сущности тут есть ошибка и со стороны народа; потому что никогда еще не было у нас, в нашей русской жизни, такой эпохи, когда бы молодежь (как бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной) в большинстве своем огромном была более, как теперь, искреннею, более чистою сердцем, более жаждущею истины и правды, более готовою пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды. Подлинно великая надежда России! Я это давно уже чувствую, и давно уже стал писать об этом.[7] И вдруг что же выходит? Это слово правды, которого жаждет молодежь, она ищет бог знает где, в удивительных местах (и опять-таки в этом совпадая с породившим ее и прогнившим европейским русским обществом), а не в народе, не в Земле. Кончается тем, что к данному сроку и молодежь, и общество *не узнают народ*. Вместо того, чтобы жить его жизнью, молодые люди, ничего в нем не зная, напротив, глубоко презирая его основы, например веру, идут в народ — не учиться народу, а учить его, свысока учить. с презрением к нему — чисто аристократическая, барская затея! «Барчонки», говорит народ — и прав. Странное дело: всегда и везде, во всем мире, демократы бывали за народ; лишь у нас русский наш интеллигентный демократизм соединился с аристократами против народа: они идут в народ, «чтобы сделать ему добро», и презирают все его обычаи и его основы.[8] Презрение не ведет к любви!

Прошлую зиму, в Казанскую историю нашу, толпа молодежи оскорбляет храм народный, курит в нем папироски, возбуждает скандал. «Послушайте, — сказал бы я этим казанским (да и сказал некоторым в глаза), — вы в бога не веруете, это ваше дело, но зачем же вы народ-то оскорбляете, оскорбляя храм его?»[9] И народ назвал их еще раз «барчонками», а хуже того — отметил их именем «студент», хотя тут много было каких-то евреев и армян (демонстрация, доказано, политическая, извне). Так, после дела Засулич народ у нас опять назвал уличных револьверщиков студентами.[10] Это скверно, хотя тут, несомненно, были и студенты. Скверно то, что народ их уже отмечает, что начались ненависть и разлад. И вот и вы сами, господа, называете московский народ «мясниками» вместе со всей интеллигентной прессой. Что же это такое? Почему мясники не народ? Это народ, настоящий народ, мясник был и Минин. Негодование возбуждается лишь от того способа, которым проявил себя народ. Но, знаете, господа, если народ оскорблен, то он всегда проявляет себя так.

Он неотесан, он мужик. Собственно, тут было разрешение недоразумения, но уже старинного и накопившегося (чего не замечали) между народом и обществом, то есть самою горячею и скорою па решение его частью — молодежью. Дело вышло слишком некрасивое, и далеко не так правильно, как бы следовало выйти, ибо кулаками никогда ничего не докажешь. Но так бывало всегда и везде, во всем мире, *у народа*. Английский народ на митингах весьма часто пускает в ход кулаки против противников своих, а во французскую революцию народ ревел от радости и плясал перед гильотиной во время ее *деятельности*. Всё это, разумеется, пакостно. Но факт тот, что народ (народ, а не одни мясники, нечего утешать себя тем или другим словцом) восстал против молодежи и уже отметил студентов; а с другой стороны, беда в том (и знаменательно то), что пресса, общество и молодежь соединились вместе, чтобы не узнать народа: это, дескать, не народ, это чернь.[11]

Господа, если в моих словах есть что-нибудь с вами не согласное, то лучше сделаете, если не будете сердиться. Тоски и без того много. В прогнившем обществе — ложь *со всех* сторон. Само себя оно сдержать не может. Тверд и могуч лишь народ, но с народом разлад за эти два года объявился страшный. Наши сентименталисты, освобождая народ от крепостного состояния, с умилением думали, что он так сейчас и войдет в ихнюю европейскую ложь, в просвещение, как они называли. Но народ оказался самостоятельным и, главное, начинает *сознательно* понимать ложь верхнего слоя русской жизни. События последних двух лет много озарили и вновь укрепили его.[12] Но он различает, кроме врагов, и друзей своих. Явились грустные, мучительные факты: искренняя честнейшая молодежь, желая правды, пошла было к народу, чтобы облегчить его муки, и что же? народ ее прогоняет от себя и не признает ее честных усилий. Потому что эта молодежь принимает народ не за то, что он есть, ненавидит и презирает его основы и несет ему лекарства, на его взгляд, дикие и бессмысленные.[13]

У нас здесь в Петербурге черт знает что. В молодежи проповедь револьверов и убеждение, что их боится правительство.[14] Народ же они, по-прежнему презирая, считают ни во что и не замечают, что народ-то, по крайней мере, *не* боится их и никогда не потеряет голову. Ну что, если произойдут дальнейшие столкновения? Мы живем в мучительное время, господа!

Господа, я написал вам *что мог*. По крайней мере отвечаю прямо, хотя и неполно, на вопрос ваш: по-моему, студенты не виноваты, напротив, никогда молодежь наша не была искреннее и честнее (что не малый факт, а удивительный, великий, исторический). Но в том беда, что молодежь несет на себе ложь всех двух веков нашей истории. *Не в силах*, стало быть, она разобрать дело в полноте, и винить ее нельзя, тем более, когда она сама очутилась пристрастной (и уже обиженной) участницей дела.

Но хоть и *не в силах*, а блажен тот и блаженны те, которым даже и теперь удастся найти правую дорогу![15] Разрыв с средой должен быть гораздо сильнее, чем, например, разрыв по социалистическому учению будущего общества с теперешним. Сильнее, ибо, чтобы пойти к народу и остаться с ним, надо прежде всего *разучиться презирать его*, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества в отношениях его с народом. Во-вторых, надо, например, уверовать и в бога, а это уж окончательно для нашего европеизма невозможно (хотя в Европе и верят в бога).

Кланяюсь вам, господа, и, если позволите, жму вам руку. Если хотите мне сделать большое удовольствие, то, ради бога, не сочтите меня за какого-то учителя и проповедника свысока. Вы меня вызывали сказать правду от сердца и совести; я и сказал правду, как думал и как в силах думать. Ведь никто не может сделать больше своих сил и способностей.

Ваш весь Федор Достоевский.

743. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

21—22 апреля 1878. Петербург

Любезный брат, поздно присылаешь, еду, еще 2 минуты — не застал бы дома. Хотел бы написать, не могу. Посылаю 4 руб. Паспорт[1] вовсе надобен был не по сомнению в его безопасности, а потому, что его надо доставить Философовой, иначе она *не поедет* хлопотать о богадельне, а время уходит, вакансию в богадельне у Погреба займут.

Когда я сказал Наталье Мартыновне, что поздно пришла, она обиделась и бросилась уходить. Отчего, господи, один я на свете ни на кого не обижаюсь, а есть ли человек, который бы меня не задел.

Обнимаю тебя и целую, заходи, у меня ревматизм, ноет рука. Беда, опоздал.

Тв<ой> Ф. Достоевский.

На конверте:

Его высокородию Николаю Михайловичу Достоевскому.

744. А. Д. ВОЕВОДИНУ

24 апреля 1878. Петербург

24 апреля.

Милостивый государь Александр Дмитриевич,

Вы, вероятно, совершенно поймете, что на письмо Ваше от 16 марта мне трудно было отвечать тотчас, так как надо было познакомиться с Вашей рукописью.[1] Но познакомиться я сейчас

не мог за неимением времени и здоровья не только для чужих, но и для собственных своих дел, самых необходимейших.

Кроме того, должен сообщить Вам, что в письме Вашем было для меня довольно много непонятного. Вы пишете: «отвечайте категорически: да или нет» и тут же прибавляете: «мне терять нечего». Но на что же отвечать? На Вашу тему о самоубийстве? [2] Но не думаю, чтоб Вы предполагали получить от меня ответ в письме. Писать на эти темы письма совсем невозможно, тем более, что я не знаю Вас лично и не знаю Ваших мыслей. По тетради же Вашей очень трудно составить о Вас какое-нибудь понятие. Можно заключить, что Вы человек впечатлительный, любящий искусство, интересующийся современными темами. Но это мало. К тому же я хоть и прочел более половины Вашей тетради, но в ней такой беспорядок и так она интимно (то есть для Вас одного) написана, что, признаюсь, она задала мне много труда, а объяснений мало дала.

Относится ли наконец Ваш вопрос: «да или нет» до «Записок гимназиста»? Но я едва разыскал эту рубрику и, признаюсь, не совсем понял, что это такое? Действительно ли бывшие письма или повесть? И наконец, Вы пишете, что у Вас есть 100 страниц. Где же эти 100 страниц? Одним словом, повторяю, я совсем спутался.[3]

Если благоволите зайти ко мне сами, то я вернее всего бываю дома или от 2-х до 3-х утра или от 8 до 9 вечера. Может быть, тогда что-нибудь и объясните.[4]

Позвольте Вас поблагодарить за личное Ваше ко мне расположение, и верьте, что умею оценить.

Всегда готовый к услугам Вам

Федор Достоевский.

745. Э. АБУ

2 (14) апреля 1878 г. Петербург

Saint-Pétersbourg, 14 avril 1878.

Monsieur le Président,

Vous me faîtes grand honneur en m'invitant au Congrès Littéraire international, dont nos confrères de Paris ont pris l'initiative.

Le but que vous vous proposez touche de trop près aux intérêts des lettres, pour que je ne me fasse pas une obligation de répondre à votre appel.[1] Il y a, en outre, pour moi un attrait tout particulier dans cette solennité littéraire, qui doit s'ouvrir sous la présidence de Victor Hugo, le grand poète dont le génie a exercé sur moi, dès mon enfance, une si puissante influence.[2]

Je dois prévoir toutefois, que ma santé peut me créer des difficultés. Il m'est indispensable de faire une saison d'eaux, et je ne

sais rien encore ni du lieu ni de l'époque que les médecins prescriront.

Je ferai tous mes efforts pour concilier cette nécessité avec mon vif désir de prendre part au Congrès. Mais, ne disposant pas de mon entière liberté d'action, je dois vous en informer, pour qu'en présence de cette incertitude vous décidiez s'il convient ou non de m'adresser une carte de délégué.[3]

Veuiller agréer, Monsieur le Président. l'expression de mes sentiments de haute considération.

Théodore Dostoiewsky.*

С.-Петербург. 14 апреля 1878

* Господин президент,

Вы оказываете мне великую честь своим приглашением на международный литературный конгресс, устраиваемый по инициативе наших парижских собратьев.

Выдвигаемая Вами цель слишком близка интересам литературы, чтобы я не счел себя обязанным ответить на Ваш зов.[1]

Помимо этого, лично меня особенно влечет к этому литературному торжеству то, что оно должно открываться под председательством Виктора Гюго, поэта, чей гений оказывал на меня с детства такое мощное влияние.[2]

Я должен предусмотреть тем не менее, что состояние моего здоровья может создать для меня затруднения. Мне необходимо пройти курс лечения на водах, и я пока еще ничего не знаю о месте и времени, которые предпишут мне мои врачи.

Я напрягу все усилия, чтоб согласовать эту необходимость с моим живейшим желанием принять участие в конгрессе. Но, не располагая полной свободой действий, я вынужден известить Вас об этом, чтобы Вы решили ввиду этой неопределенности, надлежит ли посылать мне билет делегата.[3]

Благоволите принять, господин президент, выражение чувств высокого уважения к Вам.

Федор Достоевский (*франц.*).

746. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

27 апреля 1878. Петербург

Многоуважаемая Анна Павловна,

К чрезвычайному несчастью, у меня субботний вечер уже обещан, и даже в два места, и я, не зная как поступить, хочу быть в обоих местах, если только удастся.[1] Ваше же приглашение выходит третье, и я, *на этот раз*, поневоле должен отказаться, чтоб не оскорбить тех. Но если бы это было отложено или как-нибудь повторилось впоследствии, то я с удовольствием, хотя бы и пришлось сидеть на скамейках.[2] В некоторых случаях я вовсе не белоручка. Благодарю за бумажку няни, которую получил.[3]

Жму Вашу руку и остаюсь Ваш весь

Фед<ор> Достоевский.

27 апр<еля> 78.

747. И. Н. ЛИВЧАКУ

6 мая 1878. Петербург

Петербург 6 мая/78

Милостивый государь,

многоуважаемый Иосиф Николаевич,

Я с чрезвычайным удивлением прочел письмо Ваше. Вы пишете, во-1-х: «*Вам вероятно известно*, что моему военно-техническому проекту, с которым я специально приехал перед пасхой в Петербург,[1] не суждено было и по нынешний день удостоиться какого бы то ни было внимания со стороны правительства». Но позвольте, почему же мне это известно? Вы изволили заехать ко мне раз, и после того я *ни разу* не видал Вас и (само собою) ничего не слыхал об Вас. И вот вдруг Вы избираете меня «*докладчиком*» по Вашему делу у его высочества и прибавляете странные строки: «Одним словом, я *вполне* уверен, что Вы, в настоящем случае, как нельзя более подходите к той роли, которую *навязывает* Вам *как бы сама судьба*»...

Это ужасные слова, Иосиф Николаевич: *СУДЬБА* (!) навязывает на меня такую страшную обузу, а между тем кто я и что я? Я больной человек, которого доктора гонят из Петербурга, чтоб начать пить воды, да, кроме того, я, обремененный семейством, необходимо должен нынешним летом лечить детей на водах в Старой Руссе. Наконец, я живу своим трудом, и у меня есть свои родные, заветные мечты и намерения. Я, например, теперь затеял свой труд и. летом же, несмотря на лечение (потому что у меня нет отдыха), намерен и должен приступить к труду моему.[2] И вот я всё это бросай: «Сама, дескать, судьба назначает меня», потому что я, по Вашему взгляду, в настоящем случае «*как нельзя более подхожу к той роли, которую навязывает мне эта судьба*». И вот я бросай детей, труд свой, забудь свое здоровье, облекайся во фрак и гоняйся за аудиенцией у е<го> в<еличества> в Кронштадте, в Свеаборге,[3] хлопочи, излагай, докладывай. Мало того: Вы *дозволяете* мне наконец вскрыть Ваш пакет, познакомиться с Вашим изобретением с обязанностию «*проштудировать*» его и. наконец, придумать, создать особую форму изложения проекта[a] (особенно нравится мне тут Ваше словцо: «*докладчик*», которым Вы облекаете будущую роль, предназначенную мне судьбой) и — о ужас — добиваться аудиенций и отстаивать проект, разумеется, и в той дальнейшей комиссии, куда перешлет его, без сомнения, его высочество, и т. д. и т. д.

Без сомнения, меня, слабого, немощного, вечно обремененного болезнями и обязанностями человека, мог бы подвигнуть патрио-

---

[a] *Далее было*: (так как вы сами этими мелочами не занимаетесь, а только изобретаете, и мы, докладчики Ваши, должны уже всё это представлять).

тизм и вынудить от меня готовность на такие огромные труды и на обязанности уже высшие, чем к детям, к семейству или к собственному делу.[4] Но ведь этот патриотизм может явиться, согласитесь сами, лишь в том случае, если я буду *убежден* в том, что Ваш проект есть именно всё, что надо, и что Англия будет им (и только им) побеждена.[5] Но ведь я, пока, не имею убеждения полного об истине Вашего проекта. Кроме того, если б я и познакомился с ним, то, по недостатку технических знаний, ни за что не мог бы решить сам: «Истина ли это или нет?». А посему, оставаясь в таком неразрешенном положении, я, конечно, не могу вполне верить, а стало быть, не могу для того дела, в которое и сам не уверовал, иметь настолько патриотизма, чтобы взять на себя такие жертвы, труды и заботы. Да еще под какою ответственностью! Чуть лишь не удастся проект, и вот от Вас наверно услышу обвинение[б]: «Сгубил мою мысль, не сумел доложить!» и т. д. и т. д. Да то ли еще? А вдруг Вы заподозрите, что кто-нибудь воспользовался Вашим проектом (уже потом), и вот опять обвинение: «Тайну не хранил», и проч. и проч.

Теперь вникните серьезно. Мне, обсуждая всю эту странность, то есть странность Вашего письма и предложения, приходит на ум, что Вы были подвигнуты каким-нибудь посторонним влиянием. Нельзя же предположить, что Вы, даже не удостоивший перед Вашим отъездом из Петербурга заехать ко мне и известить меня о своих делах, вдруг назначаете меня исполнителем, *докладчиком* Вашим с прибавлением, что это *определение самой судьбы!* Не уверила ли Вас Варвара Ивановна Прибыткова в том, что я сию же минуту готов служить, бросить всё свое и лететь по Вашему делу, куда прикажут? Признаюсь, я даже уверен, что тут могло быть нечто с ее стороны.[6] Многие женщины любят обещать, покровительствовать, ходатайствовать — и вот она Вас уверила и обо мне: «Он, дескать, у меня в кармане». Но уверяю Вас, что с этой дамой я знаком лишь самым отдаленным образом и что никогда ничего она не сообщала мне об Ваших делах. За три лишь дня до получения мною письма Вашего она вдруг явилась ко мне с странным предложением вскрыть какой-то ящик и Ваш пакет — для чего, я не понял, чтоб быть каким-то свидетелем чего-то и почему-то. Я, разумеется, понял что она что-то хочет свалить на меня и на мою ответственность, и *отказался наотрез*, поняв, в какой степени могу отвечать за это вскрытие. Вот всё, что было. *Ничего я никогда ей не обещал, ничего сам от нее не слыхал*, так что всё это свалилось на меня как с неба.

Во всяком случае, уведомляю Вас, что я даже и по физической одной невозможности не мог бы служить Вам, потому что на днях выезжаю из Петербурга до осени, покамест *в Старую Руссу*.

[б] *Было начато:* вопль

А теперь —

Примите уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

Ф. Достоевский.

P. S. Ради бога, извините за помарки, не сочтите за небрежность. Не умею писать без помарок.

Д<остоевский>.

748. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

8 мая 1878. Петербург

8 мая/78.

Многоуважаемая Анна Павловна,

Благодарю за книги, но книгу Флеровского[1] отсылаю Вам обратно. Дело в том, что, много, через неделю выезжаю из Петербурга,[2] теперь же занят с утра до ночи и ночью всем тем, что надо закончить перед отъездом. Днем же на всю неделю у меня часы распределены тоже по разным разъездам, а потому читать здесь, в Петербурге, я уже ничего не могу и не буду, а стало быть выходит, что надо Вам возвратить Флеровского, так как Вы этой книгой дорожите. Тэна же возьму с собою до сентября (если же и эта книга Вам нужна, то дайте знать и я Вам возвращу ее до отъезда).[3] Впрочем, я наверно и сам к Вам заеду проститься. Итак, благодарю за книги.

Что же до технолога, то тут какое-то мошенничество. Этот господин зашел ко мне на днях (первый раз в жизни). Фамилья его Хаецкий (так он назвался). То же говорил мне, что и Вам (о купцах), тоже уверял, что не ел сутки, тоже указывал на свое платье. Просил *на хлеб*. Я дал ему три рубля и теперь почти жалею, ясно вижу, что это *промышленник*. Это потому, что никогда я его *не посылал к Вам*, ни одного слова не сказал про Вас, даже имени не упомянул (и в мыслях не было посылать его к Вам!). И вдруг он Вам мелет такую неправду. Ясное дело, что он от кого-нибудь и где-нибудь узнал о том, что я с Вами знаком, и воспользовался моим именем для рекомендации, чтоб выманить и у Вас. (Моим именем и прежде некоторые пользовались, являясь к другим, будто я их послал, и тем очень меня компрометировали, по редакциям например). Итак, это явно мошенник. Прошу Вас не принимать его. Я же еще раз уверяю и *даю слово*, что не посылал его к Вам и не упоминал о Вас *совсем* в разговоре с ним ни прямо ни намеком.

Что он технолог — это может быть, но что он мошенник — это несомненно. Да не шпион ли он?[4]

А засим до свидания. Благодарю и жму Вашу руку.

Ваш Достоевский.

Итак, если Тэн очень нужен, черкните мне, я к Вам завезу.

749. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 мая 1878. Петербург

Вторник 16 мая/78

Дорогой и любезный брат Николай Михайлович, сегодня скончался у нас Алеша,[1] от внезапного припадка падучей болезни, которой прежде и не бывало у него.[2] Вчера еще веселился, бегал, пел, а сегодня на столе. Начался припадок в 1/2 10-го утра, а в 1/2 третьего Лешечка помер. Хороним в четверг 18-го на Большом Охтенском кладбище. До свидания, Коля, пожалей о Леше, ты его часто ласкал (помнишь представлял пьяного: Ванька дуляк?) Грустно, как никогда.

Все плачем.

Твой брат Ф. Достоевский.

P. S. Не знаешь ли, где живет Федор Михайлович?[3] Надо бы его известить.

На конверте:

Здесь.
Его высокоблагородию
Николаю Михайловичу Достоевскому
На Петербургской стороне, по Большому проспекту,
в доме г-жи Шевяковой, дом № 69

750. П. А. ИСАЕВУ

16 мая 1878. Петербург

Вторник, 16 мая/78.

Милый Павел Александрович,

Сегодня скончался у нас Алеша, от внезапного, никогда не бывавшего до сих пор припадка падучей болезни. Еще утром сегодня был весел, спал хорошо. В 1/2 10-го ударил припадок, а в 1/2 третьего Леша был уже мертв.[1] Хоронить будем на Большеохтенском кладбище в четверг, 18-го мая. Пожалей моего Лешу, Паша. Дай бог здоровья твоим деткам.[2] Кланяйся супруге.[3]

Твой всегдашний Ф. Достоевский.

751. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

20—21 июня 1878. Москва

Москва. Вторник. 20 июня, вечером.

Здравствуй, милая Аня. Как твое здоровье — это главное. Здоровы ли Федя и Лиля? Смотри за ними, ради Христа. — А теперь опишу тебе лишь самое главное, без больших подробностей, которые доскажутся при свидании. Дорогой я устал ужасно, так что и теперь еще невмочь, да сверх того схватил такой кашель

в вагоне (всё сквозной ветер), какого почти и не запомню. Приехали в Москву в 12-м часу вечера. Нанял в «Victori'ю» на Страстном бульв<аре>. — Везет меня извозчик, я и спрашиваю его: Хорошая это гостиница? — Нет, сударь, нехорошая. — Резкий и твердый ответ удивил меня. — Чем же нехорошая? — Да там ни один порядочный гость не остановится никогда. — Как так? — А так что только для виду. Там никто никогда не остановится, разве самый незнающий. Эти номера, как в банях. Как ночь, так с Страстного бульвара кавалеры девок водят, на час времени и занимают. Все знают, и скандалы бывают. — Я спросил, какая же гостиница лучше. Он мне очень расхвалил «Европу», против Малого театра (тоже очень недалеко от Страстного бульвара). Я и велел ехать в «Европу».[1] Действительно, стоят все семействами и видимо почтенные люди. Мне дали номер в 2 р. 50 к., дороговько и в третьем этаже, но лезть в 4-й этаж показалось мне тяжело, и я занял. Всю ночь напролет не спал, мучаясь удушливым, разрывным кашлем. Встал в 10 часов утра, кашель кончился (теперь вечером опять подымается). В 1-м часу поехал к Каткову и застал его в Редакции. (Он живет на даче и только наезжает.) Катков принял меня задушевно, хотя и довольно *осторожно*. Стали говорить об общих делах, и вдруг поднялась страшная гроза. Думаю: заговорить о моем деле, он откажет, а гроза не пройдет, придется сидеть отказанному и оплеванному, пока не пройдет ливень.[2] Однако принужден был заговорить. Выразил всё *прямо и просто*. При первых словах о желании участвовать лицо его прояснилось, но только что я сказал о 300 рублях за лист и о сумме вперед, то его как будто передернуло. — Видите ли что, сказал он мне, — мы всего только на прошлой неделе совещались общим советом: продолжать ли вести «Русский вестник» или закрыть его на будущий год, потому что я сам, по нездоровью, не в силах наблюдать за обоими изданиями («Моск<овскими> вед<омостями>» и «Р<усским> в<естником>»), а потому позвольте мне подумать, что вам ответить, так как придется решиться опять продолжать журнал и значительно на него затратить. Узнав же, что я всего в Москве на 3, на 4 дня, обещал мне дать ответ завтра, в среду, 21 числа, для чего и просил меня заехать к нему в Редакцию в 2 часа пополудни.

Я теперь, в 10 часов вечера, во вторник, 20-го, сижу и думаю, что завтра он мне *несомненно откажет*. Если же не откажет, то будет хлопотать на сильной сбавке с 300 р. Письмо это пошлю тебе завтра, 23,[a] после того как увижусь с Катковым, и потому оставляю на завтра Post Scriptum, из которого разом всё и узнаешь.

Ливень прошел на минутку, и между 1-м и 2-м ливнем я успел проехать к сестре Варе, у которой и выждал перемены погоды почти до 5 часов. Возвратясь в гостиницу, пообедал и в 7-м часу

---

[a] *Описка, нужно*: 21

отправился в Нескучный сад к Соловьеву. (Извозчик туда и назад 2 руб.) Соловьева застал, очень странный, угрюмый и поношенный.[3] Я ему рассказал тоже откровенно. Он очень удивился, что Лавров (и еще другой кто-то) у меня не были. Теперь он не знает, где Лавров (но не в Москве). А Юрьев в другой губернии в деревне. Тем не менее желание их приобресть мой роман — верное, и люди состоятельные. Итак, с ними теперь ни видеться, ни списаться нельзя, а разве только состоится их предложение мне в сентябре.[4] Но думаю, что тогда и еще кое-кто предложит. Во всяком случае, возвратясь в Старую Руссу, примусь работать. Но если откажет Катков, то придется жить, примерно до октября, бог знает чем.

С Соловьевым решили ехать в Оптину Пустынь в пятницу (Калужской губер‹нии› на границе Тульской, Козельского уезда).[5] Завтра Соловьев ко мне придет в гостиницу в 5 часов пополудни.

У книгопродавцев не был, буду завтра.[6] У Елены Павл‹овны› еще не был, тоже завтра. До свиданья, Аня, обнимаю тебя. Завтра Post Scriptum, решающий в нашей участи многое. Устал ужасно. Поцелуй детей, скажи, что папа целует. Поцелуй и Ваню.[7] Поклон Анне Николаевне. Очень жутко за детей. Целую тебя очень. Итак, до P. Scriptum'a (Москва, Гостиница «Европа», против Малого театра, занимаю № 21-й).

Среда *11 часов утра* (21 июня).

Post Scriptum.

Новости: сейчас ко мне Катков прислал из Редакции рассыльного с извинением, что сегодня он дать мне ответа *не может*, потому что, по встретившимся внезапно обстоятельствам, должен немедленно съездить в деревню (рассыльный выразился: в именье), а потому и просил меня побывать у себя завтра, в четверг, 22, то есть прийти в Редакцию, где и получу от него ответ. Он, стало быть, завтра воротится.

Не вижу изо всего этого ничего для себя доброго. Ничего. До свидания, голубчик. Завтра напишу о результате и отправлю к тебе вечером. А теперь отправляю это письмо. Сегодня обойду книгопродавцев. ‹*2 строки нрзб.*›[a] Детей целую.

Твой Ф. Достоевский.

NB. Ночью спал опять всего 4 часа. Нервы расстроены ужасно. Желудок тоже.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губ‹ернии›)
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.
По Перерытице, дом бывший Гриббе

[a] *Эти строчки, как и другие места, не поддающиеся прочтению, густо зачеркнуты А. Г. Достоевской.*

752. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

22 июня 1878. Москва

Москва, четверг, 22 июня.

Милая Аня, пишу тебе совсем наскоро, столько дела, беготни и проч., что совсем спутался и времени ни минуты. Получил сейчас от тебя письмо: позволь попенять на краткость, могла бы хоть капельку распространиться. Любочку расцелуй, да уж и Федю тоже. Сегодня был у Каткова и не знаю, как тебе и написать. Надо пересказать, потому что очень длинно, а на письме не упишешь. Короче, он рад, деньги вперед, 300 р. и проч. — за это ничуть не стоят, а меж тем всё еще не решено, будет ли мой роман в «Р<усском> в<естни>ке», и даже будет ли еще и сам «Р<усский> в<естни>к». *В октябре* решится, и я обещал приехать в Москву.[1] Деньги же Катков не только даст, но и *особенно просил* меня взять вперед: то есть 2 000 теперь, 2 000 в октябре (или в конце сентября и проч.). Одним словом, *всё расскажу на словах при свидании*. От денег же я *не отказался*, и тебе в Петербург *незачем* будет ехать.

У книгопродавцев был у всех, всё расскажу при свидании, но получил лишь от Преснова (7 руб.). Да от Васильева пока 50 руб., а перед отъездом моим доставит полный счет. И про это всё расскажу при свидании.

Был у Аксакова, встретил Пуцыковича. Очень всё интересно, но всё при свидании.[2] Завтра утром поеду с Соловьевым в Оптину пустынь. Во вторник буду в Москве (вероятно). Был у меня Прохоровщиков (почитатель), вот тот, который[а] третьего года был у государя в Ливадии, московский миллионер.[3] Очень хочет и зовет меня Новикова (Киреева).[4] Не знаю, когда к ней. Много рассказывать придется, когда приеду. Тороплюсь.

Итог: с Катковым я *в наилучших отношениях*, в каких когда-либо находился. — Он *особенно велел кланяться тебе*. Сегодня мы просидели и проговорили более 2-х часов. У него, отчасти до тебя, просьба. При Лицее есть Ломоносовские стипендиаты. Это Лицей содержит даром из сирот беднейшего класса, но дает им высшее образование.[5] Один ученик, *Александров*, страдает золотухой, болью в ноге и проч. Ему 15 лет. Доктора решили — выключить из Лицея. Катков же по доброте сердца и на свой счет, не выключая, посылает его в Старую Руссу (завтра). Но не знает совсем, куда и как послать. А потому посылается формальная (не от Каткова) казенная бумага от Лицея к Рохелю — в том смысле: что вот, дескать, воспитанник Александров, под ваше покровительство и т. д., поместите удобнее, лечите и пришлите счет содержания. Так они и сделают. Но Катков особенно просит

[а] *Далее было начато*: прош<лого>

меня и *тебя* принять в этом деле участие, то есть (это я говорю) или позвать к себе, или *отправиться тебе самой к Рохелю* и предупредить об воспитаннике Александрове; и чтоб он особенно взял бумагу Лицея во внимание (не с Катковым же ему ссориться). Но так как в бумаге просят Александрова и поместить, и кормить, а не только что лечить, то допытайся у Рохеля, какие он может сделать распоряжения, чтобы *приютить* мальчика. Если же возможно, прибавил Катков, то нельзя ли нанять ему квартиру, где-нибудь у какого-нибудь священника, который бы надзирал над ним и проч., а он бы лечился тем временем. — Главное в том, что воспитанник вовсе не аристократ, а из беднейшего народного сословия. Катков прибавляет, что очень не худо, если б Рохель представил счет *поскромнее,* потому что за этого мальчика *некому* платить, сказал Катков, у него ничего нет и плачу за него лишь я. Приехав, примусь за М-м Рохель в этом смысле.[6]

Ну вот пока всё, Аня. Во вторник, в среду я буду обратно в Москве, тут будут всякие дела. Нервы расстроены. Рвусь возвратиться в Старую Руссу, где всё расскажу тебе. А теперь прощай. Целую тебя. Вижу тебя во сне. Целуй детишек, будь весела. Молился у Иверской.[7]

Твой Ф. Достоевский.

Детишек целуй, Елену Павловну видел 10 минут, она живет на даче в Сокольниках и наезжает в №№ раз в неделю.[8] Дала мне золотые часы Ольги Кирилловны, которые и привезу.

Деток обнимаю. Целую Ваши ручки и ножки, хотя и не стоите Вы того по краткости Ваших писем.

Твой Ф. Достоевский.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.

753. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

29 июня 1878. Москва

Москва, четверг, 29 июня/78, вечером.

Милый голубчик Аня, только что сейчас воротился из Оптиной пустыни.[1] Дело было так: мы выехали с В. Соловьевым в пятницу, 23 июня. Знали только, что надо ехать по Москов‹ско›-Курской жел‹езной› дороге до станции Сергиево, то есть станций пять за Тулой, верст 300 от Москвы.[2] А там, сказали нам, надо ехать 35 верст до Опт‹иной› пустыни. Пока ехали до Сергиева, узнали, что ехать не 35, а 60 верст. (Главное в том, что никто не

знает, так что никак нельзя было узнать заране.) Наконец, приехав в Сергиево, узнали, что не 60 верст, а 120 надо ехать, и не по почтовой дороге, а наполовину проселком, стало быть, на *долгих*, то есть одна тройка и ту останавливаться кормить. Мы решили ехать и ехали до Козельска, то есть до Оптин‹ой› пустыни,[3] ровно два дня, ночевали в деревнях, тряслись в ужасном экипаже. В Опт‹иной› пустыни были двое суток. Затем поехали обратно на тех же лошадях и ехали опять два дня, итого, считая со днем выезда, ровно *семь дней*. Вот почему и не писал тебе долго, а из Оптиной пустыни писать было слишком неудобно, потому что надо было посылать нарочного в Козельск и т. д. Обо всем расскажу, когда приеду.[4] Приехал в Москву, остановился опять в «Европе» и тотчас поехал к Елене Павловне за письмами. Ее, разумеется, не застал, она в Сокольниках, но уговорено было еще прежде, что письма будет получать и сохранять швейцар.[5] Итак, получил все три твои письма, за которые очень благодарю и тебя целую. — Но пока деньги не в кармане — радоваться нечему. Там (у Каткова) не разберешь, за неделю могли передумать. Завтра отправлюсь к Каткову. Если получу, то одну часть возьму на себя (то есть на груди, попрошу зашить Варю), а другую вышлю по почте.[6] Но все дела, по расчету моему, не могу окончить скоро, а потому, вероятно, выеду в Старую Руссу в воскресенье в 8 ч. 30 м. утра и приеду к Вам в понедельник 3-го июля, в 1-м часу пополудни. — Если же *не получу денег*, то приеду раньше.

Вообще, милый друг, тут много может быть для тебя непонятного, то есть неизвестного. Но все подробности оставляю до приезда, расскажу при свидании.

Целую тебя очень, целую деточек. Вероятно, получишь это письмо в воскресенье, хотя я сейчас же, то есть в четверг, несмотря на ночь, иду опустить его в ящик. Целую еще раз вас всех очень, целую Ваню, поклон Анне Николаевне. А тебе еще раз, особенно ручку и всё остальное.

Твой весь Ф. Достоевский.

Может быть и то, что в редакции Каткова не застану, а распоряжение сделать забыто, и потому придется получить (если получить) не завтра, а послезавтра и т. д. А потому и не дивись, если запоздаю против обещанного.

Весь ужасно изломан, припадков не было, но боюсь, что будут, пора.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.

754. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

1 июля 1878. Москва

Москва, 1 июля/78

Милый друг Аня, посылаю тебе *восемьсот* рублей из тех денег.[1] Вероятно, прибудут к тебе, когда уже я сам буду дома.

Твой весь Ф. Достоевский.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской
По Перерытице, дом бывший Гриббе
Со вложением восьмисот рублей
кредитными билетами.

755. С. А. ЮРЬЕВУ

11 июля 1878. Старая Русса

Старая Русса, 11 июля/78.

М‹илостивый› г‹осударь› Сергей Андреевич!

Я получил Ваше письмо третьего дня, 9 июля. Я узнал Вас и стал Вас уважать с того времени, когда начала издаваться редактированная Вами «Беседа».[1] С тех пор я слышал от некоторых, что и Вы отзывались обо мне с симпатией. Я очень бы рад был с Вами познакомиться лично. В письме Вашем прочел выражение, что я сохранил о Вас мое мнение, «несмотря на то, что мы с Вами так давно уже не виделись». Но разве мы с Вами когда-нибудь виделись и были лично знакомы? Вы не поверите, как часто подобные напоминания тяжело на меня действуют. Дело в том, что у меня уже двадцать пять лет падучая болезнь, приобретенная в Сибири.[2] Эта болезнь отняла у меня мало-помалу память на лица и на события до такой степени, что я (буквально) забыл даже все сюжеты и подробности моих романов, и так как иные не перепечатывал с тех пор, как они напечатаны, то они остаются мне буквально неизвестны. И потому не рассердитесь, что я забыл те обстоятельства и то время, когда мы были знакомы и когда встречались с Вами.[3] Со мной это часто бывает и относительно других лиц. Если будете столь любезны, напомните мне, хотя бы когда при случае, о времени и обстоятельствах нашего прежнего знакомства.

Насчет моего романа вот Вам вся полная истина в ответ на Ваше лестное приглашение: [4]

Роман я начал и пишу, но он далеко не докончен, он только что начат.[5] И всегда у меня так было: я начинаю длинный роман

(NB. Форма моих романов 40—45 листов) с середины лета и довожу его почти до половины к новому году, когда обыкновенно является в том или другом журнале, с января, первая часть. Затем печатаю роман с некоторыми перерывами в том журнале, весь год до декабря включительно, и всегда кончаю в том году, в котором началось печатание. До сих пор еще не было примера перенесения романа в другой год издания.[6]

Когда я после долгого сотрудничества в «Русском вестнике» напечатал мой роман «Подросток» у Некрасова, по предложению последнего, хотя ждал этого романа «Р‹усский› вестник», — я уведомил М. Н. Каткова, что все-таки считаю себя преимущественно его сотрудником.[7] Вот почему насчет теперешнего романа *уже вошел* в спошение с Мих‹аилом› Никифоровичем и даже взял из их редакции 2000 руб. вперед (как и всегда прежде брал вперед). Тем не менее о романе моем мы с ним окончательно не решили по причинам, которые, по подробностям их, трудно уместить в письме, но которые в сущности их заключаются в обстоятельствах посторонних, до литературной сущности романа не относящихся, но могущих случиться и быть разъясненными лишь в конце сентября или в октябре сего 1878 года.[8]

Таким образом, я и могу дать Вам совершенно точный ответ на Ваше предложение поместить мой роман в «Русской думе» лишь в октябре месяце, если сами Вы к тому времени будете находиться в Москве. Тогда именно объяснится, *где* я буду печатать мой роман.

Что же касается до «Русской думы», то известия об ее начале я принял с чрезвычайным и искренним сочувствием, помня «Беседу», и всегда буду считать для себя лестным ей по мере сил служить.[9]

Если найдете нужным меня о чем-нибудь уведомить, то я до 25 августа здесь, в Старой Руссе.

‹Ф. Достоевский.›

756. М. А. ЯЗЫКОВУ

14 июля 1878. Старая Русса

Старая Русса, 14 июля/78.

Многоуважаемый и добрейший Михаил Александрович,

Я имею до Вас одну чрезвычайную просьбу, за которую заранее прошу у Вас прощения. Вот дело:

Некто Алфимов, в настоящее время служащий помощником акцизного надзирателя 1-го округа 1-го участка Пермской губернии, человек еще довольно молодой (по воспитанию технолог 1-го разряда), имеет крайнюю нужду переменить (не службу, а) место своей службы или перемещением в Петербург, или в одну

из ближайших к Петербургу губерний. Я его лично не знаю, но сущность дела в том, что он, в начале прошлой зимы, женился на одной Глафире Михайловне Андреевой. Эта Андреева — одна из дочерей умершего уже несколько лет тому в Петербурге начальника Отделения в «одном департаменте». Имел он многочисленное семейство, получал содержания тысяч 8, но когда умер, всё семейство осталось почти без средств и большею частью живет своим трудом. Глафира Михайловна и почти все ее сестры были подругами детства с моей женой и потом соученицами в гимназии, так что жена моя всегда принимала в них во всех сердечное участие и желала им добра. Наконец, прошлого года эта Глафира Михайловна, девушка с прекрасными качествами и которую я знаю лично, вышла замуж (уже будучи под тридцать лет) за этого Алфимова, акцизного чиновника в Перми, который и увез ее в Пермь. Хоть не знаю лично Алфимова, но думаю, что человек порядочный и честный, потому что иначе не вышла бы за него такая девушка. Теперь она, с месяц тому, приехала из Перми в Петербург и ищет возможности переселиться в Петербург или поблизости Петербурга. И вот я, здесь уже в Руссе, получаю от Алфимова письмо с просьбой, не могу ли я достать места.[1] Нужно Вам заметить, многоуважаемый Михаил Александрович, как характерную черту нашего теперешнего русского быта, что я, с тех пор как стал издавать «Дневник», начал получать *со всей России* множество писем от совсем незнакомых людей с просьбами заняться их делами, поручениями (удивительными по разнообразию их), но главное, приискать места занятий, службы и даже государственной службы: «Вы, дескать, правдивый, добрый и искренний человек, это видно по всему тому, что Вы сочинили, а потому-де сделайте и для нас доброе дело, доставьте место» и т. д. и т. д. Всего характернее, что они считают меня в связях со всеми, от кого зависит раздавать места. На все эти письма я должен писать отказы, потому что и десятой просьбы не могу выполнить, и всё это принесло мне много тоски.[2] Не понимаю, почему и Алфимов обратился ко мне, то есть почему и он считает меня таким всемогущим. Чтоб не отказывать доброй и симпатичной жене его, я решился рискнуть написать к Вам (о чем их и уведомил, и они теперь ждут ответа).[3] Он просится на должность помощника акцизного надзирателя и очень бы рад был, если б у Вас в Новгородской губернии. Предлагает справиться о его службе у управляющего пермскими акцизными сборами Александра Матвеевича Благовидова и уверен, что тот даст о нем хорошую аттестацию. Прибавлю от себя, что Алфимов, по-видимому, человек отчасти старого пошиба: говоря о начальстве даже мне, в письме своем пишет: «Его Превосходительство г-н Управляющий» и проч. Но из этих скромных людей бывают, думаю так, весьма часто хорошие и добрые чиновники. Вся рекомендация его в моих глазах (и самая главная) есть то, что *он муж* такой женщины, как Глафира Михайловна.

Если можете что-нибудь сделать, добрейший и многоуважаемый Михаил Александрович, то сделайте, чем очень, очень меня обяжете и жену мою, которая, кланяясь Вам, присоединяет и свои просьбы к моим. — Алфимов прибавляет в своем письме, что если теперь у Вас (он пишет: «У Его Превосходительства Михаила Александровича») нет вакансии, то он бы просил, чтоб, до открытия вакансии, Вы бы зачислили его кандидатом к себе на службу, и тогда уже он поедет один обратно на службу в Пермь, а *жену* оставит здесь у ее сестер, «так как она по своему болезненному состоянию не может ему сопутствовать в Пермь», в Перми же будет ожидать своей участи, то есть открытия места.[4]

Еще раз: если можете, сделайте что-нибудь, многоуважаемый Михаил Александрович, если же нет, то конечно нечего делать. Но повторяю опять: простите, что Вас беспокою, я слишком понимаю, как тяжелы все эти просьбы, но ведь это всё просьбы бедных людей, а их так много, так много. Да Вам ли не знать, как их много, дорогой и добрейший Вы человек!

Адресс мой: Старая Русса, Федору М‹ихайлови›чу Достоевскому.

Крепко жму Вам руку и глубоко кланяюсь.

Ваш слуга Ф. Достоевский.

757. Л. В. ГРИГОРЬЕВУ

21 июля 1878. Старая Русса

Старая Русса. 21 июля/78.

Милостивый государь Леонид Васильевич,

Благодарю Вас за Ваше теплое и радушное письмо от 9 мая. Сейчас отозваться не мог по разным причинам: смерть ребенка,[1] отъезд в Старую Руссу на лето, поездка в Москву, а из Москвы в Оптину пустынь с Владимиром Соловьевым[2] (молодым нашим философом, может быть, слышали), затем, по возвращении в Руссу, неделя болезни и проч. и проч. — Я очень рад за Вас (как за человека вообще), что Вы, человек 60-х годов, не только не считаете себя поконченным и законченным, но прямо чувствуете себя в силах и сознаете в себе силы и права принадлежать ко всему текущему, живому и насущному, бьющемуся продолжающейся жизнью. Ведь и я, например, точь-в-точь так же, хотя по симпатиям я вовсе не 60-х и даже не сороковых годов.[3] Скорее теперешние года мне более нравятся по чему-то уже въявь совершающемуся, вместо прежнего гадательного и идеального. В самом деле, трудно кому-нибудь более, чем русский человек.

впадать в ошибки. Протекло время с освобождения крестьян — и что же: безобразие волостных управлений и нравов, водка безбрежная, начинающийся пауперизм и кулачество, то есть европейское пролетарство и буржуазия, и проч. и проч. Кажется ведь так? и что ж: остановитесь только на этом, поразитесь этим слишком через меру — и Вы немедленно впадаете в ошибку, потому что просмотрели главное. Не будь этих 2-х лет войны — и не догадался бы *никогда* о том, что, при всем несомненном дурном в народе за эти годы, к нему привилось сверх того политическое сознание, точное понимание смысла и назначения России (если не вполне точное, то всё больше и больше *точнеющее*), одним словом, привилась и развилась *высшая* идея.[4] А ведь были бы только высшие идеи, или начало высших идей, то прочее всё приложится, всё может перегореть и исправиться к лучшему. И вот этот факт народного сознания наши либералы 60-х годов хотят изо всей силы похоронить и — соединяются в таком случае с гонителями народа, с презирающими его, с теми, которые до сих пор наклонны считать его за податную единицу и только.

Точь-в-точь и с нашей интеллигентной молодежью. Поверьте безобразным фактам и скажете, как Кетчер в Москве, что *молодежь гниет*.[5] Ничуть не бывало, она *ищет правды*, с смелостью русского сердца и ума, и лишь *руководителей потеряли*. Но этот вопрос наш насущный, об этом еще будет время говорить. А фактами я не смущаюсь, у меня свои наблюдения.

Может быть, Вы тоскуете в Анапе,[6] но, по-моему, самое лучшее *для дела* это то, что порядочные и заключающие в себе жизнь люди не кучатся у нас по центрам, как, например, во Франции всё скучилось в Париже. Пусть сами набираются, разбиваясь по России, многообразного русского духа и к тому же исполняют собою долг пропагаторства. Этим ведь Россия живет.

Я до октября здесь, в Руссе. Отдыхаю и пишу пока роман и дальше еще не знаю, чем займусь зимой. В октябре определю.[7]

Книги мои, имеющиеся в продаже, суть:
«Бесы» — 3 р. 50 к., «Идиот» — 3 р. 50 к., «Преступление и наказание» — 3 р. 50 к. и «Подросток» — 3 р. 50 к. «Зап‹иски› из М‹ертвого› д‹ома›» 2 р. Всё вместе, стало быть, 16 р. Но я уступаю моим подписчикам 10 процентов. Значит, всё будет стоить 14 р. 40 к. Да сверх того пересылку беру на свой счет.[8]

С искренним чувством уважения жму Вам руку и пребываю Вашим покорным слугою

Ф. Достоевский.

Старая Русса, Ф. М‹ихайлови›чу Достоевскому

758. П. А. ИСАЕВУ

22 августа 1878. Старая Русса

Старая Русса. 22 августа/78.

Любезнейший Павел Александрович,

5 недель тому назад г-н Александр Александрович Рудин, по доброте своей ко мне, взялся тебе передать (и передал) 30 р. для оплаты экз‹емпляров› «Дневн‹ика›» и отвоза этих экземпляров в склад, и для взноса процентов по одному свидетельству на вещи,[1] причем Анна Григорьевна убедительно просила тебя прислать в заказном письме сюда, в Старую Руссу, к нам и это свидетельство по оплате процентов, и прежние 2 свидетельства по заложенным билетам внутреннего займа, у тебя еще прежде находившиеся. На всё это, *и на извозчика, и на пересылку* у тебя из 30 руб. должны были оставаться деньги. И, однако же, ни слуху от тебя ни духу, и мы в беспокойстве. 2 недели тому назад Анна Григорьевна тебе писала,[2] но ты не ответил. Вообще услуга была не велика, но ты рассудил уклониться. Мог бы сообразить, однако, что я немало для тебя услуг делал. Мог бы тоже сообразить, что ведь я впредь и себя могу считать *уже избавленным навеки* от всяких услуг после такого с твоей стороны поведения.

Прошу и *требую* теперь, непременно, чтобы ты передал Александру Александровичу, из рук в руки, все три находящиеся у тебя свидетельства как на заложенные вещи, так и на билеты внутрен‹него› займа.[3] Если же не заблагорассудишь, то я так не кончу, и поверьте, Павел Александрович, что для Вас будет *весьма невыгодно*, если я изберу известную мне дорогу для получения удовлетворения.

Надеюсь потому твердо, что ты исполнишь наконец поручение.

А засим имею честь быть

Ф. Достоевский.

759. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

29 августа 1878. Старая Русса

Многоуважаемый Виктор Феофилович!

Письмецо Ваше, за которое весьма благодарю, получил еще две недели назад и вот до сих пор как-то не собрался ответить, хотя каждый день хотел. Да и теперь напишу лишь две строчки, единственно, чтоб заявить Вам, что Вас люблю и о Вас не забыл иногда думать. Вы спрашиваете: что я не пишу, и почему обо мне не слышно? Но, во-первых, кроме Вас, и написать некому,

а про Вас я и не знал (до письма Вашего), где Вы находитесь.[1] — Да и писать мне почти вовсе нечего. Работаю роман, но дело идет как-то туго, и я только лишь в начале, так что я очень недоволен собой.[2] Погода здесь была довольно дурная, а у меня было два припадка — вот и все мои новости. Кроме того: в Петербурге буду не раньше как через месяц, то есть к октябрю; во-первых, здесь работать лучше, во-вторых, воздух превосходный; в-третьих, погода поправилась и осень, кажется, будет хороша. Тем не менее убедительнейше прошу Вас черкнуть мне хоть раз из Петербурга с получением сего, потому что сижу здесь в уединении и пробиваюсь лишь газетами, которые страшно надоели. Спасибо, что уведомили об Аксакове, напишу ему непременно.[3] Пишете, что убийц Мезенцова так и не разыскали и что наверно это нигилятина.[4] Как же иначе? наверно так; но излечатся ли у нас от застоя и от старых рутинных приемов — вот что скажите! Ваш анекдот о том, как Вы послали Мезенцову анонимное письмо одесских социалистов, грозивших Вам смертию за то, что Вы против социализма пишете, — верх оригинальности. Вам ничего ровно не ответили, и письмо Ваше кануло в вечность — так, так! [5] Кстати, убедятся ли они наконец, сколько в этой нигилятине орудует (по моему наблюдению) жидков, а может, и поляков. Сколько разных жидков было еще на Казанской площади, затем жидки по одесской истории. Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то же явление: жиды страшно участвуют в социализме, а уже о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому что сам-то он status in statu,* составляет свою общину, которая никогда не потрясется, а лишь выиграет от всякого ослабления всего того, что не жиды. — Статьи нашей печати об убийстве Мезенцова — верх глупости. Это всё статьи либеральных отцов, несогласных с увлечениями своих нигилистов детей, которые *дальше их пошли*. Хоть и говорят они, что народ еще не заражен социализмом, но ни один из них не сознает значения этого факта, не преклоняется перед народом, а, напротив, по-прежнему отрицает его и возвышается над ним, гордясь своим европеизмом.[6] Если б издавал «Дневник», написал бы кое-что.

Никак не думал, что Мещерский в Петербурге. Передайте ему, если увидите его, мой привет от чистого сердца. Не пишет ли он чего? Если пишет роман — пусть пишет с оглядкой, тщательно, не спешит на почтовых.[7] При таком таланте, как у него, нельзя портить безнаказанно. В Петербурге ли Константин Петрович Победоносцев? Глубокий ему привет, если увидите его. — Кто такой *Н. Морской*, печатающий в «Новом времени» роман: «Ари-

---

* государство в государстве (*лат.*).

стократия Гостиного двора»? Не Буренин ли?[8] Прелестная вещица, хоть и с шаржем.

До свидания голубчик, крепко жму Вам руку.

Ваш искренний Ф. Достоевский.

P. S. Жена благодарит за поклон и просит Вам поклониться.
29 августа — 78 г. Старая Русса.

760. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Около 10 октября 1878. Петербург

Любезный брат Николай Михайлович,

Мы уже с неделю как приехали из Старой Руссы. Квартиру наняли: на углу Ямской и Кузнечного переулка (близ Владимирской церкви), дом № 2 и 5-й, квартира № 10.[1] Приходи. У нас всё благополучно.

Твой брат Ф. Достоевский.

761. В. Д. ШЕРУ

11 октября 1878. Петербург

Петербург. Октября 11/78.

Милостивый государь Владимир Дмитриевич,

Сим честь имею Вас уведомить, что на продажу леса в Шеиной порубке, в количестве 70 десятин, по восьмидесяти двум руб. пятидесяти коп. за десятину, я с моей стороны согласен.[1]

Насчет же задатка покорнейше прошу Вас или выслать ко мне, или подождать, пока я буду в Москве (я буду или в ноябре или в декабре в начале). Но посылать г. Полякова нарочно, на мой счет, — для меня хлопотливо, тем более, что тут, да и при всем почти этом деле, г. Поляков не бог знает сколько участвовал своею деятельностию, так зачем же его еще беспокоить? Гонорар свой и всё ему следуемое он получит вернее, чем я что-нибудь со всего этого имения. — Во всяком случае, однако, скажу г. Полякову, и в случае, если присутствие его столь необходимо, то он и сам поедет, его никто не может сдержать.[2]

Остаюсь с истинным уважением готовый к услугам Вашим

Ф. Достоевский.

762. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 ноября 1878. Москва

Москва. 7 ноября/78.

Сегодня, милый друг мой Аня, после самого мучительного путешествия прибыл в Москву.[1] В вагонах, закупоренных, с гадчайшей вентиляцией, была такая духота, что думал умереть. Кроме того, закурили воздух так, что я кашлял всю ночь до надрыва. Ни на минуту не заснул. Обессилел ужасно. Ночью холод и дождь повсеместный, всю дорогу, а в Тверской губернии мокрый снег. Здесь в Москве дождь и туман. Мрак ужасный. У нас в Петербурге только один день был такой скверный во весь октябрь, как сегодня здесь.

Остановился в «Европе», № комнаты 25.[2] Оделся, умылся (в нетопленном нумере) и поехал к Каткову.[3] *Не застал* и не застал действительно, а не нарочно. Сказал, что буду сегодня вечером у него в 8 часов. Так как я сам назначил, что приеду, а не он звал, то боюсь, что, пожалуй, откажет и не примет. Бог их знает, какие у них в Москве порядки. Это было бы для меня унизительно, и я в настоящую минуту (6 часов пополудни) в самом скверном расположении духа.

Не застав Каткова, поехал к Соловьеву книгопродавцу. Не застал дома. Буду у него завтра. — Затем поехал к Любимову: не застал дома. Затем поехал к Рассохину. Сказал мне, что *всей суммы* отдать мне не может, а отдаст лишь 20 р. А что если б я подождал денька два, то отдаст *больше*. Я сказал, что зайду 9 ноября.

Затем был у Кашкина. Этот был готов и выдал мне сейчас 65 р. 35 к. и объявил мне, что мы *в расчете*. Номеров же оставленных у него большая пачка. Обещался сам обшить в рогожу и прислать мне в №. Я попросил его сосчитать цену №. Он обещался приготовить всё через 2 дня. Таким образом твой счет: 213 р. А он отдал в разные сроки с теперешним 130 р. и говорит, что в расчете. Он твердо уверен, что по оценке оставшихся №№, они наверно окажутся не менее 83 р. Таким образом и выйдет твой счет, то есть 213 р.[4]

Всё это, как кажется, люди хорошие, прекрасные и плательщики, только в деньгах нуждающиеся. Деликатность их побеждает, а неделикатность отвращает. Соловьев, конечно, особая статья, потому что он богат.

Затем был у Вари; поговорили. Ничего особенно любопытного.

Что ты, что детки? Спать хочу ужасно, до невероятности. Нервы расстроены. Еще больше расстроил, прочитав давеча в вагоне брошюру Цитовича. Дело его правое, но такого дурака я еще и не видывал. Вот не посылай дурака защищать правое дело. Измарал! Теперь на эту тему и писать более нельзя.[5]

Обнимаю тебя, ангел мой, целую, ангельчиков тоже целую.

Надеюсь приехать как можно скорее. Скучно мне ужасно. Спать хочу ужасно.

Целую тебя 50 тысяч 335 раз. Столько же раз поцелуй за меня детей. Само собой разумеется, завтра опять напишу.

Твой весь Ф. Достоевский.

На конверте:

В С.-Петербург. На углу Ямской ул.
и Кузнечного переулка, дом № 2 и 5-й.
№ квартиры 10. (Близ Владимирской церкви)
Ее Высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.

763. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

8 ноября 1878. Москва

Москва, 8 ноября/78.

Милая и дорогая моя Аня, вчера ровно в 8 часов был у Каткова. Он меня уже ждал и принял превосходно и любезно, но видимо был занят. Я, впрочем, просидел с час. Говорил об романе. Он оставил рукопись и на мое сожаление, что многое (поправки) неразборчиво, отвечал, что он твой почерк умеет превосходно разбирать и что это самый лучший почерк.[1] Затем сказал, что он всё это прочтет. «Ведь вы наверно у нас дней пяток али недельку пробудете». Таким образом, я вывожу, что мне надо будет, *до того времени как он прочтет*, и не беспокоить его, то есть не то чтоб он сам об этом намекнул, а мне-то самому кажется, что мне это будет приличнее, ибо, посещая его и на другой день, и на третий, как будто буду торопить его, сгорая нетерпением: что скажет он о моем произведении. Я оставил в Редакции мой адресс, так что если в эти два-три дня, пока я не буду ходить, ему понадобится мне сказать что-нибудь, то всегда можно будет мне дать знать[a] об этом. Во время моего посещения к нему входили все его дочери, сын его и кн<язь> Шаховской, муж его старшей дочери. Они приходили прощаться на ночь, но, видимо, желали меня видеть, а потому и просидели с полчаса. Все были очень милы, любезны и внимательны — особенно кн<язь> Шаховской и моя знакомая (эмская) дочка его, которая чрезвычайно похорошела.[2] Прощаясь, я упомянул о деньгах. Он сказал, что конечно так, и очень можно, *но* что всех 2000 р. ему будет зараз выдать затруднительно, так как подписка еще не началась, а что не соглашусь ли я частями получить. Впрочем, прибавил он, если вам очень нужно, то я и разом выдам, но мне будет трудно. Я, разумеется, согласился частями, примерно 1000 р. теперь, а остальные (как он сам сказал) недельки через три. Теперь не знаю, как всё

---

[a] *Было:* ко мне прислать

решится на деле. Мне грустно то, что я было хотел попросить на этот раз не две, а *три* тысячи, но так как он и на двух замялся, то я и спросил две. Ну вот ход дела: не знаю, хорошо ли это всё или нет. Во всяком случае надо подождать здесь в Москве дня три бесплодно, потом еще дня два получения денег, а мне ужасно скучно, Аня, так скучно, что я уж тоскую по вас.

Теперь вот что: так как он сам, несмотря на всю искреннюю любезность, меня на сегодня (8-е число) не пригласил обедать и так как не только не пригласил, а сам сказал об этих двух или трех днях жданья, не заботясь о том, что я в антракте буду делать, то я и решил окончательно не ездить сегодня поздравлять.[3] Это значило бы просто заискивать у него. Не знаю, правильно ли я рассуждаю, но, однако, мне так окончательно показалось, и я не поеду.[4]

Выспался я хорошо. Сегодня в 12 часов приходил Кашкин с визитом, принес экземпляры «Дневника» (обшитые рогожей) [5] и письмо к тебе со счетом и просьбою о высылке экз‹емпляров› всех моих сочинений. Письмо тебе привезу. По его проверке своего счета с твоим выходит всей разницы всего на три рубля, причем он представил и причину этой разницы; всё увидишь из его письма к тебе, которое привезу.[6]

Сегодня заеду к Соловьеву[7] и, может быть, опять к Любимову.

Ну вот и всё. Жду твоего письма. Скучно мне очень. Погода скверная, сегодня, впрочем, дождя нет. Обнимаю тебя и детишек крепко. Как-то вы живете. Были бы здоровы. Читаю процессы по вечерам.[8] Очень всё скучно. До свидания. Очень тебя люблю, ты мне снилась ночью. Перецелуй наших ангелов. Пусть не ссорятся. До свидания. Еще раз целую тебя бесконечно.

Твой весь Ф. Достоевский.

Завтра, вероятно, еще напишу.

P. S. Кстати, вчера в 8-м часу, отправляясь к Каткову, понес и вчерашнее письмо к тебе, чтоб бросить по дороге в ящик. Шел дождик, и было очень грязно. На углу улицы, не найдя ящика, спросил у городового: где же ящик? Он ответил, что перенесен на ту сторону улицы (шагах в 40 от прежнего места). «Да пожалуйте письмецо, — вызвался он, — я его сейчас снесу и опущу». Я ему отдал письмо, и он дошел до ящика на моих глазах, а все-таки меня берет сомнение: ну как он не опустил, и ты не получила вчерашнего письма? [9]

На конверте:

В С.-Петербург. На углу Кузнечного переулка
и Ямской ул., близ Владимирской церкви,
дом № 2-й и 5-й, кварт. № 10.
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.

764. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

9 ноября 1878. Москва

Москва, 9 ноября/78

Милый мой голубчик Аня. Вчера, отправив тебе письмо,[1] уже в четвертом часу пополудни, пошел к книгопрод‹авцу› Соловьеву. Застал его дома. Он приготовил счет и деньги. Что-то говорил мне весьма неясно о счете, и я его попросил лучше написать о всем тебе самой; выдал оп мне 109 руб. 90 к. При этом на одно «Преступ‹ление› и наказание» пришлось 87 р. Что же до «Бесов», то у него еще прежних своих есть, говорит он, экземпляров двести, так что он «сотенку бы и возвратил с удовольствием».[2] «Мертвого же Дома» есть еще базуновского (доставшегося ему от Базунова) [3] 300 экз‹емпляров›. Был очень любезен и по обыкновению своему хитрил и путался. — Между прочим, сказал мне: «А у Михаила Никифоровича были с поздравлениями?».[4] И когда я сказал, что нет, прибавил: «Как же это не сходить, там такой был съезд, молебен и проч. Как же это вам не сходить?». Я подумал: в самом деле, зайти поздравить можно, и пошел. Действительно, съезд был и продолжался. На этот раз меня прямо пригласили к хозяйке Софье Петровне. Она встретила меня необыкновенно любезно и даже не пустила в кабинет Каткова, а просила посидеть сначала у ней. Было в ее гостиной много гостей, ее дочери и проч. Дам, впрочем, одна или две, и то родственницы, а остальное всё мужчины и всё какие-то старички родственники (князь Шаховской, отец,[5] например,[а] и другие). Я посидел с $^1/_4$ часа, и она всё время со мной проговорила; сидела же нездоровая, в мигрени. Затем прошел в кабинет к Каткову. У него сидели тоже два каких-то *светских* московских старичка. И вдруг вошел *сам* генерал-губернатор кн. Долгорукий, в четырех звездах и с алмазным Андреем Первозванным. — Раскланявшись сановито и с соблюдением всего своего сана (немного комическим) с Катковым, начал подавать руки гостям и первому мне. Тут Катков поспешил сейчас же сказать ему мое имя, и Долгорукий изволил вымолвить: «Как же, та-ка-я Зна-ме-ни-тость, гм, гм, гм» — решительно точно 40 лет назад, в доброе старое время. Затем происходил общий разговор, в котором Катков показал себя в высшей степени порядочным человеком, ибо, начав рассказ о приобретении им подмосковного имения, поминутно обращался от Долгорукова ко мне, несмотря на то, что я сидел несколько сзади Каткова, у окна. Посидев немного, я встал и простился. Катков проводил меня до дверей. К Софье Петровне я уже не заходил, а прошел другим ходом, между прочим, через столовую, и заметил, что стол накрыт не более как на 20 или даже на 18 кувертов. А так как только Кат-

---

[а] *Было начато*: и про‹чие›

кова семейства садится за стол не менее 12 человек, то я и заключил, что званого обеда никакого нет, а обедают лишь ближайшие родственники. — Затем отправился (уже в 5-м часу) к Любимову. Того не застал, но встретила жена его, почти совсем еще моложавая дама (хотя есть взрослая уже дочь). Она меня удержала с попреками, зачем я еще вчера второй раз *не зашел* (как обещался было) и что она меня весь вечер ждала. Пришел затем Любимов, удивительно любезный. Говорили о романе.[6] Катков непременно хотел сам читать, и как Любимов (еще 7-го числа вечером) ни упрашивал его дать ему прочесть, но Катков не согласился и оставил у себя, ему же сообщил и план романа и всё, что я слегка, во время свидания, передал ему о романе. (Значит, интересуется очень.) Любимов обещал мне, по просьбе моей, ускорить чтение. «Я буду приставать к нему», — сказал он. — После того пристал ко мне, чтоб я остался обедать «чем бог послал». Я согласился. И вот не знаю, так ли они всегда обедают или был у них праздничный день (обедали кроме меня еще две дамы гостьи и один профессор Архипов): закуски, вина, 5 блюд, из которых живая разварная стерлядь по-московски. Если это каждый день у них, то, должно быть, хорошо им жить. Обед был очень оживленный. Любимов подтвердил, что у Катковых никакого званого обеда нет. Обед и разговор был очень оживлен, затем уже в 7 часов поехал к Елене Павловне и не застал ее дома. Узнал от детей Елены Павловны, что Машенька (Иванова) в Москве, и хочу непременно к ней сегодня съездить. Адрес же узнал уже сегодня от Вари, которая зашла ко мне в гостиницу. Вот и все, до сей минуты, мои здесь похождения. Завтра, может быть, еще напишу тебе. Но вот уже теперь 2 часа, а письма от тебя нету. Заеду, может быть, сегодня к Рассохину, а может, и завтра. По вечерам сижу в № и читаю процессы.[7] Завтра собираюсь[6] пойти в Малый театр.[8]

Беспокоюсь об Вас. Что-то ты, мой голубчик, и что-то детки? Хочется поскорей получить от вас письмецо. Не знаю, придется ли отправиться отсюда к вам в субботу (вероятно, нет), но не думаю, чтоб задержали дальше воскресения. Обнимаю вас всех и целую. Тебя особенно и деток особенно. Опять ты мне снилась во сне. До свидания, ангел мой.

Твой весь Ф. Достоевский.

Корректуры Любимов сам вызвался присылать ко мне в Петербург. Маркевичу они посылают.[9]

Очень целую тебя.

P. S. Книгопродавцы все в восторге от нового журнала «Лилины выдумки», просят на комиссию, обещают большой успех. Передай обоим авторам и издателям и крепко их поцелуй.[10]

---

[6] *Было начато*: хоч‹у›

На конверте:

В С.-Петербург.

На углу Ямской улицы
и Кузнечного переулка,
дом № 2-й и 5-й, квартира № 10
(близ Владимирской церкви)
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.

765. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 ноября 1878. Москва

Москва. 10 ноября/78.

Дорогой мой голубчик Аня, вчера в 6 часов вечера получил твое милое письмецо, которое очень меня обрадовало и успокоило. Слава богу, что вы здоровы, деток поцелуй и поблагодари Лилечку за письмецо, а Федю за старание.[1] Известие о Навроцком показывает разве то только, что они все-таки в своей «Русской речи» не будут моими явными ругателями.[2] Что же до посещения Шера, то я к нему *вероятно* не поеду, потому что он всё же не был у меня сам в Петербурге. Не знаю, впрочем. Времени-то у меня совсем мало, а то, может быть, заехал бы к Ольго Федор<ов>не Шер, что совсем уже другое дело.[3] Но времени мало. Вчера заходил ко мне в 6 часов Любимов — отдать визит и кой о чем поговорить. Он сказал, что насчет денег всё решено. Катков передал ему рукопись, не успев прочесть всю, но *перелистовав* всю, он же (Любимов то есть) прочел 1-ю треть и нашел всё очень *оригинальным.*[4] Но скверно то, что выдача денег зависит главное от кассира ихнего, Шульмана, который всем командует, до такой степени, что и Катков у него насчет выдачей вообще в полной зависимости. Скажет «нет денег в кассе» *и ничего* не поделаешь. Тысяча, впрочем, будет, но хотелось бы мне, чтоб не задержали меня и чтоб выехать если не завтра, в субботу, то уж непременно бы в воскресенье. А тут еще, говорил Любимов, Катков захворал. Теперь час пополудни, и пойду сейчас к нему для окончательного решения. Затем схожу к Рассохину, у которого вчера быть не успел. Затем к Варе, которая звала к себе. Вчера же, узнав от Вари адресс Машеньки Ивановой, поехал к ней, не застал дома и узнал от детей, Оли и Наташи, что и Верочка только что приехала, с Юлей, из деревни на три дня в Москву и остановилась у Машеньки. Ее тоже не было дома. Сказав, что приеду вечером, поехал домой и после обеда отправился сперва к Елене Павловне, которую еще не видал, и, пробыв у ней с полчаса, поехал к Верочке. Там всех нашел в сборе и просидел у них до полночи. Верочка предобрая и премилая, она не знала о смерти Алеши.[5] Итак, вот все мои дела. Вчера имел

глупость взять билет в театр, на бенефис, идет комедия Островского в первый раз.[6] — Итак, милый мой ангел, вероятно, выеду отсюда в воскресенье, хотя и желал бы завтра, в субботу.[7] Целую тебя крепко. Больше не пиши писем. Лилю и Федю целую. Обнимаю всех, а с тобой хочется увидеться особенно поскорее сверх всех других причин. Во всяком случае, здесь мне очень скучно. Еще раз целую. Как вы живете? Здорова ли ты, ангел мой?

Твой вечный Ф. Достоевский.

На конверте:

В С.-Петербург.
На углу Ямской улицы
и Кузнечного переулка,
дом № 2-й и 5-й, квартира № 10
(близ Владимирской церкви)
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.

766. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

11 ноября 1878. Москва

Москва. 11 ноября/78. Суббота.

Милый друг Аня, дела, кажется, совсем застряли и решительно не удаются. Дело в том, что Катков, кажется, серьезно расхворался. Вчера не мог принять меня и выслал сказать, чтоб я пожаловал денька через два. Если через два, то, значит, завтра, в воскресенье. (Конечно, он не отговаривается, а в самом деле болен.) Но в воскресенье у них всё в редакции заперто, и денежных выдач быть не может. Один из редакционных чиновников вышел ко мне и сказал, что Шульман (кассир) сам ко мне придет завтра (то есть сегодня) в гостиницу и принесет деньги. Я назначил час — но вот назначенный час прошел, и никого не было. Результат: если сегодня не получил денег, то завтра, по поводу воскресения, наверно не получу. — Теперь недоумеваю, что делать: ехать ли опять в Редакцию? Но мне как-то стыдно приставать. Мелькает у меня мысль уехать без денег, написав Каткову письмо (если только нельзя увидеть его завтра лично), чтоб прислали деньги в Петербург. Но и это хорошо ли? Потому что, например, если я завтра в воскресенье выеду (сегодня-то уж никак нельзя) без денег, а они между тем могли бы выдать в понедельник, — то, значит, всего только дня не мог выждать. Совсем не знаю, как быть, и нахожусь в прескверном расположении духа.[1]

Вчера получил от Рассохина 25 р., — а «всей суммы отдать

не могу». Заметил я некоторую даже грубость и фамильярность в его ответе. Я ему ничего не сказал.

Вчера был у Вари, а вечером в театре.[2] Всё гадко. Скучно мне здесь, наконец, до нестерпимости. Вдобавок мокрый снег и сквернейшая погода. К тому же опять затянуло желудок, надо бы опять принять капсюлей, но и это неудобно.

Пишу наскоро. В Редакцию все-таки загляну. До свидания, милая моя. Только и думаю, что о тебе и о детках. Люблю вас очень. Поцелуй милых ангелов. Думаешь ли ты обо мне. Каждую ночь ты мне снишься.

Обнимаю крепко.

Твой весь Ф. Достоевский.

Все чиновники в Редакции Каткова ужасно обращаются свысока и небрежно со всеми. Я полагаю, что и Шульман даже важничает, хочет показать свою силу. Начинает мне это надоедать. А что если Катков в самом деле очень расхворается? Может повлиять и на всё дальнейшее.

Д<остоевский>

767. СТУДЕНТАМ ИНСТИТУТА ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

26 ноября 1878. Петербург

Черновое

М<илостивые> г<осуда>ри. Спешу заявить вам мое искреннее сожаление, что никак не мог явиться присутствовать[а] на музыкально-литературном вечере в пользу недостаточных студентов Вашего института.[1] Доктор, как нарочно, отсоветовал мне выход из дому[б] еще на несколько дней. Убедительне<йше> прошу вас передать мое сожаление и многоуважаемым товарищам вашим, почтившим меня почетным билетом для входа на вечер. Мне слишком бы желательно было, чтобы они не усомнились в том, как высоко я ценю их лестное для меня внимание.

Прошу вас, м<илостивые> государи, принять уверения в моем искреннейшем к Вам уважении.

Вам совершенно преданный и слуга ваш

Ф. Достоевский.

[а] *Вместо:* явиться присутствовать — *было:* быть

[б] *Было начато*: со дво<ра>

768. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

17 декабря 1878. Петербург

17 декабря.

Голубчик брат, посылаю тебе 7 рублей. Очень жалею, что ты всё хвораешь, я тоже. А между тем опять наступают беспокойства, работы. Целую тебя. Поправляйся и приходи. До свидания.

Брат твой Ф. Достоевский.

1879

769. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 января 1879. Петербург

1-е января/79.

Поздравляю тебя с Новым Годом, любезнейший брат, и посылаю всё, что могу.[1] Очень плохо у самого.

До свидания. Желаю здоровья. Сам я кашляю, как жид.

Твой весь Ф. Достоевский.

Прилагаю 7 руб.

770. Н. А. ЛЮБИМОВУ

30 января 1879. Петербург

Петербург. 30 января/79.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Завтра, то есть 31-го января, высылаю Вам продолжение романа моего («Карамазовы»), книгу третью (*всю*). Этой книгой третьей заканчивается вся *первая часть* романа. Таким образом, первая часть состоит из трех книг.[1]

Всего частей будет три и каждая часть будет соответственно делиться на *книги*, а книги на *главы*.[2]

В этой третьей книге всего *восемьдесят восемь* моих полулистков, что и составит, кажется, ровно $5^1/_2$ листов «Русского вестника».

Таким образом, вся 1-я часть романа будет содержать в себе от 13-ти до 14-ти печатных листов «Русского вестника».

Вместе с сим, многоуважаемый Николай Алексеевич, спешу Вас заранее предупредить, что на мартовскую книжку «Русского вестника» я ничего не могу (не в силах) прислать, так что печатание 2-й части начнется с 4-й, то есть с апрельской, книжки «Русского вестника», и эту *вторую часть* я тоже[a] напечатать желал бы не прерывая, до самого ее окончания.[3]

С чрезвычайным нетерпением *буду ожидать из редакции корректур 2-й части*.[4] Все корректуры буду теперь высылать заказными.

---

[a] *Далее было*: хочу

(NB. Третью часть романа высылаю теперь тоже в заказном пакете, равно как и это письмо.)

Так ли я адресую, и хорошо ли, что я слишком подробно прибавляю в адрессе: «На Страстной бульвар» [5] и т. д.?

Я до сих пор в чрезвычайном беспокойстве: дошли ли до Вас *все* высылки корректур первой части? Только одну последнюю корректуру, после Вашей телеграммы,[6] я выслал заказною. Первые же *три* отослал не заказными. Это меня чрезвычайно беспокоит: там было немного поправок, но они существенные.

Итак, с нетерпением жду корректур этой *третьей*, высылаемой теперь книги. Кстати: убедительнейше прошу Вас напечатать эту *третью книгу* ($5^1/_2$ листов) в февральском № «Русского вестника» *всю*, без перерыва, не дробя, например, *на март*, в который я не могу дать текста. Совершенно нарушится гармония и пропорция художественная.[7]

Я же эту третью книгу, теперь высылаемую, *далеко не считаю дурною*, напротив, *удавшеюся* (простите великодушно маленькое самохвальство. Вспомните ап‹остола› Павла: «Меня не хвалят, так я сам начну хвалиться»).[8]

Убедительнейше прошу Вас передать глубочайшее мое уважение Вашей супруге.

Засим примите и Вы уверение в моем уважении и лучших к Вам чувствах.

Ваш слуга Федор Достоевский.

771. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

19 февраля 1879. Петербург

(*Черновой набросок начала письма*)

19 февр‹аля› 79.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Во-первых, благодарю Вас очень за уведомление о прибытии М. Н. Каткова.[1]

772. В. П. ГАЕВСКОМУ

10 марта 1879. Петербург

10 марта/79.

Многоуважаемый Виктор Павлович,

Я с величайшим удовольствием готов читать в пятницу, если Вам понадоблюсь, о чем и спешу уведомить. Но что читать? Этого я еще не решил (не успел). Впрочем, если публика Ваша будет новая, то есть другие люди, а не прежние разберут билеты — то почему же не повторить того, что читал 9-го марта? [1]

Или надо цензору заранее представить, на случай, если что

другое? Если же цензору не надо, а для публикации нужно точное наименование читаемого, то можно просто написать: *Рассказ* или отрывок из романа, или как-нибудь в этом роде, без точного определения до времени. Впрочем, как Вам угодно. Я постараюсь что-нибудь надумать и выбрать из прежде [a] изданного. Но если б можно, повторяю, тот *рассказ под секретом*, который я уже читал, то было бы всего покойнее.

Примите уверение в моем уважении.

Ваш покорный слуга

Ф. Достоевский.

---

[a] *Далее было начато*: напеч<атанного>

773. О. А. НОВИКОВОЙ

11 марта 1879. Петербург

Воскресенье. 11 марта/79.

Милостивая государыня, многоуважаемая Ольга Алексеевна,

Когда я прибыл в «Евр<опейскую> гостиницу» (ровно в 3 часа), то швейцар сказал *мне прямо*, что Вас нет дома, что Вы выехали. Отдавая билетик мой,[1] я еще раз спросил — и он опять ответил мне то же самое. Наконец, уходя, никак не доверяя словам швейцара, спросил его в третий раз, настоятельно: не ошибся ли он? И он в третий раз и уже с грубостию ответил мне: «Сказано, что нет, значит нет».[2] — Всё это пишу в такой подробности, чтоб Вы не подумали как-нибудь, что я осведомился небрежно, поверил первому слову и т. д. Сожалею чрезвычайно, что именно во вторник я *совершенно весь день* не принадлежу себе,[3] а потому Вашим добрым и любезным приглашением воспользоваться никак не могу. К тому же нахожусь в нравственной тревоге: всю эту неделю я буду занят бог знает чем — выездами, повторениями чтений [4] и проч., тогда как надо писать и писать и готовить обещанное к сроку.[5] Но не могу и представить себе, чтоб мы с Вами еще раз не увиделись. Верьте искренности моих чувств и моей к Вам преданности, равно как и глубочайшего уважения —

Ваш всегдашний слуга

Ф. Достоевский.

На конверте:

Ее превосходительству
Ольге Алексеевне Новиковой.
Европейская Гостиница № кв. 113.
(Михайловская улица [6])

774. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

12 марта 1879. Петербург

Петербург. 12 марта/79.

Многоуважаемый Виктор Феофилович,

Вчера получил Ваше письмо. Вы в скверном расположении духа, не давайте себя убивать обстоятельствами. Поверьте, что всё перемелется — мука будет. То, что Вы пишете на счет Михаила Никифоровича, даже и невероятно. Тут что-нибудь другое, какое-нибудь недоразумение. Если б он раздумал и не захотел принять Ваших просьб или предложений, то так бы и известил Вас, а *не уклонялся бы*. — А потому до разъяснения дела нельзя ничего сказать.[1]

«Братья Карамазовы» производят здесь фурор — и во дворце, и в публике, и в публичных чтениях, что, впрочем, увидите из газет («Голос», «Молва» и проч.).[2] До свидания, спешу ужасно, ибо очень занят. Постарайтесь получить ответ от М<ихаила> Н<икифорови>ча. Теперь, конечно, может быть, скоро воротитесь. Если получите от Петрова и если эти деньги могли бы Вам послужить (для выезда), то располагайте ими, могу Вас ими ссудить на время.[3] Вам совершенно преданный

Ф. Достоевский.

775. К. К. РОМАНОВУ

15 марта 1879. Петербург

Ваше императорское высочество,

Я в высшей степени несчастен, будучи поставлен в совершенную невозможность исполнить желание Ваше и воспользоваться столь лестным для меня предложением Вашим.[1] Завтра, в пятницу, 16 марта, в 8 часов вечера, как нарочно, назначено чтение в пользу Литературного фонда.[2]

Билеты были разобраны публикою все еще прежде объявления в газетах, и если б я не мог явиться читать объявленное в программе чтения учредителями фонда, то они, из-за моего отказа, принуждены бы были воротить публике и деньги.

Повторяю Вам, Ваше высочество, что чувствую себя совершенно несчастным. Я со счастьем думал и припоминал всё это время о Вашем приглашении прибыть к Вам, высказанное мне у его императорского высочества Сергея Александровича, и вот досадный случай приготовил еще такое горе![3] Простите и не осудите меня. Примите благосклонно выражение горячих чувств моих, а я остаюсь вечно и беспредельно преданный Вашему императорскому высочеству покорный и всегдашний слуга Ваш

Федор Достоевский.

15 марта/79.

776. К. К. РОМАНОВУ

21 марта 1879. Петербург

Ваше императорское высочество,

Завтра в 9½ часов буду иметь счастье явиться на зов Вашего высочества.[1]

С чувством беспредельной преданности всегда пребуду Вашего высочества вернейшим слугою

Федор Достоевский.

21 марта/79.
Среда.

777. О. А. НОВИКОВОЙ

28 марта 1879. Петербург

28 марта/79.

Многоуважаемая Ольга Алексеевна,

Насчет «Русской речи» могу сообщить лишь то, что знаю, знаю же обстоятельно весьма лишь немногое.[1] Навроцкий настоящий редактор-издатель, единственный (кажется) собственник журнала и уже *несомненно* главный и автономный распорядитель. До начала журнала, когда я с ним виделся и говорил, хоть и видел в нем человека не тупого, но никак не мог сообразить: для чего ему надо издавать журнал? Теперь же понимаю, в чем дело: он сам оказался стихотворцем и писателем драм в стихах, и, мне кажется, он[a] решился даже рискнуть капиталом, чтоб видеть собственные свои сочинения в печати.[2] Человек он, говорят, честный, но с великим самомнением и судит сотрудников своих даже свысока. Мне сообщили заверно, что он отверг 3 стихотворения Фета и не напечатал их потому, что они «безграмотны» (!) Jalousie de métier,* должно быть. Входить в сношения нужно с ним прямо. Статья Данилевского появилась у него, конечно, случайно,[3] но Градовский и Ев. Марков считаются постоянными сотрудниками. Статья Градовского не обстоятельна, сущности дела он не понимает, но полезна, говоря относительно.[4] Статьи же Ев. Маркова, по-моему, на этот раз плоховаты.[5] Насчет повести «Ненастье» ничего не знаю, потому что до сих пор не читал, но слышал и здесь благоприятные отзывы.[6] Вообще же журнал не возбудил *здесь* (кроме статей Данилевского и Градовского) никакого эффекта. Вот всё, что могу сообщить, но пока пусть это *между нами.* Я с Навроцким встречаюсь в домах (у Философовой, у гр. Толстой) и не желал бы, чтоб до него *дошли* мои откровенные мнения, хотя в журнале его никогда ничего не напечатаю.

---

[a] *Далее было*: из тех, который

* Ревность соперника по профессии (*франц.*).

Вашу статью прочел с великим удовольствием, хотя и не всё в ней *развито* (по краткости), но тон именно такой, как надо.[7] Почаще бы им (англичанам и европейцам) читать в этом роде.

Поздравляю Вас с наступающим праздником.

Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут несомненно они виноваты. Я убежден из процесса и из всего, и из подлой защиты Александрова, который замечательный здесь негодяй — «адвокат нанятая совесть».[8]

До свидания, кажется, буду в Москве весной и не премину засвидетельствовать Вам мое уважение искреннее.[9]

С которым и пребываю Вам совершенно преданный

Ф. Достоевский.

На конверте:

В Москву
Трубный переулок близ Поварской, дом Новикова.
Ее превосходительству
Ольге Алексеевне Новиковой.

778. Н. А. ЛЮБИМОВУ

1 апреля 1879. Петербург

(Черновой набросок начала письма)

1-е апреля/79.

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Христос воскресе прежде всего. Желаю Вам[а] встречать этот праздник еще[1] ‹много лет›[б]

[а] *Далее было*: конечно ‹?›
[б] *Текст обрывается.*

779. Н. А. ЛЮБИМОВУ

14 апреля 1879. Петербург

Слышал от К. П. Победоносцева о Вашем прибытии. Хотел сказать Вам 2 слова о чрезвычайно для меня важном. Главное — уезжаю завтра, в 10 часов вечера в Старую Руссу. Буду завтра дома от 2-х до 3-х. Еще дома каждодневно от 6 до 7. Если нельзя Вам ко мне, то не дадите ли знать по городской почте, когда я завтра мог бы застать Вас.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Кузнечный переулок, дом № 5, кв. 10, близ Владимирской церкви.

780. Н. А. ЛЮБИМОВУ

30 апреля 1879. Старая Русса

Старая Русса. 30 апреля/79.

Милостивый государь
многоуважаемый Николай Алексеевич,

Благодарю Вас чрезвычайно за Ваше письмецо. Но я рассудил (по моим обстоятельствам), что лучше Вам ответить уже в Москву. Я о многом хотел тогда с Вами переговорить,[1] но теперь лишь об одном, об главном: дело в том, что с матерьялом для майского № «Русского вестника» я несколько *принужден запоздать* и, будучи из-за этого в беспокойстве, нахожу необходимым Вас об этом уведомить. Вышлю я (постараюсь изо всех сил) к 10-му мая, но, может быть, и к 15-му (*ни за что уже не позже*). Боюсь, возможно ли это будет согласить с Вашими расчетами по изданию? Может быть, пришлю часть (половину, например) и раньше 15-го. Думаю, что так. Дело в том, что теперь для меня кульминационная точка романа. Надо выдержать хорошо, а для этого не слишком спешить. На май будет листа три (может быть, больше). Во всяком случае, всё, что будет теперь следовать далее, будет иметь, для каждой книжки, как бы законченный характер. То есть как бы ни был мал или велик отрывок, но он будет заключать в себе нечто целое и законченное.[2]

При отсылке к Вам текста для майского № напишу Вам коечто еще, из того, что теперь меня очень заботит.[3]

Убедительнейше прошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, передать многоуважаемому Михаилу Никифоровичу чрезвычайное сожаление мое о том, что я послужил как бы причиною его трудной и мучительной, должно быть, болезни. В газетах я прочел, что он, посещая меня, оступился на лестнице в мою квартиру.[4] Мне очень, очень это больно. Как его здоровье теперь? Пишут, что ему легче. Очень бы рад был, если это так.

Не мое конечно дело, но есть некто Пуцыкович, бывший редактор «Гражданина». Он пишет мне из Берлина удивительные письма, говорит, что ему обещал Михаил Никифорович какую-то работу и вот теперь он в нищете и в отчаянии.[5] Человек он, однако же, весьма благонадежный по образу мыслей,[a] то есть убеждений... Не мое, впрочем, это дело и душевно извиняюсь, что об нем напоминаю.

Примите искреннее уверение в моем глубочайшем уважении.

Преданный Вам Ф. Достоевский.

---

[a] *Было начато*: и хорошего обр‹аза мыслей›

781. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

3 мая 1879. Старая Русса

Многоуважаемый и любезнейший Виктор Феофилович,

Не ответил Вам ничего до сих пор в Берлин за сборами в Старую Руссу, из-за которых запустил и доставку романа в «Русский вестник». Запоздал ужасно и на этот месяц отделаюсь не раньше 15 мая, тогда и напишу Вам еще, а теперь лишь несколько строк, чтоб Вы не подумали, что я Вас забыл. Напротив, Вы у меня чуть не каждый день в уме. Раздумываю о *Вашем шаге* и ужасно ему удивляюсь. То-то вот и есть, что Вы ничего *точного* не пишете, из чего заключаю, что и в самой теперешней Вашей судьбе есть неточность ужасная. Например, Вы не объяснили до сих пор, с какими средствами Вы отправились за границу, что у Вас было в кармане и что в надеждах? Во-вторых: какие надежды? Если обещал Вам что-нибудь Катков, то что именно? И наконец, обещал ли что действительно или всё только в одном предположении. Не зная всего этого, нельзя и судить о Вашем положении. Я вот хотел было написать Каткову и напомнить об Вас, но как я сделаю, ничего не зная? Корреспондент ли Вы его или нет? Вы пишете, что уже отправили в «Московские ведомости» кое-что из Берлина, но не было напечатано.[1] Тут самое важное: формальный ли Вы корреспондент «Московских ведомостей» *по уговору* или послали корреспонденцию, как всякий частный человек, которому вздумалось бы написать что-нибудь? Всё это время Катков был очень болен, карбункул на коленке, который ему взрезали и который он получил при падении на лестнице моей квартиры, когда делал мне визит в Петербурге.[2] Понятно, что в это время ему могли и не доставлять Вашу корреспонденцию из Берлина, распорядители же «Московских ведомостей» без Каткова могли Вас принять лишь за частное лицо, да и корреспонденции Вашей, может быть, не читали. Катков же напечатал в «Московских ведомостях», что по болезни его прекращаются на время в его газете передовые статьи. Естественно, что тут Ваши корреспонденции просто не дошли до него, да и слух об Вас исчез, да и письма Ваши, должно быть, распечатывались другими, потому что он, по болезненному состоянию, ничего, должно быть, не читал. Я написал об Вас недавно Любимову два словечка: нельзя ли, дескать, напомнить Михаилу Никифоровичу, но написал чуть-чуть, осторожно, потому, что писал не самому Каткову.[3] — Теперь о Ваших намерениях. Начать вроде листков в Берлине «Гражданин» действительно очень недурная мысль, но начать менее чем с *600 талеров* в кармане нельзя, и потом, как же будет доходить в Россию?[4] Тут цензура, да и публика сначала будет очень остерегаться. К тому же Вам нельзя миновать прежних подписчиков, надо разослать и им. Одним словом, напишите мне что-нибудь, напишу и я Вам что-нибудь,

и если начнете что-нибудь, то пришлю, может быть, Вам статейку для начала. Но до 15-го числа теперь решительно не имею времени ни говорить, ни судить. Положение Ваше беспокоит меня до крайности. Напишите хоть Юлии Денисовне (но не требуйте у ней ничего <?>).[5] Напишите еще письмо Каткову (почетче пишите, ему некогда долго разбирать почерк). Жена Вам очень кланяется. Мы с ней много раз о Вас говорили. *Адресс мой: Старая Русса, Ф. М-чу Достоевскому*, и только. Посылаю Вам 15 руб., дойдут ли? *До свидания*, обнимаю Вас, крепко жму Вашу руку.

Ф. Достоевский.

P. S. А ведь может случиться, что я поеду в Эмс, в июле например; тогда в Берлине наверно увидимся.[6]

О теперешних событиях пока ничего не напишу.[7]

P. S. Насчет обещанной статьи скажу Вам, что мне надо знать в точности время появления Вашего первого №; тогда и пришлю статью по поводу чего-нибудь текущего.[8] — Но если я пришлю статью, то очень попрошу Вас по крайней мере в первых нумерах не отвечать «Голосу» и другим по поводу «Карамазовых» и проч. Ибо мне кажется неприличным, чтоб явилось в № моя статья и ругань за меня. Надо повременить. «Голосу» я отвечу и сам, но лишь осенью, когда узнаю в точности, кто писал. Это мне очень нужно для характера ответа.[9] — Хорошо бы было, если б Вы с первого № имели средства открыть отдел под названием: «Из жизни русских за границею». Сообщение сведений из их жизни, из их апатического отношения к России, лени, нигилизма, индифферентизма и проч. и, главное, частной жизни — было бы очень здесь любопытно и уж как бы взволновало и заинтересовало самих заграничных русских: ужасно стали бы подписываться.[10] Но для этого надобно корреспондентов, сотрудников, иль самому проехаться по Германии, по водам и проч., так что дело трудное. Если будете писать о нигилистах русских, то, ради бога, не столько браните их, сколько отцов их. Эту мысль проводите, ибо корень нигилизма не только в отцах, но отцы-то еще пуще нигилисты, чем дети. У злодеев наших подпольных есть хоть какой-то гнусный жар, а в отцах — те же чувства, но цинизм и индифферентизм, что еще подлее.[11] До свидания, голубчик, крепко жму Вам руку, жена Вам очень кланяется. Не знаю, поеду ли в Эмс. Если поеду, то во второй половине июля. Новый адресс Ваш Любимову сообщаю.[12] В ответ о многом бы хотел написать, но ни места, ни времени. Простите, напишу еще, верьте, что люблю Вас.

Ф. Достоевский.

Старая Русса, 3 мая.

782. Н. А. ЛЮБИМОВУ

10 мая 1879. Старая Русса

10 мая/79. Старая Русса.

Милостивый государь
многоуважаемый Николай Алексеевич,

Сегодня выслал на Ваше имя в редакцию «Р<усского> вестника» *два с половиною* (minimum) текста «Братьев Карамазовых» для предстоящей майской книги «Р<усского> в<естни>ка». Это книга пятая, озаглавленная «Pro и contra», но не вся, а лишь половина ее. 2-я половина этой 5-й книги будет выслана (своевременно) для июньской книги и заключать будет три листа печатных. Я потому принужден был разбить на 2 книги «Р<усского> в<естни>ка» эту 5-ю книгу моего романа, что, во-1-х) Если б даже и напряг все усилия, то кончил бы ее разве к концу мая (за сборами и переездом в Старую Руссу — слишком запоздал), стало быть, не получил бы корректур, а это для меня важнее всего; во-2-х) Эта 5-я книга, в моем воззрении, есть кульминационная точка романа, и она должна быть закончена с особенною тщательностью. Мысль ее, как Вы уже увидите из посланного текста, есть изображение крайнего богохульства и зерна идеи разрушения нашего времени в России, в среде оторвавшейся от действительности молодежи, и рядом с богохульством и с анархизмом — опровержение их, которое и приготовляется мною теперь в последних словах умирающего старца Зосимы, одного из лиц романа. Так как трудность задачи, взятой мною на себя, очевидна, то Вы, конечно, поймете, многоуважаемый Николай Алексеевич, и извините то, что я лучше предпочел растянуть на 2 книги, чем испортить кульминационную главу мою поспешностью.[1] В целом глава будет исполнена движения. В том же тексте, который я теперь выслал, я изображаю лишь характер одного из главнейших лиц романа, выражающего свои основные убеждения. Эти убеждения есть именно то, что я признаю *синтезом* современного русского анархизма. Отрицание не бога, а смысла его создания. Весь социализм вышел и начал с отрицания смысла исторической действительности и дошел до программы разрушения и анархизма. Основные анархисты были, во многих случаях, люди искренно убежденные. Мой герой берет тему, *по-моему*, неотразимую: бессмыслицу страдания детей и выводит из нее абсурд всей исторической действительности. Не знаю, хорошо ли я выполнил, но знаю, что лицо моего героя в высочайшей степени реальное. (В «Бесах» было множество лиц, за которые меня укоряли как за фантастические, потом же, верите ли, они все оправдались действительностью, стало быть, верно были угаданы.[2] Мне передавал, например, К. П. Победоносцев о двух, трех случаях из задержанных анархистов, которые поразительно

были схожи с изображенными мною в «Бесах».) Всё, что говорится моим героем в посланном Вам тексте, основано на действительности. Все анекдоты о детях случились, были, напечатаны в газетах, и я могу указать, где, ничего не выдумано мною. Генерал, затравивший собаками ребенка, и весь факт — действительное происшествие, было опубликовано нынешней зимой, кажется, в «Архиве» и перепечатано во многих газетах.[3] Богохульство же моего героя будет торжественно опровергнуто в следующей (июньской) книге, для которой и работаю теперь со страхом, трепетом и благоговением, считая задачу мою (разбитие анархизма) гражданским подвигом.[4] Пожелайте мне успеха, многоуважаемый Николай Алексеевич.

Корректур жду с превеликим нетерпением. Адресс: Старая Русса, Ф. М-чу Достоевскому.

В посланном тексте, кажется, нет ни единого *неприличного* слова. Есть лишь одно, что ребеночка 5 лет мучители, воспитавшие его, за то, что она не могла проситься почью, обмазывали *ее же калом*. Но это прошу, умоляю не выкидывать. Это из текущего уголовного процесса. Во всех газетах (всего 2 месяца назад, Мекленбург, мать — «Голос») сохранено было слово кал.[5] Нельзя смягчать, Николай Алексеевич, это было бы слишком, слишком грустно! Не для 10-летних же детей мы пишем. Впрочем, я убежден, что Вы и без моей просьбы сохранили бы весь мой текст.

Еще об одном пустячке. Лакей Смердяков поет лакейскую песню, и в ней куплет:

Славная корона —
Была бы моя милая здорова.

Песня мною не сочинена, а записана в Москве. Слышал ее еще 40 лет назад. Сочинилась она у купеческих приказчиков 3-го разряда и перешла к лакеям, никем никогда из собирателей не записана, и у меня в первый раз является.

Но настоящий текст куплета:

Царская корона —
Была бы моя милая здорова.

А потому, если найдете удобным, то сохраните, ради бога, слово «царская» вместо «славная», как я переменил на случай. (*Славная*-то само собой пройдет.) [6]

Каково здоровье Михаила Никифоровича? Будьте так добры, передайте ему мое наиглубочайшее уважение.

Свидетельствую мое почтение Вашей супруге.

Примите, многоуважаемый Николай Алексеевич, искреннее уверение в самых лучших моих к Вам чувствах.

Ваш покорный слуга Ф. Достоевский.

P. S. Нельзя ли включить на последней странице извещение: Окончание 5-й книги «Pro и contra» в следующем № 6.[7]

На июньскую книжку пришлю текст к 10-му июня (самое позднее), а то и раньше того. Таким образом войду в сроки и буду присылать еще ранее 10-го числа каждого месяца. Буду печатать каждый месяц без перерывов.

783. Н. А. ЛЮБИМОВУ

17 мая 1879. Старая Русса

Старая Русса. 17 мая/79.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Я хоть и откладывал до сих пор расчет с «Р‹усским› вестником», так как с самого начала забрал вперед, но теперь крайние обстоятельства заставляют меня поневоле Вас обеспокоить моею просьбою, что мне очень неприятно, ибо рассчитывал сделать это гораздо позже. Счеты наши, к счастью, очень просты, многоуважаемый Николай Алексеевич: я печатаюсь по 300 р. за лист, забрал же вперед всего-навсе 4000 р.. таким образом, если сосчитать всё напечатанное, по листам и по страницам, то выйдет уже излишек против 4000 р., уже заработанный, и это я считаю лишь по отпечатанному. Два же с половиною листа (печатных) тексту, доставленных с неделю назад для текущей майской книжки, в счет не вошли.

Но беда в том, что мне теперь нужны деньги опять значительные. не менее 2000 р., как и в прошлом году. (NB. Заметьте, что к 10 июня я вышлю тексту уже на июньский №, и тогда выйдет заработанного мною уже более чем на 2000 р.) Вот почему и обращаюсь к Вам с просьбою выслать мне сюда, в Старую Руссу (Ст‹арая› Русса, Ф. М. Достоевскому), эти 2000 р., чем крайне обяжете.[1] Вверяю себя вполне Вашему ко мне благорасположению, которое не раз изведал. Хотел было кряду написать и Михаилу Никифоровичу, но боюсь обеспокоить, а потому и решился поручить все эти заботы Вашему доброму посредничеству.

Примите, многоуважаемый Николай Алексеевич, искреннейшее уверение в моем полнейшем уважении и преданности.

Ваш всегдашний слуга Ф. Достоевский.

P. S. Текст на июньский № прибудет в редакцию к 10-му июня, *ни минуты позже*.[2]

Жду корректур.

784. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

19 мая 1879. Старая Русса

Старая Русса.
19 мая 79.

Милостивый государь, дорогой и многоуважаемый Константин Петрович,

Хоть сегодня всего лишь 19 мая, но письмо мое дойдет к Вам не ранее 21-го, а потому и спешу поздравить Вас с днем Вашего Ангела. Кстати, припоминаю, что ровно год назад я был у Вас в этот день утром, и, кажется мне, что прошло тому всего каких-нибудь недели две-три, много месяц, — до того непозволительно быстро идет и уходит наше время!

Вот уже месяц, как я здесь, совершенно один с семейством и никого почти не видал. Погода была в большинстве хорошая, здесь давно уже отцвели черемуха и яблони и в полном цвету сирень. Я сидел и работал, но сделал не так много, отослал, однако же, половину *книги* ($2^1/_2$ листа) на майскую книгу «Р<усского> в<естни>ка», но сижу жду корректуры и не знаю, что будет. Дело в том, что эта книга в романе у меня кульминационная, называется «Pro и contra», а смысл книги: богохульство и опровержение богохульства. Богохульство-то вот это закончено и отослано, а опровержение пошлю лишь на июньскую книгу. Богохульство это взял, как сам чувствовал и понимал, сильней, то есть так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России *у всего* (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодежи, то есть научное и философское опровержение бытия божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние *деловые социалисты* (как занимались во всё прошлое столетие и в первую половину нынешнего). Зато *отрицается* изо всех сил создание божие, мир божий и *смысл его*. Вот в этом только современная цивилизация и находит ахинею. Таким образом льщу себя надеждою, что даже и в такой отвлеченной теме не изменил реализму. Опровержение сего (не прямое, то есть не от лица к лицу) явится в последнем слове умирающего старца.[1] Меня многие критики укоряли, что я вообще в романах моих беру будто бы не те темы, не реальные и проч. Я, напротив, не знаю ничего реальнее именно этих вот тем...

Послал-то я, послал, а между тем мерещится мне, вдруг возьмут да и не напечатают в «Р<усском> в<естни>ке» *почему-либо*.[2]

Но об этом довольно. Что у кого болит, тот о том и говорит.

Читаю здесь газеты и ничего не пойму. Просто ни об чем не пишут. Вчера только прочел в «Новом времени» о распоряжении министра народного просвещения, чтоб преподаватели опровергали в классах социализм (а стало быть, входили бы с воспитанниками в препирательства?). Идея до того опасная, что и представить себе нельзя.[3]

Здесь, когда я приехал, разговаривали об офицере Дубровине (повешенном) здешнего Вильманстрандского полка.[4] Он, говорят, представлялся сумасшедшим до самой петли, хотя мог и не представляться, ибо бесспорно был и без того сумасшедший. Но вот как начнешь судить по стоящему перед глазами примеру, то в сотый раз поражаешься двумя фактами, которые у нас ни за что не хотят измениться. А именно: взяв в объект хотя бы лишь один полк Дубровина, а с другой стороны — его самого, то увидишь такую разницу, как будто бы существа с разнородных планет, между тем Дубровин жил и действовал в твердой вере, что все и весь полк вдруг сделаются такими же, как он, и только об этом и будут рассуждать, как и он.[5] — С другой стороны, мы говорим прямо: это сумасшедшие, и между тем у этих сумасшедших своя логика, свое учение, свой кодекс, свой бог даже и так крепко засело, как крепче нельзя. На это не обращают внимания: пустяки, дескать, не похоже ни на что, значит, пустяки. *Культуры* нет у нас (что есть везде), дорогой Константин Петрович, а нет — через нигилиста Петра Великого. Вырвана она с корнем. А так как не единым хлебом живет человек, то и выдумывает бедный наш бескультурный поневоле что-нибудь пофантастичнее, да понелепее, да чтоб ни на что не похоже (потому что, хоть всё целиком у европейского социализма взял, а ведь и тут переделал так, что ни на что не похоже).[6]

Вот и четыре страницы, и представьте, дорогой Константин Петрович, написал Вам именно то, о чем не хотел писать! Но нечего делать. Крепко жму Вам руку и шлю самые искренние пожелания Вам всего лучшего и долгих, долгих лет. Мне приятно теперь, что Вы эти слова мои получите и прочтете.

Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой. Я и зимой к Вам приезжал дух лечить.[7]

Пошли же Вам бог спокойствия мысли — больше этого пожелания я не знаю, чего бы еще можно пожелать человеку в наши дни.

Многоуважаемой супруге Вашей глубокий мой поклон.

Вам совершенно преданный всегдашний слуга Ваш

Ф. Достоевский.

Адресс мой: Старая Русса Ф. М-чу Достоевскому.

785. Н. А. ЛЮБИМОВУ

11 июня 1879. Старая Русса

Старая Русса. 11 июня/79.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Третьего дня я отправил в редакцию «Русского вестника» продолжение «Карамазовых» на июньскую книжку (окончание 5-й главы «Pro и contra»).[1] В ней закончено то, что *«говорят уста гордо и богохульно»*.[2] Современный *отрицатель*, из самых ярых, прямо объявляет себя за то, что советует дьявол, и утверждает, что это вернее для счастья людей, чем Христос. Нашему русскому, дурацкому (но страшному социализму, потому что в нем молодежь) — *указание* и, кажется, энергическое: хлебы, Вавилонская башня (то есть будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист! Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилятина, — Вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны, не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия над человеческой совестью и низведения человечества до стадного скота, а мой социалист (Иван Карамазов) — человек искренний, который прямо признается, что согласен с взглядом «Великого Инквизитора» на человечество и что Христова вера (будто бы) вознесла человека гораздо выше, чем стоит он на самом деле. Вопрос ставится у стены: «Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители?».

И всё это будто бы у них во имя любви к человечеству: «Тяжел, дескать, закон Христов и отвлеченен, для слабых людей невыносим» — и вместо закона Свободы и Просвещения несут им закон цепей и порабощения хлебом.[3]

В следующей книге произойдет смерть старца Зосимы и его предсмертные беседы с друзьями. Это не проповедь, а как бы рассказ, повесть о собственной жизни. Если удастся, то сделаю дело хорошее: *заставляю сознаться*, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее, и что христианство есть единственное убежище Русской Земли ото всех ее зол. Молю бога, чтоб удалось, вещь будет патетическая, только бы достало вдохновения. А главное — тема такая, которая никому из теперешних писателей и поэтов и в голову не приходит, стало быть, совершенно *оригинальная*. Для нее пишется и весь роман, но только чтоб удалось, вот, что теперь тревожит меня! Пришлю же непременно на *июльскую* книгу, и тоже 10-го июля, не позже. В этом постараюсь изо всех сил.

Получил Ваше письмо, многоуважаемый Николай Алексеевич, насчет высылки денег и жду с нетерпением обещанной тысячи.[4] Нахожусь почти без денег, а занимать не желал бы. А потому *чрезвычайно прошу* выслать эту тысячу рублей как можно скорее, если возможно, то *нимало не медля*, потому что настоятельно нужно.

Где проживает Михаил Никифорович, в Москве или в именье, и как его здоровье? Передайте ему от меня горячий привет и поклон.

А теперь, если у Вас есть ко мне хотя бы некоторое дружелюбие (сужу по тому, как мы виделись и говорили), то не сделаете ли мне, если можете, одно *одолжение*, уважаемый Николай Алексеевич. Я Вам писал как-то раз вскользь о Пуцыковиче,[5] бывшем издателе «Гражданина». Он писал мне, что Михаил Никифорович обещал ему высылать что-то помесячно за корреспонденции в Берлин. Между тем он дошел теперь (пишет мне) до самой крайней нищеты в Берлине.[6] Человек же он весьма и весьма недурной. Теперь он остановился на мысли, с виду рискованной, но, право, недурной — издавать «Гражданин» в Берлине помесячно, выпусками книжками. Хочет рискнуть печатать в кредит, потому что даже и на еду у него денег нет. Подлости он не напишет никогда, а лишний орган русский, хотя бы и за границей издаваемый, в хорошем направлении — дело недурное. Если б возможно было его поддержать, хотя бы чем-нибудь самым малым (буквально), какой-нибудь сотней или двумя рублей, то он издал бы первый №, а там бы можно было посмотреть, что из этого выйдет. Его бы можно было руководить и направлять. Надеется он на подписку, хотя бы сначала и малую. Я Вас просил бы убедительнейше лишь о том, чтоб Вы, переговорив с Михаилом Никифоровичем, сообщили мне: каков его взгляд на Пуцыковича и правда ли что Михаил Никифорович обещал ему высылать помесячно (за корреспонденции) некоторую сумму в Берлин? По крайней мере, он сам мне положительно это писал.[7] Жду Вашего сообщения об этом. Пожалуйста, добрейший Николай Алексеевич, урвите время и черкните мне хоть 2 словечка о сем предмете.[8] Этот Пуцыкович мне жалок, и я его несколько люблю. Сам же он погибает и почти в отчаянии.

Засим с великим уваженьем и преданностью.

Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Мое почтение Вашей многоуважаемой супруге.

Адрес Пуцыковича: Berlin, Dorotheen-Strasse, 60, Wictor Putzykovitch.*

---

* Берлин, Доротеен-штрассе, 60, Виктор Пуцыкович (*нем.*).

786. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

11 июня 1879. Старая Русса

Старая Русса
11-го июня/79

Многоуважаемый Виктор Феофилович,

Вчера отправил Вам 15 ‹руб.›, как и прошлый раз на *poste restante*,* так что с получением этого письма Вы можете тотчас пойти взять и деньги.[1] Эти 15 ‹руб.› посылаю для того, чтоб Вам было чем оплачивать почту. Послал бы Вам, дорогой человек, и более, но, ей-богу, сам нуждаюсь в деньгах.

Теперь: не писал Вам долго потому, что до самого вчерашнего дня и день и ночь сидел за работой, даже газет не читал. Но вчера отослал и с неделю буду гулять.[2] — Понимаю, что Ваше положение до крайности трудное, но надеюсь, что Вы не упадете совершенно-то духом, напротив, докажете *им*, что Вы человек способный выбиться на дорогу даже одними собственными силами. Что Вам не отвечают и что все Вас забыли, этому не дивитесь: все сплошь таковы. Я бывал в таких положениях, как Вы, и то же самое видел. Насчет Каткова и «Московск‹их› вед‹омостей›» скажу Вам, что и со мной они теперь поступают самым небрежным (от лени и инерции) образом.[3] Я, например, с Катковым и не переписываюсь вовсе, ибо действительно боюсь, что письмо мое так и забудется у него на столе. Переписываюсь по нужным делам с Любимовым, редактором «Русского вестника». Мало того: мне в романе предстояло провести несколько идей и положений, которые, как я боялся, им будут не очень по нутру, ибо до окончания романа, действительно, можно эти идеи и положения понять превратно, и вот, как я боялся, то и случилось: ко мне придираются; Любимов присылает корректуры и на полях делает отметки, ставит вопросительные знаки. До сих пор кое-как уламывал, но очень боюсь за вчерашнюю посылку на июнь месяц, что они встанут на дыбы и скажут, что нельзя напечатать.[4] А потому поневоле должен с ними наблюдать тактику. Впрочем, если пройдет июньский №, то дальше уже ничего не буду бояться. — Теперь еще черта: заработанных моих денег теперь числится за ними две тысячи с лишком рублей. Две недели назад посылал к Любимову просьбу прислать эти 2000.[5] Получаю ответ, что касса «Русского вестника» теперь в некотором затруднении, а потому эти 2000 могут быть мне высланы лишь в продолжение лета до осени (NB. А до осени я ведь еще напишу на 2000!), а теперь будет немедленно выслана мне тысяча рублей. Хорошо, жду, и вот уже ровно 10 дней ни слуху, ни духу, я уже уведомил, что нуждаюсь.[6] Пришлось вчера опять повторить просьбу, так что выходит я как будто у них не *свое* прошу, уже заработанное,

---

* до востребования (*франц.*).

а выпрашиваю вперед взаймы.[7] Вот их манера действовать; конечно, за ними не пропадет ничего, это я знаю, но небрежность-то, инерция-то какова! Это между нами. Я не принимаю и в обиду, это уже так у них устроилось, и они со всеми так. А потому, хотя, конечно, Вам тяжело, но удержитесь, хоть на время, и не пишите им грубых писем. Во-1-х это будет большой неловкостью с Вашей стороны, потому что, если не *теперь*, то *потом* они могут Вам помочь. Притом у них иногда быстро меняются мысли, и тогда они изменяют свои действия даже в другую крайность. Например: удайся или понравься им, например, хоть 1-й выпуск Вашего «Гражданина» (если Вы его выпустите), и они тотчас же могут почувствовать к Вам даже нежность и тогда Вас поддержут. Это может случиться. Итак, к Каткову я о Вас не писал, потому что и *о себе* не писал и был занят. Но вчера, получив Ваше письмо от 5-го числа, в котором Вы просите *не* писать им о Вас, я все-таки, написав письмо к Любимову, черкнул ему и о Вас, с просьбой к нему: сходить к Каткову, узнать его мысли на Ваш счет и меня уведомить. Кроме того, упомянул, что Вы хотите выдавать «Гражданин», что дело это, по-моему, недурное и что если б они помогли Вам, лишь для первого № какой-нибудь крошечной суммой, рублей в 200, то по первому № можно бы было уже судить: пойдет ли дело и способны ли Вы вести журнал? — Так я написал и просил мне ответить поскорее: что ответят, то и сообщу Вам.[8]

Теперь о «Гражданине»: мысль хорошая, но, положим, Вы выдадите 1-й № — будет ли подписка? Из России, *первые месяцы*, будет ничтожная. Вот если удержится дело и журнал будет издаваться (и хорошо издаваться), то через несколько месяцев, пожалуй, и подпишутся, *но не раньше*. Могли бы быть подписчики из заграничных русских, но для того надо их заинтересовать и журнал распространить везде — это Вам без денег трудно (распространение, например).[9] 2-е. А цензура в России? Пожалуй, не будет и пропускать, если статьи резкие.[10] — В-3-х, пусть Вы напечатаете 1-й № в кредит, но как Вы разошлете его Вашим русским подписчикам, есть ли у Вас деньги на рассылку, да и есть ли с Вами книги подписчиков, не оставили ли Вы их в Петербурге?[11] В-4-х. Засецкая мне писала,[12] что *залог* принадлежит ей, что она заявила об этом, что Вы не смеете издавать журнал *на этот залог*. В самом деле, если залог задержат, то позволят ли Вам присылать Ваши издания в Россию и объявлять в России подписку?

Да и позволят ли Вам, наконец, издавать «Гражданин» в Берлине.[13] Вот вопросы, которые меня смущают. Ответьте мне на них. — Насчет же обещанной моей статьи[14] скажу Вам. что мне надо знать[a]...

---

[a] *Конец письма утрачен.*

787. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР

15 июня 1879. Старая Русса

15-го июня 1879 г. Старая Русса.

Многоуважаемая Елена Андреевна.

От души благодарю Вас за Ваше милое письмецо от 23-го мая. Не отвечал до сих пор за делами и за тоской. Всё скверная погода, холода, вихри и страшный дождь. Вдобавок заболели дети кашлем, и нас это очень беспокоит: всё думали, не коклюш ли? [1]

Дела же мои это — писание романа. Работа идет медленно. Каждый месяц даю не более двух с половиной печатных листов. А между тем работа трудная и мучительная, — пиша, всегда измучаюсь. Отсылаю всегда 10-го каждого месяца. Сегодня же 15 число, стало быть, завтра уже надо садиться писать.[2] Итого погулял всего 5 дней в нынешнем, например, месяце. Да и какое гулянье: сегодня ревет (буквально) ветер с дождем и ломает вековые деревья перед окнами. С истреблением лесов решительно изменяется климат России: негде держаться влаге и нечему остановить ветра.[3]

Здоровье мое вовсе не удовлетворительно, и помышляю о поездке в Эмс. Если вздумаю поехать, то состоится поездка не раньше половины июля, будущего месяца. Тогда уеду до сентября, что, впрочем, не помешает работе.[4] Ну вот и всё обо мне, кроме внутреннего, душевного, но ведь этого в письме не опишешь, потому-то и ненавижу писать письма.

Советую и Вам беречь здоровье, заправиться здоровьем на зиму. А зимой как-то встретимся, о чем будем толковать, какие будут насущные вопросы?

Я предчувствую, что все мы более, чем когда-нибудь, будем мысленно в разброде, кто в лес, кто по дрова. Хотелось бы тоже работать, а изменяют силы.

Читаю газеты и изумляюсь ежедневно всё более и более. Подкопы в губерниях под банки, Ландсберги и проч. и проч. Ну вот опишите, например, Ландсберга, которого преступление считают столь невероятным, что приписывают его помешательству.[5] Опишите — и закричат: невероятно, клевета, болезненное настроение и прочее, и прочее. Болезнь и болезненное настроение лежат в корне самого нашего общества, и на того, кто сумеет это заметить и указать, — общее негодование.

Кстати, Вы мне пишете о критике Евг. Маркова.[6] Оба тома «Русской речи» лежат у меня на столе, а я еще не притронулся прочесть критику. Противно. И если имею понятие о смысле его статей, то из посторонних газет.[7] Самый лучший мой ответ будет в том, чтоб порядочно кончить роман; по окончании романа уже в будущем году отвечу разом всем критикам. За 33 года литературной карьеры надобно, наконец, объясниться.[8]

Про Евг. Маркова я сказал Навроцкому еще прошлого года, когда он приходил ко мне просить советов насчет будущего еще издания журнала и объявил мне, что один из столпов журнала и одна из надежд его есть Евг. Марков, — я объявил (по неосторожности моей), что Евг. Марков есть старое ситцевое платье, уже несколько раз вымытое и давно полинявшее.[9]

Так как я не обязывал Навроцкого к секретам, то, полагаю, он ему это и передал. Прибавьте к тому, что Евг. Марков сам в нынешнем году печатает роман с особой претензией опровергнуть пессимистов и отыскать в нашем обществе здоровых людей и здоровое счастье. Ну, и пусть его. Уж один замысел показывает дурака. Значит ничего не понимать в нашем обществе, коли так говорить.[10]

Но всё это пустяки, а повторяю — самое лучшее запастись здоровьем, что опять-таки советую и Вам, моя дорогая, прежде всего. Осенью увидимся. Анна Григорьевна шлет Вам и всем Вашим поклон. Я — тоже, и преглубокий. Покровскому передайте от меня что-нибудь хорошее, но дарить мои сочинения в именины, — это уж слишком мне много чести.[11] Крепко жму Вашу руку. Не забывайте, пишите.

Ваш весь Ф. Достоевский.

788. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

19 июня 1879. Старая Русса

19 июня/79. 8 часов вечера. Старая Русса.

Здравствуй, Аня, как ты доехала, напиши.[1] Очень беспокоюсь за тебя, что в Новгороде тебя измочило и измучило. Я, как ты уехала, почувствовал себя не совсем здоровым, насморк сильнейший и неимоверный, туманность и боль головы. Лег спать и спал часа три. День был хороший, но, как я встал, тотчас пошел дождь-ливень, и так продолжалось с перерывами до 6 часов. Еще до дождя дети, как я встал, выпросились в парк, оделись и пошли, а тут вдруг и ливень. Я сидел в беспокойстве, но прибежала нянька и сказала, что они не в саду, а у батюшки, зашли за Анфисой,[2] но пошел дождь, и остались, так что ни одной капли на них не капнуло. Сама матушка[3] прислала няньку ко мне, чтоб меня успокоить. Затем пришли дети, переоделись, и явились поповские дети, сидели чуть не до ночи, мне надоели, но я рад за детей, что им не скучно. Скверно то, что оба порядочно кашляют, но хуже Лиля, очень худо кашляла, часто и с заливчатым кашлем. Даю лекарство и по возможности не даю выходить на двор.[4] Лиля слушается, а Федя мало. Теперь, впрочем, дождя нет, ясно, но сыро и даже не очень тепло. Я их пустил посидеть за воротами.

Пришли газеты и одно письмо от Сазонович из Москвы. Ничего особенного, но присылает несколько автографов. Пишет тебе, конечно.[5] Ну до свидания, жду с нетерпением и беспокойством от тебя письма. Боюсь, что ты промокнешь и простудишься. Твоя поездка сильно парализовала мою работу. Приезжай поскорее. Дай бог тебе всякого успеху. Обнимаю тебя и целую, дети тоже. Привези капсюлей Gugot (дегтярных), у меня ничего нет.

Твой Ф. Достоевский.

P. S. Боюсь соболезнований, боюсь визитов — Жакеляр, батюшки. Пожалуй, Анна Ивановна придет.[6]

Дети говорят о тебе, и Федя всё спрашивает: где ты теперь, на Любани иль нет, и почему так медленно.[а]

а *Далее приписки детей Достоевских:*
Милая моя мамочка как ты здарова цалую тебя Люба.
Мамаа прежяй скорее. Федя

789. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

6 июля 1879. Старая Русса

Телеграмма

В Москву. В редакцию «Русск<ого> вестника». Страст<ной> бульвар. Не получил 6 книжку[а] прошу выслать[б] мне в Старую Руссу немедленно.

Ф. Достоевский.

790. Ф. ТОМА

Начало июля 1879. Старая Русса

Monsieur!

Le Congrès littéraire m'a fait l'insigne honneur de m'élire membre du Comité d'honneur. Je l'en remercie du fond de mon coeur. Comment ne pas être fier de figurer parmi tant de noms illustres, au rang des gloires les plus éminentes de notre littérature contemporaine?

Est-il besoin d'ajouter, que mon vif désir est d'apporter mon concours le plus actif à l'oeuvre que poursuit l'Association? J'espère que cette année ma santé me permettra d'être au milieu de vous et de prendre part à vos travaux.

Veuillez, Monsieur et très respecté confrère, exprimer aux membres du Congrès ma très sincère gratitude pour cette marque

---

а *Далее было:* покорнейше
б *Далее было:* ко

unanime de sympathie qu'ils ont bien voulu me témoigner, et agréer pour vous, Monsieur, l'expression de mes sentiments de très haute considération.*

‹Ф. Достоевский›

---

* Милостивый государь!

Литературный конгресс оказал мне высокую честь, избрав меня членом почетного Комитета. Я благодарю его от всего сердца. Как не гордиться тем, что твое имя оказалось среди стольких прославленных имен, в ряду самых выдающихся знаменитостей нашей современной литературы?

Нужно ли говорить, что я горячо желаю всемерно способствовать делу, которому служит Ассоциация? Я надеюсь, что в этом году здоровье позволит мне быть среди вас и участвовать в ваших трудах.

Соблаговолите, милостивый государь и высокочтимый коллега, передать делегатам конгресса мою самую искреннюю благодарность за единодушное признание, которым им было угодно меня почтить, а что касается лично вас, милостивый государь, принять уверение в моем глубочайшем уважении (*франц.*).

791. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 июля 1879. Старая Русса

Старая Русса. 8 июля/79.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Считаю совершенно необходимым известить Вас о моих обстоятельствах и прошу любезного Вашего ко мне внимания.

По расстроившемуся здоровью мне безотлагательно прописано съездить в Эмс на 6 недель лечения. Просьбу о паспорте я подал отсюда, из Старой Руссы, и так как в качестве бывшего ссыльного я получаю заграничные паспорты каждый раз особым (медленным) путем, то надеюсь получить его к 15—20-му июля.[1] Возвращусь в Старую Руссу в конце августа. Поездка работе не помешает, напротив, в Эмсе, в совершенном уединении, я еще свободнее, но об этом потом.[2]

Главное же в том, что на нынешний месяц (на июльскую 7-ю книжку) я бы очень просил Вас не требовать от меня продолжения «Карамазовых». Оно почти готово и при некотором усилии я бы мог выслать и в нынешнем месяце. Но важное *для меня* в том, что эту будущую, 6-ю книгу («Pater Seraphicus», «Смерть старца») я считаю кульминационной точкой романа, а потому желалось бы отделать ее как можно лучше, просмотреть и почистить еще раз[a]; беру ее с собой в Эмс и из Эмса вышлю в редакцию «Русского вестника» не позже (ни в каком случае) 10—12 числа будущего августа, то есть к этим числам она уже будет в редакции.[3] Таким образом, появится она 31 августа в «Р‹усском› вестнике» (до 3-х печатн‹ых› листов). Затем последует 7-я книга на сентябрь и октябрь (по $2^1/_2$ листа на каждый

---

[a] *Далее было*: а потому

месяц, вперед заявляю, что эффектная), и этой 7-й книгой закончится 2-я часть романа «Бр‹атья› Карамазовы».

И вот я теперь у самого главного пункта! В романе есть еще 3-я часть (не столь великая числом листов, как 2-я, но такого же объема, как и первая).[4] Закончить же ее в нынешнем году я положительно не могу. Не рассчитал, принимаясь за роман, сил моего здоровья. Кроме того, работать стал гораздо медленнее и, наконец, смотрю на это сочинение мое строже, чем на все прежние: хочу, чтоб закончилось хорошо, а в нем есть мысль, которую хотелось бы провести как можно яснее. В ней суд и казнь и постановка одного из главнейших характеров, Ивана Карамазова. Одним словом, считаю долгом сообщить Вам и предложить на Ваше согласие следующее. После окончания 2-й части (в октябрьской книжке) я приостановлюсь до будущего года, до января, и 3-я часть появится в январской книжке. Эта 3-я часть (в 10 или в 11 листов) будет закончена, а с нею вместе и роман, в январе, феврале и марте (никак не далее), а может быть, даже в январе и в феврале.[5] Но чтобы не было газетных (фельетонных) обвинений на «Русский вестник» (как при «Анне Карениной»), что редакция нарочно растягивает роман на несколько лет,[6] я, в октябрьской же книжке сего года, то есть при окончании 2-й части, пришлю Вам мое письмо, для напечатания в той же книжке, за моею подписью, в котором принесу извинение, что не мог кончить работу в этом году по нездоровью и что виноват в этом перед публикой выхожу один только я. Письмо прислано будет предварительно на Ваше рассмотрение.[7]

Так как я считаю всё это для меня весьма важным, то и попрошу Вас очень, многоуважаемый Николай Алексеевич, известить меня об этом, хоть кратким письмецом. Вместе с тем попрошу Вас передать об этом и Михаилу Никифоровичу. По некоторым соображениям моим мне кажется, что план мой *в моем положении для меня лучший*, да и исходу другого не вижу.

Если напишете мне, то адресуйте в Старую Руссу на мое имя. Мне, если б я и уехал уже в Эмс, жена перешлет во всяком случае тотчас же.

Я 3-го дня послал в редакцию «Р‹усского› вестника» телеграмму, с просьбой выслать мне последний, 6-й, июньский № «Р‹усского› вестника», который я не получил до сих пор, сюда, в Старую Руссу. Предыдущие 2 № были высланы мне сюда, в Старую Руссу. Этот же №, вероятно, забыли. Весьма прошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, выслать мне его немедленно. Во-1-х — авторское нетерпение, а во-2-х — необходима книжка даже для справок.

Обещанную 2-ю тысячу рублей (из обещанных 2 месяца назад двух) особенно попрошу Вас выслать, или высылать сюда, в Старую Руссу, *на имя жены моей: Анне Григорьевне Достоевской. Старая Русса, собственный дом.* Обе прежние присылки по 500 руб. (с тех пор, как я в Старой Руссе) высылались на Ахен-

баха и Колли в Петербург, что повергло меня в большие хлопоты, ибо не ехать же в Петербург за 300 верст получать их. Первые 500 руб. были взяты от Ахенбаха и Колли лишь вследствие случайной поездки в Петербург жены моей.[8] 2-я же присылка на Ахенбаха и до сих пор лежит у меня в столе, до тех пор, как поеду сам в Петербург, чтоб оттуда отправиться в Эмс. А потому *чрезвычайно* прошу высылать впредь деньги, пока я[б] не перееду на зиму в Петербург, кредитными билетами.[9]

Весьма благодарю Вас за ответ насчет г-на Пуцыковича. Поступок его с Михаилом Никифоровичем теперь осмыслил вполне и считаю глупым и неделикатным. Между тем это человек не худого сердца и не глупый, но у него *внутреннего* ума нет, царя в голове. В Берлине пропою ему резкую нотацию, в которой он нуждается.[10] А засим прошу принять заверение в моем полнейшем уважении и преданности к Вам и к супруге Вашей.

Ф. Достоевский.

P. S. Чрезвычайно прошу передать Михаилу Никифоровичу мой нижайший поклон и лучшие пожелания.

Простите за помарки в письме, редко могу написать без помарок.

Дост‹оевский›.

б *Далее было*: в Старой Руссе

792. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ

11 июля 1879. Старая Русса

11 июля/79 г. Старая Русса.

Дорогая, уважаемая и незабвенная Анна Павловна, ровно месяц, как получил Ваше милое письмецо и до сих пор не ответил — но не судите, не осуждайте.[1] (Да и Вы ли станете судить, — Вы, добрая беззаветно и беспредельно, с Вашим прекрасным умным сердцем!) Я всё время был здесь, в Руссе, в невыносимо тяжелом состоянии духа, и хоть и было время побеседовать с Вами, но так иногда тяжело становилось, что каждый раз откладывал, когда приходилось взяться за перо. Главное, здоровье мое ухудшилось, дети все больны — сначала сын тифом, а потом оба теперь коклюшем,[2] погода ужасная, невозможная, дождь льет как из ведра с утра до ночи и ночью, холодно, сыро, простудно, на целый месяц не более трех дней было без дождя, а солнечный день выдался разве один. В этом состоянии духа и при таких обстоятельствах всё время писал, работал по ночам, слушая, как воет вихрь и ломает столетние деревья (sic!). Написал весьма мало, да и давно уже заметил, что чем дальше идут годы, тем тяжелее мне становится работа. Все мысли, стало быть, неуте-

шительные и мрачные, а мне хотелось побеседовать с Вами в другом настроении души.

Чрезвычайно мы (я и жена) порадовались, что Вы вздумали поехать на Кавказ, во-1-х, несомненная польза от лечения, в это я верю, только бы удалось Вам не попасть к худому доктору. (О, берегитесь медицинских знаменитостей: все они с ума сошли от самомнения и от заносчивости, уморят. Выбирайте всегда *среднего* доктора, какого-нибудь скромного немца, ибо, клянусь, немцы как доктора лучше русских, это свидетельствую Вам я, славянофил!) Во-вторых — поездка подальше, в такое характерное место, как Кавказ, сильно развлечет и отвлечет Вас от утомительно однообразной (хотя и чрезмерно характерной с виду) нашей санктпетербургской дребедени и пошлости. Отдохнете, только имейте силу духа забыть недавнее и непосредственнее отдаться впечатлениям природы и нового места. А затем в августе в деревню к милым деткам.[3] Как хорошо, что у Вас есть они, — сколько очеловечивают они существование в высшем смысле. Детки — мука, но необходимы, без них нет цели жизни. А европейские социалисты проповедывают всё о воспитательных домах! Я знаю великолепных душой людей, женатых, но детей не имеющих, — и что же: при таком уме, при такой душе — всё чего-то им недостает и (ей-богу, правда) в высших задачах и вопросах жизни они как бы хромают.

У Вас есть горькие строки о людской жестокости и о бесстыдстве тех самых, на которых Вы, истинно любя их, пожертвовали, может быть, всю жизнь и деятельность Вашу (про Вас это можно сказать). Но не удивляйтесь и не огорчайтесь — никогда более и не надо ждать ни от кого. Не осуждайте меня как бы за высший профессорский тон: я сам оскорблен многими и, право, иными невинно, другие же были оскорблены моим характером (в сущности тем, что я говорил им искреннее слово, по их же просьбе) и горько отплатили мне за это искреннее слово — и что же, я наверно досадовал и негодовал более, чем Вы. Правда, более того, что Вы претерпели от *тех* и *других*, редко могло быть — ибо сам я был свидетелем и сколько раз слышал я Ваше имя, обвиняемое *теми* и *другими*. Но вот что хорошо тут *всегда*: знайте, что всегда есть такая твердая кучка людей, которые оценят, сообразят и сочувствуют непременно и верно.[4] У Вас есть сочувственники, понимающие Вашу деятельность и прямо любящие Вас за нее. Я таких встречал и свидетельствую, что они есть. Меня же сочтите как горячего из горячих почитателей Ваших и прекрасного, милого, доброго, разумного сердца Вашего. Жена же моя Вас сразу полюбила, а знает Вас меньше моего.[5]

Грудь моя здесь так расстроилась, до того, что я 17-го числа июля еду в Эмс на шесть месяцев[а] до сентября.[6] Ужас, что вынесу скуки в уединенном лечении моем. Напишите мне тогда

[а] *Описка. Нужно:* недель

хоть строчку (Allemagne, Ems, M-r Théodore Dostoiewsky, poste restante).*

Глубокое мое уважение Вашему супругу,[7] до свидания, дорогая Анна Павловна, жму Вам руку и целую ее. Анна Григорьевна очень Вас любит и свидетельствует Вам свою беззаветную преданность.

Ваш Ф. Достоевский.

Напомните обо мне Вашим деткам.

---

* Германия, Эмс, г-ну Федору Достоевскому, до востребования (*франц.*).

793. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

19 июля 1879. Петербург

Петербург. 19 июля/79,
четверг.

Милый друг Аня, пишу тебе в 8 часов вечера, а сам падаю от усталости. Никогда я больше не страдал усталостью и бессилием, как в эту минуту. Голова кружится, в глазах рябит. Пишу и не вижу, что пишу. — Дорогой хотя и всё почти спал, но ослабел, как 5-ти летний ребенок, и что со мною будет до Берлина — не понимаю. — Остановился в «Знаменской» гостинице.[1] Сначала дали № отвратительный, в котором я в первый же час простудился, — окнами на север, тесно, мрачно. Перешел в другой № (250 к‹омната›), и теперь хорошо. Ахенбах и Колли деньги дали, но очень долго качали головами и ахали, не знаю почему.[2] Затем визировал паспорт в Болванском посольстве,[3] затем был у Победоносцева, не застал дома, каждый день бывает, вчера был, а сегодня нет. Оставил карточку. Затем купил сак — несколько больше моего, 8 р., и я уверен, что содрали лишнее. В Гостином же купил и носки 3 пары по рублю и 3 пары по 65 коп. (насилу нашел, и не знаю еще, хорошо ли). Купил гребенку 80 коп. (мою оставил дома). Был на квартире. Квартиру напротив нашей наняли, только сегодня и переехали жильцы. Сак старый отвез к Кранихфельдам. Они были дома, у них всё чисто, но жалуются на тараканов-пруссаков. Ужасно много. Черных же в моем кабинете — ни одного. Действительно, может быть черные к деньгам (прослышали «Карамазовых»), а перебрался Кранихфельд, мигом и исчезли.[4] К ним нанялась *в кухарки* Пелагея (Поля) — можешь представить. Я ее видел, стряпает, жалко смотреть. — Фиников**а**, приказчик у Кузьмина, Филипп парикмахер, только что взглянув на меня, все восклицали: «О боже, как вы изменились, как вы похудели, что, вы были больны?». И это конечно не потому, что я измучился ночью. Нет, Аня, плохо мне, и если Ems не поможет, то уж и не знаю, что

будет.[5] В Старой Руссе я себя хуже почувствовал. Но в Петербурге, все здесь говорят, было еще сырее, еще дождливее.

Что вы все? Всё об вас думал. Что мои ангельчики, Лилюк да Федул? Голубчики, если б только знали, как я их люблю. До свидания, Аня, обнимаю тебя. Кладу перо, если буду еще писать, упаду в обморок. Целую тебя и всех вас, Федю и Лилю. Скажи, чтоб были тебе послушны и меня любили.

Твой весь Ф. Достоевский.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской
(в собственном доме).

794. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

22 июля (3 августа) 1879. Берлин

Berlin. 22 июля/3 августа/79
Hôtel St.-Petersbourg
Unter den Linden,*
комната № 15.

Милый друг мой, дорогая моя женочка Аня, сейчас приехал в Берлин, утром в 7 часов (воскресение), и во-1-х, об себе: приехал совершенным молодцом, хоть еще столько же проехать. Даже спать совсем отучился. Правда, в вагоне случалось дремать и даже спать скрючившись, но что это за спанье! А потому подивись, какой богатырь твой муженек, я и не надеялся, тем более, что в Петербурге, в «Знаменской» гостинице,[1] до того были расстроены нервы, что совсем не выспался, много что проспал ночью часов 5. — Может быть, и теперь мое молодечество есть только напряжение нервов. Ну вот об моем здоровье. Историческая часть дороги небогата: одно хорошо, что погода была прекрасная. Да и в Петербурге оба дня, как я пробыл, были восхитительные. Значит, я увез от вас хорошую погоду, потому что до меня в Петербурге был ливень, и куда ни являюсь, везде хорошая погода. Что же до Старой Руссы, то там мое благодетельное влияние было пересилено злым влиянием Анны Ивановны, а потому погода была постоянно дурная.[2] Но о сем довольно. Еще по дороге в Петербург встретился мне в вагоне доктор Тицнер и был очень *искателен*, да подходил рекомендоваться и знакомиться Львов, которого ты видела на станции, был чрезвычайно любезен и дал мне знать, что имеет придворное звание (камер-

* Гостиница «С.-Петербург», Унтер ден Линден (*нем.*).

юнкер, вероятно) и командовал санитарным одним отрядом в войну по поручению Александры Петровны.[3] Великолепный букет Кат‹ерины› Прокофьевны[4] до того пустился пахнуть ночью, что у меня голова даже разболелась: подъезжая к Чудовой,[5] я его бросил из вагона в лес (не везти же было далее), и тем кончилось его существование. Она только не дала мне с вами проститься. Ты не поверишь, как мне грустно было, особенно по вечерам, вспоминать всю дорогу об детках и о тебе! И чем дальше, тем больше будет это. Надо копить, Аня, надо оставить детям, мучает меня эта мысль всегда наиболее, когда я приближусь лично к коловращению людей и увижу их в их эгоизме, например в дороге.[6] — Выехал из Петербурга удобно, в вагоне было просторно, и кое-как даже спал, но со 2-й половины дороги поминутно подсаживались поляки и немцы, и было не до спанья. — Когда пересели на немецкую дорогу, рекомендовался мне один жидок, доктор, из Петербурга, лет 50 (друг Тицнера, служит в Максимил‹иановской› лечебнице,[7] едет в Висбаден от ревматизма) — очень меня развлекал дорогою и служил мне переводчиком с немцами. Но особенно заботился об нас один колоссального росту пожилой немец, укладывал меня спать и оберегал от мошенничества кельнеров на станциях. А мошенники невообразимые и на станциях, и в Берлине: стоит 15 пфеннигов, а он запросит 40, дашь полмарки за кофей (25 пфенигов), а он сдачи 25 пфенигов не принесет вовсе, и это случилось 3 раза. Кормили в Германии на станциях нестерпимо гадко, цены же возросли против нашего времени 8 лет назад втрое. В Берлине привезли меня сначала в Кайзергоф отель, 4-й этаж, тускло, лестницы темные, как ночью, и за каморку, в которой повернуться нельзя, спросили 7 марок. Я поехал (заплатив лишнее извозчику) в Hôtel Petersbourg и здесь за 7 марок (ведь это 3 руб. по-нашему!) имею чуть-чуть сносную комнатку, в которой можно повернуться. (NB. Денег разменял в Эйдткунене[8] 200 руб., дали мне за них 425 марок, это еще хорошо, а в Петербурге меняла давал лишь 200 марок за 100 руб., да я не взял.) На немецкой дороге всё время была такая пыль, что мы все были как в саже, и я перепортил (буквально) платье. Здесь, в отеле, едва отмылся и сел писать тебе. Ну вот и вся моя дорога. Теперь не знаю еще, когда поеду в Эмс: сегодня вечером — значит, не выспаться. Кроме того, хотелось бы заказать пальто портному, но сегодня воскресение, и все портные заперты. Придется остаться до завтрашнего вечера до 10 часов, а послезавтра в 9 часов утра я в Эмсе. Пуцыковича еще не видал, боюсь его ужасно: во-1-х, прилипнет и не отстанет, будет сидеть передо мной с своим длинным (благородным) носом и смотреть вкось, а во-2-х, займет денег, а я ожидовел: страшно не хотелось бы давать. Однако пойду к нему. Скука в Берлине, а с Пуцыковичем и еще пуще.

Теперь напишу из Эмса, как приеду. Но ты-то когда мне напишешь? Уезжая и не условились! Неужто не догадаешься

написать раньше получения моего письма? [9] Ради Христа, описывай о себе всякую мелочь (и о здоровье твоем главное) и об детках — об них всё. Ну как они спят без меня по ночам? Вспоминают ли обо мне? А ты-то? Ты мне снилась дорогою, только в грустном виде, за что-то на меня сердилась, меня упрекала: ты не поверишь, как мне было тяжело это увидеть. Обнимаю и целую тебя бессчетно, всю. Деток целую особенно, скажи им, что я их люблю, молю о них бога и прошу их тебя слушаться и тебя беречь. В дороге я видел под ручку мальчика и девочку (из пассажиров), точно Лиля с Федей, сзади особенно, даже одеты были похоже! Ради бога, пиши. Обнимаю тебя и целую еще раз (да и всегда уж ты теперь пошла у меня из мыслей не выходить). Как приеду в Эмс, сейчас начну писать «Карамазовых», боюсь опоздаю выслать.[10]

До свидания же, пиши, ради бога, пиши, а я твой вечно —

твой муж Ф. Достоевский.

Поклон всем. Анне Васильевне и мужу ее особенно.[11] Рохельше про букет не говори.

Ради бога, береги свое здоровье, но если чуть-чуть заболеешь трудно — мигом телеграмму в Эмс (я дам адресс). Бог с тебя спросит, если так не сделаешь. Но лучше всего будь здорова, а потому береги здоровье изо всех сил. Еще раз целую тебя.

На конверте:

Russie
(Staraya Russa)
В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской
(По Перерытице, собственный дом).

795. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

24 июля (5 августа) 1879. Эмс

Эмс. 24 июля / 5 августа / 79.

Милый дружочек Анечка, сегодня утром в 11 часов, после совершенного неспанья во всю ночь, прибыл в Эмс и чувствую себя хорошо. Остановился пока: «Hôtel de France»,* № квартиры 21, у железной дороги. Сейчас пошел в ванну, затем, вымывшись, пришел на почту и прочел твое милое *первое* письмецо, за которое тебя горячо целую и Лилю, да и Федечку, — всех трех ангелов.

---

* «Французская гостиница» (*франц.*).

Теперь, голубчик, о делах. Пошел в «Stadt Alger» * — хозяйка очень обрадовалась, показала мне комнату и страшно жалела, что уже ее отдала по почте. Но если сегодня, в 7 часов, наемщик не явится в Эмс, то я, после 7 часов, занимаю сегодня же квартиру. Но так как всё еще это неверно, то зашел в «Luzern» ** (рядом). Там очень, очень меня помнит хозяин (жена его умерла, оставив ему милых малолетних деток с Лилю и Федю возрастом). В «Luzern'е» квартира есть, та самая, которую я занимал,[1] но занята теперь, хотя будет свободна через день, через два или через 3. А пока есть у него одна небольшая комната, где я бы мог эти 3 дня переждать. Итак, квартира мне ассюрирована[2] или в «Luzern'е» или в «Alger'е» сегодня же (ибо сегодня же перееду). Теперь главное в том, что скажет Орт; принимает он от 4-х до 6-ти, и я в ожидании четырех сел писать тебе это письмо, которое сейчас же и опущу в ящик, идя к Орту, с тем, что завтра же напишу тебе еще письмо, в котором объявлю решение Орта и в какой именно дом я переехал.

Теперь нечто важное: Милый друг Аня, рассчитали мы плохонько, со страхом предчувствую, что 600 р. будет мало, и понадобится мне не менее как еще сто руб. — Главное, и в «Alger'е» и в «Luzern'е» огорошили и показали мне книги моего содержания здесь за 4 и за три года назад. В неделю 12 талеров одни стены, теперь, так как сезон почти прошел, спускают два талера, и выходит 30 марок в неделю, за 5 недель 150 марок; кофе и завтрак утрешний стоил 5 талеров в неделю, обед не менее того никак, итого 100 талеров в 5 недель. Затем табак, лечение, Орт — на всё кладу 150 марок да 300 марок (100 талеров = 300 марок), итого вот уже 450 марок. Проезд от Эмса до Берлина с багажом и содержанием в дороге ровно 50 марок, итого 500 марок. Затем портному в Берлине 80[а] марок (NB. Заказал в Берлине пальто лучшему портному, содрал 160 марок, 80 я заплатил, а 80 проездом через Берлин), итого 580 марок. Да от Берлина до Петербурга с багажом 55 руб., да содержание 5 руб.,[б] итого 60 р. = 125 марок, итого 705 марок, да из Петербурга до Старой Руссы, да «Знаменская» гостиница, где надо спать, да хоть каплю на непредвиденные расходы — итого 800 марок надо. — Я же имею теперь на руках всего по курсу 680 или 690 марок (еще не менял 200 р.). Итак, уже наверно недостает. Истратил же я до сих пор, как оказывается, до 500 марок, со Старой Руссы начиная: проезд, Петербург, покупки в Петербурге кой-какие, дорога до Берлина, багаж, дорога сюда, Hôtel de France. В Берлине пальто и тебе бинокль (не сердись, не знаю, угожу ли биноклем, купил на свой вкус, а цены не скажу), да Пуцыкович

---

* «Город Алжир» (*нем.*).
** «Люцерн» (нем.).
а *Было*: 100
б *Было*: талеров

мне стоил до 60 марок. (Обещает 40 марок воротить под клятвою, еще сюда в Эмс, с тем ему и дал.) — Одним словом, не знаю, не наврал ли я по счетам, но у меня всего только до 700 марок в руках, а надо больше, и потому, может быть, придется тебе еще прислать мне 100 р. сюда, до выезда моего. Буду экономить изо всех сил, но на всякий случай будь предуведомлена.

Теперь об Ахенбахе и Колли. Письмо мое Любимов должен был получить, ибо послал его недели за две до выезда.[3] *Прошу тебя убедительнейше* непременно отправь перевод на имя Любимова назад, я же отсюда напишу *чрезвычайно вежливо*, но *твердо*, о том, что уже на этот раз *не сомневаюсь ни одной минуты*, что он исполнит просьбу[в] и немедленно вышлет тебе 500 руб. деньгами. Будет *прекрасно* написано, но *твердо*. Так должно, и я не сомневаюсь, что ты отошлешь назад перевод, ибо письмо мое будет тогда глупостью. Любимову напишу завтра.[4]

В Берлине тосковал с Пуцыковичем. О нем после. Он меня, однако же, развлекал, возил в Aquarium,*[5] в Музеум,[6] в Тиргартен,[7] пили пиво, ходили по Берлину и проч. Вообще он живет недурно, гораздо лучше, чем мы полагали. Говорит, что прежде было худо. Живет он уже не там, платит *дешево*, имеет хорошенькую комнату, обед и *кредит*. (Как это люди делают.) Кроме Аксакова[8] ему прислал сто р. и Голицын,[9] что он нам (в письмах) скрыл. Затем и до сих пор продаются его вещи в Петербурге и присылаются ему деньги, да брат сверх того присылает.[10] Почем я знаю, может быть, есть и еще присылающие. Даже есть подписка на «Гражданин». (У меня просит на 1-й № не статью, а лишь письмо к нему, что я *непрочь* участвовать когда-нибудь, хотя и занят, дескать, «Карамазовыми».) Ну это еще не много.[11] 45 марок он взял у меня на бумагу и на марки (почтовые) для 1-го №, который выйдет через неделю.[12] В комнате у него есть даже галантерейные вещицы (пресс-папье и проч., до которых он охотник), им здесь в Берлине купленные. Я с него 45 марок сдеру, а остальные 15 марок платил я за него за пиво, в ресторане, за извозчика и проч. Но о нем еще напишу. Немного рассердило меня твое известие об Любимове.[13]

Ах милые, дорогие мои существа, в вагоне молился за вас всех богу. Противный Эмс скучен как никогда. Жарко и солнце, но до сих пор всё были дожди. 5 недель муки да неделю дороги — итого 6 недель не увижу вас, мои ангельчики. Аня, целую тебя всю, ручки, ножки, обнимаю. Никогда ты не понимала вполне, как я тебя люблю, — вот что скверно. Лилю и Федю благословляю. Всех обнимаю. Пишите чаще, чаще, иначе я здесь умру с тоски.

Твой весь Ф. Достоевский.

[в] *Было начато*: требова‹ние›
* Аквариум (*лат.*).

Не думай, Аня, что я такой эгоист, что не могу здесь сократить расходы по содержанию. Но квартир дешевле нет вовсе. А диета, то есть утренний кофе и легкий завтрак с говядиной и проч., — всё это до последнего куска предписано доктором.

Завтра еще письмо.

Д‹остоевский›

На конверте:

Russie
(Staraya Roussa, gouvernement de Nowgorod).
В Старую Руссу
(Новгородской губернии).
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской
(в собственном доме).

796. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

25 июля (6 августа) 1879. Эмс

Эмс, 25 июля/6 ав‹густа› 79. Среда.

Милый ангел и дружочек мой Аня, вчера ходил к Орту; сейчас меня вспомнил и принял чрезвычайно радушно. Осмотрел очень старательно и всё расспросил (три года промежутка!).[1] Сказал, что есть анфизема, но еще только вначале, и хоть искоренить ее уже невозможно, но побороться с нею можно с большим и вероятным успехом. «То, что вы не приезжали три года, усилит действие кренхена, и кренхен вас воскресит. Но сначала кренхен, а потом попробуем кессельбрунена». Нашел, что у меня какая-то часть легкого сошла со своего места и переменила положение, равно как и *сердце* переменило свое прежнее положение и находится в другом — всё вследствие анфиземы, хотя, прибавил в утешение, сердце совершенно здорово, и все эти перемены мест тоже немного значат и не грозят особенно. Конечно, он как доктор обязан даже говорить утешительные вещи, но если анфизема еще только вначале уже произвела такие эффекты, то что же будет потом? Впрочем, я сильно надеюсь на воды и уже сегодня начал пить. Начинаю с гаргаризации[2] кессельбруненом и потом 2 стакана кренхена. Вечером тоже гаргаризация, а потом 1 стакан кренхена. Всего важнее погода: будет хорошая погода — будет и хорошее действие. Это здешний всеобщий приговор. Вчера в день приезда сияло солнце и было страшно горячо. Ночью же была гроза с громом и проч., а сегодня так даже и прохладно, и сумрачно, и нет-нет а перепадет дождь. — Теперь 12 часов дня, и я сейчас только переехал в «Ville d'Alger»,* а не в «Люцерн». Во-1-х, невысоко, бельэтаж, во-вторых, комнаты изящнее, больше

* «Город Алжир» (*франц.*)

и светлее, а *цена та же* 30 марок в неделю. Уговорился с обедом, будут приносить, как и в прежние разы, из соседнего отеля полный обед за 3 марки в день; из этого обеда я намерен откладывать кусочек на ужин. Кофей утром с хлебом 80 пфенигов, чай же вечером мой, но за горячую воду, прибор и проч. хозяйка ничего не берет, а в «Люцерне» бы взяли, это я знаю. Орт сейчас же спросил меня: не ощущаю ли я ослабления сил, и только что я сказал ему, что даже по временам — сонливость, то, я видел по лицу, он принял это в большой серьез и прописал мне, во время вод, обильную и питательную мясную пищу и непременно вино, но только красное. В «Люцерне» за вино спросят много, а эта хозяйка достает от кого-то вино предешево, это я помню. Поэтому и переехал в «Alger», надеясь сэкономить. Главное же потому, что хозяин «Люцерна» Meuser * теперь без жены и ведет дело сам, а потому думаю, что будет уже не так аккуратно, как прежде. — Итак, вот мои обстоятельства, милый мой ангел. Чтоб кончить об этих делах на этот раз, прибавлю, что денег, кажется, наверно недостанет и что впоследствии надо будет мне выслать еще рублей сотню (100 р.). Весьма вероятно, что я половину этой сотни привезу домой, но на всякий случай выслать необходимо. Три года назад это было 70 марок лишних за каждую сотню, то есть 350 марок лишних на 500 р. против теперешнего. Ну да и пальто возьмет деньги. К тому же Пуцыкович весьма может быть не отдаст мне 45 марок, хотя и клялся всем миром. Но довольно пока.

Вчера получил твое милое письмецо [3] и уж как был рад. Мне было ужасно грустно вчера. Тут много детей, и я не могу без боли сердечной проходить мимо них. Всё мерещатся Лиля и Федя. Пиши, Аня, ради бога, хоть вначале-то, почаще. Завтра, я думаю, сяду за работу. Письма Любимову еще не написал, но пошлю непременно.[4] Напишу очень вежливо, но настоятельно. Вчера этот Любимов меня очень расстроил. И это сейчас после моего письма (которое он не мог по времени не получить), и в котором я так обстоятельно изложил ему всю невозможность получать деньги через Ахенбаха и Колли в Старой Руссе.[5] Мне всё кажется, что они делают так умышленно, *чтоб я не забывался.* — Пиши мне больше, о своем здоровье и о детках, и об вашей погоде. Дай бог и вам хорошей погоды. Тебе бы покупаться хоть немного, не откладывай. Очень об тебе думаю. Крепко обнимаю и целую тебя. Целуй деток. Люблю их. Скажи Феде, что здесь и ослики, и мулы, и собачки. Кстати, в Эмсе много новых построек, выстроили новых 2 моста через Лан. Много фруктов — удивительные вишни, сливы и абрикосы, но всё запрещено мне. Публики в приезде 11 с $^1/_2$-й тысяч человек, давка, но скоро многие разъедутся. Ожидаю холодных дней, особенно в конце лечения, а в летнем пальто моем шелковая подкладка висит лох-

* Мёзер (*франц.*).

мотьями. — До свидания, ангел мой, напишу тебе дня через 2. Целую тебя бессчетно, деток благословляю и целую, молюсь за них.

До свидания, друзья мои милые.

Твой весь Ф. Достоевский.

Ну как и сегодня получу от тебя письмецо — как хорошо будет.

Я совершенно выспался с дороги и чувствую себя бодро.

Поклон от меня батюшке, матушке, Анне Васильевне и мужу, Рохельше и Анне Ивановне (даже ей).

Пиши обо всем, что услышишь нового. — Посещение Грушеньки Меньшовой считаю предисловием к Ниловой пустыни.[6]

797. Н. А. ЛЮБИМОВУ

25 июля (6 августа) 1879. Эмс

Эмс. 25 июля / 6 августа /79.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Вчера я приехал сюда в Эмс для лечения и вчера же получил уже ожидавшее меня здесь письмо жены моей, из Старой Руссы, poste restante. Она уведомила меня, между прочим, что на другой день моего выезда из Старой Руссы получен был из редакции «Русского вестника» перевод в 500 р. опять па имя Ахенбаха и Колли в Петербурге.[1] Между тем я, дней за 10 еще до отъезда моего в Эмс, просил Вас особенно, вследствие моего отъезда, высылать деньги уже на имя жены моей, Анны Григорьевны Достоевской, в Старую Руссу и уже не переводом на Ахенбаха и Колли, а прямо кредитными билетами. При сем я объяснил в письме моем к Вам, как *совершенно невозможно*, живя в Старой Руссе, ездить каждый раз, бросая всё, к Ахенбаху и Колли в Петербург за получением 500 р.[2] Теперь же, когда меня уже нет в Старой Руссе, — жена поставлена в полную невозможность получить деньги по переводу, даже если б и поехала к Ахенбаху и Колли, так как я не могу же ей отсюда выслать доверенность на получение.

Смущает меня чрезвычайно, что, может быть, Вы и совсем не получили письма моего. Письмо это было для меня очень важное, в нем я, между прочим, излагал причины, почему не вышлю ничего на июльскую книгу, а вышлю па августовскую и потом на сентябрьскую и октябрьскую кряду, чем и закончится 2-я часть и останется последняя третья. Если Вы, многоуважаемый Николай Алексеевич, действительно не получили того письма, то прошу Вас убедительнейше уведомить меня о сем, сюда в Эмс,

дабы я мог вновь изложить Вам то, что составляло главную тему того письма.

Во всяком же случае, позвольте мне, многоуважаемый Николай Алексеевич, твердо надеяться, что Вы уже ни одной минуты более не оставите меня в сомнении, что просьба моя, о высылке денег, на имя жены моей, Анны Григорьевны Достоевской, в Старую Руссу кредитными билетами (а не на Ахенбаха и Колли) *будет на сей раз исполнена* теми, которым Вы поручаете высылку. То же обстоятельство, что деньги высылаются не на мое имя, а на имя жены моей, наверно, в Ваших глазах не имеет значения, ибо все наши счеты с журналом ведутся до сих пор как между доверяющими друг другу вполне людьми, а не казенно формальным образом.

На августовскую книжку вышлю отсюда в начале августа, и между 10-м и 12-м числом посылка будет уже у Вас в редакции.[3]

Засим прошу принять уверение в моем самом искреннем и глубочайшем уважении.

Ваш слуга Ф. Достоевский.

Ems, Allemagne.
A M-r Théodor Dostoiewsky,
Poste restante.

798. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

28 июля (9 августа) 1879. Эмс

28 июля / 9 августа /79. Суббота.

«Hôtel d'Alger»,* комната № 5.

Милый дорогой друг мой Аня, третьего дня получил твое письмецо от 21-го июля и очень благодарен тебе.[1] А так как я уже послал тебе много писем, то и отвечал не вчера, а пишу сегодня, а то и надоем тебе, пожалуй, письмами. Но, однако, ты пиши почаще, хоть коротенькие письма, но только почаще, чтоб я всегда знал, что с вами. Но лучше если б ты писала и подлиннее. Как хочешь, впрочем, не стесняю никого. Мне же здесь *до последней крайности* скучно и противно. Огромная толпа, пасмурная погода, а сегодня так всю ночь и весь день дождь. Сижу в глубоком уединении. Выхожу гулять, всё так же, как и три года назад, в те же места, и скука до смерти. Вечером в 1/2 8-го уже ночь (горы), чуть закат — сырость. Здоровье мое не совсем хорошо: страшно раскашлялся, по ночам особенно, грудь разорваться хочет. Общее ослабление, тоска, давление в груди, а ночью мучительнейшие кошмары. Сплю ночь пре-

* «Алжирская гостиница» (*франц.*).

скверно, по пяти раз просыпаюсь и каждый раз от кошмаров (всё разных), каждый раз в поту, так что ночью ровно пять раз переодеваю рубашку. Был сегодня в 8 часов утра у Орта (это уж 2-й раз). Он нашел, что если хорош желудок, то всё хорошо (а желудок хорош); раздражительность же происходит всегда у всех от кренхена в начале лечения. Усилил прием, теперь уже по 4 стакана в день. Он что-то гонит вперед. Пожалуй, придется и раньше 5 недель окончить лечение, потому что все тут говорят, что в сентябре лечение плохое. Но уж если приехал сюда, то решаюсь взять всё, что можно, и пробыть здесь до nec plus ultra.* А то столько жертв, а лечение скомкано. Вещи здесь страшно дороги, ничего нельзя купить, всё жиды. Купил бумаги (писчей) и перьев гадчайших, заплатил чертову кучу, точно мы где-нибудь на необитаемом острове. Здесь всё жиды! Даже в наехавшей публике чуть не одна треть разбогатевших жидов со всех концов мира. Из русских хоть есть имен тридцать (по курлисту), но всё имена неизвестные: какой-то Семенов из Петербурга, какой-то князь Мещерский (но не наш). Кажется, здесь Чичерин.[2] Есть несколько княгинь и графинь с семействами (Долгорукая, Оболенская, Радзивил) — но всё это незнакомые. Затем все остальные русские имена в большинстве из богатых русских жидов. Рядом с моим № в «d'Alger», дверь об дверь, живут два богатых жида, мать и ее сын, 25-летний жиденок, — и отравляют мне жизнь: с утра до ночи говорят друг с другом, громко, долго, беспрерывно, ни читать, ни писать не дают. Ведь, уж кажется, она его 25 лет как родила, могла бы с ним наговориться в этот срок, так вот нет же, говорят день и ночь, и не как люди, а по целым страницам (по-немецки или по-жидовски), точно книгу читают: и всё это с сквернейшей жидовской интонацией, так что при моем раздражительном состоянии это меня всего измучило. Главное, не церемонятся, говорят почти кричат, точно они одни в отеле.

Принялся вчера за работу, а вот сегодня опять за письма: тебе и Пуцыковичу.[3] Прислал вчера письмо[4] и умоляет, чтоб я поскорее прислал ему условленное письмо для напечатания. Письмо это надо сочинить осмотрительно, чтоб не компрометировать себя очень участием в эфемерном «Гражданине».[5] Но помочь ему в этом смысле, конечно, надо. Пишет, что началась подписка. Может, и в самом деле что-нибудь будет. Тогда я сдеру с него хоть что-нибудь. Любимову отослал письмо 3-го дня, до невероятности мягкое, но, однако же, с твердым требованием, чтоб прислали деньги тебе и кредитными билетами.[6] Если получишь, то вышли мне немедленно сюда (poste restante) 100 р. И вообще, чем раньше вышлешь, тем лучше. Это хоть и на всякий случай, то есть может быть, и не истрачу, но положительно необходимо.

Милый друг мой, думаю о всех вас беспрерывно, а как вечер — так до тоски и до мнительности. Я знаю, что ты хорошая

* до крайнего предела (*лат.*).

мать деткам, и благодарю тебя. Не давай им простужаться. Если износят сапожки или башмачки — купи новые. Думаю, что вы скоро поедете к Нилу.[7] Помолитесь и за меня, но напишите с дороги. Деток целую и благословляю. Скажи Лилечке, что жду от нее цвета лица. Пусть Федя не простужается. Береги свое здоровье. Что, если ты заболеешь — кто за ними посмотрит? Мне это даже снилось в кошмаре. Обнимаю тебя и целую, люби меня, а я тебя люблю. В отеле мне хорошо, обед мне приносят сытный, так что я оставляю одно блюдо на ужин. Пью один стакан пива и одну рюмку вина (здешнего, очень дешевого), маленькая бутылка на несколько дней. Из газет здесь «Московские ведом‹ости›» и «Голос», да «Journal de S.-Pétersbourg».*

Пиши чаще, а то я неспокоен. Еще раз целую вас всех, тебя и деток. Ты тоже мое дитя, да еще иногда блажное, а я твое, и тоже блажное.

Твой весь Ф. Достоевский.

Всем поклон.

На конверте:

Russie
(Staraya Roussa, gouvernement Nowgorod)
В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской

799. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

28 июля (9 августа) 1879. Эмс

Эмс. 28 июля / 9 августа. Суббота/79 г.

Многоуважаемый и любезнейший Виктор Феофилович, вчера получил Ваше письмо и вот спешу выслать Вам то, что обещал (См. на 2-й странице).[1] Если есть подписка теперь, то потом *непременно* будет больше.[2] Но не режьте себя бритвой: надо, чтоб публика удостоверилась, что дело серьезное (в смысле экономическом), а не эфемерное, а единственный способ тому — выдать непременно, не опаздывая, два-три № кряду и №№ полные, не листочки какие-нибудь пробные. Тогда пойдет подписка. А потому распорядитесь так, чтоб хватило средств, *иначе ничего не издавайте.*[3]

Я Вам даю обещанное, а вот Аксаков, Голицын[4] поприжались и ждут пока фактов, не хотят себя компрометировать. Не скомпрометируйте же и Вы меня. А то подписку возьмете, а журнал

* «Петербургская газета» (*франц.*).

не выдадите — плохо будет, обвинят и меня — «ввел, дескать, нас в обман». А потому пощадите меня. Я здесь страшно скучаю, толпа многоязычная, наполовину почти богатых жидов со всего земного шара. Да и из России, кроме 2—3-х незнакомых княгинь, — все тоже жидовские имена по кур‹ортному› листу. Но скучно ужасно. Жаль, что Вы не следите за русскими газетами. Вчера в «Москов‹ских›», кажется, «ведомостях» 19 июля или 20, прочел изложение одной, только что явившейся немецкой брошюры: «Где же тут жид?».[5] Она, интересно, совпадает с моею мыслью, чуть только я выехал в Германию: что немец решительно ожидовится и теряет старый национальный дух свой. Но до свидания. Пишите иногда, мне здесь скучно. Напишите, когда выйдете? Как только выдадите — сейчас пришлите.[6] Да хорошо бы и в здешний курзал прислать.

До свидания. Ваш Ф. Достоевский.

Напишите, довольны ли Вы письмом моим (для печати)?[7]

800. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

28 июля (9 августа) 1879. Эмс

Милостивый государь Виктор Феофилович!

Я рад возобновляющемуся «Гражданину». Вы обещаете говорить в нем еще с большею твердостью, чем прежде; тем лучше. Ваше направление, во всяком случае, искреннее и неподкупное,— это известно даже и врагам направления Вашего, и они в этом сознавались сами. В наши дни, в наши больные и цинические дни, что́ важнее и что́ внушительнее искренной и неподкупной мысли, — главное неподкупной, и не одними лишь деньгами!

На приглашение же Ваше участвовать в возобновляющемся в Берлине Вашем журнале скажу прямо: роман, который пишу теперь («Братья Карамазовы»), поглощает пока все мои силы и всё мое время. По усилившемуся нездоровью моему, — из-за которого сижу теперь в Эмсе и пью воды, — я с ним запоздал. А потому всё время мое занято, и сколько-нибудь значительного и определенного сотрудничества пока Вам не обещаю. Но наше время — такое горячее и такое возбуждающее время, что, ввиду какого-нибудь нового факта, какого-нибудь нового явления, которые вдруг поразят и о которых неотразимо захочется сказать, не отлагая, несколько слов, конечно, напишу что-нибудь. Тогда прибегну к гостеприимству Вашего журнала и в нем напечатаю.

Во всяком случае искренно желаю Вам успеха. Примите уверение и проч.

Федор Достоевский.[1]

Эмс. $\frac{\text{28 июля}}{\text{9 августа}}$/79.

801. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

30 июля (11 августа) 1879. Эмс

Эмс. 30/11 июля [а]/79.
Hôtel d'Alger.

Милый друг мой и несравненная моя женочка, Аня. Вчера получил твое письмецо от 24-го, отвечаю сегодня, 30-го, пойдет завтра. Теперь, уж конечно, ты получила все мои письма из Эмса и знаешь всю суть. Но ужасно то, что нам надо столько дней промежутка, чтоб получить ответ на письмо, преневыносимая мысль. Целую тебя и обнимаю, благодарю Лилечку за письмецо, а Федю поздравляю с рыбкой. Пусть поймает три налима к моему приезду, сварим уху.[1] Как я их люблю, моих ангелов, про Вашу милость и говорить нечего. Только бы поскорей нам свидеться. Здесь мне тоскливо и скучно более, чем до мученья. Ни души знакомых, всё чужие иностранные рожи. По утрам туманы и холода. Кренхен действует раздражительно и мучит кошмарами, почти не сплю. Спазмодический мой кашель продолжается попрежнему, но может быть, и будет какая-нибудь помощь, начинаю надеяться. Дышать как будто легче, движений могу делать больше, отхаркивание хорошо, хотя кашель и не останавливает. Мучит меня ужасно и мысль о работе. Думал жить в уединении и всё работать, а выходит, что всего могу работать лишь 2 часа в сутки, да и то днем, а не ночью. Встаю в 6, в 7 на водах и в 9 возвращаюсь пить кофей. Час на кофей и на отдых, и вот уже 10 часов. От 10 до 12 работаю. В двенадцать перед обедом иду на почту и гулять. В 1 час обедаю. От 2-х до 4-х после обеда или пишу письма (Пуцыкович тоже не дает покою, бомбардирует письмами, да еще хочет прислать мне свои корректуры для поправки — точно есть мне время!) [2] или иду читать газеты. От 4-х до 1/2 6-го опять воды. Затем в седьмом часу прогулка, — это обязательно. В 8 часов уже ночь, свечи, и я пью чай, в 10 ложусь, — вот и весь день. А к тому же всю ночь кошмары, расстроенные нервы и беспокойство за работу. Вот будет праздник, если отошлю наконец в «Р<усский> вестник»!

Само собою, приключений здесь со мною никаких, кроме разве пустяков. Так, наприм<ер>, потерял дневную рубашку (кажется, не из лучших), хватился только вчера. Между тем ее украли наверно еще в «Hôtel de France», но туда теперь идти поздно. На другой день как я переехал в «d'Alger» из «Hôtel de France» вдруг вспомнил, что в «de France» остались мои штаны. Прихожу, лакей сконфузился. Оказывается, что он уже их прибрал куда-то далеко в сундук себе. Я взял штаны и унес с собою, но, уж конечно, вместе с штанами осталась и рубашка. Здесь же в «Hôtel d'Alger» некому было украсть. 2-е приключение в том, что я ку-

---

[а] *Описка. Нужно*: 30 июля (11 августа)

нил зонтик. Стал третьего дня, в субботу пополудни, гаргаризировать горло. Это комната, в которой устроено 50 мест для гаргаризующих, поставил в уголок зонтик и вышел, забыв его. Через $^1/_4$ часа спохватился, иду и не нахожу: унесли. В этот день шел дождь ночью и всё утро, завтра, думаю, воскресение, завтра заперты лавки, если и завтра дождь, то что со мной будет. Пошел и купил, и кажется подлейший, конечно шелковый, за 14 марок (по-нашему до 6 руб.). Продав, купец (подлец жид) говорит мне: а вы спрашивали про ваш зонтик в полиции? — Да где же в Курзале полиция? — А там есть отделение. А я и не знал. Пошел, спросил, и мне тотчас же возвращают потерянный зонтик, давно уже прибрали. Какова досада! Я предлагал 2 марки мерзавцу купцу, чтобы взял назад зонтик и возвратил назад 12 марок, не согласился. Решительно несчастье, только деньги выходят. 3-е приключение с жидами моими соседями в «Hôtel d'Alger». Четверо суток как я сидел и терпел их разговоры за дверью (мать и сын), разговаривают страницами, целые томы разговора, беспрерывно, без малейшего промежутка, а главное — не то что кричат, а визжат, как в кагале, как в молельной, не обращая ни малейшего внимания, что они не одни в доме. Хоть они и русские (богатые) жиды, но откуда-то из Зап‹адного› края, из Ковно. Так как уже было 10 часов и пора было спать, я и крикнул, *ложась в постель*: «Ах, эти проклятые жиды, когда же дадут спать!». На другой день входит ко мне хозяйка, M-me Bach, и говорит, что ее жиды призывали и объявили ей, что много обижены, что я назвал их *жидами*, и что съедут с квартиры. Я ответил хозяйке, что и сам хотел съехать, потому что замучили меня ее жиды: ни прочесть, ни написать, ни размыслить ни о чем нельзя. Хозяйка испугалась моей угрозы ужасно и сказала, что лучше она жидов выгонит, но предложила мне переехать наверх, там через неделю очистится у ней прекрасная квартира. Я знаю эту квартиру, действительно хорошая, и к тому же двумя талерами в неделю дешевле. Я согласился, жиды же хоть и не перестали говорить и продолжают говорить громко, но зато перестали кричать, и мне пока сносно. Ну вот мои приключения. — Ночью начались у меня вздрагивания, боюсь очень припадка.

Теперь о вас. Значит, едете к Нилу 6-го числа.[3] Голубчик мой милый, не хочу тебя мучить и стеснять тебя. Но на дорогу возьми 2 надписанные (адресами) конверта и очиненный карандаш, и где встретишь почту — кинь мне письмецо всего хоть по 3 строчки карандашом. Да береги деток. Себя же, как зеницу ока береги, *для меня* береги, слышишь, Анька, для меня и для *одного* меня. Так вы кутите и ходите на балы, сударыня?[4] С какою же целью? ‹*$2^1/_2$ строки нрзб.*› Анька, голубчик, здоровей, милая, не простудись, сохрани себя — ты нужна и мне, и деткам.

Молюсь об вас. А рядом с молитвой и всяческие *странные* думы. Не могу удержать, а нервы расстраиваются. Уже и теперь

накопилось кое-что секретное, что обыкновенно мы рассказываем друг другу, в первый же день по возвращении моем из долгого отсутствия, сейчас после обеда, вроде того, как бывало, запираемся деньги считать. Анька, как хочется мне поскорее обнять тебя, не в одном этом смысле, но и в этом смысле, до пожару. *‹2 строки нрзб.›* я не властен... *‹5 строк нрзб.›* пусть она останется моей женкой *‹5 строк нрзб.›* Целую тебя в губки, потом в ручки, потом ножки, потом всю. Целуй деток. Скажи им, что прошу их быть тебе послушными, особенно в дороге к Нилу. Сохрани их, голубчик, я беспокоюсь ужасно. Мне здесь еще чуть не месяц, ужас, ужас!

Ф. Достоевский.

На балы, сударыня, Вам ходить позволяется, *по помня меня.* Поклон всем, батюшке и Анне Васильевне особенно.

А 100 руб. пришли. Что не истрачу, то назад привезу. Курс-то опять падает.

Завтра жду твоего обещанного письмеца.

Аня, милая, отнюдь не смей похудеть, а потолстей. А главное, здоровья и здоровья. Еще раз целую детишек.

На конверте:

Russie, (Staraya Roussa)
В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской
(в собственном доме)

802. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

1 (13) августа 1879. Эмс

Эмс. 1 ав⟨густа⟩ / 13 ав⟨густа⟩ / 79.

Милый ангел мой Аня, сейчас получил от тебя письмо от 27 июля. Думал было получить вчера, так мне показалось, но ошибся в расчете. Милый голубчик мой, пишешь, что 25-го были твои именины и до крайности меня тем удивила: никогда бы и не подумал я, что ты именинница летом, да еще в июле! Я знаю, что рождение твое 30 авг‹уста›, но именины твои в феврале, это всегда так было. И никогда, никогда не запомню я, чтоб мы праздновали твои именины в июле. Или ты ошиблась, или у меня никакой нет памяти.[1] В самом деле, хоть и люблю бесконечно мою Аньку, но, кажется, никогда не достигну того, чтоб раз навсегда запомнить ее рождение и именины. Да еще попрекнула: «А ты-то меня и не поздравил». Да еще бы, если я наверно предполагал, что ты именинница в феврале. Целую твои ручки и

ножки и кроме того *всю* и прошу прощения. А затем поздравляю Вас, милая и дражайшая моя супруга, с прошедшим днем Вашего ангела. От всего сердца поздравляю тебя, Анька, и дай бог тебе в жизни праздновать свои именины еще раз 75, не менее.

Вы всё пишете об Ниле; а потому и отвечаю тебе на письмо твое сейчас же, рассчитывая, что, может быть, письмо мое еще и застанет тебя в Старой Руссе.[2] Но надобно сознаться тебе, что я пишу по крайней мере вдвое чаще письма, чем ты ко мне. А еще пишешь, что я наверно не так часто вспоминаю о вас, чем вы обо мне. Но я не ропщу на тебя, не хочу тебя мучить, потому что письмо во всяком случае работа, хотя даже во сне вижу, что получаю от тебя письма, до того жажду от вас хоть какого-нибудь известия. Поблагодарите Любочку за ее прелестное письмецо, а Федулку за доброе намерение.[3] Смерть люблю их. Тоскую также об вас чрезвычайно, то есть об вашей участи: что с вами и как вы? Кстати, есть ли у вас Фома и ночует ли у вас? [4] Пишешь, что не спишь по ночам: ради бога, спи, Анька, и высыпайся, и к чему такая регулярность. Если проснулась в 12, то в 12 и сажай их, если в 3, то не дожидайся до 4-х, сажай в 3. Иначе расстроишь нервы, да еще, сохрани боже, похудеешь, ты мне обещала, что постараешься потолстеть хоть *отчасти*, но об этом ниже.

Я очень рад, что Любимов поспешил да еще прислал телеграмму, и рад тому, что я написал ему письмо чрезвычайно вежливое, так что уж не может обидеться. Значит, если 500 и 800, то, стало быть, рассчитываются до последней строки.[5] Это недурно.

А у меня здесь всё непредвиденные расходы: сегодня утром уронил на водах свой хрустальный бесподобный стакан на каменный пол и разбил его вдребезги, стоил 5 марок. Тотчас же купил себе другой в 4 марки, но вот уже девять марок убытку. Да и предзнаменование нехорошо. Я всё в раздражении от вод, сплю гадко, вздрагиваю, пью 4 стакана в день. Что будет дальше, не знаю. Но судорожный кашель не унимается, особенно ночью и вставая. Здесь по утрам туманы, днем же жарко. Никого знакомых, русских мало. Скучно, грустно. Сел писать, пишется пока хорошо.

Лиле и Феде я как-нибудь напишу отдельное письмецо.[6]

Всем нашим поклон. Анне Васильевне особенно. Ну стоила ли Анна Ивановна, чтоб ей отдавать букет Рохельпи.[7] Здесь цветов ужасно много и продают их кучами. Но я не покупаю, некому подарить, царица моя не здесь. А кто моя царица — Вы моя царица. Я так здесь решил, ибо, сидя здесь, влюбился в Вас так, что и не предполагаете. Теперь об *интимном очень*: пишет царица моя и умница, что видите самые соблазнительные сны <*3 строки нрзб.*> Это привело меня в восторг и в восхищение, потому я сам здесь, не только по ночам, но и днем думаю здесь о моей царице и владычице непомерно, до безумия. Не думай, что только с одной этой стороны, о нет, нет, но зато искренно

признаюсь, что с этой стороны думаю до воспаления. Ты пишешь мне письма довольно сухие и вдруг выскочила эта фраза о самых соблазнительных снах *‹10 строк нрзб.›* которой бы она не схватывала мигом, оставаясь вполне умницею и ангелом, а стало быть, всё происходило лишь на радость и на восхищение ее муженька, ибо муженек особенно любит, когда она *вполне откровенна.* Это-то и ценит, этим-то и пленен. И вот вдруг фраза: «самые соблазнительные сны» *‹6 строк нрзб.›* Позвольте, сударыня *‹6 строк нрзб.›* (ужасно целую тебя в эту минуту). Но чтоб решить о сне *‹2 строки нрзб.›* несмотря на то, что сердечко моей обожаемой женки *‹1 строка нрзб.›* Приеду и всё возьму. Апька, уже по этой странице можешь видеть, что со мной происходит. Я как в бреду, боюсь припадка. Целую твои ручки и прямо, и в ладошки, и ножки, и всю.

Твой весь Ф. Достоевский.

Буду писать теперь сообразно с приходом твоих писем и с известиями о твоей поездке к Нилу. А помолитесь-ка, кстати, и за меня. Слишком ведь уж я грешен. Батюшке особенный поклон.

Философова прислала мне сюда письмо. С Кавказа она едет в Псковскую губернию.[8]

Пиши по возможности с дороги тоже. Ангелов моих Аню[а] и Федю целую и умоляю быть послушными. В дороге не позволяй Феде около колес и лошадей бегать. Да и не потеряй их как-нибудь в толпе. Аня, молю тебя!

На конверте:

Russie
(Staraya Roussa)
В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской
(в собственном доме).

а *Описка. Нужно*: Лилю

803. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

4 (16) августа 1879. Эмс

Эмс. 4/16 августа. Суббота.

Милый друг мой Аня, сейчас получил твое милое письмецо от 30 июля и сегодня же отвечаю. Итак, выходит, что путешествие к Нилу откладывается:[1] этому я даже рад, потому что беспокоился бы, да и известия от вас приходили бы не столь регулярно. Известие о Феде меня обеспокоило, именно прав Рохель,

именно нужны ванны, хоть несколько ванн.[2] Надеюсь, что ты уже начала. — Вот я уже 11-й день здесь лечусь, а ты отвечаешь мне лишь на мое первое письмо из Эмса! Как это далеко и как тяжело. Об вас беспрерывно думаю, и хоть надеюсь на тебя во всем, но всё беспокоюсь. Особенно мне тяжело и уныло здесь, когда начинается вечер. Мне, Аня, здесь невыносимо тяжело и гадко, почти не легче и не гаже каторги, которую я испытал. Без *преувеличения* говорю. Один, ни лица знакомого, напротив, всё такие гадкие жидовские рожи. Хоть и редко, но слышен иногда и русский говор, но кто эти русские — никто не знает, всё из окраин России. Лечусь, однако, усердно, и хоть бы и предугадывал заранее, что пользу не получу, а всё-таки доведу лечение до срока, чтоб уж потом ни на кого не пенять. Пью я по четыре стакана утром и по одному после обеда и гаргаризуюсь кессельбруненом утром и вечером.[3] Здесь тепло, но сегодня целый день дождь, теперь только проглянуло солнце. Аппетит у меня есть, но нервы расстроены ужасно. Орт уверяет, что это действие кренхена. По ночам сплю ужасно дурно, долго не засыпаю и в ночь раза три вспотею. Спазмодический кашель ужасный, по получасу и более сряду, и пред засыпанием и пробуждаясь, сильнее, чем бывал зимой. Сходил к Орту, он говорит, что этот кашель даже хороший признак, что это действие вод (у него всё действие вод), что кашель оттого, что кренхен, несмотря на анфизему, очищает легкие, которые *вновь* становятся способными вбирать в себя гораздо более воздуху, чем прежде, и что этот воздух-то, в таком количестве, и раздражает легкие, уже отвыкшие от такого количества. Кто его знает, может, тут есть капля и правды, и какой бы он ни был тупой доктор, но бесчисленно долгая практика, здесь на месте, дала же ему какую-нибудь опытность. Я же в самом деле как будто вдыхаю глубже и даже замечаю это сам. Но что будет, то будет. О своем здоровье, ангел мой, ничего не пишешь, а ты у меня зеница ока, ты мне дорога, во-1-х, как мать детей, а во-2-х, как жена моя, а в-третьих, как бесценное сокровище, другого которого нет, хотя в тебе ужасно много недостатков: недоверчивость ко мне, неумение оценить меня в любви моей к тебе и нервы — нервы и нервы, не хуже моих. А все-таки я влюблен в Вас (вовсе не шучу), и Вы моя госпожа и повелительница навеки, ведь сознаю же я это изо всех сил.

Происшествий здесь никаких, ни малейших. Пишу и переписываю, чтоб поскорее отослать «Pater Seraphicus», кажется, отошлю 7-го, господи, если б удалось отослать![4] По вечерам гуляю — самая грустная прогулка. Читаю в воксале «Голос» и «Моск‹овские› вед‹омости›» — всё скука. Вечером в 8 часов пью чай (уже при свечах), в 9 начинаю ложиться, а в 10 уже в постели, но засыпаю только лишь к 12, всё кашляю. — Спасибо тебе, голубчик, за готовность прислать мне 100 руб. Ни копейки не трачу лишней, но представь себе, даже и здесь, как я стал припоминать, за последние три года всё вздорожало. — Немного у меня

разыгрывается здесь геморрой, который в Петербурге и в Руссе совсем почти в последние годы прекратился, а сверх всего туг желудок, всё от одной только мясной пищи, ни зелени, ни приправы ничего нельзя, всё запрещено.

Федя говорит, что без меня всё дурно, этому я верю, одна только Анечка хороша, но ведь за кухней она смотреть не охотница.[5] Меня очень поразил твой сон, это значит у тебя кошмары. Но дай бог, чтоб сон к лучшему. — Наконец Анна Ив‹ановна› уезжает, скатертью дорога, Но и Жаклары тоже, останешься ты одна.[6] Всё развлечение ходить на ванны. Не *найди* чего-нибудь на ваннах, голубчик. Найди здоровье и только и утешишь меня ужасно. Ты как будто хотела что-то заметить о Жакларе: да неужели он приударил за Рохельшей? А тож, французский вкус, но чего же смотрит Анна Васильевна? [7]

Хотел деточкам написать особое письмецо, да некогда. Отошлю работу, тогда напишу. Лилечка пишет премило,[8] все письма ее берегу и всегда поцелую.

Жиды меньше меня беспокоят, но, кажется, я наверно переселюсь наверх в другую квартиру. Всё боюсь припадка. Ангел мой, пишешь мне милую приписочку, что часто снюсь тебе во сне и т. д. А я об тебе мечтаю больше наяву. Сижу пью кофей или чай и только о тебе и думаю, но не в одном этом, а и во всех смыслах. И вот я убедился, Аня, что я не только люблю тебя, но и влюблен в тебя и что ты единая моя госпожа, и это после 12-ти лет! Да и в самом *земном* смысле говоря, это тоже так, несмотря на то, что ведь, уж конечно, ты изменилась и постарела с тех пор, когда я тебя узнал еще девятнадцати лет. Но теперь, веришь ли, ты мне нравишься и в этом смысле *несравненно более*, чем тогда. Это бы невероятно, но это так. Правда, тебе еще только 32 года, и это самый цвет женщины *‹5 строк нрзб.›* это уже непобедимо привлекает такого, как я. Была бы вполне откровенна — была б совершенство. Целую тебя поминутно в мечтах моих *всю, поминутно* взасос. Особенно люблю то, про что сказано: «И предметом сим прелестным восхищен и упоен он». — Этот предмет целую поминутно во всех видах и намерен целовать всю жизнь. Анечка, голубчик, я никогда, ни при каких даже обстоятельствах, в этом смысле не могу отстать от тебя, от моей восхитительной баловницы, ибо тут не одно лишь это баловство, а и та готовность, та прелесть и та интимность откровенности, с которою это баловство от тебя получаю. До свидания, договорился до чертиков, обнимаю и целую тебя взасос.

Достоевский.

Деток целую и благословляю. Ах, Аня, скучно мне, скучно. Всем поклон. Пиши непрерывно, как теперь, из двух дней в третий. Еще раз целую всех вас троих.

804. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 (19) августа 1879. Эмс

Эмс. 7/19 августа/79.
Вторник.

Сегодня, ангел мой, получил от тебя письмо (от 2-го авг.),[1] за которое очень тебя благодарю. Ждать теперь следующего письма, значит, до пятницы. Кстати, ты обижаешься, что я написал, что «никого не стесняю», но я ни малейшей обидной мысли не имел, клянусь тебе, дружочек мой Анечка, милая хорошенькая женка моя (не хорошенькая, а красавица, вот как!). Все известия о тебе и о детках читаю всегда с наслаждением, по крайней мере в тот день, как приходит от тебя письмо, я всегда за вас спокойнее. Итак, вы начали купаться, непременно хоть 20 ванн возьми. А Нил, стало быть, не отложен.[2] Пусть так, но если поедете после 20-го, то, пожалуй, нарветесь на холода и уже на осенние дожди, вот что беспокоит меня. А к тому же, если вдруг я ворочусь в Старую Руссу к 1-му или 2-му сентября и вас дома не застану, то-то будет прелестно! А ведь я именно к этим числам располагаю воротиться, ибо 28 августа (нашего стиля) будет ровно 5 недель лечения, то есть ровно сколько надо, а больше пяти недель я не останусь. — Ты пишешь, что раз у вас была буря и ты спала одетая, даже в башмаках, но зачем же так трусить. Вот этим да *слишком* усердным вставанием по ночам к детям отвыкнешь много спать и расстроишь здоровье. (А пуще всего *похудеешь*.) Спасибо, что обещаешь скоро выслать деньги,[3] веришь ли, сижу и всё рассчитываю, и можешь себе представить, что, по расчету моему, из всех 700 руб. не только ничего не привезу домой, но даже деткам ничего не останется, чтоб привезть гостинцу, как в прежние годы. Завтра, в среду у меня здесь недельный расчет за квартиру и стол. *Рассчитавшись*, останусь ровно с 200 р. (еще не менял). Затем ты пришлешь 100 р., итого 300 р. Слушай же: останется 3 недели здесь. Каждую неделю за квартиру, стол, чай, сигары, прачка, непредвиденные мелочи maximum по 80 марок, выйдет 240, положим 250 марок, затем Орту не менее 50 марок. До Берлина дорога с кладью во 2-м классе 55 м. (здесь всюду надбавлено на первые 2 класса). Затем портному в Берлине 80 марок, отель в Берлине 20 марок, да дорога из Берлина в Петербург 120 марок, да в Петербурге гостиница, да из Петербурга в Руссу — много ль останется из 636 марок, на которые разменяю 300 р. (Здешние жиды дают только 212 марок за 100 р., а курс опять начал колебаться ужасно)? Да и вздорожало здесь всё безумно против прежнего, кроме, разве, почты: сегодня, 7-го августа, отправил наконец толстейший пакет Любимову, то есть роман на август месяц 53 полулистка, и всего-то взяли 2 марки 25 пфенигов, rekommandiert,*

* заказным (*нем.*).

а я думал, возьмут наверно 5 марок. Что отправил, тем, кажется, доволен (то есть работой), выйдет очень хорошая вещь. К тому же не только 3 листа, но даже чуть ли не больше, рублей этак на 1000. Но более всего доволен тем, что наконец отправил! Долго сидел у меня на шее этот старец, с самого начала лета мучился им.[4] Сегодня, как уже отправил, получил вместе с твоим письмом и от Любимова, извинительное, почтительное и очень ласковое.[5] Говорит, что был в Петербурге, а потому и не мог своевременно обратить внимание и т. д. Я опять-таки порадовался тому, что тогда написал ему хоть и твердо, но чрезвычайно вежливо. Подтверждает, что вышлет тебе на днях 800 руб. Ты недоумеваешь: почему 800, а не 500, чтоб восполнить обещанные 2000? Но ведь они рассчитываются за *всё* напечатанное доселе, и вышло 300 руб. лишних против 2000. — Кстати, ты боишься пожаров, а вот теперь могут узнать (по слухам из почты), что прибыло к тебе много денег, смотри, Аня, ночует ли у вас Фома[6] или кто-нибудь? Это серьезнее пожару. В газетах только и читаешь, что по всей России убийства и грабежи. Я такой стал мнительный, что мучусь иногда здесь по вас, то есть чтобы не случилось чего-нибудь.

Анекдот с Лилечкой и ее сумасшествие прочел с неприятнейшим чувством. Без сомнения, Анфиса, но беда в том, что Анфиса будет еще и в будущем, года через 2, через 3, и, пожалуй, преподаст ей наконец пресквернейшую какую-нибудь науку. Это надо крепко, крепко в виду иметь. Лиля умна и развита не по летам даже и теперь, а тогда будет очень худо.

Ангел мой, продолжай детям уроки, хотя бы Федя поскорей выучился читать. Да пусть к моему приезду выучат какую-нибудь молитву, «Верую» например, Лилечка по крайней мере.

Итак, Жаклар приударил за Рохельцей, — ну-ну! Пишешь, что пьешь водку, а я именно хотел написать, чтоб пила больше. Я водку не пью, а мышьяк, который пил месяцев 6 сряду, перестал принимать, а между тем чувствую, что здесь как бы стал сильнее физически, от лечения, конечно. Хожу по 8 верст в день (никак не меньше) и не чувствую усталости, аппетит тоже есть. Но кашель прежний, а особенно в последние три дня. Все три дня был дождь и страшная сырость в нашем скверном ущелье, сегодня только проглянуло солнце. Ах, голубчик мой, ландшафт здесь восхитительный, но если б ты знала, до какой степени он прискучил мне и как я его ненавижу! Кажется, здесь уже начинают разъезжаться. Жиды, мои соседи, выезжают на будущей неделе, и я квартиру не переменяю. Музыка здесь хоть и хороша, но редко Бетховен, Моцарт, а всё Вагнер (прескучнейшая немецкая каналья, несмотря на славу свою)[7] и всякая дрянь.

Ты пишешь, что у тебя от моего щипка синяк был, но ущипнул от любви, а так как любовь моя здесь усилилась, то обещаю и впредь щипаться до тех пор, пока разлюблю. Ангел ты мой: пишешь, что представляешь себе: что я теперь делаю и об чем

думаю. Голубчик мой, на $^{9}/_{10}$ о тебе и всё представляю тебя. В мыслях целую тебя поминутно, целую и то, чем «восхищен и упоен я». Ах, как целую, как целую! Анька, не говори, что это грубо, да ведь что ж мне делать, таков я, меня уже нельзя судить. Ты сама ‹*1 строка нрзб.*› свет ты мой, и вся надежда моя, что ты поймешь это всё до последней утонченности. До свидания, ангел мой, (ах кабы поскорее свидание). Целую пальчики ног твоих, потом твои губки, потом опять ‹*1 строка нрзб.*›.

Твой весь Достоевский.

Ты для меня красавица, красавица, да ты и в самом деле красавица, для всех красавица.

Деток благословляю и целую. — Всем поклон.

805. Л. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

7 (19) августа 1879. Эмс

Эмс. 7/19 авг‹уста›/79 года.

Милый ангел мой, Лилечка, целую тебя и благословляю и очень люблю. Благодарю за то, что ты пишешь мне письма;[1] прочту и поцелую их и о тебе подумаю каждый раз, как получу. Здесь мне скучно без вас, и никого у меня знакомых, так что всё молчу и боюсь, что разучусь говорить. Недели через три к вам приеду.[2] Милая Лиля, слушайся маму и с Федей не ссорься. Да не забывайте оба учиться. Молюсь об вас всех богу и прошу вам здоровья. Передай от меня поклон батюшке[3] да поцелуй за меня Федю. Пожалуста, слушайтесь все маму и не огорчайте ее. До свиданья, милая Лилечка, очень люблю тебя. Поцелуй маму.

Твой папа Ф. Достоевский.

806. Ф. Ф. ДОСТОЕВСКОМУ

7 (19) августа 1879. Эмс

Эмс. 7/19 августа/79 года.

Милый и дорогой мой Федя, целую тебя и благословляю, об тебе часто думаю. Чем-то ты занимаешься, во что играешь? Если поедете к Нилу Столбенскому,[1] то слушайтесь в дороге маму. Теперь же, голубчик Федечка, прошу тебя, учись и слушайся маму. Не ссорься с Лилечкой и любите друг друга, как я вас люблю. Поцелуй за меня Лилю и маму. Учись читать. Здесь много мальчиков, ходят в школу, каждый день даже встре-

чаю, иным лет по пяти всего, а уже учатся. Здесь тоже мальчики в реке ловят рыбу. Поймал ли ты что-нибудь, Федя? Целую и обнимаю тебя и благословляю.

Твой папа Ф. Достоевский.

807. Н. А. ЛЮБИМОВУ

7 (19) августа 1879. Эмс

Эмс. 7/19 августа/79.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Спешу выслать Вам при сем *книгу шестую «Карамазовых», всю*, для напечатания в 8-й (августовской) книге «Русского вестника». Назвал эту 6-ю книгу: *«Русский инок»* — название дерзкое и вызывающее, ибо закричат все не любящие нас критики: «Таков ли русский инок, как сметь ставить его на такой пьедестал?». Но тем лучше, если закричат, не правда ли? (А уж я знаю, что не утерпят.) Я же считаю, что против действительности не погрешил: не только как идеал справедливо, но и как действительность справедливо.

Не знаю только, удалось ли мне. Сам считаю, что и $^{1}/_{10}$-й доли не удалось того выразить, что хотел. Смотрю, однако же, на эту *книгу шестую* как на кульминационную точку романа. — Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает, но если б лично *от себя* выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же *не мог* ни другим языком, ни в *другом духе* выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица. Таковы, например, рассуждения старца о том: *что есть инок*, или *о слугах и господах*, или *о том, можно ли быть судьею другого человека*,[1] и проч. Взял я лицо и фигуру из древле-русских иноков и святителей: при глубоком смирении надежды беспредельные, наивные о будущем России, о нравственном и даже политическом ее предназначении. Св. Сергий, Петр и Алексей митрополиты разве не имели всегда, в этом смысле, Россию в виду? [2] —

Чрезвычайно прошу Вас (*умоляю*), многоуважаемый Николай Алексеевич, поручить корректуру надежному корректору, так как сам эту книгу, за отсутствием, не могу корректировать. Особенно прошу обратить внимание на корректуру от 10 до 17-го полулистка включительно (главка под рубрикой: «О священном писании в жизни отца Зосимы»). Эта глава восторженная и поэтическая, прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского, а наивность изложения — из книги странствований инока Парфения.[3] Просмотрите сами, многоуважаемый Николай Алек-

сеевич, будьте отцом родным! — Когда корректуры всей книги будут отсмотрены, то сообщите Михаилу Никифоровичу. Мне бы хотелось, чтоб он прочел и сказал свое мнение, ибо очень дорожу его мнением.

В этой книге, надеюсь, ничего не найдете вычеркнуть или поправить как редактор, ни словечка, за это ручаюсь.

Очень еще прошу сохранить все разделения на главы и *подглавы*, как есть у меня. Тут вводится в роман как бы чужая рукопись (Записка Алексея Карамазова), и само собою, что эта рукопись разграфирована Алексеем Карамазовым по-своему. Здесь вставлю ропщущее NBene: в июньской книге, в главе «Великий Инквизитор», не только нарушены мои рубрики, но даже всё напечатано сплошь, страниц 10 сряду, без перенесения *на другую строчку* даже. Это очень меня огорчило, и на это приношу Вам мою сердечную жалобу.

Следующую, 7-ю книгу, под названием: «*Грушенька*», которою закончится в этом году 2-я часть «Карамазовых», вышлю неуклонно примерно к 10-му сентября и уже из Старой Руссы. Эта 7-я книга предназначена мною на 2 книги «Русского вестника», сентябрьскую и октябрьскую. Будет всего в книге 7-й листа 4, так что на сентябрь придется всего лишь листа 2, не более, но что делать: в этой 7-й книге два отдельные эпизода, как бы две отдельные повести. Зато с окончанием этой 2-й части *восполнится* совершенно *дух и смысл* романа. Если не удастся, то моя вина как художника. 3-ю же часть романа (не более числом листов 1-й части) отлагаю, как уже и писал Вам, до следующего года. Здоровье, здоровье помешало! 2-я часть выйдет, таким образом, как бы несоразмерно длинна. Но что было делать, так пришлось.[4]

Приношу Вам чрезвычайную благодарность мою насчет исполнения просьбы моей о порядке высылки денег жене моей в Старую Руссу, она уже меня уведомила.[5]

Заранее спешу и еще об одной просьбе: августовскую книгу «Р‹усского› вестника» не забудьте, многоуважаемый Николай Алексеевич, приказать выслать своевременно в Старую Руссу! Я именно приеду домой к ее выходу.

Примите уверение в глубочайшем и искреннем моем уважении.

Ваш всегдашний слуга

Федор Достоевский.

Всего в высылаемой *книге шестой*: «Русский инок» 53 почтовых полулистка.

808. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

9 (21) августа 1879. Эмс

Эмс. 9/21 августа/79.
Allemagne, Bad-Ems.
M-r Theodor Dostoyewsky,
poste restante

Многоуважаемый Константин Петрович,

На Ваше прекрасное письмо ко мне в Старую Руссу до сих пор не ответил, но думал хоть минуту лично повидать Вас проездом в Эмс, был у Вас (в доме Финской церкви) и не застал,[1] а швейцар сказал мне, что Вы очень часто приезжаете. Очень пожалел потому, что от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Поехал я в Эмс совсем больной. Моя грудная болезнь (анфизема) вследствие дурной погоды за всё лето до того усилилась в Старой Руссе, что я не только телом, но и духом был расстроен. При этом тяжелая работа с «Карамазовыми»,[2] а наконец, и тяжелое впечатление от созерцания происходящего и от «Сумасшедшего дома» русской печати и интеллигенции.[3]

Здесь я уже 3-ю неделю лечусь и не знаю, что будет,[4] между тем при нашем курсе поездка обошлась мне в 700 руб., которые очень и очень могли бы быть сохранены для семейства. Я здесь сижу и беспрерывно думаю о том, что уже, разумеется, я скоро умру, ну через год или через два, и что же станется с тремя золотыми для меня головками после меня? Впрочем, я здесь и вообще в самом мрачном расположении духа: узкое ущелье, положим, живописное как ландшафт, но которое я уже посещаю 4-е лето и в котором каждый камень ненавижу, потому что трудно себе и представить, сколько тоски вынес я здесь в эти 4 раза приезду. Нынешний же приезд самый ужасный: многочисленная толпа всякого сброду со всей Европы (русских мало и всё какие-то неизвестные из окраин России) на самом тесном пространстве (ущелье), не с кем ни одного слова сказать, и главное — всё чужое, всё совсем чужое, — это невыносимо. И так вплоть до нашего сентября, то есть целых 5 недель. И заметьте: буквально наполовину жиды. Еще в Берлине я заметил проездом Пуцыковичу, что по моему взгляду Германия, Берлин по крайней мере, страшно жидовится. И вот здесь в «Моск‹овских› ведомостях» прочел выдержку из одной только что появившейся в Германии брошюры: «Где же тут жид?».[5] Это ответ одного жида же одному немцу, осмелившемуся написать, что Германия жидовится ужасно во всех отношениях. Нет жида, отвечает брошюра, и везде немец, но если нет жида, то везде влияние еврея. Ибо, дескать, еврейский дух и национальность выше германской, и действительно, привили к Германии «*дух спекулятивного реа-*

лизма» и проч. и проч. Таким образом, мой взгляд оказался верным: немцы и жиды сами об этом свидетельствуют. Но помимо спекулятивного реализма, который и к нам рвется, Вы не поверите, как здесь всё бесчестно, то есть в торговле по крайней мере, и проч. Теперешний немецкий купец не то что обманывает иностранца (это еще бы простительно), но его *обворовывает* буквально. Когда я здесь на это жаловался, то мне отвечали смеясь, что и с своими так же поступают. Ну, бог с ними.

Я как приехал сюда, тотчас же сел опять за работу и наконец-то, третьего дня, отослал в Москву требуемое на август. Выйдет 31-го августа. Это 6-я книга романа и называется «Русский инок» (NB. Биографические сведения из жизни старца Зосимы и некоторые его поучения). Жду ругательств от критиков; сам же, хоть и знаю, что $^{1}/_{10}$ доли не выполнил из того, что хотел совершить, но всё же обратите на этот отрывок Ваше внимание, многоуважаемый и дорогой Константин Петрович, ибо очень хотелось бы знать мнение Ваше. Я писал эту книгу для *немногих* и считаю кульминационною точкой моей работы. Кстати, в нынешнем году не кончу романа: 3-я и последняя часть останется на будущий год. — А теперь опять сажусь здесь за работу.[6]

В Берлине встретил Пуцыковича.[7] Ему нет-нет, а кто-нибудь и поможет. Уверял меня богом, что через три дня выдаст обещанный номер «Гражданина» в Берлине, и до сих пор не выдает. Думаю, что и не выдаст вовсе.[8] Заметил одну в нем черту: это лентяй и работать не в состоянии. Я, Вы знаете, до самого последнего времени брал в нем участие, но теперь он привел меня в отчаяние. И всё-то он сваливает на людей.

Но вот целое письмо написал и всё об себе. Простите, пожалуста, многоуважаемый и дорогой Константин Петрович, Ваши арестанты (Сахалин и то, что Вы мне писали о них) перевернули всю мою душу, слишком близкое это мне дело, несмотря на 25 лет расстояния.[9] Но об этом лично. А теперь до желанного и хорошего свидания. Ваш весь и преданный Вам вовеки

Ф. Достоевский.

809. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 (22) августа 1879. Эмс

Эмс. 10/22 август/79.
Пятница.

Получил твое письмо от 5-го авг‹уста›. Благодарю за него чрезвычайно, но мне до того здесь скучно, что и письма уже не веселят. К тому же мысль: что это писано 5 дней назад, а теперь, сейчас, могло бог знает что с вами произойти, а потому хоть и рад письму, но всё-таки остаюсь с беспокойными подозре-

ниями. Ты, голубчик, пишешь, что скука *ничего*: ах как ты ошибаешься. Эту каторгу почти уже нельзя выносить больше. Каждый раз, как я прежде бывал в Эмсе, всегда находились какие-нибудь знакомые русские — нынче никого и всё подлейшие жидовские и английские рожи, и всё молчание и уединение. Даже музыка подлейшая: капельмейстер играет только *свои* вальсы да какую-нибудь самую безвкуснейшую шушеру. Даже в читальной журналов русских всего только «Москов‹ские› ведомости», страшно опаздывающие, и мерзкий «Голос», который меня только бесит.[1] Всё развлечение смотреть на детей, которых здесь много, и заговаривать с ними. Да и тут пакости: сегодня встречаю ребенка, идущего в школу, в толпе других, 5 лет, идет, закрывает ладонями глаза и плачет. Спрашиваю, что с ним, и узнаю от прохожих немцев, что у него уже целый месяц воспаление в глазах (сильное мучение), а отец сапожник *не хочет* свести его к доктору, чтоб не истратить несколько пфенигов на лекарство. Это меня ужас как расстроило, и вообще нервы у меня ходят, и я очень угрюм. Нет, Аня, скука не ничего. При скуке и работа мучение. Да и лучше каторга, нет, каторга лучше была! Ты смеешься, хорошо тебе.

Орт пересадил меня совсем на кессельбрунен. Что до Орта, то каждый раз, как придешь к нему, он имеет такой вид, как будто забыл о тебе совсем и обо всем, что предписал тебе. Про кессельбрунен он, на мои расспросы, разъяснил мне, что химический состав его почти тот же, что у кренхена, и эффект на болезнь тот же, но сильнее действует, потому что 10-ю градусами горячее и содержит в себе больше железа, чем кренхен. Кессельбрунен-де укрепит организм железом и сильнее подействует. Таким образом, я по утрам выпиваю 4 стакана кессельбрунена, а после обеда 2 стакана кренхена, но думаю, что и после обеда Орт предпишет кессельбрунен. К возбуждающему действию кренхена я под конец привык было, и кошмары прекратились, а пуще всего вздрагивание и пот по ночам (до 3-х раз переменял рубашку). И вот, вчера, только что успел пересесть на кессельбрунен — опять ночью кошмары и опять потение, так что уж тут решительно действие воды. Но какова же моя восприимчивость к действию воды. Серьезно думаю, что и мрачное расположение духа в последние два дня у меня от кессельбрунена. Но скука, скука невыносимая. С кашлем как будто полегче по ночам, но вообще много кашляю. Отхаркивание легкое, но мало помогает при кашле. От этих кошмаров и вставаний ночью сплю я мало, часов 6 или даже 5 всего в ночь, а потому еще пуще расстроиваются нервы. К ночи, вечером — такая тоска, что хоть бы и не смотреть ни на что. Ты пишешь, что скоро кончится, а меж тем завтра только наступает *половина* срока моего лечения и остается целая вторая такая же половина. А рожи и морды на ваннах, особенно женские, а жиды и жидовки, а толпа, а давка — черт знает что такое! И на это было тратить 700 р.!

Одно только утешение в надежде, что подействуют воды, так как, видимо, я к ним ужасно восприимчив. Силами я, кажется, поправляюсь, есть и аппетит большой, но желудок варит жестко. Всюду стоят лотки с фруктами; превосходные персики, виноград, груши, и всё довольно дешево, и всё мне запрещено, ешь одну говядину. Обед мне приносят сытный, но грубый. Рыба всего раз в неделю. Грубейшие пудинги каждый раз и 3 мясных блюда, из которых хоть на одном сплутуют. Например, присылали мне одно немецкое блюдо: свиную кожу, содранную с мясом и так зажаренную. Здесь кормят этим слуг, и служанка сказала мне, что ее каждый раз тошнит. Сказала она по поводу того, что меня при ней вырвало. Присылали же ее часто, каждый раз тошнило и наконец вырвало. Я запретил приносить. А то вчера прислали курицу жареную. Стал я ее есть, и можешь себе представить, какой фокус: взята курица и с нее сняли всё мясо, всё до атома, так что голые кости как бы отполированы, а затем всё прикрыто превосходно зажаренной куриной кожицей, так что сверху кажется как бы целая курица, но чуть тронешь вилкой — и под кожей 1 скелет. Я запретил приносить такое немецкое блюдо впредь, равно как и мороженое: 24 град<уса> в тени, девушка выходит из отеля Гедека, откуда я беру обед, и несет его 200 шагов до нашего «Hôtel d'Alger». Мороженое наполовину растает. Затем я сажусь за суп, за жаркое, за соус и всё время смотрю, как дотаивает последнее мороженое. В результате кислая красная вода.

Но довольно, всё письмо только о себе. Наверно назовешь меня эгоистом. — Главное в твоем письме это *Нил*.[2] Писать буду непрерывно, но боюсь, чтоб не простудились дети дорогою, у вас всё дожди и холода, да чтоб не случилось чего, боже сохрани. Деток поцелуй. В Москву хоть и съедутся зачем-то, но раздел наверно не состоится. Не написать ли Андрею Михайловичу, чтоб он нам сам, по совести (я ему верю) выбрал участок.[3] А впрочем, не знаю. Начал писать далее роман.[4] Так как ты присылаешь письма довольно *постные*, то и я на сей раз не выказываю чувств моих, как прежде, хотя и *подтверждаю* всё, что писал прежде. Люблю-то тебя побольше, чем ты меня, это уж конечно. До свидания, крепко и горячо тебя обнимаю, так, как обнимаю каждую ночь во сне.

Твой Достоевский.

Скажи: неужели маляр выкрасит и рамы, и прекрасный дубовый натуральный цвет обратится в серовато-белую краску, как жаль.[5]

Деток целую и благословляю, каждый день благословляю их и молюсь за них. — Береги свое здоровье, здоровье, здоровье. А то расстроишь и свои нервы, и тогда на что мы оба будем похожи? Всем поклон.

Опять и еще 1000 раз целую тебя.

1000 раз поцеловать можно. Но написать, что целуешь 10 000 000 000, как ты написала, — это уж явная ложь. Ноли-то легко ставить, а на деле?

Не в 100 000 000 000-х дело,[a] дорогая ты моя Анька.

Пиши, непременно пиши. А то если и от вас не будет писем — что будет со мною? Вот написал тебе письмо и как будто душу отвел, развеселился. Накануне поездки к Нилу мне наверно напишешь, и я, конечно, пойму, что в дороге писать не так удобно.

Скажи деткам что-нибудь от меня милое. Я всё об Алеше думаю, здесь очень много таких, как он, с виду.[6]

Присылай же 100 руб., не откладывай.[7] — Бестия Пуцыкович не отдаст мне 45 марок![8] Чувствую это.

На конверте:

Russie,
(Staraya Roussa)
В Старую Руссу
(Новгородской губернии)
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской
(в собственном доме)

---

[a] *Далее зачеркнуто 1 слово.*

810. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 (25) августа 1879. Эмс

Эмс. 13/25 августа/79.

Сейчас получил твое милое письмо от 8-го августа, друг мой Аня, и буду отвечать по порядку. Пишешь, что беспокоишься обо мне, то есть о моем лечении. Не знаю, что сказать тебе об успехах. Завтра ровно 3 недели, как я лечусь. Остается ровно еще 2 недели, так порешил сегодня Орт. 28 августа (нашего стиля) я, стало быть, кончу лечение и 29 же выеду отсюда. В дороге пробуду 5 дней, приеду в Старую Руссу, вероятно, 3-го, даже, может быть, и 2-го, по вероятнее, что 3-го. Так что последнее письмо от тебя *может* быть послано ко мне 23 или 24, а то не застанет. Впрочем, еще впереди 2 недели, и могут выйти изменения. Чувствую я себя теперь, на теперешней точке лечения бодрее и сильнее, больше энергии, сонливость, например, исчезла вовсе — и это решительно надо приписать водам. Впрочем, нисколько, кажется, не прибавляюсь в теле и не полнею. *Разрывной* кашель мой сильно утишился, почти исчез, но всё же я кашляю и перхотливость сильная, хотя отхаркивание и очень легкое и, кроме того, начинает утолять кашель. Сплю же по но-

чам все-таки нехорошо, просыпаюсь часто и даже всё еще потею, хоть и не столь, как прежде. Аппетит есть, но желудок не совсем в порядке. Ну вот и всё, что могу сообщить теперь о себе, кроме разве того, что, кажется, лечение удастся. Но всё это пальятивно, на малое время, болезнь останется при мне, а истрачено 700 руб. — Здешняя погода тоже мешает лечению; хоть и тепло здесь, даже очень, но сыро, и хоть и сияет солнце, но раза по три в день дождь и особенно по ночам. Бывает, что всю ночь напролет идет, а мне сырость — первый враг. Была бы лучше погода, было бы успешнее и лечение.

Известие о бедной Эмилии Федоровне очень меня опечалило. Правда, оно шло к тому, с ее болезнью нельзя было долго жить.[1] Но у меня, с ее смертью, кончилось как бы всё, что еще оставалось на земле, для меня, от памяти брата. Остался один Федя, Федор Михайлович, которого я нянчил на руках.[2] Остальные дети брата выросли как-то не при мне. Напиши Феде о моем глубоком сожалении, я же не знаю, куда писать ему, а ты не приложила адресс. (Не забудь сообщить адресс мне в следующем письме.) Представь, какой я видел сон 5-го числа (я записал число): вижу брата, он лежит на постели, а на шее у него перерезана артерия, и он истекает кровью, я же в ужасе думаю бежать к доктору, и между тем останавливает мысль, что ведь он весь истечет кровью до доктора. Странный сон, и, главное, 5-е августа, накануне ее смерти.[3]

Я не думаю, чтоб я был очень перед ней виноват: когда можно было, я помогал и перестал помогать постоянно, когда уже были ближайшие ей помощники, сын и зять.[4] В год же смерти брата я убил на их дело, не рассуждая и не сожалея, не только все мои 10 000, но и пожертвовал даже моими силами, именем литературным, которое отдал на позор с провалившимся изданием, работал как вол, даже брат покойный не мог бы упрекнуть меня с того света.[5] Но довольно об этом. Я всё, голубчик мой, думаю о моей смерти сам (серьезно здесь думаю) и о том, с чем оставлю тебя и детей. Все считают, что у нас есть деньги, а у нас ничего. Теперь у меня на шее «Карамазовы», надо кончить хорошо, ювелирски отделать, а вещь эта трудная и рискованная, много сил унесет. Но вещь тоже и роковая: она должна установить имя мое, иначе не будет никаких надежд. Кончу роман и в конце будущего года объявлю подписку на «Дневник» и на подписные деньги куплю имение, а жить и издавать «Дневник» до следующей подписки протяну *как-нибудь* продажей книжонок.[6] Нужна энергическая мера, иначе никогда ничего не будет. Но довольно, еще успеем переговорить и наспориться с тобою, потому что ты не любишь деревни, а у меня все убеждения что 1) деревня есть капитал, который к возрасту детей утроится, и 2) что тот, кто владеет землею, участвует и в политической власти над государством. Это будущее детей и определение того, чем они будут: твердыми ли и самостоятельными гражданами (никого не

хуже) или стрюцкими.[7] Но довольно. Ты пишешь о Феде, что он всё уходит к мальчикам. Он в таких именно летах, когда происходит кризис из 1-го детства к сознательному осмыслию. Я замечаю в его характере очень много глубоких черт и уж одно то, что он скучает там, где другой (ординарный) ребенок и не подумал бы скучать. Но вот беда: это возраст, в котором переменяются прежние занятия, игры и симпатии на другие. Ему уже давно нужна бы была книга, чтоб он помаленьку полюбил читать осмысленно. Я в его лета уже кое-что читал. Теперь же, не имея занятий, он мигом засыпает. Но скоро начнет искать других и уже скверных утешений, если не будет книги. А он до сих пор еще не умеет читать. Если б ты знала, как я об этом здесь думаю и как это меня беспокоит. Да и когда же это он выучится? Всё учится, а не выучится!

Про Нила опять у вас не решено по поводу приезда Бергеманши.[8] Но помилуй, Аня, что это такое? Ну зачем она приедет, для чего? Чтоб мешать? Ну зачем ты ее звала? Сделай ты мне такое одолжение, Аня, напиши ты ей (ты письмо это получишь 17-го, будет, стало быть, время) — напиши, что *не можешь принять ее*, что обстоятельства изменились и проч. Ну сделай же мне это одолжение, спрячь в карман хвастливый, пустой, ложный стыд перед нею! Если поедешь до нее, то она приедет без тебя и тебя не застанет, а ты всю поездку к Нилу сорвешь и скомкаешь, торопясь, без удовольствия, а может, и с опасностию. Если же она приедет позже (да еще на неделю, каково!), то пожалуй, доживет до того, как я приеду, нарочно останется, чтоб меня встретить, то-то мне приятно будет. Право, не знаю, как ты это всё устроишь. Лучше уж бы вы к Нилу ехали и совершили бы путешествие не торопясь, а в свое удовольствие, на память деткам.

До свидания, голубчик, не сердись на мои наставления. Целую тебя крепко, тебя и все «прелестные предметы». Целую тебя 1000 раз, но не более. Завтра останется ровно 2 недели моему здешнему *молчанию*, ибо это не уединение только, а молчание. Я совсем разучился говорить, говорю даже сам с собой, как сумасшедший. Грустно мне здесь. Начал кое-как писать, но скука всё убивает.

До свидания. Твой вечно Ф. Достоевский.

Аня, ты говоришь, что много выходит денег. Напиши, сколько у тебя теперь в руках денег. Не отчет о расходах я прошу, а только сумму. Переписку не прерву. Буду посылать по письму в каждые три дня.

Всем поклон. Пуцыкович выдал наконец № «Гражданина».[9] Прислал мне. Ждет подписки и обещается отдать 40 марок. №, выданный, обратится, конечно, в библиограф‹ическую› редкость, и надобно сохранить его. Написал так, что, кажется, не пропустят в Россию. 40 же марок не отдаст.

Деток целую и благословляю. Лилю очень благодарю за ее миленькую приписочку,[10] а Федю очень прошу утешить меня и выучиться читать. Затем, детки голубчики, слушайте маму. Целую вас крепко.

На конверте:

Russie
(Staraya Roussa)
В Старую Руссу
Новгородской губернии
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской
(в собственном доме)

811. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

14 (26) августа 1879. Эмс

Эмс 14/26 августа/79

Милый друг мой Аня, вчера отправил тебе письмо,[1] а о главном-то написать и забыл. А между тем я в беспокойстве, которое постепенно возрастает с каждым днем, чем дальше, тем больше. *Что же деньги, что же ты не высылаешь денег (100 р.)?*[2] Давно еще ты мне написала, что вышлешь к 15-му августа, и вот 15-е августа завтра, а завтра не только денег, но и письма простого от тебя не придет. Во вчера полученном от тебя письме ты уведомляешь, что напишешь 11-го, а пойдет 12-го[3] (придет, стало быть, ко мне 16-го), а между тем вовсе умалчиваешь, какое это будет письмо, с деньгами или без денег. Вероятно выходит, что без денег, если не предупредила. И, однако, ты сама обещала прислать к 15-му. Я в страшном беспокойстве: мне думается, что ты забыла и вспомнишь, когда уже поздно будет. Вот почему экстренно пишу, чтоб напомнить. И до присылки денег всё буду в беспокойстве. Мне и так здесь невесело, а тут и это прибавилось. И почему ты откладываешь, когда я несколько раз, чуть не в каждом письме просил тебя выслать не откладывая, *не медлить*. Может быть ‹*7 нрзб.*› я больше писал в приписках. Главное беспокоит меня, что ты забудешь и поздно вспомнишь. Отправив вчера письмо и вспомнив, что забыл это приписать, я почти всю ночь не спал в беспокойстве. Повторяю тебе: я непременно хочу выехать 29-го августа, я ни дня не хочу оставаться больше в этой яме и скорей заложу часы и отправлюсь в 3-м классе, а в Берлине не возьму пальто, чем останусь здесь. Письмо это придет к тебе 18-го. Умоляю тебя, тотчас же по получении его, не откладывая даже до завтра, выслать мне 100 р. Если пойдет письмо из Старой Руссы даже 20-го, то придет ко мне 24-го.

Если же и 24-го не получу денег, то телеграфирую в Москву Любимову, авось пришлет 100 р., и если по медленности своей даже и замедлят, то всё же 2 — три дня каких-нибудь, а пришлют же. Голубчик Аня, исполни просьбу мою, а то я как буду мучиться. А что если вы уедете к Нилу, да за хлопотами сборов забудешь выслать, а письмо это пролежит до твоего возвращения?

Не сердись, голубчик, я просто даже в тревоге. Я ни одного дня не хочу здесь сидеть долее. В 3-х последних письмах своих ты о высылке даже и не упоминаешь.

Целую тебя и детей.

Ваш Ф. Достоевский.

Не сердись, Анечка.

812. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

14 (26) августа 1879. Эмс

Эмс 14/26 августа/79

Многоуважаемый Виктор Феофилович, «Гражданин» я получил и благодарю за присылку,[1] но удивили Вы меня очень: неужели Вы думаете, что наша цензура пропустит его в Россию? Если же не пропустит — зачем было и издавать? Подписчиков ведь не будет, если не дойдет в Россию №? И как это Вы ухитрились наделать столько промахов? Я представить не могу, чтоб цензура могла пропустить *личные оскорбления* известных сановников и глумление над ними. Нельзя было писать об Орлове, что он *пересолил.* А главное, о Горчакове и Шувалове, что они обрадовались, что за них будут делать чужие руки на конгрессе, чтоб не делать своими. А о купаниях в Биаррице и Остенде. — Всё это личные насмешки. Выражение: «*Сама себя высекла*»[2] невозможно тоже. Тут ведь государь, воля государя.[3] Посмотрите, как у нас, под такой цензурой, газеты ухитряются говорить об этом: в «Москов‹ских› ведом‹остях›» я о конгрессе читал посильнее Ваших обличения в 10 раз,[4] а между тем там не было ни Биаррица, ни Остенде, ни чужих рук, ни «сама себя высекла». Это положительно не пропустят, на мой взгляд по крайней мере. Как это, столько лет издавая журнал, не выработать в себе чувства меры.[5] Мещерский написал анекдот про Горчакова (не называя имени) в 77-м году перед войной, и журнал был остановлен на 3 месяца или даже на 6.[6] Неужели Вы думаете, что пропустят, потому только, что Вы издали за границей? Вот вам и подписка. И главное, из-за каких пустяков! Ведь эти глумления ничего не прибавляют к смыслу.

То же бы ты слово
Да не так бы молвил —

говорит пословица. Досаднее всего то, что № весьма недурен и действительно привлек бы подписчиков. Но довольно, до свидания, опоздал на ванны и спешу. Не сердитесь: это не наставления, это невольная досада за то, что сам же человек свое же дело губит. До свидания. Выеду отсюда через 2 недели. Уведомьте о чем-нибудь.

Ваш весь Ф. Достоевский.

813. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

16 (28) августа 1879. Эмс

Эмс. 16/28 августа/79 г.

Сейчас только получил твое дорогое письмецо (от 11-го), дорогая моя Анечка. Очень жалею, что послал тебе мое последнее нетерпеливое письмо о деньгах.[1] Клянусь, я ужасно беспокоился: откладывая со дня на день, можно было действительно спохватиться, когда уже будет поздно. Мне же притом казалось, что ты ожидаешь моего возвращения гораздо позже, чем это должно быть. Выеду я отсюда (постараюсь изо всех сил) непременно 29-го (нашего стиля). Не сердись на меня. Я от уединения стал мнителен, и мне всё мерещится что ни есть худого и безотрадного. Тоска моя такая, что и не опишешь: забыл говорить даже, удивляюсь на себя даже, если случайно произнесу громкое слово. Голосу своего вот уже четвертую неделю не слышу. — Пишешь, что уже выслала мне 100 руб. «вчера», это значит 10-го, а я, однако, сегодня, получив на почте твое письмо уже от 11-го, еще не получил никакой посылки. Странно, что так запоздало. Но конечно получу и, может быть, завтра. Пишешь, чтоб я берег деньги и о бинокле. Но деньги у меня идут регулярно, и всякая трата моя здесь обрегулирована, разве вот на табак трачу лишнее, за неимением обычного моего табаку. Трата же на всё чертовская, хоть и регулярная. Повторяю тебе, вряд ли и рубль оставшийся с собой привезу. Начнешь рассчитывать и только руками разводишь — почти не хватает. Что же до бинокля, то он стоил мне большой досады, потому что, очевидно, меня надули, и я переплатил лишнее, больше чем он стоит. Но ужасно хотелось купить. Но только никогда в России не было таких мошенников-купцов, какие теперь в Германии. Всё жиды, всем завладели жиды и мошенничают без предела, буквально мошенничают. Пишешь, что очень думаешь о моем здоровье. Повторяю: я сам не знаю, что выйдет из моего питья вод, хотя про себя и начинаю надеяться, что выйдет что-нибудь путное. Я положительно укрепляюсь в силах и это чувствую. Кашель мой очень уменьшился и ослабел, но всё еще есть и, уж конечно, излечить его невозможно. К тому же здесь так сыро, что я беспрерывно простужаю горло, и у меня вдруг, на целые сутки, начинается

страшная перхотливость. Но дыхание чище и глубже, задышки гораздо меньше. С завтрашнего дня останется ровно 12 дней лечения, то есть одна последняя треть. — Впрочем, дело моего здоровья обозначится осенью и зимою. Но ты-то о своем здоровье мало пишешь, вот что, Аня, а я очень боюсь за тебя. Я хочу, чтоб ты возвратилась в Петербург, за лето серьезно поправившись. Теперь твое здоровье для детей становится дороже, чем мое. Я очень о тебе беспокоюсь и много думаю. Твои милые слова о том, что ты меня любишь, прочел с упоением. Ты пишешь: «люби меня», да я ль тебя не люблю? Мне только высказываться словами претит, а многое ты и сама могла бы видеть, да жаль, что не умеешь видеть. Уж один мой постоянный (мало того: всё более с каждым годом, возрастающий) супружеский мой восторг к тебе мог тебе на многое указать, но ты или не хочешь понять этого, или по неопытности своей этого и совсем не понимаешь. Да укажи ты мне на другой, какой хочешь, брак, где бы это явление было в такой же силе, как и в нашем 12-летнем уже браке. А восторг и восхищение мои неиссякаемы. Ты скажешь, что это только одна сторона и самая грубая. Нет, не грубая, да от нее, в сущности, и всё остальное зависит. Но вот этого-то ты и не хочешь понять. Чтоб окончить эту тираду, свидетельствую, что жажду расцеловать каждый пальчик на ножке вашей, и достигну цели, увидишь. Пишешь: А ну если кто читает наши письма? Конечно, но ведь и пусть; пусть завидуют.

Извещаешь о страданиях своих насчет ремонту дома. Что делать, сама затеяла. Но вот проходит время — и что же ваше путешествие к Нилу? К тому же трепещу за посещение Бергемапши:[2] будет стоить это тебе и хлопот и расстройства нервов необъятного. Дай бог, чтоб всё у вас уладилось к лучшему и веселому. — Я здесь всё мечтаю об устройстве будущего и о том, как бы купить имение. Поверишь ли, чуть не помешался на этом. За деток и за судьбу их трепещу. Сел писать роман[3] и пишу, но пишу мало, *буквально некогда*, можешь ты этому верить. К приезду моему (3-го или 4-го сентября) дай бог, чтоб привезть половину на сентябрьский-то номер, а остальную половину сяду дописывать на другой же день по приезде, ничего не отдыхая. А между тем работа должна быть чистая, щегольская, ювелирская. Это самые важные главы и должны установить в публике мнение о романе. Тем, что послал на август, я доволен, но предчувствую (знаю их), что они наделают самых роковых опечаток.[4] — Но это всё потом, а здесь мне покамест скука, не простая, а болезненная, с ума сойти можно. Кажется, начинают сильно разъезжаться отсюда, но всё же толпа огромная. Русских ужасно мало, всё незнакомые. Последние три дня всё дождь.

Каков Жаклар, ай, ай! Молодец, впрочем.[5] Вот это человек как следует, рвет цветы удовольствия, не то, что мы — народ забитый и запуганный. Мне очень интересно было, что ты писала о представлении басен Крылова. Это очень мило и хорошо.[6] —

Сознаюсь тоже, что путешествие к Нилу было бы для деток чрезвычайно назидательно и оставило бы воспоминание на всю жизнь их. И, уж конечно, Нил лучше, чем Бергеманша. Поблагодари голубчика Лилю за ее милейшее письмецо; Феде же скажи, что его письмо прелесть как удалось, мне очень понравилось, и что сохраню его на всю жизнь. До свидания, мой ангел, золотое ты мое сокровище, умненькая моя красавица. Красавица ты моя, вот что. И если б не смущало то, что ты говоришь про почтовую цензуру,[7] бог знает бы что написал тебе. *Целую, однако ж, опять твои ножки.* Целую его мысленно беспрерывно. Сердечко твое золотое тоже люблю ужасно, чту его и поклоняюсь ему. Нервы же вещь излечимая, неправда ли? Целую и благословляю деток. Всё мечтаю о них. Но довольно.

Твой вечный Ф. Достоевский.

Ждут ли меня детки, говорят ли обо мне иногда? Учи Федю читать. Неужто у Лилечки нет цвета лица? Смотрю часто на их фотографические карточки.

Сплю по-прежнему мало, и всё кошмары. Аня, ходи за своим здоровьем.

Идея: застанет ли это письмо тебя в Старой Руссе? А ну вы пуститесь к Нилу? [8] А впрочем, не препятствую, только бы обошлось без трудов и без хлопот особенных.

Боюсь в длинное и спешное путешествие мое простудиться и, таким образом, повредить лечению. Еще раз (1000 раз) целую тебя. Всем поклон.

814. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

19 (31) августа 1879. Эмс

Эмс. 19 августа / 1 сентября [a] / 79.

Милая Аня, так как все-таки ты к 23-му или к 24-му намерена воротиться (пишешь, что едешь на 3 дня, а до 24-го выйдет 9 дней), то и пишу тебе сейчас, не откладывая до завтра. Разумеется, весь этот план мне не очень по нутру, но еще в прежнем одном письме твоем, недели две тому назад или три, когда ты в первый раз уведомляла о Шере,[1] я разглядел нечто подозрительное (очень помню это) и подумал, что ты что-нибудь предпримешь. Но если я и сержусь (очень), то за легкомысленное письмо твое, написанное так бегло и так наскоро, что ничего нельзя понять и всё остается предугадывать с большим беспокойством. Например, пишешь, что едешь с детьми, и не извещаешь, берешь няню иль нет. В Москве где остановишься?

---

[a] *Описка. Нужно:* 31 августа.

Поедешь на общее сборище — где детей оставишь? Или их вместе с собой потащишь? У Вареньки остановишься что ли?[2] Если же оставишь детей где-нибудь у Ивановых, то хорошо ли с ними обойдутся и добродушно ли их примут? Затем деревня: конечно, ты не поехала на авось и условилась письмами с Андреем Михайловичем или с кем-нибудь: где и как вы там остановитесь, и надолго ли? Где же остановитесь? В избе, где, пожалуй, тебя обворуют и ограбят? А дети где будут оставаться, когда ты будешь, вместе с прочими, леса осматривать. Пишешь, что будет Андрей Михайлович, а я полагаю, что ровно никому нет дела до наших детей и что вообще дети от этой поездки что-нибудь да потерпят. Распоряжение же о том, чтобы почтамт старорусский пересылал тебе мои письма в Рязань, считаю почти безумным![3] Это верное средство сделать, чтоб они расстрелись с тобой и пропали. И это с акуратностью-то нашей почты! А впрочем, полагаю, что ты уж вернулась; не на месяц же поехала.

Благодарю за извещение о детском спектакле, хотя и тут слишком краткое: видно, что ты занята.[4] Писем твоих буду ждать с ужасным нетерпением, и если напишешь 17-го, то, пожалуй, дня три еще придется ждать. О себе не знаю, что написать. У нас все эти дни валил дождь как из ведра, и прилив мокрот у меня в груди был ужасный, а потому по утрам усилился и кашель. Да пришлось еще не доспать сряду несколько ночей, а потому нервы расстроились ужасно. В пустую надо мной квартиру въехали два немца и подымают страшный стук ночью. Только что я к одиннадцати часам засну, как вдруг, в половину 12-го, возвращаются они оба и подымают шум по лестнице и наверху прямо над моей головой такой, что будто целый табун лошадей пришел. Я просыпаюсь, вздрагиваю и уже не могу потом заснуть часа два, и так три ночи сряду, да и теперь почти так же. Я жаловался хозяйке, те обещали не топать ногами. Но при этом лечении нужен покой, спокойные нервы и хороший сон. Иначе лечение не принесет пользы. Я очень раздражен и в уединении моем весь даже озлобился. Пусть уж бы скорее из этой мокрой ямы. Хоть бы быть уверенным, что вас-то застану целыми и невредимыми. Поцелуй детей. Скажи им спасибо, что были умники на спектакле. В эту минуту ты, может быть, где-нибудь уже в Рязани или дальше. Не успокоюсь до тех пор, пока не получу от тебя письма из Старой Руссы, уже по возвращении твоем. А что если настолько замедлишь, что оно уже меня не застанет? Я выезжаю 29 и надеюсь, что не задержит что-нибудь. Стало быть, надо, чтобы последнее письмо твое ко мне было написано 23-го и пошло не позже 24, тогда еще получу его здесь, 28-го, если же напишешь позднее этих чисел, то уже не получу, 29-го поезд отходит рано утром.

К Нилу-то, я думаю, теперь не поедете.[5] Или поедете? Деньги 100 р. я получил здесь 17-го,[6] третьего дня, шло, стало быть, 8 дней. Курс наш упал ужасно, может быть, и еще упадет. Сижу

и работаю, да вот теперь, за беспокойством, не знаю, много ли наработаю. Ух, сколько дела останется сделать по возвращении в Руссу. И еще в какой короткий срок. Не знаю, как-то тебя примут в Москве. Во всяком случае целую тебя крепко. Дай бог, чтоб ты получила это письмо в Старой Руссе без пересылки в Рязань. Я вот теперь пишу, а сам думаю, что не дойдет оно до тебя ни за что, расстрепетесь. Так что даже писать не хочется. Однако тороплюсь. Обнимаю тебя еще раз, а об детках всё будет теперь ныть душа. Благословляю их и молюсь за них. Над Федей непременно в Москве будут смеяться, что не умеет читать. Смеялись и надо мной в детстве, что отстал от брата.

До свидания, голубчик, твой нежный очень, хотя и сердитый муж.

Ф. Достоевский.

Всем поклон. И как же можно было написать такое беглое и не обстоятельное письмо. Лучше бы совсем не уведомляла до возвращения в Руссу.

Главное, в Москве не загостились бы! Еще целую и деток благословляю.

815. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

23 августа (4 сентября) 1879. Эмс

Эмс. $\frac{\text{23 авг.}}{\text{4 сентября}}$ / 79.

Многоуважаемый Виктор Феофилович,

Вы спрашиваете с меня уже совсем невозможного.[1] Я с своей работой запоздал здесь так, как и не рассчитывал. К 12-му нашего сентября должен буду отослать (уже из Руссы) в «Р‹усский› вестник» *всё* на сентябрьскую книжку, а у меня и *половины* не сделано. Я сам теперь сижу и спешу, потому что скоро отсюда выеду и пресеку работу, стало быть, дней *на 6*. Приеду в Руссу и вместо отдыху сейчас надо садиться.[2] Это не по моим силам и не по моему здоровью. Я пишу туго. А Вы хотите, чтоб я бросил всё и сел за статью в «Гражданин»! Помилуйте. Я к тому же стал теперь писать туго, медленно, мне три строки написать мучение. Нет, не ко времени просьба Ваша, не смогу, ни за что не могу.

Адресс Засецкой: Варшава, Пенкная улица, дом Крузе, № 2. Но написать ей и просить в сотый раз опять-таки не могу, духовно не могу, совесть не позволяет. Она, весной, горько упрекнула меня однажды, что я (будто бы, а я и забыл) способствовал, тому несколько лет назад, своим добрым *об Вас отзывом*, что она Вам доверилась. Я действительно помню, что она об Вас (несколько лет тому) спрашивала меня письмом.[3] Она упрекнула

меня горько, очень горько. Ее мучили большие деньги, которые она теряет. И вот я теперь буду опять просить ее насчет денег же. Если бы о другом чем, но о деньгах никогда и ни за что. Сообщаю Вам ее адресс, но прошу (настоятельно) в письме Вашем к ней обо мне не упоминать даже косвенно, вроде того: «что Ф<едор> М<ихайлович> *нарочно* сообщил мне Ваш адресс, или: «*был так добр*, что сообщил Вам адресс и проч.». Особенно прошу Вас об этом. А лучше всего, если б и сами Вы не писали, Виктор Феофилович, ведь это невозможно же наконец! Да и, кроме того, Вы какой-то малодушный, извините меня: ну как можно в такое короткое время после выпуска ждать подписчиков?[4] Они придут (если придут) не раньше как чрез месяц или чрез полтора после выпуска. Так всегда у нас. Да и время не подписное. На нынешний год Вы во всяком случае не могли бы ждать значительной подписки. А тут вдруг, читаю, что Вы разослали всего только 500 экз<емпляров>. Да что же Вы себя-то режете? Надо было *все* разослать. А средства непременно найти, уберечь от прежних, они были у Вас, Вы сами мне говорили, и этого-то Вы не сделали для собственного спасения![5] Кто ж виноват? А ну если не 500 выслано, а всего 50!

Статью в «Голосе» читал (Ярош, должно быть). Статья глупая, но всё, что сказано о подкуривании Бисмарку, — всё верно.[6] И на меня произвело тоже неприятное впечатление. Если Вы еще хоть раз выдадите № с таким принижением перед Бисмарком, то все в России от Вас отступятся. Предрекаю Вам это. Подумают даже, что Вы в рептилии хотите поступить к нему. И хоть это будет неправда, но всё же я попаду впросак с моим письмом о неподкупности направления «Гражданина», уже напечатанном в 1-м №.[7] Кстати: и Вы не сумели в русских газетах (ну вот хоть в «Правит<ельственном> вестнике») напечатать подробное оглавление выданного 1-го Номера? * И не стыдно это Вам? Нет, сами, значит, себя режете и хотите зарезать! Я убежден, что Вы не сумеете ответить «Голосу». И надо не *в последней страничке*, а в передовой. Шуму, грому надо. Нас должны встретить ругательствами. (NB. Тут и о Бисмарке оправдаться.) Там есть две *драгоценные фразы*: «„Гражданин“ нападает опять на *всё*, что у нас есть прекрасного и благородного». А Вы только и писали, что о нигилистах и отцах их, значит, по «Голосу», нигилятина благородна!

Есть еще у них Вам укор в правописании.[8] А «Голос», который пишет вместо «немцев» — «немцо́в», — не «Голосу», стало быть, превозноситься правописанием. Одним словом, можно бы лихо ответить, а у Вас выйдет сухо и недостаточно.

Ну а 40-то марок мне не отдадите? Виктор Феофилович, да что ж Вы со мной сделали! Если б Вы знали, как я нуждаюсь, мне ведь, пожалуй, и не хватит, а Вы так клялись, такое чест-

---

* Так в подлиннике.

ное слово давали! Но авось к моему приезду прибудут подписчики. *Ради Христа*, не забудьте обо мне и приготовьте.

Буду в Берлине, я думаю, нашего 30-го августа.

До свидания. Ваш Ф. Достоевский.

816. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

24 августа (5 сентября) 1879. Эмс

Эмс. 24 августа / 3[a] сентября /79.

Милая Аня, сейчас получил твое письмо, писанное карандашом, из Рязани от 18-го августа, и опять повержен в беспокойство и сомнения. Опять тайны, опять вечные секреты. Не можешь ты никак удостоить меня полной откровенности. Списываешься и соглашаешься с червонными валетами, а от мужа всё еще тайны и секреты. И к чему эта таинственность, если уж решилась исполнить задуманное? Неужели ты рассудить не можешь, что, видя тайну, не могу же я не быть расстроен, вечно предугадывая, сомневаясь и разгадывая здесь, за 2500 верст: что бы это было такое? Слушай: первоначально ты извещаешь меня, что едешь в имение (для чего? никто не может понять, а ты, может быть, менее всех) *на три дня*, и вот теперь извещаешь наскоро карандашом, уже от 18-го числа, что «*теперь я тебе долго не напишу дней шесть*» (уезжая то есть в деревню из Рязани), и тут же прибавляешь, что напишешь мне из Рязани. Ясно, стало быть, что все эти 6 дней (а может, и больше, ибо число 6, как первоначальное *три дня*, очевидно, выставлено для моего успокоения, так что 6 значит minimum, а может, и 10, и 12, и две недели) — что все эти 6 дней ты намерена жить в деревне.[1] Но для чего же 6 дней жить в деревне, где есть нечего, в курной избе с детьми и с червонными валетами,[2] к чему понадобилось *столько* дней — всё это загадка, которую я, очевидно, не в состоянии разрешить и которую ты, очевидно, всё еще не хочешь мне открыть, не считаешь благонадежным и благоразумным открыть такому *неблагонадежному* человеку, как я, и лучше решаешься меня повергнуть в смертельное беспокойство (не могу же я в самом деле не беспокоиться), чем удостоить меня полною откровенностью. Я здесь теперь ломаю голову и придумать не могу: для чего понадобилась целая неделя сроку житья в деревне? Межеваться вы что ли собираетесь, но ведь этого нельзя без полного всеобщего согласия, а остальные Достоевские могут не согласиться. Что же вы там будете делать? На простой осмотр достаточно бы и двух дней. Значит, что-то твердо положено сделать и условлено заранее с червонными валетами, но я только этого

---

[a] *Описка. Нужно*: 5

не могу и не должен знать. 6 дней, но тут непременно твердая и определенная цель, когда такой срок ясно предназначен *вперед*. Ну, а по прошествии этих 6 дней — что тогда будет? Что-нибудь в Рязани, какие-нибудь акты, купчие совершатся, или черт знает что еще — так отчего бы от меня-то так таить? Пустое, дескать: побеспокоится и перестанет.[3] Из Рязани хочешь писать мне после 6 дней в деревне, но это уже будет 24-го числа minimum, а ведь я писал тебе сколько раз, что выезжаю 29-го, стало быть, *последнее* письмо твое ко мне должно быть написано 23-го, чтоб дошло. Стало быть, ты читаешь мои письма наскоро и не дочитываешь даже, может быть. — Ездишь в третьем классе с малыми детьми. У червонных валетов такие души и такие понятия, что твой вид приниженности и бедности (в 3-м классе) должен в них возбудить презрение к тебе. Останавливаешься с этими забубенными в одних и тех же трактирах, а в деревне, пожалуй, в тех же избах; тут тысячи непочтительных фамильярностей можешь увидеть от них. Шеры, Ставровские — всё это одного корня народ, мошенники, надувалы и валеты. И уж ежели ты сама написала, что там нечего есть (это на 6-то дней), то воображаю, какой комфорт и чему могут подвергнуться дети. Не сердись, ради бога, но ведь я же не дерево в самом деле, не могу же я не беспокоиться. Охота даже пропадает писать, ибо, очевидно, и это письмо пойдет в Рязань из Руссы (если на такой долгий срок, то конечно мои письма надо было пересылать тебе из Руссы), но ведь всякому сроку конец, и, очевидно, одно или два письма должны расстреться, так что не знаю, дойдет ли это и в чьи попадет еще руки? К моему-то приезду будешь или нет в Руссе? До отъезда моего отсюда я уж и не рассчитываю теперь что-нибудь от тебя получить. — На всякий случай поздравляю тебя с днем твоего рождения, 30 августа. Напишу еще несколько строк в понедельник, и это уже будет последнее мое письмо отсюда. О себе писать нечего. Поблагодари Лилечку за ее милую приписку. Деток целую и благословляю и очень за них беспокоюсь, душа не на месте. Целую тебя тоже. Не сердись, повторяю: не деревянный же я.

Твой весь Ф. Достоевский.

Еще раз целую тебя.

817. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

24 августа (5 сентября) 1879. Эмс

Эмс. 24 августа / 13[a] сентября / 79.

Многоуважаемый и достойнейший Константин Петрович, получил здесь Ваши оба письма и сердечно Вам благодарен за них,

[a] *Описка. Нужно*: 5

особенно за первое, где Вы говорите о моем душевном состоянии. Вы совершенно, глубоко справедливы, и мысли Ваши меня только подкрепили.[1] Но я душою больной и мнительный. Сидя здесь, в самом полном и скорбном уединении, поневоле захандрил. Но, однако, спрошу: можно ли оставаться, в наше время, спокойным? Посмотрите, сами же Вы указываете во 2-м письме Вашем (а что такое письмо?) на все те невыносимые факты, которые совершаются.[2] Я вот занят теперь романом (а окончу его лишь в будущем году!) — а между тем измучен желанием продолжать бы «Дневник», ибо есть, действительно имею, что сказать — и именно как Вы бы желали — без бесплодной, общеколейной полемики, а твердым небоящимся словом.[3] И главное, все-то теперь, даже имеющие, что сказать, боятся. Чего они боятся? Решительно призрака. «Общеевропейские» идеи науки и просвещения деспотически стоят над всеми и никто-то не смеет высказаться. Я слишком понимаю, почему Градовский, приветствующий студентов как интеллигенцию, имел своими последними статьями такой огромный успех у наших европейцев: в том-то и дело, что он все лекарства всем современным ужасам нашей неурядицы видит в той же Европе, в одной Европе.[4]

Мое литературное положение (я Вам никогда не говорил об этом) считаю я почти феноменальным: как человек, пишущий зауряд против европейских начал, компрометировавший себя навеки «Бесами», то есть ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет, критиков — все-таки признан молодежью нашей, вот этою самою расшатанной молодежью, нигилятиной и проч.? Мне уж это заявлено ими, из многих мест, единичными заявлениями и целыми корпорациями. Они объявили уже, что от меня *одного* ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим *руководящим писателем*.[5] Эти заявления молодежи известны нашим деятелям литературным, разбойникам пера и мошенникам печати, и они очень этим поражены, не то дали бы они мне писать свободно! Заели бы, как собаки, да боятся и в недоумении наблюдают, что дальше выйдет. — Здесь я читаю мерзейший «Голос», — господи, как это глупо, как это омерзительно лениво и квиетично окаменело на одной точке. Верите ли, что злость у меня иногда перерождается в решительный смех, как, например, при чтении статей 11-летнего мыслителя, Евг<ения> Маркова, о женском вопросе.[6] Это уж глупость до последней откровенности. Вы пишете, что Пуцыковича выпуск Вам не понравился.[7] Да, действительно, но ведь с этим человеком даже и говорить нельзя и советовать ему нельзя, он обидчиво уверен в себе. Но, главное, ему бы только подписка, а остальное всё он производит с чрезвычайно легкой совестью. Мнение Ваше о прочитанном в «Карамазовых» мне очень польстило (насчет силы и энергии написанного), но Вы тут же задаете *необходимейший* вопрос: что ответу на все эти атеистические положения у меня

пока не оказалось, а их надо.[8] То-то и есть и в этом-то теперь моя забота и всё мое беспокойство. Ибо ответом на всю эту *отрицательную сторону* я и предположил быть вот этой 6-й книге, «Русский инок», которая появится 31 августа. А потому и трепещу за нее в том смысле: будет ли она *достаточным* ответом. Тем более, что ответ-то ведь не прямой, не на положения прежде выраженные (в «В‹еликом› инквизиторе» и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо[6] противуположное выше выраженному мировоззрению, — но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине. Вот это меня и беспокоит, то есть буду ли понятен и достигну ли хоть каплю цели. А тут вдобавок еще обязанности художественности: потребовалось представить фигуру скромную и величественную, между тем жизнь полна комизма и только величественна лишь в внутреннем смысле ее, так что поневоле из-за художественных требований принужден был в биографии моего инока коснуться и самых пошловатых сторон, чтоб не повредить художественному реализму. Затем есть несколько поучений инока, на которые прямо закричат, что они абсурдны, ибо слишком восторженны. Конечно, они абсурдны в обыденном смысле, но в смысле ином, внутреннем, кажется, справедливы. Во всяком случае очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень.[9] Писал же с большою любовью.

Но вижу, что слишком распространился о своем произведении. 1-го или 2-го сентября буду в Петербурге (поспешаю чрезвычайно в Ст‹арую› Руссу в семейство), зайду к Вам (не знаю, в какой час, не могу решить заране), и если посчастливится, то и застану Вас, может быть, хоть на минутку. До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль: ну что будет *с Россией*, если мы, последние могикане, умрем? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее все-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель? Кстати: Пуцыкович, услышав от меня содержание письма Вашего насчет отправки преступников в Сахалин, пристал ко мне, чтоб я дал напечатать в «Гражданине».[10] Я, разумеется, не дал.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

---

[6] *Далее было*: и обратно

818. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

27 августа (8 сентября) 1879. Эмс

Эмс. 27 августа / 9[а] сентября /79.

Милый голубчик мой Аня, получил от тебя вчера вечером (по поводу воскресения у нас раздают переписку вечером) твой клочочек бумажки карандашом из каких-то Клепиков[1] и чрезвычайно как благодарен тебе за него. Но, однако же, из Рязани до *имения*, значит, 80 верст с лишком и езды $1\frac{1}{2}$ дня; я думал, что гораздо ближе. Стало быть, из 6 дней три уходят на дорогу. Оно теперь мне понятнее, и 3 дня в деревне не возбуждают теперь во мне такого удивления. Но следовало с твоей стороны писать обстоятельнее, а то я совсем потерялся в моих расчетах: «Что, дескать, будешь ты делать в деревне 6 дней?». Да и теперь, впрочем, не знаю, но думаю по крайней мере, что к 28-му или 29-му вы возвратитесь же, наконец, в Руссу. (Ох, только бы бог дал благополучно.) То, что ты пишешь о детях, меня несколько ободрило. Но опять-таки в твоем письме как будто недомыслие. Рассуди сама: пишешь ты от 19-го и приписываешь, что теперь уже 4 дня не будешь мне писать более. А я здесь ясно вижу, что ни в каком уж случае не получу здесь от тебя ничего более, ни одного то есть письма, ибо сам выезжаю послезавтра, 29-го. Дело в том, что это твое письмецо из Клепиков, от 19-го, помечено на конверте в Московском почтамте 22-м августом, ко мне же в Эмс пришло 26-го, шло, значит, неделю. Положим, ты мне напишешь (через 4 дня, как ты говоришь) из Рязани, значит, 23-го числа августа, придай 6 дней ходу до Эмса и будет 29-го, а 29-го утром мне уже нельзя будет идти в почтамт, ибо поезд идет в $6\frac{1}{2}$ часов утра, то есть когда еще и почта не приходит. (Приходит в $\frac{1}{2}$ 8-го.) Из этого заключаю, что уже более от тебя известий никаких не получу. Это значит с 19-го до 3-го сентября, то есть ровно 2 недели! Это жутко. Я, голубчик мой, помнится, тебе уже много раз писал, что последнее письмо твое должно *пойти* непременно не позже 24-го (из Руссы), чтоб я мог еще получить его, а теперь из Рязани. Полагаю, что ты мало обратила внимания на то, что я писал об этих сроках, и забыла. — Но уж теперь нечего делать. По крайней мере сам-то отсюда выезжаю и в дороге тоска по вас будет конечно сдерживаться чувством, что всё же я приближаюсь к вам, к вам же еду и наконец приеду. Так как сегодня 27-е, то полагаю уже наверно, что письмо это застанет тебя уже в Руссе, так что тебе не будут уже никуда пересылать его из Руссы, и оно не пропадет. Не знаю только, много ли ты опять останешься в Москве? Хороша ли погода, не простудились бы дети? Поедешь ли ты

[а] *Описка. Нужно*: 8.

во 2-м классе? и проч. и проч. вопросы так и кишат у меня в голове. На бога, однако же, надеюсь и на тебя тоже, хотя и взбалмошная, но деловая женочка. Жаль только, что не всегда откровенна с мужем, который так ее любит и ценит.

Об себе скажу, что, кажется, лечение мое здесь не принесло мне особенной пользы. Говорить заране, конечно, нельзя, может быть, потом, к зиме, объявится польза, но теперь я точно так же кашляю, как и приехал сюда, а всю последнюю неделю чувствовал даже особенную тесноту в груди, как в худшие времена. Полагаю, что всему виноват Орт, черт знает с чего пересадивший меня 3 недели назад с кренхена на кессельбрунен. А я именно после 2-х недель кренхена почувствовал было себя несравненно лучше. А он пересадил, кессельбрунен, как мне кажется теперь, после 3-х недельного испытания — вода для меня сильная, больше той меры, которой требовал организм мой, а потому только раздражал мне нервы и, может быть, уничтожил доброе действие кренхена. Впрочем, не знаю, может быть, я ошибаюсь. — Что до денег, то, кажется, приеду в Руссу лишь с последними копейками, едва хватит. 100-вую бумажку меняют здесь на 208 *марок*. Как-нибудь ухитрюсь. В дороге, должно быть, очень устану и расстроюсь. Роман же (на сентябрь) не довел и до половины. Как приеду, сейчас надо будет садиться писать. — . — Проклятой здешней диетой (одна говядина и пудинги) расстроил только желудок, точно деревянный стал. — Кончается наконец скука моя безысходная, наконец-то начну громко говорить, а то 35 дней молчания — черт знает что такое. Погода здесь хоть и очень непостоянная, но теплая: какую-то у вас застану? И не простудиться бы дорогой. Поцелуй милых ангелов деток. От Победоносцева еще получил письмо и отвечал ему.[2] Если в Петербурге будет время, то схожу к нему. В Петербурге я буду, кажется, в воскресение — это скверно, всё заперто. Пуцыкович уже уведомил меня, что денег мне не отдаст.[3] До свидания, мой ангел. Ну что если ты как-нибудь в дороге простудишься, расхвораешься? Мне жизнь ваша в деревнюшке и в лесу, хоть и 3-х-дневная только, очень не нравится. И разве не случалось тебе простужаться, простужать горло, например, что простужала уже и прежде, — твое больное место. Слишком ты рискуешь, Аня. А тут 2 недели без известий. Но надеюсь на бога. Ворчать нечего, убереги вас только бог. Еду наконец. Ну до свидания и все-таки не до близкого: неделя целая еще пройдет.[4] Деток целую и благословляю, а тебя целую 1000 раз, и намерен скоро всласть целовать, голубчик ты мой.

Твой весь Ф. Достоевский.

Всем поклон. Еще раз всех вас целую. — Теперь у меня хлопоты, укладывать чемодан, покончивать все дела, а погода, кажется, переходит к дождю.

819. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 сентября 1879. Старая Русса

Старая Русса
8-го сентября/79

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Я воротился в Старую Руссу, но так был изломан дорогой, что сел продолжать работу (на сентябр‹ьский› №) только третьего дня. Пишу Вам теперь с тем лишь, чтоб уведомить Вас, что на этот № принужден буду *сильнейшим* образом опоздать присылкою продолжения романа, то есть получится в редакции всё (для сентябр‹ьского› №) не ранее, как между 15 и 20 числами сентября (зато уже никак не позже). Торопиться же слишком я не могу, хотя бы и хотел, ибо предстоит закончить сцену из капитальнейших в целом романе и хочется сделать сколь возможно лучше. Таким образом, я в крайнем беспокойстве, *не зная* наверно: опоздаю я теперь до невозможности напечатать (с моим сроком от 15 до 20) или *еще нет?* Величиною всё будет в $2^1/_2$ печатных листа, кажется, не более — отдельная и законченная сцена, или, лучше сказать, эпизод. Мне бы чрезвычайно, *чрезвычайно* желалось, чтоб появилось в сентябре.[1] Само собой разумеется, что корректур я уже ждать не буду, а по примеру августовского № (за корректуру которого, *довольно* тщательную, изъявляю Вам полнейшую мою благодарность) — попрошу продержать имеющее быть прислано продолжение так же тщательно, как и августовский отрывок. Обещаю не опаздывать впоследствии так ужасно. Во всяком случае, считал нужным написать Вам всё это, чтоб уведомить. Весьма может быть, что пришлю гораздо раньше 20-го, я взял *нарочно* самый отдаленный срок.

Примите уверение, многоуважаемый Николай Алексеевич, в моем искреннем и глубочайшем уважении.

Ваш слуга Фед. Достоевский.

К 25 сентября, примерно, перебираюсь в Петербург. Петербургский адресс мой тот же, что и прежде: Кузнечный переулок, близ Владимирской церкви, дом № 5, кварт‹ира› № 10. Ф. М. Достоевскому.

820. Н. А. ЛЮБИМОВУ

16 сентября 1879. Старая Русса

Старая Русса
16 сентября/79

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Вместе с сим высылаю в редакцию «Р‹усского› вестника» *книгу седьмую* «Карамазовых», для сентябрьской книги, в числе 41 полулистка. В этой *книге* четыре главы: три высылаю, а 4-ю

вышлю через два дня, получится в редакции 20-го числа. В этой 4-й главе всего будет 4 страницы печатных, но она важнейшая и заключительная.[1] Выслал бы вместе, но припадок падучей болезни заставил на два дня отложить работу. Но по крайней мере высылаю 41 полулист, и их можно сейчас начать набирать (получатся 18-го сентября), остальные же 3 полулистка (то есть 4-я глава), которую на два дня задержал, не составят много и не задержат, если только Вы решитесь печатать всё, несмотря на позднюю высылку. А как бы я желал теперь не дробить. Вся моя надежда на Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич.

Я к 25-му сентября переезжаю в Петербург (прежний адресс).[2] А потому корректур опять ждать не могу. Кажется, переписано четко. Передайте от меня, многоуважаемый Николай Алексеевич, покорнейшую мою просьбу корректору, чтоб не утопил меня и на этот раз. За прошлый же № большое ему спасибо.

Умоляю Вас, Николай Алексеевич, в этой книге ничего не вычеркивать. Да и нечего, *всё в порядке*. Есть одно только словцо (про труп мертвого): *провонял*. Но выговаривает его отец Ферапонт, а он не может говорить иначе, и если б даже мог сказать: *пропах*, то не скажет, а скажет *провонял*. Пропустите это, *ради Христа*. Больше ничего нет. Кроме, разве, про пурганец.[3] Но это написано хорошо, и притом оно существенно, как важное обвинение. Последняя глава (которую вышлю), «*Кана Галилейская*» — самая существенная во всей книге, а может быть, и в романе.[4] С этой высылкой кончаю с монастырем: больше о монастыре ничего не будет. В следующей книге (на октябрь) закончится часть и будет перерыв, как я уже и уведомил.

А теперь примите уверение в моем самом искреннем уважении.

Ваш покорнейший слуга Федор Достоевский.

Петербургский мой адресс: Кузнечный переулок, близ Владимирской церкви, дом № 5, квартира № 10, Ф. М-чу Достоевскому.

Одно маленькое Nota bene на всякий случай: не подумайте, ради бога, что я бы мог себе позволить, в сочинении моем, хотя малейшее сомнение в чудодействии мощей. Дело идет лишь о мощах умершего монаха Зосимы, а уж это совсем другое. — Подобный переполох, какой изображен у меня в монастыре, был раз на Афоне и рассказан вкратце и с трогательною наивностью в «*Странствовании Инока Парфения*».[5]

Достоевский.

P. S. Многоуважаемый Николай Алексеевич, особенно прошу хорошенько прокорректировать легенду *о луковке*. Это драгоценность, записана мною со слов одной крестьянки и, уж конечно,

записана в первый раз.[6] Я по крайней мере до сих пор никогда не слыхал.

Достоевский.

На обороте:

Его превосходительству
Николаю Алексеевичу Любимову.
От Ф. М. Достоевского.

821. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 октября 1879. Петербург

Петербург
8 октября/79

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Спешу уведомить Вас, что для октябрьской книжки «Р‹усского› вестника» опять *принужден опоздать*, но вышлю непременно. Продолжение «Карамазовых» получится в редакции 16-го или 17-го октября, из всех сил постараюсь. Само собою, что не буду ждать корректур. (Напечатанное в сентябрьской книге прокорректировано почти безукоризненно, за что приношу великую благодарность.) Вышлю опять от 2½ до 3 печатн‹ых› листов — почти ровно столько же, как и на сентябрьскую книгу.[1] Дело в том, что работа для меня трудная и хотелось бы отделать по возможности лучше. Уведомляю Вас тоже, что в октябрьской книге не закончится еще то, что определено мною закончить в нынешнем году, но доставлю еще и *на ноябрьскую книгу «Р‹усского› вестника»*, и тогда уже пришлю и то письмо, о котором писал Вам месяца два назад,[2] насчет объяснения с публикой о *последней части* «Карамазовых», которую я, по оплошности моей, принужден перевесть на будущий год.[3] К 17-му числу напишу Вам и еще письмецо,[4] Николай Алексеевич, в котором подробнее объясню некоторые необходимые вещи, и чрезвычайно боюсь, что это теперешнее письмо мое, которое посылаю, для скорости, *незаказным*, как-нибудь не дойдет до Вас и пропадет дорогою.

А теперь, глубокоуважаемый Николай Алексеевич, примите мое сердечное уверение в почтении и преданности, с которыми пребываю Вашим всегдашним слугою

Ф. Достоевский.

С. Петербург. Кузнечный переулок, дом № 5, кварт‹ира› № 10, близ Владимирской церкви. Ф. М. Достоевскому.

822. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

13 октября 1879. Петербург

13 октября/79[1]

Дорогой друг и брат Андрей Михайлович, сделай милость, прости, что побоялся рискнуть здоровьем в такую мокреть, несмотря на всё искреннейшее желание мое <еще> раз поцеловаться с тобою перед твоим отъездом. Передай, голубчик, мой искренний привет Доменике Ивановне[2] и мое пожелание ей всего лучшего в жизни. Наша последняя встреча оставила во мне, повторяю это тебе, самое лучшее и отрадное впечатление. До свидания, дорогой мой, не хочу говорить прощайте. Потрудись передать мои лучшие пожелания Евгении Андреевне и Михаилу Александровичу.[3] Смотри же, не пеняй на мою болезненную трусость. Еще раз обнимаю тебя и кланяюсь глубоко твоей супруге.

Твой весь Ф. Достоевский.

823. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

24 октября 1879. Петербург

Петербург
24 октября/79

Любезнейший и многоуважаемый Виктор Феофилович. Вот уже больше месяца как ни от Вас, ни я к Вам ни слова. У меня работа, переезд в Петербург, нездоровье и пр. А Вам-то почему бы не уведомить о себе. Прошло так много времени, что я даже и не знаю теперь, о чем с Вами заговорить.[1] Засецкая сказала мне, что недавно получила от Вас письмо и что Вы будто бы едете в Иерусалим. Это что за известие?[2] Пишу к Вам на прежний адресс и опасаюсь, что не дойдет. О «Гражданине» не спрашивают, ибо видно, что не выходит.[3] Как Ваши текущие обстоятельства? Победоносцев иногда о Вас спрашивает. Вот, однако, одно обстоятельство, которое считаю необходимым Вам сообщить. Сидел я (недели две тому назад) у Победоносцева утром, и вошел Мещерский. Заговорил, между прочим, о Вас. Мещерский сказал, что он за «Гражданина» получил от Вас, в первый год, столько-то (7500 р.) тысяч выдачи, и так как теперь Вы в такой нужде, то не знает, как ему решить *по совести*: возвратить ли ему Вам хоть часть суммы или нет? Я ему сказал тут же при Победоносцеве: Вы бы ему (то есть Вам) прежде всяких сомнений хоть 300 руб. *сейчас же* бы выслали, потому что он очень в нужде.

Мещерский сказал: «*Сейчас же вышлю*». Тем и кончилось. Дня три тому назад Победоносцев спросил меня: «выслал ли Вам 300 р. Мещерский?». Так как я Мещерского с тех пор не видал, то ответил, что не знаю. Победоносцев сказал мне на это

надо непременно ему напомнить, чтобы немедленно выслал, ибо он обещал». К сожалению, я адресса Мещерского не знаю, знаю только, что он переехал от Благосветлова в Сергиевскую. Уведомьте, голубчик Виктор Феофилович, получили ли Вы что-нибудь от Мещерского или нет.[4] Адресс мой прошлогодний: Кузнечный переулок, дом № 5 (угол Ямской, близ Владимирской церкви) Ф. М. Достоевскому.

До свиданья, голубчик, тороплюсь, совсем сбит с толку каторжной работой «Карамазовых»: боюсь только, что письмо мое не дойдет до Вас, или что долго его не получите. Крепко жму Вам руку. Ваш весь прежний и всегдашний

Ф. Достоевский.

824. Е. Н. ЛЕБЕДЕВОЙ

8 ноября 1879. Петербург

Петербург.
ноября 8/79.

Милостивая государыня,

Старика Карамазова убил слуга Смердяков. Все подробности будут выяснены в дальнейшем ходе романа.[1] Иван Федорович участвовал в убийстве лишь косвенно и отдаленно, единственно тем, что удержался (с намерением) образумить Смердякова во время разговора с ним перед своим отбытием в Москву и высказать ему ясно и категорически свое отвращение к замышляемому им злодеянию (что видел и предчувствовал Ив<ан> Ф<едорови>ч ясно) и таким образом *как бы позволил* Смердякову совершить это злодейство. *Позволение* же Смердякову было необходимо, впоследствии опять-таки объяснится, почему. Дмитрий Федорович в убийстве отца совсем невинен.

Когда Дмитрий Карамазов соскочил с забора и начал платком вытирать кровь с головы раненного им старика слуги, то этим самым и словами: «Попался старик» и проч. как бы сказал уже читателю, что он *не* отцеубийца. Если б он убил отца и 10 минут спустя Григория, то не стал бы слезать с забора к поверженному слуге, кроме разве того, чтоб убедиться: уничтожен ли им важный для него свидетель злодеяния. Но он, кроме того, как бы сострадает над ним, говорит: попался старик и проч. Если б отца убил, то не[a] стоял бы над трупом слуги с жалкими словами. Не один только сюжет романа важен для читателя, но и некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя.

Во всяком случае мне лестно Ваше участие к моему произведению.

Примите уверение в искреннейшем моем уважении.

Ваш покорный слуга Ф. Достоевский.

---

[a] *Далее начато:* стал бы стоять

825. Н. А. ЛЮБИМОВУ

16 ноября 1879. Петербург

Петербург.
16 ноября/79.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Вчера отправил к Вам окончание 8-й книги «Карамазовых», которое, вероятно, уже и получено в редакции. Еще раз очень извиняюсь, что опоздал. Во всей этой 8-й книге появилось вдруг много совсем новых лиц, и хоть мельком, но каждое надо было очертить в возможной полноте, а потому книга эта вышла больше, чем у меня первоначально было намечено, и взяла больше и времени, так что опоздал на этот раз совсем и для себя неожиданно. Чрезвычайно прошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, о корректуре, такой же прекрасной, как и до сих пор.

Я Вам писал, что в ноябре закончу, и остановлюсь до будущего года,[1] а между тем обстоятельства сложились иначе, ибо и *на декабрьскую книгу пришлю еще 9-ю новую книгу*, чтобы тем закончить часть. Эта 9-я книга возникла у меня тоже внезапно и неожиданно: дело в том, что первоначально я хотел лишь ограничиться одним *судебным следствием*, уже на суде. Но, советуясь с одним прокурором (большим практиком),[2] увидал вдруг, что целая, чрезвычайно любопытная и чрезвычайно хромающая у нас часть нашего уголовного процесса (больное место нашего уголовного процесса) у меня в романе, таким образом, бесследно исчезнет. Эта часть процесса называется «*Предварительным следствием*» с старою рутиною и с новейшей отвлеченностью в лице молоденьких правоведов, судебных следователей и проч. А потому, чтоб закончить часть, и напишу еще 9-ю книгу под названием «*Предварительное следствие*», которую и доставлю Вам в декабре по возможности раньше.[3] К тому же намечу еще сильнее характер Мити Карамазова: он очищается сердцем и совестью под грозой несчастья и ложного обвинения. Принимает душой наказание не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление, в котором ложно будет обвинен судебной ошибкой. Характер вполне русский: гром не грянет — мужик не перекрестится. Нравственное очищение его начинается уже во время нескольких часов предварительного следствия, на которое и предназначаю эту 9-ю книгу. Мне как автору это очень дорого. Одно неловко: вся-то эта девятая книга выйдет, может быть, всего листа в полтора печатных. Но зато книга выйдет целая и законченная.[4]

Итак, доставлю эту 9-ю книгу в декабре, и тогда же и извинительное письмо в редакцию (для напечатания), по поводу перенесения окончания романа в будущий год, о котором (письме)

я Вам писал еще летом. Это письмо мне непременно хочется напечатать, на совести моей лежит.[5]

Но в письме этом будет ириписочка, именно: теперь тянется еще только 2-я часть романа, раздвинувшаяся на 20 печатных листов. Я первоначально действительно хотел сделать лишь в 3-х частях. Но так как пишу *книгами*, то забыл (или пренебрег) поправить то, что давно замыслил. А потому и пришлю при письме в редакцию и приписку, чтоб эту вторую часть считать за две части, то есть за 2-ю и 3-ю, а в будущем году напечатана будет, стало быть, лишь последняя *четвертая* часть. Таким образом, 4-я, 5-я и 6-я книги романа составят *вторую часть*, а 7-я, 8-я и 9-я книги составят 3-ю часть.[6] Во всех трех частях будет таким образом в каждой по *три* книги, и почти по ровному числу печатных листов. Такова же будет и 4-я часть, то есть в 3-х книгах и от 10 до одиннадцати печатных листов. Об этом обо всем нахожу необходимым известить Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, теперь, то есть заранее. В случае, если найдете какие препятствия, то еще есть время порешить предварительно. Но надеюсь, что препятствий Вы не найдете, дело неважное.

У меня в том, что теперь выслал, выведены два поляка, которые говорят или чисто по-польски (между собою), или ломаною смесью русского с польским. Фразы чисто польские у меня правильны, но в смешанной речи польские слова, может быть, вышли несколько и дико, но, я думаю, тоже правильно. Желательно мне очень, чтобы в этих польских местах корректура была продержана по возможности тщательнее. Переписано же у меня, кажется, четко.[7]

Вставлен анекдот о пане Подвысоцком — легендарный анекдот всех мелких польских игрочишек — передергивателей в карты. Я этот анекдот слышал три раза в моей жизни, в разное время и от разных поляков. Они и не садятся в «банчишку», не рассказав этот анекдот. Легенда относится к 20-м годам столетия.[8] Но тут упоминается Подвысоцкий, фамилия, кажется, известная (в Черниговской губернии есть тоже Подвысоцкие). Но так как в этом анекдоте собственно о Подвысоцком *не говорится ничего обидного, позорного* или *даже смешного*, то я и оставил настоящую фамилью. Не думаю, чтобы кто-нибудь когда-нибудь мог обидеться и быть в претензии.

Итак, вышлю еще в декабре.

Примите, многоуважаемый Николай Алексеевич, мое искреннее уважение.

Ваш покорный слуга Ф. Достоевский.

P. S. Если не Подвысоцкий, то можно бы напечатать: Подвисоцкий, по-польски совсем другой смысл, но лучше, если оставить «Подвысоцкий», как у меня.

Д.

NB. Песня, пропетая хором, записана мною с натуры и есть действительно образчик новейшего крестьянского творчества.[9]

826. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

6 декабря 1879. Петербург

6 декабря/79

Дорогой брат, Николай Михайлович,

Спешу поздравить тебя со днем ангела и пожелать здоровья и всего лучшего. Как твое здоровье? Я занят день и ночь самой срочной и спешной работой, и меня рвут на клочки.[1] Я был с месяц тому у Катерины Михайловны,[2] и та тоже говорит, что тебя давно не видала.

У нас дело по имению с Шером и Ставровскими опять расходится. Шер рассердился и отказывается от всякого раздела.[3] Это нескончаемое наследство меня очень беспокоит. Но более всего беспокоит меня работа. Измучился, как кляча.

До свидания, будь здоров и счастлив на много лет.

Тебя любящий брат Ф. Достоевский.

827. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 декабря 1879. Петербург

Петербург.
8 декабря/79 г.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Опять я выхожу до крайности виноватым перед Вами и перед «Русским вестником»: обещанную столь утвердительно «Девятую книгу» «Карамазовых» на декабрь — я не могу прислать в декабре. Причина та — что я заработался до болезни, что тема книги (Предварительное следствие) удлинилась и усложнилась, а главное, главное, — что эта книга выходит одна из важнейших для меня в романе и требует (я вижу это) такой тщательной отделки, что если б я понатужился и скомкал, то повредил бы себе как писателю и теперь и навеки. Да и идея моего романа слишком бы пострадала, а она мне дорога. Роман читают всюду, пишут мне письма, читает молодежь, читают в высшем обществе, в литературе ругают или хвалят, и никогда еще, по произведенному кругом впечатлению, я не имел такого успеха.[1] Вот почему и хочется кончить дело хорошо.

А потому простите меня, если можете. Эту девятую книгу я пришлю Вам на январский №. Будет в ней *три листа* minimum, может быть, $3^1/_2$. (Столько же, как и в ноябрьской.) Девятая книга эта закончит три части «Карамазовых». Четвертую же часть напечатаю в будущем году, начав с мартовской книги

(то есть пропустив февральскую). Этот перерыв мне решительно необходим. Зато кончу уже без промежутков.

Тем не менее я решительно прошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, напечатать в декабрьской теперешней книжке «Русского вестника» мое письмо в редакцию, о котором я писал Вам еще прежде.[2] Письмо это пришлю Вам около 14-го декабря, то есть в этот день, может быть, и получите. В газетах уже сам читал раза три обвинения и инсинуации на редакцию «Русского вестника» в том, что она нарочно (для каких-то причин непонятных) растягивает романы (Льва Толстого и мой) на два года.[3] В письме моем я именно объявляю, что виноват один я в том, что *обещал кончить роман* в один год и оттянул на другой и что от редакции «Русск<ого> вестника» видел лишь самое деликатное и просвещенное к себе внимание, как к писателю.[a] (Это в ответ на другие инсинуации.) Постараюсь написать прилично и убедительно. (Пройдет через Вашу цензуру.) Вместе с тем объявлю в письме: как и когда я намерен продолжать роман. Может быть, кстати, скажу несколько слов об идее романа для читателей, но не знаю еще: вообще постараюсь не написать лишнего.[4] По моему соображению, это письмо совершенно необходимо напечатать в декабрьской книжке, главное *для меня* необходимо, это дело моей совести.

Теперь позвольте мне, *столь виноватому* перед Вами, обратиться к Вам с самой убедительнейшей просьбой. К празднику я остаюсь совершенно без денег и к тому же должен раздать очень много и имею долги. Нельзя ли будет поэтому выслать мне, к празднику, на Ахенбаха и Колли рублей тысячу. Если же будет можно и *побольше*, то было бы для меня просто спасительно, потому что ужас как нуждаюсь. Всего лучше если б к 20-му декабря! А позже, так у Ахенбаха и Колли, пожалуй, еще запрется контора. Извините за настоятельность просьбы, и если б не нужда, я бы не стал беспокоить.[5]

От всего сердца благодарю Вас, что так скоро и охотно исполнили просьбу мою касательно выдачи денег 60 р. племяннице моей Нине Александровне Ивановой. Она мне написала и ужасно Вам благодарна.[6]

Итак, повторяю, к 14 декабря (или раньше) получите письмо мое в редакцию для напечатания.

Еще раз испрашивая извинение, прошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, принять искреннее мое уверение в глубочайшем моем к Вам почтении и преданности.

Покорный слуга Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Позвольте еще поблагодарить за хорошее исправление *польских слов* в моей последней книге.

---

[a] *Было*: автору

828. М. Н. КАТКОВУ

12 декабря 1879. Петербург

Письмо к издателю «Русского вестника»

Милостивый государь, Михаил Никифорович,

В начале нынешнего года, начиная печатать в «Русском вестнике» мой роман «Братья Карамазовы», я, помню это, дал Вам твердое обещание окончить его в этом же году. Но я рассчитывал на прежние мои силы и на прежнее здоровье и вполне был убежден, что данное обещание сдержу. К моему несчастью, случилось иначе: я успел написать лишь часть моего романа, а окончание его принужден перенести в будущий 1880-й год. Даже и теперь для декабрьской книжки не успел выслать в редакцию ничего и девятую книгу моего рассказа принужден отложить па январский номер «Русского вестника» будущего года, тогда как еще месяц тому уверенно обещал редакции закончить эту девятую книгу в декабре. И вот вместо нее посылаю Вам лишь это письмо, которое и прошу убедительно напечатать в уважаемом Вашем журнале. Это письмо дело моей совести: пусть обвинения за неоконченный роман, если будут они, падут лишь на одного меня, а не коснутся редакции «Русского вестника», которую если и мог бы в чем упрекнуть, в данном случае, иной обвинитель, то разве в чрезвычайной деликатности ко мне как к писателю и в постоянной терпеливой снисходительности к моему ослабевшему здоровью.

Кстати, пользуюсь случаем, чтоб исправить одну мою ошибку, вернее, простой недосмотр. Роман мой «Братья Карамазовы» я пишу «книгами». Вторая часть романа началась с четвертой книги. Когда же заключилась шестая книга[а], я забыл обозначить, что этою шестою книгой окончилась вторая часть романа. Таким образом, третью часть надо считать с седьмой книги, а заключится эта третья часть именно тою девятою книгой, которая предназначалась на декабрьский номер «Русского вестника» и которую обещаю теперь выслать непременно на январский номер будущего года. Так что на будущий год останется лишь четвертая и последняя часть романа, которую и попрошу Вас начать печатать с мартовской (третьей) книги «Русского вестника». Этот перерыв в один месяц мне опять необходим всё по той же причине: по слабому моему здоровью, хотя и надеюсь, начав с мартовской книжки, окончить роман уже без перерывов.

Примите уверение и проч.

Ф. Достоевский.

2 декабря/79 г.

[а] *Далее было*: романа

829. Н. А. ЛЮБИМОВУ

12 декабря 1879. Петербург

Петербург
12 декабря/79

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Прилагаю при сем письмо «К издателю „Русского вестника“»,[1] о котором уже два раза извещал Вас прежде[2] и которое убедительнейше прошу напечатать в декабрьской книжке. В этом письме, как Вы сами знаете, всё правда, от первого до последнего слова. Другое дело, как выражено: если найдете нужным что-либо изменить или исправить, то сделайте это, но чрезвычайно просил бы ничего не выбрасывать из него. Озаглавил я письмо «К издателю „Русского вестника“» и пишу на имя Михаила Никифоровича. Вы, конечно, ему покажете. Если сочтете нужным озаглавить письмо иначе, то есть, например, более вообще: «В Редакцию „Русского вестника“», то поступите, как найдете удобнее. Я на всё согласен, только было бы напечатано письмо.[3]

Я хотел было прибавить (о чем и писал Вам в последний раз) некоторые разъяснения идеи романа для косвенного ответа на некоторые критики, не называя никого.[4] Но, размыслив, нахожу, что это будет рано, надеясь на то, что по окончании романа Вы уделите мне местечко в «Р<усском> вестнике» для этих разъяснений и ответов, которые, может быть, я и напишу, если к тому времени не раздумаю.[5]

Девятую книгу «Предварительное следствие» пришлю по возможности раньше для январского нумера. Хоть опоздал, но надеюсь ее отделать получше.

Меня очень беспокоит, многоуважаемый Николай Алексеевич, что я оказался столь несостоятельным перед «Русским вестником», не прислав на декабрь. Живу теперь с искренними угрызениями совести и упрекаю себя поминутно, верьте мне.

Примите уверение в моем совершенном уважении и искренней преданности.

Покорный слуга Ваш Ф. Достоевский.

830. В. В. САМОЙЛОВУ

17 декабря 1879. Петербург

Петербург, 17 декабря/79

Милостивый государь, многоуважаемый Василий Васильевич,

Благодарю Вас глубоко за Ваше прекрасное письмо. Слишком рад такому *автографу*, а Ваше мнение обо мне *дороже* всех мнений и отзывов о моих работах, которые мне удавалось читать.[1]

Я слышу мнение это тоже от великого психолога, производившего во мне восторг еще в юности и в отрочестве моем, когда Вы только что начинали Ваш художественный подвиг. Вашим гениальным талантом Вы, конечно и *наверно*, немало имели влияния на мою душу и ум.[2] На склоне дней моих мне приятно Вам об этом засвидетельствовать. Дай бог нам обоим жить долго. Крепко жму Вашу руку.

Примите уверение в моем глубочайшем и искреннейшем уважении к Вам и к прекрасному таланту Вашему.

Ф. Достоевский.

На конверте:

Высокоталантливому и глубокоуважаемому
Василию Васильевичу Самойлову
от Ф. М. Достоевского.

831. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

21 декабря 1879. Петербург

21 декабря/79

Дорогой и уважаемый старый друг, Алексей Николаевич, вот и еще 200 р. в уплату за мой нескончаемый (к стыду моему) тебе долг.[1] Сейчас только сам получил последний расчет из редакции «Р‹усского› вестника». Сделай одолжение, не взыщи, что до сих пор не всё.[2] Стыдно самому. До свидания. Жму тебе руку и желаю хорошего. Мое глубочайшее уважение Елене Алексеевне.[3]

Твой Ф. Достоевский.

832. В. В. ЛОРЕНЦУ

22 декабря 1879. Петербург

Петербург 22 декабря/79

Милостивый государь Виктор Васильевич,

Весьма благодарю Вас и уважаемого мною Василия Ивановича, отца Вашего, за Ваше внимание.[1] Вечер на 11-й версте бесспорно крайне любопытен для меня во многих отношениях.[2] Вот только день праздника, не знаю, совпадет ли с некоторыми обстоятельствами, при которых мне возможно будет быть наверно на этом любопытнейшем вечере. Равно и «способ доставки» на место. Если Вы будете столь добры, то благоволите уведомить меня и не оставить Вашим советом. При этом прибавлю просьбу: если б я поехал с двумя дамами (моей женой и одною из знакомых), то возможно ли это осуществить, то есть возможно ли

там быть *женщинам* — это главное? Тем более я затрудняюсь, что еще не знаю наверно, поедут ли они в самом деле, хотя теперь очень желают. Но они могут быть удержаны лишь обстоятельствами. В случае если им возможно быть на празднике (как женщинам), то соблаговолите уведомить, как лучше поехать, в котором часу начнется, когда может окончиться «вечер» (то есть в котором часу) и проч. Наконец, маршрут: не всякий извозчик знает, куда везти и проч. подробности. Сам же я, кажется, буду наверное, если только не захвораю или не потребуют меня куда-нибудь помимо моей воли.[3] Еще раз благодарю Вас за внимание и прошу принять уверение в глубоком моем уважении.

Ф. Достоевский.

P. S. Простите, пожалуста, что несколько задержал ответ.

833. В. В. ЛОРЕНЦУ

27 декабря 1879. Петербург

27 декабря/79

Милостивый государь Виктор Васильевич,

Позвольте извиниться перед Вами. Сегодня ночью был со мной припадок падучей болезни (которою я страдаю), и хоть я и на ногах, ходить и выходить могу, но очень болит голова, разбиты ноги и шея и хочется спать. К тому же чрезвычайно извращенные впечатления душевные. Для поездки на 11-ю версту совершенно неспособен, тем более, что боюсь собою умножить их число. Дамы мои без меня, конечно, не едут.[1]

Вы, вероятно, на меня не очень рассердитесь. Прошу Вас весьма, передайте Вашему родителю глубочайшее мое сожаление, что *на сей раз* НЕ МОГ воспользоваться его приглашением. Впоследствии же позвольте обратиться к Вам в случае, если выйдут день-другой свободные и возможно будет осуществить поездку в больницу, хотя и не на елку. Дело это до крайности любопытное.

Я, может быть, с осени возобновлю «Дневник писателя». Статья о посещении больных на 11-й версте могла бы выйти очень любопытною и мне к «Дневнику» подходящею.[2]

Примите уверение в глубоком уважении.

Ваш Ф. Достоевский.

5 часов пополудни.

На конверте:

Здесь,
Мойка, Красный Мост.
д‹ом› № 69—71.
Его высокородию
Виктору Васильевичу *Лоренц*.

1880

834. В. П. ГАЕВСКОМУ

3 января 1880. Петербург

Января 3/80 г.

Многоуважаемый Виктор Павлович,

Чтоб не вышло опять какого-либо недоразумения, спешу по возможности заранее предуведомить Вас, что на 2-м чтении в пользу Литературного фонда, о котором Вы писали мне [1] и сами потом говорили (буде таковое состоится), — я, с моей стороны, принять участия *не могу*. Работы у меня оказалось теперь столько, что я и сам не предполагал. Я занят день и ночь и ни одного часу не могу упустить,[2] а тут целый день, да еще нервного расстройства, мешающего мне работать. А потому не могу и уведомляю Вас о том с сожалением.[3]

Искренно преданный

Ф. Достоевский.

835. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 января 1880. Петербург

Петербург.
8 января/80 г.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Во-первых, поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего самого лучшего. Убедительнейше прошу передать мое приветствие и поздравление многоуважаемому Михаилу Никифоровичу.

Письмо это пока только уведомление: книга 9-я «Карамазовых» почти вся уже готова, и на днях вышлю.[1] Внезапная болезнь жены моей, моей помощницы в работе (она стенографирует с написанного мною и потом переписывает),[2] поставила меня вдруг в самое затруднительное положение, ибо, не будь этой беды надо мной, уже теперь бы Вам всё выслал. — Эта 9-я книга к тому же вышла несравненно длиннее, чем я предполагал, сидел я за нею 2 месяца и отделывал до последней возможности тщательно. Всего будет, *без малого разве*, до 5-ти печатных листов. Что делать! Зато на столько же, неминуемо, сократится 4-я часть, ибо сказанное в «*Предварительном следствии*», в 4-й части, естественно, может быть теперь передано уже не в подробности. Я думаю, что 11-го января вышлю Вам

4 листа и 12-го Вы получите их в редакции. Затем остальное, около $^3/_4$-й листа перешлю дня три спустя, так что полагаю, что и этот кончик прибудет в редакцию не позже 15-го и maximum 16-го января. Всё это пишу *утвердительно*, если даже и самому придется всё переписывать (ибо уже всё написано).

Задерживают тоже разные мелочи, например, надо перечитать всё одному бывшему (провинциальному) прокурору, чтоб не случилось какой важной ошибки, или абсурда, в изложении «Предварительного следствия», хотя я писал его, всё время советуясь с этим же прокурором.[3] — Таким образом, к 16-му в редакции будет около 5 листов, то есть вся законченная 9-я книга, из коих *4 листа* прибудут в редакцию не 16-го, а 12-го января. — Боюсь, что Вы не найдете возможным выслать мне корректур (а я бы их вмиг отсмотрел и обратил назад). — Ну вот пока и всё, о чем надо было уведомить. О дальнейшем напишу при отправке.

А пока примите уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Покорный слуга Ваш

Ф. Достоевский.

836. С. П. ХИТРОВО

9 января 1880. Петербург

9 января/80.

Многоуважаемая и дорогая Софья Петровна,

Простите, ради бога — прийти не могу. Готовлю к завтраму отослать часть рукописи в «Русский вестник». Всю ночь напролет буду сидеть. — А конец еще и не дописан, трое суток еще просижу в работе и 15-го сдам, вероятно, и конец на почту.[1] Сам хожу чуть не помешанный. Жена же простудилась 1-го января, а 4-го слегла в постель и теперь лежит, лечится, ездит доктор, простудилась, кашель и лихорадка. И во всей моей жизни страшный беспорядок. Пока я и жена Вам кланяемся, скоро приду. Передайте графине[2] всё, что сами найдете сказать ей за меня лучшего, — вполне надеюсь на Вас. Часто о Вас думаем.

Ваш весь Ф. Достоевский.

837. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

(слушательнице высших женских курсов)

15 января 1880. Петербург

15 января 1880 г.

Прежде всего простите, что замедлил ответом: две недели сряду сидел день и ночь за работой, которую только вчера изготовил и отправил в журнал, где теперь печатаюсь.[1] Да и теперь

от усиленной работы голова кружится. На письмо же Ваше, что могу я ответить? На эти вопросы *нельзя отвечать* письменно. Это невозможно. Я большею частью дома от 3 до 5 часов пополудни, большею частью, хоть и не наверно каждый день. Если захотите, то зайдите ко мне, и хоть у меня времени вообще мало, но глаз на глаз несравненно больше и увидишь и скажешь, чем на письме, где все-таки отвлеченно. Ваше письмо горячо и задушевно. Вы действительно страдаете и не можете не страдать. Но зачем Вы падаете духом? Не Вы одни теряли веру, но потом спасли же себя. У Вас разрушили, Вы пишете, веру во Христа. Но как же Вы не задали себе прежде всего вопроса: кто люди-то эти, которые отрицают Христа, как Спасителя? То есть не то я говорю, хорошие они или дурные, а то, что знают ли они Христа-то сами, по существу? Поверьте, что нет, — ибо, узнав хоть несколько, видишь необычайное, а не простое: похожее на всех хороших или лучших людей существо. Во-вторых, все эти люди до того *легковесны*, что даже не имеют никакой научной подготовки в знании того, что отрицают. Отрицают же они от своего ума. Но чист ли их ум и светло ли их сердце? Опять-таки не говорю, что они дурные люди, но заражены общей современной болезненной чертой всех интеллигентных русских людей: это легкомысленным отношением к предмету, самомнением необычайным, которое сильнейшим умам в Европе не мыслилось, и феноменальным невежеством в том, о чем судят. Уж эти одни соображения могли бы, кажется, Вас остановить в отрицании Вашем, по крайней мере, заставить задуматься, усомниться. Я знаю множество отрицателей, перешедших всем существом своим под конец ко Христу. Но эти жаждали истины не ложно, а *кто ищет, тот наконец и найдет.*

Благодарю Вас очень за теплые слова Ваши ко мне и обо мне. Жму Вашу руку и, если захотите, до свидания.

Ваш Ф. Достоевский.

838. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

21 января 1880. Петербург

Петербург, 21 января 80.

Многоуважаемый и любезнейший Виктор Феофилович!

Давно не писал к Вам и давно от Вас ничего не получал. С моей стороны причина одна: страшная каторжная работа, свыше сил моих. В последние три месяца написал и сдал до 12 печатн<ых> листов! Расстроил здоровье, запустил всё: визиты, посещения, письма. Вчера отправил последние 5 листов моего романа в «Русский вестник» и теперь принимаюсь за *последнюю* часть романа.[1] А пока имею неделю или даже 10 дней отдыха.

С месяц назад или ближе Вы мне прислали Ваше объявление и просили поместить его в «Новом времени». Этого я положительно не мог сделать.[2] В виду *Вас* и *«Р‹усского› гражданина»* «Новое время» могло мне отказать, и тогда у меня явились бы с ними неприятности. Слышал, однако, что в «Новом времени» Ваше объявление прошло другим путем. Я очень рад тому, но меня все-таки не вините: не 10 же рублей я бы пожалел. Кстати, на днях приходил Тришин, и 300 руб. я ему *уплатил* уже окончательно.[3]

Встретил сегодня Маркевича; он сообщил мне, что в «Московских ведомостях», кажется, от 19-го января, а может быть 18-го, есть статья о «Русском гражданине» и о Вас. Выписано из него о покушении на жизнь императора в Москве, и статья похвалена за патриотизм. Это очень хорошо от «Московских ведомостей».[4] Я статью не читал, но постараюсь достать № и прочту. Может быть, Вы о ней уже знаете. Вот Вам случай помириться с Катковым.[5] Впрочем, Вы сами знаете, как лучше поступить, я лишь из всегдашнего моего участия к Вам говорю.

К. П. Победоносцева почти не видал, Засецкую тоже. Ни к кому не хожу. У нас здесь говорят, что Цитович будет издавать (скоро) политическую газету у нас здесь, в Петербурге, ежедневную, большую. Это бы хорошо, если сумеет взяться за дело. Но издавать брошюры одно дело, а газету — другое.[6] А хорошо, кабы был успех.

Напишите о себе и о своих теперешних планах, о состоянии дела. Не смотрите, что я туго отвечаю, слишком уж заработался. Каждый день сам укорял себя, что не отвечаю, но не мог.

Итак, до свидания на письмах! Здоровье мое от Эмса поправилось, но я слишком уж устал.

Только что сейчас развернул «Варшавский дневник» (который мне высылают) и прочел статью от 17-го января, в которой редакция стоит за истязание детей. Осмеивают идею об обществе покровительства детям. Стоять за детей истязуемых — значит по-ихнему разрушать семейство.[7] Какая нелепость! Но то семейство, где отцы мажут 4-летнюю девочку г‹...›, кормят ее г‹...› и запирают в морозную ночь в нужник[8] — то семейство разве святыня, разве уж оно не разрушено? Какая неловкость с их стороны! От них сейчас отвернутся читающие после этого. А жаль, кн‹язь› Голицын, кажется, человек порядочный и хочет добра. Кто же это у него пишет?[9]

До свидания, жму Вашу руку.

Ваш по-прежнему

Ф. Достоевский.

Адресс тот же: Кузнечный переулок, дом 5, кв. 10.

Анна Григорьевна Вам кланяется и искренно желает Вам всего лучшего. С Мещерским совсем не вижусь. Среды прекратились.

P. S. Какая же это, однако, статья Ваша, о которой говорят «Московские ведомости». Разве Вы выдали еще №? Я не получил.[10]

839. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

29 января 1880. Петербург

29 января/80.

Милостивый государь Петр Исаевич,

В субботу 2 февраля к 2-м часам пополудни буду в Вашей гимназии и прочту всё, что Вам будет угодно назначить.[1] Это хорошо, что книги у Вас и мне не надо их брать с собою. Извещаю для твердого сведения. Простите, что не удалось известить вчера.

Глубоко уважающий Вас и всегда преданный

Федор Достоевский.

P. S. В случае какой-нибудь слишком жестокой бури, наводнения и проч., разумеется, не в состоянии буду прибыть. Но вероятнее, что всё обойдется благополучно.

840. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

29 января 1880. Петербург

Голубчик Аня, не можешь ли ты отослать это *заказное* письмо Любимову сегодня же, не медля. В нем пишу, о чем знаешь.[1]

Твой Ф. Достоевский.

29-го $3^3/_4$ утра.[2]

Бретцеля можно позвать от 2-х до 8-и, но не позже.

841. А. Н. СНИТКИНОЙ

31 января 1880. Петербург

Петербург.
31 января/80 г.

Милостивая государыня многоуважаемая Анна Николаевна,

Сейчас получил Ваше письмо.[1] Вы спрашиваете о здоровье Ани и очень беспокоитесь. Она была больна с 1-го января простудою и острым (то есть временным) катаром легких. Но уже несколько дней как она выходит, хотя всё еще *немного* кашляет.[2] Она говорит, что писала Вам, что уже выздоровела, но Вы, верно, не успели еще получить ее письма, когда мне писали. В этом же письме она пишет Вам опять.[3]

В квартире нашей помещение для Вас есть, и Вы нас не стесните. Очень хорошо будет, если Вы приедете, так как давно уже с ней не видались.

Дела ее по торговле идут пока помаленьку.[4] Во всяком случае не мучайте так себя насчет ее здоровья. Передайте мой искренний поклон Ивану Григорьевичу и его супруге.[5] Деток тоже поцелуйте. Наши детки, слава богу, здоровы и учатся, очень выросли.[6] Примите уверение в глубочайшем и искреннем уважении Вам сердечно преданного

Федора Достоевского.

842. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

17 февраля 1880. Петербург

17 февраля.

Милостивый государь Петр Исаевич,

Читать на вечере я согласен, если только в пользу детей. А что именно читать — можно впоследствии уговориться. Когда надо будет, Вы, конечно, соблаговолите мне дать знать. В ожидании позвольте пожать Вам руку за то, что стараетесь о детях.[1]

Вас глубоко уважающий

Ф. Достоевский.

843. А. Е. КОМАРОВСКОЙ

19 февраля 1880. Петербург

Многоуважаемая графиня,

Изо всех сил постараюсь быть, если только какой-нибудь самый экстренный случай (а таковые могут явиться) не задержит меня. Во всяком случае, сочту долгом исполнить Ваше желание прежде всего другого.[1]

Примите уверение в глубочайшем моем уважении,

Ваш слуга

Федор Достоевский.

19 февр<аля>/80.

844. П. П. КАЗАНСКОМУ

23 февраля 1880. Петербург

23 февраля/80

Милостивый государь Павел Петрович,

Полчаса после Вас я опомнился и сознал, что поступил с Вами грубо и неприлично, а главное, был виноват сам, — а потому и пишу это, чтоб перед Вами извиниться вполне. Если пожелаете,

то приеду извиняться лично. Но замечу, однако, (как необходимую подробность), что г-на Шера я назвал чер‹вонным› валетом отнюдь не в прямом (юридическом) значении, а просто выбранил его *первым попавшимся словом*, не сопрягая с ним значения прямого, какое имеет слово валет.[1] Это отнюдь.

Грубость же, которую сказал Вам в лицо, я выговорил уже после Вашего обращения ко мне с словами: «*После того Вы сами червонный валет*». С словами, обращенными Вами ко мне.

Но этими объяснениями не оправдываюсь, равно как и болезненным моим состоянием, которое вполне сознаю, а наконец, и беспокойным состоянием нашего времени вообще, мысль о котором приводит меня в болезненное расстройство, что было уже неоднократно в последние дни.[2] Все эти объяснения (как оправдания) были бы для меня постыдными. Я виноват вполне, и так, что никакими объяснениями и сам не хочу себя оправдывать.

Но если я прошу прощения, так вполне и искренно, то желал бы, взамен, лишь одного, милостивый государь: именно чтоб Вы обратили внимание на мотивы, которые заставили меня так поступить: ведь не из страха же перед Вами личного? Что могли бы Вы мне сделать страшного и чем бы могли меня испугать? Не из заботы же, наконец, об этом несчастном наследстве, которое никак не может разделиться (хоть бы его вовсе не было)?[3] И даже не из боязни же, наконец, *общего мнения* обо мне делаю это: характер мой больной знают очень многие, хотя очень многие, чрезвычайно уважаемые *всеми* люди, любят меня и несмотря на мой пелепый характер, прощают мне мои выходки — вероятно, ради чего-либо другого во мне заключающегося. Но об этом не к месту: я прямо хочу лишь сказать, что если прошу у Вас теперь прощения, то делаю это потому, что так мне велит моя совесть и что слишком мучают ее угрызения. Вот как хотелось бы мне, чтоб Вы поняли. — Еще раз подтверждаю, что ругательные слова были лишь ругательства и что я не сопрягал с ними никакого фактического значения. Пустые слова, в которых прошу прощения.

А засим, милостивый государь, зависеть будет от Вас: извинить меня или нет? Я ведь не претендую вовсе на то, что Вы меня почему-либо *должны* извинить ввидах того, что я написал такое повинное письмо. Вовсе нет. Поступите, как Вам будет угодно.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

Ваш покорный слуга

Ф. Достоевский.

845. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

6 марта 1880. Петербург

Буду читать или отрывок из жизнеописания старца Зосимы («Братья Карамазовы»), «Русский вестник» 79 года,[1] или из романа «Подросток», рассказ о купце, часть 3-я, стр. 54—67.[2]

Ф. Достоевский.

846. В. П. ГАЕВСКОМУ

21 марта 1880. Петербург

21 марта/80

Многоуважаемый Виктор Павлович,

Извините, ради бога, что не сейчас отвечаю Вам.[1] Но надо было справиться у студентов университета, которым я обещал читать на предстоящем публичном (в пользу студентов) вечере, когда именно их чтение, так как они приглашали меня 5 дней тому назад, тоже на 30 марта. Эти два дня я ждал, что кто-нибудь из них придет, но они не приходили. Сегодня же вечером на публичн‹ом› чтении в пользу педагогичек[2] один студент объявил мне, что чтение их назначено на 28 марта. Итак: если чтение Литер‹атурного› фонда 30, а у тех *действительно* 28, то я могу участвовать[а] в чтении для Литерат‹урного› фонда.[б] Полагаю, впрочем, что студентское чтение и Ваше ни в каком случае не сойдутся в один и тот же день,[3] так что на меня Вы бы могли рассчитывать. Но вот еще обстоятельство неблагоприятное: «Великого инквизитора» попечитель[4] позволил мне прочесть месяца $1^1/_2$ назад на лит‹ературном› чтении, тоже бывшем в пользу студентов университета.[5] Сам попечитель присутствовал на чтении. Но после чтения он мне объявил, что, судя по произведенному впечатлению, он впредь мне его запрещает читать. Таким образом, «Инквизитора» безусловно нельзя теперь читать. Стало быть, надо взять что-нибудь другое. Но я столько раз читал в последнее время, что перечитал решительно *всё*, и буквально не знаю, что выбрать. А потому об этом надо бы уговориться, тем более что надо прочесть что-нибудь очень короткое, так как у Вас и без меня чрезвычайно много участников. А потому решите о сем уже сами.[6]

Искренно преданный и покорнейший

Ф. Достоевский.

[а] *Далее было*: в Ва‹шем›
[б] *Далее было*: если

847. Б. Б. ПОЛЯКОВУ

26 марта 1880. Петербург

Телеграмма

Разрешаю Полякову дать Вам Шеру передоверие продать Пехорку согласно заказному письму жены моей Вам от 12 сего[а] марта.

Федор Достоевский.

Москва, Покровка, Лялин переулок, д. Ляшкевича.[б]

[а] 12 сего *вписано рукой Достоевской.*
[б] *Адрес вписан Достоевской.*

848. Н. А. ЛЮБИМОВУ

9 апреля 1880. Петербург

Петербург
апреля 9/80.

Милостивый государь, многоуважаемый Николай Алексеевич,

Имею к Вам одну покорнейшую и настоятельнейшую просьбу: когда редакция станет высылать мне корректуру апрельской книжки «Р<усского> вестника», то пусть вышлет *всю* эту корректуру в 2-х экземплярах, то есть в 2-х оттисках.[1] Всю лишнюю цену, которую возьмет почтамт, поставьте на мой счет. — Здесь затевается (на Святой) чтение в пользу Славянского благотворительного общества,[а] и меня просят прочесть что-нибудь из этого апрельского № «Карамазовых», еще неизвестного публике. Может быть, и можно будет что-нибудь прочитать с необходимыми сокращениями. Вот для чего и нужны мне теперь лишние оттиски.[2]

Есть и еще одно маленькое обстоятельство, которое капельку меня смущает: это то, что у меня, в этой книге, «Маленькие мальчики»,[3] упомянуто о прогимназии. И вот, уже отправив к Вам рукопись, я вдруг сообразил, что у меня все эти мои мальчики одеты в партикулярные платья. Я справился здесь у знающих дело, и мне сказали, что 13 лет тому назад (время действия в моем романе) гимназисты имели все-таки какую-то форму, хоть и не теперешнюю. Приготовительные же классы (особенно, если дети бедных родителей) могли ходить и в партикулярных платьях. Пальтишки же были какие угодно, равно и фуражки. Но так ли это? И не нужно ли будет что-нибудь изменить насчет платья в корректуре. *Если нужно*, черкните мне одну строчку сверху 1-го листочка корректуры, и я изменю, что можно. Если же *не очень нужно*, то сойдет и так.[4]

[а] *Было*: Литературного фонда

Очень прошу исполнить эти обе мои просьбы. Надеюсь, что письмо мое не запоздает.

Ради бога, простите помарки в письме, не сочтите за небрежность и примите уверение в глубочайшем уважении и преданности Вашего покорнейшего слуги.

Ф. Достоевский.

849. С. А. ЮРЬЕВУ

9 апреля 1880. Петербург

Петербург, апреля 9-го 1880.

Глубокоуважаемый С<ергей> А<ндреевич>.

Я действительно здесь громко говорил, что ко дню открытия памятника Пушкина нужна серьезная о нем (Пушкине) статья в печати.[1] И даже *мечтал*, в случае если б возможно мне было приехать ко дню открытия в Москву, — *сказать* о нем несколько слов, но изустно, в виде речи, предполагая, что *речи* в депь открытия непременно в Москве будут (в своих местах) произнесены.[2] Но в настоящее время я так связан моею нескончаемою работой по роману, который печатаю в «Р<усском> вестнике»,[3] что вряд ли найду сколько-нибудь времени, чтобы написать что-нибудь. Написать же — не то, что сказать. О Пушкине нужно написать что-нибудь веское и существенное. Статья не может уместиться на немногих страницах, а потому потребует времени, которого у меня решительно нет. Впоследствии может быть. Во всяком случае ничего не в состоянии, к чрезвычайному сожалению моему, обещать положительно. Всё будет зависеть от времени и обстоятельств, и *если возможно будет*, то и на майскую книжку «Р<усской> мысли» пришлю.[4] Журнал Ваш читаю с большим любопытством и искренно желаю Вам наибольшего успеха. Благодарю за присылку его. Сотрудничать же в нем сочту за великое удовольсгвие, — вот только бы время. Простите, ради бога, за помарки, не сочтите за небрежность.

<Ф. Достоевский.>

850. Е. Ф. ЮНГЕ

11 апреля 1880. Петербург

Петербург
11 апреля/80.

Милостивая государыня глубокоуважаемая Катерина Федоровна,

Простите, что слишком долго промедлил Вам отвечать па прекрасное и столь дружественное письмо Ваше,[1] не сочтите за пебрежность. Хотелось ответить Вам что-нпбудь искреннее и за-

душевное, а ей-богу, моя жизнь проходит в таком беспорядочном кипении и даже в такой суете, что, право, я редко когда принадлежу весь себе. Да и теперь, когда я наконец выбрал минуту, чтоб написать Вам, — вряд ли, однако, я в состоянии буду написать хоть малую долю из того, что сердце бы хотело Вам сообщить. Мнение Ваше обо мне я не могу не ценить: те строки, которые показала мне, из Вашего письма к ней, Ваша матушка, слишком тронули и даже поразили меня.[2] Я знаю, что во мне, как в писателе, есть много недостатков, потому что я сам, первый, собою всегда недоволен. Можете вообразить, что в иные тяжелые минуты внутреннего отчета я часто с болью сознаю, что не выразил, буквально, и 20-й доли того, что хотел бы, а может быть, и мог бы выразить. Спасает при этом меня лишь всегдашняя надежда, что когда-нибудь пошлет бог настолько вдохновения и силы, что я выражусь полнее, одним словом, что выскажу всё, что у меня заключено в сердце и в фантазии. На недавнем здесь диспуте молодого философа Влад‹имира› Соловьева (сына историка) на доктора философии[3] я услышал от него одну глубокую фразу: «Человечество, по моему глубокому убеждению (сказал он), *знает гораздо более*, чем до сих пор успело высказать в своей науке и в своем искусстве».[4] Ну вот так и со мною: я чувствую, что во мне гораздо более сокрыто, чем сколько я мог до сих пор выразить как писатель. Но всё же, без лишней скромности говоря, я ведь чувствую же, что и в выраженном уже мною было нечто сказанное от сердца и правдиво. И вот, клянусь Вам, сочувствия встретил я много, может быть, даже более, чем заслуживал, но критика, печатная литературная критика, даже если и хвалила меня (что было редко), говорила обо мне до того легко и поверхностно, что, казалось, совсем не заметила того, что решительно родилось у меня с болью сердца и вылилось правдиво из души. А потому можете заключить, как приятно должна была подействовать на меня такая тонкая, такая глубокая оценка меня как писателя, которую прочел я в Вашем письме к Вашей матушке.

Но я всё о себе, хотя трудно не говорить о себе, говоря с таким глубоким и симпатичным мне критиком моим, которого вижу в Вас. — Вы пишете о себе, о душевном настроении Вашем в настоящую минуту. Я знаю, что Вы художник, занимаетесь живописью. Позвольте Вам дать совет от сердца: не покидайте искусства и даже еще более предайтесь ему, чем доселе. Я знаю, я слышал (простите меня), что Вы не очень счастливы. Живя в уединении и растравляя душу свою воспоминаниями, Вы можете[a] сделать свою жизнь слишком мрачною. Одно убежище, одно лекарство: искусство и творчество. Исповедь же Вашу, теперь по крайней мере, не решайтесь писать, это будет, может быть, Вам очень тяжело. — Простите за советы, но я бы очень

[a] *Далее было*: стать еще

желал Вас увидеть и сказать Вам хоть два слова изустно. После такого письма, которое Вы мне написали, Вы, конечно, для меня дорогой человек, близкое душе моей существо, родная сестра по сердцу — и не могу же я Вам не сочувствовать.

Что Вы пишете о Вашей двойственности?[5] Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся[б] в такой силе, как у Вас. Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это *раздвоение* в Вас точь-в-точь как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это — сильное сознание, потребность самоотчета и присутствие в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность. Были бы Вы не столь развиты умом, были бы ограниченнее, то были бы и менее совестливы и не было бы этой двойственности. Напротив, родилось бы великое-великое самомнение. Но всё-таки эта двойственность — большая мука. Милая, глубокоуважаемая Катерина Федоровна — верите ли Вы во Христа и в его обеты? Если верите (или хотите верить очень), то предайтесь ему вполне, и муки от этой двойственности сильно смягчатся, и Вы получите исход душевный, а это главное.

Простите, что написал такое беспорядочное письмо. Но если б Вы знали, до какой степени я не умею писать писем и тягочусь писать их. Но Вам всегда буду отвечать, если Вы еще напишете.[6] Нажив такого друга, как Вы, не захочу потерять его. А пока прощайте, всем сердцем преданный Вам друг Ваш и родной по душе

Ф. Достоевский.

Простите за наружный вид письма, за помарки и проч<ее>.

[б] *В подлиннике*: встречающейся

851. Н. А. ЛЮБИМОВУ

13 апреля 1880. Петербург

Петербург.
13 апреля/80.

Милостивый государь многоуважаемый Николай Алексеевич,

Благодарю Вас за Ваше сегодня мною полученное письмо. Благодарю за обещанную высылку корректур и, главное, за Ваше суждение об этой девятой[а] книге. Рад, что Вам понравились мои мальчики.[1] Мнение же Ваше о Коле Красоткине сам *вполне готов разделить*.[2] Но вот беда: я в корректуре не исправил и сегодня корректуру уж отослал. Будет ли, в таком случае, возмож-

---

[а] *Описка. Нужно*: десятой

ность поправить мою ошибочку и будет ли, наконец, время, если б Вы сами, многоуважаемый Николай Алексеевич, захотели взять на себя это исправление? И не будет ли хлопотливо для Вас (если б и оказалось время), ибо во многих местах в книге надо, в таком случае, переменить цифру, то есть накинуть Коле Красоткину один год. Во-1-х, при начале биографии, на 1-й странице, где говорится о вдове Красоткиной, что муж ее умер столько-то лет назад. (Если поправить, то поместить 13 лет.) Во-2-х, на железной дороге с мальчиками, в том месте, где Коля сердится, что его принимают за маленького эти «четырнадцатилетние» — надо будет переменить и поставить 15-летние. Наконец, когда он стоит у забора и ждет Алешу и думает о своем малом росте: надо сказать, что Боровиков (забыл фамилию) [3] и 13 лет, да выше его ростом (вместо 12, поставленных у меня). Наконец, когда говорит с Алешей, то надо вставить вместо того, когда он говорит про свои лета: 14, 14, а не тринадцать, *через 2 недели 14*. А Алеша должен спросить его вместо: «вам кажется, 12 лет?» — «вам кажется *только 13 лет*?» — Может быть и в других местах придется кое-где выправить. Одним словом, я вполне согласен накинуть *год* (всего один), но в том, непременно, смысле, что ему 13 лет, но *почти 14*, то есть через *две недели 14*. Этого, мне кажется, довольно. И потому, если только возможно еще это сделать, то есть есть время и Вы захотели бы это *исправить сами*, то чрезвычайно бы меня одолжили.[4] — Жена моя (которая Вам от души кланяется) еще раньше Вашего сделала мне точь-в-точь такое же замечание, как Вы.

А в заключение — Христос воскресе и примите уверение в моем самом горячем уважении и глубокой преданности.

Ваш покорнейший слуга

Ф. Достоевский.

P. S. Убедительнейше прошу передать от меня поздравление с всемирным христианским праздником и глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу. Передовые «Моск‹овских› ведомостей» [5] читаю с наслаждением. Они производят глубокое впечатление.

852. К. Н. БЕСТУЖЕВУ-РЮМИНУ

17 апреля 1880. Петербург

Вот, многоуважаемый Константин Николаевич, корректура «Карамазовых», только что сейчас полученная. Читать буду по 605 страницу с начала, и притом всё очерченное мною на полях будет в чтении *пропущено*.[1]

Крайне сожалею, что не удалось застать Вас.

Ваш весь Ф. Достоевский.

17 апреля/80,
четверг.

853. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

21 апреля 1880. Петербург

21 апреля/80.

Любезнейший брат Николай Михайлович, благодарю тебя за письмецо (которое я получил лишь сегодня).[1] Вот уже год, как мы не видались. Не знаю, что это значит: система ли у тебя такая взята или что-нибудь другое. Между тем жизнь наша на конце и до того, что, право,[a] некогда прилагать на практику даже самые лучшие системы. Я всегда помню, что ты мне брат, но людей во многом отказываюсь понимать.

После Святой,[2] вероятно, вскорости куда-нибудь уедем.[3] К тому же работать надо, а я живу здесь в такой суете, что и выкарабкаться из нее не могу, работать даже не могу.[4]

Здоровье мое не столь хорошо. Анна Григорьевна тоже не совсем здорова. Она тебе кланяется и благодарит за поздравления.[5]

Деточки, слава богу, здоровы.

Желаю здоровья и тебе.

Вчера поехал было для самых необходимейших выездов и, кажется, простудился. От всей души желаю тебе здоровья и крепко жму тебе руку. Христос воскресе!

Твой брат Ф. Достоевский.

---

[a] *Далее было*: даже

854. Н. А. ЛЮБИМОВУ

29 апреля 1880. Петербург

Петербург,
Апреля 29/80.

Милостивый государь многоуважаемый Николай Алексеевич,

Поверьте, что мне слишком тяжело писать Вам это письмо: Как я не бился, а на майский (будущий) № «Русского вестника» опять ничего не могу доставить. Но через неделю уезжаю с семейством в Старую Руссу и в 3 месяца *кончу весь роман*. Таким образом продолжение может начаться (если одобрите) с июньской книжки, кончится четвертая часть в августовской книжке, и затем будет на сентябрьскую книжку еще заключение, $1^1/_2$ листа печатных (несколько слов о судьбе лиц и совершенно отдельная сцена: похороны Илюши и надгробная речь Алексея Карамазова мальчикам, в которой отчасти отразится смысл всего романа).[1] Не мог же написать теперь к майской книжке потому, что здесь буквально не дают писать, и надо скорее бежать из Петербурга. Виноваты же в том опять-таки «Карамазовы». По поводу них ко мне ежедневно приходит столько людей, столько людей ищут моего знакомства, зовут меня к себе — что

я решительно здесь потерялся и теперь бегу из Петербурга! Не знаю, как Вы, многоуважаемый Николай Алексеевич, но я, насчет собственно помещения в летние месяцы романа в «Р‹усском› вестнике» не смущаюсь; ибо летом даже больше читают, чем зимой. Тяжело мне писать Вам это письмо: боюсь, страшно боюсь, чтоб Вы и многоуважаемый Михаил Никифорович не заключили обо мне, что я злоупотребляю Вашею бесконечною ко мне деликатностью. Сегодня только узнал, что Михаил Никифорович в Петербурге, от К. П. Победоносцева и по указанию его пошел обедать к кн. Мещерскому в надежде, что встречусь, может быть, с Михаилом Никифоровичем, но услышал там, что он уже уехал. А то лично изъяснил бы ему всё. Будьте столь добры, передайте ему мой нижайший поклон. Черкните мне, если будете столь бесконечно добры: *сердитесь Вы на меня или нет?* (Адрес прежний, дойдет, где бы я ни был.) — Кстати, я очень доволен, что книга «Мальчики» (имеющая явиться в апрельском №) столь отдельна и эпизодна: читатель будет не столь претендовать, как если бы на самом неоконченном месте вдруг прервать и поставить: продолжение будет. Вчера, 27-числа, читал эпизод из этой книги на Литературном вечере в пользу Славянского благотв‹орительного› общества, — и эффект, без преувеличения и похвальбы могу сказать, был чрезвычайно сильный.[2]

Примите уверение в наиглубочайшем моем уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга

Ф. Достоевский.

855. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

2 мая 1880. Петербург

2 мая/80.

Любезнейший брат Николай Михайлович,

Доверенность па ввод во владение дать необходимо, и неотложно, и давно пора.[1] Что же касается до подписания договора,[2] то в этом случае *поступи, как сам хочешь*. Взять на себя советовать не могу, согласись сам, потом,[a] пожалуй, будешь на меня пенять и претендовать. Никогда я такого риска не возьму на себя. Сам я договора на продажу в вечное владение, то есть не на сруб, а с землею, *не подписывал*. Да и никто из Достоевских, сколько мне известно, *не* подписывал. — На днях мы подпишем и вышлем Шеру проект о разделе, по которому на всех Достоевских приходится получить 800 десятин Пехорки.[3] Но я, брат Андрей и прочие подписываем *каждый за себя*, а ты поступи, как сам знаешь. Скажу лишь одно, что выбирал участок не Иван Григорьевич[4] (он лишь осмотрел *уже выбранное* как специалист),[5] а выбирала Анна Григорьевна и Александр Анд-

---

[a] *Далее начато*: можешь на

реевич Достоевский.[6] Выбрали же они, *не зная*, какой кому достанется участок, а потому выбрали *вообще* из всей земли *то*, что сочли за самый лучший участок.[7] Не думаю, чтоб ты мог выбрать что-нибудь лучшее и более стоящее. А потому если подпишешь проект о разделе, то сделаешь хорошо, и вот весь мой тебе совет. Но лишь совет, сам же опять-таки поступи, как знаешь. *По-моему*, хорошо, если на проект о разделе согласишься вместе с нами, то есть со всеми Достоевскими.[8] — Посылаю тебе необходимые для расходов деньги, 16 рублей. Затем обнимаю тебя и остаюсь тебя любящий брат

Ф. Достоевский.

Через неделю (наверно) еду в Ст‹арую› Руссу.[9]
Жена очень кланяется тебе.

856. С. А. ЮРЬЕВУ

5 мая 1880. Петербург

Петербург
5 мая/80, понедельник.

Глубокоуважаемый С‹ергей› А‹ндреевич›!

Отвечаю разом на оба Ваши столь любезные письма.

Я хоть и очень занят моей работой, а еще больше *всякими обстоятельствами*, но, кажется, решусь съездить в Москву по столь внимательному ко мне приглашению Вашему и глубокоуважаемого Общества любителей русской словесности.[1] И разве только какое-нибудь внезапное нездоровье или что-нибудь в этом роде задержит. Одним словом, постараюсь приехать к 25 числу наверно в Москву и явлюсь 25-го же числа к Вам, чтоб узнать о всех подробностях, а главное, повидаться с Вами, ибо давненько уж мы не видались и, уже конечно, накопилось много о чем переговорить.

Насчет же «Слова» или речи от меня, то об этом еще не знаю, как сказать. По Вашему письму вижу, что речей будет довольно и всё такими выдающимися людьми.[2] Если скажу что-нибудь в память величайшего нашего поэта и великого русского человека, то боюсь сказать мало, а сказать побольше (конечно в меру), то после речей Аксакова, Тургенева, Островского и Писемского найдется ли для меня время? Впрочем, это дело решим при свидании с Вами. Но вот что главное и весьма любопытное: у нас здесь в Петербурге на самом невинном литературном чтении (а чтения всю зиму страшно были в моде) непременно всякая строка, хотя бы и 20 лет тому написанная, поступала на предварительное разрешение к прочтению к попечителю учебного округа. Как же будет у Вас в Москве? Я, например, если скажу что-нибудь, то по писанному или руководствуясь написанным. Неужели же разрешат читать вновь написанное без предварительной *чьей-нибудь* цензуры? Аксаков, Тургенев и проч. как

будут читать: с цензурой или без цензуры, à vive voix * или по написанному? Если же с цензурой, то я, например, если приеду к 25-му, то поспеют ли мои *несколько слов* к цензору? Обо всем этом весьма прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Андреевич, меня уведомить, чтоб уже знать и быть готовым.[3] Я на днях (в среду, я думаю) выезжаю из Петербурга с моей семьей на лето в Старую Руссу, а потому если захотите мне теперь написать, то адресуйте прямо: в Старую Руссу Новгородской губернии, Ф. М-чу Достоевскому. (Это самый полный адресс.)

Вчера вечером было у нас общее собрание членов Славянского благотворительного общества. Председатель Бестужев-Рюмин, узнав от меня, что я отправляюсь на открытие памятника в Москву, немедленно провозгласил Обществу предложение: выбрать меня уполномоченным (депутатом) от Славянского благотворительного общества участвовать в московских торжествах по открытию памятника, как представителю Общества, на что последовало немедленное и горячее всеобщее согласие.[4] Итак, если я приеду, то как выборный от Общества представитель его. Орест Федорович Миллер говорил мне вчера же, в этом заседании, что и он от Вас получил приглашение. Вероятно, он сам Вам ответит, но мне сообщил, что до того завален делами, что, кажется, не поедет.

Участвовать в Вашем журнале — повторяю еще и еще раз — сочту за весьма лестное мне удовольствие.[5] Итак, *всего вероятнее* до свидания. А ответов на вопросы буду ждать в Старой Руссе.

С истинным к Вам *почтением* и глубокою преданностью остаюсь и проч.

‹Ф. Достоевский›

---

* устно (*франц.*).

857. А. С. СУВОРИНУ

14 мая 1880. Старая Русса

Старая Русса. 14 мая/80.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Перед самым отъездом из Петербурга получил я от Юрьева (как председателя Общества люб‹ителей› р‹оссийской› словесности), и кроме того от самого Общества официальное приглашение прибыть в Москву и сказать «свое слово», как они выражаются, на заседаниях «Любителей» 27 и 28 мая, 26-го же мая будет обед, на котором тоже говорить будут речи.[1] Говорить будет Тургенев, Писемский, Островский, Ив. Аксаков и, кажется, действительно многие другие. Сверх того меня выбрало Славянское благотв‹орительное› общество присутствовать на открытии памятника и в заседаниях «Любителей» как своего представителя.[2] Я решил, что выеду из Руссы 23. Приезжать мне опять в Петербург (за билетом)

невозможно, а потому если на станции *Чудово* не добуду билета на экстренный поезд, то поеду по обыкновенному билету.[3] Благодарю за Ваше предложение взять мне билет, но выходит, что мне сподручнее и выгоднее взять самому. Известие, что Вы, *может быть*, не поедете, мне очень неприятно: веселее было бы нам, петербургским гостям, быть там в более *сплошной кучке*. А потому: нельзя ли Вам постараться приехать? Постарайтесь-ка! Известие о Буренине, уехавшем на Волгу, мне тоже не нравится: я ждал, не напишет ли он чего-нибудь об моем последнем отрывке «Карамазовых», ибо мнением его дорожу.[4] Насчет глупенькой «каймы» не знаю, что Вам сказать. Словами в «Нов‹ом› времени» (о кайме) я конечно доволен. Если сам что-нибудь напишу, то когда-нибудь потом, когда начну мои «Литературные воспоминания» (а их начну непременно). Но если бы теперь Вы, например, как издатель газеты, поместили бы в ней всего *пять* строк в том смысле что: «Мы-де получили от Ф. М. Достоевского формальное заявление, что никогда ничего подобного рассказанному в „Вестн‹ике› Европы“ (насчет каймы) не было и не могло быть», и проч. и проч. (формулировка по Вашему усмотрению), то я был бы Вам весьма за это благодарен.[5] Насчет дела Веймара в высшей степени согласен с Вами.[6] — Но зачем Вы хвалите Пашкова и зачем Вы написали[a] (сейчас прочел в № от 13 мая), что Пашков хорошо делает, что проповедует?[7] И кто это *духовное лицо*, которое дня три тому назад напечатало у Вас статью в защиту пашковцев. Неприглядная это статья.[8] Извините, пожалуйста, за эту откровенность. Мне именно потому и досадно, что всё это является в «Новом времени» — в газете, которую я *люблю*.

Искренно Вас уважающий

Ф. Достоевский.

P. S. где бы Вы остановились в Москве, если б надумали приехать? Я постараюсь остановиться или в «Европейской гостинице»[9] (против Малого театра), или, если не добуду в ней места, то в гостинице Дюссо (весьма недалеко от «Европейской»). 24-го вечером, вероятно, буду в Москве.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: что Пашков

858. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

19 мая 1880. Старая Русса

Старая Русса
19 мая/80.

Глубокоуважаемый Константин Петрович,

По примеру прежних лет не могу и на этот раз пропустить 21-е число, чтоб пожелать Вам, искренно и от всего сердца, всего самого лучшего и чего желаете сами в день Вашего ангела. Дай Вам бог прежде всего здоровья, а потом всякого великолепного

успеха в новых трудах Ваших. Адресую Вам мое послание на старую Вашу квартиру, надеясь, что почтамту известно Ваше новое помещение.[1] Перед отъездом из Петербурга (ровно неделю назад) положил было непременно побывать у Вас, чтоб проститься на всё лето и испросить у Вас напутственное слово, в котором, по одному особому случаю, очень нуждался. Но суета и хлопоты отъезда решили иначе, и быть у Вас не мог. Приехал же сюда в Руссу не на отдых и не на покой: должен ехать в Москву на открытие памятника Пушкина, да при этом еще в качестве депутата от Славянского благотворительного общества. И оказывается, как я уже и предчувствовал, что не на удовольствие поеду, а даже, может быть, прямо на неприятности. Ибо дело идет о самых дорогих и основных убеждениях. Я уже и в Петербурге мельком слышал, что там в Москве свирепствует некая клика, старающаяся не допустить иных слов на торжестве открытия, и что опасаются они некоторых *ретроградных* слов, которые могли бы быть *иными* сказаны в заседаниях Люб‹ителей› российской словесности, взявших на себя всё устройство праздника.[2] Меня же именно приглашал председатель Общества и само Общество (официальной бумагою) *говорить* на открытии.[3] Даже в газетах уже напечатано про слухи о некоторых интригах.[4] Мою речь о Пушкине я приготовил, и как раз в самом *крайнем* духе моих (*наших* то есть, осмелюсь так выразиться) убеждений, а потому и жду, может быть, некоего поношения. Но не хочу смущаться и не боюсь, а своему делу послужить надо и буду говорить небоязненно. Профессора ухаживают там за Тургеневым,[5] который решительно обращается в какого-то личного мне врага. (В «Вестнике Европы» пустил обо мне мелкую сплетню о небывалом одном происшествии 35 лет тому назад.)[6] Но славить Пушкина и проповедывать «Верочку»[7] я не могу. — Впрочем, что Вас утруждать мелкими сплетнями. Но в том-то и дело, что тут не одни только сплетни, а дело общественное и большое, ибо Пушкин именно выражает идею, которой мы все (малая кучка пока еще) служим, и это надо отметить и выразить: это-то вот им и ненавистно. Впрочем, может быть, просто не дадут говорить. Тогда мою речь напечатаю.

Крепко жму Вашу руку, глубокоуважаемый Константин Петрович. Возвратясь, примусь кончать «Карамазовых», и всё лето в труде. Но не жалуюсь, а люблю этот труд. С будущего же года, уже решил теперь, непременно возобновлю «Дневник писателя».[8] Тогда опять прибегну к Вам (как прибегал и в оны дни) за указаниями, в коих, верю горячо, мне не откажете.

А пока примите уверение в моей горячей преданности.

Ваш покорнейший слуга

Ф. Достоевский.

Жена поздравляет Вас и попрекнула меня сейчас, что об ней забыл написать.

859. В. М. ЛАВРОВУ

22 мая 1880. Старая Русса

Телеграмма

Буду в Москве 23 мая 10 часов вечера.[1]

Достоевский.

860. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23—24 мая 1880. Москва

Москва
23/24 мая/80.

Милый друг мой Аня, ты представить не можешь, как меня расстроило дорогой известие о кончине императрицы[1] (мир ее душе, помолись за нее). Услышал я про это в вагоне, только что выехали из Новгорода, от пассажиров. Сейчас у меня явилась мысль, что празднества Пушкину состояться не могут. Думал даже вернуться из Чудова, но удержался от неведения: «Если празднеств, дескать, не будет, то могут открыть памятник без празднеств, с одними литературными заседаниями и речами». И вот только 23, уже выехав из Твери, купил «Москов‹ские› ведомости» и в них прочел извещение от генерал-губернатора Долгорукого, что государь повелел отложить открытие памятника «до другого времени».[2] Таким образом, приехал в Москву уже совсем без цели. Думаю выехать во вторник 28, утром в 9 часов. До тех пор по крайней мере воспользуюсь случаем, что попал в Москву, и кое-что узнаю, повидаю Любимова[a] и переговорю о капитальном,[3] тоже Каткова, обойду книгопродавцев и проч. Только бы успеть. Узнаю наконец и об литературных интригах подноготную.[4] С Анной Николавной[5] расстались в Чудове, задушевно облобызавшись. Обещала воротиться, если только будет какая возможность. День был жаркий. Я буквально ничего не спал и усталый и совершенно изломанный добрался в Москву к 10 часам по-московскому. В воксале ждали меня с торжеством Юрьев, Лавров, вся редакция и сотрудники «Русской мысли» (Николай Аксаков, Барсов и человек 10 других). Перезнакомился. Тотчас же стали звать к Лаврову на нарочно приготовленный ужин. Но я так был измучен дорогой, до того немыт, в грязном белье и проч., что отказался. Завтра, 24-го, поеду к Юрьеву во 2-м часу. Лавров сказал, что самая лучшая и комфортная гостиница в Москве — «Лоскутная» (на Тверской, сейчас близ площади, где Иверская божия матерь),[6] и тотчас же побежал и привел кучера, сказав, что это извозчик, но он, кажется, был не извозчик, а лихач или его кучер. Привезя в гостиницу,

---

[a] *В подлиннике описка*: Любимову

денег не хотел брать, но я ему дал насильно 70 коп. В «Лоскутной» всё занято, но мне отыскали № в 3 р., очень порядочно меблированный, но окнами выходящий во двор и в стену, так что думаю, что завтра будет темно.

Предвижу, что статья моя[7] до времени напечатана не будет, ибо странно ее печатать теперь. Таким образом, поездка до времени не окупится. Теперь уже час ночи. Очень тяжело без вас троих, без тебя и без милых деток. Целую всех вас крепко, тебя первую, а затем Лилю и Федю. Поцелуй их за меня покрепче и скажи, что я их ужасно люблю. С книгопродавцев, вероятно, *не успею* ничего получить, ибо в 2 дня они не справятся.[8] Ну, до свидания. Не знаю, получу ли от тебя письмецо. Пиши на имя Елены Павловны.[9] Полагаю, однако, что тебе отвечать на это письмо мне нельзя, ибо получу не раньше 29, а 29 я хочу уже быть в Руссе. Вот если ты бы сама догадалась написать Елене Павловне, было бы прекрасно. Если случится (боже сохрани) какое несчастье, то телеграфируй мне уже в гостиницу «Лоскутное», на Тверской, Ф. М. Достоевскому, занимаю № 32.

Еще раз обнимаю всех трех и крепко целую.

Твой Ф. Достоевский.

861. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

25 мая 1880. Москва

Москва. Воскресение 25 мая/80.
Лоскутная гостиница на Тверской.

Милый друг мой Аня, вчера утром посетили меня в торжественном визите Лавров, Ник‹олай› Аксаков и один доцент Университета Зверев, пришли заявить почтение. Должен был в то же утро отдавать всем троим визиты. Взяло много времени и разъездов. Затем отправился к Юрьеву. Встреча восторженная с лобызаниями. Узнал, что они хотят просить, чтоб дозволили открыть памятник осенью, в октябре,[1] а не в июне и в июле, как, кажется, наклонно сделать начальство; но тогда открытие будет эскамотировано,[2] ибо никто не приедет. О ходе дел от Юрьева не мог добиться толку, человек беспорядочный, в новом виде Репетилов.[3] Однако же с хитростью. (Интриги, однако, были несомненные.)[4] Между прочим, я заговорил о статье моей, и вдруг Юрьев мне говорит: я у Вас статью не просил (то есть для журнала)! Тогда как, я помню в письмах его, именно просил.[5] Штука в том, что Репетилов хитер: ему не хочется брать теперь статью и платить за нее. «Но на осень, на осень Вы нам дайте, никому как нам, мы просим первые, слышите, а к тому времени Вы ее тщательнее отделаете» (то есть точно уж ему известно, что она теперь не тщательно отделана). Я, разумеется,

тотчас же прекратил о статье и обещание на осень дал лишь вообще. Не понравилось мне это ужасно. — Затем поехал к Новиковой, был встречен очень любезно. Затем визиты, затем к Каткову: не застал дома ни Каткова, ни Любимова.[6] Отправился по книгопродавцам.[7] Двое (Кашкин) переменили квартиры. Все обещали что-нибудь дать в понедельник. Не знаю, дадут ли. Поеду, однако, в понедельник и постараюсь записать новые квартиры. Затем заехал к Ив‹ану› С‹ергеевичу› Аксакову. Он еще в городе, но дома не застал, в банке.[8] Затем, воротясь домой, обедал. Затем в 7 часов поехал к Каткову: застал и Каткова, и Любимова, был встречен очень, очень радушно и переговорил с Любимовым насчет доставки «Карамазовых». Очень настаивают, чтоб на июнь.[9] (Воротясь, придется чертовски работать.) Затем упомянул о статье, и Катков настоятельно стал просить ее себе, то есть все-таки на осень. Взбешенный на Юрьева, я *почти* обещал. Так что теперь если «Русская мысль» захочет статью, то сдеру непомерно, иначе Каткову. (Статью к тому же времени можно еще распространить.)

От[а] Каткова (у которого опрокинул чашку с чаем и весь замочился) — отправился к Варе. Застал, и хоть было уже около 10 часов, но мы поехали с ней к Елене Павловне. Варя только что получила письмо от брата Андрея (насчет дворянских документов) для передачи мне. Письмо взял себе.[б] [10] Елена Павловна,[в] оказалось, переехала на другую квартиру и содержать номера бросила. Отправились на другую квартиру и застали у ней в гостях Машу и Нину Ивановых (с которыми Елена Павловна помирилась) и Хмырова. Ивановы отправляются дня через три в Даровое, тоже и Хмыров, ибо там тоже гостит его жена у Веры Михайловны. Посидели с час. Воротясь домой, нашел письмо, занесенное лично Ник‹олаем› Аксаковым и Лавровым:[11] Зовут 25-го (то есть сегодня) на обед и явятся за мной в 5 часов. Устраивают[г] сотрудники «Русской мысли», но[д] будут и другие. Я думаю, будет человек от 15 до 30 по намекам Юрьева (еще когда был у него). Кажется, обед делается по поводу моего приезда, то есть в честь меня, будет же где-нибудь, верно, в ресторане. (Эти все московские молодые литераторы восторженно хотят со мной познакомиться.) Теперь 3-й час. Через 2 часа они придут. Не знаю только, в сертуке ли быть или во фраке. Ну вот и весь мой бюллетень. Денег у Каткова не спрашивал, но сказал Любимову, что, может быть, летом понадобится. Тогда Любимов ответил, что по первому востребованию вышлет, куда я прикажу. Завтра надо объехать книгопродавцев, заехать к Елене Павловне: нет ли от тебя письма, быть у Машеньки, которая ужасно про-

---

[а] *В подлиннике описка*: У Каткова
[б] *Вместо*: взял себе — *было*: получил
[в] *Вместо*: Елена Павловна — *было*: У Елены Павловны
[г] *Далее было*: кажется
[д] *Далее было*: кажется

сила меня, и проч. Послезавтра, во вторник, 27 выеду в Руссу, но не знаю еще, с утренним или с полуденным поездом. Боюсь, что завтра мне не дадут дела делать: Юрьев все кричал, что ему «надо со мной беседовать, беседовать» и проч. Очень мне вообще скучно, и нервы расстроены. Более, я думаю, тебе не напишу, разве в случае чего-нибудь очень характерного. До свидания, голубчик. Целую тебя крепко и деток.[e] Очень поцелуй Лилю и Федю. Очень вас люблю.

Твой Ф. Достоевский.

---

[e] *Было*: детей.

862. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

26 мая 1880. Москва

Москва 25/26 мая/80.
Гостиница «Лоскутная» на Тверской
(№ занимаю 33-й)

Милый друг мой Аня, вот и еще тебе письмо (пишу во 2-м часу ночи). Может быть, придет к тебе после моего отъезда (ибо все-таки намерен выехать во вторник 27-го), но пишу тебе *на всякий случай*, ибо обстоятельства так складываются, что, может быть, я и еще на некоторое время останусь. Но по порядку. Сегодня 25-го в 5 часов приехали за мной Лавров и Ник‹олай› Аксаков и повезли меня в собственной коляске в «Эрмитаж».[1] Они были в сертуках, и я поехал в сертуке, хотя обед, как оказалось, был именно устроен в честь меня. В «Эрмитаже» уже ждали нас литераторы, профессора и ученые, всего 22 человека. Юрьев с 1-го слова заявил мне, в *торжественной* встрече, что па обед рвались многие и что если б только был дан сроку еще всего один день, то собрались бы сотни гостей, но устроили они слишком поспешно, а потому и боятся, что когда узнают многие другие, то станут их упрекать, что их не позвали.[2] Было 4 профессора Университета, один директор гимназии Поливанов (друг фамилии Пушкиных), Иван Сергеевич Аксаков, Николай Аксаков, Николай Рубинштейн (московский) и проч. и проч. Обед был устроен чрезвычайно роскошно. Занята целая зала (что стоило немало денег). Балыки осетровые в 1½ аршина, полтора-аршинная разварная стерлядь, черепаший суп, земляника, перепела, удивительная спаржа, мороженое, изысканнейшие вина и шампанское рекой. Сказано было мне (с вставанием с места) 6 речей, иные очень длинные. Говорили Юрьев, оба Аксаковы, 3 профессора, Николай Рубинштейн. За обедом получены были две приветственные телеграммы, одна от одного самого уважаемого профессора, выехавшего внезапно из Москвы.[3] Говорилось о моем «великом» значении как художника «всемирно отзывчи-

вого», как публициста и русского человека.[4] Затем бесконечное число тостов, причем все вставали и подходили со мной чокаться. Дальнейшие подробности при свидании. Все были в восторженном состоянии. Я отвечал всем весьма удавшеюся речью, произведшею большой эффект, причем свел речь на Пушкина. Произвело сильное впечатление.[5]

Теперь одно пренесносное и затруднительнейшее дело: депутация от «Любителей р‹оссийской› словесности» была сегодня у кн‹язя› Долгорукого, и он объявил, что открытие памятника последует между 1-м и 5-м[а] числом июня. Точного, однако, числа не обозначил. И вот все они в восторге: «Литераторы, дескать, и некоторые депутации не разъедутся, и хоть не будет музыки и театральных представлений,[6] то все же будут заседания „Любителей словесности", речи и обеды». Когда же я объявил, что уезжаю 27-го, то поднялся решительный гам: «Не пустим!». Поливанов (состоящий в комиссии по открытию памятника), Юрьев и Аксаков объявили вслух, что вся Москва берет билеты на заседания и все берущие билеты (на заседания «Люб‹ителей› р‹оссийской› словесности») берут, спрашивая (и посылая по нескольку раз справляться): *будет ли читать Достоевский?* И так как они не могли всем ответить, в каком именно заседании буду я говорить, в первом или во 2-м, — то все стали брать на оба заседания. «Вся Москва будет в огорчении и негодовании на нас, если вы уедете», — говорили они мне все. Я отговаривался, что мне надо писать «Карамазовых»; они серьезно стали кричать о депутации к Каткову просить отложить мне срок. Я стал говорить, что ты и дети будут беспокоиться, если я так надолго останусь, и вот (совсем не в шутку) не только предложили послать к тебе телеграмму, но даже депутацию в Старую Руссу к тебе, просить тебя, чтоб я остался. Я отвечал, что завтра, то есть в понедельник 26-го, решу.

Сижу теперь в страшном затруднении и беспокойстве: с одной стороны, упрочение влияния моего не в одном Петербурге, а и в Москве, что много значит, с другой — разлука с вами, затруднения по «Карамазовым», расходы и проч. Наконец, хоть «Слово» мое о Пушкине теперь уже непременно будет напечатано, но где — ведь я *почти* что, в субботу, обещал ее Каткову.[б] [7] А стало быть, «Любители» и Юрьев будут в горе. А отдать им — рассердится Катков. Думаю, пока, непременно уехать, если не 27-го, то 28-го или 29-го, когда от Долгорукого получен уже будет *точный* срок открытия. Может быть, до этого получения ответа придется выждать. С другой же стороны, опять-таки, Долгорукий говорит еще *сам от себя*, из Петербурга же точного *срока* пока не получил (да и сам, кажется, на несколько дней едет в Петербург). Так что я, положим, что остался бы до 5-го июня, а вдруг

[а] *Было*: от 1-го до 5-го
[б] *Далее было*: Итак

получится повеление отложить еще до 10-го или до 15-го, тогда всё мне ждать? Завтра скажу Юрьеву, что уеду 27-го, но если останусь, то в случае каких-нибудь точных[в] и серьезных обстоятельств. Во всяком же случае теперь в ужасном беспокойстве. После обеда заезжал к Елене Павловне, но от тебя не нашел. Конечно, еще рано из Руссы, но неужели и завтра не получу? С Еленой Павловной доехал к Машеньке Ивановой и рассказал ей, что обедал с Рубинштейном, была восхищена. Во всяком случае, как[г] получишь это письмо мое, непременно мне ответь: всё равно, если я выеду, то Елена Павловна перешлет письмо нераспечатанным в Руссу. И потому непременно и сейчас же ответь. Адресс самый точный Елены Павловны: *на Остоженке, в приходе Воскресенья, что на Остоженке, дом Дмитревской, с передачею Ф. М. Дос‹тоевско›му*. Если же захочешь телеграфировать, то телеграфируй или к Елене Павловне, или прямо ко мне, в гостиницу «Лоскутную», на Тверской, — также верно получу. (Письма же лучше адресуй на Елену Павловну.)

NB. Я выбран в члены «Общества люб‹ителей› российской словесности» еще год назад, но прежний секретарь Бессонов, по небрежности, не уведомил меня о выборе, в чем мне и принесли извинение.[8] Обнимаю тебя, дорогая моя, крепко, деток целую, вижу странные и знаменательные сны по ночам.

Твой весь Ф. Достоевский.

А речь я сказал хорошо. Еще раз обнимаю тебя. Деток расцелуй, расскажи им о папе.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Думаю все-таки настоять и выехать 27-го, правда, тогда, пожалуй, речь не придется напечатать, ибо будет иметь значение не как речь, а как статья. Это надо обделать.

Утонченность обеда до того дошла, что после обеда, за кофеем и ликером, явились две сотни великолепных и дорогих сигар. Не по-петербургски устраивают.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии).
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.
(В собственном доме).

[в] *Было начато*: и то‹лько?›
[г] *Было*: если

Post Scriptum.

25 мая,[д] 2 часа пополудни.

Милая Аня, распечатал вчера еще запечатанный к тебе конверт, чтоб сделать приписку. Сегодня утром пришел ко мне Иван Серг‹еевич› Аксаков с тем, чтоб настоятельнейшим образом просить меня остаться на открытие, так как оно произойдет, как все ожидают, до 5-го. Он говорит, что мне нельзя уехать, что я не имею *права* на то, что я имею влияние на Москву, и главное, на студентов и молодежь вообще, что это повредит торжеству наших[е] убеждений, что, слышав вчера за обедом конспект моей речи, он проникся убеждением, что я должен говорить и проч. и проч. С другой стороны, объявил мне, что я, как депутат от Слав‹янского› благот‹ворительного› общества, и не могу уехать, ибо все депутаты ввиду слуха о близком открытии остались ждать. Он ушел, и тотчас пришел Юрьев (у которого я сегодня обедаю), говорил то же самое. Долгорукий сегодня (25-го) уехал в Петербург и *дал слово* прислать телеграмму из Петербурга о точном дне открытия памятника. Телеграмму ждут не позже среды, 28, *а может быть, и завтра.* Я решил так: остаться ждать телеграммы о дне открытия, и если действительно открытие назначено между 1-м и 5-м июня, то остаться. Если же позже, то уехать в Руссу 28-го или 29, об этом и сообщил Юрьеву. — Главное, я всё не могу узнать, где Золотарев. Юрьев дал слово, что сегодня узнает и приедет мне скажет. Тогда я могу уехать даже и как депутат Слав‹янского› благотв‹орительного› общества, возложив присутствовать на торжестве на одного Золотарева.[9] (Кстати: венки на памятник заготовляются на свой счет, а венок стоит 50 руб. (!) ‹*4 строки нрзб.*› Затем Юрьев начал приставать, чтоб статья была напечатана в «Русской мысли». Тут я высказал ему всё, то есть что *почти* обещал Каткову. Он страшно взволновался и огорчился, извинялся, утверждал, что я его не так понял, что вышло qui pro quo,* и когда я намекнул, что беру за мою работу деньги, то закричал, что Лавров определил мне заплатить за работу мою всё, что я спрошу, то есть даже 400 или 500 руб. Я и сказал Юрьеву, что я, *почти* обещав статью Каткову, именно имел в виду просить отсрочку «Карамазовых» именно по поводу того (перед публикой), что вместо «Карамазовых» явится статья о Пушкине. Теперь же если я отдам в «Р‹усскую› мысль», то выходит, что я выпрошу у Каткова отсрочку именно с целью воспользоваться этой отсрочкой, чтоб работать на врага его Юрьева.[10] (Представь, таким образом, в каком я положении! Но Юрьев сам виноват.) Катков обидится. Правда, Катков 400 руб., например, не даст (да и 300 руб. дает лишь

[д] *Описка. Нужно*: 26 мая. См. преамбулу к письму 862.
[е] *Вместо*: торжеству наших — *было*: нашим коренным
* недоразумение (*лат.*).

за «Карамазовых», а за статью, пожалуй, и не дадут 300 р.), так что лишние сотни полторы от Юрьева окупили бы мое здесь промедление до открытия памятника. Одним словом, хлопот и затруднений бездна. Как и что будет, не знаю, но решил пока остаться до 28. Таким образом, если не назначат открытия памятника до 5-го, то 29-го или 30-го ворочусь в Руссу (постаравшись где-нибудь поместить статью). — Ты же мне хоть что-нибудь напиши немедленно (опять повторяю просьбу). Неужели же я так ни строчки от тебя не получу? Пиши *непременно* по тем адрессам, которые я вчера в письме (которое[ж] вместе с Post Scriptum этим получишь) назначил. Если хочешь, телеграфируй. — Юрьев рассказал, что сегодня множество лиц приходили к нему ругаться: зачем он скрыл от них вчерашний обед? Приходили даже 4 студента просить места на обед. Между прочим, приходили Сухомлинов (который здесь), Гатцук, Висковатов[11] и другие. — Сейчас поеду по книгопродавцам. До свидания. Еще раз целую вас всех.

Твой весь Ф. Достоевский.

Юрьев имел уже статью Ив‹ана› Аксакова о Пушкине.[12] Вот почему, вероятно, 3-го дня и отвиливал. Услышав же то, что я вчера на обеде говорил о Пушкине, вероятно, решил, что и моя статья *необходима*. Тургенев тоже написал статью о Пушкине.[13]

ж *Было*: которые

863. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

27 мая 1880. Москва

Москва 27 мая/80
3 часа пополудни.
Гостиница «Лоскутная»,
в № 33.

Милый друг мой Аня, опять новости. Когда я приехал, меня тогда Юрьев и Лавров препроводили в гостиницу «Лоскутную», и я занял 32-й № за 3 руб.[1] На другое утро явился ко мне управляющий гостиницей (еще молодой человек, имеющий вид образованного господина) и нежным голосом предложил мне перебраться в другой № напротив, 33-й. Так как № 33-й был несравненно лучше моего 32-го, то я тотчас же согласился и перебрался. Подивился только про себя, как такой хороший № ходит по той же цене, то есть по три рубля; но так как управляющий ничего не говорил о цене №, а просто просил перебраться, то я и заключил, что тоже в три рубля. Вчера, 26-го, я обедал у Юрьева, и вот Юрьев вдруг говорит, что в Думе я записан в «Лоскутной» гостинице, № 33-й. Я удивился и спросил: «Почему знает Дума?» — «Да ведь вы же стоите на счет Думы», — ответил Юрьев. Я закри-

чал, Юрьев начал твердо возражать, что я не могу иначе поступить, как приняв от Думы помещение, что все гости стоят на счет Думы, что дети даже Пушкина,[2] племянник Пушкина Павлищев (стоит в нашей гостинице) — все на счет Думы, что, отказавшись принять гостеприимство Думы, я *оскорблю* ее, что это наделает скандалу, что Дума гордится, считая в числе гостей своих людей как я, и проч. и проч. Я решил наконец, что если и приму от Думы квартиру, то не приму ни за что содержания. Когда я воротился домой, то управляющий опять ко мне зашел спросить: всем ли я доволен, не надо ли мне еще чего-нибудь, покойно ли мне — всё это с самою подобострастною вежливостью. Я тотчас же спросил его: правда ли, что я стою на счет Думы? — Точно так-с. — А содержание? — И всё содержание Ваше тоже-с от Думы. — Да я этого не хочу! — В таком случае вы оскорбите не только Думу, но весь город Москву. Дума гордится, имея таких гостей, и проч. — Что мне теперь, Аня, делать? Не принять нельзя, разнесется, войдет в анекдот, в скандал, что не захотел, дескать, принять гостеприимство всего города Москвы и проч. Потом вечером я спрашивал Лаврова и Юрьева, — и все удивляются моей щепетильности и прямо говорят, что я оскорблю всю Москву, что это запомнится, что об этом толки будут. Таким образом, решительно вижу, что надо принять полное гостеприимство. Но зато как же это меня стеснит! Теперь буду нарочно ходить обедать в рестораны, чтоб, по возможности, убавить счет, который будет представлен гостиницей Думе. А я-то два раза уже был недоволен кофеем и отсылал его переварить погуще: в ресторане скажут: ишь на даровом-то хлебе важничает. Два раза спросил в конторе почтовые марки: когда представят потом счет Думе, скажут: ишь обрадовался, даже марки на казенный счет брал! Так что я стеснен и иные расходы непременно возьму на себя, что, кажется, можно устроить.[3] В результате: сколько бы я ни прожил в Москве, непременно не очень проживусь.

(NB. Получил вчера с Соловьева, с Кашкина и с Преснова, всего в сложности до 170 руб., счеты увидишь сама, как приеду. Из Центрального маг‹азина› и от Морозовых еще не получил.) [4]

Вчера в 4 часа пополудни всем стало известно со слов Долгорукого (твердых слов), что открытие памятника последует 4-го июня и что так настоятельно хотят в Петербурге. Окончательная телеграмма от Долгорукого о точном дне открытия придет лишь завтра, но *все* здесь твердо уверены, что открытие будет 4-го. Получены, кроме того, об этом же письма из Петербурга. Депутации (множество) от разных городов и учреждений ждут и не разъезжаются. Господствует сильнейшее оживление. Меня решительно не пускают. Решил теперь, что, кажется, непременно останусь, и если открытие произойдет 4-го, то выеду отсюда в Руссу, стало быть, 8-го и 9-го буду у вас. Сейчас утром приходил Григорович[5] и приходил Юрьев. Кричат, что отсутствие мое почтется всей Москвой за странность, что все удивятся,

что вся Москва только и спрашивает: буду ли я, что о моем отъезде пойдут анекдоты, скажут, что у меня не хватило настолько гражданского чувства, чтоб пренебречь своими делами для такой высшей цели, ибо в восстановлении значения Пушкина по всей России все видят средство к новому повороту убеждений, умов, направлений.[6] 2 причины стоят у меня препятствием и мучают мою душу: 1-я — «Русский вестник» и принятая еще месяц назад обязанность доставить «Карамазовых» на июньский №.[7] Воротясь 10-го июня, что я напишу в какие-нибудь 10 дней? Любимов же 4-го дня ответил, что отсрочка дальнейшая, на июль, зависит от Маркевича; если он что-нибудь доставит из своего романа, то можно отсрочить, а то так нет. Ответ же от Маркевича получится не ранее 10 июня.[8] Таким образом, я в неизвестности и в беспокойстве. Думал бы начать здесь «Карамазовых», но ввиду беспрерывной суетни, посещений и приглашений почти невозможно. 2-я причина, меня мучащая, — это тоска по вас: ни одной-то строчки до сих пор не получил от тебя, а ведь уговорились, что ты будешь писать на адрес Елены Павловны! Что с тобой делается, скажи, ради бога, почему не пишешь, здорова ли ты, целы ли, здоровы ли дети? Если б ты что написала мне по поводу того, ждать или не ждать мне здесь открытия, я бы был спокоен. Ведь по газетам узнала же ты, что скончалась императрица, как бы тут-то не написать, предвидя, что я непременно должен находиться в затруднении. Каждый день, вчера в дождь, езжу в ужасную даль к Елене Павловне справляться: нет ли письма? Туда и назад рубль извозчику. — Напиши, напиши непременно.[9]

Но, кажется, решусь остаться наверно. Вот хоть бы узнать наверно число, а то что если опять отложат! Вчера, по настоятельному приглашению, был на вечере у Лаврова. Лавров — это мой страстный, исступленный почитатель, питающийся моими сочинениями уже многие годы.[10] Он издатель и капиталист «Русской мысли». Сам он очень богатый неторгующий купец. Два брата его купцы, торгуют хлебом, он же выделился и живет своим капиталом. 33 года, симпатичнейшая и задушевная фигура, предан искусству и поэзии. На вечере у не‹го› было человек 15 здешних ученых и литераторов, тоже некоторые из Петербурга. Появление мое вчера у него произвело восторг. Не хотел было оставаться на ужин, но, видя, что огорчу смертельно всех, — остался. Ужин был как большой обед, утонченно приготовленный, с шампанским. После ужина шампанское и сигары в 75 руб. сотня. (Обед 3-го дня был по общей подписке, весьма скромный, не свыше 3-х руб. с персоны, но всю роскошь, цветы, черепаший суп, сигары, залу — всё это Лавров прибавил уже от себя.) Воротился домой в 4-м часу. Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошел и даже, может быть, совсем сошел.[11] Приехал и Анненков, то-то будет наша встреча.[12] Надо мне опять

повидать Каткова и Любимова, чтоб еще уговориться. Юрьев же приезжал сейчас за статьей, умоляя непременно ее в «Русскую мысль». Золотарев приедет (получено известие). От вас только одних не получаю известия. Аня, ради Христа, напиши по адресам, какие я дал. Все ли письма от меня получила? До сих пор писал каждый день. Ты, Аня, любишь говорить: люблю ли я тебя? А у самой обо мне тоски никакой, а я об тебе тоскую. Что детки! Хоть бы капельку об них услышать. Шутка ли, почти еще две недели разлуки. До свидания, голубчик мой, целую тебя крепко, детишек целую и благословляю. Если будет что особенное, напишу и завтра.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. В нашей гостинице кроме меня стоят от Думы еще трое: два профессора из Казани и из Варшавы [13] и Павлищев, родной племянник Пушкина. Кланяйся батюшке.[14]

864. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

27—28 мая 1880. Москва

Москва 27/28
2 часа пополуночи,
Гостиница «Лоскутная»,
в № 33.

Милый друг мой Аня, наконец-то получил от тебя сегодня вечером 5 строк карандашом от 24 числа.[1] И вот я получаю только 27-го вечером! Долго же идет письмо. Ужасно обрадовался да и огорчился, ибо всего только 5 строк, да и то с «милым Федором Михайловичем».[2] Ну да бог с тобой. Надеюсь получить впредь получше. Ты теперь уже все знаешь по моим письмам: [3] кажется, придется непременно остаться на открытие памятника. Вечером был у Каткова. Выслушав всё (он уже и от других слышал, как меня ждет «Москва») — он твердо сказал, что мне нельзя уезжать. Завтра будет телеграмма от Долгорукого и будет назначен точный день открытия. Но все говорят про 4-е число. Если 4-го будет открытие, то выеду, вероятно, 8-го (если даже не 7-го) и 9-го буду в Руссе. К Каткову я заехал с целью получить отсрочку на «Карамазовых» до июльской книжки.[4] Он выслушал всё очень дружественно (и вообще был донельзя ласков и предупредителен, как никогда со мной прежде), но об отсрочке не сказал ничего точного. Всё зависит от Маркевича, то есть пришлет ли он продолжение своего романа.[5] Я рассказал Каткову о знакомстве моем с высокой особой у графини Менгден и потом у К‹онстантина› К‹онстантиновича›.[6] Был приятно поражен, совсем лицо изменилось. В этот раз я у него чаю не пролил,[7] за то потчевал дорогими сигарами. Провожать меня вышел в переднюю

и тем изумил всю редакцию, которая из другой комнаты всё видела, ибо Катков никогда не выходит никого провожать. Вообще думаю, что с «Р‹усским› вестником» дело как-нибудь уладится. О статье же о Пушкине я не упомянул ни слова. Авось забудут, так что можно будет передать Юрьеву, с которого наверно получу денег больше.[8] Мечтаю даже найти до 8-го числа капельку времени и приняться здесь за «Карамазовых» на всякий случай, только вряд ли это возможно. — Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало быть, и в России) буду впредь более известен как писатель (то есть в смысле уже завоеванного Тургеневым и Толстым величия. Гончарова, например, который не выезжает из Петербурга, здесь хоть и знают, но отдаленно и холодно). — Но как я проживу без тебя и без деток это время? Шутка ли, целых 12 дней, о детках сижу и мечтаю, и всё мне грустно. Воротилась ли бабушка?[9] Как ты одна сидишь, не боишься ли чего, не тревожишься ли? Ради бога, пиши почаще и, если, боже сохрани, что случится, тотчас же телеграфируй. Кстати (и обрати внимание): впредь адресуй мне все письма прямо ко мне: *Москва, в гостиницу «Лоскутную», на Тверской, Ф. М. Достоевскому, в № 33-м.* А то что мне каждый-то день по вечерам ездить к Елене Павловне за твоими письмами? Во-первых, очень от меня далеко, а во-2-х, теряю время, так что если б случилось чем заняться («Карамазовыми»), то совсем некогда. Да и надоем там. Сегодня ездил к ней от Каткова, получил твое письмо и застал у ней опять Ивановых. Машенька играла Бетховена очень хорошо. У нас дождички пополам с солнцем, и довольно ветрено и свежо. Машенька едет с Наташей послезавтра в Даровое, а Ниночка остается. Ниночка дика и неразговорчива, ничего из нее не вытащишь, точно конфузится. Все живут подле Елены Павловны. Ну, до свидания. Кажется, всё написал, что надо. Если завтра будет что нового, напишу и завтра, а если нет, то послезавтра. О Льве Толстом и Катков подтвердил, что, слышно, он совсем помешался.[10] Юрьев подбивал меня съездить к нему в Ясную Поляну: всего туда, там и обратно, менее двух суток. Но я не поеду, хоть очень бы любопытно было. Сегодня обедал в «Московском трактире»[11] нарочно, чтоб уменьшить счет в «Лоскутной». Но рассудил, что «Лоскутная», пожалуй, все-таки проставит в счет Думе, что я каждодневно обедал.[12] В «Лоскутной» утонченно вежливы, ни одно письмо твое не пропадет, и так как я ни в каком случае теперь уже не переменю гостиницу, то ты смело можешь мне посылать письма, адрессуя прямо в «Лоскутную». До свидания, целую Вас, «милая Анна Григорьевна». Обними покрепче и погорячее деток, скажи, что так папа велел.

Твой весь Ф. Достоевский.

Дети Елены Павловны при ней и очень милые.

865. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

28—29 мая 1880. Москва

Москва 28/29 мая
2 часа пополуночи.
Гостиница «Лоскутная»
в № 33-м.

Милая моя Аня, нового только то, что пришла от Долгорукова сегодня телеграмма об открытии памятника 4-го числа. Это уже твердо. Таким образом, я могу выехать 8-го или даже 7-го из Москвы и, уж разумеется, поспешу. Но остаться здесь *я должен* и решил, что остаюсь. Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни «Любители р‹оссийской› словесности», а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет,[1] ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность.[2] Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Серг‹еевич› Аксаков (Юрьев и прочие не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел, и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуется. Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Уж когда Катков сказал: «Вам нельзя уезжать, вы не можете уехать»[3] — человек вовсе не славянофил, — то уж конечно, мне *нельзя* ехать.

Сегодня утром, в 12 часов, когда еще я спал, приехал ко мне с этой телеграммой Юрьев. Я при нем стал одеваться. В это время вдруг докладывают, что приехали две дамы. Я был не одет и послал спросить: кто такие? Человек воротился с запиской, что какая-то г-жа Илина хочет просить у меня позволения выбрать из всех моих сочинений места, подходящие к детскому возрасту, и издать книжку для детского чтения. Каково! Да ведь эту мысль мы давно бы должны были с тобой сами исполнить и издать такую книжку для *детей*, которая непременно пойдет и даст, может быть, 2000 р. выгоды.[4] Подари ей 2000 рублей — вот дерзость! Юрьев тотчас же пошел (так как он же, по ветрености своей, и направил ее ко мне) объяснить ей, что я отнюдь не согласен, принять же ее не могу. Он ушел, и вдруг приехала Варвара Михайловна и не успела войти, как вошел Висковатов. Узнав, что у меня гости, Варя тотчас убежала. Воротился Юрьев и объявил, что другая посетившая дама была сама по себе, фамилию не сказала, а объявила только, что пришла заявить свое беспредельное уважение, удивление, благодарность за всё, что я ей доставил моими сочинениями, и проч. С тем, однако, и ушла, я ее не видал. Я посадил гостей за чай, и вдруг вошел Григорович. Все они просидели часа два, и когда Юрьев и Висковатов ушли, Григорович остался, не намереваясь уходить. На-

чал мне рассказывать разные разности за все тридцать лет, вспоминать старое и проч. Наполовину, конечно, врал, но было и любопытное. Затем в 5-м часу объявил, что разлучаться со мной не хочет, и стал упрашивать меня вместе идти обедать. Мы пошли опять в Московский трактир, где обедали долго, а он всё говорил. Вдруг пришли Аверкиев и его супруга. Аверкиев подсел к нам, а Дона Анна[5] объявила, что зайдет ко мне (очень мне ее надо!).[6] Оказалось, что подле нас обедают родственники Пушкина, два племянника его, Павлищев и Пушкин,[7] и еще один какой-то. Павлищев тоже подошел и объявил, что тоже ко мне придет. Одним словом, мне, как и в Петербурге, не дают покоя.[8] После обеда Григорович стал упрашивать меня ехать с ним в парк «подышать чистым воздухом», но я отказался, расстался с ним, воротился домой пешком и через 10 минут отправился к Елене Павловне за письмом. Но письма у ней не оказалось, а встретил только Ивановых. Машенька завтра уезжает.[9] Просидел до 11 часов и воротился домой пить чай и писать тебе письмо. Вот весь мой бюллетень.

Главное, скверно, что письма наши ходят по три и по четыре дня. Уведомленная мною, что я возвращусь, ты, конечно, перестанешь писать ко мне, ожидая меня 28-го, и когда-то еще дойдут до тебя вчерашнее и сегодняшнее письмо мое о новом решении! Боюсь, что ты будешь в недоумении и беспокоиться. — Но нечего делать. Худо только то, что от тебя, может быть, не получу 2 дня писем, а я по вас изныл. Грустно мне здесь, несмотря на гостей и обеды. Ах, Аня, как жаль, что не могло так устроиться (конечно, никак), чтоб и ты со мной приехала. Даже Майков, говорят, изменил решение и приедет.[10] Будет много хлопот, надо являться в Думу в качестве депутата (еще не знаю когда) для получения билета на церемонию. Окна домов, окружающих площадь, отдаются в наем по 50 рублей за окно. Кругом устраиваются деревянные эстрады для публики тоже за непомерную цену.[11] Боюсь тоже дождливого дня, чтоб не простудиться. На обеде в день открытия говорить не буду. В заседании же «Любителей», кажется, буду говорить на 2-й день. Кроме того, взамен театрального представления[12] думают устроить чтение известными литераторами (Тургенев, я, Юрьев) произведений Пушкина по выбору (меня просят прочесть сцену инока-летописца[13] и из «Скупого рыцаря» монолог Скупого). Кроме того, Юрьев, я и Висковатов прочтем по стихотворению на смерть Пушкина, Юрьев — Губера, Висковатов — Лермонтова, а я — Тютчева.[14]

Время идет, а мне мешают. До сих пор не заехал за деньгами в Центр‹альный› магазин и к Морозовым.[15] Не был у Чаева, надо заехать к Варе, хотел бы тоже познакомиться с архиереями Николаем Японским и здешним викарием Алексеем — очень любопытными людьми.[16] Сплю нехорошо, во сне вижу только кошмары. Боюсь в день открытия простудиться и кашлять на чтении.

Со страшным нетерпением буду ждать от тебя письмеца. Что-то детки, господи, как мне хочется их увидеть. Здорова ли ты, весела ли иль сердишься? Тяжело мне без вас. Ну до свидания. Завтра к Ел‹ене› Павловне не поеду, обещалась сама прислать письмо, если будет. Обнимаю вас всех крепко, деток благословляю.

Твой весь Ф. Достоевский.

P. S. Если что случится, телеграфируй в «Лоскутную». Письма пиши в «Лоскутную». Верно ли доходят мои письма? Вот беда, если какое-нибудь пропадет!

Золотарева еще нет. Венок ‹*3 нрзб.*›.

866. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

30—31 мая 1880. Москва

Москва 30 мая/80
Гостиница «Лоскутная»
в № 33-м.

Пишу тебе, хоть письмо пойдет лишь завтра, милая Аня. Нового почти ничего. Предстоит только очень много хлопот и разных чиновничьих церемоний: являться в Думу, выхлопатывать билеты, где стоять и сидеть в празднестве, и проч. А главное венки: их надо два, говорят, их Дума же и выдает — за 30 ‹р.› оба. Глупо. А Золотарев не едет, но приедет,[а] и я всю церемонию у памятника взвалю на него: в одном фраке и без шляпы можно простудиться. — Вчера утром были Аверкиевы и приходили племянники Пушкина Павлищев и Пушкин, познакомиться. Затем ездил к Юрьеву (насчет всех этих билетов и церемоний), не застал дома. Обедал дома, а после обеда пришел Висковатов, изъяснялся в любви, спрашивал, отчего я его не люблю, и проч. Все-таки был лучше, чем всегда.[1] (Кстати: передал мне, что Сабуров (министр просвещения), его родственник, читал некоторые места «Карамазовых», буквально плача от восторга.) В девять часов мы отправились к Юрьеву,[б] опять не застали. Висковатов вдруг припомнил, что здесь Анна Николавна Энгельгардт, и предложил к ней заехать. Мы поехали и прибыли в 10 часов, в гостиницу Дюссо. Она уже спала, но была очень рада, и мы просидели час, говорили о прекрасном и высоком. Она приехала не на памятник, а для свидания с какими-то родственницами, а теперь больна: у ней распухла нога.[2] Сегодня утром, когда я спал, был у меня Ив‹ан› Сергеевич Аксаков и не приказал будить. Затем ездил к Поливанову (секретарю Общества, директору[в] гимна-

---

[а] *Далее было*: и я непременно взвалю на него да и всю
[б] *Было*: опять к Юрьеву
[в] *В подлиннике ошибочно*: директора

зии).[3] Поливанов объяснил мне все *шаги* в Думе и билеты и откомандировал молодого человека мне помогать.[4] Познакомил меня с семейством, сошлась целая ватага учителей и гимназистов, и мы пошли (в том же здании) рассматривать вещи и портреты Пушкина, которые пока хранятся в этой гимназии.[5] Затем, придя домой, застал записку Григоровича, приглашающего к 6-ти часам обедать у Тестова.[6] Не знаю, пойду ли. Покамест сел написать тебе мой бюллетень. В 8-м часу потянусь к Елене Павловне за твоим письмом. (Вчера 29-го ничего не[г] получил.) Затем домой и сяду за мою статью, которую надо подделать.[7] Вообще житье гадкое, погода здесь прекрасная. Все-то здешние у себя дома, а я один в гостях. Вечером еще припишу.

30/31 мая. Час ночи.

В трактире у Тестова Григоровича не нашел, воротился домой и обедал дома. Потом поехал к Елене Павловне; ее дома не застал, а дети ее сказали мне, что письма от тебя не было. — Рассчитываю, что, может быть, завтра будет от тебя письмо наверно. Сообразив теперь, понимаю, что по всем прежним письмам моим ты всё заключала, что я приеду 28-го.[8] Но теперь уж, верно, ты получила и те письма, где я колебался: остаться или нет,[9] стало быть, уж теперь ответишь. Дурно то, что, уезжая, мы как-то не договорились, ибо ты могла бы мне все-таки, хотя и рассчитывая, что я ворочусь, писать на имя Елены Павловны, на всякий случай, чтоб не оставить меня в неведении о тебе и о детях. Рассчитываю тоже, что ко 2-му числу получу от тебя письмо уже прямо в «Лоскутную». (Письма же на имя Елены Павловны, то есть прежние, ты, конечно, и прежде могла бы писать безбоязненно, ибо, хоть я бы и уехал, все же бы их никто не распечатал, и она переслала бы их обратно в Руссу.) В«Лоскутную» же адресовать ко мне для меня будет гораздо выгоднее, чтоб не ездить к Елене Павловне, потому что теперь скоро (со 2-го числа) наступит большая возня, надо будет рано вставать и весь день маяться, так что ездить к Елене Павловне даже и не нашел бы вовсе времени. Да и к тебе перестану писать подробные бюллетени, как теперь: не будет совсем времени. 3-го числа будет Дума принимать гостей, речи, фраки, клаки[10] и белые галстухи. А там открытие, думский обед, затем 5-го и 6-го по утрам заседания, а вечером литературные чтения. Да 2-го вечернее заседание «Любителей», где решат, кому в какое время читать. Я, кажется, буду читать уже во 2-й день, то есть 6-го.[11] Ездил к Морозову и в Центральный магазин.[12] От Морозова получил всего 14 рубл‹ей›, а в Центральном хоть и сказали мне, что ты писала к ним, чтоб мне выдали[д] 50 руб., но просят отсрочки до 6-го или 7-го числа. Так как[е] 7-го надо сверх того сделать прощальные

[г] ничего не *вычеркнуто, очевидно, А. Г. Достоевской.*
[д] *Было*: выдали отсрочки
[е] *Было*: Так что

визиты, а их много, то выеду разве только 8-го, с каким поездом — уведомлю потом. Но 8-го постараюсь выехать наверно. Заезжал к Варе. Много мне рассказывала про своих внуков [13] и спрашивала совета. Умная она и хорошая женщина. — Вечером кой-что успел просмотреть в рукописи. Что детки? Очень тоскливо по них, не слышно их голосочков. И всё думаю: не случилось ли у вас чего? Если что, боже сохрани, случится, непременно телеграфируй. До свидания, голубчик. Ах, кабы получить от тебя хоть что-нибудь завтра! Обнимаю тебя и деток и крепко вас всех целую. А «Карамазовы»-то, «Карамазовы!» [14] Эх, в какую суетню въехал. Но теперь все-таки озабочен открытием: партия у них сильная.[15] Обнимаю тебя опять и опять.

Твой Ф. Достоевский.

Вчера сломалась днем моя золотая рукавная запонка, которую чинили, одна половинка осталась в рукаве рубашки, а другая, должно быть, где-нибудь вылетела на улице.

867. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

31 мая 1880. Москва

Москва 31 мая/80
1 час пополуночи.
Гостиница «Лоскутная»
в № 33-м.

Милая Аня, хотел было сегодня тебе не писать, потому что почти не об чем, но так как получил наконец твое письмецо (от 29-го) и так как действительно предстоят скоро дни, что за суетой ничего тебе писать не буду или много что по две строчки, то и решился написать теперь. Очень рад, что вы все здоровы, рад за деток и за тебя, и как будто тоска свалилась с сердца, хотя все-таки скучно. Неприятно мне, что бабушка не подождет [a] до моего приезда.[1] Автограф Гоголя Аксаков мне обещал, хотя не знаю, успею ли теперь взять у него.[2] К тому же я перезабыл и смешал в голове все адрессы, так что надо опять справиться у Юрьева, где кто живет. Сегодня заходил ко мне какой-то (забыл фамилью) математик и долго сидел в ресторане в читальной, ожидая, когда я проснусь. Когда я проснулся, он вошел и пробыл ровно 3 минуты и даже не сел: зашел объявить о своем глубоком уважении, удивлении к таланту, преданности, благодарности, высказал *горячо* и ушел. Седоватый человек, пресимпатическое лицо.[3] Затем посетил меня Лопатин, тот моло-

---

[a] *Было*: доживет

дой человек, па которого возложил Поливанов хлопотать о моих билетах в Думе, о доставлении мне всех нужных сведений и проч.[4] Я с ним разговорился и к приятному удивлению моему нашел в нем человека чрезвычайно умного, весьма мыслящего, чрезвычайно порядочного и в высшей степени моих убеждений. Одним словом, весьма приятная встреча. Затем был Григорович, много врал и злословил. Там, кажется, действительно приготовляются что-то сказать нам в пику в заседаниях и на обедах.[6] [5] Григорович тоже депутатом от Литер‹атурного› фонда, в чпсле четырех: Тургенева, Гаевского, Краевского. Всем выдал фонд по 150 р. на расходы. Наше только Славянское общество не выдало ничего, да и не могло. Григорович жалуется, что 150 р. мало. Действительно так, здесь деньги идут, и хоть я и мало здесь заплачу в гостинице,[6] но проживусь все-таки крепко: извозчики, табак, особые расходы, покупка венков и проч. Кстати, 2 *обязательные* венка приготовляет Дума за 30 р. с депутата за оба. Если Золотарев не приедет, то, уж конечно, я заплачу.[7] Надо тоже купить запонки. Обедал в Московском трактире. Затем был у Елены Павловны и получил твое письмецо. Маня ее[8] премилая девушка 20 лет, и в гостях у них я заметил одного молодого доктора, интересовавшегося очень Маней. Затем с Висковатовым отправились к Ан‹не› Ник‹олаевне› Энгельгардт, которая всё сидит дома с больной ногой, и застали у ней доктора, который говорит, что болезнь довольно серьезна, если чуть-чуть пренебречь.[9] Затем воротились с Висковатовым домой пешком. Утром были две грозы и ливень, а теперь ночь прелестная. Ну вот и все пока мои похождения. Как-то я прочту мою речь? Аксаков объявил, что у него то же самое, что у меня. Это дурно, если мы так уже буквально сойдемся в мыслях.[10] Как-то прочту потом на вечерних литературных чтениях сцену Пимена и Скупого рыцаря и тоже (главное) на смерть Пушкина Тютчева?[11] Любопытно, как встречусь с Анненковым? Неужели протянет руку?[12] Не хотелось бы столкновений. Ну до свидания, голубчик Аня. Расцелуй деток крепко, напомни им обо мне. Кланяйся Анне Николавне, что она, хорошо ли съездила? Я-то неудачно. Надо бы зайти к Каткову. Прощай, обнимаю тебя крепко.

Твой весь Ф. Достоевский.

Деток благословляю.

P. S. Оринька подле тетеньки, играет с ней в карточки, где ему сюда.[13]

---

[6] *Далее было начато*: В заседаниях и

868. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

2—3 июня 1880. Москва

Москва 2/3 июня/80 г.
2 часа ночи.
Гостиница «Лоскутная»
в № 33-м.

Милый дружочек мой Анечка, вчера вечером ездил к Елене Павловне за твоим письмом и ничего не получил, а сегодня пришло от тебя в «Лоскутную» 2 письма, одно в 4 часа пополудни, а другое вечером. Одним словом, в «Лоскутную», по-видимому, скорее доходит, чем к Елене Павловне. Как я рад, что вы все здоровы и меня помните. Детишек крепко поцелуй за их славные приписки [1] и непременно купи им гостинцев,[2] слышишь, Аня? Детям и медицина предписывает сладкое. — Про замечание твое, что я тебя мало люблю,[3] скажу, что оно глуписсимо: я только о тебе и думаю, да еще о детках. И во сне тебя вижу.

Здесь у нас опять была кутерьма. Вчера вдруг отложили опять празднество, но теперь уже твердо известно, что открытие будет 6-го.[а] [4] Венки изготовляет Дума по 8 р. за венок, надо 2, закажу завтра. Золотарева нет.[5] Поезд из Петербурга с разными депутатами на празднество придет только послезавтра.[6] — Теперь дальше: 3-го дня вечером было совещание у Тургенева [7] почти всех участвующих (я исключен), что именно читать, как будет устроен праздник и проч. Мне говорят, что у Тургенева будто бы сошлись нечаянно. Это мне Григорович говорил как бы в утешение. Конечно, я бы и сам не пошел к Тургеневу без официального от него приглашения; но простофиля Юрьев, которого я вот уже 4 суток не вижу, еще 4 дня назад проговорился мне, что соберутся у Тургенева. Висковатов же прямо сказал, что уже три дня тому получил приглашение. Стало́ быть, меня прямо обошли. (Конечно, не Юрьев, это дело Тургенева и Ковалевского, тот только спрятался и вот почему, должно быть, и не кажет глаз.) И вот вчера утром, только что я проснулся, приходят Григорович и Висковатов и *извещают* меня, что у Тургенева составилась полная программа праздников и чтений вечерних. И так как-де позволена музыка и представление «Скупого рыцаря» (актер Самарин), то чтение Скупого рыцаря у меня взято, взято тоже и чтение стихов на смерть Пушкина (а я именно эти-то стихи и желал прочесть).[8] Взамен того мне определено [б] прочесть стихотворение Пушкина «Пророк». От «Пророка» я, пожалуй, не откажусь, но как же не уведомить меня официально? Затем Григорович объявил мне, что меня просят прибыть завтра в залу Благородного собрания (подле меня),[9] где будет оконча-

---

[а] *Далее было*: Известно
[б] *Вместо*: мне определено — *было*: я могу

тельно всё регламентировано. Они ушли, и приходит Лопатин, молодой человек, прикомандированный от Поливанова (председателя Комиссии) руководить меня.[10] Тот объявляет, напротив, что уже всё регламентировано (значит, моего мнения не спрашивали), меня же просят прибыть в Благородное собрание уже на генеральную репетицию, с публикой, и главное, с воспитанниками гимназий (бесплатными), и репетиция, главное, устраивается для них, чтоб и они могли слышать.[11] Таким образом, я поставлен в прещекотливое положение: решено без меня, моего согласия на чтение *назначенных* мне сочинений не спрашивали, а между тем нельзя не быть на репетиции и не прочесть для молодежи: скажут, Достоевский не хотел читать для молодежи. Наконец, совсем неизвестно, в чем прибыть завтра: во фраке ли, так как публика, или в сертуке. Я был очень вчера недоволен. Обедал один, вечером заехал к Анне Николавне,[12] у ней сидел доктор (ее знакомый и даже родственник), я посидел полчаса, и они оба меня проводили до гостиницы. Сегодня утром опять зашли Григорович и Висковатов, и Григорович стал приставать обедать всем троим вместе в «Эрмитаже», а потом идти в сад «Эрмитажа» провести вечер. Они ушли, и я поехал к Каткову, у которого дня три не был. У него как раз застал Любимова, только что получившего письмо от Маркевича, который и обещает доставить роман на июнь. Так что я с этой стороны могу теперь быть спокоен. Это очень хорошо.[13] У Каткова застал новости: он только что получил официальное письмо от Юрьева, как председателя Общ‹ества› люб‹ителей› рос‹сийской› словесности (и которого Катков с незапамятных годов членом).[14] Юрьев уведомляет, что билет пригласительный на празднества был послан в «Московские ведомости» *ошибочно* и[в] что совет «Любителей» по устройству празднеств отменил это приглашение как не согласное с решением совета, так что приглашение надо считать не бывшим. Форма письма самая сухая и грубая. Меня уверял Григорович, что Юрьева заставили это подписать, главное Ковалевский, но, конечно, и Тургенев.[15] Катков был видимо раздражен. «Я бы и без них не поехал», — сказал он мне, показав письмо. Хочет всё напечатать в «Ведомостях».[16] Это уж, разумеется, просто свинство, да и главное, что и права они не имели так поступать. Мерзость, и если б только я не ввязался так в эти празднества, то, может быть, прервал бы с ними сношения. — Резко выскажу всё это Юрьеву. — Затем спросил у Каткова: кто здесь лучший зубной врач, и он мне назвал Адельгейма на Кузнецк‹ом› мосту, сказав, чтоб я объявил Адельгейму, что прислал меня он, Катков. Пружинка моя *совсем* уж сломалась и держалась на ниточке. Съездил к Адельгейму, и тот вставил мне новую за 5 руб. От него приехал домой, и с Григоровичем и Висковатовым поехали в «Эрмитаж», обедали по рублю. Между

[в] *Было*: но

тем начался дождь. Чуть утихло, мы вышли и уселись па одного извозчика втроем до саду «Эрмитажа». Дорогой поднялся дождик. Приехали в сад мокрые и спросили в ресторане чаю. Билеты же взяли рублевые с правом входа в театр «Эрмитажа». Дождь не унимался. Григорович врал разные рассказы. Затем пошли в театр уже па 2-й акт: шла опера «Paul и Virginie», театр, оркестр, певцы — всё недурно, только музыка плоха (в Париже выдержала несколько сот представлений). Прелестная декорация третьего акта.[17] Не дослушав, вышли и отправились по домам. Я у себя в «Лоскутной» застал твое 2-е письмо.[18] Чрезвычайно волнует меня завтрашняя репетиция. Григорович обещал за мной зайти, чтоб ехать вместе. Немного промок. Я еще прежде с дороги простудил немного левую руку, и она мозжит. Вчера утром заехал к архиерею викарию Алексею и к Николаю (Японскому).[19] Очень приятно было с ними познакомиться. Сидел около часу, приехала какая-то графиня, и я ушел. Оба по душе со мной говорили. Изъяснялись, что я посещением сделал им большую честь и счастье. Сочинения мои читали. Ценят, стало быть, кто стоит за бога. Алексей глубоко благословил меня. Дал вынутую просвирку. — До свидания, голубчик, если можно будет, то напишу и завтра. Очепь люблю тебя. Деток крепко целуй. Анне Николавне[20] глубокий мой поклон и сверх того поцелуй у ней за меня ручку. Твой весь без раздела.

Ф. Достоевский.

Но ты ошибаешься. Сны прескверные.[21] Слушай: ты всё пишешь о записке в дворянство.[22] Во-1-х, если б и можно было, то мне некогда, а главное, это дело падо делать из Петербурга, *через людей*. Лично всё объясню тебе, непременно сделаю в Петербурге. Здесь же все хлопоты ни к чему не послужат: я знаю твердо, убежден.

Был у Ив‹ана› Аксакова — на даче. Чаев тоже на даче. К Муравьеву съезжу, если найду время.[23] Еще раз весь твой тебя любящий.

869. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

3—4 июня 1880. Москва

Москва 3/4 июня. Вторник.
2 часа пополуночи.
Гостиница «Лоскутная»
в № 33-м.

Милый мой голубчик Анечка, сегодня опять получил дорогое твое письмецо и очень тебе благодарен, что не забываешь своего Федичку.[1] Со времени частых твоих писем[2] я решительно стал за вас спокойнее и благополучнее. Рад и за детишек. Сегодня

утром пришел ко мне Лопатин и принес расписание дней и церемоний. Выдал ему 17 руб. заказать венки в Думе (2 венка). Золотарева нет.[3] Затем приходил один присяжный поверенный Соловьев[4] отрекомендоваться, человек ученый, и явился лишь говорить о мистически религиозных вопросах. (Новое поветрие.) Затем пришли Григорович и Висковатов, а затем и Юрьев. Мы страшно все напали на Юрьева за письмо его к Каткову и распекли его ужасно.[5] Затем обедал в «Московском трактире» с Григоровичем и Висковатовым и там познакомился с актером Самариным, старикашка 64 лет, всё говорил мне речи. Он будет играть на празднестве в честь Пушкина Скупого рыцаря в костюме (отбил у меня).[6] В «Москов‹ском› трактире» всегда очень полно, и редко кто не оглядывается и не смотрит на меня: все знают, что это я. Самарин рассказывал много анекдотов о московской артистической жизни. Затем, прямо с обеда, поехали в общее заседание комиссии «Любителей» для устройства окончательной программы утренних заседаний и вечерних празднеств. Были Тургенев, Ковалевский, Чаев, Грот, Бартенев, Юрьев, Поливанов, Калачев и проч. Всё устроили к общему согласию. Тургенев со мною был довольно мил, а Ковалевский (большая толстая туша и враг нашему направлению)[7] всё пристально смотрел на меня. Я читаю на второй день утренних заседаний 8-го июня, а 6-го июня вечером читаю на празднестве (разрешена музыка) сцену Пимена из «Б‹ориса› Годунова».[8] Многие читают, почти все: Тургенев, Григорович, Писемский и проч. На 2-й же вечер 8-го прочту 3 стихотв‹орения› Пушкина (2 из «Западн‹ых› славян»[9] и «Медведицу»)[10] и в финале для *заключения* празднества — «Пророк» Пушкина — маленькое, страшно трудное для чтения стихотворение, меня назначили нарочно в финале, чтоб произвести эффект — не знаю: произведу ли? Ровно в 10 часов воротился домой и застал у себя 2 карточки Суворина с надписанными строчками, что придет в 10 часов. 2 карточки были ошибкой (склеились), и я, подумав, что он был уже и во второй раз, но меня не застал, поехал в «Славянский базар» (очень недалеко от меня),[11] где он стоит, и застал его с женою за чаем. Ужасно был рад. Он у «Любителей» за статьи свои на фербанте,[12] как и Катков.[13] Ему даже не дали билета на утренние заседания. У меня же был один билет (Варин,[14] от которого она отказалась), и я предложил ему. Очень был рад. Уж даст он им знать потом. Сказал, что здесь и Буренин.[15] Завтра условились быть у Чаева в Оружейной палате,[16] где он нам всё покажет, в 1 час пополудни. Хотели прийти Григорович и Висковатов. Не знаю, придут ли в Оружейную. С заседания же они, в 10-м часу, укатили в «Эрмитаж» и ужасно просили, чтоб и я приехал, но я пошел к Суворину. Суворин, узнав, что мы завтра в Оружейную, упросил, чтоб и его с женой взяли, а затем стал просить, чтоб обедать вместе в «Москов‹ском› трактире», он с женой, я, Григорович и Висковатов, а затем чтоб поехать в «Эрмитаж». Он, ка-

жется, бедный, с женою скучает. На вечерних чтениях, где билеты за деньги, он, конечно, будет. Репетиция чтений для воспитанников заведений отменена.[17] Послезавтра, 5-го, начинаются мытарства: надо всем депутатам во фраках являться в Думу, и, боюсь, времени не будет тебе писать. Завтра же в нашу «Лоскутную» прибудет поезд петербургских депутатов.[а] 8-го всё кончится, 9-го, стало быть, сделаю визиты, а 10-го выеду — в котором часу, напишу потом. Майков телеграфировал, что приедет.[18] Полонский тоже. Ну вот и всё, моя радость. Таким образом, жди меня 11-го числа, и это, кажется, уж наверно. Суворин просит мою статью.[19] Решительно не знаю, кому дать и как это устроить. А вот пусть послушает меня на чтении.

Крепко обнимаю тебя, моя Анька. Крепко целую тебя за «очень-очень и очень».[20] Детишек целую и благословляю. Ты пишешь, что видишь сны,[21] а что я тебя не люблю.[22] А я всё вижу прескверные сны, кошмары, каждую ночь о том, что ты мне изменяешь с другими. Ей-богу. Страшно мучаюсь. Целую тебя тысячу раз.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поцелуй деток.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии).
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской.
(В собственном доме).

870. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 июня 1880. Москва

5 июня/80 год. Москва.
8 часов пополудни.
Гостиница «Лоскутная»
в № 33-м.

Милая моя Анютка, милое письмецо твое от 3-го июня получил сейчас и спешу написать тебе поскорее, сколько успею. Нет, голубчик, не требуй теперь длинных писем,[1] потому что и просто-то письма вряд ли можно теперь будет писать. Буквально всё время, все *минуты* теперь будут заняты, да и недостанет их, это наверно на здешнее даже, не то что на письма. По порядку: вчера утром я, Суворин, его жена, Буренин и Григорович были

[а] *Далее было*: Приеду

в Кремле, в Оружейной палате, осматривали все древности, показывал смотритель Ор‹ужейной› палаты Чаев. Затем ходили в Патриаршую ризницу. Всё осмотрев, зашли в трактир Тестова закусить и остались обедать. Затем был на минутку у Анны Ни‹колаевны› Энгельгардт и разъезжал по мелким покупкам. Затем по условию отправились в сад «Эрмитаж».[2] Там уже были Суворины, Григорович и проч. В саду же встретил почти всех прибывших в эти дни из Петербурга депутатов. Множество всяких лиц подходили ко мне — и не запомню кто: Гаевский, Лентовский, певец Мельников и проч. Сидел и всё время пил чай с Сувориными и с Бурениным и изредка с Григоровичем, который то подходил, то уходил. И вдруг разнеслась весть, что праздник отложен. Распустил слух Мельников.[3] Было 11 часов, и я поехал к Юрьеву. Его не застал, но застал его сына, и тот меня разуверил, что вздор. (Так и оказалось.) Приехав домой, принялся готовиться к чтению 6-го числа вечером. Это, Аня, дело бедовое. Представь себе, что открытие памятника будет 6-го числа, с 8 часов утра я на ногах. В два часа кончится церемония, и начнется акт в Университете (но, ей-богу, не буду). Затем обед в Думе, и *в тот же день*, вечером в 9 часов, я, усталый, измученный, наевшийся и напившийся, должен читать монолог Летописца[4] — самый трудный к чтению, требующий спокойствия и обладания сюжетом. Чувствую, что я еще не готов. Сверх того я почти начинаю вечер — самое неудобнейшее положение.[5] Досидел до 4-х часов утра, и вдруг сегодня в 10-м часу разбудил меня Золотарев, наконец прибывший. Спал я всего 5½ часов. За ним Федор Петрович Корнилов, за ними Лопатин с венками (венки стоят 14, а не 17 рублей, но без лент).[6] Ленты я навязал Золотареву, равно и завтрашние хлопоты.[7] Таким образом, за венки 14 руб., выходит, заплачу один я. Правда, Золотареву будут не меньше стоить дальнейшие аксессуары. В 2 часа поехали в Думу, все депутации (депутаций до 100) являлись к Ольденбургскому и проч. Церемониал, суетня, беспорядок — не описываю слишком, невозможно описать. Видел (и даже говорил) с дочерью Пушкина (Нассауской). Подходил ко мне Островский — здешний Юпитер. Любезно подбежал Тургенев. Другие партии либеральные, между ними Плещеев и даже хромой Языков, относятся сдержанно и как бы высокомерно: дескать, ты ретроград, а мы-то либералы. И вообще здесь уже начинается полный раздор. Боюсь, что из-за направлений во все эти дни, пожалуй, передерутся.[8] История исключения Каткова из празднеств возмущает ужасно многих.[9] Пришел домой и обедал дома в надежде получить[a] от тебя письмецо, ответить тебе, затем просмотреть Пимена и мою статью,[10] затем приготовить рубашку, фрак к завтраму, а затем пораньше лечь спать. Но пришел Гайдебуров, и вдруг затем

---

[a] *Было*: выслать

Майков, а затем Висковатов. Майков приехал читать свои стихи.[11] Ничего, мил и обнюхивает воздух.[12] Я с ними поговорил, но, однако, их выпроводил. Дописываю теперь тебе эти строки. Золотарев не приходит, а эти проклятые венки у меня еще не прибранные. Утром давеча был у Вари. Завтра весь день до ночи занят. Послезавтра заседание «Любителей», но в этом заседании я не читаю, и потом обед человек в 500 [13] с речами, а может быть, и с дракой. Затем 8-го утром моя речь в заседании «Любителей», а вечером на 2-м празднике «Любителей» между другими я читаю несколько стихотворений Пушкина [14] и заканчиваю «Пророком». Ты пишешь, чтоб я выезжал 8-го,[15] а я только 9-го примусь делать визиты. Выеду 10-го и прибуду 11-го, да и то если не задержат на лишний день, а это очень возможно. Но я тогда уведомлю. Выезжать же мне гораздо выгоднее с поездом в 1 час пополудни, чем с утрешним,[16] ибо тут только одна ночь не спать, а с утрешним две, потому что ночь накануне я не буду спать или просыпаться в 6 часов. Письма же собственно о моих торжествах писать нечего,[17] ибо мой день 8-го числа, а 6-го я только Пимена прочту. Подумай, надо будет статью поместить. Хоть три претендента, но Юрьев что-то опять отлынивает,[18] Катков, после своей истории, станет, пожалуй, совсем равнодушным ко всему делу открытия, а Суворин, пожалуй что, и не повторит желания.[19] Тогда плохо. А потому очень могу опоздать день. Давеча от Александрова получил 18—75 к.[20] Заезжал к Варе и, кажется, совсем простился. Она уезжает к дочери на дачу. — До свидания, голубчик, разумеется, 1000 вещей не успел написать, что упишешь в письме? Но теперь писем совсем, совсем писать некогда! [6] Да и в эту минуту истощен и обессилен весь. А еще долго надо сидеть. А когда выспаться? Обнимаю тебя крепко-накрепко, детишек целую ужасно и благословляю.

Ваш весь Ф. Достоевский.

О любви писать не хочу, ибо любовь не на словах, а *на деле*.[21] Когда-то доберусь до дела? Давно пора.

Но хоть по нескольку строк все-таки буду писать.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии).
Ее высокородию
Анне Григорьевне Достоевской.
(В собственном доме.)

---

[6] *Далее было начато*: Дело

871. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 июня 1880. Москва

Москва. Июня 7-го 80 г.
Полночь.
Гостиница «Лоскутная»
в № 33-м.

Милый мой дорогой голубчик Аня, пишу тебе наскоро. Открытие монумента произошло вчера, где же описывать?[1] Тут и в 20 листков не опишешь, да и времени ни минуты. Вот уже 3-ю ночь сплю только по 5 часов, да и эту ночь тоже. — Затем был обед с речами. Затем чтение на вечернем литературном празднестве в Благородном собрании с музыкою. Я читал сцену Пимена.[2] Несмотря на невозможность этого выбора (ибо Пимен не может же кричать на всю залу) и чтение в самой глухой из зал,[3] я, говорят, прочел превосходно, но мне говорят, что мало было слышно. Приняли меня прекрасно, долго не давали читать, всё вызывали, после чтения же вызвали 3 раза. Но Тургенева, который прескверно прочел, вызывали больше меня.[4] За кулисами (огромное место в темноте) я заметил до сотни молодых людей, оравших в исступлении, когда выходил Тургенев. Мне сейчас подумалось, что это клакеры, claque,* посаженные Ковалевским. Так и вышло: сегодня, ввиду этой клаки, на утреннем чтении речей Иван Аксаков отказался читать свою речь после Тургенева[5] (в которой тот унизил Пушкина, отняв у него название национального поэта),[6] объяснив мне, что клакеры заготовлены уже давно и посажены нарочно Ковалевским (всё его студенты и все западники), чтоб выставить Тургенева, как шефа их[a] направления, а нас унизить, если мы против них пойдем. Тем не менее прием, мне оказанный вчера, был из удивительных, хотя хлопала одна лишь публика, сидевшая в креслах. Кроме того: толпами мужчины и дамы приходили ко мне за кулисы жать мне руку. В антракте прошел по зале, и бездна людей, молодежи, и седых, и дам, бросались ко мне, говоря: «Вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли „Карамазовых“». (Одним словом, я убедился, что «Карамазовы» имеют колоссальное значение.) Сегодня, выходя из утреннего заседания, в котором я не говорил, случилось то же. На лестнице и при разборе платьев меня останавливали мужчины, дамы и прочие. За вчерашним обедом две дамы принесли мне цветов. Некоторых из них я узнал по фамилии: Третьякова, Голохвастова, Мошнина и другие. К Третьяковой поеду послезавтра с визитом

---

* клака (*франц.*).

[a] *Было*: настоящего

(жена имеющего картинную галерею).[7] Сегодня был второй обед, литературный, сотни две народу. Молодежь встретила меня по приезде, потчевали, ухаживали за мной, говорили мне исступленные речи — и это еще до обеда. За обедом многие говорили и провозглашали тосты. Я не хотел говорить, но под конец обеда вскочили из-за стола и заставили меня говорить. Я сказал лишь несколько слов,[8] — рев энтузиазма, буквально рев. Затем уже в другой зале обсели меня густой толпой — много и горячо говорили (за кофеем и сигарами). Когда же в ½ 10-го я поднялся домой (еще 2 трети гостей оставалось), то прокричали мне ура, в котором должны были участвовать поневоле и несочувствующие. Затем вся эта толпа бросилась со мной по лестнице и без платьев, без шляп вышли за мной на улицу и усадили меня на извозчика. И вдруг бросились целовать мне руки — и не один, а десятки людей, и не молодежь лишь, а седые старики. Нет, у Тургенева лишь клакеры, а у моих истинный энтузиазм. Майков здесь и был всему свидетелем, должно быть, удивился. Несколько незнакомых людей подошли ко мне и шепнули, что завтра, на утреннем чтении, на меня и на Аксакова целая кабала.[9] Завтра, 8-го, мой самый роковой день: утром читаю статью, а вечером читаю 2 раза, «Медведицу»[10] и «Пророка». «Пророка» намерен прочесть хорошо. Пожелай мне. Здесь сильное движение и возбуждение. Вчера на думском обеде Катков рискнул сказать длинную речь и произвел-таки эффект, по крайней мере в части публики.[11] Ковалевский наружно очень со мной любезен и в одном тосте, в числе других, провозгласил мое имя,[12] Тургенев тоже. Анненков льнул было ко мне, но я отворотился.[13] Видишь, Аня, пишу тебе, а еще речь не просмотрена окончательно. 9-го визиты и надо окончательно решиться, кому отдать речь.[14] Всё зависит от произведенного эффекта. Долго жил, денег вышло довольно, но зато заложен фундамент будущего. Надо еще речь исправить, белье к завтраму приготовить. — Завтра мой главный дебют. Боюсь, что не высплюсь. Боюсь припадка. — Центральный магазин не платит, хоть ты что.[15] До свидания, голубчик, обнимаю тебя, целуй деток. 10-го, вероятно, выеду и приеду 11-го к ночи. Готовься. Крепко вас всех обнимаю и благословляю.

Твой вечный и неизменный Достоевский.

NB. Письмо это, должно быть, будет последним.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии).
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.
(В собственном доме.)

872. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

8 июня 1880. Москва

Москва 8 июня/80
8 часов пополудни.
Гостиница «Лоскутная»
(в № 33-м).

Дорогая моя Аня, я сегодня послал тебе вчерашнее письмо от 7-го,[1] но теперь не могу не послать тебе и этих немногих строк, хоть ужаспо измучен, нравственно и физически, так что это письмо ты получишь, может быть, вместе с первым. Утром сегодня было чтение моей речи в «Любителях». Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой[a] произвела она! Что петербургские успехи мои! Ничто, *нуль* сравнительно с этим! Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать — ничто не помогало: восторг, энтузиазм (всё от «Карамазовых»!). Наконец я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем. Всё, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом. (Это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!).[2] Когда же я провозгласил в конце о *всемирном единении* людей,[3] то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: всё ринулось ко мне па эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — всё это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие па эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомые старика: «Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили, Вы наш святой, вы наш пророк!». «Пророк, пророк!» — кричали в толпе.[4] Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи,[5] бросился меня обнимать со слезами.[6] Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. «Вы гений, вы более чем гений!» — говорили они мне оба. Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя — *есть не просто речь, а историческое событие!* Туча облегала горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, всё рассеяло, всё

---

[a] *Было*: котор‹ый›

осветило. С этой поры наступает братство и не будет недоумений. «Да, да!» — закричали все и вновь обнимались, вновь слезы.[7] Заседание закрылось. Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное женщины. Целовали мне руки, мучали меня. Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств.[8] Полная, полнейшая победа! Юрьев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что Общество люб‹ителей› рос‹сийской› словесности единогласно избирает меня своим *почетным* членом.[9] Опять вопли и крики. После часу почти перерыва стали продолжать заседание. Все было не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что всё сказано и всё разрешило великое слово нашего гения — Достоевского. Однако мы все его заставили читать.[10] Чтение стало продолжаться, а между тем составили заговор. Я ослабел и хотел было уехать, но меня удержали силой. В этот час времени успели купить богатейший, в 2 аршина в диаметре лавровый венок, и в конце заседания множество дам (более ста) ворвались на эстраду и увенчали меня при всей зале венком: «За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего!».[11] Все плакали, опять энтузиазм. Городской глава Третьяков благодарил меня от имени города Москвы. — Согласись, Аня, что для этого можно было остаться: это залоги будущего, залоги *всего*, если я даже и умру. — Придя домой, получил твое письмо о жеребенке,[12] но ты пишешь так неласково о том, что я засиделся.[13] Через час пойду читать на 2-м литературном празднестве. Прочту «Пророка».[14] Завтра визиты. Послезавтра, 10-го, поеду. 11-го приеду — если что *очень важное* не задержит. Надо поместить статью, но кому — все рвут![15] Ужас. До свидания, моя дорогая, желанная и бесценная, целую твои ножки ‹*4—5 нрзб.*› Обнимаю детей, целую, благословляю. Целую жеребеночка. Всех вас благословляю. Голова не в порядке, руки, ноги дрожат. До свидания, до близкого.

Твой весь навесь Достоевский.

На конверте:

В Старую Руссу
(Новгородской губернии).
Ее высокоблагородию
Анне Григорьевне Достоевской.
(В собственном доме.)

873. К. А. ИСЛАВИНУ

10 июня 1880. Москва

Москва
10 июня
Вокзал Ник<олаевской> дороги.

Милостивый государь Константин Николаевич.

Простите, если неправильно пишу Ваше имя и отчество. Мне вчера так послышалось.[1]

Благодарю за своевременную доставку известия.[2]

Покорнейшая и убедительнейшая просьба моя напечатать статью *как можно немедленнее*, и непременно в «Московских ведомостях». (Я думаю в 2-х №-х?) [3]

Поправок от Редакции (то есть в смысле и содержании) убедительнейше прошу не делать.

И наконец, опять повторяю чрезвычайную просьбу мою о присылке мне, по нижеприлагаемому адрессу, корректуры как можно скорее. Корректуру не задержу ни мгновения.[4]

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Покорный слуга Ваш

Ф. Достоевский.

Старая Русса, Новгородской губернии,
Ф. М. Достоевскому, в собственном доме.

874. К. А. ИСЛАВИНУ

12 июня 1880. Старая Русса

Старая Русса.
12 июня/80, четверг.

Милостивый государь Константин А<лександрови>ч.

Извините, что опять не умею написать Ваше имя-отчество, запамятовав, как Вы себя назвали, карточки же Вы своей мне не передали.[1] Вчера послал ответ на Вашу телеграмму в 11-м часу.[2] Не знаю, когда дошло к Вам и успело ли дойти во-время. На мнение же Михаила Никифоровича о том, что надо напечатать *поспешнее*, я тем более согласен, что сам, в дороге еще, пришел к тому же заключению. Главное же я не корректурных неисправностей боюсь (тем более, если просмотрит сам Михаил Никифорович, как Вы уведомляете), а того боюсь, что многие шероховатости, лишние слова, и даже две-три лишние фразы, которые я сам выпустил в чтении, останутся неисправленными. Как я ни исправлял статью, сидя дома, но, когда стал читать, то увидел, что 2—3 фразы оказались лишь ненужными повторениями уже сказанного прежде. Шероховатости же есть большие, на-

пример, в одном месте, в течение каких-нибудь шести строк, раза три или четыре употреблено слово «*несомненно*», которое легко могло быть заменено другим словом. Так что в результате я не того опасаюсь, что будут перемены (о чем Вы и успокоиваете меня в телеграмме, что «изменений не будет»), а того, что их *не* будет. Во всяком случае, *большая* просьба моя сохранить листки рукописи, хотя бы их и разрезали надвое наборщики типографии, и немедленно по напечатании выслать их мне сюда, в Старую Руссу.[3] Очень, очень об этом прошу Вас и жду от Вас, многоуважаемый К<онстантин> А<лександрови>ч, Вашего доброго личного участия в этом случае.

Здесь, в Старой Руссе, я все газеты и письма получаю весьма поздно. «Московские же ведомости» особенно, потому что их *сперва* присылают в Петербург и уже из Петербурга они приходят в Старую Руссу. А потому очень тоже прошу выслать мне №, где будет напечатана моя речь, сюда, в Старую Руссу, экстренно, невзирая, что в Петербург тоже пошлется. Ради бога, не забудьте распорядиться, ибо очень может быть, что Ваш № в Старую Руссу всё же раньше придет ко мне, чем из Петербурга.

В одном или в нескольких №-х будет напечатано? [4]

Примите уверение в моем глубоком уважении, а вместе с тем, будьте добры, передайте мой глубочайший поклон Михаилу Никифоровичу, с которым я не успел лично проститься.

Всегдашний слуга Ваш

Ф. Достоевский.

875. С. А. ТОЛСТОЙ

13 июня 1880. Старая Русса

Старая Русса
13 июня 1880 г.

Глубокоуважаемая графиня София Андреевна,

Вчера лишь воротился из Москвы в Старую Руссу и нашел вашу прелестную коллективную телеграмму.[1] Как хорошо с вашей стороны, что вы (все) обо мне вспомнили. Почувствуешь, что имеешь таких добрых друзей, и светло становится на сердце.

О происшествиях со мною в Москве Вы, конечно, узнали из газет. Но *газеты* и *не* могли, даже если б хотели, передать все факты, потому что корреспонденты многому и не могли быть свидетелями. Верите ли, дорогие друзья мои, что в публике, после речи моей, множество людей, плача, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть впредь лучшими*, и это не единичный факт, я слышал множество рассказов от лиц совсем мне незнакомых даже, которые стеснились кругом меня и говорили мне исступленными словами (буквально) о том, какое впечатление произ-

вела на них моя речь. Два седых старика подошли ко мне, и один из них сказал: «Мы двадцать лет были друг другу врагами и двадцать лет делали друг другу зло: после Вашей речи мы теперь, сейчас помирились и пришли Вам это заявить». Это были люди мне незнакомые. Таких заявлений было множество, а я был так потрясен и измучен, что сам был готов упасть в обморок, как тот студент, которого привели ко мне в ту минуту студенты-товарищи и который упал передо мной на пол в обмороке от восторга. Факт, по-видимому, невероятный, но он, однако же, явился в «Современных известиях», газете Гилярова-Платонова, который сам был свидетелем факта.[2] Что же до дам, то не курсистки только, а и все, обступив меня, схватили меня за руки и, крепко держа их, чтобы я не сопротивлялся, принялись целовать мне руки. Все плакали, даже немножко Тургенев. Тургенев и Анненков (последний положительно *враг* мне) [3] кричали мне вслух, в восторге, что речь моя гениальная и пророческая.[4] «Не потому, что Вы похвалили мою Лизу, говорю это», — сказал мне Тургенев.[5] Простите и не смейтесь, дорогие мои, что я в такой подробности всё это передаю и так много о себе говорю, но ведь, клянусь, это не тщеславие, этими мгновениями живешь, да для них и на свет являешься. Сердце полно, как не передать друзьям! Я до сих пор как размозженный.

Не беспокойтесь, скоро услышу: «*смех* толпы холодной».[6] Мне это не простят в разных литературных закоулках и направлениях. Речь моя скоро выйдет (кажется, уже *вышла* вчера, 12-го, в «Московских ведомостях» [7]), и уже начнут те ее критиковать — особенно в Петербурге! По газетным телеграммам вижу, что в изложении моей речи пропущено буквально всё существенное, то есть главные два пункта. 1) Всемирная отзывчивость Пушкина и способность совершенного перевоплощения его в гении чужих наций — способность, не бывавшая еще ни у кого из самых великих всемирных поэтов, и во-2-х, то, что способность эта исходит совершенно из нашего народного духа, а стало быть, *Пушкин* в этом-то и есть наиболее народный поэт.[8] (Как раз накануне моей речи Тургенев даже отнял у Пушкина (в своей публичной речи) значение народного поэта.[9] О такой же великой особенности Пушкина: перевоплощаться в гении чужих наций *совершенно* никто-то не заметил до сих пор, никто-то не указал на это.) [10] Главное же, я, в конце речи, дал формулу, слово примирения для всех наших партий и указал исход к новой эре. Вот это-то все и почувствовали, а корреспонденты газет не поняли или не хотели понять.

Но оставим это: речь моя вышла вчера или сегодня в «Московских ведомостях», (увы, без моей корректуры, наскоро, ужас!), а к 1-му числу июля я издаю «Дневник писателя», то есть единственный № на 1880-й год, в котором и помещу всю мою речь, уже без выпусков и со строгой корректурой.[11] Тогда и пришлю ее Вам, глубокоуважаемая Софья Андреевна, на Вашу строгую и

тонкую критику, которой не боюсь и которую *всегда люблю*, будь она даже мне неблагоприятна.

В Москве сделал несколько знакомств; не знаете ли Вы или не слыхали ли об одной Вере Николаевне Третьяковой. Какая прелестная женщина.[12]

А сколько женщин приходили ко мне в Лоскутную гостиницу (иные не называли себя) с тем только, чтоб, оставшись со мной, припасть и целовать мне руки (это уже после речи). А знаете, я столько наговорил о себе и нахвастался, что стыдно ужасно. Милая, добрая Софья Андреевна, черкните мне Вашим прелестным размашистым почерком хоть одну страничку: ей-богу, утешите. При личном свидании я Вам многое, многое расскажу. Так Юлия Федоровна [13] гостила у Вас. Глубокий ей от меня поклон и всевозможные пожелания, потому что я ее *очень люблю*.

А Владимира Сергеевича пламенно целую. Достал три его фотографии в Москве: в юношестве, в молодости и последнюю в старости; [14] какой он был красавчик в юности.

Приехал и сажусь за «Карамазовых» и буду писать до октября день и ночь. В Эмс не поеду. Примите, глубокоуважаемая графиня, мой глубоко сердечный привет. Слишком, слишком ценю Ваше расположение ко мне и потому Ваш весь навсегда.

‹Ф. Достоевский›.

876. В. Н. ТРЕТЬЯКОВОЙ

13 июня 1880. Старая Русса

Старая Русса
13 июня/80.

Глубокоуважаемая Вера Николаевна,

Простите, что, уезжая из Москвы, не успел лично засвидетельствовать Вам глубочайшее мое уважение и все те отрадные и прекрасные чувства, которые я ощутил в несколько минут нашего коротковременного, но незабвенного для меня, знакомства нашего. Говорю о «прекрасных» чувствах из глубокой к Вам благодарности, ибо Вы заставили меня их ощутить. Встречаясь с иными существами (о, очень редкими) в жизни, сам становишься лучше. Одно из таких существ — Вы, и хоть я мало Вас знаю, но уже *слишком довольно* узнал, чтоб вывести такое заключение.[1] Тогда, 6-го числа, дал слово себе: не уезжать из Москвы, не повидавшись с Вами и не простившись,[2] но все дни, вплоть до 8-го, я был занят день и ночь, а 9-го, в последний день в Москве, у меня явилось вдруг столько неожиданных хлопот по помещению моей статьи, ввиду трех на нее конкурентов, — что буквально ни одной минуты не осталось времени.[3] 10-го же я непременно должен был выехать. Но да послужат перед Вами эти несколько строк свидетельством, как дорожу я знакомством

и добрым участием ко мне такого прекрасного существа, как Вы. Простите за «прекрасное существо». Но такое Вы на меня произвели глубокое, доброе и благородное впечатление.

А теперь примите уверение в самых искренних и теплых чувствах моих к Вам и в самом глубочайшем уважении, которое я когда-либо имел счастье ощущать к кому-нибудь из людей.[4]

P. S. Всегдашний и искренний Ваш почитатель

Ф. Достоевский.

Старая Русса,
Ф<едору> М<ихайлови>чу Достоевскому.

P. S. Простите за помарки в письме. Не умею написать без них. Не сочтите за небрежность.

На конверте:

В Москву.
Его превосходительству
Сергею Михайловичу Третьякову.
Московскому городскому голове.
Для передачи
Вере Николаевне Третьяковой
от Ф. М. Достоевского.

877. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

14 июня 1880. Старая Русса

Старая Русса
14 июня/80.

Милостивый государь Павел Михайлович,

Простите великодушно и меня, что, быв в Москве, не заехал к Вам, воспользовавшись добрым случаем к ближайшему между нами знакомству. Вчера я только что отправил письмо глубокоуважаемой супруге Вашей, чтоб поблагодарить ее за прекрасное впечатление, произведенное на меня ее теплым, симпатичным ко мне участием в день думского обеда. Я объяснил в письме к ней причины, по которым я, несмотря на всё желание, не мог исполнить твердого намерения моего посетить Ваш дом.[1] Прекрасное письмо Ваше ко мне вдвое заставляет меня сожалеть о неудавшемся моем намерении.[2] Будьте уверены, что теплый привет Ваш останется в моем сердце одним из лучших воспоминаний дней, проведенных в Москве, — дней, прекрасных не для одного меня: всеобщий подъем духа, вообще близкое ожидание чего-то лучшего в грядущем, и Пушкин, воздвигшийся как знамя единения, как подтверждение возможности и правды этих лучших ожиданий, — всё это произвело (и еще произведет) на наше тоскующее общество самое благотворное влияние, и брошенное семя

не погибнет, а возрастет.[3] Хорошие люди должны единиться и подавать друг другу руки ввиду близких ожиданий.[4] Крепко жму Вам руку за Ваш привет и горячо благодарю Вас.

Искренно преданный Вам и глубоко Вас уважающий

Федор Достоевский.

На конверте:

В Москву.
Его высокородию
Павлу Михайловичу Третьякову.

878. Ю. Ф. АБАЗА

15 июня 1880. Старая Русса

Старая Русса.
15 июня/80 г.

Милостивая государыня многоуважаемая Юлия Федоровна,

Простите, что почти полгода не отвечал Вам на письмо Ваше.[1] Причиною была единственно трудность ответа, а не лень и не небрежность. Ответ задержал бы меня всего лишь час, а на прочтение повести Вашей[2] я употребил двое суток, отняв их у моих собственных занятий, а бог видит, как я нуждаюсь во времени. Стало быть, не лень была причиною.

Я, однако, решаюсь теперь написать Вам мое суждение, хотя и вперед знаю, как оно будет Вам неприятно. (Вот это-то и задерживало.) Дело в том, что рассказ у Вас веден хорошо и оригинально, хотя слишком уже безыскусственно. А *главное*, что есть мысль — хорошая и глубокая мысль. Но боже, как Вы ее невозможно провели! Мысль эта, что породы людей, получивших первоначальную идею от своих основателей и *подчиняясь* ей исключительно[a] в продолжение нескольких поколений, впоследствии должны необходимо выродиться в нечто особливое от человечества, как от целого, и даже, при лучших условиях, в нечто враждебное человечеству, *как целому*, — мысль эта верна и глубока. Таковы, например, евреи, начиная с Авраама и до наших дней, когда они обратились в жидов. Христос (кроме его остального значения) был поправкою этой идеи, расширив ее в всечеловечность.[3] Но евреи не захотели поправки, остались во всей своей прежней узости и прямолинейности, а потому вместо всечеловечности обратились во врагов человечества, отрицая всех, кроме себя, и действительно теперь остаются носителями антихриста, и, уж конечно, восторжествуют на некоторое время. Это так очевидно, что спорить нельзя: они ломятся, они идут, они же

---

[a] исключительно *вписано над строкой.*

заполонили всю Европу; всё эгоистическое, всё враждебное человечеству, все дурные страсти человечества — за них, как им не восторжествовать на гибель миру!

У Вас та же идея. Но Ваш потомок ужасного и греховного рода изображен *невозможно*. Надо было дать ему страдание лишь нравственное,[б] сознание, кончить, сделав из него кого-нибудь в образе Алексея человека божия или Марии Египетской,[4] победившей кровь свою и род свой страданием неслыханным. А Вы, напротив, выдумываете нечто грубо-физическое, какую-то льдину вместо сердца.

Доктора, лечившие его столько лет, не заметили, что у него нет сердца! Да и как может жить человек без физического органа? Пусть это фантастическая сказка, но ведь фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. (NB. Спиритизм и учения его.) Вот это искусство![5] Там же, где схимник фабрикует[в] сердце из просвирки с вином — до того у Вас грубо, что возбуждает даже смех. (Как писатель я должен, однако, сознаться, что сцена эта смела и не лишена колорита).

Итак, вот Вам мое суждение. Повесть Вашу никто, ни одна редакция *не напечатает* — тем и отвечаю на второй Ваш вопрос. В заключение же вот мой совет: не оставляйте прекрасной (и полезнейшей идеи), разработайте ее снова и переделайте Вашу повесть радикально, всю, с самого начала. Дайте ему страдание духовное, дайте осмысление своего греха, как целого поколения, приставьте, хоть и схимника, но непременно и женщину — и заставьте его сознательно пойти на страдание за всех предков своих, и за всех и вся, чтоб искупить грех людской. Мысль великая, если б только у Вас достало художественности! А то что льдинка-то?

Извините за правду. Но ведь правду эту я считаю правдой, а Вы можете со мною не согласиться. Во всяком случае мне трудно было высказать ее, чтоб Вас не обидеть, и вот почему я отдалял ответ мой к Вам со дня на день.

Рукопись Вашу я давно уже передал тем, которые мне ее доставили.[6]

[б] *Далее было начато*: страдание
[в] *Было*: делает

Не рассердитесь на меня, сохраните Ваши добрые ко мне чувства и примите уверение в самом искреннем моем уважении.

Ф. Достоевский.

Старая Русса Ф. М-чу Достоевскому.

879. Н. А. ИВАНОВОЙ

15 июня 1880. Старая Русса

<...>[a] и как можно скорее. От слов моих я не отступаюсь, но где же в них обидчивая жажда почтительности. И зачем, повторяю это опять, мне Ваша почтительность? Мне хотелось от Вас лишь сердечности, веры, что я не враг Вам, расспрашиваю Вас не праздно и не насмешливо. Не верить в доброе расположение людей (в которых Вы сами же верили) в Ваши лета очень опасно. Ужасная же мнительность и раздражительность ведет лишь к самомнению и самолюбию, — а это уж всего опаснее. Не примите за совет, не обидьтесь, — хотя почему же мне не написать Вам и совета? Ведь считали же Вы меня к Вам искренно расположенным прежде, таким я и останусь к Вам, как бы Вы ни сердились на меня.[1] Слова же мои о Вас у Елены Павловны Вам передали *ошибочно*. Это положительно говорю. Да и зачем бы мне лгать.[2]

Передайте мой сердечный поклон мамаше и напомните обо мне всем Вашим,[3] а я останусь совершенно Вам преданным, как и прежде.

Ваш дядя Федор Достоевский.

Старая Русса, Новгородской губернии,
Федору Михайловичу Достоевскому.

Не знаю, дойдет ли к Вам письмо.

На обратной стороне листа:

Необходимый Post Scriptum.

Милая Ниночка, уже запечатав к Вам письмо, достал и перечел Ваше письмецо ко мне в «Лоскутную», оно мне так понравилось, оно так искренно, так задушевно и так остроумно (например, о причине, по которой Вы едете в деревню),[4] что я распечатал конверт и приписываю Вам эти строки с тем, чтоб отказаться от целой половины того, что настрочил Вам на первых трех страницах. Вы доброе и милое существо, очень умненькое (но будьте еще умнее). Итак, мы друзья по-прежнему? Я очень этому рад. Напишите мне в Старую Руссу непременно: мне хочется знать, дошло ли письмо. Передали же Вам мой отзыв неверно, это повторяю. Всего любопытнее для меня, почему 1-е чте-

[a] *Начало письма не сохранилось.*

ние Вашего письма (еще в Москве) не произвело на меня такого хорошего впечатления, как сейчас, когда я второй раз перечел. Целую Вас и крепко жму Вам руку. Литературы не бросайте, и — поменьше, поменьше самолюбия. Но довольно.[5]

Ваш весь Ф. Д‹остоевский›.

880. К. А. ИСЛАВИНУ

20 июня 1880. Старая Русса

Старая Русса
20 июня/80.

Милостивый государь Константин А‹лександрови›ч.

На телеграмму из редакции, от 11-го числа,[1] я тотчас же отвечал телеграммой.[2] На другой же день, 12 июня, послал на имя Ваше в редакцию «Моск‹овских› вед‹омостей› письмо,[3] в котором убедительнейше просил о следующих пунктах:

1) Немедленно по появлении моей статьи в «Моск‹овских› в‹едомостя›х» выслать мне *сюда, в Старую Руссу*, № газеты с моею статьей, так как «Москов‹ских› вед‹омост›ей» *не получаю*.

и 2) Выслать мне сюда писанные листки моей статьи, тоже немедленно, ибо они нужны мне для отдельного *оттиска* «Дневника писателя», который намеревался издать к 1-му июля.

Ни одна из моих просьб не была уважена. Сегодня 20-е число, и никакого ответа.[4]

Между тем время уходит. Листки надо послать в Петербург. В них есть места, не напечатанные в «Моск‹овских› ведомостях». Вспомните, что это литературная собственность и пропасть она не должна. Одним словом, я Вас уведомлял и просил, и Вы на просьбы мои, повторяю, не обратили никакого внимания. Не могу постичь, чем я заслужил такую[a] небрежность. Во всяком случае, если еще через 4 дня (к 24-му числу) не получу от Вас ни № газеты, ни листков, то издать «Дневник» будет уже поздно, да и невозможно за работами моими в «Русск‹ий› вестник», и Вы мне нанесете значительный ущерб.

А потому еще раз и в последний раз прошу *настоятельно* исполнить мои просьбы: то есть прислать № газеты с моей статьей и листки рукописи, хотя бы рваные и запачканные.

Перебираясь в начале мая из Петербурга в Старую Руссу, я несколько раз заявлял в редакцию «Московск‹их› в‹едомост›ей» о перемене моего адреса (Старая Русса, Новгородской губернии, Ф. М. Достоевскому). Несмотря на заявления (неоднократные), № «Моск‹овских› в‹едомост›ей» продолжают приходить на мой петербургский адресс до сих пор. Если это простейшее дело (то есть перемена адресса в летнее время) столь невозможно к исполне-

---

[a] *Далее было*: сугубую

нию, то прошу лучше совсем прекратить на мое имя высылку газеты. Не могу же я ездить в Петербург читать ее.

Буду ждать ответа.

Позвольте выразить чувство уважения и готовности к услугам.

Ф. Достоевский.

На конверте:

Заказное. В Москву.
В редакцию «*Московских ведомостей*».
Страстной бульвар,
дом Университетской типографии.
Его высокоблагородию
К. А. *Иславину.*
Г-ну секретарю редакции
от Ф. М. Достоевского.

881. М. Н. КАТКОВУ

20 июня 1880. Старая Русса

Старая Русса.
Новгородской губернии.
20 июня/80 г.

Милостивый государь многоуважаемый Михаил Никифорович,

12-го числа июня, на другой день после телеграммы из «Моск‹овских› вед‹омост›ей» по поводу моей статьи,[1] я отправил к г-ну Иславину, секретарю редакции (с которым вел все сношения по напечатанию моей статьи) — письмо,[2] в котором убедительно и настоятельно просил его о следующих 2-пунктах:

1) Немедленно по появлении моей статьи в «Моск‹овских› в‹едомостя›х» выслать мне сюда, в Старую Руссу, № газеты с моей статьей, так как я здесь «Моск‹овских› в‹едомост›ей» *не получаю.*

2) Выслать мне сюда писанные листки моей статьи (рукопись), хотя бы испачканные и разорванные при наборе, ибо они нужны мне для отдельного оттиска «Дневника писателя», который намеревался издать к 1-му июля.

Ни одна из моих просьб не была уважена. Сегодня 20-е число, и никакого ответа.[3]

Между тем время уходит. Листки моя жена хотела свезти в Петербург, чтобы оттиснуть в № «Дневника». В этих листках есть места, не вошедшие в ту часть речи, которая напечатана в «Моск‹овских› в‹едомост›ях». Во всяком случае это ненапечатанное место составляет литературную собственность, которая не должна исчезнуть, тем более что я обстоятельно предупреждал.[4] Наконец, если еще несколько дней не получу просимого, то, по обстоятельствам моим и за работами в «Р‹усский› в‹естни›к»,

издать «Дневник» будет уже поздно, отчего неминуемо потерплю ущерб.

Не могу постичь, чем я заслужил такую небрежность со стороны редакции «Моск‹овских› вед‹омост›ей». Будьте уверены, многоуважаемый Михаил Никифорович, что я слишком чувствительно огорчен этим.

Цель письма моего — покорнейшая к Вам просьба изречь Ваше слово в мою пользу. Может быть, просьбы мои будут тогда скорее уважены.

Примите, многоуважаемый Михаил Никифорович, глубочайшее уверение в моем неизменном к Вам уважении и таковой же преданности.

Покорный слуга Ваш

Ф. Достоевский.

P. S. Перебравшись в мае из Петербурга в Старую Руссу, я несколько раз просил редак‹цию› «Москов‹ских› ведомостей» присылать мне газету на новый летний адрес в Старую Руссу. Но до сих пор, несмотря на все просьбы и заявления, «Московские ведомости» продолжают приходить на прежний мой петербургский адрес, так что здесь я их совсем не вижу и не читаю.

На конверте:

Заказное. В Москву.
В редакцию «Московских ведомостей»,
Страстной бульвар,
дом Университетской типографии.
Его высокородию
Михаилу Никифоровичу Каткову
от Ф. М. Достоевского.

882. Н. А. ЛЮБИМОВУ

6 июля 1880. Старая Русса

Старая Русса.
6-го июля/80.

Милостивый государь многоуважаемый Николай Алексеевич,

Вместе с этим письмом отправляю (от 6-го же) в редакцию «Р‹усского› вестника» и «Карамазовых». Будет три печатных листа. Продолжение этой (одиннадцатой) книги не замедлю выслать своевременно для августовской книжки.[1] Затем на сентябрьскую книжку последует, и уже без всякого перерыва, последняя, 12-я книга «Карамазовых» («Суд»), чем и заключится 4-я часть романа (и последняя). Затем на октябрьскую книгу последует (и *непременно* тоже без перерыва) коротенький «Эпи-

лог» романа ($1^1/_2$ или 2 печат‹ных› листа, не более), чем и заключится весь роман.[2]

В этой части (которую высылаю), надеюсь, ничего не найдете *неудобного* для «Р‹усского› вестника».

Работаю довольно легко, ибо всё уже давно записано и приходится лишь восстановлять. Задержан немного изданием «Дневника» (единственного № на 1880-й год, выйдет в конце июля), в котором воспроизведу мою «Речь» в Общ‹естве› люб‹ителей› р‹оссийской› словесности, с предисловием довольно длинным и, кажется, с послесловием, в котором хочу ответить несколько слов моим милым критикам.[3] Не думаю, чтоб задержало меня более 5 дней.

Следующий, августовский № «Карамазовых» вышлю, я думаю, тоже не позже 10-го будущего (августа) месяца.

Гуляете ли Вы в Вашем Люблино, пользуетесь ли летом? Как жалею, что не мог всё время бытности в Москве воспользоваться Вашим милым приглашением побывать на Вашей даче. Но Вы знаете, как я был занят, в последнюю неделю так приходилось даже почти не спать по ночам. Погода у нас здесь восхитительная, то ли у Вас. Свидетельствую мое глубочайшее уважение Вашей супруге. Убедительнейше прошу передать от меня глубокий и задушевный поклон Михаилу Никифоровичу.[4]

Буду ждать с нетерпением корректур. Правда, сюда в Старую Руссу почта приходит из Москвы днем позже, чем в Петербург. Но я не задержу ни на секунду. Адресс мой:

Старая Русса, Новгородской губернии. Ф. М-чу Достоевскому.

За границу я не поеду и до $^1/_2$ сентября всё буду жить здесь, в Старой Руссе.

Примите уверение в искреннейшем и глубоком моем уважении.

Вам неизменно преданный

Ф. Достоевский.

883. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР

17 июля 1880. Старая Русса

Старая Русса.
17 июля/80.

Глубокоуважаемая Елена Андреевна,

Нуждаюсь во всем Вашем человеколюбии и разумном снисхождении к людям, чтоб простить меня за то, что так промедлил ответом на прекрасное и приветливое Ваше ко мне письмецо от 19 июня. Но вникните, однако же, в факты, и может быть, найдете в себе силу даже и ко мне быть снисходительной. 11-го июня я возвратился из Москвы в Руссу ужасно усталый, но тотчас же сел за «Карамазовых» и залпом написал три листа.

Затем, отправив, принялся перечитывать всё, написанное обо мне и о моей московской Речи в газетах (чего до тех пор и не читал, занятый работой), и решил отвечать Градовскому, то есть не столько Градовскому, сколько написать весь *наш* profession de foi * на всю Россию.[1] Ибо знаменательный и прекрасный, *совсем новый* момент в жизни нашего общества, проявившийся в Москве на празднике Пушкина, был злонамеренно затерт и искажен. В прессе нашей, особенно петербургской, буквально испугались чего-то *совсем нового*, ни на что прежнее не похожего, объявившегося в Москве: значит, не хочет общество одного подхихикивания над Россией и одного оплевания ее, как доселе, значит, настойчиво захотело иного. Надо это затереть, уничтожить, осмеять, исказить и всех разуверить: ничего-де такого нового не было, а было лишь благодушие сердец после московских обедов.[2] Слишком-де уже много кушали. Я еще в Москве решил, напечатав мою речь в «Моск‹овских› ведомостях», сейчас же издать в Петербурге один № «Дневника писателя», — единственный номер на этот год, а в нем напечатать мою речь и *некоторое* к ней предисловие, пришедшее мне в голову буквально в ту минуту на эстраде, сейчас после моей речи, когда вместе с Аксаковым и всеми Тургенев и Анненков тоже бросились лобызать меня и, пожимая мне руки, настойчиво говорили мне, что я написал вещь *гениальную!* Увы, так ли они теперь думают о ней! [3] И вот мысль о том, как они подумают о ней сейчас, как опомнились бы от восторга, и составляет тему моего предисловия. Это предисловие и речь я отправил в Петербург в типографию и уж и корректуру получил, как вдруг и решил написать и еще новую главу в «Дневник» profession de foi, с обращением к Градовскому. Вышло два печатных листа, написал — всю душу положил и сегодня, всего только сегодня, отослал ее в Москву,[a] в типографию. Вчера был день рождения моего Феди,[4] пришли гости, а я сидел в стороне и кончал работу! А потому будьте же снисходительны ко мне и Вы, Елена Андреевна, и не сердитесь за то, что замедлил ответом. Я Вас люблю, и Вы это знаете.

Впечатлений моих в Москве и проч. не могу пересказывать на письме, теперешнего настроения почти тоже. Весь в работе, в каторжной работе. К сентябрю хочу и решил окончить всю последнюю, четвертую часть «Карамазовых», так что, воротясь осенью в Петербург, буду, относительно говоря, некоторое время свободен и буду приготовляться к «Дневнику», который, кажется уж наверно, возобновлю в будущем 1881 году.[5] — Вы на даче? Откудова же к Вам доходят вести из Москвы? [6] Не знаю, как Вам передавал Гаевский, но дело с Катковым не так было.[7] Каткова оскорбило Общество люб‹ителей› р‹оссийской› словесности, устраивавши праздник, отобрав у него назад посланный ему

* исповедание веры (*франц.*).
[a] *В тексте ошибочно вместо*: в Петербург

билет;[8] а говорил речь Катков на думском обеде, как представитель Думы и по просьбе Думы.[9] Тургенев же *совсем* не мог бояться оскорблений от Каткова и делать вид, что боится, а напротив, Катков мог опасаться какой-нибудь гадости себе. У Тургенева же была подготовлена (Ковалевским и Университетом) такая колоссальная партия, что ему нечего было опасаться. Оскорбил же Тургенев Каткова первый. После того как Катков произнес речь и когда такие люди как Ив‹ан› Аксаков подошли к нему чокаться (даже враги его чокались), Катков протянул *сам* свой бокал Тургеневу, чтобы чокнуться с ним, а Тургенев отвел свою руку и не чокнулся. Так рассказывал мне *сам Тургенев*.[10]

Вы пишете, чтоб я прислал Вам мою речь. Но я не имею у себя экземпляра, а единственный экземпляр, который имел, в типографии, где печатается «Дневник». «Дневник» выйдет около 5-го августа, обратите на него внимание и сообщите Андрею[a] Андреевичу — дорогому моему сотруднику.[11] Мне хочется знать его мнение. Передайте мой задушевный поклон Марье Федоровне, Ольге Андреевне и Софье Ивановне,[12] напомните обо мне и всем Вашим. Об осени ничего не говорю. Будьте только здоровы, набирайте здоровья к зиме. Жена Вам и всем Вашим задушевно кланяется.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Напишите мне, пожалуста, еще.

---

[a] *Описка. Нужно:* Адриану

884. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

18 июля 1880. Старая Русса

Любезнейший и уважаемый Виктор Феофилович!

Я нисколько *не сержусь*, как Вы думаете, и никогда не сердился.[1] Напротив, несколько раз укорял себя в свое время, что не соберусь написать Вам, но в Петербурге я был до того занят всё время, что и мысли не могло быть кому-нибудь отвечать. Всё *отложил* до Старой Руссы, а главное, до поездки в Эмс. Но из Старой Руссы тотчас же (20 мая) отправился в Москву на праздник Пушкина, и вдруг последовала кончина императрицы. Затем праздник всё откладывали и откладывали, и так шло до 6-го июня,[2] а в Москве мне не давали даже выспаться — так я беспрерывно был занят и окружен новыми лицами! Затем последовали праздники, и затем, буквально измученный, воротился в Старую Руссу. Здесь тотчас же засел за «Карамазовых», написал три листа, отослал[3] и затем тотчас же, не отдохнув, написал один № «Дневника писателя» (в который войдет моя речь), чтоб издать его отдельно как *единственный* № в этом году. В нем и ответы критикам, преимущественно Градовскому.[4] Дело

уже идет не о самолюбии, а об идее. Новый, неожиданный момент, проявившийся в нашем обществе на празднике Пушкина (и после моей речи), они бросились *заплевывать* и затирать, испугавшись нового настроения в обществе, в высшей степени ретроградного по их понятиям. Надо было восстановить дело, и я написал статью до того ожесточенную, до того разрывающую с ними все связи, что они теперь меня проклянут на семи соборах. Таким образом, в месяц по возвращении из Москвы я написал буквально шесть листов печати. Теперь разломан и почти болен. Заметьте еще себе, что в последнее время я уже и сомневался писать Вам — не зная, где Вы и что с Вами. Так как «Гражданин» не выходит, то полагал, что Вы где-нибудь даже и не в Берлине. Но вот Вы теперь написали и не удостоили даже сообщить о себе ни словечка! Если Вы оставили «Гражданин», то где Вы *теперь* и чем занимаетесь, к чему приступили. Ваша сдержанность показывает, напротив, Ваше ко мне нерасположение.[5]

В Эмс я не поеду, некогда, да и надо кончать «Карамазовых». Завтра опять примусь за работу. — «Дневник», кажется, наверно возобновлю в будущем году. А №, который издам в этом году, уже печатается в Петербурге.[6] До свиданья, с прежними чувствами к Вам.

Ваш Ф. Достоевский.

Старая Русса
18 июля/80.

885. В. Д. ШЕРУ

18 июля 1880. Старая Русса

18 июля 1880.

Милостивый государь Владимир Дмитриевич!

На днях мы получили от Александра Андреевича[1] копию с Вашего письма к нему от 6-го июля этого года,[2] в котором Вы сообщали ему о неудаче ввода во владение и о продаже Вами около 60 десят‹ин› Пехорки.[3] Насчет данной мы решили переговорить в Петербурге с адвокатом[4] и поручить ему выхлопотать новую данную. Что же касается до продажи Пехорки, то нас очень удивило Ваше решение продавать ее по частям. Если мы и согласились продать нашу часть, как было условлено, то есть 200 дес‹ятин› Пехорки, то лишь весь лес: продавать же по десятинам мы ни в каком случае не можем согласиться.[5] И как жаль, что Вы уплатили лишь тысячу рублей повинностей, следовало уплатить всю недоимку, иначе через полгода имение опять будет назначено к продаже. Свою часть недоимки мы можем вносить от себя, не продавая леса. Но мы Вас покорнейше просим *не продавать* из Пехорки, да и вообще из имения ничего по частям; против продажи по частям мы решительно протестуем.

Мы могли бы предложить Вам следующую меру: заключить с нами по возможности теперь же от лица всех наследников Куманиной,[6] нотариальным порядком, условие (или договор, или как там признано будет назвать эту бумагу). Договор этот будет заключаться в следующем: все сонаследники Куманиной, по добровольному соглашению со мною, Фед‹ором› Достоевским, соглашаются уступить мне как следуемую мне долю наследства четыреста дес‹ятин› Ширяева Бора, причем в бумаге будет упомянуто и разъяснено в точности, что это[а] лишь обещание теперь, но от которого они *обязуются* уже не отказаться тогда, когда впоследствии, по получении данной, уже можно будет приступить к общему формальному и законному[б] введению во владение и к разделу. Получив теперь[в] это условие в виде обязательства на будущее от всех сонаследников, я, с своей стороны, обязуюсь вносить $^{1}/_{12}$ часть следуемых с имения повинностей, сонаследники же, с своей стороны, уже обязуются не рубить, не продавать и вообще не трогать ту часть Ширяева Бора, которую Вы заблагорассудите отдать на нашу долю.[7] В таком случае я мог бы предоставить Вам распоряжаться как Вам угодно и в остальных частях имения (кроме заводской стороны)[г] в Пехорке и пр‹очее›, то есть продавать ее по частям или как Вы усмотрите лучше. Наконец, если бы возникло затруднение: какую именно часть Ширяева Бора нам теперь предназначить (разумеется, только в обещании на будущее, но *с тем, чтоб в будущем не препятствовать*), то мы могли бы на свой счет пригласить землемера и, с Вашего согласия и указания, произвести, так сказать, предварительный пробный раздел (то есть обозначить, от какой границы до какой будет нам принадлежать в будущем наша часть имения[д]), разумеется, со всеми выгодами в Вашу пользу, какие пожелаете теперь же выговорить. Я же, с своей стороны, обещаю до последней возможной степени быть при этом пробном отмежевании[е] сговорчивым, только б Вы для меня это сделали. Если[ж] предложение мое не покажется Вам невозможностью или абсурдом, то всё это дело могло бы быть улажено еще нынешнею осенью и бумага написана. Если же[з] этот проект соглашения между мною и сонаследниками состояться не может, то, я повторяю это, на продажу Пехорки не согласен и протестую.[8]

С истинным уважением имею честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою

Ф. Достоевский.

а это *вписано рукой Достоевского.*
б и законному *вписано рукой Достоевского.*
в теперь *вписано рукой Достоевского.*
г (кроме заводской стороны) *вписано рукой Достоевского.*
д наша часть имения *вписано рукой Достоевского.*
е при ∾ отмежевании *вписано рукой Достоевского.*
ж *Далее было*: Вы
з *Было*: соглашен‹ие›

Адресс мой: Старая Русса, Новгородской губернии, Федору Михаіловичу Достоевскому.

P. S. Убедительнейше прошу извинить меня за помарки в письме и не считать за небрежность.

Ф. Достоевский.[и]

[и] С истинным уважением ∾ Ф. Достоевский. *рукою Достоевского.*

886. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

25 июля 1880. Старая Русса

Старая Русса.
25 июля/80.

Любезнейший и глубокоуважаемый Константин Петрович,

Весьма обрадовали меня Вашим письмецом, а обещанием не забывать меня и впредь — еще больше. — В Эмс я окончательно решил *не* ехать: слишком много работы.[1] За весенней сумятицей запустил «Карамазовых» и теперь положил их кончить еще до отъезда из Старой Руссы, а потому и сижу за ними день и ночь. — Теперь к Вашему поручению:

Батюшка Румянцев есть мой давний и истинный друг, достойнейший из достойнейших священников, каких только я когда-нибудь знал. Это в его доме квартирует Ваш отец Алексей Надеждин.[2] В доме Румянцева нанимает на летний сезон квартиру семейство одного петербургского г. Рота, лугского помещика и владетеля нескольких петербургских домов, теперь, однако же, разорившегося. Отец Алексей в дружестве с Ротами и живет, хотя отдельно, вверху в мезонине, но, кажется мне, просто пока *приживает* у Ротов. Дает, впрочем, многочисленным детям Рота уроки. Я видел его и прежде раз у батюшки Румянцева, но мельком. Получив же Ваше письмо, тотчас же, в 5 часов вечера, отправился к Румянцеву (от меня очень недалеко) и сообщил ему в секрете про Ваше поручение, обязав его, чтоб он ни слова не говорил отцу Алексею. Румянцев с отцом Алексеем хоть и знакомы (живут в одном доме), но не очень. Но моему желанию Румянцев тотчас пригласил к себе отца Алексея, гулявшего в саду, выпить чаю, который уже стоял на столе. Отец Алексей хоть и отнекивался, но наконец пришел, и я провел с ним целый час, ничего ему о Вашем поручении не объявляя. Вот мое наблюдение и заключение:

Сорок семь лет, лыс, черноволос, мало седины. Лицо довольно благообразное, но геморроидальное. Сложения, по-видимому, от природы крепкого. Но решительно болен. Выходит из священства по совершенной невозможности служить от нездоровья. Это уже дело невозвратимое, и сам он *ни за что не согласится* оставаться священником, так сам заявлял несколько раз в разговоре. Бо-

лезнь его странная, но, по счастью, мне известная, ибо сам я болен был этою же самою болезнию в 47-м, 48-м и 49-м годах. Имею тоже одного брата (еще живущего), точь-в-точь этою же болезнию больного. Главное основание ее — сильнейшее брюшное полнокровие. Но в иных характерах припадки этой болезни доходят до расстройства нравственного, душевного. Человек заражается беспредельною мнительностью и под конец воображает себя больным уже всеми болезнями и беспрерывно лечится у докторов и сам себя лечит. Главная причина та, что геморрой в этой степени влияет на нервы и расстраивает их уже до психических припадков. Отец Алексей убежден уже несколько лет, что от геморроя произошло в нем малокровие мозговое, анемия мозга. Прошлый год согласился отслужить Светло-Христовскую заутреню,[3] рассказывает он, и так ослабел, что отнялись ноги и не мог стоять. Служил тоже раз всенощную и не докончил. С тех пор перестал служить. «Если б, кажется, мне сказали теперь, что завтра мне надо служить, то я всю ночь бы не спал и дрожал и наверно бы и в церковь не дошел, а упал бы в обморок». (Видна по крайней мере большая совестливость к службе и к совершению таинства.) Прежде он был домашним священником у Воейкова, потом смотрителем в каком-то богоугодном заведении Невской лавры, давал много уроков, по 8 часов в неделю. «Кончишь неделю, наступит воскресенье, лежу у себя дома на диване весь день и читаю книгу — великое наслаждение!». — Теперь всё время проводит в лечении, здесь пьет какую-то для него составленную воду, о болезнях своих говорить любит много и с увлечением. Не знаю, так ли он экспансивен и на другие темы, ибо других тем у него, очевидно, теперь и нет: всё сейчас сведет на разговор о болезни своей. Простодушен и не хитер, хотя вряд ли с большой потребностью духовной общительности. Несмотря на простодушие, несколько мнителен, уже не по отношению только к болезням. Кажется, совершенно честный человек. Вид порядочности несомненный. Убеждений истинных, далеко не лютеранин, смотрит на православных русских нашего образованного общества весьма правильно. Совестливость есть, но есть ли жар к духовному делу — не знаю. Будущего не столь боится: «один человек не беден», — сказал мне. Несколько обижен, что на просьбу его в вспомоществовании положили дать ему 48 рублей в год или платить за него в больницу, буде ляжет, до излечения. Я пролечил всё, что скопил, говорит он, никого не беспокоил, и вот только 48 рублей. Впрочем, если и осуждает, то без большой злобы. Последняя черта: кажется, довольно комфортолюбив, любит отдельную комнату, хотя бы одну, но только вполне приспособленную. Любит бывать один, любит читать книгу, немного маньяк, но сообщества людей не столь чуждается. Вот всё, что я умел заметить. Посылаю Вам скороспелую не ретушеванную фотографию. Главное же и окончательное наблюдение, что продолжать священствовать *ни за что не захо-*

чет. — Вид его довольно независимый, не пройдошлив, не искателен, не интересан — этого в высшей степени нет. Скорее девиз его: «оставьте меня в покое».

Теперь, чтоб заключить, еще об себе: кроме «Карамазовых», издаю на днях в Петербурге один № «Дневника писателя» — единственный № на этот год. В нем моя речь в Москве, предисловие к ней, уже в Старой Руссе написанное, и наконец, ответ критикам, главное, Градовскому.[4] Но это не ответ критикам, а мое profession de foi на всё будущее. Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами. Думаю, что на меня подымут все камения. Не разъясняю Вам далее, выйдет в самом начале августа 5-го числа или даже раньше, но просил бы Вас очень, глубокоуважаемый друг, не побрезгать прочесть этот «Дневник» и сказать мне Ваше мнение. То, что написано там — для меня роковое. С будущего года намереваюсь «Дневник писателя» возобновить и теперь являюсь тем, каким хочу быть в возобновляемом «Дневнике».[5]

За Вашею драгоценною деятельностью слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанницам читал в «Моск‹овских› ведомостях».[6] Главное, дай Вам бог здоровья. Не надо слишком себя и утомлять. Ведь главное сообщить направление? А направление организуется лишь долголетним воздействием. Слишком помню Ваши слова весной. Благослови Вас бог.

Вас обнимающий и любовно преданный Вам

Федор Достоевский.

P. S. А ведь не знаю Вашего адресса! Адресую прямо г. обер-прокурору св. Синода — авось дойдет.

887. Н. А. ЛЮБИМОВУ

10 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса
10 августа/80 г.

Милостивый государь глубокоуважаемый Николай Алексеевич,

Вместе с этим письмом препроводил в редакцию «Р‹усского› вестника» «Карамазовых» на августовскую книжку: окончание книги одиннадцатой, 72 почтовых полулистка, $3^1/_2$ печатных листа ровно.[1]

Убедительнейше прошу прислать своевременно корректуру. Не задержу ни минуты.

Двенадцатая и последняя книга «Карамазовых» прибудет в редакцию *неуклонно* около 10-го или 12-го будущего (сентября) месяца. Величиной будет тоже в три или в $3^1/_2$ листа, не более.[2]

Затем останется «Эпилог» романа, всего в $1^1/_2$ печатных листа — это уже на октябрьскую книгу.

Теперь о высылаемом.

6-ю, 7-ю и 8-ю главы [3] считаю сам удавшимися. Но не знаю, как Вы посмотрите на 9-ю главу,[4] глубокоуважаемый Николай Алексеевич. Назовете, может быть, слишком характерною! Но, право, я не хотел оригинальничать. Долгом считаю, однако, Вас уведомить, что я давно уже справлялся с мнением докторов (и не одного). Они утверждают, что не только подобные кошмары, но и галлюсинации перед «белой горячкой» возможны. Мой герой, конечно, видит и галлюсинации, но смешивает их с своими кошмарами. Тут не только физическая (болезненная) черта, когда человек начинает временами терять различие между реальным и призрачным (что почти с каждым человеком хоть раз в жизни случалось), но и душевная, совпадающая с характером героя: отрицая реальность призрака, он, когда исчез призрак, стоит за его реальность. *Мучимый безверием, он (бессознательно) желает* [a] *в то же время, чтоб призрак был не фантазия, а нечто в самом деле.*

Впрочем, что я толкую. Прочтя, увидите всё сами, глубокоуважаемый Николай Алексеевич. Но простите моего *Черта*: это только черт, мелкий черт, а не Сатана с «опаленными крыльями».[5] — Не думаю, чтоб глава была и слишком скучна, хотя и длинновата. Не думаю тоже, чтобы хоть что-нибудь могло быть нецензурно, кроме разве двух словечек: «*истерические взвизги херувимов*». Умоляю пропустите так: это ведь *Черт* говорит, он не может говорить иначе. Если же никак нельзя, то вместо *истерические взвизги* — поставьте: *радостные крики*. Но нельзя ли *взвизги*? [6] А то будет очень уж прозаично и не в тон.

Не думаю, чтобы что-нибудь из того, что мелет мой черт, было нецензурно. — Два же рассказа о *исповедальных будочках*, хотя и легкомысленны, но уж вовсе, кажется, не сальны. То ли иногда врет Мефистофель в обеих частях «Фауста»? [7]

Считаю, что в Х-й и последней главе достаточно объяснено душевное состояние Ивана, а стало быть, и кошмар 9-й главы. Медицинское же состояние (повторяю опять) проверял у докторов.[8]

Хоть и сам считаю, что эта 9-я глава *могла бы и не быть*, но писал я ее почему-то *с удовольствием*, и сам отнюдь от нее не отрекаюсь.

Белая горячка поражает моего героя исступленным припадком именно в минуту, когда он дает показание в суде (это уже в двенадцатой будущей книге).

Итак, выразил Вам все мои сомнения, глубокоуважаемый Николай Алексеевич. Буду ждать с чрезвычайнейшим нетерпением корректур.

---

[a] *Было*: желал бы

Как Вы поживаете и всё ли еще на даче? Благословил ли Вас бог погодой? У нас восхитительнейшая, только чтоб не сглазить, а в Петербурге дождь, казалось бы, так близко. Здесь я только здоровею, несмотря на работу.

Буду иметь большое удовольствие прислать Вам мой «Дневник писателя», который выйдет 12-го августа в Петербурге — единственный номер на этот год.[9]

Глубочайший поклон мой Вашей супруге.

Будьте столь добры, передайте мое глубочайшее уважение Михаилу Никифоровичу.

При сем прилагаю расписку в получении тысячи рублей. Премного благодарен за своевременное исполнение просьбы.

Августовскую книжку «Р‹усского› вестника» *умоляю* прислать мне в Старую Руссу. Июльскую получил с благодарностию.

Примите уверение в глубочайшем уважении моем и совершенной преданности.

Ваш всегдашний слуга

Ф. Достоевский.

888. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

11 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса
11 августа/80
полночь.

Милый друг Аня, как-то ты доехала?[1] Хотелось бы получить от тебя поскорее хоть строчку.[2] Как живешь? Где спишь? Где ешь? Что «Дневник»? — Проводив тебя, мы с Федей оставили Любу с Соней, Анфисой и Марьей, все они пошли к батюшке,[3] а мы с Федей на извозчике (узнав от него про гулянье) отправились в городской сад, что па Красном берегу, рядом с дворцовым садом.[4] Там было много народу, спускали шар, и пели военные песельники.[5] Федя очень слушал. Но так как было сыро, то мы рано воротились, зашли за Любой, и затем дети полегли спать. Я ночь всю просидел. Встал в 12 часов. Детки уже ходили отправлять тебе письмо.[6] Ведут они себя очень хорошо. Федя пошел было ловить на берег рыбу, но я, застав его над обрывом, велел ему воротиться, и он тотчас же беспрекословно исполнил. У Лили всё утро сидела Анфиса, потом все пошли к батюшке, а я гулять. Батюшка, видимо, принимает участие и беспрерывно зовет детей к себе, конечно, чтоб меня облегчить. Федя теперь не отстает от Сергуши, у которого объявилось какое-то ружье, из которого можно стрелять горохом. С прогулки зашел за детьми, пообедали вместе, говорили о тебе и «что-то ты там?» — а после обеда дети опять отправились к батюшке. Я опять с прогулки за ними зашел. Дорогою Федя справлялся о тебе: «Папа, когда уехала мама, ведь вчера? Ну так приедет она завтра? Али после-

завтра?» Воротясь домой, напились чаю и полегли, а я сел тебе писать. Вот и все наши происшествия. Одним словом, всё ладно и спокойно, детки ведут себя хорошо и *хотят* вести себя хорошо. Исполняют данное тебе слово. Погода восхитительная. У Феди совсем нет шляпы. Летняя вся разорвалась (Лиля зашивала ее), да и не по сезону, а от фуражки (очень засаленной) оторвался козырек. Хорошо, если б ты привезла ему. В Гостином дворе, близ часовни, в угловом игрушечном магазине были детские офицерские фуражки с кокардочкой по рублю.

Хорошо, кабы ты поскорее воротилась. Должно быть, устанешь. Боюсь, что заболеешь. Выйдет ли «Дневник» завтра? Сегодня в «Нов‹ом› времени» второе объявление о «Дневнике»,[7] и ни слова в газете, хотя бы в хронике. Икни Гончаров, и тотчас закричали бы во всех газетах: наш маститый беллетрист икнул, — а меня, как будто слово дано, игнорируют. Я убежден, что у Пантелеева какая-нибудь задержка.[8] Хоть бы поскорее. А затем воротись и ты, не мешкая долее. Поклонись Марье Николаевне[9] и попроси ее по крайней мере до 25 августа уведомлять почаще о ходе «Дневника». Не надеюсь на хороший ход. Но впоследствии, наверно, разойдется.[10] Ну до свиданья, до скорого. Напишу, может быть, еще раз завтра, на всякий случай.[11] Только бы ничего не случилось с тобой! Много уж ты набрала себе комиссий.[12] К этому письму завтра Лиля[a] приложит и от себя, да Федя что-то хочет нацарапать. Они же и снесут на почту. Теперь спят. Марья спит в комнате, где рукомойник. Гарсон ночует на дворе. До свидания, обнимаю тебя.

Твой Ф. Достоевский.

---

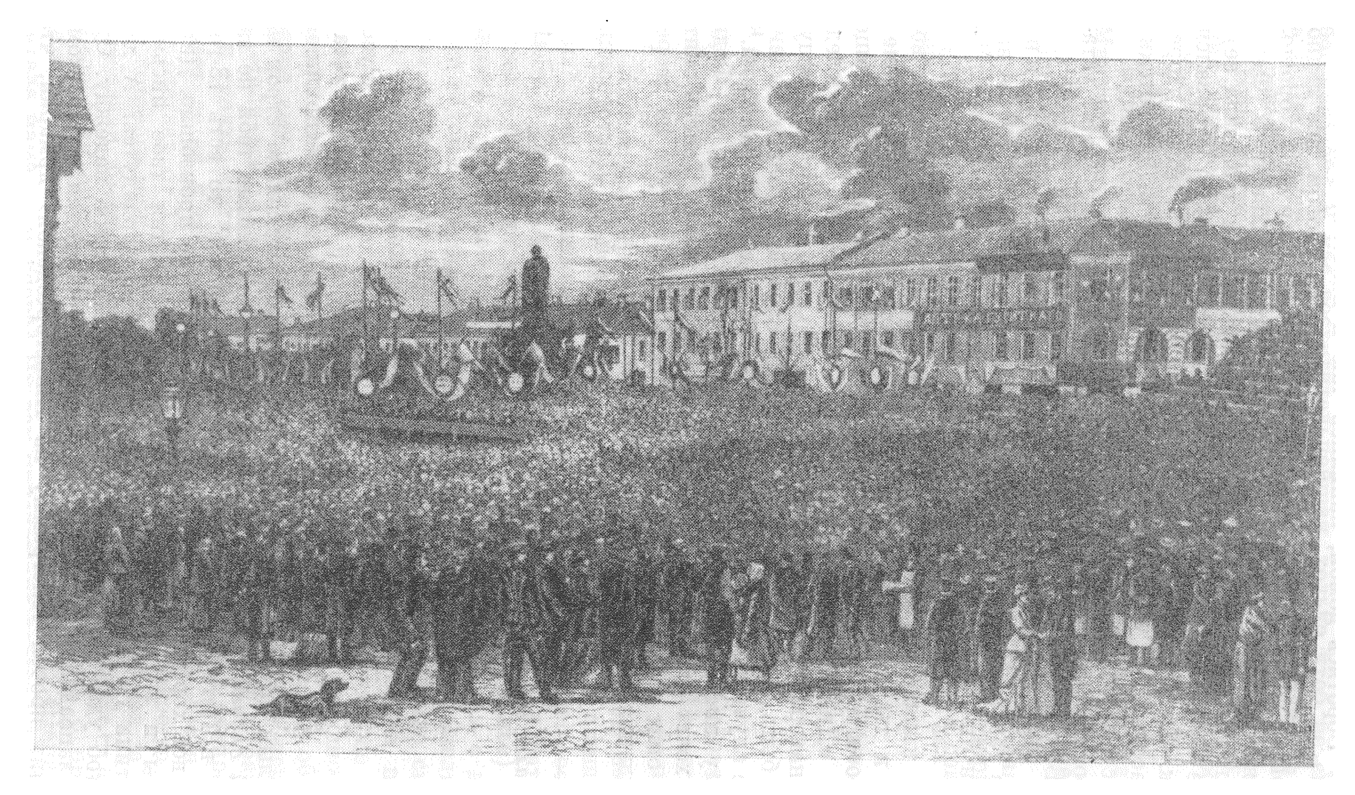
[a] *Далее было*: что

889. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса
12 августа
вторник.

Милый друг мой Аня, пишу тебе только несколько строк *на всякий случай*, хотя твердо надеюсь, что это письмо тебя не застанет в Петербурге и что ты выедешь завтра, то есть 13-го.[1] У нас всё хорошо и ровно ничего особенного не произошло. Дети здоровы и ведут себя хорошо. Получил сегодня твое письмо. Поместила ты много экземпляров, но как-то продадутся? А дай бог, чтоб удалось, хотя я всё более и более теряю надежду. Отчасти запоздали, надо бы месяц назад.[2] — Сегодня в «Нов‹ом› времени» прочел телеграмму из Нижегор‹одской› ярмарки, что там удавился купец Зизерин, в своей пушной лавке, он петер-



Открытие памятника Пушкину. 1880 г.

бургский, Григорий Павлович, приехал па ярмарку.[3] Наши шубы, кажется, храпятся летом у Зизерина (я, впрочем, не знаю).[4] Если у Зизерина, то не у того ли? Конечно, он повесился от плохих дел. В таком случае не лишиться бы нам шуб? Если письмо тебя застанет в Петербурге, то не наведалась ли бы ты к Зизерину?

До свиданья, голубчик, не знаю, получу ли от тебя что-нибудь завтра, а очень бы хотелось. У нас здесь очень скучно. Погода прекрасная, но холодноватая, а но ночам очень холодно. Ты поехала очень налегке. Не простудись.

До свиданья, дети тебя целуют, и я тоже.

Твой Ф. Достоевский.

890. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

16 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса
16-го августа/80.

Глубокоуважаемый и добрейший Константин Петрович.

Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе, прекрасное и ободрившее меня письмо. Именно ободрившее, потому что я, как человек, всегда нуждаюсь в ободрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю. Каждый раз, когда я напишу что-нибудь и пущу в печать, — я как в лихорадке. Не то, чтоб я не верил в то, что сам же написал, но всегда мучит меня вопрос: как это примут, захотят ли понять суть дела, и не вышло бы скорее дурного, чем хорошего, тем, что я *опубликовал* мои заветные убеждения? Тем более, что всегда принужден высказывать иные идеи лишь в основной мысли, всегда весьма нуждающейся в большом развитии и доказательности. И вот мнение таких людей, как Вы — решительно мне поддержка. Значит, не ошибся я во всем, значит, поняли меня те, умом и беспристрастным суждением которых я дорожу, а стало быть, не впустую был и труд.[1]

Я Вам откровенно скажу: вот теперь кончаю «Карамазовых». Эта последняя часть, сам вижу и чувствую, столь оригинальна и не похожа на то, как другие пишут, что решительно не жду одобрения от нашей критики. Публика, читатели — другое дело: они всегда меня поддерживали. Я глубоко был бы Вам благодарен, если б Вы обратили внимание Ваше на то, что будет напечатано в августовской книжке «Р‹усского› вестника» (которая теперь еще только печатается) и потом в сентябрьской, где кончится 4-я и последняя часть «Карамазовых».[2] В этой сентябрьской книге будет *суд*, наши прокуроры и адвокаты — всё это выставлено будет в некотором особенном свете.

«Дневник писателя» решился издавать в будущем году неуклонно. Настоящий «единственный выпуск за этот год» — имел успех несомненный в публике: в три дня раскупилось до 3000 экз. в одном Петербурге, а я напечатал всего 4200 экз. Думаю, что придется выпустить 2-е издание.[3] — Жена передала мне о том, как Вы ее любезно приняли. — Благодарю за присылку «Варшавского дневника»:[4] Леонтьев в конце концов немного *еретик* — заметили Вы это? Впрочем, об этом поговорю с Вами лично, когда в конце сентября перееду в Петербург, в его суждениях есть много любопытного.[5] — Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а *все* от Вашей новой прекрасной деятельности.

Ваш приверженец и почитатель

Ф. Достоевский.

891. М. А. ПОЛИВАНОВОЙ

16 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса
16-е августа 80.

Глубокоуважаемая Марья Александровна,

Простите великодушно, и со всей добротой Вашей, что не ответил Вам тотчас же. Если я когда-нибудь в моей жизни был столь до невозможности завален и притиснут работой, то это именно в это лето. Кроме того, что сижу над окончанием романа, я только что издал в Петербурге объемистый № «Дневника писателя» и писал его именно всё это последнее время с жаром.[1] Это неестественное накопление работы, думаю, отразится и на моем здоровье. Этот выпуск «Дневника» будет Вам выслан завтра же. Прочтите и напишите мне о нем что-нибудь. В мнениях тех людей, которых я уважаю и в ум и сердце которых верю, — я всегда нуждаюсь для духовной поддержки. Вы же мне столько написали хорошего и доброго о впечатлении, произведенном на Вас «Дневником» еще прежним.[2] В ум же и в доброе верное чувство Ваше я не могу не верить, помня наше свидание в Петербурге.[3] В одно это свидание я не только научился Вас ценить и уважать, но и *поверил* Вам, а уж в кого я поверю, то уж раз навсегда. Вы пишете, что хотели бы еще писать ко мне. Напишите непременно. Повторяю, только искренние и прозорливые сердца, как Ваше, способны поддержать человека.

Вы задаете мне, в письме Вашем, очень трудный вопрос на разрешение и который, увы, столь всеобщ.[4] Есть ли человеческое существо в наше время, которое бы не тосковало от подобного вопроса? *Двоиться* человек вечно, конечно, может, но, уж конечно,

будет при этом страдать. Если нет надежды на исход, на добрый всепримиряющий исход, то надо, по возможности не надрывая ничего, найти себе исход в какой-нибудь новой, посторонней деятельности, способной дать пищу духу, утолить его жажду. Думаю, что так всего лучше. К тому же Ваш вопрос слишком общ и вообще задан. Нужно многое знать в частностях и подробностях. А знаете ли, что я сам, например, меньше чем кто другой способен и имею право решать такие вопросы? Это потому, что самое положение мое, как писателя, слишком особливо ввиду таких вопросов. Я имею у себя всегда готовую писательскую деятельность, которой предаюсь с увлечением, в которую полагаю все старания мои, все радости и надежды мои и даю им этой деятельностью исход. Так что предстань мне *лично* такой же вопрос, и я всегда нахожу духовную деятельность, которая разом удаляет меня от тяжелой действительности в другой мир. Имея такой исход при тяжелых вопросах жизни, я конечно как бы подкуплен, ибо обеспечен, и даже могу судить пристрастно, *по себе*. Но каково тем, у которых нет такого исхода, такой *готовой* деятельности, которая всегда их выручает и уносит от тех безвыходных вопросов, которые иногда чрезвычайно мучительно становятся перед сознанием и сердцем и, как бы дразня и томя их, настоятельно требуют разрешения?

До половины сентября я *наверно* в Старой Руссе. Затем перееду в Петербург. Не знаю, удастся ли побывать осенью или в начале зимы в Москве. Даже бы надо уже по делам только. А между тем не знаю. — С января будущего года наверно примусь издавать опять «Дневник писателя».[5]

Крепко жму Вам руку. С искренним и глубоким уважением Вам *вполне* преданный

Ф. Достоевский.

892. Н. Л. ОЗМИДОВУ

18 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса, 18 августа/80.

М‹илостивый› г‹осударь› Николай Лукич!

Я письмо Ваше прочел со всем вниманием,[1] и что же я могу на него ответить? Вы сами, весьма умно, заметили, что в письме всего не упишешь. Я даже думаю, что и ничего нельзя написать удовлетворительно, кроме общих положений. Приезжать же ко мне за советами тоже для Вас совсем бесцельно, потому что вовсе не считаю себя таким компетентным судьей для разрешения Ваших вопросов. Вы говорите, что до сих пор не давали читать Вашей дочери что-нибудь литературное, боясь развить фантазию. Мне вот кажется, что это не совсем правильно: фантазия

есть природная сила в человеке, тем более во всяком ребенке, у которого она, с самых малых лет, преимущественно перед всеми другими способностями, развита и требует утоления. Не давая ей утоления, или умертвишь ее, или обратно — дашь ей развиться именно чрезмерно (что и вредно) своими собственными уже силами. Такая же натуга лишь истощит духовную сторону ребенка преждевременно.[2] Впечатления же *прекрасного* именно необходимы в детстве. 10-ти лет от роду я видел в Москве представление «Разбойников» Шиллера с Мочаловым, и, уверяю Вас, это сильнейшее впечатление, которое я вынес тогда, подействовало на мою духовную сторону очень плодотворно.[3] 12-ти лет я в деревне, во время вакаций, прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими. Советую и Вам дать Вашей дочери теперь Вальтер-Скотта, тем более, что он забыт у нас, русских, совсем, и потом, когда уже будет жить самостоятельно, она уже и не найдет ни возможности, ни потребности сама познакомиться с этим великим писателем;[4] итак, ловите время познакомить ее с ним, пока она еще в родительском доме, Вальтер-Скотт же имеет высокое воспитательное значение. Диккенса пусть прочтет всего без исключения.[5] Познакомьте ее с литературой прошлых столетий (Дон-Кихот[6] и даже Жиль-Блаз[7]). Лучше всего начать со стихов. Пушкина она должна прочесть всего — и стихи и прозу. Гоголя тоже. Тургенев, Гончаров, если хотите; мои сочинения, не думаю чтобы все пригодились ей. Хорошо прочесть всю историю Шлоссера[8] и русскую Соловьева.[9] Хорошо не обойти Карамзина.[10] Костомарова пока не давайте.[11] Завоевание Перу, Мексики Прескотта[12] необходимы. Вообще исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение. Лев Толстой должен быть весь прочтен. Шекспир, Шиллер, Гете — все есть и в русских, очень хороших переводах. Ну, вот этого пока довольно. Сами увидите, что впоследствии, с годами, можно бы еще прибавить! Газетную литературу надо бы, по возможности, устранить, теперь по крайней мере. Не знаю, останетесь ли Вы довольны моими советами. Написал я Вам по соображению и по *опыту*.[13] Если угожу — буду очень рад. Личное свидание считаю пока совсем ненужным, тем более, что я именно в эту минуту слишком занят. Да и повторяю опять: вовсе не считаю себя в этих вопросах особенно компетентным. Номер «Дневника» Вам выслан. Он стоит с пересылкою лишь 35; — 65 коп. считаю за мной.

Истинно Вам преданный

Ф. Достоевский.

893. О. Ф. МИЛЛЕРУ

26 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса, 26 августа/80.

Глубокоуважаемый Орест Федорович!

К 8 сентября в Петербург никакой возможности вернуться! К сожалению большому, конечно.[1] Я здесь как в каторжной работе и, несмотря на постоянно прекрасные дни, которыми надо бы пользоваться, сижу день и ночь за работой — кончаю «Карамазовых». Кончу только к самому концу сентября и тогда возвращусь. 8 сентября именно буду усиленно занят отправкой написанного в «Русский вестник». Вообще я здесь заработался.[2] Какая прекрасная мысль — особое торжественное заседание нашего общества на память 500-летия Куликовской битвы. Спасибо К<онстантину> Н<иколаевичу> за будущую статью.[3] Это именно надо теперь. Надо возрождать впечатление великих событий в нашем интеллигентном обществе, забывшем и оплевавшем нашу историю. Жду непременно, что скажете Ваше слово и Вы. Как бы хорошо было упомянуть, хоть вскользь, об «ушедшем спать» великом князе (вероятно, от трусости), когда другие бились. Нужно высоко восстановить этот прекрасный образ и затереть бездну мерзких идей, пущенных в ход об нашей истории за последние 25 лет.[4] Как я сожалел, быв в Москве, что Вас не было; Вы бы превосходно сумели послужить доброму делу Вашим горячим и энергическим словом! За мое же слово в Москве видите, как мне досталось от нашей прессы почти сплошь:[5] точно я совершил воровство-мошенничество или подлог в каком-нибудь банке. Даже Юханцев не был облит такими помоями, как я.[6] Во всяком случае к 8 сентября мне нет ни малейшей возможности прибыть, несмотря на всё мое чрезвычайное желание. — А<нна> Гр<игорьевна> Вам от души кланяется. От Аксакова я только что получил превосходное, удивительное письмо в ответ на мой «Дневник».[7] Но и Ваше письмо как бы интересно было прочесть.

Ваш преданный от всего сердца

Ф. Достоевский.

894. И. С. АКСАКОВУ

28 августа 1880. Старая Русса

Старая Русса.
28 августа/80.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Сергеевич, я и на первое письмо Ваше хотел отвечать немедленно, а получив теперь и второе, для меня *драгоценное* письмо Ваше, вижу, что надо говорить много и обстоятельно. Никогда еще в моей жизни я не встречал критика

столь искреннего и столь полного участием к моей деятельности, как теперь Вы. Я даже забыл и думать, что есть и что могут быть такие критики.[1] Это не значит, что я с Вами во всем согласен *безусловно*, но вот какой, однако же, факт: это то, что я сам нахожусь, во многом, в больших сомнениях, хотя и имел 2 года опыта в издании «Дневника». Именно о том: как говорить, каким тоном говорить и о чем вовсе не говорить? Ваше письмо застало меня в самой глубине этих сомнений, ибо я серьезно принял намерение продолжать «Дневник» в будущем году, а потому волнуюсь и молю кого следует, чтоб послал сил и, главное — умения.[2] Вот почему обрадовался ужасно, что имею Вас, — ибо вижу теперь, что Вам могу изложить хоть часть сомнений, а Вы всегда мне скажете глубоко-искреннее и прозорливое слово. Я уж это вижу, из двух Ваших писем понимаю. Но вот моя беда: написать придется к Вам немало, а я теперь не свободен и писать не способен. Вы не поверите, до какой степени я занят, день и ночь, как в каторжной работе! Именно — кончаю «Карамазовых», следственно, подвожу итог произведению, которым я, по крайней мере, дорожу, ибо много в нем легло меня и моего. Я же и вообще-то работаю нервно, с мукой и заботой. Когда я усиленно работаю — то болен даже физически. Теперь же подводится итог тому, что 3 года обдумывалось, составлялось, записывалось. Надо сделать хорошо, то есть по крайней мере сколько я в состоянии. Я работы из-за денег на почтовых — не понимаю. Но пришло время, что всё-таки надо кончить, и кончить не оттягивая. Верите ли, несмотря что уже три года записывалось — иную главу напишу да и забракую, вновь напишу и вновь напишу. Только вдохновенные места и выходят зараз, залпом, а остальное всё претяжелая работа. Вот почему теперь, сейчас, несмотря на *жгучее* желание, не могу написать Вам: дух во мне не тот, да и разбивать себя не хочу.[3] Напишу же Вам около 10-го будущего месяца (сентября), когда освобожусь. Да и обдумаю пока, потому что вопросы-то трудные и надо их ясно изложить.[a] А потому на меня не сердитесь, не примите за равнодушие: если б Вы знали, как Вы, в таком случае, ошибетесь! А пока обнимаю Вас искренно и благодарю душевно. Мне Вы нужны, и я Вас не могу не любить.

Ваш искренний Ф. Достоевский.

---

[a] *Было*: представить

895. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

28 августа 1880. Старая Русса

Любезный брат Николай Михайлович, я слишком занят, так, как ты и предположить не можешь, не по силам и здоровью.[1] Об имении более ничего не могу сообщить,[2] кроме того, что по

моей просьбе сообщила тебе Анна Григорьевна.[3] Да и кто может знать что-нибудь про наше имение даже во всей вселенной.

До свидания.

Твой Ф. Достоевский.

896. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 сентября 1880. Старая Русса

Старая Русса.
8 сентября/80 г.

Милостивый государь многоуважаемый Николай Алексеевич,

Как ни старался кончить и прислать Вам всю *двенадцатую* и последнюю книгу «Карамазовых», чтоб напечатать зараз, но увидел наконец, что это мне невозможно. Прервал на таком месте, на котором действительно рассказ может представлять нечто целое (хотя, может быть, и не столь эффектное), да и действие, кстати, у меня на время прерывается. Это «Суд». Не думаю, чтоб я сделал какие-нибудь *технические* ошибки в рассказе: советовался предварительно с двумя прокурорами еще в Петербурге.[1] Остановил рассказ на перерыве пред «Судебными прениями». Остаются речи прокурора и защитника — и тут надобно дело сделать по возможности лучше, тем более, что и адвокат и прокурор представляют у меня отчасти типы нашего современного суда (хотя и ни с кого лично не списанные) с их нравственностью, либерализмом и воззрением на свою задачу. Этими двумя речами я теперь и занимаюсь, и они с «приговором» и закончат двенадцатую и *последнюю* часть романа.[2] Останется «Эпилог» в $1^1/_2$ печатных листа. Но у меня твердое намерение и желание окончить и напечатать окончание 4-й части *вместе с «Эпилогом»*.[3] Это уже будет на октябрьскую книгу «Р<усского> вестника», а покамест на сентябрьскую посылаю лишь часть *двенадцатой* книги (правда, бо́льшую), 5 глав. Будет, без очень малого (без двух-трех страниц), *3 листа.* Ужасно и убедительнейше буду просить Вас прислать мне и теперь, как и в прошлый раз, вовремя корректуру. Я здесь, в Старой Руссе, minimum, до 25-го сентября. — Лето прекраснейшее. Передайте мое глубочайшее уважение Вашей супруге, жена от всего сердца Вам кланяется и желает Вам всего лучшего. Мой глубокий поклон и привет Михаилу Никифоровичу.[4]

Примите, глубокоуважаемый и дорогой Николай Алексеевич, горячее изъявление моей сердечной и искреннейшей преданности.

Ваш всегдашний слуга

Ф. Достоевский.

P. S. Такую статью как «*Против течения*» давным бы давно надо пустить в «Р<усском> вестнике». К тому же у нас всё до

сих пор предания 48 года, Луи Блан, Ламартин.[5] Особенно для молодых умов назидательно.

Старая Русса.
Новгородской губернии.
Ф. М-чу Достоевскому.

897. В. П. ГАЕВСКОМУ

30 сентября 1880. Старая Русса

Старая Русса
30 сентября/80.

Многоуважаемый Виктор Павлович, читать на вечере 19-го октября я готов,[1] но желал бы прочесть монолог Скупого рыцаря (в подвале) [2] и «Медведицу».[3] Иначе буду читать без удовольствия. Читаешь только то хорошо, что умеешь прочесть. — Во всяком случае попросил бы Вас уведомить меня о Вашем распоряжении хоть за неделю до 19-го октября.[4]

Искренно преданный

Ф. Достоевский.

898. П. Е. ГУСЕВОЙ

15 октября 1880. Петербург

Петербург.
Кузнечный переулок,
близ Владимирской церкви,
дом № 5, кв. 10
15 октября/80.

Многоуважаемая Пелагея Егоровна,

Вместо того, чтобы так горько упрекать, Вам бы хоть капельку припомнить, что могут быть случайности и всякие обстоятельства. Я жил всё лето с семейством в Старой Руссе (Минеральные воды), и только 5 дней, как воротился в Петербург. Первое письмо Ваше от июля, адресованное в «Вестник Европы», дошло до меня чрезвычайно поздно, в конце августа. И что же бы я мог сделать, сидя в Старой Руссе, в редакции «Огонька», которой я не знаю и изо всех сил знать не желаю? Вам же не ответил — Вы не поверите почему: потому, что если есть человек в каторжной работе, то это я. Я был в каторге в Сибири 4 года, но там работа и жизнь были сноснее моей теперешней. С 15-го июня по 1-ое октября я написал до 20 печатных листов романа и издал «Дневник писателя» в 3 печат‹ных› листа.[1] И однако, я не могу писать с плеча, я должен писать художественно. Я обязан тем богу, поэзии, успеху написанного и буквально всей читающей России, ждущей окончания моего труда.

А потому сидел и писал буквально дни и ночи. Ни на одно письмо с августа до сегодня — еще не отвечал. Писать письма для меня мучение, а меня заваливают письмами и просьбами. Верите ли, что я не могу и не имею времени прочесть ни одной книги и даже газет. Даже с детьми мне некогда говорить. И не говорю. А здоровье так худо, как Вы и представить не можете. Из катарра дыхательных путей у меня образовалась анфизема — неизлечимая вещь (задыхание, мало воздуху), и дни мои сочтены.[2] От усиленных занятий падучая болезнь моя тоже стала ожесточеннее. Вы, по крайней мере, здоровы, надо же иметь жалость. Если жалуетесь на нездоровье, то не имеете всё-таки смертельной болезни, и дай Вам бог много лет здравствовать, ну, а меня извините.[3]

Второе же письмо Ваше с упреками от сентября[4] я получил лишь на днях в Петербурге. Всё приходило на мою квартиру без пересылки в Ст‹арую› Руссу, вследствие ошибочного моего собственного распоряжения (конечно, по недоумению), и я разом получил десятки писем.

С «Огоньком» я не знаюсь, да и заметьте тоже, что и ни с одной редакцией не знаюсь. Почти все мне враги — не знаю, за что. Мое же положение такое, что я не могу шляться по редакциям: вчера же меня выбранят, а сегодня я туда прихожу говорить с тем, кто меня выбранил. Это для меня буквально невозможно. Однако употреблю все усилия, чтоб достать Вашу рукопись из «Огонька».[5] Но куда ее пристроить? Всякая шушера, которую я приду просить, чтоб напечатали Ваш роман, будет смотреть на меня, как на выпрашивающего страшного одолжения. Да и как я пойду говорить с этими жидами? С другой стороны, ведь эту рукопись надо прочесть предварительно, а у меня буквально нет ни минуты времени для исполнения самых святых и неотложных обязанностей. Я всё запустил, всё бросил, о себе не говорю. Теперь ночь, 6-й час пополуночи, город просыпается, а я еще не ложился. А мне говорят доктора, чтоб я не смел мучить себя работой, спал по ночам и не сидел бы по 10 по 12 часов нагнувшись над письменным столом. Для чего я пишу ночью? А вот только что проснусь в час пополудни, как пойдут звонки за звонками: тот входит одно просит, другой другого, третий требует, четвертый настоятельно требует, чтоб я ему разрешил какой-нибудь неразрешимый «проклятый» вопрос — иначе-де я доведен до того, что застрелюсь. (А я его в первый раз вижу.) Наконец, депутация от студентов, от студенток, от гимназий, от благотвор‹ительных› обществ — читать им на публичном вечере. Да когда же думать, когда работать, когда читать, когда жить.

В редакцию «Огонька» пошлю и буду требовать выдачи рукописи — но прочесть, поместить — этого я и понять не могу, как и когда я сделаю. *Ибо буквально не могу*, не имея времени и *не зная никуда дорог*. Вы думаете, может быть, что я от гордости не хочу ходить? Да помилуйте, как я пойду к Стасюлевичу,

али в «Голос», али в «Молву», али куда бы то ни было, где меня ругают самым недостойнейшим образом. Если я принесу рукопись и потом она не понравится, скажут: Достоевский надул, мы ему поверили как авторитету, надул, чтоб деньги выманить. Напечатают это, разнесут, сплетню выведут — Вы не знаете литературного мира.

Не дивитесь на меня, что я пускаюсь в такие разговоры. Я так устал и у меня мучительное нервное расстройство. Стал бы я с другим или с другой об этом говорить! Знаете ли, что у меня лежит несколько десятков рукописей, присланных по почте неизвестными лицами, чтоб я прочел и поместил их с рекомендацией в журналы: вы, дескать, знакомы со всеми редакциями! Да когда же жить-то, когда же свое дело делать, и прилично ли мне обивать пороги редакций! Если Вам сказали везде, что повесть Ваша растянута, — то конечно, что-нибудь в ней есть неудобное. Решительно не знаю, что сделаю. Если что сделаю — извещу. Когда — не знаю. Если не захотите такой неопределенности, то уполномочьте другого. Но для другой я бы и не двинулся: это для Вас, на память Эмса. Я Вас *слишком* не забыл. Письмо Ваше (первое) *очень читал.* Но не пишите мне в письмах об этом.[6] Крепко, по-дружески, жму Вам руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Буквально вся литература ко мне враждебна, меня любит до увлечения *только* вся читающая Россия.

899. В. М. КАЧЕНОВСКОМУ

16 октября 1880. Петербург

Петербург
16 октября/80.

Многоуважаемый Владимир Михайлович,

Ваше письмо, в котором Вы просили меня о скором ответе,[1] получил я лишь на днях, возвратясь в Петербург. Жил я лето, с семьей моей, в Старой Руссе и готовился воротиться в Петербург еще в половине сентября. Но вследствие разных задержек остался до 10-го октября, а между тем еще месяц назад сделал распоряжение, чтобы письма мне уже в Старую Руссу не высылались, а ждали моего приезда в Петербурге. Таким образом, возвратясь из Руссы, нашел несколько писем, ожидавших меня, в том числе и Ваше.[2] Мне очень жаль, старый товарищ, если[a] Вы подумали, что я отнесся к Вашему письму холодно и невнимательно. И опять-таки нельзя было Вам отвечать сейчас, потому что хотелось по Вашей просьбе что-нибудь устроить, а на всё нужно время. Насчет общества поощрения писателей я ни-

---

[a] *Было*: что

чего не знаю,[3] а потому никакого Вам совета дать не могу. Но я отправился к Виктору Павловичу Гаевскому, который состоит членом Комитета (и даже, кажется, председательствует)[4] в Обществе Литературного фонда. Он мне обещал *непременно* доложить о Вас в Комитете Лит‹ературного› фонда в первое же заседание его и обнадежил меня, что может кончиться успешно, то есть возможностью выдачи[б] временного вспоможения (конечно, не чрезвычайно значительного), а может быть, и некоторой постоянной (то есть ежегодной) помощи или пенсии. Я знаю, что в Литерат‹урном› фонде при определении вспоможений всегда требуется отчетливого обозначения,[в] то есть перечня прежних литературных трудов просящего вспомоществования. Но Гаевский сказал мне, что Вам могут выдать вспомоществование и за литературные и ученые заслуги Вашего отца.[5] Кроме того, принято за правило всегда, прежде[г] определения вспоможения, поручать кому-нибудь из членов Литературного фонда лично удостовериться в болезненном или беспомощном состоянии требующего вспоможения. Так как Фонд имеет множество членов и некоторые из них живут в Москве, то, если будет уважено представление о Вас Гаевского, кому-нибудь из московских членов Общества поручат посетить Вас лично. Когда это может случиться, не могу предсказать, но, вероятно, не позже трех недель от сего числа, а может, и раньше. Весьма бы желательно, если б Лит‹ературный› фонд определил хотя малую, но ежегодную пенсию. Вот всё, что я успел сделать. Если дело будет сразу отвергнуто, то я Вас уведомлю. Если же получит ход, то член Лит‹ературного› фонда непременно посетит Вас. Полагаю, что отвергнуть совсем не могут и хоть единовременное пособие определят.[6]

Вот всё, что я успел сделать. Так ли я поступил, обратясь к Лит‹ературному› фонду?[д] Не обращались ли Вы к нему и прежде? Не знаю, как Вы примете мое распоряжение. Во всяком случае от души желаю Вам здоровья. Да, наших чермаковцев немного, а я всех помню.[7] В жизни встречал потом лишь Ламовского[8] и Толстого. С Шумахерами никогда не пришлось увидеться, равно как и с Мильгаузенами. С Анной Леонтьевной Чермак (Ламовской) встретился с большим удовольствием. Бывая в Москве, мимо дома в Басманной всегда проезжаю с волнением.[9] Я Вас очень помню. Вы были небольшого росту мальчик с прекрасными большими темными глазами. Жаль, что мы не встретились летом.[10] «Подростка» вышлю моей милой читательнице, дочери Вашей,[11] как только разберусь с моим книжным хламом. — Я сам тоже человек весьма нездоровый с двумя неизлечимыми болезнями, которые очень меня удручают и очень мне дорого

б *Далее было начато*: Лит‹ературным фондом?›
в *Было*: изложения при‹чин›
г *Было*: пред
д *Далее было начато*: Мож‹ет›?

стоят: падучей и катарром дыхательных путей (анфиземой)[12] — так что дни мои сам знаю, что сочтены. А между тем беспрерывно должен работать без отдыху.

Жму Вам руку и обнимаю Вас как старого товарища детских лет.

Ваш весь Ф. Достоевский.

С.-Петербург, Кузнечный переулок, дом № 5, кварт<ира> № 10, близ Владимирской церкви. Ф<едору> М<ихайлови>чу Достоевскому.

На всякий случай: Виктор Павлович Гаевский, С.-Петербург, Литейная, дом № 48, его превосходительство.

900. М. А. ПОЛИВАНОВОЙ

18 октября 1880. Петербург

Петербург.
18 октября/80.
Кузнечный переулок,
близ Владимирской церкви,
дом № 5, кв. № 10.

Глубокоуважаемая Марья Александровна,

Я сегодня получил уже третье письмо Ваше, со времени моего Вам ответа,[1] и вот только на третье урвал минуту Вам ответить. Как ни неправдоподобно, а Вы должны собрать всю силу Вашего дружества и мне поверить: не отвечал потому, что было некогда! Вы, конечно, не поверите, но, возвратясь из Москвы в Старую Руссу, я до самого 6-го октября (день выезда из Руссы) всё писал, день и ночь. Знаете ли, что я в этот срок написал более 15 печатных листов, и какой работы: по пяти раз переделывал и переправлял написанное. Не мог же я кончить мой роман кое-как, погубить всю идею и весь замысел. 2-го сентября я выслал в «Русский вестник» вот то, что в нем теперь напечатано,[2] и думал было написать Вам, хотя голова была как в чаду, а нервы надорваны. Но меня разбил жестокий припадок падучей моей болезни и до самого 10-го числа я не мог уже ничем заняться, с 11-го же числа по 30-е я опять сел за работу и написал 5 печатных листов, то есть 80 страниц самых для меня капитальных из всего романа.[3] Какие уж тут письма? Вспомните, Марья Александровна, об моем здоровье и моих нервах: для меня ничего нет ужаснее, как написать письмо. Если я чем занимаюсь, то есть пишу, то я кладу в это всего себя, и после написания письма я уже никогда не в состоянии в тот день приняться за работу. Между тем я пишу самые обыденные, самые недостаточные письма, особенно тем, которым хотелось бы что сказать. Мне всё

кажется, что я и сотой доли не успеваю высказать, и от этого всегда мучусь. С 7-го октября я в Петербурге, и, верите ли: звонок за звонком, кофею не дадут напиться: то приходят от студентов и от гимназий с просьбами читать, то с своими рукописями: прочтите, дескать, и пристройте в какой-нибудь журнал, вы-де со всеми редакциями знакомы, а я ни с одной не знаком, да и не хочу знаться. Верите ли, у меня накопилось до 30 писем — все ждут ответа, а я не могу отвечать. Думаю отдохнуть, развлечься, книгу прочесть — ничуть не бывало. Вот завтра чтение (19-е октября) в пользу Литер‹атурного› фонда, и я *не мог* отказать.[4] Со знакомыми не мог увидеться, ни одного собственного дела не мог исправить. А с 20-го числа, послезавтра, должен сесть работать, чтоб написать заключительный «Эпилог» романа для «Русского вестника». Поймите то, что у меня нет, нет ни одной минуты. А нервы расстроены и угрызения совести: «Что обо мне подумают те, которым я не отвечаю, что скажут». Я Аксакову на самое интересное и *нужное мне* письмо вот уже 2 месяца не могу ответить.[5] Верите ли, что я с детьми даже перестал говорить, гоню их от себя, вечно занятый, вечно расстроенный, и они говорят мне: «Не таков был ты прежде, папа». — И всех-то я обозлил, все-то меня ненавидят. Здесь в литературе и журналах не только ругают меня как собаки (всё за мою Речь, всё за мое направление),[6] но под рукой пускают на меня разные клеветливые и недостойные сплетни. Будьте же человеколюбивы и не сердитесь на меня. Не сердитесь и за то, что я три четверти письма употребил на описание себя и своего положения.

То, что Вы мне открыли, у меня осталось на сердце.[7] Конечно, никакая сделка невозможна, и Вы правильно рассуждаете и чувствуете. Но если он становится другим, то, хотя бы и продолжал быть перед Вами виноватым, Вы должны перемениться к нему — а это можно сделать без всякой сделки. Ведь Вы его любите, а дело это давнее, наболевшее. Если он переменился, то будьте и Вы *дружественнее*. Прогоните от себя всякую мысль, что Вы тем даете ему *повадку*. Ведь придет же время, когда он посмотрит на Вас и скажет: «Она добрее меня» — и обратится к Вам. Не безмолвным многолетним попреком привлечете Вы его к себе. Да, впрочем, что ж я Вам об этом пишу? (Может быть еще и обижаю Вас): ведь если я и знаю Ваш секрет, то сколько бы Вы мне об этом ни написали — всё-таки останется целое море невысказанного и которого Вы и сами не в силах высказать, а я понять. И не слишком ли Вы увлекаетесь, думая про меня, что я могу столько значить в Вашей судьбе? Я не смею взять столько на себя. Жду полного снисхождения от Вашего дружелюбия ко мне. Желал бы Вам сказать много теплого и искреннего — да что можно высказать на письме? До свидания. Я Вас глубоко уважаю и предан Вам всей душой. Пишите мне, если захотите. Теперь ночь. Надо спать, чтоб завтра быть свежим. Если меня публика примет холодно — то какая радость

будет всем терзающим меня в газетах: «А, значит, и общество от него отвернулось». Не самолюбие говорит во мне, но, *из-за идеи*, не хотел бы доставить им эту радость. Я не стыжусь Вам во всем этом признаться.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Верите ли, что у меня нет времени поехать в Главное Управление печати и подать просьбу об издании «Дневника» в будущем году.[8] До сих пор не ездил, а время уходит, пора публиковать.

901. Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВУ

20 октября 1880. Петербург

20-го октября 1880 г.
С.-Петербург.

Михаила Александровича Александрова, как метранпажа, знал в течение нескольких лет и был всегда как нельзя более доволен его усердием, аккуратностью и, смело могу сказать, талантливостью;[1] к тому же Михаил Александрович сам литератор.[2]

Федор Достоевский.

902. А. П. ШУЙСКОЙ

25 октября 1880. Петербург

Октября 25/80.

Милостивая государыня Александра Петровна,

К величайшему моему горю, я не могу читать на Вашем вечере.[1] Именно и главное потому, что это так скоро. Если бы в декабре, я бы непременно был к Вашим услугам, тем более, что сам вменяю себе всегда в обязанность не отказывать в участии моем для такой хорошей цели. Если в следующий раз я Вам когда-нибудь понадоблюсь, то употреблю все усилия, чтоб услужить Вам. А теперь я сам завален работой буквально свыше сил моих и прежде, чем не разделаюсь с ней, не в состоянии помышлять ни о чем другом. — Вместе с искренним сожалением моим примите уверение в самых искренних чувствах моего к Вам глубочайшего почтения и уважения.

Ваш покорнейший слуга

Ф. Достоевский.

903. В. П. ГАЕВСКОМУ

29 октября 1880. Петербург

29 октября/80.

Многоуважаемый Виктор Павлович,

Спешу как можно скорее исправить вчерашнюю большую мою ошибку.

Я вчера Вам твердо и положительно обещал мое участие в будущем чтении для Лит‹ературного› фонда, так что уже назначено было и число (16-е). И, однако же, по уходе Вашем, я сообразил дело и вижу, что никак не мог бы ничего обещать с такою определенностью, выпустив из виду, что, весьма может быть, буду принужден, по некоторым обстоятельствам, проехаться в ноябре в Москву для завершения некоторых собственных дел.[1] Есть кроме того и другие, для меня лично весьма серьезные соображения, по которым я в ноябре буду не в состоянии располагать собою.[2] А посему, ввиду того, что Вы, многоуважаемый Виктор Павлович, могли бы на основании моего твердого обещания, вчера Вам мною данного, предпринять некоторые шаги и распоряжения (то есть у попечителя, о зале, об отсрочке Вашего вечера до 16-го числа и проч.), — ввиду всего этого и спешу написать Вам это повинное письмо и просить Вас, чтоб Вы уже более не стесняли Ваших действий мною и устроили Ваш вечер так, как если б на меня вовсе и не рассчитывали. Это вовсе не значит, чтоб я вполне отказывался: всё зависит от обстоятельств; я только слишком твердой определенности боюсь. Насчет же того, что Вам заранее нужно знать (для попечителя, для афишки) о моем участии, — в данную минуту, к моему великому горю, ничего сказать Вам не могу. По крайней мере, Вы теперь уже можете не стесняться 16-м числом и назначить Ваш вечер гораздо раньше, так как, кажется, того и хотели. Да к тому же утешает меня и то, что чтецов у Вас и без меня слишком довольно, да еще превосходных. Во всяком случае жажду полного Вашего ко мне снисхождения. Не вмените в грех, не сочтите за лепь и отлынивание. Поступаю так единственно из мнительности, боясь быть вынужденным отказаться накануне, да еще сам связав Вас 16-м числом и прочими условиями, вчера высказанными. В один же день (со вчерашнего числа) думаю, Вы не могли и не успели еще предпринять что-нибудь на основании вчерашних условий, уже Вас связавших. Примите уверение в моей совершенной преданности и готовности услужить Вам в случае возможных для меня обстоятельств, то есть относительно только вечера. Служить же Вам готов во *всем остальном* уже при всяких обстоятельствах с совершенною ревностью.[3]

Ваш весь Ф. Достоевский.

904. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

2 ноября 1880. Петербург

Ноября 2/80 г.

Глубокоуважаемый Петр Исаевич,

На прошлой неделе я отказался читать на 5-ти вечерах (г-же Шуйской,[1] попечительнице какого-то заведения для учительниц, г-же Рехневской (Мей), попечительнице какого-то приюта для учительниц, Патриотическому обществу, в пользу Ларинской гимназии и, наконец, в пользу Литерат‹урного› фонда на 3-м вечере, предпринимаемом В. П. Гаевским[2]). Согласитесь теперь сами, Петр Исаевич, как могу я читать для женских курсов, отказав всем прежним именно под тем предлогом, что в ноябре я слишком занят? Что они скажут про меня? Ведь относительно их мое согласие читать для женских курсов будет[a] подлостью. Я буквально поставлен в невозможность согласиться. К тому же всем как раз понадобилось в ноябре, и еще в 1-й половине ноября! Если придать к этим 6 чтениям два бывших чтения для Лит‹ературного› фонда,[3] то вышло бы, что я явлюсь перед публикой 8 раз в один месяц! Согласитесь, что это невозможно, скажут — это самолюбие уверенное в себе черезчур уже слишком. В прошлую зиму все эти чтения растянулись на всю зиму, а тут вдруг все в ноябре. — Кстати, одному Гаевскому я хоть и отказал, но не совершенно, а условно, а в случае необходимости, может быть, и явлюсь читать у него. Заметьте еще, что это 3-е чтение для Лит‹ературного› фонда назначено как раз 16-го ноября и непременно состоится. Как же Ваше-то будет тоже 16-го, если только Гаевский не изменит дня?[4] — А что же наша мысль о ряде чтений из всей русской литературы? Оставлять ее не надо, и вот тут-то бы и можно было назначить одно из чтений в пользу женских курсов, даже хотя бы первое чтение?[5] Тут я бы не отказался, хотя бы и в ноябре, ибо всегда мог бы отговориться, что это *дело особенное*. И тем более сподручно, что читать не свое, а свое я всё уже отбарабанил еще в прошлую зиму, и мне отвратительно перечитывать мое старье. Я стою за мысль о ряде чтений, но у нас, кажется, ничего не может устроиться. Прибавлю еще, что я, в настоящую минуту, не завален, а задавлен работой.

Искренно уважающий и всегда преданный Вам

Федор Достоевский.

Кузнечный переулок, дом № 5, кв. 10.

---

[a] *Было*: сочтется ими

905. П. Е. ГУСЕВОЙ

3 ноября 1880. Петербург

С.-Петербург
Кузнечный переулок, дом № 5,
квартира № 10 (близ Владимирской церкви) Ф. М-чу Достоевскому.

С. Петербург
ноября 3/80 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Пелагая Егоровна,

Простите, что ограничусь лишь несколькими словами: страшно занят, ждут корректуры, переписка последних листов «Карамазовых» и беспрерывно надоедающие посетители. Рукопись Вашу, «Мачеха», из «Огонька» взял и отправил в «Русь». Написал и Ивану Сергеевичу всё, как Вы желали, и прибавил еще о том, что он должен знать Вас по чешским стихотворениям, о которых Вы мне написали.[1] Что же до тетради Ваших стихов, бывших в «Огоньке», то она давно *сожжена* редакцией: таково у них правило со всеми стихотворениями, которые у них залежатся. Прибавлю от себя, дорогая Пелагея Егоровна, что, кажется, ничего Вы не могли сделать непрактичнее, как эта пересылка Вашей «Мачехи» в «Русь»! Еженедельная газета, выходящая по 2 печатных листа в неделю, разве может начать печатание романа в 12 печатных листов? Это чтобы через полгода окончить? Да если б был прислан уже патентованный чей-нибудь шедёвр, так и тогда я, например, если б был редактором такой газеты, не напечатал, а разве выдал бы публике в приложениях. Само собою, я этого не написал Аксакову. Как он решит, так теперь и будет. Сообщил ему Ваш адресс. Вы бы лучше присели и написали что-нибудь хорошенькое в 1 лист печатный, да и послали бы поскорее в «Русь». Это было бы лучше, я об Вас написал Аксакову, как *об хорошем человеке*.[2]

Простите же, что пишу лишь два слова. Я Вам предан и об Вас вспоминаю сердечно, в этом будьте всегда уверены. До свидания, милая Пелагея Егоровна, жму крепко Вашу ручку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

906. И. С. АКСАКОВУ

4 ноября 1880. Петербург

Кузнечный переулок,
дом № 5, кварт. № 10.
Ф. М.-у Достоевскому.

Ноября 4/80
С.-Петербург

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич,

Третьего дня я отправил в редакцию «Руси» одну рукопись, повести или романа, под названием «Мачеха». Это вот что такое: одна, давно уже пишущая барыня, сама очень хороший, кажется,

человек, Пелагея Егоровна Гусева, лет 6 тому назад познакомилась со мною на водах в Эмсе и теперь прибегла к моему посредничеству по поводу своего романа. Живет она в Рязани, очень бедно. «Мачеха» была в «Русском вестнике», была в «Огоньке». Везде отказали. И вот Пелагея Егоровна, прочтя в газетах Ваше объявление, поручила мне взять из редакции издания «Огонек» ее рукопись и переслать Вам в «Русь», что я и сделал. «Мачеху» я не читал; понятия о ее достоинствах не имею и лишь по настоятельной просьбе автора совершил факт передачи.[1] Как рассудите, так и будет, а я тут, конечно, ни при чем: ничего не рекомендую, ничего не навязываю. Г-жа Гусева прибавляет, что, может быть, отчасти Вам известна переводами некоторых чешских стихотворений, которые Вы когда-то поместили в каком-то издании, «Братская помощь», кажется. Впрочем, она сама забыла название.[2] Подписана «Мачеха» псевдонимом А. Шумова. Этот псевдоним она согласна уничтожить, с тем чтоб *поставить* настоящую фамилью: П. Гусева. Адресс г-жи Гусевой: Рязань, Введенская улица, дом священника Успенского.

Исполнив поручение, скажу два слова о себе. Я Вам, дорогой Иван Сергеевич, до сих пор на Ваше прекрасное письмо (месяца 2 или более назад) еще не ответил.[3] Но как был в каторжной работе тогда, так состою и теперь. Всё кончаю мой роман и не могу кончить. Но на днях, кажется, кончу совсем, и тогда я, относительно говоря, свободен. Ваше объявление о «Руси» превосходное, здесь же нашлись люди (и представьте, во многом нашего образа мыслей), которые находят, что объявление Ваше заносчиво, туманно и *нагло*.[4] Пусть брешут. Во многих случаях первыми врагами бывают свои же. Мне только мерещится, что «Русь» сделала один только промах, именно, что начнется с 15-го ноября, а не прямо с 1-го января будущего года. Публике естественно покажется, что номера в нынешнем году выпускаются, так сказать, как бы *пробными*, чтоб рекомендовать издание. Но «Русь» и ее направление, по-моему, столь должны быть известны всем, равно как и ее редактор, чтоб пробности никакой бы и не надо. Без пробности было бы *важнее, тверже, самоувереннее* в хорошем смысле слова. Общество в этом смысле глуповато; оно смотрит на такие пробные номера всегда как бы еще не на *настоящие*. Впрочем, это мое только мнение, и я очень, может быть, ошибаюсь. Убежден, однако, только в том, что Вам необходимо теперь, так сказать, *усиленно* поразить и завлечь внимание первыми номерами, чтоб доказать, что они *настоящие*. Если б с 1-го января, то никакой такой усиленности и не надо бы было, потому что сделалось бы само собою. Опять-таки я, может быть, очень вру.

Ваш тезис мне о тоне распространения в обществе святых вещей, то есть без исступления и ругательств, не выходит у меня из головы.[5] Ругательств, разумеется, не надо, но возможно ли быть не самим собою, не искренним? Каков я есмь, таким меня

п принимайте, вот бы как я смотрел на читателей. Заволакиваться в облака величия (тон Гоголя, например, в «Переписке с друзьями»)[6] — есть неискренность, а неискренность[а] даже самый неопытный читатель узнает чутьем. Это первое, что выдает. Ну как отказаться от полемики и иногда горячей? Вам дружески признаюсь, что, предпринимая с будущего года «Дневник» (на днях пускаю объявление),[7] часто и многократно на коленях молился уже богу, чтоб дал мне сердце чистое, слово чистое, безгрешное, нераздражительное, независтливое. Смеясь уже, скажу: решаю иногда совсем не читать ни нападок, ни возражений в журналах. Кстати, Кошелева статью в «Р‹усской› мысли» до сих пор не читал.[8] И не хочу. Известно, что *свои-то* первыми и нападают на своих же. Разве у нас может быть иначе? Но вот и вся бумага, а сколько хотел было Вам написать. Но напишу. До свидания, обнимаю Вас горячо. Дай Вам бог.

Ваш весь Федор Достоевский.

[а] *Далее было*: есть

907. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 ноября 1880. Петербург

Ноября 8/80 г.

Милостивый государь глубокоуважаемый Николай Алексеевич,

Вместе с сим отсылаю в редакцию «Р‹усского› вестника» заключительный *«Эпилог»* «Карамазовых», которым и покончен роман. Всего 31 полулисток почтовой бумаги и, кажется, не более чем $1^3/_4$ листа «Р‹усского› вестника».

Я убедительно и особенно прошу выслать мне корректуру в 2-х экземплярах (а не в одном). Второй экземпляр мне совершенно здесь необходим для предстоящих публичных чтений в конце ноября (после 20-го). Я всё свое перечитал, а тут новое. Прочту последнюю главу: похороны Илюшечки и речь Алеши мальчикам. По опыту знаю, что такие места в чтениях производят некоторое впечатление.[1]

Ну вот и кончен роман! Работал его три года, печатал два — знаменательная для меня минута. К Рождеству хочу выпустить отдельное издание.[2] Ужасно спрашивают, и здесь, и книгопродавцы по России; присылают уже деньги.

Мне же с Вами позвольте не прощаться. Ведь я намерен еще 20 лет жить и писать. Не поминайте же лихом.

Хотел было сейчас по окончании «Карамазовых» побывать в Москве, но, кажется, не удастся. Крепко жму Вам руку и благодарю Вас за Ваше участие. А пожалуй, и за редакторскую ферулу: она иногда мне необходима.

Ваш последний № удивительно составлен. Но будут ли продолжаться статьи: «Против течения»? Они здесь сильно замечены. Если б в ноябре и в декабре поместить! Поверьте, они необходимы, ибо решительный успех.[3]

Мое глубочайшее уважение глубокоуважаемой супруге Вашей. Будьте так добры, передайте от меня искренний привет глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу.

Жена моя шлет Вам глубокий поклон.

Примите сердечное уверение в моей искренней и всегдашней приверженности.

Ваш весь Ф. Достоевский.

С.-Петербург,
Кузнечный переулок,
дом № 5, квартира № 10
(близ Владимирской церкви)
Ф. М. Достоевскому.

908. В. М. КАЧЕНОВСКОМУ

25 ноября 1880. Петербург

‹25 ноября›/80.[а]

Милостивый государь Владимир Михайлович,

Сейчас получил письмецо от Гаевского. Извещает, что в сегодняшнем (25 ноября) заседании Комитета Литерат‹урного› фонда он доложил об учреждении Вам пенсии. Комитет положил: поручить московскому профессору Алексею Николаевичу Веселовскому собрать о Вашем положении подробные сведения, «необходимые и для определения размера пенсии».[1]

Не знаю, как[б] и откуда будет Веселовский собирать о Вас сведения (я же Веселовского совсем не знаю), но, вероятно, посетит и Вас,[в] а потому знайте это и подготовьтесь к его посещению.[2]

Вам совершенно преданный старый товарищ Ваш

Ф. Достоевский.

[а] *Левый верхний угол листа с началом даты оторван.*
[б] *Далее было*: бу‹дет›
[в] *Далее было*: (когда тоже не знаю) ‹?›

909. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

28 ноября 1880. Петербург

Петербург
ноября 28/80.

Глубокоуважаемый и дорогой друг
и брат Андрей Михайлович,

Поздравляю тебя с наступающим днем твоего ангела,[1] а вместе с тем благодарю и за твой радушный, братский привет мне, месяц назад, по поводу дня моего рождения.[2] Пожелания твои мне, уж конечно, вполне братские и искренние, только вряд ли они могут сбыться: вряд ли проживу долго; очень уж тягостно мне с моей анфиземой переживать петербургскую зиму.[3] Тебе же от души желаю жить как можно дольше и счастливее, тем более что, воистину, только теперь и идет для тебя счастливая жизнь. Если б я мог, как ты, дожить до счастья видеть деток моих взросшими, устроенными, ставших добрыми, хорошими, прекрасными людьми, то чего бы, кажется, более и требовать от земной жизни? Оставалось бы только благодарить бога и на деток радоваться. Так теперь и ты: хоть и невозможно в жизни без каких-нибудь тех или других неприятностей, но всё же воображаю себе, как взглянешь ты на свое доброе, прекрасное, любящее тебя семейство, то как же не почувствовать отрады и умиления?[4] Я же предвижу про себя, что деток оставлю после себя еще подростками, и эта мысль мне очень подчас тяжела.[5]

Добрейшей, глубокоуважаемой и дорогой супруге твоей, Доменике Ивановне, прошу тебя передать от меня любовь и уважение. Жена сказала мне, что уже отправила тебе от себя письмецо особо. Это она превосходно сделала.[6] Пожелание мое и совет тебе: береги здоровье. Что до меня, то здесь у нас и беречь его невозможно. А к тому же не по силам почти работа. Только что кончил свой большой роман,[7] принимаюсь теперь за «Дневник писателя» и уже начал публиковаться в газетах.[8] Главное, страшит меня *срочность* выпусков.[9] Это очень тяжело при моем здоровье. А что будешь делать: не работать, так и средств не будет. Дотянуть бы только до весны, и съезжу в Эмс. Тамошнее лечение меня всегда воскрешает. К 4-му декабря хочу написать сестре Варваре Михайловне.[10] Я ее люблю; она славная сестра и чудесный человек. Вот брат Николай Михайлович совершенно порвал со мной, точно меня нет на свете, вот уже два с половиною года. Даже грубо и нелепо с его стороны. Дуется и сердится, на что собственно — не знаю. Болезненный человек, бог с ним. Не претендуй на меня, что я редко пишу. Веришь ли, даже книги, даже статьи нужной прочесть некогда. А сколько я запустил необходимейших писем! А тут еще разные визиты, разные связи с людьми. Совсем я замотался, да и здоровье не выносит.[11] Обнимаю тебя от всего сердца, желаю тебе всего самого лучшего и

счастливого. Твоего сынка целую.[12] Глубокоуважаемой супруге твоей еще раз мое[a] глубочайшее уважение.

Твой всегдашний, искренний и от всего сердца любящий тебя брат твой

Федор Достоевский.

Петербург,
Кузнечный переулок,
дом № 5, кв. № 10.

---

[a] *Далее было*: по‹чтение›?

910. Н. А. ЛЮБИМОВУ

29 ноября 1880. Петербург

Петербург,
29 ноября/80.

Милостивый государь
глубокоуважаемый Николай Алексеевич,

Имею к Вам две чрезвычайные и самые покорнейшие просьбы и только боюсь, как бы не обеспокоить Вас не вовремя. Первая просьба состоит в том, что так как «Бр‹атья› Карамазовы» кончились (а теперь, должно быть, вышла уже и ноябрьская книга «Р‹усского› вестника»),[1] то не соблаговолите ли Вы составить наш окончательный счет и выслать его мне. Но до составления и высылки счета нельзя ли будет, дорогой и глубокоуважаемый Николай Алексеевич, выслать мне *теперь же* рублей 1500 на Ахенбаха и Колли! Я нахожусь в чрезвычайной нужде. К тому же публиковал на будущий год издание «Дневника писателя»;[2] когда-то еще начнется подписка, а наличные деньги все-таки нужны до крайности. Если можно — удовлетворите просьбу. Не нуждался бы, то и не беспокоил бы.

Вторая просьба моя в том: дней уже 10 назад как жена моя послала в редакцию «Московских ведомостей» для напечатания объявление мое об издании в будущем году «Дневника писателя», и однако же, объявление еще не появлялось в «Московских ведомостях» до сих пор. Сегодня она послала еще раз это объявление и просьбу поместить его в отделении объявлений. Денег за напечатание объявления мы не приложили, имея в виду, что в редакции «Московских ведомостей» есть еще мои деньги, за напечатанную летом «Речь» по поводу Пушкина. Не вышло ли тут каких затруднений? Поверьте, что мне тяжело обременять Вас лишними просьбами по делу совсем другой редакции. Но окажите мне эту чрезвычайную, дружескую помощь: не можете ли Вы справиться лично в редакции «Моск‹овских› ведомостей»: что именно помешало напечатанию моего объявления о «Дневнике писателя» и таким образом ускорить это дело. Объявление в «Московских ведомостях» для меня необходимо: оно идет в глубь

России, а «Голос», «Новое время» и проч. гуляют более по окраинам.[3]

Еще раз прошу извинения. Не сетуйте, что Вас утруждаю. Без нужды не стал бы беспокоить.

Жена Вам искренно кланяется. Передайте мое глубочайшее уважение Вашей глубокоуважаемой супруге.

При свидании с Михаилом Никифоровичем сообщите ему любезно о моем почтении, уважении и всегдашней искренней преданности моей теперь, впредь и во веки веков.

А засим примите и сами искреннейшее уверение в моей всегдашней и совершеннейшей преданности, с которою пребываю преданнейшим слугою Вашим

Ф. Достоевский.

NB. А трудное дело предпринять теперь такое издание, как например «Дневник». Сильно меня это волнует!

911. А. И. САВЕЛЬЕВУ

29 ноября 1880. Петербург

Ноября 29/80,

Глубокоуважаемый, достопочтенный
и дорогой Александр Иванович!

Генерал Петр Григорьевич Андреев в мое время, вероятно, еще не был преподавателем, иначе я его запомнил бы наверно. В мое время преподавателями фортификации, полевой и долговременной, были, во-1-х, Кори Густав Иванович, на днях умерший в Минской губернии генерал-майором в отставке, и Буссе, глубокоуважаемый и любимый нами, умнейший, добрейший и талантливый человек. Штабс-капитаном оставил он службу в Инженерном училище (когда уже мы были в офицерских классах) и отправился на Кавказ, где в первом действии с горцами был убит. Вот преподаватели фортификации, которых я помню. — А потому мне очень будет тяжело говорить Андрееву что-нибудь, *как бы* по воспоминаниям или в виде его ученика, тогда как я его совсем не помню.[1] К тому же, глубокоуважаемый Александр Иванович, прибавлю, что я все последние две недели страшно нездоров моей *анфиземой*: дыхания мало, и начинается расстройство желудка, весьма серьезное, тоже от анфиземы, как говорит доктор, то есть от недостаточного дыхания. И вот представьте себе, в этаком-то положении я должен читать завтра в пользу студентов Университета. Что со мной будет и как я прочту с моим укороченным дыханием, не могу и представить себе. Отказаться же нельзя: дал слово давно уже, объявлено в афишах и проч.[2] — На обеде третьего декабря, вероятно, тоже не буду: с моим желудком об этом невозможно и помыслить, даже доктор не пустит.[3] Верите ли, что я ни у кого не бываю,

даже нужнейшие дела упустил, всё сижу дома. Завтра на общем собрании Славянск‹ого› Благот‹ворительного› Общества тоже не буду. Жду и надеюсь поправиться с установлением твердой погоды. Простите же меня за всё вместе и верьте неизменности моего глубочайшего искреннего и почтительнейшего к Вам уважения. — При первой возможности к Вам явлюсь лично. Мой глубочайший поклон Вашей глубокоуважаемой сестрице. Жена посылает Вам и Вашей сестрице свой привет и поклон.

Преданный Вам сердечно и вечно

Федор Достоевский.

912. И. С. АКСАКОВУ

3 декабря 1880. Петербург

Петербург, 3 декабря 1880 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич!

Еще с первого № Вашей «Руси» порывался написать Вам и вот только теперь удовлетворяю желанию моему, то есть уже по прочтении 3 №. Главная причина задержки — мелкие, глупейшие хлопоты, вроде публичных чтений и проч., но которых нельзя обойти, а пуще всего жестокое нездоровье, несмотря на то, что выезжаю; разгулялась моя анфизема, укороченное дыхание, а за ним и ослабление сил. — Но довольно обо мне: урвал минуту и хочу поделиться с Вами моими впечатлениями. Впечатления и хороши, и дурны. Во-первых, Ваши передовые. Да, давно не являлось подобное раздавшемуся вновь голосу. Ваши статьи очень твердо и целокупно (конкретно) написаны. Вы ставите чрезвычайно ясную мысль о земстве и понятную, как дважды два.[1] Так как это отчасти самый корень дела, то Вы, конечно, будете продолжать разъяснять Вашу мысль и в следующих нумерах, при всяком удобном случае. Так и надо. Но не ожидайте — о, не ожидайте, — чтоб Вас поняли. Нынче именно такое время и настроение в умах, что любят сложное, извилистое, проселочное и себе в каждом пункте противоречащее. Аксиома, вроде дважды два — четыре, покажется парадоксом, а извилистое и противоречивое — истиной. Сейчас только прочел в «Новом времени» выписку из «Русской речи», где Градовский учит Вас и читает Вам наставления. «Не архитектуры, дескать, а жизни».[2] Мертвец проповедует жизнь, и поверьте, что мертвеца-то и послушают, а Вас нет. Вы в Ваших письмах ко мне утверждали, что это человек умный, хотя и порченный,[3] а Орест Федорович Миллер передавал мне, что Вы интересуетесь знать его, то есть Градовского, мнение о «Руси». Ну вот Вы теперь знаете его мнение. Вы-де проглядели новую, живую, *национальную* струю в нашем обществе в последнее 25-ти летие, вызванную реформами. И уко-

рив, что Вы проглядели, поклявшись, что она *есть, существует*, тут же сейчас спрашивает: «При каких условиях возможен наш собственный нравственный рост, то есть при каких условиях мы будем становиться нравственнее, трудолюбивее, чище, образованнее, крепче характером, рачительнее к пользе общей; при каких условиях эта святая идея отечества будет ближе нашему сердцу и вниманию?»[4] и т. д. и т. д. Ну, да ведь если уж он открыл такой клад, эту новую национальную струю, — то чего же спрашивать и затрудняться решением? Факт совершился, и преклонись. Описывай струю, изучай ее течение, откуда взялась она и ее доблести — вот и разрешение ответа. Иначе ведь, если он не умеет разрешить вопрос, то, значит, и не существует струи, и она ему только так показалась. Но он не разрешает и в конце сваливает дело о создании струи на правительство. Это колоссально хорошо. Повторяю, прочел в выписке. Завтра, вероятно, получу «Русскую речь» и нарочно прочту в оригинале вздор Александра Дмитриевича.[5] Но поверьте, что он будет иметь успех, а Вы нет; «он разрешил, он указал, а Вы только парадоксалист».

Разумеется, Вы писали не для него и не для огромной массы владеющей умами интеллигенции. Те, которые Вас поймут, есть, и их много, а для них надобно, повторяю, чем дальше, тем больше разъяснять Вашу мысль. Власть, закрепощенный народ и горожане и между ними 14 классов. Вот дело Петрово. Освободите народ, и как будто дело Петрово нарушено. Но пояс-то, но зона-то между властью и народом ни за что не отступит и не отдаст свои привилегии править черным народом. Самые лучшие из них скажут: «Мы будем, мы станем лучше, постараемся стать и будем любить народ, но самоуправление дадим ему лишь чиновничье, ибо мы не можем отказаться от нашей прерогативы». Вот на эту-то стену, об которую все стукнулись лбом, Вы и не указываете. Вы выговариваете лишь абсолютную истину, а как она разрешится? Ни намека. Даже нечто обратное, у Вас «Петр (1-й № «Руси») вдвинул нас в Европу и дал нам европейскую цивилизацию». Ведь Вы его почти хвалите именно за европейскую-то цивилизацию, а ведь она-то, ее-то лжеподобие, и сидит между властью и народом в виде рокового пояса из «лучших людей» четырнадцати классов.[6] Мне это неясно. Но довольно. Все-таки Ваша статья есть уже не слово, а дело. О литературном ее достоинстве и не говорю. Удивительно хорошо. Но повторяю: продолжайте разъяснять Вашу мысль особенно на примерах и указаниях. Посеете зерно — вырастет дуб.

Нравятся мне статьи «Опыт фельетона», подписаны буквами (Н. В., кажется).[7] Есть и еще много хорошего. Но я сказал, что впечатления мои и хорошие, и дурные. Ну, так вот что, по-моему дурно: вот уж три выпуска «Руси», и, кажется мне, персонал Вашего журнала пока слабенек. Кроме Вас — кто же? С 1-го же № мелькнула грустная мысль: «Умри, например, Вы, и кто же останется, чтоб проповедывать „русское направление“»? Деяте-

лей нет, бессилие, хотя и есть много сочувствующих. А потому дай Вам бог как можно дольше прожить на свете, из глубины сердца говорю. Статейка вроде разговора 3-х лиц[8] в 1-м № и выдержки из одной газеты (не из «Голоса» ли?) [9] хороши, и чрезвычайно метко 10, что Вы хотите выставлять на вид абсурды нашей публицистики. Это совершенно необходимо, превосходная мысль и самая практическая.

Но вот в следующих 2-х номерах отчета об абсурдах за неделю — не было. Значит, Вы находите эту мысль не столь практичною и не столь полезною. Кстати, в этой статейке, равно как в разговоре трех лиц — ума и правды много, но мало *жала*. Поверьте, глубокоуважаемый Иван Сергеевич, что жало — еще не есть ругательство. В ругательстве, напротив, оно тупится. Я не к ругательству призываю. Но жало есть лишь остроумие глубокого чувства, а потому его завести непременно надо.[10] —. — Стихов Вашего брата, напечатанных в 1-м номере, я прежде не знал, удивительно хорошо.[11] Статьи Ламанского учены, но вялы.[12] Статей Дм. Самарина тоже еще не читал.[13] Ну, вот вам, на лету, самые первые мои впечатления. Но напишу еще и еще. Если б Вы знали, как я обрадовался «Руси»! Я возлагаю на нее огромные надежды. Но персонал, персонал!

Жду Ваших сотрудников. Не пренебрегайте и еще одним «грубым» советом. Делайте «Русь» разнообразнее, занимательнее, чем дальше, тем больше. А то скажут: умно, но не весело, и читать не станут. —. — Хочу издавать «Дневник», но до этого еще далеко. Подписка началась, но анфизема: езжу, даже хожу, а дыхания мало. В разборе «Карамазовых» благодарю Вас лишь за Вашу редакторскую выноску и за обещание сказать еще нечто.[14] Скажите. Обнимаю Вас крепко, желаю Вам самого светлого успеха, и поверьте, что ни один из Ваших читателей не желает этого пламеннее, чем я.

Ваш весь Ф. Достоевский.

P. S. Здесь в Петербурге, по моему взгляду, *определенного* мнения о «Руси» не составилось. 1-й № прочтен был с чрезвычайным любопытством. Розничные экземпляры расхватали. Я знаю пример, что к вечеру разносчики доставали экземпляр за полтора рубля. Но даже сочувствующие «Руси» удерживаются от определенного отзыва. Видна какая-то нерешительность высказаться. И это у всех, даже сочувствующих.

P. S. NB. Забыл о политике и о внутреннем обозрении. Дельно и ясно, прекрасно составлено, но поболее бы огня, сопоставлений, указаний. Во внутреннем обозрении есть несколько хороших характерных указаний.[15] В политике я бы пустил несколько сарказму.

913. Т. И. ФИЛИППОВУ

4 декабря 1880. Петербург

4 декабря/80.

Дорогой и глубокоуважаемый Тертий Иванович,

Вашими строками Вы меня осчастливили.[1] Меня так теперь все травят в журналах, а «Карамазовых», вероятно, до того примутся повсеместно ругать (за бога), что такие отзывы, как Ваш и другие, приходящие ко мне по почте (почти беспрерывно), и, наконец, симпатии молодежи, в последнее время особенно высказываемые шумно и коллективно, — решительно воскрешают и ободряют дух. — Я теперь несколько болен и обречен доктором пока на сидение, а то бы непременно сам пришел к Вам. Дома же я обыкновенно почти всегда от 3 до 4-х и даже до 5 пополудни. Вечером же с 10 часов, хоть не всегда, но теперь и вечерами дня два-три буду наверно дома. Посещение Ваше сделает мне великую честь и огромное удовольствие.

Ваш весь Ф. Достоевский.

914. И. С. АКСАКОВУ

18 декабря 1880. Петербург

С.-Петербург, 18 декабря/80 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Вам, конечно, теперь нет времени на переписку. — С сим вместе посылаю Вам экземпляр моих «Карамазовых».[1] Прилагаю тоже 25 руб. для следующих целей. У Вас, в «Руси», печатается мое объявление о будущем издании «Дневника», за что благодарю;[2] но, не зная, что оно стоит, вот и посылаю, на первый случай, сии 25, с присовокуплением покорнейшей и чрезвычайной просьбы к тому объявлению о «Дневнике», которое печатается в «Руси», присовокупить и объявление о выходе «Карамазовых», печатный текст которого при сем же и прилагаю.[3] Это объявление повторите тоже несколько раз, раза три, и потом велите меня уведомить, в конце концов, сколько еще надо будет приплатить? Тотчас же и вышлю. «Русью» здесь большею частью довольны. Ваши передовые[4] и статьи Н. Б.[5] (не сравнивая их взаимно) чрезвычайно полезные статьи. Именно об этом надо было заговорить, но, заговорив, не оставлять, а разъяснять, развивать и «*долбить*» неустанно. Головки у всех хоть и умные (положим, что умные), но случись вопрос общий (вот хоть о студентах),[6] и ведь все-то *врозь*, все-то в темноте стукаются своими умными

лбами до шишек. До свидания, глубокоуважаемый Иван Сергеевич. Буде будет когда-нибудь времечко, что-нибудь черкните Вашему наипреданнейшему

Федору Достоевскому.

915. А. Ф. БЛАГОНРАВОВУ

19 декабря 1880. Петербург

Петербург
19 декабря/80 г.

Милостивый государь Александр Федорович,

Благодарю Вас за письмо Ваше. Вы верно заключаете, что причину зла я вижу в безверии, но что отрицающий народность отрицает и веру.[1] Именно у нас это так, ибо у нас вся народность основана на христианстве. Слова: крестьянин, слова: Русь православная — суть коренные наши основы. У нас русский, отрицающий народность (а таких много), есть непременно атеист или равнодушный. Обратно: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймет ии русского народа, ни русской народности. Самый важный теперь вопрос: как заставить с этим согласиться нашу интеллигенцию? Попробуйте заговорить: или съедят, или сочтут за изменника. Но кому изменника? Им — то есть чему-то носящемуся в воздухе и которому даже имя придумать трудно, потому что они сами не в состоянии придумать, как назвать себя. Или народу изменника? Нет, уж я лучше буду с народом; ибо от него только можно ждать чего-нибудь, а не от интеллигенции русской, народ отрицающей и которая даже не интеллигентна.

Но возрождается и идет новая интеллигенция, та хочет быть с народом. А первый признак неразрывного общения с народом есть уважение и любовь к тому, что народ всею целостью своей любит и уважает более и выше всего, что есть в мире, — то есть своего бога и свою веру.[2]

Эта новогрядущая интеллигенция русская, кажется, именно теперь начинает подымать голову. Именно, кажется, теперь она потребовалась к общему делу, и она это начинает и сама сознавать.

Здесь за то, что я проповедую бога и народность, из всех сил стараются стереть меня с лица земли. За ту главу «Карамазовых» (о галлюсинации), которою Вы, врач, так довольны, меня пробовали уже было обозвать ретроградом и изувером, дописавшимся «до чертиков». Они наивно воображают, что все так и воскликнут: «Как? Достоевский про черта стал писать? Ах, какой он пошляк, ах, как он неразвит!» Но, кажется, им не удалось! Вас, особенно как врача, благодарю за сообщение Ваше о верности изображенной мною психической болезни этого человека. Мнение эксперта меня поддержит,[3] и согласитесь, что этот чело-

век (Ив. Карамазов) при данных обстоятельствах никакой иной галлюсинации не мог видеть, кроме этой. Я эту главу хочу впоследствии, в будущем «Дневнике», разъяснить сам критически.[4]

За сим примите уверение в моих искреннейших и лучших чувствах. Вам совершенно преданный

Федор Достоевский.

916. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ)

19 декабря 1880. Петербург

Петербург
19 декабря/80.

Многоуважаемый Николай Александрович,

Как ни важны многие из вопросов, с которыми обращаются ко мне письменно весьма многие лица, но я, предприняв издание «Дневника писателя», решился прекратить переписку с спрашивающими: издание такая обуза, а у меня столь мало здоровья и сил, что если отвечать на все письма и запросы (а их приходит множество), то совершенно некогда будет писать и заниматься своим делом. А потому извините, если отвечу Вам на Ваше письмо лишь самым кратким словом.

Каких лет Ваш сын — этого Вы не обозначаете. — Скажу лишь вообще: берите и давайте лишь то, что производит *прекрасные впечатления и родит высокие мысли.* Если ему минуло шестнадцать лет, то пусть прочтет Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Если он любит поэзию — пусть читает Шиллера, Гете, Шекспира в переводах и в изданиях Гербеля, Тургенева, Островского, Льва Толстого пусть читает непременно, особенно Льва Толстого. (Гоголя, без сомнения, надо дать всего.) Одним словом — всё русское классическое. Весьма хорошо, если б он полюбил историю. Пусть читает Соловьева, всемирную историю Шлоссера, отдельные исторические сочинения вроде Завоевания Мексики, Перу Прескотта. Наконец, пусть читает Вальтер-Скотта и Диккенса[1] в переводах, хотя эти переводы очень трудно достать. Ну вот я Вам написал уже слишком довольно номеров. Если б прочел всё это внимательно и охотно, был бы уж и с этими средствами литературно образованным человеком. Если хотите, то можете дать и Белинского. Но других критиков — повремените.[2] Если ему менее 16 лет — то дайте эти же самые книги с выбором, руководствуясь в выборе лишь вопросом: поймет он или не поймет. Что поймет, то и давайте. Диккенса и Вальтер-Скотта можно давать уже 13 летним детям.

Над всем, конечно, Евангелие, Новый Завет в переводе. Если же может читать и в оригинале (то есть на церковнославянском), то всего бы лучше.

Евангелие и Деяния Апостольские — sine qua non.*

Книжною торговлею занимаюсь не я, а моя жена, за моею ответственностию, разумеется. Составить каталог вышеисчисленных книг довольно трудно, ибо многих уже мало[a] в продаже, но цены некоторых обозначаются и высылаются Вам к усмотрению.

А засим, пожелав Вам вполне успеха в начинании Вашем, пребываю Вашим покорным слугою

Федор Достоевский.**

---

[a] *Было*: нет

* непременное условие (*лат.*).

** *Ниже рукою А. Г. Достоевской:*

Список книг, необходимых для библиотеки подростка:

1.	Сочинения А. С. Пушкина, 6 томов	ц. 10 р.
2.	Сочинения Гоголя, 4 тома	ц. 5 р.
3.	Сочинения Лермонтова, 2 тома	ц. 4 р.
4.	Сочинения Тургенева, 10 томов	15 р.
5.	Сочинения Льва Толстого	16 р. 50 к.
6.	Сочинения Островского	14 р.
7.	Шиллер, в переводе русских поэтов, 2 тома	7 р.
8.	Сочин‹ения› Шекспира, 3 тома	10 р.
9.	Сочин‹ения› Гёте	14 р.
10.	Сочинения Вальтер Скотта	
	а) «Ваверлей»	3 р. 50
	б) «Роб Рой»	3 р. 50
	в) «Гай Мэннеринг»	3 р. 50
	г) «Айвенго»	3 р. 50
	д) «Ламмермурская невеста»	3 р. 50
	е) «Пуритане»	3 р. 50
	ж) «Кенильворт»	3 р. 50
11.	История Соловьева 28 томов по 2 руб. за том	56 р.
12.	Завоевания Мексики Прескотта	3 р. 50 к.
13.	Полное собрание сочин‹ений› Белинского	14 р. 50 к.
14.	Р‹оманы› Диккенса:	
	«Записки Пиквикск‹ого› клуба»	3 р. 50
	«Приключения Никльби»	2 р.
	«Домби и сын»	3 р. 50
	«Холодный дом»	3 р.
	«Давид Копперфильд»	4 р.

Цены на все книги без переплета и пересылки. За пересылку — смотря по фунтам, коп‹еек› 8 за фунт. Все эти книги можно выписать и через нашу книжную торговлю в С.-П‹етербур›ге, Кузнечный переулок, д. 5, кв. 10.

917. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

24 декабря 1880. Петербург

24 декабря/80.

Дорогой друг, Алексей Николаевич, пишу на всякий случай, если тебя не застану. Вот еще 150 р., и все-таки за мной остается хвостик. Но отдам как-нибудь в ближайшем будущем, когда раз-

богатею.[1] А теперь еще пока только леплюсь. Всё только еще начинается. До свидания, голубчик, верно, где-нибудь увидимся на праздниках.

Твой весь Ф. Достоевский.

918. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

26 декабря 1880. Петербург

P. S.[1] Само собою разумеется, что эти 8000 тысяч[а] неустойки никогда не могут быть спрошены, если не будет отказа со стороны наследников в том, что уже давным-давно подтверждено по всеобщему соглашению (еще прошлого года), то есть нам 400 десятин Ширяева бора, а Андрею Михайловичу 200 десятин Пехорки.[2] Разумеется, все эти отделы произойдут при Шере и с помощью землемера, так что мы ничем лишним не воспользуемся.

Нотариальный акт будет готов в самом непродолжительном времени и тогда будет тебе сообщен для подписания. Шеры и Ставровские давно согласны и даже торопят нас с нотариальным актом,[б] чтоб мы приехали межеваться.[3] Всё дело за вами, то есть за тобой и племянниками.[4]

После того рубите и продавайте — сколько хотите. Но опять-таки, во что ты ценишь свое наследство, Николай Михайлович? Ты пишешь продать 8 десятин (а прежде писал шесть).[5] Но ведь десятина продается за 50 руб. и лишь случайно несколько выше. Чтоб отдать всем общий долг Александре Михайловне,[6] то есть вам и Шерам и Ставровским, нужно повалить 100 или более десятин, да еще Пехорки, то есть лучшего леса. Мне кажется, ты имеешь превратное и преувеличенное понятие о цепности наследства.

Кстати, Андрей Михайлович только что приехал в Петербург с семейством, и нотариальный акт может быстро уйти к концу. Жаль, что ты переписываешься со мной письмами. Эти отчуждения отодвинут наши дела еще на несколько лет, а может, и на полную гибель. — Кстати: брал ли ты когда-нибудь, лет 15, 17 назад, у Валентина Корша, бывшего издателя «С.-П<етербургски>х ведомостей», рублей 300 или 400 перед тем, как тебя сажали за долги?[7] Мне это до крайности надо бы знать, чтобы разъяснить одно обстоятельство.[8]

Твой Ф. Достоевский.

а *Так в подлиннике.*

б *Далее было:* и

919. А. Е. КОМАРОВСКОЙ

27 декабря 1880. Петербург

27 декабря/80.

Глубокоуважаемая графиня Анна Егоровна,

Непременно буду иметь честь явиться к Вам во вторник в 5-м часу.[1]

До сих пор был страшно занят.[2] Иначе бы и в эти дни успел исполнить чрезвычайное желание мое.

Глубоко и всецело Вам преданный

Ф. Достоевский.

На конверте:

Ее сиятельству графине
Анне Егоровне Комаровской.

920. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

27 декабря 1880. Петербург

27 декабря/80.

Любезнейший Яков Петрович,

Не можете ли Вы отдать Вашу поэмку: «Дети в лесу» в «Семейные вечера» — журнал, издаваемый Софьей Сергеевной Кашпиревой. 1-й № «Семейных вечеров» (издающихся превосходно и имеющих много подписчиков) выйдет 15 января.[1] Это ничего, что к тому времени, может быть, еще и не состоится представления у Юлии Федоровны Абаза.[2] Детям еще лучше будет выучивать роли по печатному. Цену назначьте сами, заплатят сейчас же. Сделаете большое удовольствие и Софье Сергеевне и мне. Во всяком случае сделайте одолжение не замедлите ответом.

Вам совершенно преданный

Ф. Достоевский.

1881

921. А. А. ТОЛСТОЙ

5 января 1881. Петербург

5 января/81.

Милостивая государыня графиня Александра Андреевна,

В будущее воскресенье буду иметь честь явиться к Вам от 3-х до 4-х часов.[1]

С глубоким уважением пребываю всегдашним слугою Вашим

Ф. Достоевский.

922. Н. А. ЛЮБИМОВУ

26 января 1881. Петербург

Января 26/81.

Милостивый государь
глубокоуважаемый Николай Алексеевич,

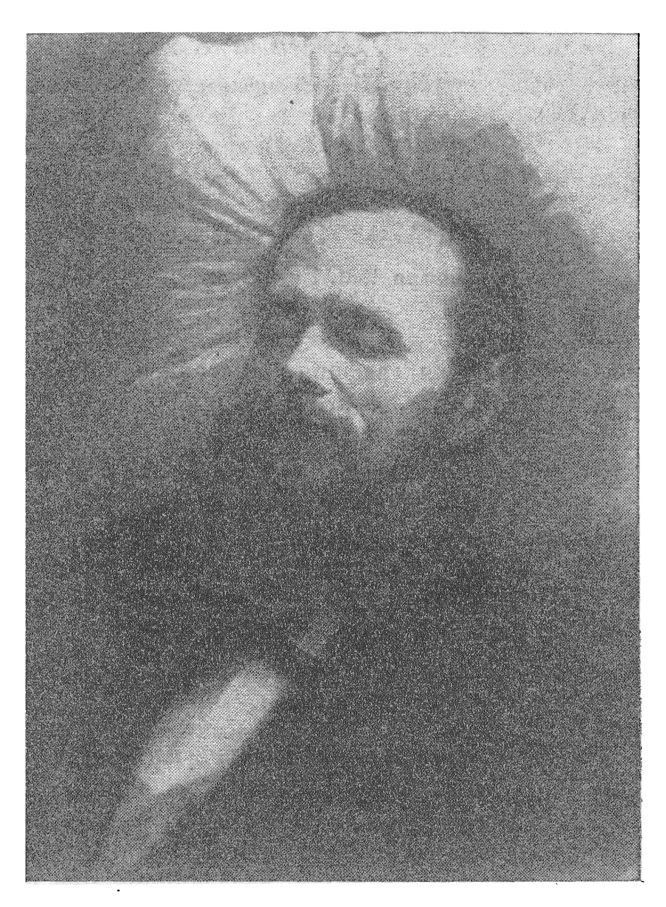
Так как Вы, столь давно уже и столь часто, были постоянно благосклонны ко всем моим просьбам, то могу ли надеяться еще раз на внимание Ваше и содействие к моей теперешней *последней*, может быть, просьбе? По счету, присланному мне из редакции «Русского вестника», мне остается дополучить за «Карамазовых» еще 4000 рублей с чем-то.[1] В настоящее время я крайне нуждаюсь в деньгах. Будьте так добры, сообщите о том глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу. Не возможно ли будет сделать распоряжение о высылке мне всей суммы? Вы не поверите, как Вы тем одолжите меня. Я именно предпринимаю одну затрату и нуждаюсь в деньгах до крайности, иначе дело уйдет из рук.

Простите, что, не дождавшись собственного распоряжения конторы «Русского вестника», ускоряю дело моею просьбою. Без особой надобности не решился бы.

Свидетельствую глубочайшее уважение Вашей глубокоуважаемой супруге и прошу Вас очень передать таковое же Михаилу Никифоровичу.

С глубочайшим уважением пребываю Вам воистину и вполне преданный

Ф. Достоевский.



С рисунка И. Н. Крамского 29 января 1881 г.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

923. Е. Н. ГЕЙДЕН

28 января 1881. Петербург

Черновое

26-го [а] числа в легких лопнула артерия и залила наконец легкие.[1] После 1-го припадка последовал другой,[б] уже вечером, с чрезвы‹чайной› потерей крови с задушением. С $^1/_4$ ‹часа› Фе-

---

а *Исправлено из*: 23-го
б последовал другой *вписано*.

д‹ор› Мих‹айлович›[в] был в полном убеждении, что умрет; его[г] исповедовали и причастили. Мало-помалу дыхание поправилось, кровь унялась. Но так как порванная жилка не зажила, то кровоистечен‹ие›[д] может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия.[е][2]

[в] Фед‹ор› Мих‹айлович› *вписано.*

[г] что умрет; его *приписано.*

[д] то кровоистечен‹ие› *приписано.*

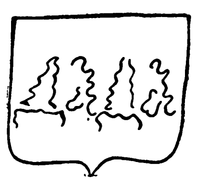
[е] может начаться ∾ лопнет артерия — *стенографическая запись* (*расшифрована Ц. М. Пошеманской*).

ПИСЬМА, НЕ ПОДДАЮЩИЕСЯ ТОЧНОЙ ДАТИРОВКЕ

924. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Объясните мне мой сон, я у всех спрашивал; никто не знает: на Востоке видна была полная луна, которая расходилась на три части и сходилась три раза.

Потом из луны вышел щит (на щите два раза написано «да, да» старинными церковными буквами),



который прошел всё небо, от востока на запад и скрылся за горизонтом. Щит и буквы осиянные.

Достоевский.

У всех спросите, решительно у всех, он меня очень интересует.

925. И. Ф. ГОРБУНОВУ

Спешу Вас уведомить, многоуважаемый Иван Федорович, что я еду завтра не утром, как я Вам говорил, а вечером. Если есть какое-нибудь поручение, — я к Вашим услугам.

Преданный Вам Ф. Достоевский.

Пятница.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1878

38. Ю. И. ВОЛЬФРАМУ

7 июня 1878. Старая Русса

Милостивый государь!

Согласно Вашему желанию[1] я распорядился высылкою на Комиссию в Ваш магазин[2] моих сочинений в след‹ующем› количестве:

Один экз‹емпляр› «Дневника писателя» на 1876 — 2 р. 50 к.
Один экз‹емпляр› «Дневника писателя» на 1877 — 2 р. 50
Три экз‹емпляра› р‹омана› «Бесы» по 3 р. 50 на 10 р. 50
Три экз‹емпляра› р‹омана› «Идиот» по 3 р. 50 на 10 р. 50
Два экз‹емпляра› «Записки из М‹ертвого› дома» по 2 р. на 4
Два экз‹емпляра› «Преступл‹ения› и наказ‹ания›» по 3 р. 50—7
1‹й› № «Дневника» на 1877—25 ‹к.›

Всего на сумму — 37 руб. 25

Уступка 25%

Я буду Вас покорнейше просить выслать мне комисс‹ионную› квитанцию Вашего магазина на эти книги по след‹ующему› летнему моему адрессу: г. Старая Русса, Новгор‹одской› губ‹ернии›, собств‹енный› дом, Федору Михайловичу Достоевскому.

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слуг‹ой›

7-го июня 1878. Федор Достоевск‹ий›

Расчет по Вашему усмотрению, но непременно раз в год по числу проданных экз‹емпляров›.

На обороте:

Псковскому книгопродавцу
Юлию Ивановичу Вольфраму в г. Пскове.

39. ДОВЕРЕННОСТЬ В. Д. ШЕРУ

Июль 1878. Старая Русса

Милостивый государь Владимир Дмитриевич,

Для обмена лесных наших дач, состоящих Рязанской губернии и того же уезда, с Министерством государственных имуществ на черноземные земли, встречается необходимым отделить крестьянские наделы и указать их на плане; вырыть межевые ямы и поставить столбы, и эти работы можно произвести только по указанию землемера. Не имея возможности присутствовать лично при отмежевании крестьянских наделов, я прошу Вас, милостивый государь, и доверяю Вам, согласно 2320 ст. х. т. части 1 св. законов гражд. изд. 1857 года, заменить меня и, получив на крестьянские наделы особо составленные планы, представить их, куда будет следовать, и всё, что Вы или тот, кому Вы от себя передоверите, сделаете законно, в том верю, спорить и прекословить не буду.

Отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский.

Доверенность эта принадлежит дворянину Владимиру Дмитриевичу Шеру. Что сие верющее письмо подписано отставным подпоручиком Федором Михайловичем Достоевским в том свидетельствую.

1879

40. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л. С. МАКОВУ

Март 1879. Петербург

Докладная записка
отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского.[а]

Всемилостивейшим производством меня в прапорщики в 1856 году из унтер-офицеров[б] 7-го Сибирского линейного батальона, в который вступил я по отбытии четырехлетних каторжных работ 2-го разряда в Омской крепости,[в] мне были возвращены все мои гражданские права, утраченные мною за участие в деле о преступной пропаганде в 1849 году в Петербурге.[г] На паспорте моем, выданном[д] мне при отставке 30 июня 1859 года в гор. Семипалатинске,[е] не значится, чтобы я был под

[а] *Текст*: подпоручика ∾ Достоевского — *автограф Достоевского.*
[б] *Было*: рядовых
[в] *Текст*: меня ∾ крепости — *автограф Достоевского.*
[г] *Текст*: о преступной ∾ Петербурге — *автограф Достоевского.*
[д] *Далее было*: тогда-то, там-то.
[е] *Текст*: выданном ∾ Семипалатинске — *автограф Достоевского.*

присмотром полиции, тем не менее присмотр сей продолжается, как то мне, н.‹а›пр‹имер›, было сообщаемо [ж] в 3-м Отделении Собственной его величества канцелярии, в которую [з] я, отправляясь за границу, всегда должен был обращаться с особою просьбою, и, наконец, еще в 1875 году, когда я, проживая зиму 1874—1875 годов в г. Старой Руссе, узнал от самого старорусского исправника, что состою у него под надзором.[и]

Со времени моего помилования и возвращения мне гражданских прав протекло 25 лет. На сотнях страниц высказал я и высказываю свои убеждения, и политические и религиозные. Убеждения эти, я надеюсь, таковы, что не могут подать повода к тому, чтобы заподозрить мою политическую нравственность, поэтому я и позволяю себе просить, дабы полицейский надзор за мною был прекращен.

Его Высоко‹превосходительству› г-ну М‹инистру› В‹нутренних› Де‹л›

1879 г. март.

[ж] *Далее было*: бывшим С.-Петербургским генерал-губернатором князем Суворовым

[з] *Было*: куда

[и] *Текст*: сообщаемо ∾ под надзором — *автограф Достоевского.*

1880

41. ПРОШЕНИЕ МИРОВОМУ СУДЬЕ

Апрель 1880. Петербург

Господину Мировому судье 24-го участка г. С.-Петербурга
Отставного подпоручика
Федора Михайловича Достоевского

Прошение.

Занимаясь изданием книг, я дал на Комиссию для продажи книжному магазину Кораблева и Сирякова (Большая Садовая, д. Публичной библиотеки) мои издания в следующем количестве: р‹оман› «Бесы» Ф. М. Достоевского, ц. 3 р. 50 к. в количестве пятнадцати экз. (из коих за один экз. уплачено) от 17 января 1875 по квит‹анции› за № 1003, и сочин‹ение› «Записки из Мертвого дома» того же автора, цена 2 руб. в количестве семи экземпляров от 2-го февраля 1878 года по квит‹анции› за № 1309.[1] По смерти г-д Кораблева и Сирякова книжный магазин их закрыт и книги, находившиеся в магазине, переданы опекунам над имением Сирякова: шляпному фабриканту Никитину, жительствующему на Васильевском острове, по Кадетской линии, на углу Среднего проспекта, д. Голубина, № 27, и майору Павлу

Григорьевичу Григорьеву, жительствующему на углу Литейного проспекта и Шпалерной улицы, в здании Окружного суда.

Имею честь покорнейше просить г-на мирового судью 24-го участка сделать распоряжения о том, чтобы опекуны Никитин и Григорьев возвратили мне вышеозначенные книги, в случае же продажи этих книг, выдали мне за них деньги за уступкою условленных 25%. Две квитанции на комиссионные книги при сем прилагаю. Цена иска 63 руб., а за уступкою 25% (в случае, если книги проданы) 47 р. 25 к.

Апреля 1880 г.

Отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский.

Ведение сего дела с правом апелляции доверяю жене моей Анне Григорьевне Достоевской.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский.

Жительство имею:
Кузнечный переул<ок> д. 5, кв. 10 (у Владимирской церкви).

42. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

25 октября 1880. Петербург

В Главное управление по делам печати

Имея намерение возобновить с будущего 1881-го года «Дневник писателя», ежемесячное издание, издававшееся мною в 1876—1877-х годах, по подписке и с предварительною цензурою, имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати разрешить мне сие издание на тех же основаниях, как и прежде.[1]

Октября 25-го 1880 года.

Отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский

Жительство имею в Петербурге, Кузнечный переулок, д. 5, кв. 10.

1881

43. ДОВЕРЕННОСТЬ П. Г. КУЗНЕЦОВУ

3 января 1881. Петербург

По сему билету доверяю получать денежные письма и посылки Петру Кузнецову.

Отставной подпоручик
Федор Михайлович Достоевский,

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

727_1. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ (стр. 7)

8 февраля 1878. Петербург

Милостивый государь Константин Степанович,

Я получил (от 6 февраля сего года) уведомление Ваше о избрании меня в члены-корреспонденты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности равно и диплом на означенное звание.

Убедительнейше прошу Вас, многоуважаемый Константин Степанович, сообщить высокому ученому учреждению, удостоившему меня избрания, что я принимаю его с признательностью и слишком способен [а] ценить честь, мне оказанную, за весьма малые заслуги мои.

При сем покорнейше прошу Вас принять [б] уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Федор Достоевский.

8 февраля
1878 г.

[а] *Было*: умею
[б] *Было*: принять лично

800_1. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 91)

28 июля 1879. Эмс

М<илостивый> г<осударь> В<иктор> Ф<еофилович>

Я рад возобновляющемуся «Гражданину». Вы обещаете говорить [а] в нем еще с большею твердостью, чем прежде. Тем лучше. Ваше направление, во всяком случае, честное и неподкупное, это-то я знаю. Это известно даже и врагам [б] направления Вашего, и они в этом [в] сознавались сами. В наши дни, в наши больные и цинические дни — что важнее и что внушительнее честной [г] и неподкупной мысли — главное неподкупной и [д] не одними лишь деньгами?

[а] *Было*: *а.* говорить еще *б.* писать
[б] *Было*: врагам Вашим
[в] *Далее было*: известно
[г] *Было*: честной мысли
[д] главное неподкупной и *вписано*.

На приглашение же Ваше участвовать в возобновившемся в Берлине Вашем журнале скажу прямо: роман, который пишу теперь («Братья Карамазовы»), поглощает пока все мои силы и всё мое время. По усилившемуся нездоровью моему я с ним запоздал и, может быть, даже не кончу[е] в этом году. Пишу не гоня,[ж] не комкая дела, переделываю, чищу, хочу кончить добросовестно, ибо никогда ни на какое сочинение мое не смотрел я серьезнее, чем на это. А потому всё время мое занято и сколько-нибудь значительного участия пока Вам не обещаю. Но наше время — такое горячее и неопределенное, а главное, такое возбуждающее время, что весьма может быть и[з] возьмусь за перо[и] — ввиду какого-нибудь факта, какого-нибудь явления, которое вдруг поразит и о котором неотразимо захочется сказать хоть несколько слов. Я так писал, когда создавал «Дневник». Теперь, пока еще не возобновил его, весьма может случиться, что и прибегну иногда к гостеприимству Вашего журнала, чтоб напечатать какую-нибудь заметку, что-нибудь, что захочется высказать,[к] дать выход накипевшему чувству.

Во всяком случае желаю Вам всевозможного успеха.

Поистине уважающий и преданный Вам

Федор Достоевский.[1]

[е] *Было*: не кончу его
[ж] *Было*: Главное же пишу не гоня
[з] *Далее было*: пришлю
[и] *Далее было*: для заметки
[к] *Было*: такое высказать, отметить явление или

828_1. М. Н. КАТКОВУ (стр. 134)

9—11 декабря 1879. Петербург

Мертвые руки, бьющие по мертвым персям.[1]

Зосима и который верит, что во Христе заключаются все правды и всякий исход. — 4 года как уже проходят толпами. Я их знаю, а может быть, и они меня знают.

Для чего пишу я это (то есть про важность *для меня* идей моего романа, успешного по возможности окончания его)? А именно в надежде, что не только Вы, но и читатели Ваши простят то, что я не кончил и прошу промежутка для успешнейшего окончания работы.

Совокупите все эти 4 характера, и Вы получите, хоть уменьшенное в 1000-ю долю, изображение нашей современной действительности, нашей современной интеллигентной России. Вот почему столь важна для меня задача моя.[2]

Это ли мертвые руки. Судят ходячие *мертвецы*, вдобавок трусливые мертвецы, казенные мертвецы и, главное, рутинные ретроградные мертвецы. Есть ли трусливые ретроградные казенные

мертвецы? Я сам смеюсь в эту минуту моим эпитетам, но уж пусть останется так, как я написал, прошу Вас, допустите в печать, потому что, по-моему, есть трусливые мертвецы и есть ретроградные мертвецы, именующиеся у нас либералами.

Инквизитор. (Иван холоден). Такие концепции, как билет обратно и Великий Инквизитор, пахнут эпилепсией, мучительными ночами. — А, скажут, сами сознались, что эпилепсией. Да коли такие люди есть, то как же их не описывать? Да разве их мало, оглянитесь кругом, господа, эти взрывы — да вы после этого[a] ничего не понимаете в современной действительности и не хотите понимать, а это уже хуже всего.[3]

---

[a] *Далее было*: знать не

850₁. Е. Ф. ЮНГЕ (стр. 147)

10 апреля 1880. Петербург

Милостивая государыня

многоуважаемая Катерина Федоровна, простите, что слишком промед‹лил› ‹*не закончено*›

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1878

11. ДОВЕРЕННОСТЬ Б. Б. ПОЛЯКОВУ

1878. Петербург

Проект

Милостивый государь, Борис Борисович,

В дополнение доверенности, выданной Вам и явленной 6 марта 1874 года у с.-петербургского нотариуса Нитославского,[1] уполномачиваем Вас войти в соглашение с Министерством государственных имуществ об обмене следуемой нам части в Рязанском наследственном имении на черноземные и другие всякого рода земли; причем просим Вас наблюсти, чтобы обмен лесных наших дач и других угодий был произведен не в ущерб нам и чтобы отвод участков казенной земли по предварительной оценке нашей собственности был произведен в таких губерниях и местностях, где Министерство государственных имуществ признает для себя выгодным, стараясь при этом, чтобы следуемая нам трем наследникам шестая часть из наследственного имения была отведена нам или отмежевана к общим местам и по отводе следующих на нашу часть данных угодий, предоставляем Вам продать таковые на выгодных для нас условиях и полученные деньги доставить нам, или же отдать земли в арендное содержание, а полученные с арендаторов деньги по условиям доставлять нам. Независимо от этого, поручаем Вам, в случае имеющего состояться обмена поземельной нашей собственности на казенные земли, выдать Министерству государственных имуществ, или кому будет следовать от имени нашего, надлежащий акт и всё, что Вы или тот, кому Вы от себя передоверите, в том верим, спорить и прекословить не будем.

Доверенность эта принадлежит действительному статскому советнику Б. Б. Полякову.

1879

12. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ НАСЛЕДНИКАМИ А. Ф. КУМАНИНОЙ

Ноябрь 1879. Петербург

Мы, нижеподписавшиеся наследники г-жи Куманиной: отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский, студент Александр Андреевич Достоевский (по доверенности статского советника Андрея Михайловича Достоевского), дворяне Федор Михай-

лович Достоевский и Михаил Михайлович Достоевский и надворный советник Николай Михайлович Достоевский (причем согласие дворян Федора и Михаила Достоевских имеете получить отдельно, согласие же надворного советника Николая Михайловича Достоевского согласно уведомлению Вашему уже получено) пришли к соглашению с поверенными г-д Шер и г-д Ставровских Владимиром Дмитриевичем Шером в том, что мы, Достоевские, соглашаемся взять вместо причитающейся нам одной трети в имении г-жи Куманиной (Рязанской губернии, Рязанского уезда, Спас-Клепиковской волости) восемьсот десятин леса Пехорки от границы Лярского с юга на север. Все остальное количество десятин, находящееся в разных урочищах имения наследия Куманиной, должно поступить на долю г-д Шер и Ставровских, за исключением участка, находящегося за рекой Прой (вся заречная часть), который остается в общем владении. Раздел должен быть произведен не ранее весны будущего 1880 г. (мая месяца), и охранение Пехорки должно лежать на ответственности Шер и Ставровских. Кроме того, я, отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский, оставляю за собою право до весны 1880 г. выменять у г-д Шер и Ставровских мою часть, то есть двести десятин Пехорки, на четыреста десятин Ширяева Бора у Данкиной деревни.[1]

Отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский.
Студент императорской Медико-хирургической академии
Александр Достоевский.
Дворянин Михаил Михайлович Достоевский.
Дворянин Федор Михайлович Достоевский.

1880

13. И. Ф. ГОРБУНОВУ

28 марта 1880. Петербург

Выручите, добрейший Иван Федорович, из беды: И. С. Тургенев заболел, если и Вы не будете — скандал. Выручайте.

Ор. Миллер.[1]
Ф. Достоевский.

14. ДОГОВОР О РАЗДЕЛЕ РЯЗАНСКОГО ИМЕНИЯ

30 марта 1880. Петербург

1880 года марта 30 дня мы, нижеподписавшиеся, заключили между собой следующий договор для полюбовного раздела имения Рязанской губернии и уезда, доставшегося нам по наследству от г-жи Куманиной.

На долю отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского, статского советника Андрея Михайловича Достоевского, коллежского асессора Николая Михайловича Достоевского и дворян Федора Михайловича и Михаила Михайловича Достоевских на всех отходит восемьсот десятин из юго-восточного конца лесной дачи 115 участка общего Екшурского леса, а именно из урочища, именуемого Пехорка, остальное же все имение г-жи Куманиной за исключением 21 участка, который остается в общем владении, достается на долю вдовы коллежского секретаря Ольги Федоровны Шер, капитана гвардии Федора Дмитриевича Ставровского и коллежского секретаря Максимилиана Дмитриевича Ставровского. Если из вышеупомянутой части урочища Пехорки, отходящей па долю Достоевских, будет продан лес на сруб по пятидесяти рублей за десятину, то мы, Достоевские, удерживая за собой землю из-под проданного леса по вырубке покупателем, в количестве четырехсот десятин Пехорки, причитающихся на нашу долю из числа восьмисот десятин, падающих на всех Достоевских, считаем себя выделенными, и имение поступает в общее владение гг. Шер и Ставровских, за исключением 21 участка, находящегося по ту сторону реки Пры, который остается в общем владении гг. Шер, Достоевских, Ставровских. Мы, нижеподписавшиеся, за себя и наследников наших обязуемся не иметь никаких притязаний на заключенный между нами договор и обязуемся хранить его свято и ненарушимо, в чем и подписуемся.

Копия подписана поверенным Достоевских, Шер и Ставровских В. Д. Шером.

15. МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

Июнь 1880. Москва

Нижеподписавшиеся депутаты на пушкинском празднике от различных учреждений, обществ и периодических изданий считают весьма приятным долгом для себя засвидетельствовать московской городской думе искреннейшую признательность за самый теплый, самый радушный прием, встреченный ими в Москве, за приветливую предупредительность, с которою исполнялись их малейшие желания, за постоянные и увенчавшиеся полным успехом старания города доставить своим гостям всевозможные удобства в самых широких размерах.

Воспоминание об этом истинно русском гостеприимстве московской думы будет для всех иногородних депутатов одним из самых отрадных, какие останутся у них связанными с мыслью об их пребывании на многозначительном для всей России торжестве.

И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский ‹*и др.*›[1]

ПРИМЕЧАНИЯ

Первой книгой т. XXX «Полного собрания сочинений» Достоевского завершается публикация эпистолярного наследия писателя. Том, охватывающий хронологический период с января 1878 г. по 28 января 1881 г., содержит 205 писем и 9 документов, помещенных в разделах «Официальные письма и деловые бумаги» и «Коллективное».

Из числа включенных в том 215 текстов 180 публикуются по подлинникам, находящимся в различных архивах и музеях Советского Союза. 9 писем печатаются по копиям, 26 писем воспроизводятся по тексту первой публикации.

Впервые публикуются 5 документов: доверенность В. Д. Шеру (по тексту, написанному рукою Б. Полякова; июль 1878 г.); прошение мировому судье (апрель 1880 г.); доверенность П. Г. Кузнецову (январь 1881 г.); доверенность Б. Б. Полякову (1878 г.); договор о разделе рязанского имения (30 марта 1880 г.) — см. разделы: Официальные письма и деловые бумаги, №№ 39, 41, 43 и Коллективное, №№ 11 и 44.

Уточнены адресаты 3-х писем, публиковавшихся как письма к М. Н. Каткову (вторая половина апреля 1879 г.), В. П. Гаевскому (третья декада марта 1880 г.) и В. Д. Комаровской (предположительно) от 19 февраля 1880 г. (см.: *Д, Письма*, т. IV, стр. 49, 133, 223; причем в первых двух случаях уточнена также датировка писем). Уточнено также время написания 16 писем, датировавшихся в предыдущем издании ошибочно или приблизительно (см. таблицу на стр. 258). Приложенный к тому «Список несохранившихся и ненайденных писем» содержит указания на 31 письмо Достоевского к разным лицам, среди которых такие адресаты, как Н. Н. Бекетов, Н. А. Любимов, П. И. Вейнберг, С. А. Юрьев, К. П. Победоносцев.

Строго выдержан основополагающий принцип академических изданий — полнота публикации текстов писем. Некоторые письма, публиковавшиеся ранее с сокращениями и купюрами, в настоящем издании печатаются полностью в соответствии с требованиями научного издания.

Последний период жизни Достоевского (1878—начало 1881 г.), получивший разностороннее отражение в письмах настоящего тома, — это время полного расцвета его творческого гения, вершина в художественном развитии писателя. В эти годы Достоевский создает роман-эпопею «Братья Карамазовы» и Пушкинскую речь. Они представляют собой своеобразный идейно-художественный синтез всего его творчества, духовное завещание писателя.

Жизнь Достоевского этих лет, небогатая внешними событиями, наполнена интенсивной творческой деятельностью. Достоевский, постоянно живя в Петербурге, летом обычно отдыхает с семьей в Старой Руссе, в 1879 г. выезжает для лечения в Эмс. Имя писателя в последние годы его жизни приобретает широкую известность и популярность у русской публики.

В начале 1878 г. Достоевского избирают действительным членом-корреспондентом имп. Академии Наук, в 1880 г. — почетным членом Общества любителей российской словесности. В 1878 г. он получает приглашение принять участие в работе Международного литературного конгресса в Па-

Адресовано	Датировано	Датируется в настоящем издании
Е. П. Корнилова (№ 726)	1876—1877 гг.	Вторая половина января 1878 г.
А. Н. Якоби (№ 728)	Февраль 1878 г.	Февраль (после 8) 1878 г.
Н. М. Достоевскому (№ 740)	1870-е годы	Около 17—18 апреля 1878 г.
Н. М. Достоевскому (№ 743)	1870-е годы	21—22 апреля 1878 г.
Э. Абу (№ 745)	Вторая половина мая 1879 г.	2 (14) апреля 1878 г.
Студентам Института инженеров путей сообщения (№ 767)	Конец ноября 1878 г.	26 ноября 1878 г.
Н. М. Достоевскому (№ 768)	17 декабря	17 декабря 1878 г.
Н. А. Любимову (ранее предположительно адресовалось М. Н. Каткову — № 779).	Вторая половина апреля 1879 г.	14 апреля 1879 г.
М. Н. Каткову (№ 828)	2 декабря 1879 г.	12 декабря 1879 г.
А. Г. Достоевской (№ 840)	а) 29 марта 1880 г. б) 29 апреля 1880 г.	29 января 1880 г.
П. И. Вейнбергу (ранее предположительно адресовалось В. П. Гаевскому — № 845)	Третья декада марта 1880 г.	6 марта 1880 г.
А. Г. Достоевской (№ 862)	25—26 мая 1880 г.	26 мая 1880 г.
А. Г. Достоевской (приписка к письму 862)	25 мая 1880 г. (приписка к письму от 25 мая 1880 г.)	26 мая 1880 г. (приписка к письму от 26 мая 1880 г.)
Н. А.Ивановой (№ 879)	10-е числа июня	15 июня 1880 г.
Н. М. Достоевскому (№ 918)	Конец 1880 г. или январь 1881 г.	26 декабря 1880 г.
	Коллективное	
Н. Ф. Горбунову (№ 13)	Вторая половина 1870-х годов	28 марта 1880 г.

риже. Количество его корреспондентов, как и в 1876—1877 гг., стремительно возрастает. Автор «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых» для многих становится любимым писателем, учителем жизни.

Письма, вошедшие в настоящий том, чрезвычайно разнообразны и интересны по своему содержанию. Существенное место в них занимают литературные вопросы.

Так, в частности, письма Достоевского этого периода — поистине бесценный источник для изучения творческой истории романа «Братья Карамазовы» на всех ее стадиях — от возникновения замысла и до создания завершенной редакции романа и его публикации. В них (особенно в письмах к Н. А. Любимову, К. П. Победоносцеву и др.) содержатся авторские

разъяснения идейно-философского смысла романа в целом, а также его отдельных книг и глав (например, книг «Pro и contra», «Русский инок», «Предварительное следствие»; глав «Бунт», «Кана Галилейская», «Черт. Кошмар Ивана Федоровича»); даны характеристики персонажей. Наконец, исследователь найдет здесь богатый материал для изучения поэтики и стиля «Братьев Карамазовых».

В письмах Достоевского получили широкое отражение и злободневные проблемы западноевропейской и русской действительности, всегда интересовавшие писателя. Он размышляет об исторических судьбах России и Европы, о путях и движущих силах общественного прогресса в России, об интеллигенции и народе, о молодежи, на которую он возлагал в конце жизни большие надежды.

«...никогда еще не было у нас, в нашей русской жизни, такой эпохи, — писал Достоевский петербургским студентам 18 апреля 1878 г., — когда бы молодежь (как бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной) в большинстве своем огромном была более, как теперь, искреннею, более чистою сердцем, более жаждущею истины и правды, более готовою пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды. Подлинно великая надежда России!» (см. наст. том, стр. 23). Достоевский неустанно пропагандирует в своих письмах идею необходимости сближения интеллигенции с народом как необходимейшего условия общественно-политического и культурного обновления России.

В июне 1880 г. в Москве в связи с открытием памятника Пушкину состоялись грандиозные пушкинские празднества, в которых Достоевский принял активное участие. Пушкинская речь Достоевского, прочитанная им на заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г., явилась выдающимся общественным событием в культурной жизни страны.

Впечатления Достоевского от пушкинских празднеств получили отражение в его письмах к жене. Анна Григорьевна — почти единственный корреспондент Достоевского в эти заполненные до отказа дни. Только ей, урывая минуты свободного времени, Достоевский находит возможность посылать почти ежедневный отчет о происходящем. Его описания торжественных празднеств, заседаний, литературных вечеров, чтений, обедов, выступлений ораторов, встреч с разнообразными людьми, знакомыми и незнакомыми, знаменитыми и неизвестными и т. д. сделаны зорким и наблюдательным художником. Глубоко содержательные и в то же время живые, эмоциональные, письма эти — замечательная летопись пушкинских торжеств 1880 г., в них бьется живой пульс эпохи, ощущается время небывалого, хотя и кратковременного, единения интеллигенции различных политических направлений. Особенно замечательно своей эмоциональной приподнятостью и художественной выразительностью письмо Достоевского к жене от 8 июня 1880 г. с рассказом о только что пережитом писателем грандиозном триумфе, вызванном его Пушкинской речью, встреченной в день ее произнесения единодушным восторгом. Этот триумф доставил Достоевскому моменты высочайшего счастья и удовлетворения.

В Пушкинской речи Достоевский завещал своим современникам и потомкам великую идею общечеловеческого единения и мирного разрешения национальных противоречий. Писатель верил в особую «всечеловеческую» и миротворческую миссию России и русского народа в деле претворения в жизнь этой идеи.

Публикуя полностью текст писем Достоевского, редакция отдает себе отчет в том, что ряд мест в его письмах к жене, к Н. Е. Грищенко, В. Ф. Пуцыковичу, К. П. Победоносцеву, Ю. Ф. Абаза и другим корреспондентам требуют к себе исторического подхода. Вслед за славянофилами 30—40-х гг. Достоевский-публицист в «Дневнике писателя» не раз развивал взгляд, согласно которому социальные, классовые антагонизмы обусловлены в конечном счете борьбой нравственно-религиозных принципов и национальных «идей» различных народов. Исходя из этого взгляда,

в указанных письмах Достоевский остро реагирует на рост в конце XIX века в условиях быстрого развития капитализма в России социальной роли и влияния во всех сферах жизни богатой части русского (как и западноевропейского) еврейства. Нравственный, религиозный и бытовой облик его представителей вызывает у Достоевского отталкивание, так как писатель видит в них силу, враждебную тому патриархально-демократическому народному сознанию, идеализация которого лежала в основе «почвеннических» историко-философских и религиозных взглядов Достоевского. В современных условиях все подобные высказывания писателя нуждаются в критическом восприятии, основанном на строгом научном анализе исторической обстановки, равно как и на принципах нашего сегодняшнего социалистического мировоззрения.

То же самое следует сказать об отношении Достоевского к современному ему западноевропейскому рабочему движению, о котором писатель имел весьма смутное представление, так как черпал сведения о нем из враждебной ему русской консервативной или западной буржуазной прессы.

Свою общую позицию по тогдашнему еврейскому вопросу Достоевский изложил в письме А. Г. Ковнеру от 14 февраля 1877 г. (см. наст. изд., т. XXIX_2, стр. 138—141, 278—281), а наиболее обстоятельно — во второй и третьей главах мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г., создававшихся под непосредственным воздействием переписки Достоевского с А. Г. Ковнером, Т. В. Брауде и С. Е. Лурье (см. наст. изд., т. XXV, стр. 74—92, 387—390).

«Всего удивительнее мне то, — восклицает Достоевский в «Дневнике писателя», — как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа, как нации? <...> ненависть к еврею как к народу <...> я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя <...> снимаю» (см. там же, стр. 75).

Далее Достоевский пишет здесь, что и в русском народе «нет предвзятой ненависти к еврею», а есть в ряде случаев «несимпатия», происходящая, по мнению писателя, «не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а от иных причин» (там же, стр. 80—81). Народ осуждает еврея «как эксплуататора» (там же). Критический пафос Достоевского носит ярко выраженный антибуржуазный характер. Достоевский отмечает также проявления еврейского национализма (стремление к национальной обособленности и замкнутости, идея национальной исключительности евреев и их высокомерное отношение к другим религиям и народностям).

В главке «Но да здравствует братство!» Достоевский пишет: «...я окончательно стою, однако же, за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве <...> и за полнейшее равенство прав с коренным населением <...> Да будет полное и духовное единение племен и никакой разницы прав!» (там же, стр. 86—87). Разрешение еврейского вопроса в России XIX века Достоевский видел в преодолении народами национальных предрассудков, вражды и недоверия друг к другу, «в полном братстве, на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему <...> А за русский народ поручиться можно: о, он примет еврея в самое полное братство с собою, несмотря на различие в вере...» (там же, стр. 87).

Символом братского единения людей различных национальностей для Достоевского становится старый доктор Гинденбург, посвятивший свою жизнь бескорыстному служению русской, немецкой и еврейской бедноте, единодушно оплакивавшей его смерть. Приведя рассказ о нем в «Дневнике писателя», Достоевский заключает: «Единичный случай, скажут. Что ж, господа, я опять виноват: опять вижу в единичном случае чуть ли не начало разрешения всего вопроса ... ну хоть того же „еврейского вопроса“, которым я озаглавил мою вторую главу этого «Дневника» <...> эти-то „общие человеки“ побеждают мир, соединяя его; предрассудки будут бледнеть с каждым единичным случаем и наконец вовсе исчезнут <...> нужно очень немного таких, чтобы спасти мир, до того они сильны» (там же, стр. 90, 92).

Тексты писем подготовили и примечания к ним составили: А. М. Березкин (740, 743, 744, 768, 834, 839, 841, 842, 845, 846, 850, 853, 854, 860—872, 876, 877, 885, 886, 889, 895, 897, 904 (тексты и примечания); Н. Ф. Буданова (840, 862 — совместно с А. М. Березкиным, 923, 924; Коллективное, 13 (тексты и примечания)); Е. И. Кийко (727—728, 730—739, 741—742, 745—767, 769—833, 835—838, 843, 844, 848, 849, 851, 852, 855—859, 873—875, 878—884, 886, 887, 890—894, 896, 898—903, 905—907, 910—911, 920—922; Другие редакции (тексты и примечания); Г. В. Степанова (726 — текст и примечания); И. Д. Якубович (729, 847, 925; Офиц. письма и делов. бумаги, 38—43; Коллективное — 11, 12, 14, 15 (тексты и примечания)). Список несохранившихся и ненайденных писем подготовили А. В. Архипова (1879—1881 гг.) и И. А. Битюгова (1878 г.).

Указатель мест пребывания Достоевского за 1878—1881 гг. составлен И. Д. Якубович.

Аннотированный указатель имен, указатель произведений Достоевского и указатель писем по адресатам подготовлены Н. Ф. Будановой и И. Д. Якубович при участии других составителей тома.

Вступительная заметка к примечаниям написана Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендером.

Редакторы тома: Н. Ф. Буданова, Г. М. Фридлендер, И. Д. Якубович.

726. Е. П. КОРНИЛОВОЙ (стр. 7)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 7. На полях карандашная запись неизвестного лица: «Ф. М. Достоевский. 1821—1881. Знаменитый писатель. В 1849 по делу Петрашевского он был приговорен к смертной казни».

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 323.

Письмо датируется по следующим соображениям: 1) Оно написано после 22 апреля 1877 г. — после оправдания и освобождения Корниловой из тюремного заключения; 2) Достоевский дважды виделся с Корниловыми в 1877 г. В декабрьском выпуске «Дневника писателя» он вспоминал: «На третий день после оправдательного приговора (22 апреля 1877 г.) они, муж и жена, приехали ко мне утром» (наст. изд., т. XXVI, стр. 103). Следовательно, Корниловы посетили писателя 25—26 апреля — в дни напряженной и срочной работы его над апрельским выпуском «Дневника писателя». 25 и 26 апреля М. А. Александрову были высланы наборные рукописи еще только первой главы (см. там же, т. XXIX_2, стр. 154). Писателю предстояло завершение рассказа «Сон смешного человека» — для второй главы. Лишь 2 мая конец рассказа был отослан в типографию (см. там же, стр. 155). Из письма от 4 мая следует, что Достоевский еще не знал расчета страниц и не знал, следует ли ему что-либо написать (см. там же). Он всегда стремился полностью использовать листаж. Получив от Александрова этот расчет, он написал и отправил ему главки «Освобождение подсудимой Корниловой» и «К моим читателям». Главка, ей посвященная, и могла заинтересовать Корнилову. Но в день первого визита Корниловых, как следует из вышеизложенного, Достоевский не мог обещать ей эту главку; 3) Второй раз Достоевский свиделся с Корниловыми в декабре 1877 г. «Перед рождеством, с месяц назад, не видав Корниловых месяцев шесть, я зашел к ним на квартиру...», — говорится в первой главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» (там же, т. XXVI, стр. 103). Именно в это время Достоевский работает над первой главой выпуска за декабрь «Дневника писателя» 1877 г., посвященной делу Корниловой и полемике вокруг выступления писателя по этому делу (см. там же, стр. 92—110, 408—410). Представляется обоснованным предположение, что при посещении Корниловых Достоевский сказал им об этой главе и обещал доставить Корниловой эту, как он выразился, «статейку». Декабрьский выпуск за 1877 г. был подписан к печати 15 января 1878 г.

Следовательно, и письмо Достоевского написано не ранее этой даты — в самые ближайшие дни после нее.

[1] О чем идет речь в данном письме, установить не удалось.
[2] См. об этом выше, в пункте 3 обоснования датировки.

727. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ (стр. 7)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29612.

Впервые опубликовано: *«Достоевский». Однодневная газета*, стр. 18.
Ответ на официальное уведомление от 6 февраля 1878 г. за подписями графа Ф. Литке, В. Буняковского и К. Веселовского об избрании Достоевского в члены-корреспонденты Академии наук (там же; хранится: *ГЛМ*, ОФ, № 6374).

[1] Достоевский отвечает на следующее полученное им уведомление: «Императорская Академия наук, желая выразить свое уважение к литературным трудам вашим, избрала вас, милостивый государь, в свои члены-корреспонденты по отделению Русского языка и Словесности».

Почетный диплом на латинском языке опубликован Б. Л. Модзалевским в статье «Достоевский — член-корреспондент Академии наук» (*«Достоевский». Однодневная газета*, стр. 18; хранится: *ГЛМ*, ОФ, № 6374). Избрание состоялось 2 декабря 1877 г. и было оглашено в торжественном годовом собрании Академии наук 29 декабря 1877 г. В связи с этим событием Достоевская писала: «Федор Михайлович был очень доволен этим избранием, хотя и несколько запоздалым (на 33-й год его деятельности) сравнительно с его сверстниками по литературе» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 326).

К тому времени из числа русских писателей уже были избраны членами-корреспондентами Академии наук Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, А. К. Толстой, А. Н. Майков.

Одновременно с Достоевским по Отделению русского языка и словесности были избраны М. И. Миличевич (старший секретарь Сербского министерства народного просвещения) и А. О. Патера (помощник Директора Королевского чешского музея в Праге) (*«Достоевский». Однодневная газета*, стр. 17—18).

[2] На тексте письма Достоевского Веселовский сделал помету: «Письмо Достоевского было зачитано в заседании Общего собрания Академии 3 марта 1878 г.».

728. А. Н. ЯКОБИ (стр. 7)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 5173.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 6, причем была ошибочно названа более поздняя фамилия Якоби — Пешкова-Толиверова.
Ответ на письмо Якоби от 8 февраля 1878 г. (*ГБЛ*, ф. 93, 7.79).
Датируется по связи с письмом Якоби.

[1] Якоби послала Достоевскому книгу: На память о Николае Алексеевиче Некрасове. (Прибыль с этого издания назначается на образование стипендии имени поэта при С.-Петербургском университете). СПб., 1878.

[2] Декабрьский выпуск «Дневника писателя» 1877 г. вышел в свет лишь в январе 1878 г. (ценз. разр. 15 января). Цензурное разрешение сборника памяти Некрасова 22 января. В этом сборнике были перепечатаны четыре первых раздела из главы второй декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г., посвященные Некрасову (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 111—125). В связи с этим Якоби сообщила Достоевскому: «Перепеча-

тывая отголоски столичной и провинциальной печати, мы не обращались к Вам за позволением перепечатать Вашу статью о покойном, потому что сбор с книжки идет на вышесказанную цель».

[3] В том же письме Якоби просила у Достоевского разрешения «издать для детей маленькую книжечку <...> „У Христа на елке“». Рассказ «Мальчик у Христа на елке» был напечатан в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 14—17). Намерение Достоевского издать «маленькие рассказы» отдельным сборником не было осуществлено. Такой сборник вышел уже после смерти писателя в 1883 г. (см. там же, стр. 324).

[4] Якоби просила передать «сердечный привет Анне Григорьевне», с которой состояла в переписке (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 455).

729. Н. Е. ГРИЩЕНКО (стр. 8)

Печатается по тексту первой публикации: *НВр*, 1891, 18 марта, № 5406, где письмо опубликовано не полностью.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Грищенко от 16 февраля 1878 г. На конверте письма помета Достоевского: «NB. Отвечать. X» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.72).

[1] Публикация письма к Грищенко сопровождалась в «Новом времени» следующим примечанием: «Приводимое ниже письмо Ф. М. Достоевского, любезно сообщенное нам Н. Е. Грищенко, которому оно адресовано, мы печатаем целиком, за исключением только мест, не представляющих никакого интереса».

[2] Письмо Достоевского является ответом на следующее письмо Грищенко:

«Многоуважаемый Федор Михайлович!

Не бывши подписчиком Вашего „Дневника писателя“, я имел возможность постоянно читать его, и теперь, прочитавши последний выпуск Вашего издания, осмеливаюсь принести Вам свое глубокое сожаление по поводу прекращения издания „Дневника“ и, вместе с тем, благодарить Вас за то удовольствие, ту пользу, которую принес „Дневник“ многим его читателям.

Зная из „Дневника“, что Вы ведете с подписчиками переписку, я почтительнейше прошу Вас позволить и мне как читателю, глубоко уважающему автора „Дневника“, обращаться иногда к Вам с своими сомнениями, вопросами, которые возбуждаются жизнию и удовлетворительного решения которых трудно найти как в окружающей среде, так и в повременной литературе, долженствующей быть руководительницею и советчицею общества. Но чему может научить наша современная пресса? В ком из представителей ее можно найти ум, знание, а главное, искренность? Зато сколько отвратительных явлений представляет периодическая печать! Что означает, например, история студентов евреев <?> с Suворинным? Или такой факт: является в свет „Слово“. Радуешься, разумеется, этому явлению. Но это „Слово“ сразу же отталкивает от себя: во второй своей книжке оно выступает защитником жидов! Знает ли редакция „Слова“, что такое жиды, напр., для Черниговской губ.? Они для нас ужаснее, чем турки для болгар: болгары, несмотря на весь турецкий гнет, богаче наших крестьян; для спасения болгар ведется война. Русские же крестьяне вконец порабощены жидами, ограблены ими, и за жидов заступается русская же пресса! Такие отвратительные факты просто в отчаяние приводят. Тем более чувствуешь уважения, благодарности к людям с человеческою душою, таким как Вы. Надеюсь, что Вы не откажетесь позволить мне обращаться к Вам за словом правды, исповедоваться перед Вами и искать у Вас утешения. На первый раз прошу Вас только известить меня

о получении моего письма и сказать несколько слов о текущей литературе, именно то, о чем я выше поставил вопрос.

В заключение еще одна просьба. Желая иметь Вашу фотографическую карточку, но не имея возможности достать ее, покорнейше прошу Вас, если возможно, выслать мне Ваш портрет.

На ответ прилагаю почтовую марку.

Примите уверение в моей искренней преданности.

Н. Грищенко.

Козелец, 16 февраля 1878 г.

Адрес: Козелец Черниговской губ., учителю приходского училища Николаю Епифановичу Грищенко».

[3] Журнал «Слово» начал выходить с января 1878 г. под редакцией Д. А. Корончевского и И. А. Гольдсмита. Речь шла о статье Г. Богрова «Жить или не жить евреям повсеместно в России?» (*Сл*, 1878, № 2, отд. II, стр. 11—20).

730. Л. А. ОЖИГИНОЙ (стр. 9)

Печатается по тексту первой публикации: «Русь», 1881, 15 августа, № 40. Подлинник неизвестен.

Ожигина ответила 13—23 марта 1878 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.83). На конверте помета Достоевского: «От Ажигиной».

[1] Ожигину звали Людмила Александровна (см. письмо Н. Н. Бекетова к Достоевскому от 18 августа 1878 г. — *ГБЛ*, ф. 93, II.1.35).

[2] Эти письма Ожигиной неизвестны.

[3] На первое письмо Ожигиной Достоевский ответил 17 декабря 1877 г. на адрес Н. Н. Бекетова (см. письмо 721). Ожигина не получила этого письма, так как писала Достоевскому 23 марта 1878 г.: «Я думала, что могу получить от Бекетовых Ваше письмо (первое). Но этого до сих пор мне не удалось».

В письме к Достоевскому от 18 августа 1878 г. Бекетов обещал прислать ему адрес Ожигиной и сообщал подробности биографии заинтересовавшей Достоевского его почитательницы. Бекетов писал об Ожигиной, что она «женщина переходного времени <...> начала она жизнь в ту эпоху, когда русская женщина впервые встрепенулась и захотела самостоятельной, независимой жизни», она «принялась за изучение медицины, ходила на лекции в наш университет (лет 15 тому назад) и усердно занималась», затем была преподавательницей в женской гимназии, «но это занятие было не по ней — она столько передумала и перечувствовала, что ей захотелось высказаться, и вот она задумывает писать роман <...> ей удалось поместить его в „Отечественных записках“». Заключая характеристику Ожигиной, Бекетов сообщал Достоевскому, что теперь она живет близ Белгорода «домашнею наставницею и пытается продолжить свои труды <...> душа у нее хорошая — она во всяком случае женщина очень развитая, много над собой трудящаяся» (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.75).

[4] Было высказано предположение (см.: *Д, Письма*, т. IV, стр. 344), что встреча Ожигиной с Достоевским ранней весной 1878 г. описана Достоевской в главе воспоминаний «Приезд поклонницы» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 330—331).

731. Н. Л. ОЗМИДОВУ (стр. 10)

Печатается по тексту первой публикации: «Русь», 1881, 6 июня, № 30. Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Озмидова от 2 января 1878 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29798).

[1] Письмо Озмидова Достоевский получил, судя по почтовому штемпелю на конверте, 3 января 1878 г. Высказав сожаление по поводу того, что Достоевский прекращает издание «Дневника писателя», Озмидов писал: «В особенности я жалею, что не буду слышать от Вас мыслей о *необходимости* понятия о бессмертии души для человеческого прогресса. У меня составилось понятие о необходимости любви к ближнему и прогресса из других основ и свойств человека, а потому весьма желательно было бы услыхать Вас, хотя в дневнике Вашем и рассеяны намеки, и я почти знаю, в каком духе Вы будете решать».

[2] Послания апостола Павла (14) входят в Новый завет.

[3] Затронутая здесь и выше проблема соотношения природного и нравственного начал человеческой личности волновала Достоевского на протяжении всей его жизни. «Роковой и вековечный» вопрос у Озмидова возник под впечатлением чтения декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. и в особенности главки «Голословные утверждения», где Достоевский рассуждал о «необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 46—50). В тот период, когда писался ответ Озмидову, Достоевский обдумывал план будущего романа «Братья Карамазовы», во второй книге которого подробно обсуждается эта же проблема (см. там же, т. XIV, стр. 64—65; т. XV, стр. 207, 208 и примеч., стр. 417). См. также письмо 737, примеч. 4.

732. В. В. МИХАЙЛОВУ (стр. 11)

Печатается по тексту первой публикации: *Биография*, отд. III, стр. 329—331.

Подлинник неизвестен.

Михайлов ответил 2 апреля 1878 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.102).

[1] Это письмо Михайлова неизвестно.

[2] Речь идет о следующем обращении к Михайлову: «Корреспонденту, написавшему мне длинное письмо (на пяти листах) о Красном Кресте, сочувственно жму руку, искренно благодарю его и прошу не оставлять переписки и впредь» (наст. изд., т. XXVI, стр. 127). О своей причастности к деятельности Красного Креста Михайлов сообщил Достоевскому и в письме от 2 апреля 1878 г.

[3] Речь идет о «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 411, 438—439).

[4] Достоевский интересовался наблюдениями Михайлова над детьми как известного педагога, преподавателя Елизаветградского (ныне г. Кировоград УССР) реального училища, бывшего содержателя пансиона для мальчиков, еще в 1860-х гг. выступавшего в печати со статьями на темы воспитания. В ответном письме Михайлов писал: «...узнав о Вашем желании писать детей, сразу открываю Вам свои карты: А дети? Что это за прелесть, что это за полнота, свежая, простая, громко прославляющая собою высшее божее создание — человека! И мы-то, деятели присяжные, умудряемся все это истолочь до неузнаваемого. Не огулом говорю я, дорогой Федор Михайлович. Вместе с Ушинским, которого много любил, признаю не педагога, не воспитателя, а просто человека, с любовью подходящего к детям <...> и верю, слепо верю чутью самого ребенка». Однако своих конкретных наблюдений над поведением детей Михайлов не сообщил: «Ничего я Вам сейчас о ребятах не напишу, истинно не в силах. <...>А написать хотелось бы много, кое-что в голове и роптся. Вот уже Пасха придет, соберусь с силенками и настрочу, а пока простите».

В списке писем, которые Достоевский собирался написать во второй половине апреля 1878 г., имеется запись: «Михайлову (непременно)» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 116), следовательно, переписку с ним писатель предполагал продолжить, но сведений о более поздних письмах Михайлова к Достоевскому нет.

[5] Внезапная кончина сына Алеши изменила планы Достоевского. Он выехал с семьей в Старую Руссу после 19 мая 1878 г., а 20 июня был уже в Москве.

[6] Фотография Достоевского, посланная при письме, не сохранилась.

733. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 13)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 8.

[1] Вероятно, Достоевский имел в виду доходы, которые приносило ему прекращенное с января 1878 г. издание «Дневника писателя».

734. Н. П. ПЕТЕРСОНУ (стр. 13)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.38.
Впервые опубликовано: *РА*, 1904, № 3, стр. 402—403.

[1] Очевидно, в не дошедшем до нас письме Достоевскому от 3 марта 1878 г. Петерсон повторил просьбу прислать книги в библиотеку г. Керенска Пензенской губ. (ныне г. Вадинск), где в это время он служил.

[2] Это письмо Петерсона неизвестно.

[3] Речь идет о Н. Ф. Федорове — русском философе-утописте. Считая грехом всякую собственность, в том числе на идеи и на книги, Федоров при жизни ничего не опубликовал под своим именем. Впоследствии В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон, ученики философа, издали его избранные заметки и статьи под общим названием «Философия общего дела» (т. 1, Верный, 1906; т. 2, М., 1913; см. также: Н. Ф. Федоров. Сочинения. М., 1982). Центральная идея Федорова — преодоление смерти. Нужно жить, учил он, не для себя (эгоизм) и не только для других (альтруизм), но со всеми и для всех, объединившись в союз живущих (сыновей) для воскрешения умерших (отцов) (см.: Философия общего дела, т. 2, стр. 8). Для этой цели, считал Федоров, «нужно создать трудовые артели, которые изучали бы научно-технические приемы ‹...› управления всеми молекулами и атомами внешнего мира так, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить, то есть сложить в тела отцов» (там же, стр. 442).

[4] Лекции Вл. С. Соловьева, называвшиеся «Чтения о богочеловечестве», состоялись в Петербурге в марте 1878 г. Достоевский, очевидно, имеет в виду восьмую лекцию. Вл. С. Соловьев говорил в ней о клеточно-атомном строении «человеческой особи», которая, по его определению, является «физическим организмом», представляющим собой «агрегат множества органических элементов».

В отличие от Федорова, верившего в то, что «молекулы и атомы» живого организма не уничтожаются даже после смерти и что их можно «собрать», «соединить» и таким образом воскресить умершего (см.: Философия общего дела. Верный, 1906, т. 1, стр. 442), Соловьев отрицал «полную действительность» реального человека. «Полную действительность» он признавал только за «существами идеальными», «неданными», по его определению, «в непосредственном внешнем опыте», за существами, «которые не суть сами по себе — ни материально, в нашем пространстве, существующие элементы, ни психически...». Он утверждал, что «человек идеальный» «неизмеримо более существенен и реален, нежели видимое проявление человеческих существ» (В. С. Соловьев. Собрание сочинений. СПб., 1905, т. 3, стр. 113, 115—116).

Свое отношение к идеям Федорова Соловьев высказал впоследствии в письмах к философу: «„Проект“ Ваш («Воскресения предка». — *Ред.*) я принимаю *безусловно* и без всяких разговоров, — писал он в середине

1880-х гг., — поговорить же нужно не о самом проекте, а об некоторых теоретических его основаниях или предположениях...» (В. С. Соловьев. Письма. СПб., 1909, т. 2, стр. 345).

В следующем письме Соловьев определил сущность своих расхождений с Федоровым. «Цель не есть простое воскресение *личного состава* человечества, а восстановление его в *должном виде*..., — писал Соловьев и добавлял: — <...> наше дело и должно иметь религиозный, а не научный характер...» (там же, стр. 346, 347). Федоров в свою очередь посвятил специальный философский трактат, в котором разъяснил отличие своего учения от «мистицизма» (по его собственному определению) Соловьева и Достоевского (см. ниже, примеч. 7).

[5] Э.-Ж. Ренан в книге «Жизнь Иисуса» (1863) писал: «Кто знает? может быть, когда-нибудь род человеческий на самой высшей ступени своего прогресса, через миллионы веков, достигнет абсолютного понимания вселенной и в этом понимании откроет путь возвращения вновь к жизни того, что раз вкусило жизнь?» (Эр. Ренан. Жизнь Иисуса. Берлин, 1875, стр. 240).

Этот же вопрос Ренан поставил и перед знаменитым французским химиком и общественным деятелем М. Бертло, обратившись к нему в августе 1863 г. с пространным письмом, опубликованным в «Revue des Deux Monds» (1863, t. 47, p. 761—774). Размышляя о вечности и бесконечности Вселенной, Ренан там писал: «Так как категория времени и пространства не существует в абсолютном, то для абсолютного сущим является и то, что было, и то, что будет. <...> Дух станет всемогущим, идея будет всей действительностью — что значит это, как не то, что всё оживет в идее?».

Далее Ренан выражал уверенность, что «конечное воскресение произойдет посредством знания человека или какого-нибудь разумного существа» (Ibid., p. 774).

Федоров считал, что Ренан, пропагандировавший в начале своей деятельности мысль о «преодолении смерти», отказался от этой идеи под влиянием ответного письма Бертло. «Бездушный химик, — писал Федоров в заметке «О Ренане», — не мог возвыситься до этой мысли, и Ренан согласился с ним...» (Философия общего дела. М., 1913, т. 2, стр. 32).

В 1876 г. в «Философских диалогах и фрагментах» (Dialogues et fragments philosophiques. Paris, 1876) Ренан вновь возвратился к мысли о возможном воскресении умерших. Об этом см.: Е. И. Кийко. Достоевский и Ренан. — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 106—121.

[6] Пятидесятница (или Троица) — христианский праздник, отмечается на пятидесятый день после пасхи. Вознесение — сороковой день после пасхи. Достоевский ошибочно соединил эти два праздника в один.

[7] Достоевский так и не дождался ответа от Федорова. Впоследствии Петерсон сообщил издателю «Русского архива», что Федоров хотел изложить Достоевскому свою философию, но работа затянулась и «не была закончена и в 1879, и в 1880 гг., а затем Достоевский умер» (*РА*, 1909, № 6, стр. 701).

[8] Очевидно, Петерсон изложил в письме к Достоевскому взгляды Федорова на задачи народного образования, о которых можно судить по их изложению в статье: В. А. Кожевников. Н. Ф. Федоров. Воспитатель и учитель (*РА*, 1904, № 4, стр. 545—554).

735. А. П. УМАНЕЦ (стр. 15)

Печатается по тексту первой публикации: «Нева», 1906, 10 декабря, № 7, стр. 721—722.

Подлинник неизвестен.

[1] Об этом Достоевский писал уже в письме к В. В. Михайлову (см. письмо 732).

[2] В несохранившемся письме от 21 января 1878 г. Уманец, вероятно, сообщала, что она не получила запоздавшего с выходом в свет декабрь-

ского номера «Дневника писателя» за 1877 г., цензурная дата которого 15 января 1878 г.

³ Фотография Достоевского, посланная при письме, не сохранилась.

736. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ» (стр. 16)

Печатается по тексту первой публикации: *НВр*, 1878, 27 марта, № 746. Подлинник неизвестен.

¹ Как вспоминал М. А. Александров, И. Н. Ливчак создавал множество различных технических проектов, например, особого моста для переправы войск вместо понтонного, универсального прицельного станка, типографской наборной машины, прибора для управления паровозами и др. (*РС*, 1892, № 5, стр. 309—312). О новом своем проекте Ливчак писал Достоевскому 2 мая 1878 г. (см. письмо 747, примеч. 3).

² В февральской книжке «Русского вестника» за 1878 г. известный русский химик А. М. Бутлеров, проявлявший большой интерес к спиритизму, поместил статью под названием «Четвертое измерение пространства и медиумизм», в которой рассказал об опыте немецкого астрофизика И. К. Ф. Цёльнера, произведенном им при посредстве американского медиума Слэда, опыте, в ходе которого появились узлы на веревке, предварительно связанной и припечатанной сургучом к другой веревке. В обычных условиях, утверждал Бутлеров, человек не в силах завязать узел на веревке, конец которой не свободен и не может быть пропущен в петлю. Успех своего опыта Цёльнер объяснил в первом томе своих «Научных статей» существованием четырехмерного пространства, которое якобы воспринимают только спиритические медиумы. В их присутствии «могут действовать до сих пор еще скрытые для нас, так называемые каталитические силы, способные освобождать и превращать в живую силу некоторую часть той *потенциальной* энергии, запас которой находится во всех телах» (цит. по статье А. М. Бутлерова «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма» — *РВ*, 1879, № 4, стр. 811).

Помимо статьи Бутлерова Достоевский мог иметь еще в виду статью Е. Маркова в «Голосе» (1878, 6 апреля, № 96). Полемизируя с пропагандистами теории «четвертого измерения», Марков писал: «Во всем существующем мире, начиная от бездн неба, раздвигаемых телескопом, до недр ничтожнейшей капли, невидимой простым глазом, тайны которых освещает микроскоп, не встречается ничего, кроме предметов трех измерений».

В 1879 г. в 4-м и 5-м номерах «Русского вестника» Бутлеров выступил со статьей «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма», в которой подвел итог полемике, возникшей по поводу его статьи о «четырехмерном пространстве». Об отношении Достоевского к спиритизму см. «Дневник писателя» за 1876 г., январский, мартовский и апрельский выпуски и примеч. к ним (наст. изд., т. XXII).

³ Письмо Достоевского возбудило большой интерес к Ливчаку. Он был приглашен к Д. И. Менделееву и в присутствии А. Н. Аксакова, А. М. Бутлерова, Н. П. Вагнера и Достоевского завязал четыре узла на веревке, припечатанной к дубовому столу. В ответ на настойчивое требование Бутлерова Ливчак пообещал разъяснить способ, которым он действовал.

Письмо, в котором Ливчак открыл свой секрет, появилось только 25 января 1879 г. в «Новом времени» (№ 1045). Он писал, что, не веря в реальность спиритических явлений и заподозрив в опыте Цёльнера—Слэда обман, «предположил, что кажущийся факт завязывания узлов есть не что иное, как результат остроумной технической операции». Суть действий Ливчака сводилась к тому, что он разрывал веревку, завязывал узлы, а затем при помощи придуманного им для этой цели механического инструмента сочленял концы веревки, не только придавая ей первоначальный вид, но даже и не нарушая ее крепости (см.: Н. Лернер. Таинственные узелки. Случай с Достоевским. — В кн.: Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», Л., 1928, октябрь, стр. 36—42).

737. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (стр. 16)

Печатается по тексту первой публикации: «Вестник воспитания», 1894, № 1, стр. 1—5.

Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Этот фразеологический оборот восходит к Библии: «...оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей...» (Бытие, гл. 2, ст. 25).

[3] Петербургская медико-хирургическая академия была преобразована в 1799 г. из медико-хирургического училища и достигла блестящего расцвета в 1860-е гг., когда ведущие кафедры возглавляли Боткин, Сеченов, Овсянников и др. Лекции этих ученых, пропагандировавших естественно-материалистические воззрения, посещались не только слушателями академии, но и прогрессивно настроенной молодежью.

Характерно, что герой романа Тургенева «Отцы и дети» (1862), нигилист Базаров, учился в Петербургской медико-хирургической академии (см.: Г. Вялый, А. Муратов. Тургенев в Петербурге. Л., 1970, стр. 214—216). Воспитанниками той же академии были и «новые люди» Лопухов и Кирсанов из романа Чернышевского «Что делать?» (1863) (см.: Н. Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975, стр. 837). Слава прогрессивного учебного заведения сохранилась за Петербургской медико-хирургической академией и в 1870-е гг. Революционер-народник, учившийся в академии в 1875—1876 гг., М. М. Чернавский писал в своих воспоминаниях: «...в аудиториях и лабораториях я вращался в революционной среде. В то время студенты Медицинской академии и Технологического института выделялись среди петербургского студенчества своим революционным настроением» («Каторга и ссылка», 1926, № 28—29, стр. 8).

Высшие женские курсы были учреждены в Петербурге в 1869 г., а в 1872 г. при медико-хирургической академии открылись высшие медицинские женские курсы.

Достоевский полагает, что часть современных женщин некритически усвоила «некоторые собственно мужские идеи», принимает их на слово и «верит в них без контроля» (наст. изд., т. XXIII, стр. 28—29). Но, как мы знаем, Достоевский был сторонником серьезного женского образования. Он утверждал, что большинство русских женщин твердо объявило «свое желание участвовать в общем деле» и приступило к нему «не только бескорыстно, но и самоотверженно».

Достоевский писал далее: «Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее. В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества» (там же).

[4] Проблема соотношения природного начала и нравственного чувства в человеческой личности была затронута в письме 731, примеч. 3. В последнем романе Достоевского, работа над которым началась в 1878 г., этой проблеме уделено особое внимание. Там мировосприятию Ивана Карамазова, утверждавшего, что «отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда», противопоставлен нравственный идеал старца Зосимы, призывавшего «учиться» любить ближнего (см. наст. изд., т. XIV, стр. 216; т. XV, стр. 205, 417, 422—423).

[5] Сходные мысли о принципах, которыми нужно руководствоваться при воспитании детей, Достоевский высказывал уже в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, с. 22—26; т. XXIII, с. 95—99).

[6] Достоевский признавал историческую закономерность реформ Петра I, но в разные периоды своей деятельности по-разному оценивал результаты этих реформ (об этом см. наст. изд., т. XVIII. стр. 217—224, 298—299). Некоторый итог своих размышлений о значении преобразований Петра для современной ему России Достоевский подвел в июньском выпуске «Днев-

ника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 46—50). Заметки в записной тетради, датирующиеся декабрем 1876 г., свидетельствуют, что в это время Достоевский обращал особое внимание на значение Петра: «Гнилому гнить, а здоровому жить. <...> Так и думал Великий преобразователь, взглянувший на Россию таким широким и работящим помещиком (обративший всю Россию в как бы одно огромное помещичье хозяйство)» (наст. изд., т. XXIV, стр. 299). Дальнейшее развитие взгляд Достоевского на роль Петра получил в речи о Пушкине (см. т. XXVI, стр. 138, 146, 473).

738. Л. В. ГРИГОРЬЕВУ (стр. 19)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.22.

Впервые опубликовано частично: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 349—350; полностью: *Д, Письма*, т. IV, стр. 13—14.

Григорьев ответил 9 мая 1878 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29634).

[1] Это письмо Григорьева неизвестно.

[2] Роман «Преступление и наказание» вышел в свет в 1866 г.

[3] В ответном письме Григорьев писал Достоевскому: «Вы забыли Юрасова, я постараюсь подробнее описать это время, может быть, припомните.

Николай Иванович Юрасов был в Академии художеств <...>, жил он в 60 и 61 годах на Надеждинской ул. № 25, в д. Мясникова, а я тогда юнцом тоже жил там. Покойный Михаил Михайлович бывал часто у Юрасова, где я с ним и познакомился. Помню как сейчас Михаила Михайловича, он на меня всегда производил строгоприятное впечатление; ведь он был такой серьезный, да это был период издания журнала „Время". Вот тут-то я и Вас видел, кажется, раза два, три».

[4] В ответ на это Григорьев писал Достоевскому: «Как мне грустно стало читать Ваши слова, что те люди (то есть 60-х гг.) сделали свое и уступили дорогу новым людям. А знаете ли, почему грустно? Я сейчас применил это к себе; но и до сих пор не могу сознаться, что я отжил, нет, я еще не жил. Как я, так и те, мне кажется, еще не отжили, и им теперь немало может быть работы».

739. Ф. Ф. РАДЕЦКОМУ (стр. 20)

Печатается по копии рукой неустановленного лица: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.46.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 331—332.

Подлинник неизвестен.

Радецкий ответил 4 мая 1878 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.2).

[1] В 1837 г. Достоевский сдал экзамены в третий кондукторский класс Главного Инженерного училища, младшим классом училища был четвертый класс.

[2] Д. В. Григорович вспоминал, что Радецкий в Инженерном училище отличался храбростью и, «владея замечательной физической силой», вступился за избитого новичка, объявив, что «...считает подлым, низким обычай нападать на беззащитного» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 126).

Достоевский, говоря о «тридцати пяти» годах, указывает срок, прошедший со дня окончания им Инженерного училища (1843 г.), в ответном письме Радецкий указал, что он не видел Достоевского 41 год, в действительности они не виделись 37 лет, так как Радецкий окончил училище в 1841 г. (см.: М. Максимовский. Исторический очерк развития Главного Инженерного училища 1819—1869. СПб., 1869. Приложения, стр. 98). Радецкий писал Достоевскому: «...отрадно думать, что из многих наших товарищей, расползшихся по белу свету, немало вышло людей полезных

на всех возможных поприщах, и мы с Вами можем сказать друг другу откровенно, что принадлежали к их числу».

[3] В октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский упомянул Радецкого в числе генералов, окончивших Главное Инженерное училище и принимавших участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 35—36).

[4] В ответном письме Радецкий просил передать бывшему воспитателю в Инженерном училище А. И. Савельеву поклон и благодарность «за то, что он свел нас». Свое письмо к Радецкому Достоевский передал через Савельева (см. письмо 741).

[5] Общий замысел русско-турецкой кампании конца 1877 г. заключался в том, чтобы преодолеть Балканский горный хребет, а затем развить наступление на Константинополь. Отряду генерала Радецкого предстояло овладеть Шипкинским перевалом, который обороняла отборная турецкая армия Весселя-паши. Сражение у Шипки—Шейново 27—28 декабря 1877 г. (8—9 января 1878 г.) окончилось окружением и пленением армии Весселя-паши. Русские войска захватили 22 тыс. пленных. Это сражение нанесло решающее поражение турецкой армии. Войска Радецкого вошли в январе 1878 г. в Адрианополь и остановились в 15 км от Константинополя в местечке Сан-Стефано (И. И. Ростунов. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877—1878 гг. — В кн.: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, стр. 23—25).

[6] 19 октября 1878 г. в Петербурге состоялось чествование Радецкого выпускниками Главного Инженерного училища. В помещении ресторана Бореля собралось 150 человек. Среди присутствовавших были Достоевский, Д. В. Григорович, учившийся с Радецким в одном классе, К. А. Трутовский, И. М. Сеченов, П. Н. Яблочков. В числе прочих с приветственной речью выступил Достоевский. Он сказал: «Уважаемый Федор Федорович. Мы чествуем Вас как знаменитого генерала, как редкого человека, как стойкого и доблестного русского солдата, олицетворением которого в его наилучших чертах Вы служите. Позвольте же мне провозгласить тост за здоровье „русского солдата“» (*Г*, 1878, 23 октября, № 293).

[7] Еще в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский писал: «А про окончание войны все вдруг начали толковать, не только в Европе, но и у нас. Все пустились дебатировать вероятные условия мира <...> Утешительно особенно то, что большинство судящих начинает признавать и самостоятельность России ввиду грядущих несомненных европейских вмешательств при заключении мира» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 82 и примеч. на стр. 400).

19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано был подписан русско-турецкий мирный договор, который зафиксировал русскую официальную программу решения Восточного вопроса. Договор свидетельствовал, что курс русской политики, по сравнению с другими европейскими державами, больше отвечал целям национально-освободительного и антифеодального движения балканских народов. Конфликты с европейскими державами, последовавшие за подписанием Сан-Стефанского договора, привели к частичным уступкам и компромиссам русского правительства. Результатом явилась в марте 1878 г. миссия Н. П. Игнатьева в Вену, а затем в мае Берлинский конгресс, внесший в ущерб интересам славянства существенные изменения в русскую программу решения балканского вопроса (см.: С. Л. Чернов. Основные этапы развития русской официальной программы решения Восточного вопроса в 1877—1878 гг. — В кн.: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, стр. 36—40).

740. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 21)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 323.

Датируется на основании сопоставлений с письмами 743 и 746. В данном письме упоминается о срочно понадобившихся («до крайности») «бу-

магах» «няни Прохоровны», которую устраивали в богадельню при содействии А. П. Философовой, до 27 апреля 1878 г., по-видимому, исполнившей обещанное, так как в этот день Достоевский писал ей: «Благодарю за бумажку няни, которую получил» (см. письмо 746). Хлопоты Философовой по этому делу, вероятно, приходились на 24—26 апреля (понедельник—среда), а необходимые документы были получены Достоевским несколько ранее — возможно, около 21 апреля, приходившегося на пятницу, — дня, ориентировочно указанного Достоевским брату Николаю для присылки за деньгами прислуги, с которой должны были быть переданы «бумаги» няни. Предложение прислать за деньгами «еще раз на неделе (в конце около пятницы)» говорит, видимо, о том, что данное письмо написано в начале недели — в понедельник — вторник, т. е. около 17—18 апреля (см. письмо 743).

[1] Няня Прохоровна жила в семье Достоевского в начале 1870-х гг., и он «очень дорожил» ею за «горячую любовь» к его сыну Феде (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 272). Позднее она навещала семью писателя, и сам он бывал у нее (см. наст. изд., т. XXIX_2, письмо 562). В июле 1877 г. Прохоровна помогала по дому Достоевскому, остававшемуся в Петербурге: «Без нее я бы пропал», — писал он жене 11 июля (см. письмо 704).

741. А. И. САВЕЛЬЕВУ (стр. 21)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 665, ед. хр. 146.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 16.

Адресат установлен А. С. Долининым на основании того, что имя и отчество Савельева — Александр Иванович, и по связи с письмом к Ф. Ф. Радецкому, который здесь упомянут (см. там же, стр. 353).

[1] Федор Федорович — Радецкий. Очевидно, Савельев, горячо одобривший намерение Достоевского написать своему бывшему товарищу Ф. Ф. Радецкому письмо (см. письмо 739), взялся переправить это письмо в действующую армию.

742. СТУДЕНТАМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (стр. 21)

Печатается по тексту первой публикации: «Русь», 1881, 14 февраля, № 14, стр. 20—21.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо студентов-филологов Московского университета от 8 апреля 1878 г. (подписи: Ф. Самарин, С. Свербеев, Д. Некрасов, П. Милюков, Н. Долгоруков, Д. Свербеев); опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 355—356.

[1] Студенты обратились к Достоевскому с просьбой публично изложить свои взгляды по вопросу о взаимоотношении народа и интеллигенции, так как «в два года мы привыкли обращаться к Вашему „Дневнику“ за разрешением или правильной постановкой поднимавшихся перед нами вопросов; мы привыкли пользоваться Вашими решениями для установления собственного взгляда и уважать их, даже когда не разделяли.» (стр. 355). Достоевский не смог ответить студентам «печатно в газетах», очевидно, ввиду обстоятельств цензурного характера.

[2] 3 апреля 1878 г. на Курском вокзале в Москве собралось около 150 студентов различных учебных заведений для встречи своих товарищей из Киевского университета, высланных в разные губернии под надзор полиции. Ссыльные и сопровождавшие их московские студенты беспрепятственно двигались по улицам, пока не вышли к Охотному ряду. Тут мясники и торговцы с криками «Бей их! валяй!» бросились на демонстрантов и начали их избивать. Эти события освещались всеми московскими и пе-

тербургскими газетами. Между «Русскими ведомостями» и «Московскими ведомостями» возникла по этому поводу полемика (см.: *Д, Письма*, т. IV, стр. 353—355. См. также ниже, примеч. 6).

[3] «Панургово стадо» — выражение, ставшее нарицательным, употребляется для характеристики толпы, слепо, безрассудно следующей за кем-нибудь, восходит к одному из эпизодов романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532—1552) (см.: Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1956, стр. 372—374).

[4] Отвечая студентам, Достоевский развивал мысли, высказанные им ранее в первой главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. в разделе «Кое-что о молодежи» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 50—52).

[5] Достоевский имеет в виду движение революционного народничества, истоки которого относятся ко времени революционной ситуации в России 1859—1861 гг., когда демократическая интеллигенция впервые попыталась вести революционную пропаганду в народе. В 1874 г. началось массовое «хождение в народ», однако крестьянство не поддержало народников (см.: Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е гг. XIX в. М., 1958).

[6] Достоевский основывается здесь на личных впечатлениях времени пребывания на каторге. В «Записках из Мертвого дома» (1862) он рассказывал о ненависти простого народа к господам, барам. Политических преступников и вообще дворян каторжные называли «железными носами» (см. наст. изд., т. IV, стр. 176, 231, 236, 314). В корреспонденции, напечатанной в газете «Голос» и несомненно известной Достоевскому, также отмечалось, что охотнорядские лавочники и мясники бросились избивать толпу, сопровождавшую экипажи с осужденными студентами, с криками: «Это бунтовщики, баре! Лупи, валяй их!» (*Г*, 1878, 7 апреля, № 97).

[7] Об этом Достоевский писал в романе «Подросток» (1875; см. наст. изд., т. XIII, стр. 452—454 и примеч. т. XVII, стр. 337).

[8] О том, что русская «европейтвующая интеллигенция» превратилась из «либералов и прогрессистов» в «ретроградов», Достоевский писал в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.: «Прежде они (либералы. — *Ред.*) считались демократами, теперь же нельзя себе представить более брезгливых аристократов в отношении к народу» (наст. изд., т. XXIV, стр. 64).

В набросках к этому разделу «Дневника писателя» Достоевский следующим образом изобразил процесс разъединения либералов с народом: «Презрение к народу (это демократов-то). Они идут в народ, народ их бьет, и вот они враги народу и презирают его. Он, дескать, ни на что не способен. ‹...› Таким образом, сами не замечают, что, отделяясь всё далее и далее от народа, становятся аристократами и образуют касту» (там же, стр. 311—312).

[9] Об этом см. декабрьский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. в разделе «Кое-что о молодежи» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 51—52 и примеч. стр. 397).

[10] 24 января 1878 г. В. И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова за то, что тот приказал высечь политического заключенного А. С. Боголюбова. 31 марта 1878 г. суд присяжных в Петербурге вынес Вере Засулич оправдательный приговор, встреченный в русском обществе восторженно (см.: С. Ф. Либрович. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг.—М., 1916, стр. 40—43; С. Степняк-Кравчинский. Сочинения в двух томах. М., 1958, т. 1, стр. 388). На заседании суда присутствовал и Достоевский. (см.: А. Ф. Кони. Воспоминания о деле В. Засулич. М.—Л., 1933, стр. 97).

С. Ф. Либрович утверждает, что накануне процесса В. Засулич Достоевский, находясь в книжной лавке М. О. Вольфа, говорил: «...осудить эту девушку нельзя. ‹...› Напротив, присяжные должны бы сказать подсудимой: „У тебя грех на душе, ты хотела убить человека, но ты уже искупила его — иди и не поступай так в другой раз“» (С. Ф. Либрович.

На книжном посту, стр. 42). Достоевский внимательно изучал материалы судебного разбирательства и в особенности показания самой Веры Засулич. Среди заметок в записной тетради, сделанных в декабре 1880 г., есть запись, воспроизводящая слова В. Засулич: «...тяжело поднять руку, пролить кровь» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 57). В данном случае Достоевский по памяти пересказал следующую фразу подсудимой: «Страшно поднять руку на человека...» (А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич, стр. 139). Комментируя эти слова В. Засулич, Достоевский писал: «...это колебание было нравственнее, чем само пролитие крови» (наст. изд., т. XXVII, стр. 57). На усилившиеся после выстрела В. Засулич репрессии правительства Александра II революционные народники ответили террором (см.: С. Степняк-Кравчинский. Сочинения в двух томах, т. 1, стр. 389—392).

[11] Население России Достоевский делил на народ и общество. К народу, наряду с крестьянством, он относил также и мелких торговцев, ремесленников, мещан. Не оправдывая грубости и жестокости, с особой силой проявлявшихся в «пьяном разгуле», Достоевский подчеркивал, что в других обстоятельствах «сердце иного грубого, зверски невежественного» русского мужика может наполниться «тонкою, почти женственною нежностью» («Дневник писателя», 1876 г., февраль, «Мужик Марей» — см. наст. изд., т. XXII, стр. 49). В разрыве между обществом и народом, в возникновении между ними «недоразумения» виноват не народ, который «тверд и могуч». Народ, как пишет Достоевский, «оказался самостоятельным» и не хочет принимать «ложь верхнего слоя русской жизни» (стр. 24).

[12] Достоевский имел в виду добровольческое движение, охватившее широкие слои русского общества и народа, в помощь славянам Балканского полуострова, восставшим против турецкого владычества, а затем события русско-турецкой войны 1877—1878 годов (см. наст. изд., т. XXV, стр. 94—98; т. XXV, стр. 44; см. также: С. Никитин. 1) Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70 гг. XIX в. М., 1970; 2) Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960).

[13] В письме к В. И. Засулич от 24 июля 1878 г. видный участник революционного движения того времени С. М. Степняк-Кравчинский затронул ту же проблему: «Тяжелый опыт нескольких лет не мог не убедить всякого трезвого человека в том, что „научный социализм“, социализм западный совершенно отскакивает от русской массы, как горох от стены. <...> Народ тоже живет своею умственною жизнью. В нем тоже происходят свои умственные движения. Какой-нибудь отставной солдат, баба еле грамотная увлекают за собою толпы, проповедуя белиберду, от которой ему в сущности ни тепло, ни холодно. Мы же, представители самых жизненных интересов, носители всяких прогрессов, мы проходим не понятые, не услышанные. <...> Необходимость приноровиться к местным условиям, прислушаться к голосу массы, войти в круг ее мировоззрения сознавалась всеми» (*КА*, 1926, № 6, стр. 196).

[14] Совершив 4 августа 1878 г. дерзкое убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова, С. М. Степняк-Кравчинский писал 12 августа того же года своим единомышленникам: «Паника в административных сферах очень, говорят, сильная. Чиновники, самые мелкие, перестали выходить к просителям. Один, служащий где-то в канцелярии столоначальником, воскликнул, что теперь — такое время, что и на улицу страшно выйти, не только просителей принимать!» (*КА*, 1926, № 6, стр. 200).

[15] В романе «Братья Карамазовы», над которым Достоевский начал работу, эту «правую дорогу» ищет Алеша (см. наст. изд., т. XV, стр. 411—414).

743. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 25)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 324.

Датируется на основании сопоставления с письмами 740 и 746 (см,

обоснование датировки к письму 740). В предыдущем письме к брату Николаю (№ 740) Достоевский предлагал прислать за деньгами «еще раз на неделе (в конце около пятницы)» — таким образом, данное письмо может быть датировано 21—22 апреля (пятница—суббота).

[1] Паспорт няни Прохоровны, которую устраивали в богадельню (см. примеч. к письму 740).

744. А. Д. ВОЕВОДИНУ (стр. 25)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 32637.

Впервые опубликовано: Н. И. Галицкий. На берегах Невы. Пб., 1901, стр. 103—104.

Ответ на письмо Воеводина от 16 марта 1878 г. (там же, стр. 103).

Воеводин ответил 26 апреля 1878 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29663).

Год устанавливается по связи с письмами Воеводина.

[1] Кроме письма Воеводин прислал Достоевскому рукописи своих двух незавершенных произведений: «Из дневника гимназиста» и «Записки гимназиста» (см. ниже, примеч. 3). Эти наброски, а также подлинный дневник (хранится: *ИРЛИ*, № 14310), послужили Воеводину основой для книги «На берегах Невы», которую он издал в Петербурге в 1901 г. под псевдонимом «Н. И. Галицкий».

[2] Воеводин писал Достоевскому: «Я хотел бы с Вами говорить насчет самоубийств. Я защищаю:

а) всякий человек имеет право самоубийства,

б) всякий человек в известных случаях должен,

в) с верою в будущую жизнь, в бога, можно покончить с собою.

Почему у меня такие убеждения сложились — долго рассказывать; прилагаемая тетрадь, быть может, даст ответ».

В книге «На берегах Невы» содержится следующее рассуждение о самоубийстве: «Мне давно хочется умереть, но не могу все еще решиться... Но что я кончу самоубийством — несомненно. Мысль эта давно мелькает у меня, и я исполню ее. Не будь я — Воеводин. Я в своем самоубийстве заинтересован со многих сторон. Я хочу этим самоубийством многое показать обществу, да при этом и мне полезно будет это кровопускание» (стр. 9—10).

[3] В ответном письме Воеводин разъяснил, что в присланной им тетради содержатся «...дневник гимназиста под заглавием „Из дневника гимназиста“ и „Записки гимназиста“, повесть или рассказ». Далее автор сообщил: «...повесть отчасти выдумана, но многое из жизни — просто мои автобиографические черты».

[4] В том же письме Воеводин просил разрешения навестить Достоевского в ближайшую субботу, т. е. 29 апреля 1878 г. В указанной выше книге «На берегах Невы» есть свидетельство, что встреча Воеводина с Достоевским состоялась (см. стр. 104—105).

745. Э. АБУ (стр. 26)

Печатается по тексту первой публикации: Congrès Littéraire International de Paris 1878. Paris, 1879, p. 432.

Подлинник неизвестен.

Ответ на приглашение Э. Абу принять участие в Международном литературном конгрессе, датированное 26 марта н. ст. 1878 г. (опубликовано с неточной датой (ср. *ГБЛ*, ф. 23, II.5.97) в статье: Geir Kjetsaa. Towards world-wide fame: Dostoevskij and the Association Littéraire Internationale. — In: We and They. National Identity as a Theme in Slavic Cultures. Copenhagen University. Institute of Slavonic Studies. Studier 11. Donum Stiefanum. 11. Copenhagen, 1984, p. 95—96).

[1] Получив приглашение Э. Абу, Достоевский попросил свою приятельницу А. В. Жаклар составить за него французский текст ответа, сказав на словах, что нужно написать. Выполнив просьбу Достоевского, но по болезни не имея возможности с ним встретиться, Жаклар послала Достоевскому написанный ею ответ по городской почте, а в сопроводительном письме сообщила: «Не знаю, как я *потрафила* с ответом. Боюсь, не забыла ли я чего-нибудь. Жалею, что не записала тогда вечером с Ваших слов по пунктам. Впрочем, кажется, ясно выразила Вашу мысль, то есть желание участвовать в конгрессе и между тем еще неопределенность планов. Я полагаю, что после этого сочувственного ответа самая простая вежливость заставит их прислать carte de délégué» (см.: И. С. Книжник-Ветров. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. М.—Л., 1964, стр. 211; хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29747). Достоевский полностью принял текст Жаклар и переписал его без каких-либо изменений, добавив только одно-единственное слово: у Жаклар было «au Congrès international», Достоевский дополнил: «au Congrès littérair international» (стр. 26), что устанавливается сличением автографа Жаклар (см.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29609) с текстом первой публикации. Автограф Жаклар впервые был опубликован Л. П. Гроссманом (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 281—282), который ошибочно считал, что это письмо Достоевского является ответом на приглашение принять участие в международном литературном конгрессе, состоявшемся в июне 1879 г. в Лондоне (на этом основании письмо было датировано 1879 г.), где Достоевский был избран членом почетного комитета (см. письмо 790).

Международный литературный конгресс, созванный по инициативе «Общества французских литераторов» для обсуждения вопросов, связанных с международной охраной прав литературной собственности, открылся в Париже 30 мая (11 июня) 1878 г. Помимо Тургенева, произнесшего на одном из открытых заседаний конгресса речь (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. 15, стр. 53), Россию представляли П. Д. Боборыкин, М. М. Ковалевский и др. (см.: Congrès Littéraire International de Paris, 1878. Paris, 1879; П. Д. Боборыкин. Международный литературный конгресс. Письма I—III. — *РВед*, 1878, 20 июня, 1, 18 и 21 июля, №№ 155, 165, 182, 185). Домашние обстоятельства, а затем болезнь и смерть сына Алеши помешали Достоевскому принять участие в конгрессе.

В приглашении Э. Абу было сказано: «Le Comité de la Société des Gens de Lettres de France a pris l'initiative d'un congrès littéraire international qui se tiendra à Paris ‹...› Nous espérons, Monsieur, que vous voudriez bien apporter votre concours à une solennité dont les effets ne peuvent être que profitables aux intérêts des lettres» (p. 95—96). ‹«Комитет Общества литераторов Франции принял на себя инициативу организации международного литературного конгресса, который должен состояться в Париже. ‹...› Мы надеемся, сударь, что Вы захотите оказать Ваше содействие этому торжеству, результаты которого не могут не быть полезными для интересов литератур» (*франц.*)›

[2] Достоевский отвечает на следующее сообщение Абу: «Le Gouvernement de la République a donné son entière approbation à ce projet et il a mis une salle de l'un des bâtiments de l'Etat à la disposition du Congrès. Victor Hugo en a accepté la présidence» (p. 96). ‹«Правительство Республики полностью одобрило этот проект и предоставило в распоряжение Конгресса зал одного из государственных зданий. Виктор Гюго согласился на нем председательствовать» (*франц.*)› Об отношении Достоевского к Гюго см. наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 51 и примеч. 14, стр. 404.

[3] В приглашении говорилось: «...dès que vous nous aurez fait parvenir votre adhésion, nous nous empresserons de vous adresser une carte officielle de délégué au Congrès» (Ibid.). ‹«Если Вы нам сообщите Ваше согласие, мы поспешим прислать по Вашему адресу официальный билет делегата на Конгресс» (*франц.*)›

746. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ (стр. 27)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 9.

Впервые опубликовано: *РС*, 1883, № 10, стр. 231—232, без обозначения адресата и с заменой имени и отчества: NN.

[1] В пятницу 28 апреля заболел младший сын Достоевского Алексей, поэтому в субботу 29 апреля писатель, вероятнее всего, был дома (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 272).

[2] У А. П. Философовой устраивались музыкальные и литературные вечера, на которых бывал Достоевский (см.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915, т. 1, стр. 265—266).

[3] См. письмо 740.

747. И. Н. ЛИВЧАКУ (стр. 28)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.29.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 21—23.

Ответ на письмо Ливчака от 2 мая 1878 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.26).

[1] Очевидно, Ливчак имеет в виду свой второй приезд в Петербург (о первом приезде и о встрече с Достоевским см. письмо 736), так как пасха в 1878 г. была 16 апреля.

[2] Речь идет о работе над «Братьями Карамазовыми».

[3] Ливчак предполагал, что Достоевский представит его «военно-технический проект» великому князю Константину Николаевичу, который управлял флотом и морским ведомством с 1855 по 1881 г. на правах министра.

[4] Ливчак писал Достоевскому, что вскрытие ящика «может быть доверено лишь человеку, *патриотизм* которого не может подвергаться никакому сомнению».

[5] Достоевский имеет в виду следующее место в письме Ливчака: «Не переставая верить, что предлагаемая мною идея может принести нам пользу в отдаленном столкновении с англичанами, я не могу оставаться равнодушным к судьбе проекта».

[6] В письме от 8 мая 1878 г. В. И. Прибыткова сообщила Достоевской: «...Ливчаку я написала, как советовал Федор Михайлович, спрашиваю его о согласии действовать одной; в четверг жду ответа» (*ЛН*, т. 86, стр. 463).

748. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ (стр. 30)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 9.

Впервые опубликовано: *РС*, 1883, № 10, стр. 232—233, без обозначения адресата и с заменой имени и отчества: NN.

[1] Философова могла послать Достоевскому одну из двух вышедших к тому времени книг Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869) или «Азбука социальных наук» (СПб., 1871). Первая книга упоминалась Достоевским в подготовительных материалах к «Бесам» (см. наст. изд., т. XI, стр. 86, 106 и примеч.; т. XII, стр. 337, 340).

[2] Достоевский собирался ехать на все лето в Старую Руссу. Поездка была отложена из-за смерти сына Алеши (см. письмо 749).

[3] Вероятно, Достоевский взял у Философовой книгу И. Тэна «L'Ancien Régime» («Старый порядок»), вышедшую в 1876 г. Тэна упоминает Достоевский в черновых набросках к первой части «Братьев Карамазовых», над которой работал в это время (см. наст. изд., т. XV, стр. 202 и примеч. стр. 608).

[4] Технолог Хаецкий — неустановленное лицо.

749. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 31)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 24.

[1] Переживания Достоевского, вызванные смертью сына Алеши, нашли отражение в «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 412, 532; см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 320—324).
[2] 30 апреля 1878 г. у Алеши случился, по выражению Достоевской, первый припадок «родимчика» (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 272).
[3] Федор Михайлович Достоевский — племянник писателя.

750. П. А. ИСАЕВУ (стр. 31)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 168.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, кн. XI, стр. 31.

[1] См. предыдущее письмо, примеч. 1.
[2] У Исаева было две дочери: Вера и Мария.
[3] Н. М. Исаева.

751. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 31)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.31.
Конверт: *ИРЛИ*, № 30684 (почтовый штемпель: 21 июня 1878 г. Москва; 23 июня 1878 г., Старая Русса).
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 229—231.
Достоевская ответила 25 июня 1878 г. (см. *Д, Переписка с женой*, стр. 264).
Год написания определяется по содержанию письма и ответному письму Достоевской.

[1] Гостиница «Европа» (ныне «Армения») на Неглинной ул., д. 4.
[2] Достоевский должен был договориться с Катковым о печатании в его журнале задуманного им романа «Братья Карамазовы». Переговоры, как предполагал Достоевский, могли осложниться тем, что предыдущий его роман «Подросток» печатался в «Отечественных записках».
[3] Достоевский посетил Вл. С. Соловьева, который жил на территории Нескучного сада (ныне Центральный парк культуры и отдыха им. А. М. Горького), чтобы сговориться о поездке в Оптину пустынь. В своих воспоминаниях Достоевская пишет, что по ее просьбе Соловьев уговорил Достоевского совершить с ним это путешествие и таким образом отвлечься от грустных мыслей, связанных с кончиной сына Алеши. Встреча Достоевского с Соловьевым была назначена в середине июня в Москве (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 322).
[4] В. М. Лавров и С. А. Юрьев (на равных основаниях с В. А. Федотовым) предполагали в июне 1878 г. получить разрешение на издание журнала «Русская дума», в котором по рекомендации Вл. С. Соловьева хотели напечатать новый роман Достоевского. Обо всем этом Юрьев сообщил писателю 27 июня 1878 г. (см. письмо 755 и примеч. к нему 4).
[5] Оптина Введенская Макариева мужская пустынь — старинный монастырь, основанный, как гласит предание, бывшим предводителем шайки разбойников Оптою еще в XV в. возле города Козельск (см.: Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. 3-е изд. М., 1876). Эта книга имелась в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека*, стр. 154). Монастырь этот был известен и привлекал внимание русских писателей особым типом монашества — старчеством. Старец в православии — руководитель совести. В Оптиной пустыни кроме Достоевского бывали Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Н. С. Лесков, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой и др. (см.:

Д. П. Богданов. Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей. — *ИВ*, 1910, № 10).

Впечатления от посещения Оптиной пустыни нашли отражение в «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 26, 148—155; т. XV, стр. 202, 264, 527 и др.).

Подробности путешествия в Оптину пустынь см. в письме 753 и в примеч. к нему.

[6] См. письмо 752.

[7] Ваня — пятилетний сын Ивана Григорьевича Сниткина, которого мать привезла в Старую Руссу в семью Достоевских летом 1878 г. лечиться ваннами (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 464).

752. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 34)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.31. Конверт: *ИРЛИ*, № 30684 (почтовый штемпель: 23 июня Москва; 25 июня 1878 г. Старая Русса).

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 231—232.

Ответ на письмо Достоевской от 20 июня 1878 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 262—263).

[1] Первые две книги «Братьев Карамазовых» Достоевский привез в Москву 7 ноября 1878 г. (см. письмо 762).

[2] В этот день 22 июня 1878 г. И. С. Аксаков произнес речь на заседании Московского Славянского благотворительного общества, в которой критиковал шедшие вразрез с интересами России и славянства уступки царской дипломатии Турции под давлением Англии, Австро-Венгрии и Германии на Берлинском конгрессе в июне 1878 г. (об этом см.: И. С. Аксаков. Сочинения. М., 1886, т. 1, стр. 297—308; С. Д. Сказкин. Дипломатия А. М. Горчакова в последние годы его канцлерства. — В кн.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX вв. М., 1964, стр. 415).

[3] Нужно: Пороховщиков Александр Александрович. Этот московский купец, владелец ресторана «Славянский базар», прославился тем, что в 1876 г. ездил к царю в Ливадию с требованием объявить войну Турции. В письме к Н. А. Некрасову от 13 октября 1876 г. Салтыков-Щедрин писал, что об этом происшествии в Петербурге ходил «совершенно гомерический рассказ» (*Салтыков-Щедрин*, т. 19 (1), стр. 27).

[4] Речь идет об О. А. Новиковой.

[5] В 1872 г. при Лицее, основанном в 1867 г. на средства М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева в память о цесаревиче Николае, была учреждена Ломоносовская семинария — особое отделение, где бесплатно обучались и содержались мальчики из народа, которых готовили к учительской деятельности (см.: Историческая записка императорского лицея в память цесаревича Николая за XXX лет. М., 1899, стр. 399).

[6] А. А. Александров лечился летом 1878 г. в Старой Руссе, встречался там с Достоевским и напечатал о знакомстве с писателем и его работе над «Братьями Карамазовыми» воспоминания (см.: А. Александров. Федор Михайлович Достоевский (страничка воспоминаний). — «Светоч и дневник писателя», 1913, № 1, стр. 53—56).

[7] Иверская икона божией матери — святыня Афона; точная ее копия была перевезена в 1648 г. в Москву, хранилась в часовне у Воскресенских ворот Кремля. Здание не сохранилось.

[8] Е. П. Иванова содержала номера для приезжающих, в адрес ее заведения приходили письма от Достоевской для мужа (см. письмо 753).

753. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 35)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.31.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 233—234.

Ответ на три письма Достоевской, из которых известно одно: от 25 июня 1878 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 264).

[1] О поездке в Оптину пустынь см. также письмо 751, примеч. 5.

[2] Сергиево, или Сергиевск — станция Московско-Курской железной дороги (ныне г. Плавск Тульской обл.).

[3] Оптина пустынь находится в 15 км от г. Козельска.

[4] Достоевская вспоминала: «Вернулся Федор Михайлович из Оптиной пустыни как бы умиротворенный и значительно успокоившийся и много рассказывал мне про обычаи Пустыни <...> С тогдашним знаменитым „старцем“ о. Амвросием Федор Михайлович виделся три раза: раз в толпе при народе и два раза наедине, и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 323). Первая книга «Братьев Карамазовых» писалась под живым впечатлением от увиденного в Оптиной пустыни (см. наст. изд., т. XV, стр. 412, 528, 533).

[5] См. письмо 752, примеч. 8.

[6] Речь идет о переговорах с Катковым о напечатании в «Русском вестнике» романа «Братья Карамазовы» (см. письма 751, 752). Получив от Каткова аванс, Достоевский выслал Достоевской 800 р. (см. письмо 754).

754. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 37)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 30.

[1] Достоевский послал жене деньги из аванса, полученного от М. Н. Каткова за роман «Братья Карамазовы».

755. С. А. ЮРЬЕВУ (стр. 37)

Печатается по тексту первой публикации: *Сборник в память С. А. Юрьева*, стр. 278—280.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Юрьева от 27 июня 1878 г. (*Д, Письма*, т. IV, стр. 362—363).

[1] «Беседа» — ежемесячный журнал, близкий к славянофильскому направлению, издавался в Москве в 1871—1872 гг. Еще в декабре 1870 г. Юрьев хотел привлечь к изданию «Беседы» Достоевского, в связи с чем просил своих знакомых сообщить ему адрес писателя, жившего тогда в Германии (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 417). Когда Достоевский вернулся в Петербург, Юрьев обратился к нему 14 октября 1871 г. с письмом, в котором просил напечатать что-нибудь из его произведений в журнале, который он редактировал (см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.10.14).

[2] Об этом Достоевский писал М. М. Достоевскому 30 января—22 февраля 1854 г. (см. наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 170—171 и примеч. 27 на стр. 454).

[3] См. письмо 434 (наст. изд., т. XXIX$_1$, стр. 220—221).

[4] С. А. Юрьев писал Достоевскому: «Я имею твердое основание быть уверенным, что в этом месяце будет разрешено гг. Владимиру Александровичу Федотову (редактор) и Вукулу Михайловичу Лаврову (издатель) издавать в Москве ежемесячный журнал под названием „Русская дума“. <...> Журнал будет следовать тому же направлению, которого держалась „Беседа“, редактированная мною в 1870 и 1871 годах. <...> Я осмеливаюсь беспокоить Вас покорнейшею просьбою позволить напечатать Ваш новый роман, который, как я слышал, почти уже кончен, в „Русской думе“».

[5] В начале 1878 г. Достоевский обдумывал план «Братьев Карамазо-

вых», сохранился также листок с черновыми заметками, сделанными в 10-х числах апреля 1878 г. (см. наст. изд., т. XV, стр. 411).

[6] Так печатались «Преступления и наказание» (1866), «Идиот» (1868) и «Подросток» (1875). Две первые части «Бесов» были напечатаны в 1871 г., а последняя по обстоятельствам, не зависящим от Достоевского, — в 1872 г. (см. наст. изд., т. XII, стр. 237—253). Историю публикации «Братьев Карамазовых», растянувшейся на два года (1879—1880), см. там же, т. XV, стр. 411—447.

[7] Историю публикации «Подростка» см. наст. изд., т. XVII, стр. 258—259.

[8] См. письмо 752 и примеч. 1 к нему.

[9] Журнал стал выходить с 1880 г. под названием «Русская мысль», издателем с 1880 по 1912 г. был В. М. Лавров.

756. М. А. ЯЗЫКОВУ (стр. 38)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 54, № 8942.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 31—32.

Языков ответил 25 июля 1878 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.10.21).

[1] В письме от 2 июля 1878 г. Алфимов обращался к Достоевскому со следующей просьбой: «...по домашним обстоятельствам, мне необходимо служить близ Петербурга, и я бы покорнейше просил Вас похлопотать у его превосходительства Михаила Александровича Языкова принять меня на службу в вверенную ему Новгородскую губернию на должность помощника акцизного надзирателя <...> Если у его превосходительства Михаила Александровича теперь нет вакансии, то я бы просил, чтобы он до открытия ее зачислил меня кандидатом к себе на службу» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29636).

[2] Об обширной читательской корреспонденции в связи с изданием «Дневника писателя» см.: И. Л. Волгин. Достоевский и русское общество. 2. «Дневник писателя» и его корреспонденты. — *РЛ*, 1976, № 3, стр. 132—143, а также наст. изд., т. XXII, стр. 306—315; т. XXV, стр. 350—358.

[3] См.: *Список*, № 353.

[4] В ответном письме Языков сообщил Достоевскому, что в настоящее время у него вакансий нет, но предложил тем не менее Алфимову приехать к нему в Новгород. «Избирая чиновника на службу <...> в свое управление, — писал он, — имею обыкновение переговорить с имеющим со мною служить лично, и мне *5 минут довольно, чтобы, переговорив и передав свои взгляды*, судить более или менее о человеке».

757. Л. В. ГРИГОРЬЕВУ (стр. 40)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.22.

Впервые опубликовано частично: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 350; полностью: *Д, Письма*, т. IV, стр. 33—34.

Ответ на письмо Григорьева от 9 мая 1878 г. (*ИРЛИ*, № 29684).

[1] О смерти сына Достоевского Алексея см. письмо 749.

[2] О поездке Достоевского с Вл. Соловьевым в Оптину пустынь см. письма 751, примеч. 5, 753.

[3] См. письмо к Григорьеву 738, примеч. 4.

[4] Об этом Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1876 г., октябрь, гл. 2, § IV (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 161—162).

[5] Имеется в виду Н. Х. Кетчер. В «Новом времени» (1876, 16 октября, № 228) в «Московском фельетоне» описывался обед в честь Т. Н. Грановского, и в частности следующий эпизод: «...встает г. Барсов и пред-

лагает выпить: „За молодежь нашего времени!". В ответ на это г. Кетчер торжественно объявил, что „за гниль" он пить не станет». Этот факт Достоевский отметил в записной тетради 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 274 и примеч. стр. 491).

[6] Григорьев в это время жил в Анапе, откуда и писал Достоевскому, считая, что он «очутился в трущобе».

[7] С конца 1878 до ноября 1880 г. Достоевский был занят работой над «Братьями Карамазовыми».

[8] Григорьев просил Достоевского выслать ему «Дневник писателя» за 1876 и 1877 гг. Кроме того, он писал: «Здесь есть Ваши горячие поклонники, а потому мне очень бы хотелось знать, могу ли я получить непосредственно от Вас все Ваши сочинения, начиная от „Бедных людей" и кончая Вашим последним пока „Подростком"».

758. П. А. ИСАЕВУ (стр. 42)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 170—171.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, кн. XI, стр. 31.

[1] А. А. Рудин, живший с семьей в Старой Руссе, бывая в Петербурге, исполнял там поручения Достоевских (см. письма его к Достоевской: *ИРЛИ*, № 30237, а также: *ЛН*, т. 86, стр. 472; *Д, Переписка с женой*, стр. 256).

[2] Это письмо Достоевской неизвестно.

[3] Получив письмо от Достоевского, Исаев выполнил его поручение, о чем сообщил 2 сентября 1878 г. в Старую Руссу Рудин: «31 августа получил от г. Исаева Ваши три обязательства, и, если желаете, то выкуплю Ваши вещи... Данных Вами г. Исаеву денег было недостаточно, и я приплатил ему 6 р. 70 к.» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 364).

759. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 42)

Печатается по тексту первой публикации: *Московский сборник*, стр. 7—8.
Подлинник неизвестен.
Ответ на письмо Пуцыковича от 10 августа 1878 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

[1] Письмо Пуцыковича было послано из Петербурга.

[2] Работа над романом «Братья Карамазовы» началась весной 1878 г. (см. наст. изд., т. XV, стр. 411—412).

[3] Пуцыкович писал Достоевскому, что И. С. Аксаков за свою речь, произнесенную 22 июня 1878 г. на заседании Московского Славянского благотворительного общества по поводу уступок царской дипломатии на Берлинском конгрессе (см. письмо 752, примеч. 2) сослан в село Варварино, Владимирской губернии, и сообщил его почтовый адрес. Письма Достоевского к И. С. Аксакову этого периода неизвестны.

[4] Н. В. Мезенцов, начальник III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, был убит С. М. Степняком-Кравчинским в Петербурге на Михайловской площади 4 августа 1878 г. в ответ на казнь революционера И. М. Ковальского (см.: С. М. Кравчинский. Смерть за смерть. Пг., 1920).

[5] Пуцыкович писал Достоевскому: «Достойно внимания, что недели за три до приостановки журнала («Гражданин». — *Ред.*) я послал Мезенцову письмо, которое я получил от одесских социалистов, как они подписались, и в котором мне угрожали кровавою расправою, если я не перестану писать в „Гражданине" против социальной нигилятины. Но, вероятно, покойник не обратил большого внимания на эту угрозу».

[6] Достоевский, очевидно, имел в виду прежде всего статьи в «Голосе». Так, в фельетоне «Политические убийства. (Рассуждения среднего человека)» говорилось о том, что следует «давать народу все средства к просвещению и благосостоянию, предоставляя ему, согласно его природе, определить свою дальнейшую судьбу и реформы своей жизни» (*Г*, 1878. 12 августа, № 221).

В передовой статье следующего номера газеты ставка делалась, напротив, на «здоровые силы общества», которым надо «дать простор, чтоб они могли свободно действовать в пределах закона» (*Г*, 1878, 13 августа, № 222). Аналогичные мысли высказывались и в последующих номерах «Голоса» (см. № 227, 229, 230 и др.).

[7] В. П. Мещерский в это время заканчивал роман «Ужасная женщина. Современный великосветский этюд», который вскоре вышел в свет. Рецензент «Отечественных записок» в конце коротенькой информационной заметки об этом романе писал: «Наконец, в „этюде" нет и той внешней наблюдательности, которая все-таки пробивалась в прежних произведениях кн. Мещерского, быстро исписывающего данный ему скромный талант» (*ОЗ*, 1878, № 11, Совр. обозр., стр. 118).

[8] Н. Морской — псевдоним Н. К. Лебедева. М. А. Александров в своих воспоминаниях пишет, что Достоевский отметил у Лебедева «большой талант» и пожелал с ним встретиться для того, чтобы обсудить некоторые недостатки его романов. Встреча состоялась. Об этом см.: М. А. Александров. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика. — *РС*, 1892, № 5, стр. 327—329. Роман «Аристократия Гостиного двора» печатался в «Новом времени», 1878, с 9 июля по 10 сентября (№ 847—910). 5 апреля 1879 г. Н. К. Лебедев подарил Достоевскому отдельное издание этого романа (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 280).

760. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 44)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 37.

Письмо датируется на основании записи Достоевской в «Приходно-расходной тетради» (1877—1881; хранится: *ИРЛИ*, № 30706, сообщено Б. В. Федоренко), из которой ясно, что Достоевские выехали из Старой Руссы 2 октября 1878 г. и приехали в Петербург на следующий день, 3 октября. Письмо писалось неделю спустя, следовательно, около 10 октября.

[1] В эту квартиру Достоевские переехали 5 октября 1878 г. (см. *ИРЛИ*, № 30706, записи расходов за октябрь 1878 г.). Современный адрес: ул. Достоевского, д. 5.

761. В. Д. ШЕРУ (стр. 44)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.51.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 37.

Ответ на письмо Шера от 3 октября 1878 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.102).

[1] В. Д. Шер был поверенным Шеров и Ставровских в деле о дележе Рязанского имения, оставшегося в наследство после смерти А. Ф. Куманиной Шерам, Ставровским и Достоевским. Он сообщил Достоевскому: «Я писал Вашему поверенному Борису Борисовичу Полякову, что в мою бытность в Рязанском имении в последний раз ко мне явился купец, который изъявил желание купить у нас часть нашего леса, а именно Шеину порубку, в количестве около 70 десятин по восемьдесяти двум руб. 50 коп. за десятину ‹...› Если Вы согласны продать за эту сумму, то потрудитесь поскорее меня уведомить. Прошу Вас сообщить Борису Борисовичу Полякову и поторопить его приехать для получения задатка».

[2] 14 октября 1878 г. Шер писал Н. М. Достоевскому: «Получил я письмо от вашего брата Федора Михайловича, в котором он изъявляет согласие на продажу семидесяти десятин, но, во-первых, клочок этот не обмерен и нет на него плана; ‹...› во-вторых, не имея доверенности от всех вас, Достоевских, я не могу взять задатка; поверенного своего ни племянники ваши, ни Федор Михайлович присылать не хотят. Если вы желаете, чтоб эта продажа состоялась, чего очень желают мамаша и Ставровские, то, пожалуйста, сообщите всем вашим, что необходимо им прислать их поверенного или же выслать мне доверенность. Очень жаль, если продажа эта не состоится...» (*ЛН*, т. 86, стр. 465).

Продажа этого участка земли не состоялась, о чем Шер сообщил Достоевской 3 декабря 1878 г.: «Так как я получил от Федора Михайловича письменное согласие на продажу, то я пригласил землемера. План сделан, затрачены на него деньги, а продажа не состоялась. Хлопоты мои пропали даром» (там же, стр. 469—470).

762. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 45)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.31.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма к жене*, стр. 234—235.

[1] Об обещании Достоевского приехать осенью 1878 г. в Москву для окончательных переговоров с Катковым см. письмо 752.

[2] Достоевский останавливался в гостинице «Европа» и в прошлый приезд в Москву — см. письмо 751.

[3] Достоевский привез в Москву две первые книги «Братьев Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 411—419). Печатание романа в «Русском вестнике» началось с января 1879 г.

[4] Речь идет о нераспроданных выпусках «Дневника писателя» за 1877 г. (см. письмо 763).

[5] П. П. Цитович издал в 1878 г. в Одессе брошюру «Новые приемы защиты общинного землевладения», Н. К. Михайловский ответил Цитовичу полемической заметкой — первой из цикла «Письма к ученым людям» — «Письмо к профессору Цитовичу» (*ОЗ*, 1878, № 6, стр. 272—290). Цитович продолжил полемику в брошюре, о которой и пишет в этом письме Достоевский: «Ответ на письма к ученым людям» (Одесса, ценз. разр. 18 октября 1878 г.). Брошюра Цитовича была написана в раздраженном тоне, а ее автор обнаружил в своих взглядах полную несостоятельность. Характерно, что отзыв Тургенева об этой брошюре совпал с мнением о ней Достоевского. В письме к М. М. Стасюлевичу от 31 декабря 1878 г. он писал: «До сих пор я полагал, что изведал, как в Дантовом аде, самый низкий *круг* российской пошлости. Но как я ошибался! Я в этом убедился, прочтя брошюру Цитовича. Правда, за нею дальше уже ничего не виднеется. А впрочем, кто знает?» (*Тургенев*, *Письма*, т. XI, кн. 1, стр. 416).

763. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 46)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.31.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма к жене*, стр. 235—236.
Достоевская ответила 10 ноября 1878 г. (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 271—272).

[1] Из этого замечания Достоевского следует, что первые две книги «Братьев Карамазовых» (см. письмо 762, примеч. 3) были переписаны рукою Достоевской, которая помогала мужу на всем протяжении его работы над романом (см.: Е. И. Кийко, Ц. М. Пошеманская. Неизвестный источник текста романа «Братья Карамазовы». — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 3—5).

[2] 1 (13) июля 1875 г. Достоевский писал жене из Эмса: «Представь, княгиня Шаликова третьего дня приехала-таки, вместе с племянницей, дочерью Каткова (16 лет), которой предписано пить воду в Эмсе» (наст. изд., т. XXIX$_2$, стр. 62).

[3] 8 ноября ст. ст. был день именин М. Н. Каткова.

[4] Достоевский все-таки поехал с поздравлением к Каткову — см. письмо 764.

[5] См. письмо 762, примеч. 4.

[6] Это письмо Кашкина неизвестно.

[7] Речь идет о посещении книгопродавца И. Г. Соловьева (см. письмо 762).

[8] Работая над «Братьями Карамазовыми», Достоевский с особым вниманием следил за событиями текущей жизни России, в том числе и за печатавшимися в газетах отчетами о судебных процессах, некоторые из которых отразились в романе (см. об этом наст. изд., т. XV, стр. 453, 553—554, 600 и др.).

Из не отмеченных в примечаниях к «Братьям Карамазовым» судебных разбирательств следует упомянуть о деле торопецкого помещика Н. С. Корвин-Круковского, который обвинялся в том, что, поссорившись в клубе с И. Н. Акуловым, вытащил его на улицу, держа за бороду. Эпизод этот, о котором Достоевский мог прочитать в «Голосе» (1878, 23 октября, № 293), просматривая в Москве газеты последних недель, вероятно, послужил ему, как впервые отметил А. С. Долинин, отправной точкой при изображении обстоятельств ссоры Мити Карамазова со Снегиревым (см. наст. изд., т. XIV, стр. 185—186; *Д, Письма*, т. IV, стр. 369).

[9] В ответном письме Достоевская сообщала: «Оба твои письма получила зараз, вчера, 9-го ноября и с радости не знала, с которого начать» (стр. 272).

764. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 48)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.31. Конверт: *ИРЛИ*, № 30684.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма к жене*, стр. 237—238.

Достоевская ответила 10 ноября 1878 г. (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 271—272).

[1] См. письмо 763.

[2] В книжном магазине И. Г. Соловьева продавалось, очевидно, 4-е издание романа «Преступление и наказание» (т. I—II, СПб., 1877). Отдельное издание «Бесов» вышло в Петербурге в 1873 г.

[3] «Записки из Мертвого дома» были напечатаны отдельными изданиями книгопродавцом и издателем А. Ф. Базуновым в 1862 г. (об этом см. наст. изд., т. IV, стр. 277—278).

Когда А. Ф. Базунов в начале 1870-х гг. разорился, часть его книжной торговли перешла к Соловьеву; среди книг, очевидно, были и нераспроданные экземпляры «Записок из Мертвого дома», о которых и упоминает здесь Достоевский.

[4] Речь идет о поздравлении Каткова с именинами — см. также письмо 763.

[5] Имеется в виду отец зятя М. Н. Каткова.

[6] О «Братьях Карамазовых».

[7] См. письмо 763, примеч. 8.

[8] 10 ноября 1878 г. в Малом театре в бенефис Н. И. Музиля состоялась премьера спектакля «Бесприданница» А. Н. Островского (см.: *Островский*, т. 5, стр. 501). Достоевский присутствовал на этом спектакле (см. письмо 766).

[9] Б. М. Маркевич был постоянным сотрудником изданий М. Н. Каткова: «Московские ведомости» и «Русский вестник», хотя сам жил в Петербурге.

[10] Вероятно, Достоевская послала мужу сочинения их детей, Лили и Феди.

765. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 50)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.31. Конверт: *ИРЛИ*, № 30684.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 239—240.

Ответ на письмо Достоевской от 8 ноября 1878 (*Д, Письма*, т. IV, стр. 370).

[1] Достоевская писала: «Лиля посылает письмо, а Федя начал огромное послание, но потом раскаялся и бросил писать».

[2] Анна Григорьевна сообщила мужу: «Вчера был у нас Навроцкий, редактор „Русской речи"; ему сказали, что ты уехал вчера в Москву, и он оставил свою карточку». Вероятно, А. А. Навроцкий хотел заручиться согласием Достоевского участвовать в его журнале, который начал выходить с января 1879 г.

[3] В своем письме Анна Григорьевна сообщила адрес В. Д. Шера на тот случай, если Достоевский найдет нужным к нему сходить в связи с делами по наследству Куманиной. Ольгу Федоровну Шер (урожд. Нечаеву) Достоевский, очевидно, считал необходимым навестить, так как она была единокровной сестрой его матери.

[4] Речь идет о первых двух книгах «Братьев Карамазовых».

[5] Алеша Достоевский скончался 16 мая 1878 г.

[6] Речь идет о премьере «Бесприданницы» в Малом театре, см. письмо 763, примеч. 8.

[7] В субботу 11 ноября 1878 г. Достоевскому уехать из Москвы не удалось (см. письмо 766).

766. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 51)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212. I.31.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 240—241.

[1] Речь идет о получении от Каткова денег за две первые части «Братьев Карамазовых».

[2] О спектакле, на котором был Достоевский, см. письмо 764, примеч. 8.

767. СТУДЕНТАМ ИНСТИТУТА ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ (стр. 52)

Печатается по черновику письма: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29444—29446.

Впервые опубликовано: *Д, Материалы и исследования*, стр. 364.

Подлинник неизвестен.

Датируется 26 ноября 1878 г., так как в этом черновом варианте письма, находящемся на двойном листе почтовой бумаги (л. 1 об., 2, 2 об. заполнены набросками к «Братьям Карамазовым», см. наст. изд., т. XV, стр. 419), Достоевский пишет о музыкально-литературном вечере как *о состоявшемся*, исходя из предположения, что студенты получат его извинительную записку уже после вечера, на следующий день. Следовательно, письмо могло быть написано утром 26 ноября 1878 г., т. е. в день намеченного музыкально-литературного вечера, но до того момента, когда Достоевский получил газету «Голос» и прочитал там следующее объявление: «Назначенный в воскресенье 26 ноября музыкально-литературный вечер в пользу недостаточных студентов института инженеров путей сообщения по непредвиденным обстоятельствам отменяется...» (*Г*, 1878, 26 ноября, № 327).

Сведений, что письмо было Достоевским отправлено, нет.

[1] Институт инженеров путей сообщения имп. Александра I (ныне — Институт инженеров железнодорожного транспорта им. В. Н. Образцова) основан в Петербурге в 1810 г., окончившие его получали диплом на звание гражданского инженера.

768. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 53)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 324.
Год устанавливается по содержанию: в данной записке говорится о наступающих «работах» и нездоровье Достоевского, что, по-видимому, соответствует началу работы над третьей книгой «Братьев Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 419) и жалобам на здоровье в черновом письме к студентам Института инженеров путей сообщения от 26 ноября 1878 г. (№ 767) и письме к брату Николаю от 1 января 1879 г. (№ 769); кроме того, высылаемая сумма (7 р.) соответствует ежемесячной денежной помощи, оказывавшейся Достоевским брату Николаю в 1878—начале 1879 г. (ср. письма 740, 769).

769. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 54)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 45.

[1] Речь идет о прилагаемых к письму деньгах.

770. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 54)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 99—100.

[1] Речь идет о третьей книге первой части романа «Братья Карамазовы», носящей название «Сладострастники».

[2] В ходе работы над «Братьями Карамазовыми» Достоевский разделил роман не на три, а на четыре части (см. наст. изд., т. XV, стр. 432—433, а также письмо 825).

[3] План Достоевского осуществился не полностью: вторая часть романа начала печататься, как и предполагал писатель, в апрельском номере «Русского вестника» и продолжалась в мае и июне, но в июле был сделан интервал, а последняя (шестая) книга была напечатана в августе 1879 г. (см. наст. изд., т. XV, стр. 429).

[4] Достоевский здесь и далее имеет в виду вторую и третью книги первой части романа.

[5] Редакция «Русского вестника» находилась в Москве в Армянском переулке, который примыкал к Страстному бульвару (ныне ул. Пушкинская).

[6] Эта телеграмма Любимова неизвестна.

[7] Просьба Достоевского была выполнена: в мартовской книжке «Русского вестника» «Братья Карамазовы» не печатались.

[8] Во втором Послании к коринфянам апостола Павла говорится: «Я дошел до неразумия, хвалясь: вы меня *к сему* принудили. Вам бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших апостолов, хотя я и ничто» (гл. 12, ст. 11).

771. К. П ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 55)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29444.
Впервые опубликовано: *Д, Материалы и исследования*, стр. 108.
Ответ на письмо Победоносцева от 14 февраля 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 135).

[1] Победоносцев писал, что Катков в Петербурге «на несколько дней и остановился у зятя своего кн. Шаховского на площади Большого театра, № 6, дом Варгина».

772. В. П. ГАЕВСКОМУ (стр. 55)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 109.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 46—47.

[1] 9 марта 1879 г. Достоевский читал в зале Благородного собрания в пользу Литературного фонда третью главу третьей книги «Братьев Карамазовых» «Исповедь горячего сердца. В стихах». Достоевская в своих воспоминаниях пишет: «В этом вечере приняли участие наши лучшие писатели: Тургенев, Салтыков, Потехин и другие. Федор Михайлович выбрал для чтения „Рассказ по секрету“ из „Братьев Карамазовых“, прочел превосходно и своим чтением вызвал шумные овации. Успех литературного вечера был так велик, что решили повторить его 16 марта почти с теми же (кроме Салтыкова) исполнителями. Во время чтения 16 марта мужу был поднесен букет цветов от лица слушательниц Высших женских курсов» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 332).

Впоследствии, вспоминая об этих чтениях, С. А. Венгеров писал: «...когда читал Достоевский, слушатель <...> совершенно терял свое „я“ и весь был в гипнотизирующей власти этого изможденного, невзрачного старичка, пронзительного взгляда беспредметно уходивших куда-то глаз, горевших огнем, вероятно, того же блеска, который некогда горел в глазах протопопа Аввакума» («Речь», 1915, 25 апреля № 114). О «проникновенном, страстном голосе» Достоевского, «до глубины потрясшем сердца» во время чтения 9 марта 1879 г., писала также в своих воспоминаниях В. В. Тимофеева (О. Починковская) (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 182—183).

О выступлении Достоевского на литературном вечере 16 марта 1879 г. см. в воспоминаниях М. Г. Савиной (сб. «Тургенев и Савина». Пг., 1918, стр. 68—69) и Д. Н. Садовникова (сб. «Русское прошлое». Пг.—М., 1923, № 1, стр. 75—76). Подробное описание этого вечера содержится также в письме Н. А. Соловьева-Несмелова И. З. Сурикову от 21 марта 1879 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 476—477). Отчет о литературном вечере, состоявшемся 9 марта, был помещен в «Голосе» (1879, 11 марта, № 70).

773. О. А. НОВИКОВОЙ (стр. 56)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.36.
Впервые опубликовано: «Свисток». М., 1922, № 1, стр. 150.
Ответ на письмо Новиковой от 10 марта 1879 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.7.26; частично опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 473).

[1] Речь идет о визитной карточке Достоевского.
[2] О. А. Новикова писала Достоевскому: «Я чуть не пла́чу: отчего Вы ко мне не вошли? Карточку Вашу мне отдали, но ведь я дома была и ждала Вас, ждала, не могла дождаться. Просто горе! А вчера как Вы читали великолепно: сердце радовалось <...> Не смею просить Вас к себе, но скажу Вам по секрету, что если Вы выберете минутку во

вторник утром и мне его назначите, я буду дома и снова поджидать вас» (*ЛН*, т. 86, стр. 473).

[3] Во вторник 13 марта Достоевский присутствовал на обеде в честь Тургенева (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 475, а также: *ВЕ*, 1879, № 4, стр. 822).

[4] Достоевский пишет о литературном чтении, которое должно было состояться 16 марта 1879 г. (см. о нем письмо 772 и примеч. к нему).

[5] Достоевский имеет в виду работу над «Братьями Карамазовыми».

[6] Михайловская улица — ныне ул. Бродского.

774. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 57)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.45.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 48.

Ответ на письмо Пуцыковича от 9 марта 1879 г. (ИРЛИ, ф. 100, № 29828).

[1] Пуцыкович сообщил Достоевскому, что М. Н. Катков не принял его в назначенное время, хотя перед тем обещал ему помочь в хлопотах о возобновлении издания «Гражданина».

[2] Об отзывах о «Братьях Карамазовых» в русской периодике начала 1879 г. см. наст. изд., т. XV, стр. 487—489; о публичных чтениях отрывков из романа см. письмо 772 и примеч. к нему.

[3] В своем письме Пуцыкович жаловался, что он сидит без денег, а московский книгопродавец Петров обещал выдать ему деньги в счет долга Достоевскому за проданные книги только 10 марта 1879 г.

775. К. К. РОМАНОВУ (стр. 57)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 660, он. 2, № 336.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 135—136.

Ответ на письмо Романова от 15 марта 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 160).

[1] Приглашая провести у него вечер «завтра 16-го марта, начиная с 9 ч.», великий князь писал: «Вы встретите знакомых Вам людей, которым, как и мне, Вы доставите большое удовольствие своим присутствием». Достоевский провел у К. К. Романова вечер 22 марта 1879 г. (см. письмо 776 и примеч. к нему).

[2] Об этом чтении в пользу Литературного фонда см. письмо 772, примеч. 1.

[3] Достоевский имеет в виду, очевидно, обед у сына Александра II, С. А. Романова, состоявшийся 5 марта 1879 г. На этом обеде кроме Достоевского присутствовали К. П. Победоносцев и К. К. Романов. См. письмо к Достоевскому Д. С. Арсеньева от 3 марта 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 160).

776. К. К. РОМАНОВУ (стр. 58)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 660, он. 2, № 336.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 136.

Ответ на письмо Романова от 21 марта 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 160; ср. там же, т. 86, стр. 136).

[1] К. К. Романов писал: «Многоуважаемый Федор Михайлович, буду очень рад Вас видеть завтра 22-го в $9^1/_2$ ч. вечера. Прошу Вас не стесняться отказом, если Вам этот день сколько-нибудь неудобен». Встреча состоялась в Мраморном дворце, о чем К. К. Романов сделал 22 марта запись в дневнике: «Вечером были у меня Ф. М. Достоевский и И. Е. Андреевский. Очень хороший и интересный был вечер» (*ЛН*, т. 86, стр. 136).

777. О. А. НОВИКОВОЙ (стр. 58)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.36.
Впервые опубликовано: «Свиток». М., 1922, № 1, стр. 151—152.
Ответ на письмо Новиковой от 25 марта 1879 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.7.26).

[1] Интересуясь порядками в редакции журнала «Русская речь», Новикова писала: «Имя официального редактора здесь так мало известно, что его считают подставным лицом. Нас, москвичей, очень заинтересовала напечатанная в „Русской речи" повесть „Ненастье". Кто этот скромный автор „А. Б."?» «Русская речь» — ежемесячный «журнал литературы, политики и науки» издавался в Петербурге в 1879—1882 гг. под редакцией А. А. Навроцкого. В заметке «Об издании журнала „Русская речь"», которой открывался первый номер журнала, в частности, говорилось: «Мы враги самообожания, враги и самооплевания, но мы сторонники *самопознания* и веры в себя, а этого-то у нас, в цивилизованной России, почти нет. Мы желаем и света и правды, но на основе дальнейшего развития исконных начал Русской земли» (*Рречь*, 1879, № 1, стр. 7).

[2] Навроцкий печатался под псевдонимом «Н. А. Вроцкий», его первый роман «Семейство Тарских» вышел отдельным изданием в Москве в 1869 г. В «Вестнике Европы» были напечатаны стихи «Из Волжских преданий: I. Коромыслова башня. II. Утес Стеньки Разина» (1870, № 12) и драматическая хроника «Стенька Разин» (1871, № 5). В «Русской речи» он напечатал несколько исторических драм («Последняя Русь», «Крещение Литвы», «Иезуиты в Литве» и др.). Задумав издание журнала «Русская речь», Навроцкий приходил к Достоевскому «просить советов» (см. письмо 787).

[3] Речь идет о статье Н. Я. Данилевского «Россия и Восточный вопрос» (*Рречь*, 1879, № 1, стр. 212—251; № 2, стр. 173—208), написанной в связи с тем, что выгодные для России и балканских государств условия Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. были затем значительно урезаны на Берлинском конгрессе того же года. Автор статьи доказывал, что главным врагом России является не Турция, а Европа, и что пришло время отказаться от политической и дипломатической традиции, сложившейся в XIX в., в силу которой, по его мнению, русские интересы приносились в жертву интересам европейским (см.: *Рречь*, 1879, № 2, стр. 198). Статья Данилевского, написанная в духе славянофильских воззрений, выпадала из общего направления «Русской речи», как оно было декларировано в заметке «Об издании журнала» (см. выше, примеч. 1).

[4] Статья А. Д. Градовского «Социализм на западе Европы и в России» была напечатана в «Русской речи» 1879, № 1, стр. 153—193; № 2, стр. 119—153; № 3, стр. 76—117. Статья эта затрагивала проблемы, живо волновавшие и самого Достоевского. Градовский писал, что движение русской революционной молодежи нельзя считать продуктом русских *социальных* условий, ибо европейский социализм возник как реакция на «рабочий вопрос», не имевший для России первостепенного значения. Русские социалисты выступали как защитники интересов крестьянства. С точки зрения автора статьи, противоречия между революционерами и правительством могут быть сняты, если правительство продолжит начатые в 1861 г. преобразования и при этом будет помнить, что никакие *политические* реформы не удовлетворят насущных нужд народа, если не будет проявлена одновременно и забота о его «экономическом быте» (*Рречь*, 1879, № 2, стр. 149, 158 и др.). Позиция Градовского охарактеризована в работе В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901) (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5) в ряду других либеральных авторов, апеллировавших к царскому правительству.

[5] Достоевский имеет в виду статьи Маркова, напечатанные в первых номерах «Русской речи» под общим названием «Критические беседы»: 1) «Талмудизм в журналистике» (№ 1, стр. 252—271); 2) «Литературная хандра» (№ 2, стр. 233—261); 3) «Книжка и жизнь» (№ 3, стр. 209—249).

Впоследствии в майском и июньском номерах журнала Марков поместил статьи, посвященные творчеству Достоевского (см. письмо 787, примеч. 7).

[6] Роман в четырех частях «Ненастье», подписанный «А. Б.», печатался в пяти номерах «Русской речи» за 1879 г. Автором романа была А. П. Львова.

[7] Речь идет о статье Новиковой «Вести из Англии», напечатанной 24 марта 1879 г. в «Московских ведомостях», текст которой она прислала Достоевскому. «Прилагаю Вам свою последнюю статью, хотя не смею надеяться, чтоб она могла Вас в какой-либо мере удовлетворить. Я ее сообщила английскому послу, которого давно хорошо знаю. Пускай знает московское мнение об английской политике: его уж чересчур все закармливают комплиментами».

[8] Достоевский имеет в виду «Дело о похищении и умерщвлении евреями крестьянской девочки Сарры Иосифовой Модебадзе», слушавшееся в Кутаисском окружном суде с 5 по 13 марта 1879 г. Одним из адвокатов обвиняемых был присяжный поверенный Александров из петербургской судебной палаты. Отчет о судебном разбирательстве печатался в петербургских газетах (см., например: *Г*, 1879, 8 марта—7 апреля, № 67—95). Александров был одним из возможных прототипов Фетюковича в «Братьях Карамазовых».

[9] В 1879 г. Достоевский в Москву не приезжал.

778. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 59)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29444.
Впервые опубликовано: *Д, Материалы и исследования*, стр. 119.

[1] На тексте незаконченного письма к Любимову черновые наброски ко второй части «Братьев Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 225 и примеч. стр. 612).

779. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 59)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 52 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 49.
Любимов ответил 21 апреля 1879 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33).

Записка на визитной карточке Ф. М. Достоевского без указания адресата и даты. Адресат устанавливается по ответному письму Любимова, в котором он пишет: «Я в большой досаде. Вашу карточку положили у меня в номере на столе, но не сказали, и я заметил ее через несколько дней. . .».

Датируется 14 апреля 1879 г. на основании ответного письма Любимова, в котором сказано: «По последнему письму Вашему думал, что Вы уехали уже 15-го», в письме же Достоевского говорится «уезжаю завтра». Однако Достоевский уехал в Старую Руссу не 15, как предполагал, а 17 апреля (см. письмо Достоевской к Н. М. Достоевскому от 25 апреля 1879 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 480).

780. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 60)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.32.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 49—50.
Ответ на письмо Любимова от 21 апреля 1879 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33).

[1] Любимов в середине апреля 1879 г. приезжал в Петербург, но Достоевский не сумел с ним встретиться (см. об этом письмо 779).

[2] Речь идет о пятой книге «Братьев Карамазовых», озаглавленной «Pro и contra». Предполагаемый Достоевским принцип композиции романа

был выдержан на протяжении всех двенадцати книг «Братьев Карамазовых». Каждая книга была посвящена самостоятельной теме, которая определялась названием («Русский инок», «Алеша», «Мальчики» и т. д.) — см. об этом наст. изд., т. XV, стр. 422.

[3] Первую половину пятой книги «Братьев Карамазовых» для майской книги «Русского вестника» Достоевский выслал 10 мая 1879 г. (см. письмо 782). О работе над книгой «Pro и contra» см. наст. изд., т. XV, стр. 423—425.

[4] О болезни М. Н. Каткова сообщали газеты «Новое время» (1879, 18 (30) апреля, № 1125; 19 апреля (1 мая), № 1126) и «Петербургская газета» (1879. 19 апреля, № 75).

[5] В письме к Достоевскому из Берлина от 19 апреля (1 мая) 1879 г. В. Ф. Пуцыкович сообщил причину своего поспешного бегства за границу. Он писал: «Вновь изданный закон о долгах, особенно по векселям, не позволяет мне ни одного дня оставаться в России, ибо грозила тюрьма, постоянно тюрьма и тасканье по судам. Нечего было и думать о продолжении журнала и какого-либо чуда — спасения». Перед отъездом Пуцыкович вступил в переговоры с Катковым, который согласился считать его своим заграничным корреспондентом. Пуцыкович, как и было условлено, послал свои корреспонденции для «Московских ведомостей», однако материалы эти не были напечатаны и денег Катков не прислал (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828. См. также письмо 781).

781. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 61)

Печатается по ксерокопии *ИРЛИ* с подлинника. Хранится: *Берлинская государственная библиотека (Зап. Берлин).*

Впервые опубликовано: *Московский сборник*, стр. 9—12 (с пропусками).

Ответ на письмо Пуцыковича от 19 апреля (1 мая) 1879 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

Пуцыкович ответил 12 (24) мая 1879 г. (там же).

[1] О своих взаимоотношениях с М. Н. Катковым Пуцыкович писал: «...дав мне денег на проезд *до Берлина*, условившись со мною как с корреспондентом, но доставляя свободу при выборе и предмета, и места писать корресп‹онденции› и самым категорическим образом пообещав выслать денег (и вообще высылать их) на продолжении пути до Парижа (это его личное желание), он теперь (то есть не сам М. Н. Катков, впрочем — слухи здесь носятся, что он тяжело болен) не только не высылает мне денег ‹...›, но не отвечает просто на мое письмо и 2 телеграммы. И не печатает моих корресп‹онденций› (я послал их давно 4)!». Редакция «Московских ведомостей» не считала Пуцыковича своим сотрудником (см. письмо 785, примеч. 8; см. также письма 786, примеч. 3 и 791, примеч. 10).

[2] См. письмо 780, примеч. 4.

[3] См. письмо 780 и примеч. 5 к нему.

[4] Пуцыкович писал: «...попытаюсь *с мая* начать издание „Гражд‹анина›“ ‹...› здесь. Только это величайший секрет. Я хочу всех озадачить *внезапною* рассылкою „Гражд‹анина›“ *из Берлина*, что подымет шум, обратит внимание».

[5] Адрес Ю. Д. Засецкой Достоевский сообщил Пуцыковичу в письме из Эмса от 23 августа (4 сентября) 1879 г. (см. письмо 815).

[6] Встреча Достоевского с Пуцыковичем в Берлине состоялась 23 июля (4 августа) 1879 г. (см. письмо 794, 795).

[7] Достоевский, очевидно, имел в виду ряд террористических актов, совершенных народовольцами весной 1879 г., в частности покушение на царя, совершенное 2 апреля А. К. Соловьевым. Особое впечатление на него произвело также сообщение, появившееся в газетах 22 апреля, о казни

В. Д. Дубровина, о чем он написал 19 мая К. П. Победоносцеву (см. письмо 784, примеч. 4, 5).

[8] Свое намерение прислать статью в газету Пуцыковича «Русский гражданин» Достоевский не осуществил. См. также письмо 786.

[9] В газетах «Молва» (1879, 16 февраля, № 45) и «Голос» (1879, 8 марта, № 67) появились отрицательные отклики на печатавшиеся в то время главы «Братьев Карамазовых». «Заурядный читатель» (А. М. Скабичевский) в «Молве» обвинил Достоевского в пристрастии к «психиатрическому элементу» и к «возлиянию деревянного маслица». Анонимный рецензент «Голоса» также писал, что «положительными героями в „Братьях Карамазовых“ являются только те люди, которые говорят текстами из священных книг», в то время как «„образованный человек“ в романе представлен либо негодяем, либо психически больным» (об этом см. наст. изд., т. XV, стр. 488). Судя по черновику «Письма к издателю „Русского вестника“» (см. письмо 828), Достоевский хотел ответить критикам, обвинявшим его в мистицизме и «эпилептически судорожном» восприятии действительности. Об этом см.: наст. изд., т. XV, стр. 434—435.

[10] Мнение Пуцыковича о «заграничных русских» см. примеч. 9 к письму 786.

[11] В письме от 22 июня (4 июля) 1879 г. Пуцыкович писал: «Относительно Ваших наставлений, как быть с *молодою* нигилятиною и *заграничными русскими*, я всё сделаю по-Вашему. Так же поступлю и с ответом насчет „Карамазовых“, то есть без Вашего *предварительного* одобрения ничего не помещу» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

[12] Адрес Пуцыковича Н. А. Любимову Достоевский сообщил только 11 июня 1879 г. (см. письмо 785).

782. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 63)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 100—102.

[1] По первоначальному плану пятая книга романа должна была содержать не только изложение «крайнего богохульства» и «анархизма» Ивана, но и их опровержение «в последнем слове умирающего старца Зосимы», что соответствовало бы названию всей книги: «Pro и contra» (см. письмо 784). В ходе работы Достоевский выделил тему «Великого инквизитора» в самостоятельную главу и тем самым значительно увеличил объем пятой книги. В связи с этим поучениям старца Зосимы была посвящена уже следующая, шестая книга романа, появившаяся только в августовском номере «Русского вестника». Об этом см. наст. изд., т. XV, стр. 423—429.

Автокомментарий к главам «Бунт» и «Великий инквизитор» Достоевский повторил 19 мая в письме к К. П. Победоносцеву (см. письмо 784, примеч. 2).

[2] Автора «Бесов» упрекали в искажении действительности и в клевете на молодое поколение В. П. Буренин (*СПбВед*, 1871, 11 октября, № 250), П. Н. Ткачев в статье «Больные люди» (*Д*, 1873, № 3 и 4), Н. К. Михайловский в «Литературных и журнальных заметках» (*ОЗ*, 1873, № 2) и др. Подробно об этом см. наст. изд., т. XII, стр. 260, 262—266.

[3] Рассказ о мальчике, затравленном собаками, был напечатан в «Русском вестнике» (1877, № 9, стр. 43—44), а до этого — в «Колоколе» (1860, № 74, Смесь). Об этом см. наст. изд., т. XV, стр. 554.

[4] См. выше примеч. 1.

[5] Начиная с 20 марта 1879 г. в «Голосе» публиковались отчеты из Харькова по делу Евгении и Александра Брунст, обвинявшихся в истязании своей пятилетней дочери, озаглавленные «Мекленбург-Шверинская мать» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 220; т. XV, стр. 554).

[6] Пожелание Достоевского было выполнено (см. наст. изд., т. XIV, стр. 204; т. XV, стр. 448). Песенка, которую поет Смердяков, вероятно, имеет литературный источник. Ср. у С. Н. Марина (1776—1813):

...Иль волшебной силой
Дух привержен к милой.
Господи помилуй!
Ее для меня <...>

Скучен свет без милой,
Век хочу быть с Лилой.
Господи помилуй!
Ее для меня.

С. Н. Марин.
Полное собрание сочинений.
М., 1948, стр. 56.

(Об этом см.: В. Е. Ветловская. «Братья Карамазовы». Дополнения к комметарию. — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 190). Н. К. Пиксанов указал, что варианты этой песни содержатся в сборниках: Новейший российский песенник. СПб., 1817, ч. 1, стр. 4; Новейший российский песенник. СПб., 1818, стр. 52 (об этом см.: «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 160).

[7] В конце IV главы пятой книги «Братьев Карамазовых» в № 5 «Русского вестника» за 1879 г. было указано: «Продолжение пятой книги в следующем №» (стр. 409).

783. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 65)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 103.
Любимов ответил 23 мая 1879 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33).

[1] В ответном письме Любимов сообщил: «Желание Ваше получить 2000 я передал Михаилу Никифоровичу и нашему кассиру. По состоянию кассы оказывается затруднительным выслать сумму разом, а имеется в виду переслать Вам ее частями в течение лета». Деньги (1000 р.) были переведены не в Старую Руссу, а в Петербург, и Достоевская ездила их получать 18 июня 1879 г. (см. письмо 788).

[2] Об отправке в редакцию «Русского вестника» продолжения книги «Pro и contra» для июньского номера Достоевский сообщил Любимову 11 июня 1879 г. (см. письмо 785).

784. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 66)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.204.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 2, стр. 242—243.
Победоносцев ответил 9 июня 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 138).

[1] См. письмо 782, примеч. 1. По поводу книги «Pro и contra» в ответном письме Победоносцев писал: «Жду теперь появления книжки „Рус<ского> вестника“, чтобы знать окончание разговора братьев Карамазовых о вере».

[2] При печатании в «Русском вестнике» «Преступления и наказания» и «Бесов» у Достоевского возникали конфликты с М. Н. Катковым, потребовавшим переделки текста романов (см. наст. изд., т. VII, стр. 326—327; т. XII, стр. 240—245). Отсюда опасение автора, что «Братья Карамазовы» также вызовут возражения со стороны консервативного редактора «Русского вестника» (см. там же, т. XV, стр. 447—450, 481).

[3] Достоевский имеет в виду напечатанный 17 мая 1879 г. в газете «Новое время» (№ 1154) циркуляр министра народного просвещения, в котором было сказано, что следует «обратить особое внимание на необходимость назначения на должности учителей и наставников лиц с особою осторожностью, так как наставникам приходится <...> укреплять в порученных их наблюдению питомцах чувства преданности престолу и уважения к религии».

[4] В. Д. Дубровин после окончания Рижского юнкерского училища в 1876 г. вступил на службу на правах вольноопределяющегося в 86-й Вильманстрандский пехотный полк; оттуда его командировали в Петербургское юнкерское пехотное училище. Во время пребывания в Петербурге познакомился с А. Н. Малиновской, причастной к деятельности общества «Земля и Воля». После окончания училища вернулся в Старую Руссу, где стоял его полк, и вступил в переписку с Малиновской. За Дубровиным было установлено тайное наблюдение. Во время ареста 16 декабря 1878 г. он оказал вооруженное сопротивление. Жителям Старой Руссы были известны обстоятельства ареста Дубровина, поэтому они с особой заинтересованностью следили за его судьбой. В 1879 г. Достоевский приехал в Старую Руссу 20 апреля, а 22 апреля в газетах появился отчет о суде над Дубровиным и сообщение о его казни (см., например: *Г*, 1879, 22 апреля, № 110).

[5] Достоевский, очевидно, имеет в виду призывы Дубровина, обращенные к народу, «устроить новое государство без царей», о которых писатель мог узнать из отчетов в газетах (см.: *Г*, 1879, 22 апреля, № 110, «Судебная хроника», а также А. Шакол. Казнь Дубровина. — «Каторга и ссылка», 1922, № 5, стр. 73—74). Свои политические взгляды Дубровин изложил в «Заметках русских офицеров-террористов за 1878 год», рукопись которых была изъята у него при аресте. В «Судебной хронике» «Голоса» из этих «Заметок» приводились большие отрывки. «Цель наших заметок, — писал Дубровин, — сообщить социалистам-революционерам некоторые сведения, необходимые, по нашему мнению, для ведения публичной демонстрации, для вооруженного сопротивления различным полицейским башибузукам и вообще для всех тех действий, к которым приходится прибегать социалистам-революционерам для реализации идей бунтарства» (*Г*, 1879, 22 апреля, № 110).

[6] См. письмо 777, примеч. 4.

[7] Достоевский посещал К. П. Победоносцева зимой 1879 г. по субботам в вечернее время (см.: *ЛН*, т. 15, стр. 135).

785. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 68)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53.

Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 104—105.

Любимов ответил 20 июня 1879 (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33, в *Описании*, стр. 420 — ошибочно 20 июля 1879).

[1] Речь идет о заключительных (V—VII) главах пятой *книги* (а не «главы», как ошибочно указал Достоевский) «Братьев Карамазовых».

[2] Восходит к Апокалипсису, ср.: «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно́, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откровение Иоанна, гл. 13, ст. 5).

[3] Об исторических, философских и литературных источниках поэмы о Великом инквизиторе см. наст. изд., т. XV, стр. 462—465.

[4] См. письма 783, 791.

[5] Достоевский писал Любимову о Пуцыковиче 30 апреля 1879 г. (см. письмо 780).

[6] Письма Пуцыковича к Достоевскому от 10 (22) мая и 5 (17) июня 1879 г. (см. письмо 786, примеч. 1).

[7] О взаимоотношениях с Катковым Пуцыкович сообщал Достоевскому 19 апреля (1 мая) 1879 г. (см. письмо 781, примеч. 1).

[8] В ответном письме Н. А. Любимов сообщал, что «перед отъездом г. Пуцыкович получил из редакции „Московских ведомостей“ 400 руб. под предполагавшиеся корреспонденции, а больше просто из желания помочь ему». Присланные Пуцыковичем три корреспонденции не удовлетворили редакцию. В ответ на многочисленные требования Пуцыковича выслать ему денег М. Н. Катков дал распоряжение прервать с ним «литературные сношения».

786. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 70)

Печатается по ксерокопии *ИРЛИ* с подлинника. Хранится: *Берлинская государственная библиотека (Зап. Берлин).*

Впервые опубликовано: Берлинский листок, 1903, № 1.

Ответ на письма Пуцыковича от 10 (22) мая и 5 (17) июня 1879 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

Пуцыкович ответил 21 июня (3 июля) и 22 июня (4 июля) 1879 г. (там же).

[1] В прошлый раз Достоевский отправил деньги Пуцыковичу в письме от 3 мая 1879 г. (см. 781). В ответном письме 21 июня (3 июля) Пуцыкович сообщал: «Еще в субботу получил Ваше любезное письмо, но вот ждал 1-х денежного пакета, который и на этот раз пришел снова тремя днями позже (в понедельник), и 2-х, ждал ответ от ред‹акции› „Моск‹овских› вед‹омостей›“ на мой ультиматум — и потому отложил до сегодняшнего дня ответ Вам.

Опять не знаю уж, как и благодарить Вас за Вашу просто невероятную даже для меня, уж столько раз испытавшего Ваше великодушие, доброту!».

[2] В тот же день, 11 июня, Достоевский сообщил Н. А. Любимову, что окончание пятой книги «Братьев Карамазовых» он отправил в редакцию «третьего дня» (см. письмо 785, примеч. 1).

[3] Пуцыкович писал Достоевскому 5 июня ст. ст.: «Вы только вообразите себе, что до сей минуты я не получил от К‹атко›ва или из его редакции не только обещанных им в апреле 200 р., но не могу теперь добиться, чтобы *хотя* гонорар выслали за две статьи мои, и вообще не могу добиться какого бы то ни было ответа!».

[4] Речь идет о заключительных главах пятой книги «Карамазовых», среди которых была «поэма» Ивана о «Великом инквизиторе» (см. письмо 785). О своих опасениях по поводу возможных конфликтов с редакцией «Русского вестника» Достоевский уже писал К. П. Победоносцеву (см. письмо 784, примеч. 2).

[5] Достоевский просил Н. А. Любимова о высылке денег за роман «Братья Карамазовы» в письме от 17 мая 1879 г. (письмо 783).

[6] Любимов ответил на просьбу Достоевского 23 мая 1879 г. (см. письмо 783, примеч. 1).

[7] См. письмо 785.

[8] См. письмо 785, примеч. 8.

[9] В ответном письме 22 июня (4 июля) 1879 г. Пуцыкович писал: «На заграничных русских у меня нет никакой надежды: они стали бы подписываться только, когда „Граж‹данин›“ стал бы революционным изданием. ‹. . .› Поверите ли, что никакая газета русская здесь не читается и не продается».

[10] В том же письме Пуцыкович писал: «Насчет опасений, что цензура не будет пропускать резких статей, я спокоен: я буду стараться *в самом журнале* помещать статьи только в *предположении пропуска* через цензуру, но не думаю, чтобы даже в этих пределах было особенно „Гражд‹анину›“ тесно; он *как заграничное* издание, по словам самого Григорьева, может себе позволять то, чего в России не мог бы. Для *исключительных* случаев: резких статей вроде речи Аксакова я буду выпускать особое приложение в виде листков и рассылать их избранным подписчикам, полу-

чающим журналы или без цензуры (все газеты так получают), или в закрытых пакетах, что недорого обойдется ввиду малого числа *таких* подписчиков».

[11] В ответ на это Пуцыкович сообщил: «Адреса у меня есть, по подписной книги еще нет, так что первый выпуск могу разослать беспрепятственно».

[12] Это письмо Засецкой неизвестно.

[13] В ответном письме 22 июня (4 июля) Пуцыкович сообщил Достоевскому, что разрешение издавать «Гражданин» в Берлине никак не связано денежным залогом, под который он начал издавать эту газету в России. Он писал: «„Гражд‹анин›“ считается *в России* прекратившимся с 6 февр‹аля›, и залог можно получить ей ‹Засецкой. — *Ред.*› 6 февр‹аля› *будущего* года, несмотря на издание „Гражд‹анина›“ здесь ‹...›. О З‹асецкой› я и не думаю. После ее грубого письма я ей не писал и не буду писать. Но когда справлюсь и увижу, что она получила 6 февр‹аля› залог, то напомню ей, что она дала слово из него мне дать 1000 р. и что *вместо этого* она *должна* Вам заплатить *мой долг*».

[14] «Теперь насчет обещ‹анной› Вами статьи, — писал Пуцыкович 22 июня (4 июля), — она спасительная для меня вещь — она заменит капитал. Нужно ее прислать хотя бы в 20 числах июля, то есть почти через месяц».

787. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР (стр. 72)

Печатается по тексту первой публикации: *РС*, 1911, 28 января № 22. Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Штакеншнейдер от 23 мая 1879 г. (*Материалы и исследования*, т. V, стр. 264).

[1] По этому поводу Достоевская писала: «В 1879 году Майковы во второй раз должны были поехать в Старую Руссу для пользования ваннами их младшего сына Аполлона, тогда двенадцатилетнего мальчика. Приехала с ним только мать Анна Ивановна Майкова и остановилась до приискания квартиры у нас. К несчастью оказалось, что Аполлоша приехал с сильным кашлем, вернее, больной коклюшем, и дети наши, проведя с ним целых два дня, заразились от него этою болезнию и прохворали все лето. Федор Михайлович был страшно огорчен и сам не бывал у Анны Ивановны, а мне позволял говорить с нею только стоя на улице пред ее домом, в открытое окно» (*ЛН*, т. 86, стр. 482).

[2] Речь идет о работе над шестой книгой «Братьев Карамазовых», которая была закончена только 7 (19) августа 1879 (см. письма 791 и 803).

[3] То, что в России усилилось после отмены крепостного права хищническое истребление лесов и истощение почвы, волновало Достоевского еще в период работы над «Подростком». Так, в начале августа 1874 г. он сделал заметку: «Теперь безлесят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и приготовляют ее для калмыков. Кто это делает? Купечество, скупающее землю, и старинное дворянство — помещики, прежние бойцы за землю, пока их не лишили крепостного права. ‹...› Человек, истощающий почву с тем, чтоб „с меня только стало“, потерял духовность и высшую идею свою» (наст. изд., т. XVI, стр. 38). В сохранении лесов и плодородия почвы Достоевский видел предпосылку для обновления человечества. Об этом он многократно писал в «Дневнике писателя», в том числе в 1876 г. в главе «Земля и дети» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 96).

[4] Достоевский уехал из Старой Руссы в Эмс 18 июля 1879 г. и пробыл там до 29 августа (см. письма 793, 818). В Эмсе была не только закончена шестая книга «Братьев Карамазовых», но и начата работа над седьмой (см. наст. изд., т. XV, стр. 429—430).

[5] Достоевский имеет в виду преступления, о которых писали в то время русские газеты. Так, Ф. Н. Юрковский организовал подкоп под Херсонское казначейство с целью экспроприации денег, необходимых для

деятельности революционной организации. В результате проведенной операции 3 июня 1879 г. было изъято более одного миллиона рублей. Первое сообщение об этом появилось в газетах через несколько дней после ограбления (см., например, *Г*, 1879, 10, 13 июня, № 160, 162). К. Ф. Ландсберг, офицер из аристократической среды, награжденный орденами, убил шестидесятипятилетнего Е. А. Власова и его прислугу. Ландсберг совершил преступление для того, чтобы выкрасть свою собственную расписку на пять тысяч рублей, которые он брал взаймы и должен был вернуть убитому 25 мая. Сообщение об убийстве появилось в «Голосе» 1 июня (№ 150). Была выдвинута версия о помешательстве Ландсберга и подана кассация. Судебное разбирательство по делу началось 3 июля под председательством А. Ф. Кони (см.: *Г*, 1879, 6 июля, № 185).

[6] Противопоставляя «пишущую» публику «читающей», Штакеншнейдер писала о ней Достоевскому: «Та, во-первых, хочет быть умнее Вас и никак не может! Вот, например, не Ваш и не мой любимец, но любимец либерального Петербурга, его пророк и глашатай его истин — Марков. Передо мной его статья „Романист-психиатр“ («Русская речь», май), разве он не мнит, что постиг Вас? И как бойко он решил, распределил и подвел итоги».

[7] Две статьи Е. Л. Маркова из цикла «Критические беседы», посвященные творчеству Достоевского, были напечатаны в майском и июньском номерах журнала «Русская речь» под заглавием «Романист-психиатр». Упрекая Достоевского в том, что он увлечен «больной психеей какого-нибудь одного мрачного героя», имея в виду романы «Идиот», «Преступление и наказание», «Бесы», Марков утверждал: «В этих романах его жизнь людей является гораздо хуже, темнее и бессмысленнее, чем в действительности» (*Рречь*, 1879, № 5, стр. 255, 275). В конце 1879 г. Марков отозвался о «Братьях Карамазовых» более благожелательно. Критик отметил «правдивость, а стало быть, и жизненность типов», созданных в этом романе Достоевским (см.: *Рречь*, 1879, № 12, стр. 268; а также наст. изд., т. XV, стр. 492—493).

[8] В конце 1879 г. Достоевский писал Н. А. Любимову: «Я хотел было прибавить <...> некоторые разъяснения идеи романа для косвенного ответа на некоторые критики <...> Но, размыслив, нахожу, что это будет рано, надеясь на то, что по окончании романа Вы уделите мне местечко в „Р<усском> вестнике“ для этих разъяснений и ответов» (см. письмо 829). Однако своего намерения Достоевский не выполнил.

[9] А. А. Навроцкий начал издание журнала «Русская речь» в 1879 г., и Е. Л. Марков, ранее сотрудничавший в журналах самых разных направлений («Отечественные записки», «Дело», «Русский вестник»), стал вести в нем отдел «Критические беседы». Статьи критика вызвали отрицательную оценку Достоевского (см. письмо 777 и примеч. к нему 1, 2, 5).

[10] Марков печатал в 1879 г. роман «Берег моря» (*Д*, № 1, 2, 4, 6, 9), герои которого поселились в Крыму, на небольшом винограднике. Добывая средства к существованию собственным трудом, они довольствовались малым и наслаждались идиллической близостью с природой, не уставая восторгаться ее красотой. Анонимный рецензент «Отечественных записок» в статье, посвященной отдельному изданию романа Маркова, вышедшему в 1880 г., писал что «Берег моря» — это «либеральная маниловщина» (*ОЗ*, 1880, № 8, отд. II, стр. 225—229). Об общественно-эстетической позиции Достоевского, писавшего в это время шестую книгу «Братьев Карамазовых», см. наст. изд., т. XV, стр. 426—429.

[11] В своем письме Е. А. Штакеншнейдер сообщала Достоевскому: «Покровский подарил мне к именинам Ваши сочинения». В 1870-е гг. М. П. Покровский находился под влиянием Страхова и был страстным поклонником Достоевского. В своих воспоминаниях Е. А. Штакеншнейдер пишет: «Не Покровский ли и меня научил поклоняться Достоевскому, так сказать, открыл мне его, и в его произведениях открывал такие горизонты, которые без него были бы для меня совершенно недоступными? Не ради ли него я возобновила и знакомство с Достоевским» (Е. А. Шта-

кеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 461). Последнее прижизненное собрание сочинений Достоевского вышло в 1865—1870 гг. в четырех томах, в издании Ф. Т. Стелловского. В 1870-е гг. Достоевский выпускал отдельными изданиями свои романы «Идиот» (1874), «Бесы» (1873), «Записки из Мертвого дома» (1875), «Подросток» (1876). Что именно из сочинений Достоевского подарил Е. А. Штакеншнейдер Покровский, неясно.

788. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 73)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 242—243.

[1] Достоевская ездила в Петербург, чтобы получить деньги из редакции «Русского вестника» в счет гонорара за «Братьев Карамазовых», присланные не в Старую Руссу, а в Петербург на адрес банкирской конторы Ахенбаха и Колли (см. письмо 783, примеч. 1).

[2] Речь идет об И. И. Румянцеве и его дочери.

[3] Жена священника И. И. Румянцева Екатерина Петровна.

[4] Дети Достоевских летом 1879 г. болели коклюшем (см. письмо 787, примеч. 1).

[5] А. П. Сазонович к своему письму от 16 июня 1879 г. к Достоевской (см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.8.65) приложила автографы писем декабриста М. А. Фонвизина к жене (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 485). Автографы писем декабристов А. П. Сазонович присылала Достоевской, собиравшей коллекцию рукописей деятелей культуры и ранее. Так, в письме к Достоевской от 7 мая 1879 г. Сазонович сообщала о трех письмах М. А. Бестужева, которые она «хотела переслать ‹...› Федору Михайловичу» (*ЛН*, т. 86, стр. 481).

[6] В 1879 г. летом в Старой Руссе жили А. В. Жаклар с семьей и жена Ап. Н. Майкова Анна Ивановна. Достоевский охотно общался с Жаклар (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 334), отношения с А. И. Майковой не отличались искренностью, о чем свидетельствует ее переписка с мужем (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 485). См. также примеч. Достоевской к письму А. И. Майковой от 13 мая 1879 г. (там же, стр. 482).

789. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» (стр. 74)

Печатается по черновому автографу: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.1/8.
Впервые опубликовано: *Д, Материалы и исследования*, стр. 371.
Подлинник неизвестен.
Датируется на основании письма к Н. А. Любимову от 8 июля 1879 г. (791), где Достоевский пишет: «Я 3-го дня послал в редакцию „Р‹усского› вестника“ телеграмму, с просьбой выслать мне последний, 6-й, июньский № „Р‹усского› вестника“».

[1] В письме к Н. А. Любимову от 8 июля 1879 г. Достоевский пояснял, что его настойчивая просьба прислать последний номер журнала продиктована, во-первых, «авторским нетерпением», «а во-2-х — необходима книжка даже для справок» (стр. 76).

790. Ф. ТОМА (стр. 74)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ГЛМ*, ОФ. 4829, л. 18.
Впервые опубликовано в статье: Geir Kjetsaa. Towards World-wide fame: Dostoevskij and the Association Littéraire Internationale. — In: We

and They. National Identity as a Theme in Slavic Cultures. Copenhagen University. Institute of Slavonic Studies. Studies 11. Donum Stiefanum. Copenhagen, 1984, p. 99.

Ответ на следующее сообщение Ф. Тома об избрании Достоевского членом почетного Комитета Международной литературной ассоциации (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.57; опубликовано: Ibid., p. 98):

Association Littéraire Internationale
Président d'honneur M. Victor Hugo

Paris, le 3 Juillet 1879

Monsieur et très Respecte Confrère,

Nous avons l'honneur de vous informer que le Congrès Littéraire International, dans la session tenue à Londres du 9 au 14 Juin,

Saluant en vous un des plus illustres représentants de la littérature contemporaine,

vous a élu, à l'unanimité, membre du Comité d'honneur de l'Association Littéraire Internationale.

L'Association est fière d'ajouter votre nom à ceux des hommes éminents qui ont bien voulu accorder leur puissant concours à l'œuvre qu'elle poursuit pour la défense des Droits de la Propriété Littéraire.

Veuillez agréer, Monsieur et respecté confrère, l'expression de nos sentiments de très haute considération.

Les Présidents de l'Association Littéraire Internationale

José da Silva
Mendès Léal
J. M. Torrés-Caïcedo
Fréderic Thomas

‹Международная Литературная Ассоциация
Почетный президент г-н В. Гюго

Париж, 3 июля 1879

Милостивый государь и высокочтимый коллега!

Мы имеем честь сообщить Вам, что на своей сессии, состоявшейся в Лондоне с 9 по 14 июня, Международный литературный конгресс, приветствуя в Вашем лице одного из самых прославленных представителей современной литературы, единодушно избрал Вас членом Почетного комитета Международной литературной ассоциации.

Ассоциация гордится тем, что может присоединить Ваше имя к именам выдающихся людей, удостоивших своей мощной поддержки ее деятельность во имя защиты Прав литературной собственности.

Соблаговолите принять, милостивый государь и высокочтимый коллега, уверение в нашем глубочайшем уважении.

Президенты Международной литературной ассоциации

Жозе да Сильва, Мендес Леаль,
Ж. М. Торрес-Кайседо, Фредерик Тома.› (*франц.*).

Еще в середине мая 1879 г. Достоевский получил приглашение на конгресс Международной литературной ассоциации, который должен был состояться в Лондоне (Программа заседаний конгресса и пригласительный билет на имя Достоевского хранятся: *ГБЛ*, ф. 93, II.1.57). Работа над романом «Братья Карамазовы» и предстоящая поездка летом на лечение в Эмс помешали Достоевскому принять участие в конгрессе. Очевидно, он, как и в 1878 г., ответил организаторам конгресса (см. письмо 745), но письмо это неизвестно. На лондонском конгрессе Международной литературной ассоциации членом Почетного комитета кроме Достоевского и представителей других государств был избран также Л. Н. Толстой.

Таким образом, от России членами Почетного комитета Международной литературной ассоциации в 1879 г. были: И. С. Тургенев (избран ранее), Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой.

791. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 75)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, т. 1, л. 53.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 106—108.

[1] Деньги (7 р.) на высылку ему в Старую Руссу заграничного паспорта Достоевский перевел еще 3 июня 1879 г., о чем сохранилась квитанция новгородского казначейства (см.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29506).

[2] См. письмо 787, примеч. 4.

[3] Шестая книга «Братьев Карамазовых», окончательно названная «Русский инок», была отправлена из Эмса 7 (19) августа 1879 г. и появилась в августовском номере «Русского вестника» (см. письмо 804).

[4] В ходе работы Достоевский изменил и расширил первоначальный план «Братьев Карамазовых»: вторая часть в законченном романе завершается шестой книгой «Русский инок», а весь роман состоит не из трех, а из четырех частей (см. письмо 825 и наст. изд., т. XV, стр. 429—433).

[5] Эпилог «Братьев Карамазовых» появился только в ноябрьской книжке «Русского вестника» за 1880 г.

[6] «Анна Каренина» печаталась в «Русском вестнике», начиная с январской книжки журнала за 1875 г. до апрельского номера 1877 г. с большими перерывами, что «возбудило, — как писал в «Биржевых ведомостях» (1876, 12 марта, № 70) А. М. Скабичевский, — в публике недоумение, неудовольство, скандальные предположения». Скабичевский, как и некоторые другие критики, обвинил редакцию «Русского вестника» в преднамеренной задержке публикации романа, растянувшейся на три года, с целью привлечения подписчиков. Об этом см.: Э. Г. Бабаев. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1978, стр. 143—146.

[7] См. письмо 828.

[8] См. письма 788, 795, примеч. 4.

[9] Несмотря на просьбу Достоевского, деньги из «Русского вестника» опять были присланы переводом на имя Ахенбаха и Колли (см. письмо 797).

[10] О Пуцыковиче Любимов писал Достоевскому 20 июня 1879 г. (см. письмо 785, примеч. 8). О встрече Достоевского с Пуцыковичем в Берлине см. письма 794, 795.

792. А. П. ФИЛОСОФОВОЙ (стр. 77)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, № 933.
Впервые опубликовано: *РС*, 1883, № 10, стр. 233—234 без обозначения адресата и с заменой имени и отчества: N. N.

[1] Это письмо Философовой неизвестно.

[2] См. письмо 787, примеч. 1.

[3] Это письмо Философова получила уже после возвращения с Кавказа в родовое имение Философовых Богдановское, Псковской губернии, где она, как всегда, проводила лето с детьми (см.: А. В. Тыркова. Анна Павловна Философова и ее время. — В кн.: Сборник памяти А. П. Философовой. Пг., 1915, т. 1, стр. 323).

[4] Впоследствии Философова в своих заметках писала: «Я была постоянно между двух огней: с одной стороны мой муж получал прокламации от нигилистов, что они его убьют и что он внесен в список, в число жертв, с другой стороны правительство высылало моего сына и грозило мне высылкой» (А. В. Тыркова. Анна Павловна Философова и ее время, стр. 333). Об общественно-политических взглядах Философовой можно судить по следующим строкам из ее письма мужу от 1 сентября 1879 г.: «Ты знаешь очень хорошо, что я ненавижу настоящее наше правительство <...> это шайка разбойников, которые губят Россию» (там же, стр. 326). В конце ноября 1879 г. по предписанию III Отделения Филосо-

фова с двумя дочерьми и младшим сыном выехала в Висбаден (там же, стр. 335).

[5] В своих воспоминаниях Достоевская писала: «Бывал Федор Михайлович изредка у А. П. Философовой, которую очень ценил за ее энергическую деятельность, и говорил, что у нее „умное сердце“» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 357).

[6] См. письмо 793, примеч. 5.

[7] Владимиру Дмитриевичу Философову.

793. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 79)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.
Конверт: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 243—244.

[1] Эта гостиница находилась на Лиговской улице (дом не сохранился, ныне — участок дома № 43/45 по Лиговскому пр., см.: Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1976, стр. 506).

[2] Достоевский получил часть гонорара за «Братьев Карамазовых» (см. письмо 791).

[3] Так Достоевский называет Германское посольство, где он получил визу на въезд в Германию в связи с поездкой на лечение в Эмс.

[4] Уезжая 17 апреля 1879 г. на лето в Старую Руссу, Достоевские сдали свою квартиру (Кузнечный пер., д. 5) знакомой семье Крапихфельдов (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 480, 481). Появление в рабочем кабинете *черных* тараканов Достоевский в шутку связывает с названием романа. Фамилия Карамазовы составлена из двух слов: тюрко-татарского «кара» (черный) и «мазать» (об этом см. наст. изд., т. XIV, стр. 184 и примеч., т. XV, стр. 549).

[5] Достоевский ездил лечиться в Эмс начиная с 1874 г. по совету профессора Д. И. Кошлакова (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 534; см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 333—334).

794. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 80)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.
Конверт: *ГБЛ*, ф. 93, I.69.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 244—246.

[1] См. письмо 793, примеч. 1.

[2] Об отношении Достоевского к А. И. Майковой см. письмо 788, примеч. 6.

[3] Дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

[4] Е. П. Рохель.

[5] Достоевский имеет в виду станцию Николаевской железной дороги Чудово, Новгородской губернии.

[6] Как вспоминает Достоевская, в последние годы жизни Достоевский часто задумывался «о судьбе семьи в случае ослабления своей литературной деятельности или смерти» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 336). Эта же тема волнует писателя в письмах к жене из Эмса (см. письмо 810).

[7] Максимилиановская лечебница в Петербурге основана в 1850 г. Обществом посещения бедных, ныне платная поликлиника № 81 (пр. Майорова, д. 10). Главный врач этой лечебницы И. М. Барч — старинный знакомый Достоевского — в 1872 г. делал операцию его дочери Любе (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 220—231).

[8] Эйдткунен (в XIX в. прусское местечко и железнодорожная станция близ русско-прусской границы) Достоевский впервые проезжал в 1862 г.

и упомянул об этом в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см. наст. изд., т. V, стр. 51).

[9] Первое письмо в Эмс Достоевская написала 19 июля 1879 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 276. Ср. письмо 795).

[10] Достоевский заканчивал в Эмсе шестую книгу «Братьев Карамазовых», которую обещал выслать в «Русский вестник» 10—12 августа (см. письмо 791).

[11] Речь идет о А. В. Жаклар и Ш.-В. Жакларе.

795. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 82)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 246—248.

Ответ на письмо Достоевской от 19 июля 1879 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 276—277).

Достоевская ответила 30 июля 1879 г. (там же, стр. 287—288).

[1] Достоевский жил в Эмсе в меблированных комнатах «Hotel d'Alger» в 1874 и 1876 гг., а в «Luzern'e» — в 1875 г. (см. наст. изд., т. XXIX$_2$, письма 579 и 628).

[2] Ассюрирована — обеспечена (от фр. assurer — обеспечивать).

[3] См. письмо 791, примеч. 9.

[4] Достоевская писала: «Вчера я получила от редакции „Р‹усского› в‹естника›“ перевод на 500 р. на *твое имя* на Ахенбаха и Коллн ‹...› Без договоренности твоей Ахенбах не выдаст мне. Я ‹...› отправлю перевод обратно». По этому поводу Достоевский написал 25 июля (6 августа) письмо Любимову (см. письмо 797).

[5] Берлинский аквариум, основанный А. Э. Бремом в 1867 г., был одновременно и виварием. Он состоял из 140 клеток, бассейнов и гротов.

[6] О каком музее идет речь, не ясно. В то время в Берлине, помимо прочих, были Старый и Новый музеи изобразительных искусств и Национальная картинная галерея.

[7] Тиргартен — парк в Берлине (возле Бранденбургских ворот) со статуями, памятниками и цветниками.

[8] В июньском письме 1879 г. И. С. Аксаков писал Пуцыковичу: «Высылаю Вам, почтеннейший Виктор Феофилович, сто рублей из моих кровных денег. ‹...› Не верится мне в успех заграничного „Гражданина“, но не хочу смущать» (*Московский сборник*, стр. 38). О том, почему он не верит в успех заграничного «Гражданина», Аксаков написал Пуцыковичу 5 июня 1879 г.: «Ваше намерение издавать „Русского гражданина“ unter den Linden ‹под липами. — *Ред.*› — мысль бесспорно остроумная сама по себе, но едва ли выгодная практически. Конечно, он будет вдвое свободнее, чем в России, но этого мало. Нужно ему быть в 25 раз *содержательнее*, блестящее, талантливее... Ибо „свобода“, которая найдет себе место в Вашем журнале под *Липками*, не будет иметь заманчивости строго запрещенного плода, пряности радикализма и т. п. привлекательных или любопытных сторон» (там же, стр. 37)

[9] Н. Н. Голицын, в то время подольский вице-губернатор, публицист.

[10] Ф. Ф. Пуцыкович — учитель в Петербурге.

[11] См. письма 799, 800.

[12] Первый номер «Русского гражданина» вышел 31 июля (12 августа) 1879 г. (см. письмо 810).

[13] См. выше, примеч. 4.

796. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 85)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32. Конверт: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9. л. 6.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 248—250.

Достоевская ответила 30 июля 1879 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 287—288).

[1] У доктора Орта Достоевский лечился во время пребывания в Эмсе в 1874—1876 гг. (см. наст. изд., т. XXIX, кн. 1 и 2).

[2] Гаргаризация — от франц. gargarise (полоскать горло).

[3] На это письмо жены (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 276—277) Достоевский уже ответил (см. письмо 795).

[4] См. письмо 795, примеч. 4.

[5] См. письмо 791.

[6] Достоевская писала 19 июля: «...вскоре пришла Грушенька Меньшова и провела у нас вечер» (*Д, Переписка с женой*, стр. 276). А. И. Меньшова — прототип Грушеньки Светловой в романе «Братья Карамазовы» (об этом см.: Л. М. Р е й н у с. О прототипе Грушеньки из «Братьев Карамазовых». — *РЛ*, 1967, № 4, стр. 143—146; см. также наст. изд., т. XV, стр. 456—457). Нилова мужская пустынь находилась в 8 км от г. Осташкова, на острове Столобенском посреди озера Селигер, основана была в XVI в. Нилом Столобенским. Возможно, что поездка в Нилову пустынь затевалась по инициативе А. И. Меньшовой, выросшей в религиозной семье. В ответном письме Достоевская сообщала мужу: «По поводу вашп поездка к Нилу откладывается на неопределенное время» (стр. 287).

797. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 87)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 108.

[1] Об этом см. письмо 796, примеч. 4.

[2] Достоевский ссылается на свое письмо Любимову от 8 июля ст. ст. 1879 г. (см. 791).

[3] Шестую книгу «Братьев Карамазовых» Достоевский выслал из Эмса 7 (19) августа 1879 г. (см. письмо 807).

798. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 88)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212. I.32.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 251—252.

[1] Это письмо Достоевской неизвестно.

[2] Речь идет о Б. Н. Чичерине.

[3] См. письмо 799.

[4] Речь идет о письме Пуцыковича от 25 июля (6 августа) 1879 г.

[5] См. письмо 800.

[6] См. письмо 797.

[7] О предполагаемой поездке Достоевской с детьми в монастырь, основанный Нилом Столобенским, см. письмо 796, примеч. 6.

799. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 90)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.45.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 80—81.
Ответ на письмо Пуцыковича от 25 июля (6 августа) 1879 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).
Пуцыкович ответил 29 июля (10 августа) 1879 г. (там же).

[1] См. письмо 800.

[2] Пуцыкович прислал Достоевскому копию письма от учителя семинарии из Саратова Х. Максимова, который просил подписать его на «Гражданин» и внес 10 р. задатка.

[3] О выпущенных Пуцыковичем номерах «Русского гражданина» см. письма 810, 812.

[4] И. С. Аксаков и Н. Н. Голицын (см. письмо 795, примеч. 8, 9).
Аксаков, сомневаясь в успехе «заграничного „Гражданина"», отказал ему в финансовой поддержке. В письме от 25 июня 1879 г. он писал: «Итак, не сетуйте на меня, почтеннейший Виктор Феофилович, за мой образ действий — и последуйте моему совету: бросьте совсем издание „Гражданина" за границей. Не то Вам будет мало не только 70 р., но и 7000 р.» (*Московский сборник*, стр. 42).

[5] Речь идет о заметке, напечатанной не в «Московских ведомостях», как писал Достоевский, а в «Голосе» (1879, 23 июля, № 202). Автор заметки сообщал: «Недавно мы дали отчет о брошюре Марра „Победа иудаизма над германизмом", доказывавшей преобладание еврейства в Германии. Теперь М. Реймонд, в открытом письме к Марру, изданном брошюрою под названием „Где же тут жид?" («Wo steckt der Mauschel?»), или „Иудейский либерализм и научный пессимизм?", опровергает все положения Марра, доказывавшего, что современное германское общество совершенно „объевреилось" и что евреи внесли в него „спекулятивный реализм", составляющий отличительную характеристику этого семитского племени. <...> Усвоение Западом иудейского взгляда на жизнь и ее практические требования Реймонд приписывает неизбежному историческому закону развития, начавшемуся с водворения евреев в Европе и оказавшемуся более всего влиятельным в Германии». В отличие от Марра, Реймонд не считал, что «преобладающее значение евреев <...> в обществе, в политике, в науке» может оказать вредное влияние на развитие Германии.

[6] См. письмо 812.

[7] В ответ на это Пуцыкович выразил сожаление по поводу того, что Достоевский в своем письме к редактору «Русского гражданина» уклонился от обещания участвовать в журнале. Он писал: «...в таком виде (стороннему человеку оно покажется уверением с Вашей стороны или сильным желанием уверить, что Вы никогда ничего не дадите для «Гражданина») оно может достигнуть противоположного тому, что Вы желали мне сделать, все увидят, что я один».

800. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 91)

Печатается по тексту первой публикации: «Русский гражданин», Берлин, 1879, 31 июля, № 5, стр. 4—5; черновой автограф этого письма см. в разделе «Другие редакции», стр. 249—250.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо написано для публикации в начавшем издаваться в Берлине журнале «Русский гражданин» по просьбе Пуцыковича (см. об этом письмо 799).

801. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 92)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 253—255.

Ответ на письмо Достоевской от 24 июля 1879 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 279—280).

Достоевская ответила 5 августа 1879 г. (см. там же, стр. 294—295).

[1] Начало письма к Достоевскому написано рукою дочери. Достоевская сообщала далее: «...Лиля выпросилась начать письмо, и я ей уступила <...> Вчера он <Федя — *Ред.*> вбежал в восторге, крича, что поймал маленькую рыбку „своими руками"! Наконец-то! Сегодня целый день удил и, увы, ничего не поймал».

[2] В письме от 29 июня (10 августа) 1879 г. Пуцыкович сообщил, что он пришлет Достоевскому корректуру его письма в «Русский

гражданин» в надежде, что тот сочтет возможным внести кое-какие изменения и с большей определенностью скажет о своем намерении участвовать в журнале. Кроме того, Пуцыкович писал: «Вместе с письмом пришлю корректуры и своих статей — может, поправите что?» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

[3] Достоевская писала: «Мы, слава богу, все здоровы, и сегодня доктор отпустил нас на все четыре стороны, равно как и к Нилу, куда мы и хотим ехать числа 6—7 августа» (ср. стр. 294). Поездка в Нилову пустынь (см. письмо 796, примеч. 6) не состоялась. Вместо этого Достоевская с детьми ездила в Москву, а оттуда в Рязанскую губернию смотреть имение, доставшееся в наследство от А. Ф. Куманиной (об этом см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 305; см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 338).

[4] Достоевский имеет в виду строки из письма к нему дочери: «Мы без тебя очень кутем» и сообщение жены «Вчера мы с Жакларами ходили на бал» (стр. 279).

802. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 94)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 255—257.

Ответ на письмо Достоевской от 27 июля 1879 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 284—285).

Достоевская ответила 8 августа 1879 г. (там же, стр. 297—298).

[1] Достоевская писала: «В среду 25 были Анны, и ко мне явилась m-me Рохель с великолепным букетом и поздравила меня с именинами (а ты-то и не догадался меня поздравить)». Именины Анны празднуются одиннадцать раз в году. 25 июля день имени «летней» Анны (см.: М. И. Перпер. Хронологический справочник (XIX и XX века). Л., 1984, стр. 33).

[2] См. письмо 801, примеч. 3.

[3] Достоевская писала: «Лиля пишет сегодня тебе, а Федя велел передать, что он хотел тебе написать, да не знает, что написать, и уж напишет тебе, когда съездит к Нилу Столбенскому».

[4] Фома — фамилия не установлена — помогал семье Достоевских в работах по дому. Так, 7 (19) июля 1876 г. Достоевская писала мужу в Эмс, вернувшись из Новгорода с подарками для детей: «Но что особенно понравилось, так это качели. Фома тотчас вбил винты и повесил, и дети принялись качаться» (*Д, Переписка с женой*, стр. 215).

[5] См. письмо 797. Достоевская писала: Любимов «...отвечает, что деньги высылаются наличными» и далее: «а секретарь его прибавляет, что мне выслан еще перевод на 800, которые и просит возвратить обратно». О том, что редакция «Русского вестника» произвела с автором «Братьев Карамазовых» расчет «до последней строки», следует из письма Достоевской от 30 июля 1879 г. (см.: там же, стр. 287).

[6] Обещание написать отдельные письма детям Достоевский вскоре исполнил, см. письма 805, 806.

[7] Достоевская писала, что букет, полученный от m-me Рохель (см. выше, примеч. 1), вечером она поднесла посетившей ее А. И. Майковой, «как настоящей имениннице».

[8] Письмо А. П. Философовой неизвестно; о поездке ее на Кавказ см. письмо 792 и примеч. к нему 3.

803. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 96)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 258—260.

Ответ на письмо Достоевской от 30 июля 1879 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 287—288).

[1] Достоевская сообщила мужу: «По поводу ванн (для сына. — *Ред.*) поездка к Нилу откладывается на неопределенное время». См. также письмо 796, примеч. 6.

[2] У сына Феди, как пишет Достоевская, «на щеке около уха из маленького прыщика образовался нарыв величиною в грецкий орех», врач Рохель этот нарыв проколол и «непременно настаивал на купанье, и мы завтра начинаем купаться».

[3] См. письмо 796, примеч. 2.

[4] Речь идет о шестой книге «Братьев Карамазовых», названной писателем «Русский инок», отосланной Н. А. Любимову 7 (19) августа (см. письмо 807).

[5] Достоевская писала мужу: «Федя велел тебе написать, что „без папы всё дурно: кушанье то горячо, то солоно, то без соли"».

[6] Достоевская писала: «Анна Ивановна уезжает в воскресенье, а 15 уедут Жаклары» (стр. 287). Анна Ивановна — Майкова.

[7] Достоевская писала: «M-me Рохель продавала на празднике на аукционе и продавала папиросы из своих рук <...> Жаклар очень жалел, что не взял с собой денег, чтоб купить что-либо из рук m-me Рохель».

[8] Письмо Л. Ф. Достоевской сохранилось (см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.335).

804. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 99)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф 212, I.32.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 260—262.

[1] Это письмо Достоевской неизвестно.

[2] См. письмо 803, примеч. 1.

[3] Деньги были высланы Достоевскому 10 августа 1879 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 301).

[4] Старец Зосима — главный персонаж шестой книги «Братьев Карамазовых» «Русский инок», работа над которой началась еще в июне 1879 г. (см. наст. изд., т. XV, стр. 425—429; см. также письмо 807).

[5] Этот письмо Любимова неизвестно.

[6] О нем см. письмо 802, примеч. 4.

[7] Вспоминая жизнь в Дрездене в 1866 г., Достоевская писала: «Не будучи знатоком музыки, муж мой очень любил музыкальные произведения Моцарта, Бетховена „Fidelio", Мендельсона-Бартольди „Hochzeitsmarsch", Россини „Air du Stabat Mater" и испытывал искреннее наслаждение, слушая любимые вещи. Произведений Рихарда Вагнера Федор Михайлович совсем не любил» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 151). Достоевский воспринимал музыку Вагнера как явление, отражающее экспансивную, националистическую тенденцию внешней политики Прусского государства. В записной тетради 1876 г. Достоевский сопоставил Рихарда Вагнера с Бисмарком (см. наст. изд., т. XXIV, стр 263; см. также: А. А. Гозенпуд. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л., 1981, стр. 195—198).

805. Л. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 101)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 1, оп. 6, № 168.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 90.

[1] Сохранилось письмо Л. Ф. Достоевской к отцу от 30 июля 1879 г. (хранится: *ГБЛ*, ф. 93, II.3.35) и приписки к письмам матери от 19 и 24 июля 1879 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 277, 279).

[2] Достоевский вернулся из Эмса в конце августа 1879 г.

[3] И. И. Румянцев.

806. Ф. Ф. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 101)

Печатается по копии Достоевской: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29605.
Подлинник неизвестен.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 91.

[1] О предполагаемой поездке Достоевской с детьми в Нилову пустынь см. письма 796 и 801, примеч. 3.

807. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 102)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 19, стр. 109—110.

[1] Эти рассуждения содержатся в главе III «Из бесед и поучений старца Зосимы» в разделах, имеющих дополнительные заглавия: «Нечто об иноке русском и о возможном значении его», «Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями», «Можно ли быть судиею себе подобных? О вере до конца» (наст. изд., т. XIV, стр. 284—291).

[2] В черновых набросках к шестой книге «Братьев Карамазовых» Достоевский сделал запись: «У нас и прежде всегда из монастырей деятели народные выходили, отчего не может быть и теперь?» (наст. изд., т. XV, стр. 250). Эта же мысль развита и в законченном тексте романа (см. т. XIV, стр. 285). Достоевский писал уже о том, что русские церковные деятели, выдвинутые монастырями, выражали «исторические идеалы» народа (см. т. XXII, стр. 43). Старец Зосима объясняет это следующим образом: «От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом» (т. XIV, стр. 285). Историко-культурная роль русских монастырей, их патриотическая борьба против иноземных захватчиков была охарактеризована в книге А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» (СПб., 1836), пользовавшейся успехом и неоднократно переиздававшейся.

[3] О прототипах Зосимы см.: Р. Плетнев. Сердцем мудрые. (О «старцах» у Достоевского). — В кн.: *О Достоевском*, вып. II. См. также наст. изд., т. XV, стр. 427—429, 528, 569, 570 и др.; М. С. Альтман: 1) Из арсенала имен и прототипов литературных героев Достоевского. — *Достоевский и его время*, стр. 213—218; 2) Достоевский. По вехам имен. Изд. Саратовского университета, 1972 (см. по указателю имен); S. Lenner. Starets Zosima in The Brothers Karamazov, Stockholm, 1975, pp. 86—140.

[4] Указывая, что седьмая книга, предварительно названная «Грушенька», будет состоять из двух «отдельных повестей», Достоевский, вероятно, имел в виду события, описанные им затем в двух книгах: «Алеша» (книга седьмая) и «Митя» (книга восьмая). Окончательный состав седьмой книги определился между 8 и 16 сентября, т. е. к моменту отправки большей части рукописи в редакцию. В седьмой книге был оставлен только первый «эпизод» (встреча Алеши с Грушенькой), в соответствии с чем и объем ее уменьшился до $2^{1}/_{2}$ листов (см. письмо 819; см. также наст. изд., т. XV, стр. 429—430). Впоследствии в связи с решением дополнить повествование рассказом о «предварительном следствии» (книга девятая), не предусмотренным первоначальным планом, Достоевский разделил «Братьев Карамазовых» на четыре части, обозначив, что третья часть начинается седьмой книгой (см. письма 825 и 828; см. также наст. изд., т. XV, стр. 432—434).

[5] Об этом Достоевская сообщила мужу 30 июля 1879 г. (см.: *Д. Переписка с женой*, стр. 287).

808. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 104)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.204.

Впервые опубликовано: *КА*, 1923, № 2, стр. 244—245.

Ответ на письмо Победоносцева от 9 июня 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 137—138).

Победоносцев ответил 16 августа 1879 г. (там же, стр. 138—139).

[1] Достоевский был у Победоносцева 19 июля 1879 г. проездом в Эмс (см. письмо 793).

[2] См. ниже, примеч. 6.

[3] Отклик на характеристику общественно-политической жизни России того времени, которую дал в своем письме Победоносцев: «О нынешних событиях и положении дел не стану много говорить — Вы сами видите и чувствуете <...> Всё так перепуталось и перемешалось в понятиях человеческих и в воле человеческой, что великая аргументация стала пуста и бесплодна. Журнальные статьи, особливо в П<етер>бурге, мне омерзительны» (стр. 138). Возможно, что выражение: «„Сумасшедший дом" русской печати и интеллигенции» восходит к названию цикла стихотворных памфлетов А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (1814, дополнялся до 1838 г.). Достоевского волновали также постоянные сообщения в русских газетах о возрастающем числе уголовных преступлений. По этому поводу он писал Достоевской двумя днями ранее, 7 (19) августа: «В газетах только и читаешь, что по всей России убийства и грабежи. Я такой стал мнительный, что мучусь иногда здесь по вас, то есть чтобы не случилось чего-нибудь».

[4] Достоевский приехал в Эмс 24 июля (5 августа) 1879 г. (см. письмо 795).

[5] См. письмо 799, примеч. 5.

[6] В Эмсе Достоевский начал работу над седьмой книгой «Братьев Карамазовых» (см. письмо 807, примеч. 4).

[7] О встрече с Пуцыковичем в Берлине Достоевский рассказал 24 июля (5 августа) 1879 г. в письме к жене (см. письмо 795).

[8] Выпущенный Пуцыковичем номер «Русского гражданина» был датирован 31 июля 1879 г. (см. письмо 810, примеч. 9).

[9] Сообщая в своем письме о том, что в последнее время он был занят отправкой 600 ссыльно-каторжных из Одессы на остров Сахалин, Победоносцев писал: «Мне хотелось устроить это дело так, чтобы скорбный этот путь стал по возможности путем утешения» (стр. 137). Рассказ об арестантах напомнил Достоевскому о его собственном пребывании на каторге и в ссылке в Сибири с 1850 по 1859 г.

809. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 105)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.32.

Конверт: ***ИРЛИ***, ф. 100, № 30684.

Впервые опубликовано: *Д*, ***Письма к жене***, стр. 262—265.

Ответ на письмо Достоевской от 5 августа 1879 г. (*Д*, ***Переписка с женой***, стр. 294—295).

Достоевская ответила 18 (30) августа 1879 г. (там же, стр. 311).

[1] Неприязненное отношение Достоевского к А. А. Краевскому сложилось еще в 1840-х гг. (см. наст. изд., т. III, стр. 423, 538). Полемику с газетой «Голос», редактором которой был Краевский, Достоевский начал в 1860 г. и продолжал на протяжении всей жизни (см. там же, т. XX, стр. 137—147, 338—339; см. также: В. В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. — *Достоевский и его время*, стр. 17—32).

[2] О своем намерении посетить вместе с детьми монастырь, основанный в XVI в. иноком Нилом Столобенским (Столбенским), который находился

близ г. Осташкова, Тверской губ., Достоевская писала 24 июля 1879 г. (см.: *Д, Переписка с женой*. стр. 279, см. также письмо 796, примеч. 6). Поездка эта в связи с тем, что А. Г. Достоевская с детьми ездила в Рязанское имение А. Ф. Куманиной, не состоялась (см. там же, стр. 305, 311, 313; *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 338—339).

[3] О делах, связанных с наследством А. Ф. Куманиной, Достоевская писала 5 августа 1879 г.: «Вчера я получила письмо от Шера, где он извещает, что наследники обещают приехать к 14-му августу в Москву. Зовет меня приехать или прислать поверенного. Он предлагает выбрать сначала части по большому плану, находящемуся у него в Москве, а затем всем ехать в имение и, осмотрев имение, решить окончательно. Андрей Михайлович тоже будет» (стр. 294).

[4] Отправив 7 (19) августа 1879 г. Н. А. Любимову шестую книгу «Братьев Карамазовых», Достоевский приступил к работе над седьмой книгой, первоначально названной «Грушенька» (см. письмо 807, примеч. 4).

[5] В письме от 5 августа 1879 Достоевская сообщала: «Вчера мы наняли маляра, и он с 6 час‹ов› красит окна и двери (дом не буду красить)» (стр. 294).

[6] Достоевский вспоминает умершего 16 мая 1878 г. сына Алешу, которому в этот день исполнилось бы четыре года (род. 10 августа 1875 г.).

[7] В письме от 11 августа 1879 г. Достоевская сообщила: «Вчера послала тебе обещанные сто рублей» (*Д, Переписка с женой*, стр. 301).

[8] Об этом см. письмо 794.

810. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 108)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.

Конверт: *ИРЛИ*, ф. 100, № 30684.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 265—268.

Ответ на письмо Достоевской от 8 августа 1879 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 297—298).

[1] Эмилия Федоровна — жена М. М. Достоевского. Сообщая о ее смерти, Достоевская писала: «Вчера я получила телеграмму от Ф. М. Достоевского, что умерла Эмилия Федоровна. Она скончалась 6-го августа, хоронят сегодня 8-го. Очевидно, они не знают, что ты за границей, потому что зовут на похороны. ‹...› Я было не хотела писать тебе этого, но, может быть, ты захочешь им написать» (стр. 298).

[2] Старший сын М. М. Достоевского — Федор Михайлович был крестником Достоевского.

[3] Достоевская отмечала, что ее муж придавал значение снам и очень тревожился, когда видел во сне покойных брата или отца (см.: *Д, Письма к жене*, стр. 316; см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 75).

[4] Сын — Федор Михайлович Достоевский младший, пианист; зять — муж Марии Михайловны Достоевской, профессор Петербургского университета М. И. Владиславлев (о них см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 552, 564).

[5] После смерти М. М. Достоевского (в июле 1864 г.) Ф. М. Достоевский «выпросил» у богатой тетки А. Ф. Куманиной 10 000 р., назначенные ему в ее завещании, для того, чтобы, погасив этими деньгами срочные долги, числившиеся за «Эпохой» (всего 33 000 р.), иметь возможность продолжать издание журнала. Достоевский надеялся, что в дальнейшем, приложив усилия и работая «с утра и до ночи», он расплатится с долгами брата и сможет на доходы от издания «Эпохи» содержать его семью. Об этом см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 117; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 16—21.

[6] В данном случае Достоевский, очевидно, имел в виду продажу не только собственных сочинений, но и посредническую торговлю книгами («исключительно для иногородних»), которая была открыта от его имени

Достоевской с 1 января 1880 г. (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 346—349; И. С. Зильберштейн. На службе у Достоевского в 1879—1881 гг. — *ЛН*, т. 86, стр. 332).

[7] Достоевский повторяет здесь суждения, высказанные уже им в «Дневнике писателя» за 1876 г. в главке «Земля и дети» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 95—99).

[8] Достоевская сообщила в своем письме: «Вчера получили письмо от Бергеман. Пишет, что приедет к нам 22-го августа и прогостит неделю. А мы хотели ехать 21 к Нилу» (стр. 298).

Анна Петровна Бергеман в Старую Руссу не приехала, но поездка в монастырь, основанный Нилом Столбенским, не состоялась по другой причине (см. письмо 809, примеч. 2).

[9] В вышедшем в Берлине номере «Русского гражданина» (№ 5, 31 июля 1879 г.) было опубликовано письмо Достоевского (см. письмо 800). Критические замечания по поводу содержания этого номера см. в письме 812.

[10] См.: *Д, Переписка с женой*, стр. 298.

811. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 111)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 269—270.

[1] См. письмо 810.

[2] 10 августа 1879 г. Достоевская выслала Достоевскому 101 р. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 301). См. также письмо 813.

[3] 8 августа 1879 г. Достоевская писала: «Напишу в субботу 11-го, пойдет 12 августа» (*Д, Переписка с женой*, стр. 298).

812. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 112)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.45.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 101—102.
Ответ на письмо Пуцыковича от 10 (22) августа 1879 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).
Пуцыкович ответил 21 августа (2 сентября) 1879 г. (там же).

[1] Достоевский получил от Пуцыковича первый номер «Русского гражданина», изданный в Берлине 31 июля 1879 г. Газета была обозначена № 5, так как считалось, что Пуцыкович продолжает русское издание «Гражданина».

[2] Выражение «Сама себя высекла» восходит к «Ревизору» Н. В. Гоголя (д. 1, явл. 4).

[3] В статье «Россия, Германия и Франция» Пуцыкович утверждал, что русский посол в Париже князь Н. А. Орлов, явившись «первым поздравителем к новому президенту г. Греви», «пересолил» в своем усердии («Русский гражданин», № 5, стр. 5). Там же говорилось, что «Россия на Берлинском конгрессе „сама себя высекла“» и что русские дипломаты тогда сожалели, что «вместо купального сезона в Остенде или Биаррице нужно сидеть над скучными географиями», разрешая «проклятый Восточный вопрос, раздутый панславистами» (там же, стр. 7).

[4] 31 июля 1879 г. «Московские ведомости» (№ 195) опубликовали «Извлечение из отчетной записки по генерал-губернаторству Восточной Румынии. (Сливно, 20 июня 1879 года)». Достоевский имеет в виду статью Каткова, в которой комментировался этот официальный документ. По поводу того, что русские войска выведены из занятых ими частей Восточной Румынии «еще ранее того срока, который был положен „Берлинским трактатом“», Катков писал: «Факт этот есть неопровержимое свидетельство того, что именно только благодаря стараниям самой России

и могли быть приведены в исполнение то части Берлинского трактата, которые прославлялись как торжество над русскою политикой и как необходимые для интересов нам враждебных. Насколько эти планы совместны с прочным умиротворением, это уже и теперь становится предметом многих сомнений» (*МВед*, 1879, 31 июля, № 195).

[5] В ответ на это Пуцыкович писал: «До получения Вашего письма, глубокоуважаемый Федор Михайлович, мне и в голову не приходило, чтобы *этот №* не прошел. Но Ваше письмо заставило меня сильно призадуматься, тем более, что до сей минуты — кроме известия из Варшавы кн. Голицына, что № дошел исправно и своевременно, не получал ни от кого ни слова о „Гражданине" <...> Но вот прочел сегодня в „Голосе", что журнал преисправно дошел».

[6] Приступая к изданию «Гражданина» после «вынужденного молчания» 13 октября 1877 г. (№ 23—24), редакция напечатала «Распоряжение министра внутренних дел» от 9 июня 1877 г., в котором было сказано: «Министр внутренних дел *определил* по поводу помещенной в № 22 журнала „Гражданин" передовой статьи под заглавием: „Политические заметки", объявить этому журналу *третье* предостережение, в лице издателя-редактора Виктора Пуцыковича, с приостановлением издания на четыре месяца». Как считает Достоевский, приостановка журнала была вызвана тем, что в нем был напечатан «анекдот» о А. М. Горчакове. Критикуя действия русской дипломатии, которая наносит «ясный до очевидности вред России», автор передовой статьи писал: «Впрочем, удивляться ли этому, когда один из главнейших „русских" дипломатов в день отправления государя в армию сказал громко и публично: „Черт мне с вашею войною, когда мы, частные люди, теряем сотни рублей на своих фондах"» (*Гр*, 1877, 8 июня, № 22).

813. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 113)

Печатается по копии рукой Достоевской: *ГБЛ*, ф. 93, III.7.1; отсутствующие в копии строки — по тексту первой публикации: *Д*, *Письма к жене*, стр. 270—271.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Достоевской от 11 августа 1879 г. (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 301—302).

[1] См. письмо 811.

[2] См. письмо 809, примеч. 2 и письмо 810, примеч. 8.

[3] В Эмсе Достоевский начал работу над седьмой книгой «Братьев Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 429—430).

[4] Впоследствии Достоевский выразил Любимову благодарность за «довольно тщательную» корректуру шестой книги романа, напечатанной в августовском номере «Русского вестника» (см. письмо 819).

[5] Достоевская в своем письме рассказала о муже А. В. Жаклар Шарле-Викторе Жакларе, который в Старой Руссе «перезнакомился со всеми, а главное с хорошенькими дамами».

[6] В числе актеров, разыгрывавших басни Крылова в лицах па спектакле у Жакларов, были и дети Достоевских — Лиля и Федя.

[7] Достоевская писала мужу: «...ты бог знает что пишешь, а вдруг кто читает, каково?».

[8] 15 августа 1879 г. Достоевская с детьми выехала в Москву.

814. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 115)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.32.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма к жене*, стр. 272—273.

Ответ на письмо Достоевской от 14 августа 1879 г. (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 305—306).

[1] См. письмо 809, примеч. 3.

[2] Подробности путешествия из Старой Руссы в Москву Достоевская сообщила в письме от 17 августа 1879 г. Там же она писала, что остановилась с детьми «на Никольской в Шереметьевском подворье», что вечером по просьбе детей ходили в Большой театр на балет «Конек-Горбунок», а перед тем были у сестры писателя, В. М. Карениной в гостях (см.: *Д*, *Переписка с женой*, стр. 309—310).

[3] Достоевский имеет в виду слова из письма жены: «Твои 2 письма я просила на почте переслать в Рязань, так что при переезде через Рязань туда и оттуда я получу твои два письма и буду на твой счет спокойна».

[4] Достоевская прислала также афишу детского спектакля, состоявшегося у Жакларов.

[5] См. письмо 809, примеч. 2.

[6] Об этом см. письмо 811, примеч. 2.

815. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 117)

Печатается по ксерокопии *ИРЛИ* с подлинника. Хранится: *Берлинская государственная библиотека (Зап. Берлин).*

Впервые опубликовано: в переводе на немецкий язык — «Preussische Jahrbücher», Berlin, 1921, November, S. 224—227; на языке подлинника — *ВЛ*, 1967, № 5, стр. 167—168.

Ответ на письмо Пуцыковича от 21 августа (2 сентября) 1879 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

[1] Пуцыкович, прося Достоевского поддержать «Русский гражданин», писал: «Напишите же ради Христа *что-нибудь* и привезите сюда проездом назад (что случится как раз к выходу след‹ующего› номера)». Пуцыкович имел в виду, что, возвращаясь в Россию из Эмса, Достоевский должен был делать пересадку на поезд в Берлине.

[2] Седьмая книга «Братьев Карамазовых», напечатанная в сентябрьском номере «Русского вестника» за 1879 г., была выслана из Старой Руссы 16 сентября (см. письмо 820).

[3] Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому неизвестны. В марте 1879 г. Засецкая встречалась с писателем и присутствовала на литературных вечерах с его участием (см. письмо Засецкой к А. Г. Достоевской от 13 марта 1879 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 474). Пуцыкович просил Достоевского обратиться к Засецкой с просьбой прислать ему денег. Он писал: «...авось великодушие ее еще не истощилось ‹...› Если бы она хоть 50 р. прислала, *то спасла бы*!».

[4] Выпущенный Пуцыковичем номер «Русского гражданина» вышел в свет 31 июля 1879 г. (см. письмо 812).

[5] Пуцыкович сообщил Достоевскому: «Ввиду того, что есть 1000 подписчиков, я отправил только 500 *пока*, нужна помощь чья-нибудь».

[6] Речь идет об анонимной статье, напечатанной в «Голосе» (1879, 19 (31) августа, № 228), под названием «Дневник. Прошлая неделя», автор которой писал, что «Гражданин», поносивший в Петербурге «железного канцлера», в Берлине всё приседает перед князем Бисмарком и «расточает ему не менее неприличные книксены». Достоевский считал, что эту статью написал постоянный сотрудник «Голоса» Г. А. Ларош, музыкальный критик и композитор, известный также как автор литературно-политических статей и фельетонов.

[7] См. письмо 800.

[8] Автор анонимного обозрения писал: «Иностранная почта принесла из Берлина русскую газету. ‹...› Это наш старый знакомый ‹...› еженедельный журнал-газета „Гражданин“, в Берлине ‹...› титулующийся „Русским гражданином“. Та же бездарность, то же невежество, то же враждебное отношение к русскому правописанию!» (*Г*, 1879, 19 (31) августа, № 228).

816. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 119)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.32.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма к жене*, стр. 274—275.

Ответ на письмо Достоевской от 18 августа 1879 г., к которому дочь писателя, Л. Ф. Достоевская, сделала приписку (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 311).

[1] Достоевская сообщила мужу: «Пишу тебе в субботу, 18, из Рязани ‹...› С нами ехал Александр Андреевич (сын Андрея Михайло‹вича›). Шер и Ставровский приехали на курьерском ‹...› Решили все собраться в одной и той же гостинице Морозова, и сегодня через два часа едем в имение. ‹...› Дети здоровы и ведут себя хорошо. Теперь, дорогой мой, я долго не напишу, дней пять или шесть, но ради бога, не беспокойся за нас. ‹...› Напишу на возвратном пути из Рязани, а если будет возможность послать из деревни, то и тогда пошлю».

[2] См. письмо 844, примеч. 1.

[3] Достоевская впоследствии вспоминала: «Федор Михайлович ‹...› в своих письмах из Эмса меня жестоко бранил за мою „скрытность“. Мне самой всегда было тяжело скрывать что-либо от Федора Михайловича, но иногда это было необходимо и именно ради того, чтобы не тревожить его...» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 339).

817. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 120)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.204.

Впервые опубликовано: *КА*, 1923, № 2, стр. 245—247.

Ответ на письма Победоносцева от 16 и 19 августа 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 138—142).

[1] Достоевский имеет в виду следующее рассуждение Победоносцева: «Вижу, что Вам скучно и тошно в Эмсе, и понимаю. Но что делать, когда лечиться надобно и должно. А что будет от лечения, в том бог волен. Только не раздражайте себя мыслию о смерти, в том смысле, как Вы пишете. Посудите Вы сами, когда жизнь исполнена такой нравственной тяготы и когда смерть висит над человеком, стоит ли болезненно вглядываться в эту мысль» (стр. 139).

[2] См. ниже, примеч. 4, 6.

[3] Победоносцев писал Достоевскому: «А как много и хорошо можно бы писать теперь; но для этого надо снять с себя истасканный, грязный плащ журнальной полемики: так все измельчало, так все опошлилось в ее приемах....» (стр. 141).

[4] Имеется в виду статья А. Д. Градовского «Задача русской молодежи» (*Г*, 1879, 1 августа, № 211), автор которой, доказывая студентам бесплодность «хождения в народ», утверждал: «Вы можете принести пользу народу, только оставаясь самими собою, то есть частью русской интеллигенции, постепенно увеличивая число образованных, разумных и нравственных русских людей». По поводу этой статьи Победоносцев писал Достоевскому: «Профессор не нашел лучшего наставления, как сказать студентам: вы должны быть, вы будете нашей *интеллигенцией*. А что такое интеллигенция — спросите-ка его самого и их — что они пойдут городить» (стр. 141). С А. Д. Градовским Достоевский вступил в полемику в «Дневнике писателя» за 1880 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 149—174).

[5] См., например: письмо к Достоевскому московских студентов от 8 апреля 1878 г. (*Д, Письма*, т. IV, стр. 355—356). Ответ — письмо 742; письмо казанского студента А. Порфирьева от 5 июня 1878 г. (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 319—320). Обзор писем к Достоевскому в связи с изданием «Дневника писателя» см. наст. изд., т. XXV, стр. 350—358.

[6] Ответ на реплику Победоносцева, назвавшего Маркова, после прочтения его статьи о женских курсах, «фельетонным философом». Речь идет о статье Евгения Маркова «Горе от ума. По поводу высших женских курсов» (*Г*, 1879, 15 и 18 августа, № 224, 227).

[7] Получив № 5 «Русского гражданина», Победоносцев писал Достоевскому: «Как не стыдно Пуцыковичу издавать в таком виде свой первый выпуск и еще с таким преторством и угрозами. Ведь это похоже на лягушку, раздувающуюся в быка. <...> Мне это грустно потому, что фирма будет окончательно погублена, а между тем за границею можно было бы печатать многое удобнее, нежели здесь» (стр. 141). О «Русском гражданине» см. письмо 812.

[8] В книге пятой «Братьев Карамазовых» «Pro и contra» Победоносцев особо выделил главу о «Великом инквизиторе»: «Ваш „Великий инквизитор", — писал он 16 августа 1879 г., — произвел на меня сильное впечатление. Мало что я читал столь сильное. Только я ждал — откуда будет отпор, возражение и разъяснение — но еще не дождался» (стр. 139).

[9] В действительности автор «Братьев Карамазовых» едва ли считался с критическими замечаниями своего сановного покровителя. Так, прочитав главу «Бунт», Победоносцев писал Достоевскому 9 июня 1879 г.: «Это очень сильная глава — но зачем Вы так расписали детские истязания!» (*ЛН*, т. 15, стр. 138). Достоевский не только не принял во внимание упрек Победоносцева, но как бы в ответ на него привел в шестой книге пример жестокой эксплуатации и нравственного растления детей в условиях капитализирующейся России 1870-х гг., причем заставил об этом говорить «русского инока», оппонента Ивана (см. наст. изд., т. XIV, стр. 286). Впоследствии Победоносцев утверждал в письме к Ив. Аксакову от 30 января 1881 г., что Зосиму Достоевский якобы задумал по его «указаниям» (см.: *ИРЛИ*, № 22583). Между тем из данных здесь пояснений Достоевского по поводу того, что ответ на «атеистические положения» будет содержаться в шестой книге романа, главным героем которой выведен «русский инок», а также из письма Победоносцева от 16 августа 1879 г. (стр. 139) ясно, что Победоносцев не знал заранее, о чем будет речь в шестой книге «Братьев Карамазовых» и кто будет возражать Ивану. Следовательно, руководящую роль в создании художественного образа «русского инока» Победоносцев приписал себе без достаточных оснований (ср.: Л. Гроссман. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. — *ЛН*, т. 15, стр. 89).

[10] Об отправке преступников на Сахалин Победоносцев писал Достоевскому 9 июня 1879 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 137). См. также письмо 808.

818. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 123)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.32.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма к жене*, стр. 275—277.

Ответ на письмо Достоевской от 19 августа 1879 (*Д, Переписка с женой*, стр. 313).

[1] Спас-Клепики — поселок, находившийся в 12 верстах от рязанского имения Куманиной. О поездке в это имение см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 336—338 и письма ее от 14, 17 и 19 августа 1879 г. (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 305—313).

[2] См. письмо 817.

[3] В письме от 21 августа (2 сентября) 1879 г. Пуцыкович сообщил Достоевскому о своем полном безденежье (см. письмо 815).

[4] Достоевский вернулся в Старую Руссу в первых числах сентября (см. письмо 819).

819. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 125)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 110—111.

[1] См. письмо 807, примеч. 4 и письмо 820, примеч. 1.

820. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 125)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 111—112.

[1] К этому моменту окончательно определился состав седьмой книги «Братьев Карамазовых», предварительно названной «Грушенька». Часть романа, напечатанная в сентябрьском номере «Русского вестника» и составившая седьмую книгу, была озаглавлена «Алеша» (см. письмо 807 и примеч. 4 к нему). Перемена названия седьмой книги была вызвана не только тем, что Алеша был ее центральным героем, но, очевидно, и тем, что Достоевский в ходе работы решил посвятить каждому из братьев особую книгу: восьмая была названа «Митя», а одиннадцатая — «Брат Иван Федорович» (см. наст. изд., т. XV, стр. 430).

[2] См. письмо 819.

[3] Имеется в виду следующее рассуждение отца Ферапонта: «Покойник, святой-то ваш <...> чертей отвергал. Пургацу от чертей давал. Вот они и развелись у вас как пауки по углам. А днесь и сам провонял. В сем указание господне великое видим» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 303). *Пурганец* — слабительное.

[4] Главой «Кана Галилейская» заканчивалась седьмая книга романа, названная по имени главного героя «Алеша». Ночью у гроба старца Алеше открылось его истинное предназначение: идти в мир, к людям и нести им любовь и радость, как завещал старец Зосима и как это сделал Христос на брачном пиру в Кане Галилейской (см. наст. изд., т. XIV, стр. 326—328; т. XV, стр. 430—431, 482—483).

[5] Достоевский имеет в виду эпизод, о котором рассказано в кн.: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святой горы Афонской инока Парфения. М., 1856, ч. 3, стр. 63—64 (см. также наст. изд., т. XV, стр. 571).

[6] Легенда «о луковке» — см.: «Братья Карамазовы», ч. 3. Гл. III «Луковка» (наст. изд., т. XIV, стр. 319). Еще в 1859 г. А. Н. Афанасьев напечатал народную легенду «Христов братец» с аналогичным сюжетом, малороссийский вариант этой легенды особенно близок к рассказу о «луковке» у Достоевского (см.: Народные русские легенды, собранные Афанасьевым. М., 1859, стр. 30—32 и 130—131). Этот факт впервые отмечен в работе: Н. К. Пиксанов. Достоевский и фольклор. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 162. Ср.: Л. М. Лотман. Романы Достоевского и русская легенда. — В кн.: Л. М. Лотман. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974, стр. 305—307; М. М. Громыко. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985, стр. 128—129.

821. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 127)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 112.

[1] Восьмая книга «Братьев Карамазовых» в ходе работы увеличилась в объеме и была напечатана в октябрьском и ноябрьском номерах «Русского вестника» за 1879 г. (см. письмо 825).

[2] Достоевский имеет в виду письмо к Любимову от 8 июля 1879 г. (см. письмо 791).

[3] См. письмо 828.
[4] Это письмо неизвестно.

822. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 128)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 405.

[1] Рядом рукою А. М. Достоевского помета: «Получено 13 октября 1879 года через А. Г. Достоевскую в С.-Петербурге».
[2] Д. И. Достоевская — жена А. М. Достоевского.
[3] Евгения Андреевна — дочь А. М. Достоевского, Михаил Андреевич — ее муж.

823. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 128)

Печатается по ксерокопии *ИРЛИ* с архивной копии письма. Хранится: *Берлинская государственная библиотека (Зап. Берлин).*

На копии помета: «Подлинник передан в музей Александра III в Берлине. 11 (23) марта 1899 г.». Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано: «Берлинский листок», 1904, № 1 (с пропусками).

Пуцыкович ответил 28 октября (9 ноября) и 1 (13) ноября 1879 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

[1] Пуцыкович писал: «Как же Ваше письмо меня обрадовало! Вы меня не только не забываете, но всё еще печетесь обо мне как о своем! <...> Не писал Вам из боязни проговориться вновь про свое положение...».
[2] Этот вопрос Пуцыкович оставил без ответа.
[3] 28 октября (9 ноября) 1879 г. Пуцыкович сообщил, что № 6—7 «Гражданина» «послезавтра *непременно* будет разослан в Россию».
[4] В ответ Пуцыкович писал: «Как я рад, что и добрейший Константин Петрович меня не забывает». 1 (13) ноября 1879 г. Пуцыкович вновь сообщил Достоевскому адрес Мещерского и пожаловался, что тот не шлет денег: «От Мещерского я не получил *ни слова*... А как бы *одолжил* меня — дождь, грязь — я же хожу почти в оборванном виде!». О том, что Мещерский прислал 150 р., Пуцыкович сообщил Достоевскому 3 (15) декабря 1879 г. (см.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29828).

824. Е. Н. ЛЕБЕДЕВОЙ (стр. 129)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 8.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 117. Адресат устанавливается на основании пометы, сделанной карандашом на 2 л. об. письма: Е. Н. Лебедевой.

[1] В октябрьской книжке «Русского вестника» только что была напечатана первая половина восьмой книги «Братьев Карамазовых». В главе IV, «В темноте», рассказывалось о несостоявшемся покушении Мити на жизнь отца. Обратившаяся с письмом к Достоевскому читательница, вероятно, спрашивала, что же произошло вслед за тем, как Митя выхватил «медный пестик из кармана...». В тексте романа после этих слов — строка точек (см. наст. изд., XIV, стр. 355). Суть случившегося разъяснена в девятой книге. «Предварительное следствие», в главе V, «Третье мытарство» (см. там же, стр. 425—426 и примеч. — т. XV, стр. 431—432).

825. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 130)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 113—114.

[1] См. письмо 820.

[2] Речь идет об А. А. Штакеншнейдере, который в середине 1870-х гг. был прокурором Изюмского окружного суда. Достоевский встречался с ним у его сестры — Е. А. Штакеншнейдер (см.: Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 423—441). Достоевская в своих воспоминаниях пишет: «С Адрианом Андреевичем, как с талантливым юристом, Федор Михайлович советовался во всех тех случаях, когда дело касалось порядков судебного мира, и ему Федор Михайлович обязан тем, что в „Братьях Карамазовых" все подробности процесса Мити Карамазова были до того точны, что самый злостный критик (а таких было немало) не смог бы найти каких-либо упущений или неточностей» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 354—355). В одном из писем к Е. А. Штакеншнейдер Достоевский назвал ее брата «дорогой мой сотрудник» (см. письмо 883).

[3] Девятая книга была закончена и отправлена в редакцию «Русского вестника» только 14 января 1880 г. (см. письма 835, 837).

[4] В письме от 8 декабря Достоевский сообщал Любимову, что 9-я книга романа будет «*три листа* minimum, может быть, $3^1/_2$» (письмо 827). Окончательный объем ее около пяти печатных листов.

[5] Это письмо было напечатано в декабрьском номере «Русского вестника» за 1879 г. (см. письмо 828). Достоевский писал Любимову об этом письме еще 8 июля 1879 г. (см. письмо 791).

[6] Очевидно, что после того как возникла идея дополнить роман девятой книгой «Предварительное следствие», Достоевский решил разросшуюся вторую часть романа разделить на две (см. наст. изд., т. XV, стр. 432).

[7] Готовясь писать восьмую книгу, в которой значительное место отведено разговорам поляков, Достоевский выписал в русской транскрипции необходимые ему польские выражения, а рядом привел их русский перевод (см. наст. изд., т. XV, стр. 276—280).

[8] Анекдот о пане Подвысоцком см. наст. изд., т. XIV, стр. 385.

[9] Речь идет о песне, которую поют крестьянские девушки в Мокром (см. наст. изд., т. XIV, стр. 392—393). Песня была известна в разных вариантах, см.: Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. М., 1870, ч. 1, стр. 220—221.

826. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 132)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 121.

[1] Речь идет о работе над «Братьями Карамазовыми». Кроме того, в декабре 1879 г. Достоевский несколько раз участвовал в литературных вечерах, устраивавшихся с благотворительной целью (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 340).

[2] Е. М. Достоевская — племянница Достоевского, дочь брата Михаила Михайловича, гражданская жена В. А. Манасеина.

[3] О разделе рязанского имения между сонаследниками Достоевскими, Шерами и Ставровскими см. письма 808, 813, 815, а также: И. Д. Якубович. Неизвестные деловые бумаги Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VII, стр. 266—269.

827. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 132)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 115—116.

[1] Несмотря на многочисленные положительные отзывы о «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 487—493), до самого окончания печатания Достоевский не был уверен в абсолютном успехе романа (см. письмо 890).

[2] См. письмо 791.

[3] Об этом Достоевский уже писал Любимову 8 июля 1879 г. (см. письмо 791, примеч. 6).

[4] От намерения разъяснить идею «Братьев Карамазовых» до завершения их печатания Достоевский отказался, объяснив причину в письме 829.

[5] Деньги из редакции «Русского вестника» Достоевский получил (см. письмо 831).

[6] Достоевский распорядился выдать 60 р. своей племяннице по ее просьбе, с которою она обратилась к нему в письме от 19 ноября 1879 г. Н. А. Иванова писала: «Любимою моею мечтою с детства было добывать средства к жизни пером. Положим, это слишком самонадеянно и смешно, но, ради бога, не смейтесь. С семнадцати лет у меня зародился в голове роман, который я с тех пор постоянно разрабатывала и писала отрывками <. . .> Мне кажется, что если бы я занялась исключительно этим романом, то окончила бы его месяца в три, четыре. Но для этого необходимо уединение и душевное спокойствие <. . .> Если бы я имела рублей 25 в месяц, то могла бы нанимать комнату у знакомых и беспрепятственно писать роман. <. . .> Если бы Вы были так добры и ссудили меня шестьюдесятью рублями, то я была бы Вам очень благодарна и отдала бы их тот же час, как получила деньги за свой роман. Хотя у меня есть хорошие знакомые, которые мне сочувствуют, но мне тяжело обратиться за помощью к чужим, когда мне могут помочь родные» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 402). О получении денег из редакции «Русского вестника» Иванова сообщила Достоевскому 5 декабря 1879 г. О Любимове она писала: «Я два раза была у Н. А. Любимова, но оба раза не застала его дома. <. . .> На третий раз Николай Алексеевич был дома и всё уже устроил; денег он достал и вручил мне 60 р., взяв у меня расписку. Я не ожидала, что всё так быстро кончится, а деликатность Любимова очень меня поразила, впрочем, я и не должна ожидать ничего другого от людей, которых Вы уважаете» (там же, стр. 402—403).

828. М. Н. КАТКОВУ (стр. 134)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53.
Впервые опубликовано: *РВ*, 1879, № 12, стр. 907—908.

Письмо датируется 12 декабря по связи с сопроводительным письмом Любимову (см. письмо 829). Поставленная в конце текста авторская дата 2 декабря 1879 г. — условная. Вероятнее всего, она рассчитана на читателей «Русского вестника», перед которыми Достоевский уже давно должен был оправдаться в том, что установленный им ранее срок завершения печатания «Братьев Карамазовых» нарушен. Во всяком случае, письмо не могло быть написано ранее 8 декабря (см. обоснование датировки письма 828[1]).

829. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160. т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 117.

[1] См. письмо 828.
[2] См. письма 791, 821, 825, 827.
[3] Никаких изменений в печатный текст письма по сравнению с подлинником внесено не было.
[4] Об этом см. письмо 827.
[5] Этого намерения Достоевский не осуществил.

830. В. В. САМОЙЛОВУ (стр. 135)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 243, № 5.
Впервые опубликовано: *Биография*, стр. 339.
Ответ на письмо Самойлова от начала декабря 1879 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.75).

[1] Самойлов писал Достоевскому: «Милостивый государь Федор Михайлович, читая Ваши произведения, я всегда был поражен тонкостию Вашего наблюдения и в каждом созданном Вами лице, психологически разнообразном, я видел живых людей с их слабостями и достоинствами, и мне стало грустно, что в продолжение моей сценической деятельности мне не удалось воспроизвести ни одну из Ваших личностей именно потому, что Вы, обладая таким правдивым талантом, не хотели оставить память о себе на сцене, о чем я очень сожалею как за публику, так и за себя, который мог бы прибавить одну из лучших ролей моего репертуара.

С истинным почтением к Вам и Вашему высокому таланту остаюсь готовый к услугам

В. Самойлов».

На конверте:

Высокоталантливому
Федору Михайловичу Достоевскому.
Кузнецкий переулок дом № 5, квартира № 10.

[2] В 1841—1842 гг. Достоевский усиленно посещал Александринский театр (см.: *Биография*, отд. I, стр. 49), где и видел игру Самойлова — начинающего в то время актера труппы этого театра, заслужившего уже, однако, похвалы прессы, и в частности Белинского: «Мы от души полюбовались его игрою, полною ума, искусства, натуры и таланта», — писал критик в статье «Александринский театр» (1840), имея в виду В. В. Самойлова (*Белинский*, т. IV, стр. 191).

831. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ (стр. 136)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.39.
Впервые опубликовано: «Петербургский дневник театрала», 1905, № 15—16, стр. 2.

[1] А. Н. Плещеев, получив в 1858 г. наследство, дал Достоевскому в долг 1000 р. Деньги эти помогли писателю выехать из Сибири после окончания срока ссылки (см. письма к М. М. Достоевскому от 3 ноября 1857 г. и от 19 июня 1858 г.: наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 290, 314, а также: *ЛА*, т. 6, стр. 256 и примеч. стр. 259—260).
[2] Остатки долга Плещееву уже после смерти Достоевского возвратила Достоевская. См.: А. А. Плещеев. Материалы для биографии русских писателей. — «Петербургский дневник театрала», 1905, № 15—16, стр. 2.
[3] Елена Алексеевна — дочь А. Н. Плещеева.

832. В. В. ЛОРЕНЦУ (стр. 136)

Печатается по копии: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29619.
Подлинник неизвестен.
Впервые опубликовано: «Свиток». М., 1922, № 1, стр. 149.

[1] Письма В. И. и В. В. Лоренцов к Достоевскому неизвестны.

[2] Лоренцы — отец и сын — пригласили Достоевского на рождественский вечер с елкой, который должен был состояться в больнице Всех Скорбящих для душевнобольных. Больница помещалась за городом, на одиннадцатой версте дороги на Петергоф. В. И. Лоренц был главным врачом этой больницы.

[3] По состоянию здоровья Достоевский не смог поехать на этот «вечер» (см. письмо 833).

833. В. В. ЛОРЕНЦУ (стр. 137)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.30.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 125.

[1] См. письмо 832.

[2] Сведений о позднейшем посещении Достоевским этой больницы нет.

834. В. П. ГАЕВСКОМУ (стр. 138)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 109.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 126.
Ответ на письмо Гаевского от 23 декабря 1879 г. (*ИРЛИ*, № 29670, л. 1). Гаевский ответил 7 января 1880 г. (там же, л. 4).

[1] В. П. Гаевский сообщал Достоевскому 23 декабря 1879 г.: «„Великий инквизитор" еще не возвращен из цензуры и потому, возможно, не попадет на первое чтение, назначенное 28 дек‹абря›, вследствие чего я и не могу упомянуть Вас в числе читающих. Второе чтение предполагается 6 января в 2 часа». Однако чтение выбранного Достоевским отрывка из «Братьев Карамазовых» вряд ли могло бы состояться 6 января, так как после выступления его 30 декабря 1879 г. с чтением «Великого инквизитора» на литературном утре Общества вспомоществования студентам Петербургского университета попечитель петербургского учебного округа, обеспокоенный произведенным на аудиторию впечатлением, запретил писателю «впредь» выступать с публичным чтением этого отрывка (см. письмо 846, примеч. 1; ср.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 340).

[2] В это время Достоевский спешил закончить девятую книгу «Братьев Карамазовых» — «Предварительное следствие» (ср. письма 836, 837, 838).

[3] 7 января 1880 г. Гаевский писал Достоевскому: «Искренне сожалею о Вашем решении, заставившем меня отложить наше второе чтение, для которого уже всё было готово. Надеюсь, что, освободившись от срочной работы, Вы не откажете Литературному фонду в Вашем содействии в более удобное время. Получив Ваше письмо, я собирался повидаться с Вами, но посылаю эти строки, чтоб не отвлекать Вас от дела».

835. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 138)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 117—118.

[1] Девятая книга «Братьев Карамазовых» была закончена и отправлена в «Русский вестник» 14 января 1880 г. (см. письмо 837).

[2] Сохранились сделанные Достоевской стенографические записи VI—XIII глав двенадцатой книги романа (см.: Е. Н. К и й к о, Ц. М. П о ш е м а н с к а я. Неизвестный источник текста «Братьев Карамазовых». — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 3—12).

[3] См. письмо 825, примеч. 2. Работая над этой частью романа, Достоевский постоянно советовался с Адрианом Андреевичем Штакеншней-

дером (см. наст. изд., т. XV, стр. 432, 437), тем не менее при описании судебного разбирательства он допустил две юридические ошибки. Правда, как считает исследователь, одна из них могла быть умышленной (см.: В. Д. Рак. Юридическая ошибка в романе «Братья Карамазовы». — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 154—159).

836. С. П. ХИТРОВО (стр. 139)

Печатается по тексту первой публикации: *РА*, 1915, № 1, стр. 23 (адресат указан ошибочно: гр. Толстая).

Подлинник неизвестен.

Ответ на одно из приглашений С. П. Хитрово посетить вечером ее салон вместе с женой (известны 6 пригласительных записок Хитрово Достоевскому без дат: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29887).

[1] См. письмо 835, примеч. 1.

[2] Речь идет о С. А. Толстой.

837. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (СЛУШАТЕЛЬНИЦЕ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ КУРСОВ) (стр. 139)

Печатается по тексту первой публикации: *Биография*, отд. III, стр. 340—341. Адресат не установлен.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о девятой книге «Братьев Карамазовых».

838. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 140)

Печатается по ксерокопии *ИРЛИ* с подлинника. Хранится: *Берлинская государственная библиотека (Зап. Берлин).*

Впервые опубликовано: *Московский сборник*, стр. 12 (с пропусками).

Ответ на письмо Пуцыковича от 3 (15) декабря 1879 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29829).

Пуцыкович ответил 10 (22) февраля 1880 г. (там же).

[1] Достоевский в это время начал работу над десятой книгой «Братьев Карамазовых» («Мальчики»).

[2] Объявление о подписке на «Русский гражданин» было приложено к письму Пуцыковича от 3 (15) декабря 1879 г.

В газете «Новое время» 30 декабря 1879 г. (№ 1378) было напечатано следующее объявление Пуцыковича: «„Русский гражданин“ 1880 г. — журнал литературный, политический и т. д. С 1-го июля 1879 г. выходит (на русском языке) в Берлине и рассылается немедленно по выпуске каждого номера во все места России. Редакции положительно обещано участие некоторых знаменитых первоклассных русских писателей. Направление нашего журнала достаточно известно *из издававшегося* нами в Петербурге и с 6-го февраля 1879 г. прекращенного „Гражданина“». Далее сообщались условия подписки и адрес редакции журнала в Берлине.

[3] Достоевский заплатил петербургскому ростовщику И. Л. Тришину старый долг Пуцыковича.

[4] В «Московских ведомостях» (1880, 20 января, № 19) о Пуцыковиче было сказано, что «судьба бросила его за границу, и вот в Берлине, кое-как перебиваясь, он снова открыл свое издание, назвав его на чужбине „Русским гражданином“. Странная судьба! Русскому патриотическому изданию не повезло в Петербурге; оно дошло там до истощения и побежало в чужие края». См. также ниже, примеч. 10.

[5] См. письмо 780, примеч. 5. В ответном письме Пуцыкович сообщил Достоевскому, что статью в «Московских ведомостях» он читал и «тогда же, то есть 25 января, написал Каткову в самых симпатичных выражениях благодарность». Далее Пуцыкович просил Достоевского похлопотать перед Катковым о предоставлении ему как издателю «Русского гражданина» материальной помощи.

[6] О брошюрах П. П. Цитовича см. письмо 762, примеч. 5. Газету «Берег» Цитович начал издавать с 1 января 1880 г. (закрылась в том же году на № 277).

[7] Достоевский имеет в виду редакционную статью «Варшавского дневника» (1880, 17 января, № 14), в которой было сказано: «В главном центре нашего либерализма в Северной Пальмире, где люди так благоволительны и мягки, так воздушно чувствительны, что спрашивают себя — не ходят ли они по улице в розовом трико всеобщего человеческого благоденствия и равенства — в этой Северной Пальмире теперь в ходу новая *затея*, весьма прогрессивная и либеральная, по пожалуй — не совсем „легальная". Дело идет об учреждении какого-то „Общества для покровительства детям" ‹...› Читатель, верно, с удивлением спрашивает себя: что это за „Общество покровительства детям"? Наподобие „Общества покровительства животным", что ли?». Вспомнив далее о деле С. Л. Кроненберга, обвинявшегося в истязании своей дочери (об этом процессе рассказал Достоевский в «Дневнике писателя» на 1876 г. — см. наст. изд., т. XXII, стр. 50—73), автор статьи с сожалением отметил: «Никто не указал обществу, что подобное гласное разбирательство дел между родителями и детьми уничтожает семейные начала. ‹...› Семья — святыня, и наш закон ограждает ее неприкосновенность».

[8] Достоевский приводит факты, вскрывшиеся в ходе судебного разбирательства по делу Евгении и Александра Брунст, обвинявшихся в истязании своей пятилетней дочери. Отчеты об этом процессе печатались в «Голосе» (1879, 21—23 марта, № 79, 80, 82). Об истязании своих детей родителями Достоевский писал в «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 219—220 и примеч. — т. XV, стр. 553—554).

[9] Статья, о которой речь шла выше, редакционная, следовательно, Н. Н. Голицын как редактор «Варшавского дневника» имел к ней прямое отношение и нес ответственность за ее содержание.

[10] В ответном письме Пуцыкович выражал сожаление, что Достоевский ничего не сказал о № 6—7 «Русского гражданина», который был выслан ему «в самом начале октября». Там же он сообщил, что Достоевскому уже выслан и № 8 газеты (вышел 31 декабря 1879 г.), привлекший внимание «Московских ведомостей». Анонимный рецензент этой газеты, похвалив общее направление «Русского гражданина» (см. выше, примеч. 4), особо отметил статью Н. Н. Голицына, посвященную покушению на Александра II, которое было совершено 19 ноября 1879 г. Именно из статьи Голицына, которая называлась «По прочтении депеши», напечатанной в № 8 «Русского гражданина», а не из статьи Пуцыковича, как думал Достоевский, в «Московских ведомостях» были напечатаны большие отрывки («Московские ведомости», 1880, 20 января, № 19).

839. П. И. ВЕЙНБЕРГУ (стр. 142)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 109, 1.16.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 130.

Ответ на письмо Вейнберга, которое датируется 28 января на основании фразы Достоевского: «Простите, что не удалось известить вчера», свидетельствующей, что письмо Вейнберга было получено накануне, т. е. 28 января. Письмо опубликовано: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 244—245.

[1] Вейнберг писал Достоевскому: «Бестужев-Рюмин только что уведомил меня, что собрание Славянского общества не 2-го, а 3-го числа. По-

этому, согласно Вашему любезному обещанию, Коломенская гимназия ждет Вас с величайшим нетерпением». Чтение состоялось 2 февраля 1880 г. (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 350).

840. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 142)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9.

Впервые опубликовано (без постскриптума): *Описание*, стр. 180; полностью: *Д, Письма*, т. IV, стр. 134 (датировано 29 марта 1880 г.).

Записка датируется январем 1880 г. на основании пометы Достоевской на обложке: «29 января 1880 г. 3¾ утра. Подобные записки Федор Михайлович часто оставлял на столе гостиной, не желая будить меня ночью, но имея необходимость о чем-нибудь попросить» (*ГБЛ*, ф. 93, I.6.9; *Описание*, стр. 180).

[1] 14 января 1880 г. Достоевский отправил в «Русский вестник» девятую книгу «Братьев Карамазовых» (см. письмо 837) и после небольшой передышки приступил к работе над последней частью романа. Очевидно, в публикуемой записке речь шла о корректуре или же о сроках присылки продолжения романа.

[2] В тексте записки после пометы «29-го» — более поздняя приписка (очевидно, Достоевской), сделанная карандашом и обведенная чернилами: «1880».

841. А. Н. СНИТКИНОЙ (стр. 142)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 91, I.6.43.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 130.

[1] Это письмо Сниткиной неизвестно.

[2] Достоевская писала А. А. Достоевскому 10 января 1880 г.: «. . . я мой Новый год начала очень плохо: лежу с 4 января в постели и, кажется, пролежу еще дня четыре. У меня бронхит, был сильный жар и бред и начиналось воспаление легкого. Теперь мне значительно лучше, но из постели не выпускают» (*ЛН*, т. 86, стр. 495).

[3] В приписке к письму мужа Достоевская сообщила матери о своем полном выздоровлении и пригласила ее приехать в Петербург и жить в их семье до весны.

[4] По инициативе Достоевской в начале 1880 г. была открыта «Книжная торговля Ф. М. Достоевского (исключительно для иногородних)». Это предприятие сразу же стало приносить доход, что облегчило финансовое положение семьи Достоевских (об этом см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 346—348).

[5] И. Г. и О. К. Сниткиным.

[6] Любе в это время было 11 лет, а Феде — 9.

842. П. И. ВЕЙНБЕРГУ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 62, оп. 2, № 190.

Впервые опубликовано: «Всемирная иллюстрация», 1896, 13 января, № 1407.

Ответ на недатированное письмо Вейнберга с просьбой принять участие в чтениях на вечере в пользу предупредительного отделения петербургского Дома милосердия. Письмо Вейнберга датируется февралем — не позднее 17 февраля 1880 г. — по сопоставлению с ответным письмом Достоевского (опубликовано: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 246—247).

[1] Вейнберг писал Достоевскому: «В Петербурге существует Дом милосердия ‹. . .› В настоящее время при нем утверждается особое „предупре-

дительное отделение“, задача которого заключается в призрении тех детей, которые вследствие отсутствия нравственного и материального ухода за ними впоследствии должны попасть уже, так сказать, в штат Дома милосердия <...> Во главе этого нового учреждения стоят лица, вполне заслуживающие уважения и доверия. Так как средства его покамест еще очень невелики, то для усиления их решено устроить литературно-музыкальный вечер, и устройство этого возложено на меня. Вы не сочтете, конечно, за лесть, если я скажу, что по отношению к литературной части вечера Ваше имя — единственное, могущее привлечь публику». Литературно-музыкальный вечер в пользу «предупредительного отделения» Дома милосердия, назначенный первоначально на 13 марта 1880 г., был перенесен и состоялся 20 марта 1880 г. Достоевский читал на нем отрывок из второй книги «Братьев Карамазовых» — «Верующие бабы» (гл. 3). Подробнее об этом см. письмо 845, примеч. 1; см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 350—351; публикацию Г. В. Степановой «Письма П. И. Вейнберга к Достоевскому» — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 245—249. 26 марта 1880 г. графиня А. А. Толстая обратилась к Достоевскому с письмом, в котором передала ему благодарность за выступление на вечере от покровительницы петербургского Дома милосердия Евгении Максимилиановны принцессы Ольденбургской (там же, стр. 249).

843. А. Е. КОМАРОВСКОЙ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 3.15.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 131.

Ответ на приглашение Комаровской приехать к ней в пятницу, 26 февраля 1880 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 538).

[1] Комаровская писала Достоевскому: «Как бы мне ни хотелось Вас видеть, я не решилась бы Вас беспокоить, ежели б великий князь Константин Константинович не изъявил этого желания. Он будет у меня с надеждою Вас встретить...». 26 февраля 1880 г. Константин Константинович Романов сделал в своем дневнике следующую запись: «Вечер начался в 9 ч. в угловом малиновом кабинете и прошел весьма благополучно. По выражению Льва Толстого, мы подавали Достоевского его любителям как изысканное кушанье <...> Я люблю Достоевского за его чистое детское сердце, за глубокую веру и наблюдательный ум. Кроме того, в нем есть что-то таинственное, он постиг что-то, что мы все <не> знаем» (*ЛН*, т. 86, стр. 538).

844. П. П. КАЗАНСКОМУ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.39.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 131—132.

Фамилия адресата установлена на том основании, что среди родственников В. Д. Шера, заинтересованных в наследстве А. Ф. Куманиной, был только один Павел Петрович — Казанский. Он был женат на дочери Шера.

[1] «Червонными валетами» по аналогии с названием уголовно-авантюрного романа-фельетона французского писателя П.-А. Понсона дю Террайля (1829—1871) «Клуб червонных валетов» (1865; Русский перевод: 1877) именовали себя участники шайки московских преступников, состоявшей главным образом из разорившихся молодых дворян. Достоевский впервые употребил это выражение в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 8 и примеч. стр. 359; ср. т. XXV, стр. 227 и примеч. стр. 451), когда в газетах появились сообщения о начавшемся следствии по делу «червонных валетов» (см.: Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. М., 1877). В обиходе червонным валетом называли вора «благородного»

происхождения, хорошо воспитанного и с изящными манерами (см.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1960, стр. 663).

[2] Достоевский, очевидно, имеет в виду и конкретные события «последних дней»: 20 февраля 1880 г. народоволец И. О. Млодецкий совершил покушение на М. Т. Лорис-Меликова, а 22 февраля по приговору военного суда был казнен. Достоевский присутствовал на казни Млодецкого. К. К. Романов по этому поводу писал в своем дневнике: «Достоевский ходил смотреть казнь Млодецкого <...> он объяснил мне, что его занимало всё, что касается человека, все положения его жизни, его радости и муки» (*ЛН*, т. 86, стр. 137). Ср.: И. Волгин. Последний год Достоевского. М., 1986, стр. 140—148.

[3] Речь идет о наследстве А. Ф. Куманиной (об этом см. письма 761, 847, 855, 885).

845. П. И. ВЕЙНБЕРГУ (стр. 145)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.55.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 133 (адресатом предположительно назван В. П. Гаевский, датировано третьей декадой марта 1880 г.).

Ответ на письмо Вейнберга от 6 марта 1880 г. (*Материалы и исследования*, т. IV, стр. 247).

Адресат и датировка устанавливаются на основе сопоставления содержания данной записки и письма Вейнберга от 6 марта 1880 г., в котором тот просил Достоевского срочно сообщить («прислать теперь же»), что бы он хотел прочесть на литературно-музыкальном вечере в пользу Дома милосердия, назначенном на 13 марта: «...если я прошу сказать теперь же, что именно будете читать, то это потому, что времени осталось немного и надо печатать афишу». Ответ, по-видимому, должен был быть передан тотчас же через подателя письма Вейнберга (также, через «подателя», предлагал ответить Вейнберг в письме Достоевскому от 1 февраля 1880 г., см.: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 245), чем и объясняется отсутствие обращения в записке. На вечере, перенесенном на 20 марта, Достоевский прочел первый из указанных отрывков (см. также комментарий Г. В. Степановой — там же, стр. 248).

[1] В газете «Берег» от 21 марта 1880 г. (№ 7) сообщалось: «Литературно-музыкальный вечер в пользу отделения несовершеннолетних С.-Петербургского Дома милосердия состоялся вчера, в четверг, 20 марта, в зале городской думы. <...> Публика встречала исполнителей радушно, особенно долго раздавались рукоплескания, когда на эстраду взошел наш талантливый романист г-н Достоевский <...> Г-н Достоевский прочел отрывок из романа „Братья Карамазовы“ — именно беседу монастырского старца Зосимы с бабами». Читавшаяся писателем глава 3 «Верующие бабы» из второй книги «Братьев Карамазовых» была опубликована в № 1 «Русского вестника» за 1879 г. См. также письмо 718, примеч. 1.

[2] Имеется в виду гл. 3, подгл. 4 третьей части романа.

846. В. П. ГАЕВСКОМУ (стр. 145)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 109.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 133.

Ответ на письмо Гаевского от 19 марта 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.60; *Д, Письма*, т. IV, стр. 406—407 — без постскриптума.

Гаевский ответил 22 марта 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.60).

[1] В. П. Гаевский писал Достоевскому: «Многоуважаемый Федор Михайлович, месяца два тому назад Вы изъявили согласие прочесть для Литературного фонда „Великого инквизитора“, который тогда же был про-

пущен цензурою; но спешная работа помешала Вам принять участие в предполагаемом чтении, которое вследствие сего и было отложено. Комитет устраивает теперь два чтения, назначенные на 30 марта и 21 апреля, и весьма дорожит Вашим участием, на которое рассчитывает по всегдашнему Вашему сочувствию к литературному делу. Не прочтете ли уже разрешенного „Великого инквизитора“ или еще что-нибудь? Не желая отнимать у Вас дорогое время посещением, покорнейше прошу известить меня, угодно ли Вам принять участие в предположенных чтениях или хотя в одном из них. Жду Вашего ответа, чтоб сообразоваться с ним при печатании афиш.

Искренно преданный и покорнейший В. Гаевский.

Участвуют в чтениях: Вейнберг, Григорович, Пальм, Полонский, Потехин, Тургенев».

[2] 21 марта 1880 г. Достоевский выступил на литературно-музыкальном вечере в пользу слушательниц Женских педагогических курсов в зале Благородного собрания. О большом впечатлении, произведенном на слушателей выступлением Достоевского, прочитавшего отрывок из «Подростка» (рассказ матери Оли о самоубийстве дочери — ч. 1, гл. 9, подгл. 5), вспоминали Достоевская, С. В. Павлова, А. А. фон Бретцель (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 351; С. В. Павлова. Из воспоминаний. — «Новый мир», 1946, № 3, стр. 116—117; А. А. фон Бретцель. Мои воспоминания о Достоевском и Тургеневе. — *ЛН*, т. 86, стр. 315—320).

[3] 28 марта 1880 г. Достоевский выступил с большим успехом на литературном вечере Общества вспомоществования студентам Петербургского университета с чтением второй главы «Преступления и наказания» (см.: *НВр*, 1880, 30 марта, № 1468, а также 1 апреля, № 1470; *ЛН*, т. 86, стр. 498).

[4] Князь М. С. Волконский.

[5] Имеется в виду выступление на литературном утре Общества вспомоществования студентам Петербургского университета 30 декабря 1879 г. (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 340; наст. изд., т. XV, стр. 198, 388—389).

[6] 22 марта 1880 г. Гаевский ответил Достоевскому: «Многоуважаемый Федор Михайлович, искренне благодарю Вас за любезное согласие, но если нельзя читать „Великого инквизитора“, то мы не успеем к 30 марта, так как я не позднее завтрашнего дня должен сообщить градоначальнику о составе чтения. Вы знаете, как медленно получается разрешение, и потому остается только просить Вашего участия на вторые чтения, предполагаемые на 21 апреля. Но чтоб успеть к этому сроку, позвольте просить Вас выбрать что-либо заблаговременно и прислать ко мне, если возможно. до 1 апреля. Быть может, у Вас найдется что-нибудь новое, хотя, что бы Вы ни выбрали, наверно, будет хорошо.

Искренно преданный и покорнейший В. Гаевский».

Неоднократно (с конца 1879 г.) откладывавшееся выступление Достоевского на чтениях в пользу Литературного фонда (ср. письмо 834 и примеч. к нему) состоялось только 19 октября 1880 г. (см. письмо 897 и примеч. к нему).

847. Б. Б. ПОЛЯКОВУ (стр. 146)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.3.54.

Впервые опубликована (как доверенность В. Д. Шеру): *Описание*, стр. 309.

Адресат устанавливается и телеграмма датируется на основании писем Полякова Достоевскому от 27 марта и 20 декабря 1880 г. Достоевский своей телеграммой разрешил Полякову дать передоверенность В. Шеру на продажу причитающейся ему части леса в урочище Пехорка в Рязанском имении А. Ф. Куманиной — общем наследстве Достоевских и Шеров.

27 марта 1880 г. Б. Б. Поляков сообщил Достоевскому: «Я возвратился сегодня в Петербург и считаю долгом уведомить Вас, что передо-

верпе г. Шеру па продажу Вашей части лесу в Пехорке на сруб с моей стороны сделано согласно Вашей телеграмме <...> О вводе Вас во владение наследственными частями в Рязанском имении с моей стороны распоряжение также сделано» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29816). В письме от 20 декабря 1880 г. Поляков вновь подтвердил это, назвав точную дату телеграммы Достоевского: «На основании доверенности Вашей и особого разрешения, выраженного в телеграмме Вашей ко мне от 26 марта настоящего года, я сделал передоверие неклассному художнику архитектуры Владимиру Шеру на продажу леса в общем наследственном Рязанском имении в урочище Пехорка» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 89).

848. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 146)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 53 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 118—119.
Любимов ответил 12 апреля 1880 г. (*Д, Письма*, т. IV, стр. 410).

[1] В апрельской книжке «Русского вестника» за 1880 г. печаталась десятая книга «Братьев Карамазовых» («Мальчики»).

[2] Чтение состоялось 27 апреля 1880 г. и имело большой успех. «Когда по программе дошла очередь до выхода на эстраду Федора Михайловича,— вспоминал метранпаж «Гражданина» М. А. Александров, — в зале водворилась необыкновенная тишина, свидетельствовавшая о напряженном внимании, с которым присутствовавшие устремляли свои взоры на эстраду, где вот-вот появится автор „Братьев Карамазовых“, писатель давно знаменитый, но недавно признанный таковым <...> Читал он в тот вечер не напечатанные в „Русском вестнике“ главы из „Братьев Карамазовых“. Чтение его было, по обыкновению, мастерское, отчетливое и настолько громкое или, вернее, внятное, что сидевшие в самом отдаленном конце довольно большой залы для городского собрания, вмещающей в себе более тысячи сидящих человек, слышали его превосходно» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 253—255). Вне программы Достоевский прочитал в этот вечер стихотворения Некрасова «Влас» и А. К. Толстого «Илья Муромец».

[3] Речь идет о книге «Мальчики».

[4] Отвечая Достоевскому, Любимов писал: «Относительно формы, те, с кем случалось говорить, воспоминаний не сохранили. Но у Вас в рассказе, кажется мне, и нет определенного указания. Говорится о верхней одежде, да и дети были не в училище».

849. С. А. ЮРЬЕВУ (стр. 147)

Печатается по тексту первой публикации: *Сборник в память С. А. Юрьева*, стр. 280.
Подлинник неизвестен.
Ответ на письмо Юрьева от 5 апреля 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.10.19; отрывок опубликован: *ЛН*, т. 86, стр. 509).

[1] Сообщая о предстоящем чествовании памяти Пушкина, Юрьев писал Достоевскому: «Желалось бы и журналу „Русская мысль“ напечатать к этому дню хорошую статью о нашем величайшем поэте. Я слышал, что Вы что-то пишете о Пушкине, и беру на себя смелость просить Вас позволить напечатать Ваш труд в моем журнале».

[2] Описание торжеств, проходивших в Москве с 5 по 9 июня 1880 г. в связи с открытием памятника Пушкину, см. в письмах 870—872. О работе Достоевского над речью о Пушкине см. наст. изд., т. XXVI, стр. 441—456.

[3] Речь идет о «Братьях Карамазовых».

[4] 3 мая 1880 г. Юрьев напомнил Достоевскому: «...в одном из Ваших писем, именно в последнем, мною полученном, Вы дали мне надежду, что напишете небольшую статью о Пушкине, которую предоставите мне напечатать в ж‹урнале› „Русская мысль“. Будет ли это то, что Вы произнесете в собрании в память Пушкина, или другое — всё приму с величайшей благодарностию и почту за счастие напечатать. Прошу Вас покорнейше, не передавайте Ваши статьи о Пушкине другому журналу, а позвольте „Русской мысли“ надеяться на Ваше слово и украситься им» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 412). О разногласиях с Юрьевым в связи с опубликованием речи Достоевского о Пушкине в *МВед.* (1880, 13 июня, № 162) см. письмо 861; ср. наст. изд., т. XXVI, стр. 442—444.

850. Е. Ф. ЮНГЕ (стр. 147)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, отд. письм. источников, ф. 344, № 41.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 341—343 (без указания адресата).

Ответ на письмо Юнге, написанное, по-видимому, в марте 1880 г. (Е. Ф. Юнге. Воспоминания (1843—1860). М., 1914, стр. IX—XII; *Д, Письма*, т. IV, стр. 408—409).

Юнге ответила 25—26 апреля 1880 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.104; «Лит. газета», 1971, 11 августа, № 33 — отрывки).

[1] В письме А. И. Толстой (матери Е. Ф. Юнге) к дочери от 24 февраля 1880 г. рассказывается о том, как состоялось заочное знакомство Достоевского с Юнге: «Сейчас возвратилась я от Достоевских — я нашла его чем-то расстроенным, больным, донельзя бледным. На него сильно подействовала (как на зрителя) казнь преступника 20 февраля (И. О. Млодецкого, стрелявшего в начальника Вер‹хов›ной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова и казненного 22 февраля. — *Ред.*). Недаром мне хотелось прочесть Достоевскому твое письмо (см. примеч. 2. — *Ред.*); по мере того, как жена его читала (читает она превосходно и с большою осмысленностью и чувством), лицо его прояснялось, покрылось жизненною краской, глаза блестели удовольствием, часто блестели слезами. По прочтении письма мне казалось, что он вдруг помолодел. Он спросил, пишешь ли ты; на отрицательный ответ сказал: „Судя по ее письму, она так же может писать, как и я“. Когда я уходила, он просил меня передать тебе его глубокую признательность за твою оценку к его труду, прибавив, что в письме твоем полная научная критика, и лучшая, какая-либо была и будет и которая доставила ему невыразимое удовольствие ‹...› Все время, покуда я одевалась в передней, он только и твердил, чтобы я не забыла передать тебе его благодарность за то, что так глубоко разбираешь его роман „Карамазовых“, и сказать тебе, что никто так еще осмысленно его не читал ‹...› Что же касается до того, что ты пишешь о своей конфузливости, то он это находит ненатуральным и не твоим по слогу твоего ума и чувства; что это чужое, привитое к тебе, которое со временем пройдет и непременно пройдет...» (*ЛН*, т. 86, стр. 496). Ободренная этим отзывом, Юнге написала Достоевскому большое письмо исповедального характера: «Вы позволили мне писать Вам, многоуважаемый Федор Михайлович, как же противостоять такому искушению! Но только если Вы смеетесь надо мной, то не делайте этого, — Вы видите перед собой больную душу, которая имеет духовника. Не могу выразить Вам, как сильно я ценю Вас как писателя и мыслителя, то есть не ценю — „ценю“ не то слово (это было бы слишком дерзко с моей стороны делать Вам оценку), но как сильно я благодарна Вам, именно благодарна. ‹...› А теперь, когда я читаю что-нибудь хорошее, у меня является непреодолимое желание пойти высказать создателю того, что так глубоко потрясает меня, мою благодарность. ‹...› Вот почему в год войны я часто

была на пороге, чтобы идти к Вам, но никогда не могла решиться и просто мучилась этим, особенно в то время, когда Вы прекратили „Дневник“, — мне так хотелось упросить Вас продолжать нам это утешение. Вы посвятили свое время не менее прекрасному труду. Много бы хотелось сказать про „Карамазовых“, много мыслей и чувств пробудила во мне эта чудесная повесть, но боюсь надоесть Вам» (стр. 408).

[2] Юнге писала матери о Достоевском: «Эта вещь («Братья Карамазовы». — *Ред.*) совсем разбередила меня, в ночи я не могла спать и горячие слезы проливала; но это наслаждение — проливать слезы над произведением искусства <...> Если б знал Достоевский, сколько он мне доставил этих слез и сколько утешения своими произведениями, ему бы, верно, было приятно. Еще во время войны, когда бывало на душе так тяжело, что сил нет, один „Дневник писателя“ утешал меня. Бывало, читаешь и думаешь: утопия всё это, а между тем в душу входит что-то утешающе-сладкое, потому что видно там любящее сердце, душу, понимающую всё, понимающую и веру. Уж если есть хоть один человек, убежденный, верующий, любящий, не эгоист, — какое это, в тяжелые минуты, огромное утешение, а он еще так прямо, так громко, такими жгучими словами говорит о своей вере! Мне тогда много раз хотелось поехать к нему, написать ему; но, конечно, при моей застенчивости, не сделала <...> Но теперь, если бы я была в Петербурге, я бы пошла к нему, и он уже сам был бы виноват. Разве не описал он, как было приятно старцу Зосиме, когда к нему пришла простая русская глупая баба со своим русским простым спасибо?! И я бы пришла и сказала „спасибо“, — спасибо, что он думал и высказал вещи, которые без слов наполняли душу и мучили меня; спасибо, что он не гнушается войти в скверное, преступное сердце и выкопать там нечто и прекрасное, за то, что любит деток, за художественное наслаждение его образами, за слезы, за то, что с ним я забыла ежедневные заботы и мелочи жизни и как-то вознеслась над ними. Невольно сравниваешь Достоевского с европейскими романистами — я беру лучших из них — французов: Золя, Гонкур и Доде, — они все честные, желают лучшего; но, боже мой, как мелко плавают! А этот... и реалист, такой реалист, как никто из них! Его лица — совсем живые люди! Вам кажется, будто вы знавали их или видели где-то, будто вы знаете тембр их голоса. Еще более реальности придает этим людям высокохудожественный прием — не описывать их, а давать читателю знакомиться с ними постепенно, как это бывает в жизни. Наблюдатель Достоевский такой тонкий и глубокий, что можно только поражаться, — это, конечно, не новость. И, вместе с этим крайним реализмом, можно ли на свете найти еще такого поэта и идеалиста?! Ведь это почти достижение идеала искусства — человек, который реалист, точный исследователь, психолог, идеалист и философ. Да, он еще и философ, — у него совсем философский ум, а между тем он, вероятно, не получил философского образования; видно, философы бывают врожденные, как гении. Говорить ли тебе, что я ревела, читая рассказ бабы об умершем ребенке?! И как он так знает женское сердце?! Должно быть, и это врожденное: сила его любви дала ему понять женское и детское сердце. А какое впечатление всего хода романа! Как перед грозою, собираются, собираются тучи, и ты видишь — неминуема уже гроза, — так и тут: собираются события, воздух становится всё гуще и невыносимее, и так сильно впечатление, что хочется, чтоб уж он убил его поскорее, чтобы уже было кончено. Прочла я вчера вечером об <мучении?> детей и „Великого инквизитора“, не могла больше читать, да и провалялась до утра, думая об этом всем и сочиняя письмо к Достоевскому. Мне так вдруг захотелось исповедоваться ему и услышать от него какое-нибудь нужное мне слово! Захотела исповедоваться ему потому именно, что он всё поймет и никем не гнушается. Я бы, может быть, была действительно способна это сделать, если б он позволил» (Е. Ф. Юнге. Воспоминания. М., 1914, стр. V—VII).

[3] Диспут, посвященный защите докторской диссертации Вл. С. Соловьева «Критика отвлеченных начал», состоялся в Петербургском уни-

верситете 6 апреля 1880 г. В газетах отмечалось присутствие на нем Ф. М. Достоевского (см.: *НВр*, 1880, 7 апреля, № 1476; *СП*, 1880, 12 апреля, № 101).

[4] Важнейшая идея докторской диссертации Вл С. Соловьева состояла в необходимости преодоления так называемых «отвлеченных начал», т. е. односторонних рационалистических философских подходов (схватывающих отдельные разъединенные стороны постигаемых явлений) во имя «верховных начал», открывающих путь к «положительному всеединству» — «великому синтезу», обобщающему накопленные человечеством представления «об истине, благе и красоте» и ведущему к познанию истины как «сущего всеединого». Соловьев, в частности, писал в своей диссертации: «Человеческий ум сделал много великих открытий, творчество человеческое создало много прекрасных произведений, и много высоких подвигов совершила человеческая воля. Но истинность всех этих открытий отвергалась и доселе может отвергаться, красота величайших художественных произведений доселе подвергается сомнению, а геройство высочайших подвигов может выводиться из низких побуждений или же совсем отвергаться как безумие. Не говоря уже о полуобразованных массах, если существуют ученые, для которых гениальные мысли Платона или Канта суть праздные выдумки или же просто нелепости; если существуют художники и эстетические критики, с презрением смотрящие на Шекспира и Рафаэля <...> то, спрашивается, для чего работали лучшие силы человечества? Пока общие принципы, которыми определяется достоинство и значение наших мыслей, дел и произведений, остаются сомнительными или неизвестными, до тех пор человечество со всеми своими приобретениями похоже на богача, обладающего совершенно реальными сокровищами, но только по спорным или и совсем незаконным документам, вследствие чего он не может распоряжаться как следует своим имуществом, и оно имеет для него лишь ничтожную цену <...> нашему богачу остались от предков и такие тайные клады, о которых он ничего не знает и не хочет знать, считая их детскою сказкой, а людей, которые ему говорят о них, признает за суеверов или шарлатанов» (В. Соловьев. Критика отвлеченных начал. М., 1880, стр. 6—7; книга имелась в библиотеке Достоевского, см.: *Библиотека*, стр. 156).

[5] В упоминавшемся выше письме Юнге призналась: «...у меня двойственность в характере, доведенная до последней степени. Двойственность эта заставляет меня всегда делать то, что я вполне сознаю, что не должна бы делать, и это каким-то самым роковым образом, будто все обстоятельства слагаются так, чтобы я это сделала. Особенно в мелочах это проявляется очень интересно. Все эти разнообразные чувства, которые вытекают из этой двойственности, которые волнуют и терзают меня, устраивают вокруг меня такой лабиринт, что только рука опытного психолога может вывести меня на свет божий. Вот у меня и является желание исповедоваться такому психологу. Я сама себе удивляюсь: неужели я бы могла Вам, почти незнакомому человеку, высказать откровенно то, что скрываю от своих близких. Откуда такое доверие?» (стр. 409).

[6] В письме к Достоевскому, начатом 25 апреля 1880 г., Юнге с восторгом отозвалась о только что прочитанной десятой книге «Братьев Карамазовых», а 26 апреля, получив наконец письмо Достоевского от 11 апреля, отправленное через посредство А. И. Толстой (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 499), писала: «Как странно, что в моем письме есть ответы на то, что Вы пишете, и наоборот! Мне кажется, уже так хорошо, так хорошо выражены Ваши мысли в „Карамазовых“, но я могу понять, что в глубокой душе Вашей есть еще более. Чем выше художник, тем высшими задачами он задается, тем большего достигает, тем шире открывает горизонт...». Это письмо было передано Достоевскому лично А. И. Толстой 4 мая (см. там же). Ответил ли Достоевский Юнге и была ли продолжена их переписка, неизвестно.

851. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 149)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 54 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 120—121.
Ответ на письмо Любимова от 12 апреля 1880 г. (*Д, Письма*, т. IV, стр. 410).

[1] Любимов писал Достоевскому: «Превосходно удалась Вам эта часть (очень Вы любите детей). Я уверен, будет произведено сильное впечатление».

[2] Любимов считал, что Коля Красоткин по своему умственному развитию превосходит тринадцатилетнего мальчика. Поясняя свою мысль, Любимов писал: «Вы замечаете, что подобную степень развития наблюдали в натуре. Но поэзия, кажется мне, должна быть вернее природы. Представляется мне, что хотя годик накинуть бы надобно».

[3] В тексте романа не Боровиков, а Тузиков (см. наст. изд., т. XIV, стр. 478).

[4] По техническим причинам внести поправки в журнальный текст романа не удалось. Достоевский сделал необходимые исправления уже при подготовке отдельного издания «Братьев Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 384—385).

[5] Передовые статьи в «Московских ведомостях», как правило, писал сам М. Н. Катков (см.: Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863—1886. М., 1897—1898).

852. К. Н. БЕСТУЖЕВУ-РЮМИНУ (стр. 150)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 24780.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 138.

[1] Бестужев-Рюмин был председателем Славянского благотворительного общества, Достоевский — товарищем председателя (избраны на заседании общества 3 февраля 1880 г.), следовательно, оба были непосредственными организаторами литературного чтения, состоявшегося 27 апреля 1880 г. Достоевский оставил Бестужеву-Рюмину корректуру десятой книги «Братьев Карамазовых» («Мальчики»), отрывки из которой он собирался читать (см. письмо 848, примеч. 2), очевидно для того, чтобы тот представил их на предварительный цензурный просмотр. О необходимости соблюдения этого условия Достоевский сообщил 5 мая 1880 г. С. А. Юрьеву: «...у нас здесь в Петербурге на самом невинном литературном чтении (а чтения всю зиму страшно были в моде) непременно всякая строка, хотя бы и 20 лет тому написанная, поступала на предварительное разрешение к прочтению к попечителю учебного округа» (см. стр. 153).

853. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 151)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93. I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 139.

[1] Это письмо Н. М. Достоевского неизвестно.

[2] Святая (пасхальная) неделя началась в 1880 г. 20 апреля.

[3] «Чтоб иметь возможность в тишине и на свободе обдумать и написать свою речь в память Пушкина, Федор Михайлович пожелал раньше переехать в Старую Руссу, и в самом начале мая мы всей семьей были уже у себя на даче», — вспоминала Достоевская (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 359). Неоднократно откладывавшийся отъезд писателя в Старую Руссу (ср. письмо 854 и *ЛН*, т. 86, стр. 499) состоялся, по-видимому, уже после переезда семьи; в письме Достоевского К. П. Победонос-

цеву от 19 мая (письмо 858) говорится: «Перед отъездом из Петербурга (ровно неделю назад)...».

[4] В конце марта—апреля 1880 г. Достоевскому пришлось выступать на ряде литературных чтений: 20 марта — на литературно-музыкальном вечере в пользу отделения несовершеннолетних Петербургского дома милосердия, 21 марта — на литературно-музыкальном вечере в пользу слушательниц Педагогических курсов, 28 марта — на литературном вечере в пользу Общества вспомоществования студентам Петербургского университета, 27 апреля — на чтениях в пользу Славянского благотворительного общества (см. письма 845, 846, 854 и примеч. к ним, а также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 351). Кроме того, писателя утомляли многочисленные посетители, искавшие встречи с автором «Братьев Карамазовых» (см. письмо 854).

[5] Поздравления с праздником Пасхи.

854. П. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 151)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 54 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 121—122.

[1] Продолжение «Братьев Карамазовых» (одиннадцатая книга — «Брат Иван Федорович») появилось не в июньском, а в июльском номере «Русского вестника», закончилось печатание романа — в ноябрьском. О работе над одиннадцатой книгой см. наст. изд., т. XV, стр. 440—446.

[2] Подробнее об этом литературном вечере см. письмо 848, примеч. 2.

855. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 152)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 140—141.

[1] Очевидно, Достоевский отвечает на неизвестное нам письмо брата Николая, где тот высказывал свои сомнения относительно условий предстоящего раздела имения покойной А. Ф. Куманиной, находившегося в Рязанской губернии. Для раздела же сонаследники должны были прежде всего юридически оформить ввод во владение.

[2] По-видимому, Н. М. Достоевский, остро нуждавшийся в деньгах и опасавшийся, что получит худшую часть земли (см. ниже, примеч. 8), намеревался подписать договор о продаже своей доли имения (см. примеч. 2 к письму 895).

[3] Имеется в виду составленный еще в ноябре 1879 г. проект договора между Достоевскими (Ф. М. Достоевским, его братьями Андреем и Николаем и сыновьями М. М. Достоевского), с одной стороны, и Шерами и Ставровскими — с другой; согласно ему Достоевские соглашались взять вместо причитавшейся им трети имения (составлявшего около 6000 десятин) 800 десятин леса Пехорки, кроме того, Ф. М. Достоевский оставлял за собой право до весны 1880 г. выменять у Шеров и Ставровских свои 200 десятин Пехорки на 400 десятин Ширяева Бора, где, по-видимому, предполагал устроить собственное имение (см.: И. Д. Якубович. Неизвестные деловые бумаги Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VII, стр. 269—270; ср. также письма 885 и 918).

[4] 17 сентября 1879 г. Достоевская писала А. А. Достоевскому: «Брат мой, побывав в имении, *положительно* отказался выбрать для Достоевских часть по многим причинам, о которых в письме не напишешь. Да оно и лучше, что отклонил ответственность, так как его и меня всю жизнь бы бранил Николай Михайлович...» (*ЛН*, т. 86, стр. 489).

[5] И. Г. Сниткин окончил Петровскую сельскохозяйственную академию и сам владел имением в Курской губернии.

[6] В августе 1879 г. А. Г. Достоевская и А. А. Достоевский побывали в Рязанском имении (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 305, 310, 313).

[7] В позднейших воспоминаниях Достоевская несколько иначе характеризовала итоги своей поездки: «...мне удалось выбрать на долю мужа двести десятин строевого леса в так называемой „Пехорке“ и сто десятин земли полевой. Федор Михайлович был доволен моим выбором...» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 339). 17 августа 1879 г., т. е. в день отъезда Достоевской из Москвы в Рязань, А. А. Достоевский сообщал отцу: «Анна Григорьевна стремится к тому, чтобы нам выдали не 1/3, а четвертую часть, чтобы в нашем деле не участвовал Николай Михайлович, потому что с ним, по ее рассказам, дела вести очень трудно» (см.: И. Д. Якубович. Неизвестные деловые бумаги Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VII, стр. 268—269).

[8] Ранее Н. М. Достоевский не соглашался участвовать в разделе имения. Так, 10 сентября 1879 г. А. А. Достоевский сообщал А. Г. Достоевской из Петербурга в Старую Руссу, что Николай Михайлович отказался «наотрез от деления и всё говорил, что ему выделят „тундру“ и надуют всяческим образом» (там же, стр. 269).

[9] См. примеч. 3 к письму 853.

856. С. А. ЮРЬЕВУ (стр. 153)

Печатается по тексту первой публикации: *Сборник в память С. А. Юрьева*, стр. 280—282.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письма Юрьева от 1 и 3 мая 1880 г. (*Д, Письма*, IV, стр. 412).

Юрьев ответил 7 мая 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.10.14).

[1] 1 мая 1880 г. Юрьев писал Достоевскому: «От имени всего общ‹ества› люб‹ителей› русской словесности ‹...›, единственного общества русской сл‹овесности› в России, в заседаниях которого принимал участие А. С. Пушкин как его член, от имени московских его членов, глубоко уважающих дух Ваших произведений и наконец, от моего имени, как одного из ревностнейших Ваших почитателей, прошу Вас и умоляю почтить заседания нашего общества Вашим словом и наши празднества Вашим присутствием».

[2] Повторяя приглашение принять участие в пушкинском празднике, Юрьев писал Достоевскому 3 мая 1880 г.: «Вы будете среди людей, для которых Вы неоценимо дороги. Говорить будут И. Сер. Аксаков, Писемский, Островский, Тургенев ‹...› Я ограничусь как председатель очень небольшим вступительным словом...». Одновременно Достоевскому было послано на бланке Общества любителей российской словесности датированное 2 мая официальное приглашение произнести речь на публичном заседании Общества 26—27 мая 1880 г. (подписано председателем Общества С. А. Юрьевым и секретарем Н. П. Аксаковым — см. наст. изд., т. XXVI, стр. 444).

[3] В ответном письме от 7 мая 1880 г. Юрьев сообщал: «Что касается до цензуры произносимых речей в заседаниях Общества для чтения членами своих рукописных сочинений, то Общество, по силе своего устава, утвержденного министерством народного просвещения, само — цензор этих речей и чтений и не обязано представлять их ни общей цензуре и ни на цензуру никаких властей» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 412).

[4] См. письмо 857, примеч. 2.

[5] Об этом см. письма 849 и 860.

857. А. С. СУВОРИНУ (стр. 154)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 459, I.12.68.

Впервые опубликовано: Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927, стр. 50—51.

Ответ на письмо Суворина от 12 мая 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.33; отрывок опубликован: *ЛН*, т. 86, стр. 500).

[1] Суворин писал Достоевскому: «И. С. Аксаков просит меня передать Вам, что Вы включены в число лиц, имеющих читать или говорить о Пушкине, стало быть, Вас ждут в Обществе любителей словесности» (*ЛН*, т. 86, стр. 500; см. также письмо 856, примеч. 1. 2).

[2] К. Н. Бестужев-Рюмин телеграфировал Л. И. Поливанову 19 мая 1880 г.: «От Петербургского Славянского благотворительного общества прибудут депутатами Достоевский и Золотарев» (*ЛН*, т. 86, стр. 500).

[3] Суворин писал Достоевскому: «Вы знаете, конечно, что железная дорога Николаевская назначила экстренный поезд 24 мая, на который билеты надо брать 20-го, 21 и 23 мая, по уменьшенной цене, именно 17 р. 50 к. второй класс и 25 р. первый класс — туда и обратно со включением и государственного сбора <...> Если Вы захотите ехать из Петербурга, то я могу взять для Вас заблаговременно билет» (там же).

[4] Суворин сообщил Достоевскому, что В. П. Буренин в начале мая 1880 г. уехал из Петербурга. Буренин одним из первых откликнулся на начавшуюся публикацию последнего романа Достоевского. На основании знакомства только с первой частью «Братьев Карамазовых» он сделал следующий вывод: «Несмотря на исключительность характеров, рисуемых автором, несмотря на психиатрический их склад, в них отражаются самые основные стороны русской жизни с ее своеобразными общественными и умственными искажениями, порожденными глубокой внутренней ломкой ее общего строя и тревожными порывами к самосознанию...» (*НВр*, 1879, 9 марта, № 1087). Очередная статья Буренина о «Братьях Карамазовых» появилась только 15 августа 1880 г. (*НВр*, № 1603) и была посвящена уже одиннадцатой книге романа (об этом см. наст. изд., т. XV, стр. 493, 498—499).

[5] В 1880 г. «Вестнике Европы» (№ 1—5) были напечатаны воспоминания П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие», характеризующие литературную жизнь России 1840-х гг. В той части воспоминаний, которая была опубликована в апрельской книжке журнала, Анненков рассказывал, что якобы после того, как «Бедные люди» были восторженно встречены Белинским, Достоевский потребовал, чтобы роман этот, предназначенный к опубликованию в «Петербургском сборнике» Некрасова, «был отличен от всех других статей книги особенным типографским знаком, например — каймой. Роман и был действительно обведен почетной каймой в альманахе» (*ВЕ*, 1880, № 4, стр. 479). Рассказ Анненкова вызвал сомнение у редактора-издателя «Нового времени» А. С. Суворина. Возражая мемуаристу, он писал в полемической заметке, направленной против «Вестника Европы»: «Мы взяли „Петербургский сборник“ 1846 г. и увидели, что <...> „Бедные люди“ напечатаны без всякой каймы, тем же самым шрифтом, как и другие статьи этого сборника» (*НВр*, 1880, 14 (16) апреля, № 1473). «Вестник Европы» отвечал «Новому времени» в майской книжке журнала, которую Суворин послал Достоевскому с сопроводительным письмом: «Посылаю Вам „Вестник Европы“ на случай, если Вы его не выписываете. На стр. 412 Вы найдете ответ на мою заметку, которую я сделал относительно „каймы“. Будете ли Вы отвечать или нет? Во всяком случае, отвечать можно и мне» (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.33; см. письмо 858, примеч. 6). Ответ Достоевского на это письмо Суворина неизвестен. 2 и 3 мая в «Новом времени» (1880, №№ 1499 и 1500) в связи с разъяснением «Вестника Европы» появились две анонимные заметки, написанные на этот раз В. П. Бурениным. В письме от 12 мая Суворин спрашивал Достоевского: «Довольны ли Вы тем, что написал Буренин о „кайме“, или Вы желали бы, чтоб объявили от Вашего имени, что это ложь?». В соответствии с пожеланием Достоевского 17 мая в «Новом времени» (№ 1515) было напечатано редакционное сообщение: «Ф. М. Достоевский, находясь в Старой Руссе, где он лечится, просит нас заявить от его имени, что ничего подобного тому, что рассказано в „Вестнике

Европы“ П. В. Анненковым насчет „каймы“, не было и не могло быть, что он никогда не получал стихотворения, якобы сочиненного Некрасовым и Панаевым насчет этой же каймы». На этом полемика между «Вестником Европы» и «Новым временем» прекратилась, но Достоевский, как свидетельствуют рукописные материалы, все же собирался впоследствии дать по этому поводу разъяснение в «Дневнике писателя». Так, среди набросков, представляющих собою заготовки для статей, которые должны были появиться в февральском и мартовском выпусках «Дневника писателя» на 1881 г., содержится следующая заметка: «Есть одна вещь, которую я глубоко избегаю, именно личные препирания по нападкам личным, не как на автора только, а именно лично. В прежних „Дневниках“ моих (76 и 77 года) я редко препирался лично, в прошлом (1880) году была сделана на меня одна нападка в одном журнале, на первый взгляд очень ничтожная» (наст. изд., т. XXVII, стр. 197). Важно подчеркнуть, что Достоевский решился нарушить свой принцип и дать отпор «нападкам личным» именно потому, что эти нападки ставили под сомнение искренность его рассказа об отношениях с Белинским в 1840-х гг. Вот как об этом сказано в тех же набросках к «Дневнику писателя»: «Дело в том, что я писал о знакомстве моем с Белинским восторж<енно> <...> И я не хочу, чтобы тень лжи легла на мой рассказ. Если б я не возразил, сказали бы, что справедливо» (там же, стр. 198).

В отдельном издании воспоминаний Анненкова фраза о «Бедных людях»: «Роман и был действительно обведен почетной каймой в альманахе» — отсутствует, но в остальном текст остался без изменения (см.: Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова (1849—1868). СПб., т. III, 1881, стр. 139; см. также: *Анненков*, стр. 283, примеч. 601—602; *Д, Письма*, т. IV, стр. 413—415; В. Захаров. По поводу одного мифа о Достоевском. — «Север», 1985, № 11, стр. 113—120).

[6] Суворин писал Достоевскому: «Я часто бываю на процессе Мих<айлова> и Веймара — поучительный роман это дело, убеждающее, что организация решительно существует, что это не отдельные кружки». 6 мая в Петербургском военном окружном суде началось слушание дела членов организации «Земля и воля». Среди прочих к суду были привлечены А. Ф. Михайлов (за попытку освобождения осужденных по процессу 193-х и за участие в убийстве в 1878 г. шефа жандармов Н. В. Мезенцова) и О. Э. Веймар (за соучастие в подготовке покушения в 1879 г. на Александра II).

[7] В. А. Пашков, богач и филантроп, полковник в отставке, основал христианско-протестантскую секту русских последователей лорда Г. Редстока. В «Новом времени» (1880, 13 мая, № 1510) в отделе «Среди газет и журналов» была напечатана заметка, автор которой сочувственно отзывался о проповеднической деятельности Пашкова. Достоевский еще в «Дневнике писателя» за 1876 г. с осуждением писал о том, что представители аристократических кругов Петербурга «льнут» к лорду Редстоку, и утверждал при этом, что «настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на „обособлении нашем“, на оторванности нашей от почвы, от нации» (наст. изд., т. XXII, стр. 98).

[8] Речь идет о статье, напечатанной 11 мая 1880 г. в «Новом времени» (№ 1508) за подписью «Православный». По поводу автора этой статьи редакция газеты сообщила: «Мы должны сказать, что статья эта принадлежит духовному лицу». Статья была полемически направлена против «С.-Петербургских ведомостей», в которых резко критиковался Пашков как руководитель новой секты. Духовное лицо, напротив, с большим сочувствием и похвалами писало о пашковцах, которые, с его точки зрения, делают много добрых дел.

Достоевскому тем более было неприятно появление статьи «духовного лица» в защиту последователей Редстока, что еще в 1876 г. он писал, имея в виду английского сектанта: «Желательно, чтоб на этот раз никто из

нашего духовенства не поддакивал его проповеди» (наст. изд., т. XXII, стр. 99).

[9] Приехав в Москву 24 мая 1880 г. утром, Достоевский поселился в гостинице «Лоскутной» на Тверской (см. письмо 860).

858. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 155)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.204.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 2, стр. 247—248.

[1] В первой половине мая 1880 г. Победоносцев был назначен обер-прокурором Синода и в связи с этим переехал на новую казенную квартиру.

[2] Пушкинские торжества, задуманные как литературно-общественный праздник, готовились московской интеллигенцией, среди которой определились две различные группировки. Одну из них представляли славянофилы во главе с И. С. Аксаковым, ко второй относились деятели западнической ориентации. Именно их и имел в виду в данном случае Достоевский (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 442; см. также письмо 863, примеч. 6).

[3] См. письмо 856, примеч. 2.

[4] Достоевский, очевидно, имеет в виду напечатанную 17 мая 1880 г. в «Новом времени» (№ 1514) корреспонденцию из Москвы, в которой сообщалось о слухах, что «кого-то не допускают к празднеству, кто-то устраняется от участия в торжествах». Комиссия Общества любителей российской словесности пыталась лишить права участия в торжествах М. Н. Каткова (см. письмо 868, примеч. 16). Отказались приехать на Пушкинский праздник М. Е. Салтыков-Щедрин и Л. Н. Толстой (см. письмо 863, примеч. 11, а также наст. изд., т. XXVI, стр. 442).

[5] Тургенев пользовался особым почетом среди враждебной Достоевскому партии западников и в особенности среди профессуры Московского университета во главе с М. М. Ковалевским (см. ниже письмо 868 и примеч. 7).

[6] Достоевский считал Тургенева причастным к истории с «каймой» (см. письмо 857, примеч. 5). Отвечая на упрек «Нового времени» в том, что, вопреки утверждению П. В. Анненкова, «Бедные люди» Достоевского были напечатаны в «Петербургском сборнике» без всякой «каймы», редакция «Вестника Европы» писала, что она не может обратиться за разъяснениями к автору воспоминаний, так как тот уехал за границу. «Но нам, — было сказано далее, — и не пришлось ожидать от него объяснений, так как возможность справки оказалась у нас под рукой» (*ВЕ*, 1880, № 5, стр. 412). Поскольку в это время в Петербурге находился Тургенев — ближайший сотрудник «Вестника Европы» (см.: Н. Н. Мостовская. И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983), то Достоевский решил, что последовавшие далее объяснения редакции журнала были с ним согласованы как с участником кружка Белинского 1840-х гг. «Вся существенная сторона рассказа о „кайме“, — утверждала редакция «Вестника Европы», — несомненна; но автор „Воспоминаний“, писаных им на расстоянии 25 лет и явившихся в печати 35 лет спустя описываемых событий, отнес обстоятельства, известные всем в ту эпоху, к „Бедным людям“, между тем как дело должно было идти о другом произведении г. Достоевского — „Рассказ Плисмылькова“ или что-то в этом роде» (там же). Об этом см. подробно: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 413—414. Следует, однако, отметить, что предположение В. Захарова (см.: «Север», 1985, № 11, стр. 117), будто Тургенев является автором цитировавшейся выше редакционной заметки в «Вестнике Европы», не имеет достаточных научных оснований.

[7] «Верочка» — по всей вероятности, Вера Ивановна Засулич. О ней подробно см. письмо 742 примеч. 10. В письме Достоевского, очевидно,

содержится намек на глубокую внутреннюю связь между героинями Тургенева, в частности Марианной («Новь»), и В. И. Засулич. Подобную связь усматривали и другие современники Тургенева, о чем писатель сообщил М. М. Стасюлевичу 18 (30) марта 1878 г.: «История с Засулич взбудоражила решительно всю Европу <...> Из Германии я получил настоятельное предложение написать статью об этом процессе, так как во всех журналах видят интимнейшую связь между Марианной в „Нови“ и Засулич — и я даже получил наименование: der Prophet» (пророк. — *нем.* — *Ред.*) (*Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 312). О связи тургеневской героини с реальными участниками народнического движения см. также: Н. Ф. Буданова. Роман И. С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л., 1983, стр. 126—128.

[8] Объявление о подписке на «Дневник писателя» 1881 г. впервые было опубликовано в газете «Русь» 29 ноября 1880 г. (№ 3) и затем повторено 6, 13 декабря 1880 г. и 17, 27 января 1881 г. (№ 4, 5, 10 и 11). «Дневник писателя» 1881 г. вышел в январе 1881 г. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 5—40).

859. В. М. ЛАВРОВУ (стр. 157)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 640, I.73.

На телеграфном бланке почтовая дата: «22.6.80» (месяц указан ошибочно вместо «5»).

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 145.

[1] В Москве 23 мая 1880 г. Достоевского встречали В. М. Лавров, издатель «Русской мысли», С. А. Юрьев и другие сотрудники журнала. Лавров — «страстный, исступленный почитатель» Достоевского — навещал писателя в гостинице и устроил в его честь прием (см. письмо 863, примеч. 10).

860. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 157)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 375—376.

[1] Жена Александра II, Мария Александровна, скончалась 22 мая 1880 г. в 9 часов утра, о чем газеты начали сообщать в тот же день в «особых прибавлениях».

[2] 23 мая 1880 г. в «Московских ведомостях» сообщалось: «От московского генерал-губернатора. По случаю последовавшей 22 сего мая кончины государыни императрицы и наложения глубокого траура его императ<орскому> величеству благоугодно было повелеть, чтобы торжество открытия памятника Пушкину было на некоторое время отложено» (№ 141).

[3] Имеется в виду продолжение публикации «Братьев Карамазовых» в «Русском вестнике» (см. также письмо 854).

[4] См. письмо 858 и примеч. 4 к нему.

[5] А. Н. Сниткиной.

[6] Гостиница «Лоскутная» находилась в доме № 5 по Тверской ул. (ныне восточная сторона площади им. 50-летия Октября; здание не сохранилось); часовня Иверской божией матери — в Воскресенских (Иверских) воротах, на въезде с Тверской ул. на Красную площадь.

[7] Речь о Пушкине — см. письмо. 858.

[8] Имеются в виду книгопродавцы, торговавшие произведениями Достоевского (перечень его книг, имевшихся в продаже в 1880 г., см.: *ЛН*, т. 86, стр. 332).

[9] Е. П. Ивановой.

861. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 158)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 376—379.

[1] Сведения об этом проникли и в печать. Так, 26 мая 1880 г. в «Русских ведомостях» сообщалось: «Слышно, что открытие памятника Пушкину будет отсрочено до 19-го октября текущего года» (№ 135). На следующий день, однако, последовало опровержение: «...мы получили известие из источника вполне достоверного, что открытие памятника поэту <...> последует в начале июня» (*РВед*, 1880, 27 мая, № 136).

[2] Т. е. сведено на нет (от франц. escamoter — незаметно скрыть, подменить).

[3] Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», характер которого примитивен и многообразен в одно и то же время (что отмечалось А. С. Пушкиным: «...в нем 2, 3, 10 характеров», — *Пушкин*, т. XIII, стр. 138). Здесь сравнение с Репетиловым указывает на беспорядочность в изложении чужих мыслей и отсутствие собственной идейной позиции; в «Дневнике писателя» 1881 г. — на простодушное легковерие, приводящее к краху в погоне за собственной выгодой (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 34).

[4] См. примеч. 4 к письму 858.

[5] См. примеч. 1 и 4 к письму 849.

[6] М. Н. Катков и Н. А. Любимов жили поблизости друг от друга: Катков — в здании университетской типографии (ныне Пушкинская ул., д. 34), Любимов — в здании университета на Моховой ул.

[7] См. письмо 860 и примеч. 8 к нему.

[8] И. С. Аксаков был председателем правления Московского купеческого общества взаимного кредита.

[9] Ср. письма 854, 860.

[10] Это письмо А. М. Достоевского неизвестно. 15 мая 1880 г. Достоевская писала его сыну, А. А. Достоевскому: «Федор Михайлович едет в Москву на открытие памятника Пушкину и пробудет там дня четыре. Хочу воспользоваться его пребыванием там, чтоб вписать Федю в московское дворянство. Но не знаю, как приступить. Вот я и прошу многоуважаемого и доброго Андрея Михайловича описать мне в подробности, куда он обращался, записывая Вас в дворянство, то есть в какое присутственное место и с какою бумагою, и какие представлял документы...» (*ЛН*, т. 86, стр. 500).

[11] В письме, подписанном В. М. Лавровым и Н. П. Аксаковым, говорилось: «Милостивый государь Федор Михайлович! Обед, на который Вы выразили свое согласие, состоится завтра, 25 мая, в 5 час. пополудни. Около этого времени мы будем иметь честь заехать за Вами» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.1).

862. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 160)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 379—382.
Достоевская ответила 29 мая 1880 г. (*Д*, *Переписка с женой*, стр. 339).
Постскриптум, ошибочно помеченный Достоевским 25 мая и написанный, по всей вероятности, 26 мая, ранее публиковался вместе с письмом Достоевского к жене от 25 мая 1880 г. Однако сравнительный анализ содержания постскриптума и двух писем Достоевского к жене, датированных им самим 25 и 25—26 мая, позволяет отнести постскриптум к последнему письму и датировать его (как и самое письмо) 26 мая.
Приведем аргументы в подтверждение нашей датировки.
Письмо от 25 мая, как это следует из его содержания, Достоевский набросал в третьем часу дня, за два часа до обеда в ресторане «Эрмитаж», состоявшегося 25 мая. Получается, что в то же самое время был написан

и постскриптум, помеченный Достоевским «25 мая, 2 часа пополудни». Но постскриптум был написан на следующий день после письма, так как в нем упоминается о «вчера еще запечатанном конверте» с письмом, к которому и была сделана приписка.

1. Постскриптум был написан после обеда в ресторане «Эрмитаж», так как в нем вспоминается «вчерашний обед».

2. В постскриптуме Достоевский упоминает о своих московских адресах, которые он сообщил жене «во вчерашнем письме». Адреса были указаны в письме Достоевского от 25—26 мая.

3. Письмо от 25—26 мая писалось «во 2-м часу ночи», то есть фактически уже 26 мая, поэтому понятны оговорки Достоевского «вчера» и «сегодня» по отношению к прошедшему дню 25 мая.

[1] В ресторане гостиницы «Эрмитаж» (находившейся на углу Неглинной ул. и Петровского бульвара) неоднократно устраивались чествования виднейших деятелей культуры; там, например, состоялся 6 марта 1879 г. широко освещавшийся в печати обед в честь Тургенева перед отъездом его из Москвы.

[2] На следующий день в заметке «Русского курьера» сообщалось: «Вчера, 25 мая, почитатели таланта нашего знаменитого художника-психолога Ф. М. Достоевского, пользуясь приездом последнего в Москву, устроили в честь его обед в гостинице „Эрмитаж“. За обедом было произнесено несколько тостов, отличавшихся искренностью и задушевностью, вызванной симпатичной личностью художника-писателя. К сожалению, многих представителей московской *прессы* и *беллетристов* на обеде не присутствовало. Вероятно, это простое недоразумение со стороны распорядителей обеда» (*РК*, 1880, 26 мая, № 141).

[3] Текст этой телеграммы неизвестен. Можно предположить, что автором ее был Н. С. Тихонравов (1832—1893) — выдающийся русский литературовед, профессор (в 1877—1883 гг. ректор) Московского университета, выступивший с речью о Пушкине на торжественном акте в университете 6 июня 1880 г. Присутствовавший на акте П. А. Гайдебуров отмечал в своих «Литературно-житейских заметках»: «Когда на кафедру вошел ректор г-н Тихонравов, раздались громкие рукоплескания, не умолкавшие несколько минут. Почин их, как мне потом передавали, принадлежал молодежи, которая до безумия любит г-на Тихонравова»; далее упоминалось также о «беспредельном доверии, какое питают к нему студенты» («Неделя», 1880, 15 июня, № 24, стр. 773).

[4] Упоминая о приветствиях в свой адрес, Достоевский пользуется выражением из своей Пушкинской речи, где говорилось о «способности всемирной отзывчивости» Пушкина (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 145, 146).

[5] Содержание этой речи неизвестно. В воспоминаниях К. А. Тимирязева говорится о том, что «в памятные пушкинские дни» Достоевский закончил ту застольную речь, на которой присутствовал Тимирязев, упоминанием отзыва Николая I о Пушкине как об умнейшем человеке в России (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 457). Однако Тимирязев мог иметь в виду и другое выступление Достоевского в дни пушкинских торжеств: об одном из них — на обеде 7 июня — писатель упоминал в написанном в тот же день письме к жене (см. письмо 871 и примеч. 8 к нему).

[6] После объявления траура (см. примеч. 2 к письму 860) обсуждалась возможность открытия памятника Пушкину по сокращенной программе — «без какого бы то ни было торжества» (см.: *НВр*, 1880, 27 мая, № 1524).

[7] Ср. письмо 861.

[8] В соответствии с уставом Общества любителей российской словесности *действительными* его членами могли избираться «лица, известные своими трудами, входящими в круг занятий Общества»; *почетными* (более высокая ступень) — «лица, оказавшие особенные заслуги отечественной словесности или делавшие значительные пожертвования в пользу Обществу» (см.: Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1911,

отд. II, стр. 21). Сведений об избрании Достоевского действительным членом Общества нет; почетным же он был избран 8 июня 1880 г., после выступления с Пушкинской речью (см. там же, стр. 38, а также: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911, стр. 105). Ср. также письмо 872.

[9] Н. Ф. Золотарев, как и Достоевский, был депутатом Славянского благотворительного общества на пушкинских торжествах.

[10] Имеется в виду ожесточенная полемика, которую вела редактировавшаяся С. А. Юрьевым либеральная «Русская мысль» с реакционно-охранительными «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова. В связи с отказом французского правительства выдать российским властям участника покушения на Александра II народовольца Л. Н. Гартмана Катков выступил с обвинением в адрес либеральной интеллигенции, ослабляющей, по его мнению, своей оппозицией силу самодержавного государства и подрывающей его международный авторитет: «...не только французские радикалы, но и умы более серьезные начинают сомневаться в прочности нашего нынешнего положения, видя, как неясна и неопределенна наша правительственная программа <...> как нагло предъявляет свои требования вражеская крамола, с которою правительство борется — не борется, как примыкающая к правительству интеллигенция пасует перед этой крамолой, а законная печать с нею перемигивается <...> И вся эта гнусная комедия происходит в нашей жалкой, несчастной, фальшивой интеллигенции, объятой обманом и служащей притоном и орудием для вражеской крамолы, злоумышляющей против России, против русского народа...» (*МВед*, 1880, 20 марта, № 79). В следующем номере «Московских ведомостей» интеллигенция, «кричащая о себе как о здоровых силах, на которые должно-де опереться правительство в нынешних обстоятельствах», обвинялась в «дифирамбах персоне и оправданию Веры Засулич» и несочувствии известному ренегату революционного движения Л. А. Дьякову (Незлобину) (см.: *МВед*, 1880, 21 марта, № 80). На эти обвинения немедленно откликнулся С. А. Юрьев: «Оскорблял ли когда-нибудь кто-нибудь в русской печати русское общество так, как редактор „Московских ведомостей" <...>? Осмеливался ли кто-нибудь бросать в лицо всей русской интеллигенции, что она „орудие для вражеской крамолы, злоумышляющей против России, против русского народа..."? <...> Неужели все это пройдет даром и не будет обуздан этот оскорбительный для всего русского общества, наглый, сумасшедший крик распаленной инквизиционным жаром фантазии? Неужели может безвозбранно гулять и разноситься по России этот голос, всенародно объявляющий и русскую интеллигенцию, и русскую печать, и русское правительство орудиями врагов народа? <...> Неужели против всего этого не поднимет свой голос оскорбленное русское общество и не заглушит энергическим протестом и выражениями своего негодования этот сумасбродный набат, также разжигающий народные страсти?» (*РМ*, 1880, № 3, доп. страница). Продолжая свои нападки на либеральную интеллигенцию, Катков писал: «Нет ничего фальшивее толков о существовании в России партий консервативной и либеральной <...> К сожалению, есть несомненно две другие партии, которые имеют реальную основу и действительно проходят через все интеллигентные сферы в пределах Русской державы. Эти партии могут быть названы национальною и антинациональною, русскою и антирусскою» (*МВед*, 1880, 4 апреля, № 94). В. А. Гольцев, публицист «Русской мысли», в свою очередь заявил: «Кому выгоден разлад между властью и интеллигенциею как выразительницей народных желаний, народного самосознания? Не смешно ли, когда слышатся истерические вопли, призывающие власть бороться с интеллигенцией? <...> мы имеем в виду издателя „Московских ведомостей", который собственную потребность обойтись без интеллигенции хочет навязать государству» (*РМ*, 1880, № 4, отд. II, стр. 36). В этой обстановке пушкинские торжества приобретали совершенно определенный политический смысл, и Гольцев назвал Пушкина «одним из отцов русского либерализма» (см.: *РМ*, 1880, № 5, отд. II, стр. 27).

[11] На пушкинских торжествах М. И. Сухомлинов был депутатом от Петербургского университета, А. А. Гатцук — от своей «Газеты А. Гатцука», П. А. Висковатов — от Дерптского университета.

[12] Статья И. С. Аксакова «Пушкин» была напечатана не в «Русской мысли» С. А. Юрьева, а в «Русском архиве» (1880, № 2, стр. 467—484).

[13] Тургеневская речь по поводу открытия памятника Пушкину в Москве была отправлена им 13 мая 1880 г. М. М. Стасюлевичу для публикации в «Вестнике Европы» (напечатана в № 7 за 1880 г.) и 17 мая — С. А. Юрьеву (см.: *Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 253, 259).

863. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 164)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 382—384.

Достоевская ответила 30 мая 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 330—331).

[1] См. письмо 860.

[2] На пушкинских торжествах присутствовали все дети А. С. Пушкина: М. А. Гартунг, А. А. Пушкин, Г. А. Пушкин, Н. А. Меренберг. О них см.: В. М. Русаков. Рассказы о потомках Пушкина. Л., 1982, стр. 6—107.

[3] Подобную неловкость испытывал не один Достоевский. П. А. Гайдебуров, бывший на торжествах депутатом от редактировавшейся им газеты «Неделя» и также поселенный в «Лоскутной», вспоминал, вернувшись в Петербург, в «Литературно-житейских заметках»: «Немножно стеснительно, но в то же время (не стану притворяться) очень приятно и даже трогательно. Однако вот что уж очень неловко, и эту неловкость я чувствую до сих пор. Узнавши, что я — гость, которому ни за что не придется платить, я, естественно (как, вероятно, и все другие), старался довольствоваться самым необходимым ‹...› чтоб не вводить Думу в напрасные расходы ‹...› теперь на всех нас могут понаписывать черт знает какие счета; окажется, быть может, что мы и шампанское пили, и соловьиных языков требовали, и вообще жили на широкую ногу» («Неделя», 1880, 15 июня, № 24, стр. 769).

[4] О расчетах с книгопродавцами см. также письма 860 и 861.

[5] Д. В. Григорович был делегатом от Литературного фонда.

[6] Об общественно-политической атмосфере пушкинских торжеств и, в частности, развернувшейся в это время борьбе между либеральной, консервативной и славянофильской группировками см.: наст. изд., т. XXVI, стр. 441—442; И. Волгин. Завещание Достоевского. — *ВЛ*, 1980, № 6, стр. 154—164.

[7] См. письмо 854.

[8] В 1880 г. в «Русском вестнике» печатался роман Б. М. Маркевича «Перелом». После очередной публикации в июньском номере следующие главы романа появились только в сентябрьском.

[9] В письме от 30 мая 1880 г. Достоевская, действительно не ответившая на первые два письма мужа (письма 860 и 861), оправдывалась: «...ведь я была убеждена, что ты пробудешь лишь день или два в Москве и тотчас вернешься назад» (стр. 330).

[10] Позднее, 30 декабря 1880 г., В. М. Лавров писал Достоевскому, благодаря его за присланный экземпляр «Братьев Карамазовых»: «Эта книга с Вашей надписью будет служить мне, во всю мою жизнь, напоминанием о тех немногих отрадных моментах, которые я имел счастие провести в живом общении как человек с человеком, с тем, кто по своему великому художественному таланту и еще более по своей способности понимать и делать понятным другим сокровеннейшие движения человеческой души казался мне в своих произведениях титаном, которому можно только удивляться, созерцать его величие, пред которым можно только благоговеть как перед творцом, созидающим вновь человека как бы из первобытного

хаоса, из пошлости и грязи ненормальных жизненных условий вновь возвращающим ему образ и душу человека, страдающим вместе с ним в его падении и торжествующим вместе с ним победу над эгоистическими, животными стремлениями» (*ЛН*, т. 86, стр. 524).

[11] «Зная отрицательное отношение Л<ьва> Н<иколаеви>ча ко всякого рода торжествам и юбилеям, — пишет биограф Толстого, — Комитет по устройству празднеств порешил обставить как-нибудь особенно приглашение его на открытие памятника Пушкину. И было предложено Тургеневу лично пригласить Льва Николаевича. Тургенев согласился, будучи убежден, что миссия его увенчается успехом <...> но Л<ев> Н<иколаевич> наотрез отказался участвовать в торжестве... Тургенева этот отказ так поразил, что когда после пушкинского праздника Ф. М. Достоевский собирался приехать из Москвы к Л<ьву> Н<иколаеви>чу и стал советоваться об этом с Тургеневым, тот изобразил настроение Л<ьва> Н<иколаеви>ча в таких красках, что Достоевский испугался и отложил исполнение своей заветной мечты» (П. И. Бирюков. Биография Толстого. Берлин, 1905, т. 2, стр. 397—398). В конце 1870-х—начале 1880-х гг. Л. Н. Толстой переживал глубокий идейный перелом, приведший его к созданию нравственно-религиозного учения. 4 мая он писал Н. Н. Страхову: «С Тургеневым много было разговоров интересных. До сих пор, простите за самонадеянность, все слава богу случается со мною так: „Что это Толстой какими-то глупостями занимается. Надо ему сказать и показать, чтобы он этих глупостей не делал“. И всякий раз случается так, что советчикам станет стыдно и страшно за себя. Так, мне кажется, было с Тургеневым» (*Толстой*, т. 63, стр. 16). Значительно позднее, в 1908 г., Толстой так писал о причинах своего отказа прибыть на пушкинский праздник: «...тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и, не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям» (там же, т. 78, стр. 105).

[12] Имеется в виду вызвавший возмущение Достоевского вымышленный эпизод с «каймой» в опубликованных воспоминаниях П. В. Анненкова (см. примеч. 5 к письму 857).

[13] Имеются в виду профессор С. И. Шпилевский — делегат от Казанского университета и Казанского общества археологии, истории и этнографии и профессор М. А. Колосов — делегат от Варшавского университета.

[14] И. И. Румянцеву.

864. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 167)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 384—386.

Ответ на письмо Достоевской от 24 мая 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 318).

Достоевская ответила 31 мая 1880 г. (там же, стр. 334).

[1] В записке Достоевской от 24 мая 1880 г., в частности, говорилось: «...ждем тебя обратно, так как открытие памятника отложено».

[2] Обращение в записке Достоевской.

[3] См. письма 860—863.

[4] См. письма 861, 863.

[5] См. примеч. 8 к письму 863.

[6] Имеется в виду знакомство Достоевского с цесаревной Марией Федоровной — женой наследника престола Александра Александровича (будущего царя Александра III). 4 мая 1880 г. великий князь Константин Константинович писал Достоевскому: «...в прошлое воскресенье на концерте в пользу Георгиевской общины Ваше чтение особенно понравилось государыне цесаревне, и ей захотелось поближе с Вами познакомиться.

Она будет у меня в четверг 8 мая; если Вы не откажетесь прочесть что-нибудь из Ваших сочинений, разумеется по собственному Вашему выбору, мы будем Вам крайне благодарны» (*ЛН*, т. 15, стр. 162). Письмо Е. Н. Гейден Достоевскому от 21 апреля 1880 г. и объявление в «Голосе» позволяют уточнить дату этого концерта. 21 апреля Гейден, бывшая основательницей и председательницей Общины сестер милосердия св. Георгия, извещала Достоевского, что «музыкально-литературный вечер в пользу больницы Общины», на котором она просила выступить писателя, переносится с 22 на 29 апреля из-за болезни певицы Лавровской (см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.2.73); 29 апреля в «Голосе» сообщалось: «Нас просят заявить, что концерт в пользу Общины св. Георгия, в зале графини Менгден (на Дворцовой набережной, дом № 34), состоится во вторник, 29 апреля, в 8 часов вечера» (*Г*, 1880, 29 апреля, № 118). В воскресенье же, 27 апреля, Достоевский выступал на вечере в пользу Славянского благотворительного общества в зале Благородного собрания (см. примеч. 2 к письму 848).

Мария Федоровна, являвшаяся официальной покровительницей Георгиевской общины, пожелала, как сообщает Л. Ф. Достоевская, после концерта у Менгден поговорить с Достоевским, но он не был представлен ей, и беседа не состоялась (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 306—307). В дневниковой записи Константина Константиновича от 8 мая 1880 г. отмечается: «Устроил у себя вечер с Федором Михайловичем Достоевским. Цесаревна слышала его чтение на каком-то благотворительном концерте, осталась в восторге и пожелала познакомиться с Ф‹едором› М‹ихайловичем›. Я предложил ей вечер ‹...› попросил Федора Михайловича привезти книги и прочесть что-нибудь из своих произведений ‹...› Ф‹едор› М‹ихайлович› читал из „Карамазовых“. Цесаревна всем разлила чай; слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф‹едора› М‹ихайловича› прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочел „Мальчика у Христа на елке“ ‹...› У цесаревны глаза ‹...› подернулись влагой» (*ЛН*, т. 86, стр. 137).

[7] См. письмо 862.

[8] См. письмо 861.

[9] В письмах от 29 и 30 мая 1880 г. Достоевская сообщала, что ее мать, А. Н. Сниткина, вернулась в Старую Руссу 28 мая и собирается уехать 5 июня к сыну Ивану (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 330, 331). Ср. также письмо 867.

[10] См. письмо 863 и примеч. 11 к нему.

[11] Т. е. в «Большом московском трактире» на Воскресенской площади (ныне пл. Революции), открывшемся в апреле 1880 г.

[12] См. письмо 863.

865. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 169)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 386—388.

[1] Речь идет о воспринятой и развитой почвенниками идее самобытного, отличного от западноевропейского пути исторического развития России и ее всечеловеческом назначении. Об отражении славянофильских и почвеннических идей в публицистике и художественном творчестве Достоевского см.: В. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966, стр. 9—30, 73—90, 159—209; У. А. Гуральник. Достоевский, славянофилы и «почвенничество». — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972, стр. 427—461; А. Л. Осповат. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев). — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 144—150; В. П. Попов. Учение ранних славянофилов и творчество Ф. М. Достоевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

[2] В данном случае речь идет о давнем споре между западниками и славянофилами о народности, «народной правде», путях сближения интеллигенции с народом. Полемика Достоевского с западниками по этим вопросам получила широкое отражение в «Дневнике писателя» за 1876, 1877 и 1880 гг. См. также письмо 863, примеч. 6.

[3] См. письмо 864.

[4] Этот замысел был осуществлен уже после смерти Достоевского (см.: Русским детям. Из сочинений Ф. М. Достоевского. Издано под ред. О. Ф. Миллера. СПб., 1883; Литературная детская библиотека (Всемирная хрестоматия). Том VIII. Ф. М. Достоевский и его сочинения. М., 1883 и ряд позднейших изданий).

[5] Так стали называть С. В. Аверкиеву в кругу Е. А. Штакеншнейдер после состоявшегося в ее доме зимой 1880 г. любительского спектакля по пушкинскому «Каменному гостю», где Аверкиева играла Дону Анну (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 354; *Материалы и исследования*, т. V, стр. 267).

[6] В записях Е. А. Штакеншнейдер упоминается о частых спорах Аверкиевых с Достоевским в ее салоне осенью 1880 г.: «...у Аверкиевых в спорах всегда проявлялись ‹...› узкость и субъективность. Им точно кажется, что существует только то, что они видят, а то, что видят другие, не существует, потому что они того не видят. Это, может быть, недостаток образованности или воспитания» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 430—431). С. В. Аверкиевой ею давалась такая характеристика: «Аверкиева ‹...› иногда бестактна, шумлива, резка и для многих просто несносна и смешна, но она прекрасная женщина...» (там же, стр. 428).

[7] Анатолий Львович Пушкин.

[8] Ср. письмо 853, примеч. 4.

[9] См. письмо 864.

[10] В письме А. Н. Майкова к жене от 19 июня 1880 г. говорится о чувстве отчуждения, которое он испытывал по отношению к большинству своих современников-литераторов и которое, по-видимому, заставляло его колебаться относительно собственного участия в пушкинских торжествах: «...годы взяли свое, годы — то есть не старость, а годы, долгие годы, с Крымской войны, годы ругательств, оскорблений, умолчаний о моем существовании ‹...› Гонение многих этих годов не заставило меня петь под общую дудку, я не покорился и понимаю, что заслужил казнь и терплю ее. Уст своих не замарал бранью или каким бы то ни было ответом. И во всем этом совесть моя спокойна. Но во мне развилось чувство *отчуждения*. Когда нахожусь в обществе литераторов, инстинктивно чувствую, что нахожусь между врагами, готовыми подхватить каждое мое слово, чтобы печатно извратить его, как это делали Курочкин, Минаев и тысячи безымянных писак. Развилась робость. К этому болезнь печени и расстройство нервов, бессонница и пр. Я давно ушел из этого мира. Ничто меня не зовет писать, не поощряет...» (*ЛН*, т. 86, стр. 508).

[11] В «Современных известиях» отмечалось: «Нам сообщают, что ко дню праздника в домах, примыкающих к месту Пушкинского памятника, снимаются окна с платою от 25 до 50 рублей. Это показывает меру желания быть свидетелями торжества и вероятную многочисленность зрителей» (*СИ*, 1880, 22 мая, № 139).

[12] По первоначальному проекту празднования предполагались два «торжественных спектакля в императорских театрах» — 26 и 27 мая (см.: *СИ*, 1880, 19 мая, № 136).

[13] Т. е. пятую сцену «Бориса Годунова» — «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

[14] Имеются в виду стихотворения «На смерть Пушкина» Э. И. Губера, «Смерть Поэта» М. Ю. Лермонтова и «29 января 1837 г.» Ф. И. Тютчева.

[15] Ср. также письма 860, 861, 863.

[16] См. письмо 868 и примеч. 19 к нему.

866. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 171)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 383—390.
Достоевская ответила 3 июня 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 330).

[1] Об отношении Достоевского к П. А. Висковатову см. примеч. 17 к письму 317 (наст. изд., т. XXVIII₂, стр. 449).

[2] О встречах Достоевского с А. Н. Энгельгардт в Москве во время Пушкинских празднеств упоминает также Е. А. Штакеншнейдер в дневниковой записи от 12 ноября 1880 г. (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 309—310).

[3] Л. И. Поливанов с 1879 по 1880 г. был временным секретарем Общества любителей российской словесности и председателем комиссии, учрежденной для открытия памятника Пушкину. Квартира Поливанова находилась в здании его частной мужской классической гимназии (на углу Пречистенки и Остоженки).

[4] Речь идет о Л. М. Лопатине, который «был пристроен <...> к Достоевскому для бесед с ним и для забот о всем нужном для него» (А. М. Слива́цкий. Лев Иванович Поливанов по личным моим воспоминаниям и по его письмам. — В кн.: Памяти Л. И. Поливанова (к 10-летию его кончины). М., 1909, стр. 90). См. также письмо 867.

[5] Пушкинская выставка открылась 5 июня 1880 г. в боковой зале Благородного собрания (обзор ее экспонатов см.: Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 323—328; Альбом пушкинской выставки. М., 1882; 2-е изд. М., 1887).

[6] Трактир И. Я. Тестова находился на Воскресенской площади (ныне пл. Революции).

[7] Имеется в виду Речь о Пушкине.

[8] Ср. письма 860—861.

[9] См. письма 862—864.

[10] Имеется в виду та часть публики, которая, по мнению Достоевского, готовилась во что бы то ни стало шумно приветствовать выступления лидеров либеральной группировки (ср. письмо 871).

[11] Пушкинские торжества были впоследствии отсрочены еще на два дня (см. письмо 868).

[12] Ср. письма 863 и 865.

[13] Имеются в виду дети дочери В. М. Карепиной — Марии Петровны Смирновой (рожд. Карепиной) (см.: *Волоцкой*, стр. 172).

[14] См. письма 862, 863.

[15] Т. е. партия либералов-западников (см. письмо 865).

867. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 173)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 390—391.
Ответ на письмо Достоевской от 29 мая 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 330).

[1] См. примеч. 9 к письму 864.

[2] 29 мая 1880 г. Достоевская, собиравшая автографы знаменитых людей, напоминала мужу: «Не забудь попросить у Ивана Серг<еевича> Аксакова автографы Гоголя, да и вообще у кого-либо». И. С. Аксаков исполнил свое обещание позднее, выслав 3 сентября 1880 г. (в письме Достоевскому) автограф письма Гоголя К. С. Аксакову из Рима, датируемого мартом 1841 г. (см.: *Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 358).

[3] Возможно, это был Николай Васильевич Бугаев (1837—1903) — профессор-математик, секретарь Московского математического общества, бывший депутатом Общества на пушкинских торжествах. Андрей Белый, сын

профессора, вспоминал, что тот «смолоду» входил в «круг литераторов и общественных деятелей эпохи семидесятых годов»: «...одно время отец — непременный член всяческих собраний и начинаний; он волнуется организацией „Русской мысли" как личным делом, он спорит с С. А. Юрьевым; он бывает и в леволиберальных и в славянофильских кругах <...> его темперамент не знает предела <...> он писал книги, статьи (после смерти я нашел статью его об «Отцах и детях» Тургенева) <...> Широта в нем пересекалась с глубиной, живость темперамента с углубленностью; потрясающая рассеянность с зоркостью» (см.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М.—Л., 1930, стр. 27—29). Внешность его описывается так: «Невысокого роста, сутулый, плотный и коренастый <...> отец становился изящным, легким, грациозным, едва усаживался за зеленый стол: заседать...» (там же, стр. 65).

[4] См. письмо 866 и примеч. 4 к нему.

[5] Либеральная группировка была озабочена тем, чтобы не допустить на устраивавшемся по инициативе общественности пушкинском празднике выступлений в реакционном, ретроградном духе. Так, И. С. Тургенев писал В. П. Гаевскому 24 апреля 1880 г.: «Спичи <...> будут произноситься только теми лицами, имена которых будут находиться на списке, составленном Комитетом (по сооружению памятника Пушкину. — *Ред.*), чем устраняется всякий *нехороший элемент* <...> мы можем быть уверены, что никакие дисгармонии à la Катков не придут мешать нам...» (*Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 238). Разрабатывался, по-видимому, и план действий на тот случай, если такого рода нежелательные выступления (прежде всего Каткова) все-таки состоятся. См. также письмо 870 и примеч. 8 к нему.

[6] См. письмо 863.

[7] Ср. письма 862, 866.

[8] М. К. Иванова.

[9] Ср. письмо 866.

[10] Важнейшая мысль речи И. С. Аксакова состояла в том, что в творчестве Пушкина с небывалой полнотой нашла отражение «правда русской народности» (см.: *РА*, 1880, № 2, стр. 472). Аксаков утверждал: «Это был первый истинный, великий поэт на Руси, и первый истинно русский поэт, а по тому самому и народный, в высшем значении этого слова» (там же, стр. 483). Он отмечал в пушкинском творчестве «русское народное отвращение от всякого фразерства, от всего напыщенного, ходульного», относил к «русским психологическим чертам» у Пушкина «чувство реальной жизненной правды», «присутствие иронии в уме»; даже «объективность Пушкина», «способность постигать предмет в нем самом, как он действительно есть, и воспроизводить его в собственной правде», по мнению Аксакова, «воспитывается <...> в русском народе самым общинным и хоровым строем его жизни» (см. там же, стр. 476, 477, 480). Эти оценки несомненно близки суждениям Достоевского о Пушкине как «великом народном писателе» и его утверждению, что «ни один русский писатель <...> не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 143, 144). Но для Достоевского, кроме того, очень важна была мысль о Пушкине и как о «пророческом» «явлении русского духа» (там же, стр. 136), о «народности» его поэзии как «народности нашего будущего», о том, что в пушкинском творчестве проявилась «всемирность стремления русского духа» (там же, стр. 147, 148).

[11] См. письмо 865.

[12] О взаимоотношениях Достоевского и Анненкова см. письмо 857, примеч. 5. О восприятии Анненковым Речи Достоевского см. письма 872.

[13] Имеется в виду Орест Федорович Миллер; о нежной привязанности его к Екатерине Николаевне Миллер, жене его дяди И. П. Миллера, в чьей семье он воспитывался, знали многие. Его биограф Б. Б. Глинский, в частности, рассказывает: «Орест Федорович был для нее (Е. Н. Миллер. — *Ред.*) нежным любящим племянником и заботливой нянькой-сиделкой во время ее болезней и старческой немощи, явившейся впоследствии,

с годами. Окончив лекции в учебных заведениях или заседания в разных обществах, он спешил скорее домой к Екатерине Николаевне, зная, как дорого и необходимо ей его присутствие. Он отказывал себе в театре, который горячо любил, в путешествиях и иных развлечениях, связанных с удалением из дома, боясь, чтобы в его отсутствие чего не случилось с тетушкой, чтобы она не почувствовала тоски и огорчения <...> Орест Федорович <...> находил в себе достаточно бодрости и любви, чтобы устранять от „матушки“ все злое и неприятное. Вот поэтому-то он и боялся отлучаться надолго из дома» (Б. Б. Глинский. Орест Федорович Миллер. Биографический очерк. СПб., 1890, стр. 136). О. Ф. Миллер принял участие в пушкинских торжествах в Петербурге 6 июня 1880 г.: он выступил с речью на «литературном утре», посвященном памяти Пушкина (см.: Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 69, 278—282). Оценка Пушкинской речи Достоевского дана в статье О. Ф. Миллера «Пушкинский вопрос» (*РМ*, 1880, № 12).

868. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 175)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 391—394.

Ответ на письма Достоевской от 30 и 31 мая 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 330—331 и 334).

[1] Имеются в виду каракули Феди и Любы Достоевских, «переведенные» Достоевской, в конце письма от 30 мая (стр. 331).

[2] Достоевская передавала мужу сетования детей на то, что «кончились гостинцы» (стр. 331, 334).

[3] 31 мая Достоевская писала: «...я замечаю из твоих писем явную ко мне холодность» (стр. 334).

[4] 30—31 мая в газетах извещалось, что открытие памятника Пушкину назначено на 4 июня (см., например: «Молва», 1880, 30 мая, № 148; *СИ*, 1880, 31 мая, № 148), 2 июня было сообщено о новой отсрочке (см., например: *МВед*, 1880, 2 июня, № 151; «Молва», 1880, 2 июня, № 151), а 3 июня опубликовано объявление «от московского генерал-губернатора» о том, что «открытие памятника Пушкину <...> последует 6 сего июня» (*МВед*, 1880, 3 июня, № 152). Отсрочку объясняли «тем обстоятельством, что принц Ольденбургский <...> не может прибыть в Москву к 4 июня» («Берег», 1880, 4 июня, № 72).

[5] См. письма 862, 865, 866, 867.

[6] Т. е. 4 июня.

[7] Речь идет, по-видимому, о собрании вечером 31 мая 1880 г. на квартире управляющего Московской удельной конторой И. И. Маслова на Пречистенском бульваре, где обычно останавливался Тургенев во время своих приездов в Москву (ср.: *Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 264).

[8] См. письмо 865.

[9] Благородное собрание находилось на Большой Дмитровке (ныне Дом Союзов — Пушкинская ул., д. 1/6).

[10] См. письмо 866, примеч. 4.

[11] В московской корреспонденции газеты «Берег» от 2 июня сообщалось: «Открытие памятника Пушкину назначено 6 июня; накануне этого дня в одной из зал Благородного собрания И. С. Аксаков, Я. К. Грот, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, И. С. Тургенев и другие будут читать воспитанникам и воспитанницам учебных заведений то, что будет читано в публичном заседании Общества любителей российской словесности» («Берег», 1880, 3 июня, № 71). См. также письмо 869 и примеч. 17 к нему.

[12] А. Н. Энгельгардт. См. письмо 866, примеч. 2.

[13] См. письма 863, примеч. 8 и 864.

[14] М. Н. Катков был действительным членом Общества любителей российской словесности с 1858 г. (см.: Общество любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911, отд. II, стр. 44).

[15] Отношения между Тургеневым и Катковым стали особенно враждебными после публикации в «Московских ведомостях» в конце 1879—начале 1880 г. статей, направленных против Тургенева, где тот обвинялся в сочувствии русским революционерам (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XV, стр. 184—185, 387—389).

[16] 3 июня 1880 г. в «Московских ведомостях» появилась заметка: «Редакция „Московских ведомостей" получила, чрез председателя Общества любителей российской словесности г-на Юрьева, следующее предостережение: „В редакцию «Московских ведомостей». Комиссия Общества любителей российской словесности удержала одно место для депутата от «Русского вестника». По ошибке послано мною приглашение и в редакцию «Московских ведомостей», — приглашение, не согласное с словесным решением (?) комиссии. Председатель Общества любителей российской словесности Сергей Юрьев. 1 июня 1880". Нам остается присовокупить, что редакция „Русского вестника" возвратила свой билет за ненадобностью» (*МВед*, 1880, 3 июня, № 152). Отказ комиссии «Общества любителей российской словесности» пригласить на Пушкинские торжества редактора «Московских ведомостей» корреспондент «Нового времени» мотивирует следующим образом: «„Русский вестник" представляет собою серьезное издание, в котором участвуют такие лица, как граф Л. Толстой и Ф. М. Достоевский; газета же г. Каткова всегда обзывала своих противников по убеждениям „мошенниками печати", а в последнее время донельзя презрительно стала относиться к интеллигенции вообще. Находя, таким образом, что г. Катков, как редактор „Московских ведомостей", выделил себя из интеллигенции и отказался от всех лучших ее стремлений, Общество словесности нашло основательным выделить и его из того празднества, устроить которое пытается именно эта интеллигенция, именно та громадная „партия" литературных и общественных сил, которой г. Катков дал прозвище „мошенников пера и разбойников печати"» (*НВр*, 1880, 6 июня, № 1534). См. также примеч. 12 к письму 862.

[17] Имеется в виду постановка оперы французского композитора Виктора Массе «Поль и Виргиния» (1876); русское либретто Г. А. Лишина. В подробной рецензии на премьеру оперы в театре сада «Эрмитаж» М. А. Дмитриев писал: «Бесконечно длинная, мало мелодичная, с таким мрачным сюжетом, она как-то вовсе не под стать обычным у нас летним увеселениям <...> Имея в виду огромный успех этой оперы в Париже, мы — кто знает? — может быть, охотно слушали бы ее и летом, если бы у нас ее исполняли те же певцы, что и в Париже <...> Исполнена опера вообще очень старательно <...> Но все это оказалось бессильным заставить нас летом слушать ее. Тут старательного исполнения недостаточно: надо блестящее <...> „Поль и Вирживи" принадлежит к *новейшим* французским операм, безусловно требующим от исполнителей необыкновенно тонкой, детальной отделки, заправского, а не „оперного" актерства. Русские певцы, не все конечно, плохо отвечают на эти требования <...> Обстановка оперы богатая; костюмы тоже богатые, но совсем без вкуса <...> Декорации прекрасные, и особенно „лунная ночь" г-на Вальце, весьма остроумно воспользовавшегося фонарем Яблочкова для изображения луны...» (Аде. Театр и музыка. Сад «Эрмитаж». Первое представление оперы Массе «Поль и Вирживи». — *СИ*, 1880, 25 мая, № 142).

[18] Речь идет о письме Достоевской к мужу от 31 мая 1881 г.

[19] Встреча Достоевского с епископами Алексеем (А. Ф. Лавровым-Платоновым) и Николаем (И. Д. Касаткиным) состоялась на Саввином подворье (Тверская ул., д. 26), где жил Алексей и остановился Николай. Приезд в Москву главы православной миссии в Японии вызвал немалый интерес: в газетах рассказывалось о его деятельности. Так, в «Новостях», в частности, сообщалось: «Преосвященный Николай, епископ ревельский и начальник японской православной миссии, как известно, находится

в настоящее время в Москве. Проживая на Саввинском подворье, он участвует в различных московских духовных торжествах, а также, по приглашению, служит литургии в различных храмах. За простоту, любезность и обходительность москвичи полюбили его ‹...› В домашних беседах преосвященный Николай говорит о положении православной церкви в Японии, и рассказы его настолько увлекательны, что слушатели без утомления внимают им по нескольку часов сряду» («Новости», 1880, 2 июня, № 144). Ср. также письмо 865.

[20] А. Н. Сниткиной.

[21] По-видимому, ответ на шутливое предупреждение в письме Достоевской от 31 мая: «...прошу тебя не очень кутить, а главное, не заглядываться на хорошеньких барынь, чего я совсем недолюбливаю» (стр. 334).

[22] В письмах от 30 и 31 мая Достоевская повторяла свою просьбу «вписать Федю в дворянство», «съездить и узнать про дворянство» (см. стр. 331, 334). См. также письмо 861 и примеч. 10 к нему.

[23] В письме от 30 мая Достоевская, имея в виду свою коллекцию автографов (ср. примеч. 2 к письму 867), просила мужа: «Не съездишь ли ты к старичку Муравьеву-Апостолу, Матвею Ивановичу, он всегда был таким твоим почитателем. Мог бы ты попросить у него письмо Муравьева (т. е. известного деятеля декабристского движения Н. М. Муравьева. — *Ред.*)» (стр. 331).

869. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 177)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.3.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 394—395.

Ответ на письмо Достоевской от 1 июня 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 336).

[1] «Дорогой мой Федичка...» — так начиналось письмо Достоевской от 1 июня 1880 г.

[2] С 29 мая по 1 июня Достоевская писала мужу ежедневно (см. примеч. к письмам 862, 863, 864).

[3] Ср. письма 862, 865, 866, 868.

[4] Имеется в виду Ф. Г. Соловьев — депутат от Московского совета присяжных поверенных на пушкинских торжествах.

[5] См. примеч. 16 к письму 868.

[6] Ср. письма 865 и 868.

[7] См. письмо 865 и примеч. 2 к нему.

[8] См. письмо 865 и примеч. 13 к нему.

[9] В опубликованной программе литературно-музыкального вечера 8 июня объявлялось, что Достоевский прочтет два стихотворения из цикла «Песни западных славян» — «Битва у Зеницы Великой» и «Песня о Георгии Черном» (см.: *СП*, 1880, 8 июня, № 156).

[10] Имеется в виду «Сказка о медведихе». См. примеч. 3 к письму 897.

[11] Гостиница «Славянский базар» находилась на Никольской улице (ныне ул. им. 25 Октября, д. 17).

[12] Т. е. «в опале» (от нем. verbannen — изгонять).

[13] А. С. Суворин неоднократно выступал в «Новом времени» против С. А. Юрьева — редактора начавшей издаваться в 1880 г. «Русской мысли». Так, о направлении нового журнала в суворинском фельетоне говорилось: «Немножко западник, немножко славянофил, и очень много сам не знает кто», — а затем, после цитации нескольких фраз из программной редакторской статьи 1-го номера, сопровожденных ироническим комментарием, следовал еще более резкий вывод: «...ничего ‹...› кроме трусости, шатанья и прописной морали» (Незнакомец. Недельные очерки и картинки. — *НВр*, 1880, 3 февраля, № 1413). Эта характеристика подтверждалась и уточнялась в отзыве на 2-й номер «Русской мысли»: «Славянофильские воззрения ‹...› встретились в „Рус‹ской› мысли“ с воззрениями западническими и произвели некоторый сумбур в почтенной редакции, предво-

димой г-ном Юрьевым. Для примирения этих воззрений необходимы сильные умы и сильные таланты, а не краснобаи, сегодня проповедующие в славянофильском кружке, завтра в западническом, и там и здесь встречающие одинаковый привет и одинаковое одобрение за горячность чувства и красоту его» (Г-н Кошелев об общине. — *НВр*, 1880, 4 марта, № 1442). Выступил Суворин против Юрьева и после того, как в «Русской мысли» появилось обращение к русскому обществу с резким осуждением Каткова (см. примеч. 10 к письму 862): «Всякий имеет полное право на выражение своих мыслей — это должно быть основанием всякой литературной полемики», — напоминал Суворин, отмечая также, что в выступлении «Русской мысли» нет «ничего, кроме трескучих, бесцельных фраз, с особенным указанием на то, что „Москов‹ские› вед‹омости›“ против правительства» (Незнакомец. Недельные очерки и картинки. — *НВр*, 1880, 13 апреля, № 1482; ср. также: Наброски и мелочи. — *НВр*, 1880, 15 апреля, № 1484). Отнюдь не солидаризируясь с «Московскими ведомостями», Суворин, понимавший, что за катковской газетой стоят реакционно настроенные правительственные круги, писал о Каткове (в статье, озаглавленной: «М. Н. Катков — первый министр») как о реальной силе, с которой пока вынуждено считаться общество и которой можно противопоставить лишь «здоровую и прочную силу общественную»: «Журналист является такою силою, о которой говорят и которой приписывают гораздо больше того, чего она стоит, хотя это сила законная, потому что это — сила таланта. Ненавидьте его, презирайте, бойтесь, ругайтесь — сила все-таки остается в выигрыше перед бессилием самым милым, самым почтенным. Таков закон судеб. Будьте другою, лучшею силою...» (*НВр*, 1880, 27 апреля, № 1494).

[14] Т. е. В. М. Карениной.

[15] А. С. Суворин и В. П. Буренин были депутатами «Нового времени» на пушкинских торжествах.

[16] Н. А. Чаев был хранителем Оружейной палаты.

[17] В газетах позднее было сообщено, что «главная репетиция литературно-музыкального пушкинского вечера для воспитанников и воспитанниц учебных заведений», назначенная на 5 июня, отменена попечителем учебного округа как «ненужная» (см.: *РК*, 1880, 5 июня, № 151; *СИ*, 1880, 6 июня, № 154). См. также письмо 868 и примеч. 11 к нему).

[18] См. письмо 865 и примеч. 10 к нему.

[19] Пушкинскую речь.

[20] Достоевская заканчивала свое письмо от 1 июня так: «...остаюсь любящая тебя очень, очень, очень, очень, очень Аня, то есть более, чем ты меня, в 1000 раз».

[21] Достоевская писала: «Ты мне снишься в очень соблазнительном виде, и я утром думаю о том, как бы ты поскорее приехал».

[22] См. примеч. 3 к письму 868.

870. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 179)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 395—397.

Ответ на письмо Достоевской от 3 июня 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 339).

[1] Достоевская просила мужа в письме от 3 июня 1880 г.: «А письма ты должен о празднике писать подлиннее ‹...› а то подумай, я ничего о нем не узнаю, а ты так пишешь, как никто».

[2] См. письмо 869.

[3] Это недоразумение получило огласку в газетах. Так, в «Молве» П. Ф. Василевский писал: «Вечером 4 июня почти все депутаты, точно сговорясь, собрались в „Эрмитаже“, лучшем общественно-увеселительном саду Москвы ‹...› К концу вечера вдруг разнесся слух, что пушкинские

празднества вновь отменены. Можете себе представить влияние его на приехавших. Оказалось, однако, что это была простая шутка, пущенная в ход одним известным застольным бардом и экспромтным куплетистом. Шутка немедленно получила окраску „самого достоверного известия“ и смутила очень многих» (Буква ‹И. Василевский.› Мимоходом. Пушкинская неделя в Москве. — «Молва», 1880, 7 июня, № 156). Известие это было воспринято многими как достоверное прежде всего потому, что после письма Юрьева Каткову (см. примеч. 16 к письму 868) ожидалось, что реакционеры попытаются перейти в наступление и воспрепятствовать торжеству либералов любой ценой — вплоть до отмены политически неблагонадежного празднества. Как донос прозвучала корреспонденция из Москвы от 31 мая в официозной газете «Берег»: «Нельзя пройти молчанием, что будто некоторые кружки хотели придать пушкинскому празднику характер „дела либеральной интеллигенции“, пытались устранить от участия, по крайней мере от распорядительной роли в нем, все, что сомнительно относится к этой интеллигенции. Говорят, подготовлялись какие-то речи. Все разностороннее и фальшивое или не посмеет поднять голос, или если и поднимет, то будет заглушено шумом неподдельного ликования» («Берег», 1880, 2 июня, № 70). Письмо Юрьева Каткову, где редактор «Московских ведомостей» в сущности признавался нежелательным на пушкинском празднике лицом, было, разумеется, подано «Берегом» как подтверждение уже высказанных опасений (см. там же, 4, 5, 7 июня, № 72, 73, 75). В корреспонденции В. О. Михневича сообщалось: «Вчера (т. е. 4 июня. — *Ред.*) разнесся вдруг среди депутатов тревожный слух о том, будто бы вновь последовала отсрочка открытия памятника ‹...› Объясняется же он возникшей жестокой распрей между г-ном Катковым и Обществом любителей российской словесности или, точнее сказать, его председателем г-ном Юрьевым» («Новости», 1880, 5 июня, № 149).

[4] См. письмо 865 и примеч. 13 к нему.

[5] Согласно опубликованной программе первого пушкинского «литературно-музыкального и драматического вечера» Достоевский должен был читать монолог Пимена из «Бориса Годунова» после исполнения увертюры к опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила» и сцены из «Скупого рыцаря», которую предстояло играть И. В. Самарину (см.: *СИ*, 1880, 6 июня, № 154).

[6] См. письмо 869, а также письма 862, 865, 866, 868. Некоторое раздражение, с которым Достоевский писал в предшествующих письмах о необходимой для депутатов покупке венков, требовавшей затрат времени и денег (эти места были позднее тщательно вымараны Достоевской), поясняется в известной степени замечанием Н. И. Пастухова, сделанным в рассказе о церемонии открытия памятника 6 июня: «Некоторые из тех венков, купленные в городской думе, сделанные вместо лавров из брусники, продаваемые по 7 руб., в большинстве осыпались. Венки эти были приготовлены в продажу, как говорили нам, думским садовником Демюром и стоили 1 р. 50 коп., а таких венков было продано до 500» (Старый знакомый. Пушкинский праздник. — *СИ*, 1880, 7 июня, № 155).

[7] См. письмо 866.

[8] М. М. Ковалевский писал в своих воспоминаниях, что многих петербургских литераторов, приглашенных на обед, дававшийся Московской городской думой 6 июня, «смущало то обстоятельство, что им волей-неволей придется встретиться на обеде с лицом, с которым давным-давно прерваны всякие связи, то есть с Катковым» (М. Ковалевский. Воспоминания об И. С. Тургеневе. — *МГ*, 1908, № 8, стр. 12). В «Литературно-житейских заметках» П. А. Гайдебуров рассказывал об опасениях, испытывавшихся многими участниками праздника 5 июня — накануне думского обеда: «...меня нет-нет да и кольнет в сердце. Ведь завтра же и думский обед депутатам, а на нем-то и должен разразиться „партизанский скандал“ (выражение из статьи в «Береге» от 2 июня 1880 г. (№ 70): „Национальное торжество всей образованной России грозит превратиться в партизанский скандал...“. — *Ред.*). Хоть я несколько и успокоился после разговора с С. А. Юрьевым ‹...› который объяснил историю с пригласительным би-

летом простой ошибкой, не заключавшей в себе ни малейшего желания сводить личные счеты с г-ном Катковым, но факт все-таки совершился, и остается ждать развязки.

Вечером захожу к Достоевскому и вижу, что он в ужаснейшем состоянии: весь как-то подергивается, в глазах беспокойство, в движениях — раздражительность и тревога. Я знал, что он человек в высочайшей степени нервный и впечатлительный, страстно отдающийся всякому чувству, но в таком состоянии я, кажется, никогда еще его не видел: „Что с вами, Федор Михайлович?“ — „Ах, что это будет, что это будет!“, — восклицает он в ответ с отчаянием. „Да что такое? В чем дело?“ Он не говорит ничего определенного, но я и без него отлично знаю, в чем дело. Я стараюсь, однако же, его успокоить и уверить, что не будет ничего, что все обойдется прекрасно» («Неделя», 1880, 15 июня, № 24, стр. 771—772).

[9] См. письмо 868 и примеч. 16 к нему, а также письмо 869.

[10] Т. е. монолог летописца Пимена из «Бориса Годунова» и Речь о Пушкине.

[11] А. Н. Майков выступил с чтением своего нового стихотворения «Пушкину» на думском обеде 6 июня и на заседании Общества любителей российской словесности 7 июня; читал он свои стихи и на парадном обеде Общества 7 июня (см.: *СИ*, 1880, 7, 8 июня, № 155, 156; *РВед*, 8 июня, № 147; а также: А. Н. Майков. Избранные произведения. Л., 1977, стр. 417—418, 664—665, 838—839, 862).

[12] См. примеч. 10 к письму 865.

[13] На подписном обеде Общества любителей российской словесности 7 июня присутствовало 223 человека (см.: Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 52).

[14] См. письмо 869 и примеч. 9, 10 к нему.

[15] Достоевская писала 3 июня: «...прикончи все дела к 8-му и 8-го выезжай».

[16] В том же письме Достоевская советовала: «...постарайся выехать 8-го утром в 9 час‹ов› 30 мин‹ут›, то есть в половине 10-го, и тогда ты приедешь 9-го в 11 час‹ов› 25 м‹инут› утра ‹...› Если же ты выедешь в 1 час дня 8-го, то приедешь 9-го в 11 час‹ов› ночи. Следовательно, в Москве пробудешь всего лишних $3^1/_2$ час‹а› (с $^1/_2$ 10-го до часу), а зато в дороге будешь выжидать и приедешь в Руссу 12 часами позже».

[17] Достоевская в том же письме просила мужа: «...главное напиши, как ты читал и отличился ли и много ли хлопали и пр. и пр.».

[18] Ср. письмо 861.

[19] См. письмо 869.

[20] Достоевская сообщала в письме от 3 июня: «Я написала к книгопродавцу Александрову, чтобы он принес тебе деньги; может быть, он и принесет».

[21] Ответ на упрек жены: «...ты нынче такой ко мне равнодушный; да, голубинька, это так!».

871. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 182)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.

Конверт: *ГЛМ*, оф. $\frac{4509}{1}$.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 397—399.

Ответ на письмо Достоевской от 5 июня 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 341—342).

[1] Достоевская просила мужа в письме от 5 июня: «Непременно, слышишь ли, непременно, опиши подробно, как все произошло, то есть на твоем чтении: подумай, меня не было, так сделай так, как будто я была» (стр. 341).

[2] См. письма 865, 870.

[3] В Екатерининской зале Благородного собрания (см.: *РК*, 1880, 8 июня, № 154).

[4] О триумфальном выступлении Тургенева подробно рассказывалось в газетах. Так, «Современные известия» сообщали: «Особенная овация выпала на долю нашего симпатичного романиста-художника И. С. Тургенева. Самый выбор прочитанных им стихов „Опять на родине" глубоко тронул публику, и она настойчиво требовала повторения. Долго Иван Сергеевич отказывался исполнить желание публики; но наконец вынужден был уступить и прочитал известное стихотворение Пушкина „Последняя туча рассеянной бури". Содержание этого стихотворения как нельзя больше соответствует тому, что мы пережили за последние месяцы, а заключительные стихи, обещающие лучшее и мирное будущее, до такой степени верно и точно выражают упования и надежды общества, измученного постоянными и продолжительными тревогами, что публика пришла в положительный экстаз и наделила любимого романиста такими восторженными аплодисментами, какие выпадают на долю немногих общественных деятелей» (*СИ*, 1880, 8 июня, № 156). В «Русском курьере» впечатление слушателей от второго прочтенного Тургеневым стихотворения передавалось еще подробнее: «Голос чтеца дрожал: видимо, что восторженные овации взволновали его. Г-н Тургенев не сел к столу, а стал декламировать стоя и без тетради. Звуки взволнованного голоса наэлектризовали публику, все затаили дыхание, а голос чтеца разносил по зале строфы о том, как тучу обвивали молнии, как она поила землю дождем. „Довольно!" — раздался энергический вызов Ивана Сергеевича; все так и подались вперед. Чтец кончил, вся зала, как один человек, грянула „браво" <...> в этом мощном крике слышалось полное сочувствие к энергичному „довольно!" — и долго раздавалось под арками залы это единодушное общее признание» (*РК*, 1880, 8 июня, № 154). В «Русских ведомостях» отмечалось, что Тургенев «был вызван семь раз», прежде чем прочел второе стихотворение (см.: *РВед*, 1880, 7 июня, № 146). Замечание Достоевского о том, что Тургенев «прескверно прочел», вероятно, было вызвано следующим эпизодом, о котором рассказывается в воспоминаниях А. Ф. Кони: «Приветствуемый особенно шумно, он (Тургенев. — *Ред.*) подошел к рампе и стал декламировать на память, и нельзя сказать, что особенно искусно, „Последнюю тучу рассеянной бури", но на третьем стихе запнулся, очевидно его позабыв и, беспомощно разведя руками, остановился. Тогда из публики, с разных концов, ему стали подсказывать все громче и громче. Он улыбнулся и сказал конец стихотворения вместе со всею залой. Этот милый эпизод еще более подогрел общее чувство к нему...» (И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983, т. 2, стр. 132). О Достоевском же упоминалось вскользь, в перечне других участников вечера, как, например, в цитировавшейся выше хронике «Русского курьера»: «...Ф. М. Достоевский, мастерски прочитавший сцену из „Бориса Годунова"...».

[5] В письме от 14 июня 1880 г. И. С. Аксаков рассказывал: «Я должен был, по программе, читать в первый же день, но после председателя и Тургенева. Найдено было, однако ж, необходимым прочесть <...> поздравительные телеграммы и приветствия <...> а также выслушать адресы <...>. Затем, учтивости ради, я согласился пустить вперед и Грота Якова Карловича <...> Пустили также вперед и поэтов, Майкова и Полонского <...> Затем читал Тургенев <...> Наконец дошла очередь и до меня, но уже в 5-м часу: утомленная донельзя публика начинала уже расходиться, и я предложил отложить чтение моей речи до другого дня» (*РА*, 1891, № 2, стр. 94—95).

[6] См. письмо 875, примеч. 9.

[7] См. письмо 876 и примеч. 1 к нему.

[8] Корреспондент «Петербургского листка» сообщал, что Достоевский провозгласил тост «за Пушкина как величайшего поэта, „чистейшего, честнейшего, умнейшего в России человека"» («Петербургский листок», 1880, 11 июня, № 110).

[9] В. И. Даль отмечал: «Зовут кабалой <...> также беду, напраслину» (см.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979, т. 2, стр. 69).

[10] См. примеч. 10 к письму 869.

[11] Катков присутствовал на обеде 6 июня как гласный Московской городской думы. Основной идеей его речи был призыв к примирению враждующих сторон русской интеллигенции: «На русской почве, — говорил Катков, — люди, столь же искренно желающие добра, как искренно сошлись мы все на празднике Пушкина, могут сталкиваться и враждовать между собою в общем деле только по недоразумению <...> будем <...> надеяться, что сила света возьмет свое <...> что все шире и шире будет становиться область, в которой люди разных мнений могут сходиться мирно и даже дружно» (Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 213). Корреспондент «Голоса» рассказывал, что вслед за речью Каткова, завершенной стихами пушкинской «Вакхической песни»: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — «раздались громкие рукоплескания, и в то же время послышались в разных концах залы весьма явственные восклицания: „Давно бы так!“. К г-ну Каткову подходили разные лица, чокались с ним и поздравляли его, но по сравнению с тем, что происходило после речи Аксакова, эта попытка овации казалась <...> мизерною...» (*Г*, 1880, 11 июня, № 160; ср. также рассказ П. А. Гайдебурова в «Литературно-житейских заметках» — «Неделя», 1880, 15 июня, № 24). О речи Каткова и реакции на нее общественности см. примеч. 6, 9, 10 к письму 883; а также: В. А. Твардовская. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978, стр. 199; И. Волгин. Последний год Достоевского. М., 1986, стр. 234—238, 241—244.

[12] «Молодой московский профессор М. М. Ковалевский предложил в очень изящной форме тост за русскую литературу» (Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 37).

[13] Ср. письма 857, примеч. 5, 863, примеч. 12.

[14] См. письмо 870.

[15] Ср. письмо 866.

872. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 184)

Печатается по подлиннику: ***ЦГАЛИ***, ф. 212, I.33.
Конверт: ***ГБЛ***, ф. 93, I.6.9, л. 10.
Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 1, стр. 399—400.
Ответ на письмо Достоевской от 6 июня 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 344).

[1] См. предыдущее письмо.

[2] Очевидно, Достоевский имел в виду прежде всего то место своей речи, где говорится «почему Татьяна не пошла с Онегиным». Вопрос этот, по словам писателя, «имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную <...> нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 142). Полемизируя, в частности, с Белинским, Достоевский видит в решении Татьяны «апофеозу» русской женщины, не способной «основать свое счастье на несчастье другого» (там же). Поступок Татьяны приобретает в глазах автора «Братьев Карамазовых» высокий нравственно-философский смысл. «Позвольте, — восклицал Достоевский, обращаясь к аудитории, — представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, <...> просто честного старика <...> и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос» (там же; ср. стр. 499—500; ср. со сло-

вами Ивана Карамазова, что будущая высшая гармония не стоит «слезинки хотя бы одного только <...> замученного ребенка» — наст. изд., т. XIV, стр. 223).

[3] Важнейшей идеей речи было убеждение в том, что «будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии...» (наст. изд., т. XXVI, стр. 148).

[4] Известна масса свидетельств об огромном впечатлении (прежде всего эмоциональном), которое произвела речь Достоевского на слушателей. «Передать речь Достоевского невозможно: глубже и блистательнее ее нельзя себе ничего представить; форма в ней так слита с содержанием, что никакой отчет не дает и приблизительно понятия об ее силе», — отмечалось в «Русском курьере» (1880, 11 июня, № 156). «Когда г-н Достоевский кончил, в зале поднялось что-то невероятное, — писал В. О. Михневич, — не было человека, который бы не хлопал, не стучал и не кричал „браво“ в каком-то исступлении. Женщины махали платками, многие из них встали для этого на стулья, были и такие, что впали в истерическое состояние; в воздух летели шапокляки и цилиндры, тысячи рук простирались по направлению к оратору... У многих глаза сверкали и лица пламенели, как в минуты самого сильного душевного возбуждения. Казалось, дальше уже нельзя идти в изъявлении восторга, но вышло, что можно» («Новости», 1880, 13 июня, № 154). И. Ф. Василевский пытался нарисовать образ Достоевского-оратора в самых восторженных выражениях: «Представьте себе Петра-пустынника, взывающего к крестоносцам. Представьте себе лаву, льющуюся устами. Представьте себе, что не только сам этот человек обладает гигантским воображением, беспредельным кругозором, внешним описательным колоритом солнечной радуги и фантастическою, неисчерпаемою, надо всем царствующею верою в правду, красоту и величие своих идеалов, но что он еще умеет приподнимать за собою и всех своих слушателей, что он заражает других своим энтузиазмом, заставляет словом своим любить и ненавидеть, страдать и наслаждаться, щуриться от блеска и блуждать во тьме, и вам будет понятна главная причина небывалых оваций, вызванных речью Достоевского» («Молва», 1880, 14 июня, № 162). О восприятии Пушкинской речи слушателями см. также: наст. изд., т. XXVI, стр. 460—463; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 338—343, 350—352, 373—378, 391—394; *ЛН*, т. 86, стр. 504—505, 511—512. Ср. письмо 875.

[5] См. письмо 875, примеч. 5.

[6] Л. Ф. Нелидова писала в своих воспоминаниях «Памяти И. С. Тургенева»: «Всем памятно то движение руки, поцелуй, посланный Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из „Дворянского гнезда“» (*BE*, 1909, № 9, стр. 236). «Когда г-н Тургенев, на виду у публики, обнял г-на Достоевского, взрыв криков и аплодисментов еще усилился и дошел до какой-то бури», — сообщал В. О. Михневич («Новости», 1880, 13 июня, № 154). «По окончании речи оба писателя <...> говорят, горячо между собою поцеловались», — отмечалось в дневнике М. А. Веневитинова (*ЛН*, т. 86, стр. 505). Тем не менее через несколько дней, в письме М. М. Стасюлевичу от 13 июня, Тургенев высказался весьма критически об идеях пушкинской речи (см.: *Тургенев*, *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 292; см. также примеч. 3 к письму 883).

[7] Это место рассказа Достоевского по своей стилистике напоминает финал «Братьев Карамазовых» («речь у камня» Алеши Карамазова) с его многочисленными словесными повторами, создающими ощущение единения людей, согласно чувствующих (ср.: «„Да, да“, — восторженно повторили мальчики <...> У многих сверкали на глазах слезинки», — наст. изд., т. XV, стр. 196).

[8] Эпизод с обмороком потрясенного слушателя был упомянут многими и стал своего рода символом крайнего нервного возбуждения, охватившего присутствовавших. Так, И. С. Аксаков писал: «Все пришло в такой экстаз, что один юноша, ринувшись к Достоевскому на эстраду, упал в нервный обморок» (*РА*, 1891, № 2, стр. 97). В дневниковой записи Е. П. Летковой-Султановой от 8 июня 1880 г. отмечено: «Речь Достоевского... Маша Шелехова упала в обморок. С Панрицем сделалась истерика» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 391). А. М. Барсукова в письме от 10 июня 1880 г. рассказывала со слов Е. В. Барсова, что «один молодой человек, настроенный речью Достоевского, бросился в <...> гостиную (где сидели писатели. — *Ред.*) его отыскивать, и когда ему показали Достоевского, слезы градом потекли по его лицу, и он в нервном припадке упал на диван» (*Звенья*, т. I, стр. 479). К. А. Тимирязев неодобрительно писал об «истерических восторгах», вызванных речью: «Я говорю истерические потому, что сам был свидетелем такого припадка с одним молодым человеком, моим учеником» (К. Тимирязев. Наука и демократия. М., 1920, стр. 370). См. также письмо 875 и примеч. 2 к нему.

[9] См. примеч. 8 к письму 862.

[10] И. С. Аксаков в письме от 14 июня 1880 г. рассказывал: «...публика, недовольная тем, что я все откладывал свое чтение, стала кричать и требовать моего появления на кафедре. Я и взошел и импровизировал ей с одушевлением речь в таком смысле, что едва ли чей восторг в зале по случаю чтения Достоевского равняется моей радости; что еще вчера стоял вопрос о народности Пушкина, еще вчера можно было спорить, сомневаться и нужно было доказывать, но теперь, слава богу, благодаря Достоевскому, этот вопрос упразднен, и толковать о нем больше нечего. Поэтому читать свое рассуждение на ту же тему я считаю излишним. Речь Достоевского и впечатление, им произведенное, я считаю событием: в этой оценке, очевидно, сошлись люди всех направлений — и представитель так называемого славянофильского направления И. С. Аксаков, и представитель так называемого западного И. С. Тургенев <...> Петербургские газеты более или менее верно передали эту импровизацию, которая, конечно, прерывалась и покрылась неистовыми рукоплесканиями; а когда я сошел с кафедры — криками: „Читайте, читайте!“ <...> я, взойдя снова на кафедру, объявил, что прочту, но только в отрывках, так как уже 4 часа. Публика кричала: „Всю, всю!“. Я спорить не стал, но ее не послушал и прочел только (но все же около получаса времени это заняло) несколько отрывков» (*РА*, 1891, № 2, стр. 97—98). Ср.: *Г*, 1880, 9 июня, № 159. См. также оценку Пушкинской речи Достоевского в письме И. С. Аксакова О. Ф. Миллеру от 14 июля 1880 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 511—512.

[11] В «Молве» сообщалось, что по окончании заседания «на эстраду вошли несколько девушек с огромным лавровым венком: это слушательницы женских курсов принесли венок г-ну Достоевскому. После восторженной овации заседание было закрыто» (1880, 10 июня, № 158). Этот эпизод отмечен и в цитировавшемся выше письме И. С. Аксакова: «Тут были „курсистки“ курса Герье (крайнего западника), еще в прошлом году делавшие овации Тургеневу. Бог знает где, тут же в собрании, добыли они лавровый венок и поднесли его, при общих кликах, Достоевскому...» (*РА*, 1891, № 2, стр. 97). Ср. также: *ЛН*, т. 86, стр. 505.

[12] В письме Достоевской от 6 июня 1880 г. рассказывалось о покупке жеребенка и о том, с каким «восторгом необыкновенным» это приобретение было встречено детьми (подробнее об этом см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 363—364).

[13] «Как ты зажился в Москве», — писала Достоевская. Позднее в своих воспоминаниях она рассказывала о «страшном беспокойстве» за здоровье мужа, которое испытывала в те дни: «Боже, что я перенесла за это время, особенно видя по письмам, что возвращение Федора Михайловича все более и более отдаляется, а между тем столь опасные для него

волнения и беспокойства увеличиваются. Мне представлялось, что волнения эти должны завершиться припадком <...> Самые мрачные предположения приходили мне в голову <...> Дни шли за днями <...> неприятные для Федора Михайловича обстоятельства (судя по письмам) нарастали, а вместе возрастали и мои душевные страдания» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 362—363).

[14] В воспоминаниях Н. Н. Страхова рассказывалось об этом выступлении: «Всего значительнее было чтение стихотворения „Пророк". Достоевский дважды читал его, и каждый раз с такой напряженной восторженностью, что жутко было слушать <...> Правая рука, судорожно вытянутая вниз, очевидно, удерживалась от напрашивающегося жеста; голос был усиливаем до крика. Чтение выходило слишком резким, хотя произношение стихов было прекрасное» (*Биография*, отд. I, стр. 312). «Когда он читал „Пророка", — вспоминала Е. П. Леткова-Султанова об одном из выступлений Достоевского, — казалось, что Пушкин именно его и видел перед собой, когда писал: „Глаголом жги сердца людей"» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 384). В записной тетради А. Г. Достоевской сохранилась запись нескольких стихов «Пророка», где подчеркнуты слова, особо выделявшиеся Достоевским при чтении (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 302). См. также примеч. 4 к письму 897.

[15] Ср. письмо 870. 9 июня 1880 г. Пушкинская речь Достоевского была передана Каткову для публикации в «Московских ведомостях». См. об этом подробнее в воспоминаниях М. А. Поливановой (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 360—361) и письме С. А. Юрьева к О. Ф. Миллеру (*ЛН*, т. 86, стр. 509—510).

873. К. А. ИСЛАВИНУ (стр. 186)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 228, I.86[а].
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 172—173.
Ответ на письмо Иславина от 9 июня 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.38).

[1] Иславина, секретаря редакции «Московских ведомостей», звали Константин Александрович. Достоевский познакомился с ним 9 июня, когда передавал текст Речи о Пушкине для опубликования в газете.

[2] Иславин известил Достоевского о том, что его речь «принята с удовольствием».

[3] Речь о Пушкине была полностью напечатана в № 162 «Московских ведомостей» от 13 июня 1880 г.

[4] 11 июня 1880 г. в 9 ч. 10 м. вечера Иславин послал Достоевскому телеграмму с просьбой разрешить печатание речи без авторской корректуры: «Корректуры не было возможности отослать сегодня. К<атков> сам держал корректуру. Никаких перемен. Желает поместить завтрашнем номере без вашей корректуры. Весь интерес немедленном появлении. Всю ночь будем ожидать вашего согласия» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.38; *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 304).

874. К. А. ИСЛАВИНУ (стр. 186)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 228, I.86[а].
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 173—174.
Иславин ответил 17 июня 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.38; отрывок опубликован: *ЛН*, т. 86, стр. 510).

[1] См. письмо 873.

[2] См. письмо 873, примеч. 4. Эта телеграмма Достоевского неизвестна.

[3] В ответ на это Иславин писал Достоевскому 17 июня 1880 г.: «Посылаю Вам, согласно просьбе Вашей, рукопись, относительно которой

я еще до Вашей просьбы внушил нашей типографии сохранить листки в целости.

Я приказал немедленно послать Вам отдельный номер „Московских ведомостей“ (162) и, кроме того, пять экземпляров для раздачи кому желательно.

Михаил Никифорович, просматривая корректуры Вашего очерка, стеснялся изменять некоторые, как Вы выражаетесь, „шероховатости слога и лишние фразы“, вырвавшиеся у Вас наскоро; он теперь даже жалеет, что не исправил их, но не имел на то Вашего предварительного согласия» (*ЛН*, т. 86, стр. 510). При перепечатке в «Дневнике писателя» на 1880 г. текста речи о Пушкине Достоевский сделал незначительные поправки. См. варианты первой публикации (*МВед*) в наст. изд., т. XXVI, стр. 348.

[4] См. письмо 873, примеч. 3.

875. С. А. ТОЛСТОЙ (стр. 187)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1908, № 1, стр. 215—218.

[1] Речь идет о телеграмме, которая была послана на имя Достоевской из Саблино 10 июня 1880 г. С. А. Толстой, Ю. Ф. Абаза и В. С. Соловьевым: «Перешлите Федору Михайловичу. Радуемся за всё. Понимайте. Примите от нас более чем слова» (*ЛН*, т. 86, стр. 509). Телеграмма подписана: Софья, Юлия, Владимир Соловьев. В публикации «Литературного наследства» все три имени ошибочно объединены общей фамилией Соловьевы.

[2] См.: *СП*, 1880, 9 июня, № 157. Об этом же эпизоде упоминают многие современники Достоевского (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 377—378, 341, 351; см. также письмо 872 и примеч. 8).

[3] Достоевский, очевидно, имеет в виду рассказ П. В. Анненкова о «кайме» (см. письмо 857).

[4] Н. Н. Страхов вспоминал: «Живо осталось в моей памяти, как П. В. Анненков, подошедши ко мне, с одушевлением сказал: „Вот, что значит гениальная художественная характеристика! Она разом порешила дело!“» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 351).

[5] По словам Достоевского, после пушкинской Татьяны «такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева» (наст. изд., т. XXVI, стр. 140).

[6] Цитата из стихотворения Пушкина «Поэту» (1830).

[7] См. письмо 873, примеч. 3.

[8] Отмеченные Достоевским «главные два пункта» его речи вызвали наиболее резкие возражения у сторонника «идеи христианского пессимизма» К. Н. Леонтьева (об этом см. в примеч. Г. М. Фридлендера: наст. изд., т. XXVI, стр. 483—485).

[9] Говоря о Пушкине, Тургенев исходил из убеждения, что «все свойства его ‹Пушкина — *Ред.*› поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа», что «Пушкин был центральный художник, человек, близко стоящий к самому средоточию русской жизни» (*Тургенев, Сочинения*, т. XV, стр. 70). В то же время вопрос: «...можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гёте, Гомера?», Тургенев оставил «пока открытым» (там же, стр. 71, 69). Этот аспект речи Тургенева отметил также Н. Н. Страхов: «Главный пункт, — писал он впоследствии, — на котором остановилось общее внимание, состоял в определении той *ступени*, на которую Тургенев ставил Пушкина. Он признавал его вполне народным, то есть самостоятельным поэтом. Но он ставил еще другой вопрос: есть ли Пушкин поэт *национальный*. ‹...› Всё это и другое подобное было иным не совсем по душе» (*Биография*, отд. II, стр. 309). Неудовлетворенность речью Тургенева отмечали и другие мемуаристы. Да и сам Тургенев признавал, что его речь на публику

«большого впечатления не произвела» (*Тургенев*, *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 271. Об этом см. в примеч. Н. В. Измайлова: *Тургенев*, *Сочинения*, т. XV, стр. 326—327).

[10] Это свойство таланта Пушкина в русской критике впервые отметил Белинский (см.: В. Кирпотин. Достоевский и Белинский, 2-е изд., доп. М., 1976, стр. 258—261).

[11] «Дневник писателя» на 1880 г. вышел в августе (ценз. разр.: 1 августа 1880 г.).

[12] См. письмо В. Н. Третьяковой, написанное в этот же день (№ 876).

[13] Ю. Ф. Абаза.

[14] Вл. С. Соловьеву в это время было 30 лет.

876. В. Н. ТРЕТЬЯКОВОЙ (стр. 189)

Печатается по подлиннику: Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 1, ед. хр. 5432.

Впервые опубликовано: А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951, стр. 216—217.

Третьякова ответила 22 июня 1880 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 126).

[1] В. Н. Третьякова и ее муж П. М. Третьяков лично познакомились с Достоевским на «думском обеде» 8 июня 1880 г. (см. письмо 871). 5 июля 1880 г. В. Н. Третьякова записала в своем альбоме, где отмечались «волновавшие ее мысли и чувства»: «На обеде этом познакомилась с Достоевским Фед‹ором› Михайловичем, который сразу как бы понял меня, сказав, что он верит мне, потому что у меня и лицо и глаза добрые, и всё то, что я ни говорила ему, всё ему было дорого слышать от женщины. Собирались мы сесть вместе за обедом, но, увидев, что я имела уже назначенного кавалера, Тургенева, он со злобою удалился и долго не мог угомониться от этой неудачи ‹...› Во время обеда я вспомнила о Достоевском и желала дать ему букет лилий и ландышей с лаврами, который напоминал бы ему меня — поклонницу тех чистых идей, которые он проводит в своих сочинениях и которые помогают человеку быть лучше. При свидании с ним я отдала ему букет, „чистый, белый, как чисты его идеи". Он обрадовался им потому, что я вспомнила о нем за обедом, сидевши рядом с его литературным врагом — Тургеневым.

Он нервно мялся на одном месте, выговаривая всё свое удовольствие за внимание мое к нему, и на мою мысль, что цель человека — усовершенствовать себя, свою душу, и что он помог нам — то есть мне, мужу и воспитательнице моих детей Наталии Васильевне стать на несколько ступеней выше, он ответил: „Да, надо молитвенно желать быть лучше! Запомните это слово, оно как раз верно выражает мою мысль, и я его сейчас только придумал". Фед‹ор› Михайл‹ович› захотел поцеловать мне руку, да сказал, что это не делается в большом собрании, но все-таки, пройдя шагов пять, поцеловал мне руку с благодарностью...» (*ЛН*, т. 86, стр. 124—125). В тот же день 13 июня 1880 г. Достоевский писал С. А. Толстой: «...не знаете ли Вы или не слыхали ли об одной Вере Николаевне Третьяковой. Какая прелестная женщина» (см. письмо 875).

[2] Достоевский писал жене 7 июня: «К Третьяковой поеду послезавтра с визитом...» (см. письмо 871).

[3] Публикации Пушкинской речи добивались С. А. Юрьев, М. Н. Катков и А. С. Суворин (см. письма 849, примеч. 1, 4; 861, 869). См. также: *ЛН*, т. 86, стр. 509; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 360—361).

[4] В постскриптуме к своему ответному письму В. Н. Третьякова писала: «...я решительно сознаюсь, что не сто́ю и не заслужила столько ласки и похвал от Вас, но обещаю стремиться к тому, чтобы быть достойной хотя десятой доли тех, коими полно письмо Ваше». А в альбоме она сделала такую запись: «Какое сильное нравственное влияние произвело на меня это письмо, не было несчастней меня и в одно и то же

время не было счастливей меня, что я могла пойти попросить прощения у близких мне людей, чтобы заслужить хотя долю тех ласк и похвал, коими было полно письмо Ф<едора> М<ихайловича>. Его письмо было в одно и то же время страшным бичом, потому что больно давало чувствовать мою собственную слабость и мои невольные и вольные прегрешения относительно живущих со мной» (*ЛН*, т. 86, стр. 126).

877. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ (стр. 190)

Печатается по подлиннику: Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 1, ед. хр. 1358.

Впервые опубликовано: А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951, стр. 217—218.

Ответ на письмо Третьякова от 10 июня 1880 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 127).

[1] См. письмо 876. В. Н. Третьякова отметила в своем альбоме: «Муж слышал от Гр<игоровича>, что Ф<едор> М<ихайлович> непременно собирался к нам или на дачу, или в Толмачи, только, во всяком случае, не хотел уезжать, не повидавшись с нами и не простившись. Паша (П. М. Третьяков. — *Ред.*) заехал к нему в гостиницу, но не застал, он уже уехал в Старую Руссу. Мы пожалели» (*ЛН*, т. 86, стр. 125).

[2] Третьяков писал Достоевскому 10 июня: «Несколько раз собирался я прийти к Вам в Петербурге, благодарить и за портрет (имеется в виду портрет Достоевского, написанный в 1872 г. В. Г. Перовым по заказу Третьякова. — *Ред.*), и за высокое удовольствие и душевную пользу, получаемые из сочинений Ваших, но боялся беспокоить и мешать Вам. Здесь мне помешала болезнь быть на городском обеде; на втором же чуть пришлось пожать Вам руку, так как я спешил уйти, боясь вновь простудиться.

Ваше торжество 8 июня было для меня сердечным праздником. Это лучшее украшение Пушкинского праздника. Это событие — как верно выразился И. С. Аксаков. Сегодня я пришел в гостиницу выразить Вам глубокую благодарность и за 8 июня, и за все прежнее, но Вы уже уехали в Старую Руссу, как мне сказали там. И вот я вслед Вам шлю и благодарность, и поклон, и добрые желанья — мои и жены моей. Будьте здоровы, глубокоуважаемый Федор Михайлович, — вот чего мы более всего желаем Вам».

[3] Сравнение слов, провозглашающих истину, с посеянным семенем восходит к известной евангельской притче о сеятеле (Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 1—23).

[4] Высказанное в Пушкинской речи убеждение Достоевского в том, что «назначение русского человека» «есть всемирность», приобретенная «силой братства и братского стремления <...> к воссоединению людей», стала одной из главных идей «Дневника писателя» 1880 г., где говорилось, в ответ на полемические высказывания оппонентов, что истинно «новым событием» могло бы стать «великое Пушкинское торжество», если бы оно послужило «единению <...> всех образованных и искренних русских людей для будущей прекраснейшей цели» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 147, 136).

878. Ю. Ф. АБАЗА (стр. 191)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 150, К. К. Владимирова, № 525.

Впервые опубликовано с пропусками: *НВр*, 1906, 15 июня, № 10866.

[1] Это письмо Абаза неизвестно.

[2] Повесть Абаза неизвестна.

[3] Авраам — по библейскому преданию, родоначальник иудеев. Аналогичную мысль об историческом развитии наций Достоевский высказал

в главе третьей августовского выпуска «Дневника писателя» за 1880 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 165—166).

[4] Алексей человек божий — один из наиболее чтимых Достоевским христианских святых: писатель считал его «идеалом народа» (наст. изд., т. XXVII, стр. 55) и неоднократно упоминал о нем в своих произведениях и в записных тетрадях. «Жизнеописание» этого святого послужило Достоевскому одним из источников при создании Алеши Карамазова (см. там же, т. XV, стр. 474—476; В. Е. Ветловская. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых». — В кн.: Достоевский и русские писатели. М., 1971, стр. 325—354). К Марии Египетской — раскаявшейся под влиянием учения Христа грешнице — Достоевский также много раз сочувственно обращался (см., например, наст. изд., т. XIV, стр. 267 и примеч. — т. XV, стр. 566). В библиотеке Достоевского хранилось сокращенное издание Четьих-Миней (Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четьих-Миней по месяцам в 12 книгах. М., 1860—1861 г.), см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 43.

[5] Объясняя здесь своей корреспондентке эстетическую сущность фантастического в искусстве на примере высшего образца произведений этого рода — «Пиковой дамы» Пушкина, Достоевский развил свои суждения, высказанные им по этому поводу в связи с рассказами Эдгара По (ср. наст. изд., т. XIX, стр. 88—89). Можно предположить, что неудачная повесть Ю. Ф. Абаза заставила Достоевского не только вновь определить свое отношение к фантастическому в литературе, но и возбудила в нем желание создать свой вариант художественного образа этого типа. Комментируемое письмо к Ю. Ф. Абаза датировано 15 июнем 1880 г., а в ночь с 16 на 17 июня Достоевский сделал первые черновые наброски к главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», которая не была предусмотрена первоначальными планами романа и в которой фантастический элемент играет существенную роль (см. там же, т. XV, стр. 442; см. также: Е. И. Кийко. Реализм фантастического в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и Эдгар По. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 256—262).

[6] О ком идет речь, не установлено.

879. Н. А. ИВАНОВОЙ (стр. 193)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 3.5.

Впервые опубликовано: «Искусство», 1927, кн. 1, М., стр. 145—146.

Ответ на письмо Ивановой от 7 июня 1880 г. (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 171; отрывки опубликованы: *Волоцкой*, стр. 213).

Иванова ответила 23 июня 1880 г. (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 171; отрывки опубликованы: *Волоцкой*, стр. 214).

Датируется на основании ответного письма Ивановой, в котором она пишет: «Письмо Ваше от 15-го ию‹ня› я получила 22-го». Из этого же письма узнаем, о чем писал Достоевский в утраченной части письма: «Вы спрашиваете, почему я предпочла объясняться письменно, а не пришла к Вам в гостиницу? Ввиду Вашей же пользы. Вы не раз говорили, что постоянные посещения всевозможных лиц отвлекают Вас от Ваших занятий и утомляют».

[1] В ответ на это Иванова писала: «Я хотя и мнительная и раздражительная (это правда), но я охотно сознаю свою вину ‹...› Мне кажется ‹...› все мои недостатки бросаются всем в глаза, а все достоинства стушевываются для посторонних глаз. Такое отношение ко мне окружающих и сделало из меня дикую и необщительную мечтательницу. Начитавшись в детстве английских романов и обратив особое внимание на всё в них идеально прекрасное, я стала требовать от жизни чего-то необыкновенного и не нашла, и не знаю, что теперь делать».

[2] Иванова писала Достоевскому: «Мне сказали, что Вы на меня сер-

дитесь за то, что *я не оказала Вам должного уважения* (по крайней мере мне так передали)».

[3] Вере Михайловне Ивановой и сестрам: Марии, Софье, Юлии.

[4] Иванова написала Достоевскому о состоянии своего здоровья: «Доктор нашел во мне расслабление вследствие врожденного порока сердца и посоветовал ехать в деревню. Но я поняла и приняла его слова в переносном смысле и еду в деревню излечивать себя не от физических, но от нравственных *пороков сердца*».

[5] В ответ на это Иванова написала: «Благодарю Вас за Ваш милый Post scriptum и за добрый совет быть менее самолюбивой. Хотя и следует иметь самолюбие, но надо остерегаться самообольщения».

880. К. А. ИСЛАВИНУ (стр. 194)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.19.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 179—180.

[1] Текст телеграммы Иславина от 11 июня см.: письмо 873, примеч. 4.

[2] Эта телеграмма Достоевского неизвестна.

[3] См. письмо 874.

[4] Рукопись Речи о Пушкине, экземпляры «Московских ведомостей» и сопроводительное письмо Иславин отправил Достоевскому 17 июня 1880 г. (см. письмо 874, примеч. 3). В этом же письме Иславин сообщил Достоевскому, что его речь о Пушкине «...имеет большой успех, а многим питерским стрекулистам крайне досадно, что очерк появился в „Московских ведомостях“» (*ЛН*, т. 86, стр. 510).

881. М. Н. КАТКОВУ (стр. 195)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.21.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 180—181.

[1] Речь идет о телеграмме К. А. Иславина от 11 июня 1880 г. (см. письмо 873, примеч. 4).

[2] См. письмо 874.

[3] Иславин ответил Достоевскому 17 июня (см. письмо 874, примеч. 3).

[4] Черновой автограф текста Речи о Пушкине был переписан набело Достоевской. Однако еще до отъезда в Москву из Старой Руссы, а затем и в Москве Достоевский продолжал вносить в текст речи поправки и дополнения. Так, из речи перед ее произнесением писатель исключил два значительных по объему и важных по содержанию фрагмента: первый — пересказ эпизода из романа Бальзака «Отец Горио» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 288, 336) и второй — разбор «Капитанской дочки» Пушкина (там же, стр. 291—293, 338—340). Достоевский, очевидно, имел в виду именно эти зачеркнутые в наборной рукописи и поэтому не опубликованные в «Московских ведомостях» фрагменты. Об этом см. в примеч. Г. М. Фридлендера к Речи о Пушкине (там же, стр. 455—456).

882. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 196)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 54 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 125—126.

[1] Заключительная часть одиннадцатой книги «Братьев Карамазовых» («Брат Иван Федорович») была отправлена в редакцию 10 августа 1880 г. (см. письмо 887).

[2] О работе над последней частью романа и «эпилогом» см. наст. изд., т. XV, стр. 445—447.

[3] Ответу критикам Пушкинской речи, главным образом А. Д. Градовскому (см. его статью «Мечты и действительность» — *Г*, 1880, 25 июня, № 174), посвящена третья глава «Дневника писателя» Достоевского на 1880 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 149—174; о полемике с Градовским см. там же, стр. 477—478).

[4] М. Н. Каткову.

883. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР (стр. 197)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.46.

Впервые опубликовано: *РА*, 1891, № 10, стр. 307—308.

Ответ на письмо Штакеншнейдер от 19 июня 1880 г. (*Материалы и исследования*, т. V, стр. 266—267).

[1] См. письмо 882, примеч. 3.

[2] Успех Пушкинской речи Достоевского в значительной степени был связан с ее эмоциональным воздействием. Об этом писали газеты, а потом и журналы. «Несомненно, что Достоевский электризировал всех — именно электризировал. Речь его, появившись в печати, потеряла $^{9}/_{10}$ своего обаяния», — писал И. Ф. Василевский (Буква) в «Молве» (1880, 14 июня, № 162). Об этом подробно см. наст. изд., т. XXVI, стр. 476—480.

[3] Тургенев, подобно другим слушателям Достоевского, первое время находился под обаянием его речи. Однако потом он проанализировал ее содержание и нашел в ней защиту враждебных ему славянофильских взглядов. Развернутый полемический отзыв о Речи Достоевского содержится в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 13 (25) июня 1880 г. «Не знаю, кто у Вас в „В‹естнике› Е‹вропы›“ будет писать о Пушкинских праздниках, но не мешало бы заметить ему следующее, — писал Тургенев: — и в речи Ив. Аксакова, и во всех газетах сказано, что лично я совершенно покорился речи Достоевского и вполне ее одобряю. Но это не так ‹...› Эта очень умная, блестящая и хитроискусная, при всей страстности, речь всецело покоится на фальши, но фальши крайне приятной для русского самолюбия. Алеко Пушкина чисто байроновская фигура — а вовсе не тип современного русского скитальца; характеристика Татьяны очень тонка — но ужели же одни *русские* жены пребывают верны своим старым мужьям? ‹...› И к чему этот *всечеловек*, которому так неистово хлопала публика? ‹...› Но понятно, что публика сомлела от этих комплиментов; да и речь была действительно замечательная по красивости и такту. Мне кажется, нечто в этом роде следует высказать. Г-да славянофилы нас еще не проглотили» (*Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 272).

[4] Федор Федорович Достоевский родился 16 июля 1871 г.

[5] Работа над «Братьями Карамазовыми» закончилась в начале ноября 1880 г. (см. письмо 907). В 1881 г. вышел один, январский, выпуск «Дневника писателя» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 5—40).

[6] Штакеншнейдер писала Достоевскому: «Я пушкинские дни и их финал, то есть инцидент, как выражаются газеты, Каткова, провела в доме Шульца на Крестовском. Шульц ‹...› изгнал из своего дома „Голос“ ‹...›, но случайно тот номер, где была телеграмма о Каткове, попал нам в руки. Шульц, как большинство петербургских бюрократов (он сенатор), ненавидит Каткова, но и он стал в тупик. Тут наехали другие сенаторы и либералы и злорадствовали, что Катков понес казнь». Об «инциденте» Каткова Штакеншнейдер узнала из корреспонденций, напечатанных в «Голосе» (1880, 8 июня, № 158 и 11 июня, № 160). В этих корреспонденциях рассказывалось о том, что Катков произнес на обеде, устроенном 6 июня 1880 г. Московской думой участникам Пушкинского праздника, примирительную речь, которая не нашла сочувственного отклика у про-

грессивной части общества, осуждавшей деятельность редактора «Московских ведомостей». «Катков публично на обеде, в присутствии всех, у всех же просил прощения, молил о забвении, протянул руку, но никто не пожал этой руки», — утверждал корреспондент (*Г*, 1880, 8 июня, № 158).

[7] Рассказ В. П. Гаевского Штакеншнейдер передала следующим образом: «Гаевский тоже по своему петербургскому вероисповеданию не любит Каткова и приверженец Тургенева. Он рассказал, как дело было и что Тургенев ни за что не хотел идти на обед, чтобы не встретиться с Катковым, и пошел только, когда его друзья ему обещали, что при первой неприятности, которую ему сделает Катков, они все вместе с ним выйдут из залы». Об этом писал и Тургенев 6 июня 1880 г. М. М. Ковалевскому: «...вчера было решено соборне, чтоб нам всем идти непременно — иначе может показаться, что мы трусим — но если Катков что-нибудь себе позволит, мы все встанем и удалимся» (*Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 270).

[8] См. письмо 868, примеч. 16.

[9] Речь М. Н. Каткова была воспринята как его политическое поражение не только либеральной прессой («Голос», «Русские ведомости»), но и Н. К. Михайловским. В июльской книжке «Отечественных записок» он писал: «Были резоны и у г. Каткова для примирительной речи. „Да здравствует солнце, да скроется тьма!“ — закончил г. Катков свою речь стихом Пушкина. О, да! да здравствует солнце, да скроется тьма! Я боюсь только, что при этом придется скрыться и г. Каткову. Мне кажется даже, что он и сам этого боится, а потому и сказал примирительную речь» (Н. К. Михайловский. Сочинения. СПб., 1897, т. 4, стр. 924). См. также письмо 871, примеч. 11.

[10] М. М. Ковалевский в своих воспоминаниях рассказывал, что когда Катков позволил себе протянуть бокал в направлении Тургенева, тот, «при всем своем добродушии ‹...› уклонился от этой дерзкой попытки возобновить старые отношения: „Ведь есть вещи, которых нельзя забыть, — доказывал он в тот же вечер Достоевскому, — как же я могу протянуть руку человеку, которого я считаю ренегатом“» (М. Ковалевский. Воспоминания об И. С. Тургеневе. — *МГ*, 1908, № 8, стр. 13).

[11] А. А. Штакеншнейдер консультировал Достоевского по юридическим проблемам, с которыми столкнулся автор «Братьев Карамазовых» (об этом см. наст. изд., т. XV, стр. 437, 445; см. также письмо 896).

[12] М. Ф. Штакеншнейдер, О. А. Эйслер и С. И. Штакеншнейдер.

884. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 199)

Печатается по тексту первой публикации: *Московский сборник*, стр. 14—15.

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Пуцыковича от 25 июня (7 июля) 1880 г. (*ИРЛИ*, № 29828).

Пуцыкович ответил 23 июля (4 августа) 1880 г. (там же).

[1] Пуцыкович писал Достоевскому: «...Вы не отвечаете ни слова на мои 3 письма. Ясно, что сердитесь, недовольны».

[2] См. письма 860—868.

[3] Достоевский работал в это время над одиннадцатой книгой «Братьев Карамазовых» («Брат Иван Федорович»). См. письмо 882, примеч. 1.

[4] О полемике Достоевского с А. Д. Градовским см. письмо 882, примеч. 3.

[5] В ответном письме Пуцыкович сообщил Достоевскому: «Теперь же, отвечая на Ваши прямые вопросы, я должен повторить старое: мое положение почти безысходное. Долг в 25 р. (дефицит) по журналу мешает издать новый №, несмотря на то, что он давно готовится! Совершенное

отсутствие денег мешает взяться за какое бы то ни было дело (а их здесь у меня немало в виду)».

[6] Пуцыкович писал о своем намерении открыть в Берлине кабинет для чтения с русскими газетами и журналами, там же он писал: «Лишь только выйдет „Дневник“, будьте любезны, вышлите хоть 2 или 3 экземпляра для кабинета».

885. В. Д. ШЕРУ (стр. 200)

Печатается по подлиннику (рукой А. Г. Достоевской со вставками и концовкой Достоевского): *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.51.

Впервые опубликовано: Звенья, т. IX, стр. 562—563.

Шер ответил 27 августа 1880 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.102; отрывок опубликован: *ЛН*, т. 86, стр. 517).

[1] А. А. Достоевского.

[2] 28 августа 1880 г. Достоевская писала Н. М. Достоевскому: «...месяц назад я получила от Александра Андреевича (Достоевского. — *Ред.*) письмо, который прислал мне копию с письма, полученного им от Шера от 6 сего июля. Выписываю Вам это письмо...» (*ЛН*, т. 86, стр. 516).

[3] В. Д. Шер писал А. А. Достоевскому о том, что данная на ввод во владение рязанским имением наследников А. Ф. Куманиной оказалась недействительной из-за несоблюдения некоторых формальностей, а также из-за того, что в данной была пропущена «деревня Заводская Слобода и при ней лесные дачи». Кроме того, он сообщал: «В имении я пробыл около 3-х недель, ко мне заявлялись покупать всю Пехорку в вечное владение, а на сруб всю не покупали, но давали только 13 рублей за десятину, что меня сильно злило. Да к тому же урядник вручил мне повестку, что имение наше пропечатано в „Губернских ведомостях“ и за недоимки назначено к описи и продаже. Всё это меня заставило решиться приступить к продаже Пехорки по мелочам. Когда я всюду оповестил, что продаю Пехорку по мелочам, то кулаки лесники стали застращивать мужиков разными неблагоприятными слухами для нашего имения и для нас, но в конце концов мне удалось продать 4-м мужичкам на сруб без земли; одному я продал 38 десят‹ин› 600 к‹вадратных› с‹ажен› по 80 р., так как этот был первый покупатель, другому 10 десятин по 95 рублей сер‹ебром›, 3-му — 4 десят‹ины› 873 к‹вадратные› саж‹ени› по 95 р. с‹еребром›, 4-му — 3 десят‹ины› 1566 к‹вадратных› саж‹еней› по 95 р. с одной десят‹ины›, последнему скинул 15 р. В Пехорке есть лес дороже и дешевле даже, чем я продал. В настоящее время я пришел к убеждению, что выгоднее мелочной продажи быть не может ‹...› В конце июля я опять собираюсь в имение для продажи и вполне уверен, что удастся продать еще ‹...› Контракты на продажу я совершил у нотариуса на разные сроки, смотря по количеству десятин, и внес повинностей всего тысячу рублей серебром» (*ИРЛИ*, ф. 56, № 218). О переговорах сонаследников по разделу Рязанского имения см. также письмо 855 и примеч. к нему.

[4] Б. Б. Поляковым.

[5] Еще 15 марта 1880 г. Достоевская сообщала А. А. Достоевскому: «Шеру я ответила еще во вторник (11 марта. — *Ред.*), и вот что именно: что мы согласны получить по 50 р. за дес‹ятину›, то есть на 200 дес‹ятин› всего 10 тыс‹яч› на каждого, но с *непременным* условием, чтобы земля после вырубки была наша. Я рассуждала так: если покупщик на сруб дает за всю дачу по 50 р дес‹ятина›, то мы, отделившись и продавая не торопясь, можем получить более за дес‹ятину›, и земля останется наша; за что же мы теперь-то будем ее терять» (*ИРЛИ*, ф. 56, № 151). Через два месяца в письме к А. А. Достоевскому от 15 мая Достоевская подтверждала это решение и от имени мужа: «Не знаю, как Вы решили насчет Вашего участка, то есть захотите ли продать его с землей, но решение Ф‹едора› М‹ихайловича› неизменно: он ни за что не хочет продавать

своего участка и разве в случае очень выгодной продажи Пехорки (то есть более 50 р. за дес‹ятину›) согласится продать свой участок на сруб, но чтоб земля оставалась за ним ‹...› Мы решили выделиться или в Пехорке 200 дес‹ятин›, или в Ширяеве 400» (там же).

[6] См. примеч. 3 к письму 855.

[7] Позднее Достоевская предложила дополнить этот проект предварительного договора (который так и не был оформлен в 1880 г.) пунктом о неустойке, не доверяя Шерам и Ставровским (см. примеч. 1 к письму 855).

[8] 27 августа 1880 г. Шер писал Достоевскому из Москвы: «Спешу ответить на Ваше письмо от 20 июля (речь идет о письме от 18 июля. — *Ред.*). Мои доверители, то есть мамаша и Ставровские, согласны выделить Вам по Вашему желанию 400 десятин из Ширяева с тем, чтобы, согласно Вашему письму, расход по размежеванию падал на Вас; что же касается Ваших братьев и племянников, то Вы, верно, уже с ними переговорили о Вашем желании и получили на это согласие. Потому покорнейше прошу Вас назначить день, в который Вы можете послать уполномоченного от Вас для присутствия при отбивке следующей Вам части» (*ЛН*, т. 86, стр. 517).

886. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 202)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.204.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 2, стр. 248—251.

Ответ на письмо Победоносцева от 22 июля 1880 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 143—144).

Победоносцев ответил 2 августа 1880 г. (там же, стр. 144—145).

[1] Победоносцев писал Достоевскому: «...припоминаю, что Вы собирались ехать еще в Эмс».

[2] Победоносцев просил Достоевского охарактеризовать священника Алексея Степановича Надеждина (который, как выяснилось, проживал в Старой Руссе в доме батюшки Румянцева) в связи с тем, что в Синоде слушалась просьба Надеждина «о сложении с него духовного сана». «Просьба его удовлетворена, — писал Победоносцев — но мне было желательно лично видеть его, посмотреть, что он за человек и из-за чего снимает священство. ‹...› Если Вы в Старой Руссе и имеете досуг и силы, не найдете ли времячко посмотреть этого человека и уведомить меня о Вашем впечатлении».

[3] Речь идет о праздничной пасхальной воскресной церковной службе.

[4] Августовский выпуск «Дневника писателя» на 1880 г. состоял из трех глав: «Глава первая. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине»; «Глава вторая. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности»; «Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 129—174).

[5] Достоевский успел издать январский выпуск «Дневника писателя» на 1881 г. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 5—40).

[5] Публикуя речь К. П. Победоносцева, «Московские ведомости» писали: «В Ярославле 9 июня, на выпуске девиц в Училище для дочерей священно- и церковнослужителей, состоявшемся под покровительством в бозе почившей императрицы, Константин Петрович сказал выходившим воспитанницам напутственное слово, которое не могло не оставить в них глубокого и сильного впечатления. Мы радуемся возможности послужить органом распространения этого прекрасного и возвышенного слова» (*МВед*, 1880, 21 июня, № 170).

Высокую оценку речи Победоносцева дал К. П. Леонтьев, противопоставив ее речи о Пушкине Достоевского. Об этом см. письмо 890, примеч. 5; см. также наст. изд., т. XXVI, стр. 485.

887. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 204)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 54 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 128—129.

[1] Достоевский отправил в редакцию «Русского вестника» заключительные главы (VI—X) одиннадцатой книги «Братьев Карамазовых» «Брат Иван Федорович».

[2] В ходе работы объем двенадцатой книги («Судебная ошибка») увеличился почти вдвое, и она была напечатана в сентябрьском и октябрьском номерах журнала (см. наст. изд., т. XV, стр. 465—467).

[3] Речь идет о главах: «Первое свидание со Смердяковым», «Второй визит к Смердякову», «Третье, и последнее, свидание со Смердяковым».

[4] Имеется в виду глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича».

[5] Черт говорит Ивану: «Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, „гремя и блистая", с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде» (наст. изд., т. XV, стр. 81).

[6] Цитата из книги 11 гл. IX романа (см. наст. изд., т. XV, стр. 82). В «Русском вестнике» было напечатано: «...радостные взвизги херувимов» (*РВ*, 1880, № 8, стр. 744).

[7] Рассказ об «исповедальных будочках» в тексте романа остался без изменения (см. наст. изд., т. XV, стр. 80). О литературных предшественниках черта в «Братьях Карамазовых» см. там же, стр. 465—467; Е. И. Кийко. Реализм фантастического в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и Эдгар По. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 256—262).

[8] О том, что Достоевскому удалось очень точно передать болезненное психическое состояние Ивана Карамазова, писал автору «Братьев Карамазовых» А. Ф. Благонравов — врач по профессии (см. письмо 915). Это же впоследствии отметил и В. Чиж, который утверждал, что «психиатр может читать эту главу как часть истории болезни, составленной умелой рукой» (В. Чиж. Достоевский как психопатолог, М., 1885, стр. 18). Глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» создавалась в тот период, когда русская и европейская интеллигенция проявляла особенный интерес к таинственным явлениям природы и человеческой психики, пытаясь найти им научные объяснения. К этому времени относятся «таинственные» повести и рассказы Тургенева, Гаршина, Лескова и некоторых других писателей. Подробнее об этом см.: Г. Вялый. Тургенев и русский реализм. М.—Л., 1962, стр. 208—221. А. Б. Муратов. Тургенев-новеллист. Л., 1985, стр. 65—106. В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский затронул вопрос об увлечении части русского общества спиритизмом (см. наст. изд., т. XXII, стр. 99—101, 126—132; примеч. стр. 368—369, 384—386). Ф. Энгельс, полагавший, что интерес к мистическому был порожден бурным развитием эмпирического естествознания, написал в 1878 г. статью «Естествознание в мире духов». Статья эта, не опубликованная при жизни автора, вошла в состав «Диалектики природы» (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 20, стр. 373—389.

[9] Цензурное разрешение этого выпуска «Дневника писателя» — 1 августа 1880 г.

888. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 206)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.33.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 305—306.

[1] Достоевская уехала в Петербург по делам издания «Дневника писателя» на 1880 г.

[2] Достоевская написала из Петербурга 11 августа (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 348—349).

[3] И. Н. Румянцеву.

[4] Дворцовый сад примыкал к «небольшому путевому дворцу, предназначенному для высокопоставленных лиц, приезжавших иногда в город» (Л. М. Рейнус. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971, стр. 28).

[5] В воскресенье 10 августа в городском саду было устроено народное гулянье «в пользу Старорусского ремесленного приюта <...> Чистой прибыли от гулянья в пользу приюта осталось 204 рубля» («Новгородские губернские ведомости», 1880, 30 августа, № 35).

[6] Это письмо детей Достоевских неизвестно.

[7] 9 и 10 августа в «Новом времени» было напечатано объявление: «Во вторник, 12-го августа, выйдет в свет „Дневник писателя" Ф. М. Достоевского. Единственный выпуск на 1880 год» (*НВр*, 1880, № 1597, 1598).

[8] Августовский выпуск «Дневника писателя» на 1880 г. печатался в типографии братьев Пантелеевых.

[9] М. Н. Ситкиной.

[10] См. примеч. 2 к письму 889.

[11] См. письмо 889.

[12] Достоевская сообщала 11 августа, что побывала в редакции «Голоса» и «Нового времени» (где справлялась о публикации объявлений), у книгопродавцев, разослала для продажи две тысячи отпечатанных экземпляров «Дневника писателя» (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 348—349).

889. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 207)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.33.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 306—307.

Ответ на письмо Достоевской от 11 августа 1880 г. (*Д, Переписка с женой*, стр. 348—349).

[1] В среду 13 августа 1880 г. Достоевская писала мужу: «Не беспокойся за меня, приеду в пятницу» (*Д, Переписка с женой*, стр. 350).

[2] 11 августа Достоевская писала о раздаче на комиссию книгопродавцам 2000 экземпляров «Дневника писателя». Указанное ею количество было, по-видимому, отчасти предположительным, так как 12 августа утром она сообщала: «Дела подвигаются плохо: на деньги я продала лишь на 6 р. 75 к. <...> Остальные просят в кредит, и приходится дать, иначе ничего не продать: до сих пор взяли <...> 1200 экз<емпляров>» (*Д, Переписка с женой*, стр. 349—350). Но уже 13 августа Достоевская писала о быстро растущем покупательском спросе: «„Дневник" пошел, и уверяют, что его рвут на части. У меня из 4000 экз<емпляров> дома только 1600, остальные розданы и разосланы <...> Хочу подождать еще день, чтобы поглядеть, не придется ли сделать второе издание» (там же, стр. 350). В «Материалах для жизнеописания Ф. М. Достоевского» Н. Н. Страхов писал, что «Дневник писателя» 1880 г. «был напечатан в 4000 экземплярах и разошелся в несколько дней. Было сделано новое издание в 2000 экз<емпяров> и разошлось без остатка» (*Биография*, отд. I, стр. 300). В письме к К. П. Победоносцеву от 16 августа 1880 г. (№ 890) Достоевский называл цифру 4200.

[3] В «Новом времени» от 11 августа 1880 г. (№ 1599) в отделе «Телеграммы» сообщалось: «С Нижегородской ярмарки, 10-го августа, воскресенье <...> Сегодня утром в пушном ряду, в своей лавке удавился петербургский купец Григорий Павлович Зизерин. Причина, побудившая Зизерина на самоубийство, неизвестна».

[4] В «Воспоминаниях» Достоевской упоминается о том, что шуба Достоевского «всегда летом сберегалась в меховом магазине Зезерина» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 304).

890. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ (стр. 209)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.204.

Впервые опубликовано: *КА*, 1922, № 2, стр. 251—252.

Ответ на письмо Победоносцева от 12 августа 1880 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 146).

[1] Имея в виду вышедший 12 августа 1880 г. «Дневник писателя», Победоносцев писал: «Я тотчас же прочел его весь, едучи обратно из П‹етер›бурга. Тут есть страницы из лучших, писанных Вами. Спасибо за то, что сказали русскую правду».

[2] В августовской книжке «Русского вестника» были напечатаны VI—X главы одиннадцатой книги «Братьев Карамазовых» «Брат Иван Федорович». По поводу предыдущих частей последнего романа Достоевского Победоносцев писал 2 августа 1880 г.: «Сейчас только получил 7-ю книжку „Р‹усского› вест‹ника›" с продолжением „Карамазовых". Перед тем читал последнюю часть Вашу, помнится, в апрельской книжке, дорогою, едучи из Москвы в Ярославль (история с детьми). Она удовлетворила меня вполне, без всякого расщепления: очень, очень хорошо. В первую же минуту досуга возьмусь за следующую. Всё Ваше я непременно читаю, любезнейший Федор Михайлович» (*ЛН*, т. 15, стр. 145).

[3] См. письмо 889, примеч. 2. Второе издание «Дневника писателя» на 1880 г. вышло осенью (ценз. разр. — 5 октября 1880 г.).

[4] Вероятно, экземпляры «Варшавского дневника» (№ 162, 169, 173; 29 июля, 7 и 12 августа 1880 г.) со статьею К. Н. Леонтьева «О всемирной любви. По поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике» Победоносцев прислал Достоевскому с Достоевской, посетившей его в Петербурге и вернувшейся в Старую Руссу 15 августа 1880 г. (см.: *Д, Переписка с женой*, стр. 350). В письме от 12 августа Победоносцев только предлагал это сделать: «Взгляните на статью Леонтьева по поводу Вашей речи в 169 № „Варшавского дневника". Если у Вас нет, я пришлю Вам этот №», — писал он там.

[5] Как признался К. Леонтьев, для него «совсем неожиданно оказалось, что г-н Достоевский, подобно великому множеству *европейцев* и русских *всечеловеков, все еще верит* в мирную и кроткую будущность Европы ‹...› Было нашей нации поручено одно великое сокровище — строгое и неуклонное церковное православие; но наши лучшие умы не хотят просто „смиряться" перед ним ‹...› Они *предпочитают „смиряться"* перед учениями антинационального эвдемонизма ‹...› Все эти надежды на земную любовь и на мир земной можно найти и в песнях Беранже, и еще больше у Ж. Занд» (*Леонтьев*, т. VIII, стр. 199). Себя Леонтьев охарактеризовал в этой статье как сторонника «идеи христианского пессимизма». Он писал: «Верно только *одно*, — точно *одно, одно* только *несомненно — это то, что всё здешнее должно погибнуть!* И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений? ‹...› *правды* всеобщей *здесь не будет*... Иначе зачем же алкать и жаждать? Сытый не алчет. Упоенный не жаждет» (там же, стр. 189, 195, ср. наст. изд., т. XXVI, стр. 483—485). Достоевский собирался ответить К. Леонтьеву, о чем свидетельствуют следующие заметки в записной книжке 1880—1881 г.: «*Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет).* В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо» (наст. изд., т. XXVII, стр. 51 и примеч. стр. 334). Кроме того, обвиняя Достоевского в ереси, К. Леонтьев писал: «...в речи г. Победоносцева Христос познается не иначе, как *через Церковь: „любите прежде всего церковь"*. В речи г. Достоевского Христос, *по-видимому*, по крайней мере, до того помимо церкви доступен всякому из нас, что мы считаем себя вправе, даже не справясь с азбукой катехизиса, то есть с самыми *существенными* положениями и *безусловными* требованиями православного учения, приписывать Спасителю

никогда не высказанные им обещания „всеобщего братства народов", „повсеместного мира" и „гармонии"» (*Леонтьев*, т. VIII, стр. 207).

891. М. А. ПОЛИВАНОВОЙ (стр. 210)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2191, I.253.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 193—194.

Ответ на письмо Поливановой от 22 июля 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.7.105; отрывки опубликованы: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 303; И. Волгин. Последний год Достоевского. М., 1986, стр. 306).

Поливанова ответила 25 августа 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.7.105; отрывки опубликованы: И. Волгин. Последний год Достоевского, стр. 307—308).

[1] См. письмо 886, примеч. 4.

[2] В ответном письме Поливанова сообщала Достоевскому, что, теряя веру в добро и истину, она обращается к «Дневнику писателя» Достоевского: «Читая Ваш „Дневник", я часто бываю потрясена правдой, высказываемой Вами с таким горячим и глубоким убеждением. Я черпаю всё новые силы в Вашем богатстве и чувствую, как пол вновь твердеет подо мной». Получив высланный ей «Дневник писателя» на 1880 г., Поливанова писала Достоевскому 8 сентября 1880 г.: «Все эти Градовские, Успенские и т. д. своей недобросовестной критикой успели смутить многих, особенно тех, которые не слыхали Вас... ‹...› Мне кажется совершенно ясным, что Вы слово „просвещение" употребляете в полном его смысле, то есть просвещение *всего* человека, всех его чувств, способностей и помышлений. Вы только отдаете преимущество духовному просвещению, не исключая умственного просвещения, но веруете, что оно тем более *выиграет* и будет направлено верно».

[3] Достоевский ошибся: его свидание с Поливановой состоялось в Москве во время Пушкинских праздников. Вспоминая об этой встрече, Поливанова писала 22 июля 1880 г.: «...9-го июня, накануне Вашего отъезда из Москвы, когда я была так счастлива быть принятой Вами, Вы при прощании с Сергеем Андреевичем Юрьевым стали говорить о „Пиковой даме" Пушкина и посоветовали мне ее прочитать». В бумагах Поливановой сохранился подробный рассказ об этой встрече (см.: Запись о посещении Ф. М. Достоевского М. А. Поливановой (9 июня 1880 г.). — *ГМ*, 1923, № 3, стр. 29—38).

[4] В этом же письме Поливанова спрашивала Достоевского: «Может ли ненормальное положение вещей, ненормальное и тяжелое отношение между хорошими людьми тянуться без конца, целыми годами до самой смерти и не найти разрешения? Неужели разрешение это зависит только от характеров?». Вопрос Поливановой был вызван ее тяжелыми личными переживаниями.

[5] Речь идет о «Дневнике писателя» на 1881 г.

892. Н. Л. ОЗМИДОВУ (стр. 211)

Печатается по тексту первой публикации: «Русь», 1881, 6 июня, № 30, стр. 22.

Подлинник неизвестен.

Озмидов ответил Достоевскому 1 сентября 1880 г. (*ИРЛИ*, № 29798).

[1] Это письмо Озмидова неизвестно.

[2] С этим мнением Достоевского Озмидов не согласился: «Вы пишете, что фантазию возможно убить, вовсе не дававши книг. Но ведь это у интеллигентов, кои ничего не делают, мы же, и дочурка моя также, целый день работаем над настоящим, интересным, ибо мы творим, жизненным делом и потому, думается мне, мало шансов убить фантазию».

[3] Об этом детском впечатлении от «Разбойников» Шиллера с Мочаловым в главной роли Достоевский рассказывал и Достоевской (см. *Биография*, отд. I, стр. 11). Художественные идеи Шиллера, оказав воздействие на формирование нравственных и эстетических воззрений молодого Достоевского, впоследствии нашли отражение в его творчестве (см. наст. изд., т. XXVIII₁, стр. 68—71; т. XIX, стр. 17, 70, 265; см. также т. XIV, стр. 66 и примеч. т. XV, стр. 536—537; Н. Вильмонт. Достоевский и Шиллер. — В кн.: Великие спутники. М., 1966). Достоевский видел Мочалова в Москве в начале 1830-х гг., а в 1835—1838 гг. высокую оценку игры этого великого актера дал Белинский. С точки зрения критика, Мочалов обладал «чувством неизмеримо глубоким». Белинский отмечал особо исполнение им роли Карла Моора в «Разбойниках» Шиллера (см.: *Белинский*, т. I, стр. 182, 184 и др.; т. II, стр. 302—345).

[4] В заметках 1876 г. Достоевский причислил Вальтера Скотта к явлениям, которые составляют «прекрасное в веке». Там же он писал: «Вальтер Скотт не легитимист, а осмысленное, высшее сердечное примирение после ненависти к прошлому». Достоевский рекомендовал отцам: «...учите Вальтер Скотту детей ваших» (наст. изд., т. XXIV, стр. 133).

[5] Диккенс был одним из любимейших писателей Достоевского на протяжении всей его жизни. Некоторые мотивы произведений Диккенса нашли отражение в творчестве Достоевского (см., например, наст. изд., т. III, стр. 501, 526—527; см. также: И. М. Катарский: 1) Достоевский и Диккенс. — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 277—284; 2) Диккенс в России. М., 1966; N. M. Lary. Dostoevsky and Dickens. London und Boston, 1973; Mac-Pike. Dostoevsky's Dickens. London, 1981.

[6] «Дон Кихота» Сервантеса Достоевский назвал в «Дневнике писателя» 1877 г. «величайшей и самой грустной книгой из всех, созданных гением человека», и посвятил ей там специальный раздел (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 24—27; см. также: В. Е. Багно. Достоевский о «Дон Кихоте» Сервантеса. — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 126—135). Дон Кихот стал литературным прообразом князя Мышкина. Об этом см. в примечаниях к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 400—402).

[7] Эпизоды из книги А.-Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1707, рус. пер. 1832) упоминаются в художественных произведениях Достоевского, в его записных тетрадях и в письмах (см. наст. изд., т. V, стр. 95; т. IX, стр. 132; т. XVI, стр. 63; т. XXVIII₁, стр. 236 и др.). Е. А. Штакеншнейдер также писала, что Достоевский рекомендовал ей прочесть «Жиль Бласа» (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 320).

[8] Вероятно, Достоевский имеет в виду «Всемирную историю» немецкого историка Ф. К. Шлоссера (1776—1861), русский перевод которой вышел под редакцией Н. Г. Чернышевского и В. А. Зайцева (т. 1—18, СПб., 1861—1869). Именно этот перевод упомянут в записной тетради Достоевского 1875 г. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 113, примеч. стр. 377).

[9] С. М. Соловьев — автор «Истории России с древнейших времен», 29 томов которой вышли в свет в 1851—1879 гг. Достоевский внимательно следил за появлением очередных томов этого труда. Н. Н. Страхов утверждает, что, уезжая в 1867 г. за границу, Достоевский в числе прочих немногих книг взял с собою вышедшие к тому времени тома истории Соловьева (см.: *Биография*, отд. I, стр. 298). В романе «Идиот», который создавался в это время за границей, Рогожин по совету Настасьи Филипповны читает «Историю» Соловьева (см. наст. изд., т. VIII, стр. 172, 178—179).

[10] Имеется в виду «История государства Российского» (т. 1—12, СПб., 1816—1829), к которой из всех произведений Карамзина Достоевский проявлял наибольший интерес. Младший брат писателя А. М. Достоевский вспоминал, что «История» Карамзина была «настольною книгою» Достоевского и что «он читал ее всегда, когда не было чего-нибудь новенького» (*Достоевский, А. М.*, стр. 69). Еще будучи юношей, в 1837 г., Достоевский, напоминая младшей сестре Вареньке о том, что нужно заниматься не

только рукоделием, но и науками, настойчиво рекомендовал ей читать «Историю» Карамзина (см. наст. изд., т. XXVIII, стр. 38). См. также: А. В. Архипова. Достоевский и Карамзин. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 101—112.

[11] Сам Достоевский относился к историческим работам Н. И. Костомарова критически. Еще в 1864 г. он сделал ряд набросков для задуманной, но неосуществленной статьи о полемике Костомарова с М. П. Погодиным, возникшей в связи с оценкой исторической роли Дмитрия Донского в ходе Куликовской битвы (см. наст. изд., т. XXVIII_2, стр. 66, 74—75 и примеч. стр. 395, 401; см. также: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 109—112). Тогда же Достоевский собирался полемизировать с Костомаровым и по поводу его отзыва о Пушкине (см. наст. изд., т. XX, стр. 176, 178 и примеч. стр. 364—365). Попытка Костомарова поставить под сомнение вопреки историческим фактам личную доблесть и храбрость князя Дмитрия Донского вызвала со стороны Достоевского возмущение и породила неприязненное отношение к историку. В 1873 г. Достоевский писал М. П. Погодину: «...Костомарова не могу читать без негодования» (наст. изд., т. XXIX_1, стр. 264). См. также: Викторович В. А. О двух историко-публицистических замыслах Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 137—147. В 1880 г. в период подготовки к юбилею Куликовской битвы Достоевский вновь призывал историков дать отпор Костомарову (об этом см. письмо 893 и примеч. к нему 4).

[12] Речь идет о книгах Уильяма Прескотта «История завоевания Мексики» (1843) и «История завоевания Перу» (1847). В библиотеке Достоевского была другая работа этого автора — «История царствования Филиппа II, короля испанского» (рус. пер. — СПб., 1858; см.: *Библиотека*, стр. 147).

[13] В ответ Озмидов писал Достоевскому: «Вашими советами доволен весьма. Все поименованные Вами писатели будут прочтены, но я не думаю, чтобы они давали именно *всё то*, чего я желаю. Дело в том, что человечество до сих пор старалось более всего в том направлении, как бы вселить в человека *знания* (то есть развивали ум), и хотя это также необходимо (но далеко не в той мере, как ныне признается), но ведь счастье дает не это, а *доброта* (в высоком смысле)».

893. О. Ф. МИЛЛЕРУ (стр. 213)

Печатается по тексту первой публикации: *Биография*, отд. III, стр. 343. Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Миллера от 23 августа 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.85). Миллер ответил 1 сентября 1880 г. (там же).

[1] О. Ф. Миллер приглашал Достоевского приехать в Петербург и принять участие в торжественном заседании Славянского благотворительного общества по случаю пятисотлетия Куликовской битвы. Заседание было назначено на 8 сентября — на день, когда русские войска одержали победу над монголо-татарами.

[2] В это время Достоевский писал двенадцатую книгу «Братьев Карамазовых», пять глав которой были отправлены Н. А. Любимову 8 сентября 1880 г.

[3] Константин Николаевич — Бестужев-Рюмин. Миллер писал: «Славянское общество решило сегодня служить в этот день и обедню и панихиду, а затем устроить торжественное заседание в час дня. Бестужев напишет статью, но статья — статьей, а нужно Ваше вдохновенное слово, Бога ради, не отказывайтесь». К. Н. Бестужев-Рюмин выступил 8 сентября 1880 г. на чрезвычайном собрании членов Славянского общества с речью о важном историческом значении Куликовской битвы (см.: Первые 15 лет существования СПб. Славянского благотворительного общества. СПб., 1883, стр. 626).

[4] Достоевский, очевидно, имеет в виду исторические работы Н. И. Костомарова и в первую очередь его статью «Куликовская битва» (см. письмо 892, примеч. 11). Именно там, произвольно толкуя некоторые эпизоды из повести о Мамаевом побоище, Костомаров склонен был сделать вывод, что Дмитрий Донской, чтобы не быть узнанным врагами, переоделся в одежду простого воина, и «не будучи раненым», все время, пока русские преследовали татар, «пролежал под срубленным деревом» (см.: Месяцеслов на 1864 год. Изд. имп. Академии наук. СПб., 1864, Приложение, стр. 23). Следует отметить, однако, что в работе «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», второе издание которой вышло в 1880 г., в главе, посвященной Дмитрию Донскому, рассказ о переодевании Костомаров перенес в подстрочные примечания и закончил его своим заключением: «Рассказ о переряживании, как и о лежании под деревом, есть чистый вымысел» (Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 2-е изд. СПб., 1880, т. I, стр. 227).

[5] Имеются в виду полемические статьи по поводу речи Достоевского о Пушкине (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 129—174 и примеч. 492—509).

[6] К. Н. Юханцев — кассир Общества взаимного поземельного кредита, совершивший крупные мошенничества и разоривший многих вкладчиков. «Московские ведомости» писали, имея в виду дело Юханцева: «Как ни притерпелась публика в последнее время к известиям о кражах всевозможного рода, но факт похищения 2 023 295 рублей общественных денег произвел впечатление» (*МВед*, 1878, 29 августа, № 219). Салтыков-Щедрин неоднократно упоминал Юханцева в своих очерках и в романе «Современная идиллия» (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. 15, стр. 108, 188 и др.). Сатирик считал появление юханцевых результатом экономического вырождения и духовного краха представителей дворянства. Обвиняя общество в том, что оно создало условия для появления юханцевых и других «сорванцов, у которых на языке — „государство“, а в мыслях — пирог с казенной начинкой», сатирик писал в очерке «Первое мая» (1879): «Аппетиты разожглись сами собой, вследствие наплыва целой массы праздных людей, оставшихся за бортом с упразднением крепостного права» (там же, т. 13, стр. 464). Дело Юханцева рассматривалось в Петербургском окружном суде в январе—феврале 1879 г. Заседания происходили под председательством А. Ф. Кони, представителем обвинения был товарищ прокурора А. И. Урусов. Отчеты о судебном разбирательстве см.: *Г*, 1879, 23 января—2 февраля, № 23—33; *МВед*, 1879, 23, 25 января—1 февраля, №№ 20, 22—29; см. также: А. Ф. Кони. Судебные речи. СПб., 1888, стр. 475—494.

[7] Свое мнение о «Дневнике писателя» на 1880 г. И. С. Аксаков высказал Достоевскому в письмах к нему от 20 и 23 августа 1880 г. (см. письмо 894 и примеч. к нему).

894. И. С. АКСАКОВУ (стр. 213)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 190.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 344—345.

Ответ на письма Аксакова от 20 и 23 августа 1880 г. (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 353—358).

Аксаков ответил 3 сентября 1880 г. (там же, стр. 358—359).

[1] Высказанная здесь благодарность за критические замечания по поводу «Дневника писателя» на 1880 г. была особо отмечена Аксаковым. Посылая в 1883 г. Н. Н. Страхову тексты писем Достоевского для публикации, он писал: «До 1880 года, до Пушкинского праздника у меня не было переписки с Достоевским; но затем было получено мною писем шесть. Из них посылаю четыре <...> Самое интересное это первое письмо <...> Оно было ответом на мое письмо к нему по поводу его ответа Градовскому. В нем между прочим, я прямо высказал ему упрек в том, что про-

поведуя нравственные высшие начала, он в изображении безнравственных явлений *излишне реален* и словно *смакует их*. Именно, есть место в статье к Градовскому, где, упомянув о каскадных певицах, он тут же слишком налегает на изображение, как они «вертят задком» и пр. Я сказал, помнится, что высшее искусство требует и в обличении порока целомудренности со стороны художника и ее у него нет. Я был убежден, послав письмо, что Достоевский оскорбится и был отрадно удивлен его письмом от 28 августа» (*Биография*, отд. II, стр. 344). О «каскадных певицах» Аксаков писал Достоевскому 23 августа 1880 г. Достоевский этот упрек Аксакова оставил без ответа (ср. письмо 906 и примеч. 5 к нему).

[2] Имея в виду «Дневник писателя» за 1880 г., Аксаков писал в письме от 20 августа 1880 г.: «Упрекнуть Вас можно лишь в том, что слишком уж крупна порция, не по внешнему, а по внутреннему объему. Тут у Вас мимоходом, стороною, брошены истинные перлы <...> годящиеся в темы для целых сочинений <...> Вы проявляете мало экономической распорядительности мыслей и потому слов; слишком большое обилие первых, причем основная — обставляется и иногда заслоняется множеством побочных; крупная черта подчас теряется в богатстве мелких. Еще пред взором читателя не выяснились линии всего здания, а Вы уже лепите детали. Этот недостаток свойствен художникам-мыслителям, у которых образ или мысль возникает со всеми частностями, во всей жизненности, с случайностями, разнообразными воплощениями, так что им очень мудрено охолащивать, так сказать, свою мысль или образ. Я как-то упрекал Льва Толстого, что у него всё на первом плане, всё одинаково сильно живет, тогда как в живописи, например, и в натуре для глаза — ярко видно лишь то, что на первом плане, а остальное, по мере отдаления, бледнеет, cepeeт. Что было бы, если б глаз *одинаково отчетливо и живо* видел и близкое и на краю горизонта? Он бы лопнул. Так и Вы. Вы даете читателю *слишком много* зараз, и кое-что, по необходимости, остается недосказанным. Иногда у Вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, *с перспективою такой новой дали*, что у иного читателя голова смущается и кружится...» (стр. 353—354).

[3] Отвечая Достоевскому, Аксаков писал: «И не торопитесь мне отвечать, дорогой Федор Михайлович, и не отвлекайтесь от Вашего дела. Я знаю и без Ваших слов, как Вы пишете и чего стоит Вам писание романа, особенно такого, как „Братья Карамазовы". Такое писание *изводит* человека: это не произведение виртуоза — тут Ваша собственная кровь и плоть — в переносном смысле. Для меня достаточно уже то, что Вы именно *так* отнеслись к моему письму; если в нем есть что верного, так оно с Вас не соскользнет и Вы уже распорядитесь им по-своему».

895. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 214)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.3.58. Приписка на л. 2 об. письма А. Г. Достоевской к Н. М. Достоевскому от 28 августа 1880 г. — там же.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 198.

Ответ на письмо Н. М. Достоевского от 18 августа 1880 г. (***ИРЛИ***, ф. 100, № 29701).

[1] В это время Достоевский завершал «Братьев Карамазовых» (ср. письмо 893).

[2] Н. М. Достоевский писал 18 августа: «...я слышал, что будто бы продана какая-то часть нашего имения и долги уже получены, и если это правда, то тогда, конечно, я должен думать, что Шер задержал мою долю у себя, а потому прошу тебя: уведомь меня двумя строчками об этом. Я уже давно послал Шеру договор и, кроме того, несколько писем и до сих пор не получил ответа. При моем настоящем тяжелом положении деньги эти были бы моим спасением. Всё лето, начиная с 3-го мая, я был

серьезно болен и не выходил из квартиры до августа месяца ‹...› Недавно посетила меня сестра (А. М. Шевякова. — *Ред.*) и вместо утешения объявила мне, что подала просьбу о продаже с аукциона тех частей имения, владетели которых еще не выплатили ей, то есть моей части, Шер и племянников. Не знаю, как она это сделает, если имение еще не разделено. Прочтя эти строки, ты поймешь, что при моем положении и обстановке мне очень важно разъяснение, о котором и прошу тебя, дорогой мой брат».

[8] Достоевская передала Н. М. Достоевскому то, что ей стало известно из письма В. Д. Шера к А. А. Достоевскому от 6 июля 1880 г., где сообщалось, что ввод Достоевских во владение имением все еще не состоялся из-за неисправности документов и что Шером были проданы около 60 десятин леса Пехорки для уплаты недоимки по имению (ср. письмо 885). На вопрос Н. М. Достоевского о возможности получения денег она отвечала: «Шер писал, что он внес недоимок всего 1000 руб., а так как, по моему расчету, он получил около 5200 руб., то за взносом 1000 руб. у него осталось около 4200, а след‹овательно›, на Вашу 12-ю часть приходится около 350 руб. Нас о продаже леса он не извещал, и мы о этой продаже узнали лишь от Александра Андреевича. Денег, следуемых нам, он тоже не высылал» (*ЛН*, т. 86, стр. 516).

896. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 215)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 54 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 130.

[1] Одним из консультантов автора «Братьев Карамазовых» был А. А. Штакеншнейдер (см. письмо 883, примеч. 11 и наст. изд., т. XV, стр. 437), другим — А. Ф. Кони. Кроме того, желая избежать упрека в ошибках, которые могли быть допущены в рассказе о судебном разбирательстве, Достоевский заранее предупредил читателей, что его повествование не претендует на точность. В первой главе двенадцатой книги хроникер говорит: «...я далеко не считаю себя в силах передать всё то, что произошло на суде, и не только в надлежащей полноте, но даже и в надлежащем порядке» (там же, стр. 89, примеч. стр. 445).

[2] О работе над этими главами романа см. наст. изд., т. XV, стр. 446.

[3] «Эпилог» «Братьев Карамазовых» был напечатан только в ноябрьской книжке «Русского вестника» за 1880 г.

[4] М. Н. Каткову.

[5] Речь идет о цикле статей Н. А. Любимова «Против течения, беседы двух приятелей о революции», печатание которых началось в августовской книжке «Русского вестника» за 1880 г. (стр. 612—690) под псевдонимом «Варфоломей Кочнев» и продолжалось до 1884 г. В 1893 г. статьи были изданы отдельной книгой под названием «Крушение монархии во Франции». Поставленную перед собою задачу — осветить события французской революции XVIII в. — автор «бесед» сформулировал следующим образом: «У нас очень силен культ французской революции, хотя нигде, конечно, не распространены так мало, как у нас, сведения об этом событии. Может быть, и культ поддерживается главным образом тем, что о событии этом имеются у нас лишь самые неясные, мифические представления» (*РВ*, 1880, № 8, стр. 612). Достоевский проявлял большой интерес к истории французских революций. В его библиотеке (см.: *Библиотека*, стр. 148) имелись французские издания сочинений названных в этом письме историков: Луи Блана — «История революции 1848 г.» (1870, 4 вып.) и Ламартина — «История жирондистов» (1847, 8 т.). Упомянув Луи Блана, Достоевский, возможно, имел в виду и другой его труд — двенадцатитомную «Историю французской революции», в первом томе которой (1847) положительно оценивался якобинский период революции XVIII в.

897. В. П. ГАЕВСКОМУ (стр. 216)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 109.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 200.
Ответ на письмо Гаевского от 28 сентября 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.60).

[1] 28 сентября 1880 г. В. П. Гаевский писал: «Сегодня я уже в третий раз заходил к Вам, уважаемый Федор Михайлович и, найдя замок па дверях, решаюсь писать Вам, так как дело не терпит.

19 октября будет пушкинский литературный вечер в пользу Литературного фонда, Комитет которого убедительно просит Вашего участия, необходимого для полного успеха вечера. Будут читаться только произведения Пушкина. Участвуют: Савина, Григорович, Вейнберг, Плещеев, Потехин, Полонский, Горбунов, Грот. Для Вас оставлены „Пророк“ и „Сказка о Медведице“, которые Вы так бесподобно читали в Москве, но если выберете еще что-нибудь, тем лучше. Дня через три я должен отправлять избранные вещи в цензуру и потому прошу Вас о скорейшем ответе.

Искренно преданный В. Гаевский. <...> Не желаете ли прочесть „Памятник“, с которого начнется вечер, „19 окт‹ября›“ 1825 г. или „19 октября“ 1836 г.? „Осень“? Из „Бориса“? Из „Полтавы“? Прозу? Из „Песен западных славян“? Сказки?».

[2] Для Достоевского «Скупой рыцарь» — свидетельство «всемирной отзывчивости» Пушкина, его способности «перевоплощаться вполне в чужую национальность» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 145—146). Л. И. Веселитская (В. Микулич) вспоминала, как на одном из субботних вечеров зимой 1879—1880 г. в доме Е. А. Штакеншнейдер состоялась любительская постановка пушкинского «Каменного гостя», после которой Достоевский по просьбе собравшихся прочел монолог Барона из «Скупого рыцаря» (см.: В. М и к у л и ч. Встречи с писателями. Л., 1929, стр. 147—148). «Монолог Скупого» Достоевский предполагал читать и на пушкинских торжествах (см. письма 865, 868).

[3] Незавершенная пушкинская «Сказка о медведихе» (1830?) упоминается Достоевским в «Дневнике писателя» 1877 г. (декабрь, гл. II) и в Пушкинской речи, где она охарактеризована как пример «чего-то любовного, чего-то милого и умиленного» в «созерцании народа» поэтом (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 116, 144). «Сказку о медведихе» Достоевский читал на литературно-музыкальном вечере Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г., а незадолго до «Лицейского дня», устраивавшегося Литературным фондом, — в салоне Е. А. Штакеншнейдер 14 октября 1880 г. (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 303).

[4] В состоявшемся в день лицейской годовщины 19 октября литературном чтении, по сообщению хроникера, «самые шумные овации достались на долю Д. В. Григоровича и Ф. М. Достоевского. Последний во втором отделении сверх программы продекламировал известное стихотворение Пушкина „Пророк“ поистине мастерски, а последние с воодушевлением произнесенные строфы (имеются в виду два последних стиха. — *Ред.*) вызвали бурю рукоплесканий...» (*НВр*, 1880, 21 октября, № 1670). Достоевская вспоминала об этом выступлении: «Федор Михайлович прочел сцену в подвале из „Скупого рыцаря“ (сцена 2-я), затем стихотворение „Как весенней теплой порой“, а когда его стали вызывать, то прочел „Пророка“, чем вызвал необыкновенный энтузиазм публики. Казалось, стены Кредитного общества сотрясались от бурных аплодисментов. Федор Михайлович раскланивался, уходил, но его вызывали вновь и вновь, и это продолжалось минут десять. Ввиду громадного успеха этого чтения, В. П. Гаевский решил повторить его через неделю, 26 октября, с тою же программою и теми же исполнителями» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 351—352). В дневниковой записи, датированной тем же днем, Е. А. Штакеншнейдер отмечала: «Литературный фонд давал сегодня литературное утро в такой зале (зал Петербургского кредитного общества у Александринского театра. — *Ред.*), где трудно читать и где чтецов не

во всех концах слышно, а Достоевский, больной, с больным горлом и эмфиземой, опять был слышен лучше всех. Что за чудеса! <...> он, едва начнет читать, точно вырастает и здоровеет. Откуда-то появляется сила, сила какая-то властная» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 306—307). О глубине постижения Достоевским-чтецом пушкинского творчества Штакеншнейдер писала в связи с чтением писателем стихов Пушкина в ее салоне 14 октября: «Вот этот человек понимает тонко и без всяких вспомогательных средств — вроде шепота, и выкрикиваний, и вращения глаз, и прочего — слабым своим голосом, который <...> слышался всегда в самых отдаленных углах огромной залы, он проникает не в уши слушателей, а, кажется, прямо в сердце. Если читать стихи Пушкина про себя — наслаждение, то слушать их передачу и чувствовать между ними и ею полную гармонию, без единой фальшивой ноты, во всей их красоте, — еще большее» (там же, стр. 305).

898. П. Е. ГУСЕВОЙ (стр. 216)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 266, оп. № 5, ед. хр. 40.

Впервые опубликовано: *ГМ*, 1920—1921, стр. 123—124.

Ответ на письма Гусевой от 26 июля и 3 сентября 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.140).

Гусева ответила Достоевскому 22 октября 1880 г. (*ИРЛИ*, № 29688).

[1] Достоевский за это время написал одиннадцатую и бо́льшую часть двенадцатой книги «Братьев Карамазовых» и издал «Дневник писателя» на 1880 г. (см. наст. изд., т. XV и т. XXVI).

[2] В ответ на это Гусева писала: «Ради господа, забудьте о моей грубой, настойчивой просьбе. Бог с ней, рукописью. Ведь я не знала, что Вы больны <...> „дни мои сочтены“. Признаюсь, эти слова гвоздем вонзились мне в сердце». См. ниже, примеч. 5.

[3] Гусева писала 26 июля: «Здоровье никуда не годится <...> работа с рук нейдет, денег ни гроша, а существовать надо — пока не позовут „*туда*“, где всем готова *даровая квартира*».

[4] Гусева писала 3 сентября 1880 г.: «Что же это значит, добрейший Федор Михайлович, — неужели и Вы не составляете исключения по пословице: „Сытый голодного не разумеет“».

[5] В письме от 26 июля Гусева обратилась к Достоевскому с просьбой взять рукопись ее «небольшого романа „Мачеха“, на 13 л.» из редакции «Огонька», где ее не приняли к печати, и передать «куда-нибудь в другой журнал». При этом Гусева добавляла: «Голубчик мой Федор Михайлович, Вы знаменитость литературного мира. Ваше одно слово *много значит*, войдите в мое положение».

[6] Напомнив Достоевскому о совместном пребывании в Эмсе летом 1875 г., Гусева писала, что была к Достоевскому «неравнодушна», но «геройски скрыла» даже от него самого «это греховное чувство».

899. В. М. КАЧЕНОВСКОМУ (стр. 218)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 6.

Впервые опубликовано (в извлечениях): Влад. Каченовский. Мои воспоминания о Ф. М. Достоевском. — *МВед*, 1881, 31 января, № 31. Полностью: *Сб. Достоевский, I*, стр. 470—471.

Ответ на письмо Каченовского от 29 сентября 1880 г. (*ИРЛИ*, ф. 155, Приложения к журналу № 23 заседания Комитета Литературного фонда 27 октября 1880 г., л. 226—227).

Каченовский ответил 20 октября 1880 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29738).

[1] В упомянутом выше письме Каченовский сообщает, что несколько лет тому назад он перенес тяжелую операцию правого глаза, почти потерял зрение и находится в бедственном материальном положении.

«Службу секретаря в Попечит‹ельном› комитете, — пишет он далее, — я должен был оставить, и так как в ведомстве Имп‹ераторского› челов‹еколюбивого› об‹щества› пенсий нет, то получаю небольшое пособие.

Этим временем, именно в этом году, дочь моя кончила курс, и ей потребовалась, после казенной, собственная экипировка... Жена больна ревматизмом, и я приютил было ее на даче на лето. Поправилась, а теперь опять плохо. Чтобы чем-нибудь помочь нужде, кое-что пишу, но и это не по силам: должен отрываться — не могу ‹...› Думаю обратиться в Общество поощрения литераторам ‹...› Не укажете ли мне, как поступить. Хоть бы что-нибудь дали на экипировку дочки, а я вошел в долги, и притом самые ужасные по их отдельной незначительности ‹...›

Вот, старый товарищ (а как мало осталось нас!), мое положение... Какова старость ждет меня!

Удостойте ответом и поскорее...».

[2] Ср. письмо 898.

[3] Каченовский имел в виду «Общество пособия нуждающимся литераторам и ученым» («Литературный фонд»): сообщая о своем намерении обратиться в «Общество поощрения литераторам», он замечал: «...представитель его в Москве, мой приятель В. И. Радиславский, болен», — последний же был членом Литературного фонда с ноября 1874 г. (см.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым... Список его членов в 1859—1884 гг. СПб., 1885, стр. 41).

[4] В. П. Гаевский был председателем Комитета Литературного фонда со 2 февраля 1879 г. по 2 февраля 1881 г.

[5] Т. е. М. Т. Каченовского — известного историка и литературного критика.

[6] 21 октября 1880 г. В. П. Гаевский сообщал Достоевскому: «Спешу уведомить Вас, многоуважаемый Федор Михайлович, что в сегодняшнем заседании Комитета назначено Влад‹имиру› Мих‹айловичу› Каченовскому, согласно Вашему желанию, 75 р., которые посылаются ему завтра» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.60).

[7] Имеются в виду соученики Достоевского по московскому частному пансиону Л. И. Чермака (1834—1837).

[8] Ср. письмо 220 (наст. изд., т. XXVIII$_2$, стр. 71).

[9] Пансион Л. И. Чермака находился на Новой Басманной, в доме Касаткиной-Ростовской (на месте д. 31; не сохранился) (см.: Г. А. Федоров. Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. (по новым материалам). — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 244).

[10] Т. е. в конце мая—начале июня 1880 г. Каченовский писал 29 сентября 1880 г.: «Во время Вашего пребывания в Москве я был на даче у жены и не мог ее оставить. А так хотелось видеться!».

[11] Каченовский просил Достоевского в том же письме: «Не признаете ли возможным прислать хоть какое-нибудь из Ваших изданий («Подросточка») дочери моей, украсив его Вашим автографом». 16 ноября 1880 г. Каченовский сообщал: «Получила и дочь моя „Подросток“ и шлет Вам за него горячую признательность» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.56).

[12] См. письмо 898.

900. М. А. ПОЛИВАНОВОЙ (стр. 220)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2191.1.253.

Впервые опубликовано: «Огонек», 1956, № 6, стр. 20.

Ответ на письма Поливановой от 25 августа, 8 сентября и 17 октября 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II, 7, 105); отрывки из них опубликованы: И. Волгин. Последний год Достоевского. М., 1986, стр. 307—308.

Поливанова ответила 30 октября 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.7.105). Отрывки опубликованы там же, стр. 309.

[1] См. письмо 891.

[2] Эту часть «Братьев Карамазовых» Достоевский отправил в «Русский вестник» не 2, а 8 сентября (см. письмо 896).

[3] Достоевский в этот период закончил VI—XIV главы последней книги «Братьев Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 446).

[4] См. письмо 897, примеч. 4.

[5] Достоевский имеет в виду письма И. С. Аксакова от 20 и 23 августа 1880 г., в которых содержались критические замечания по поводу «Дневника писателя» на 1880 г. (см. письмо 894).

[6] Достоевский имеет в виду полемику по поводу его речи о Пушкине в «Дневнике писателя» 1880 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 492—509).

[7] Поливанова писала Достоевскому о трудных взаимоотношениях с мужем (см. письмо 891). В письме от 25 августа 1880 г. она рассказала Достоевскому об измене мужа, а 17 октября сообщала: «И „он" стал другим, и я уверена — от близкого прикосновения к Вам. О, я чувствую, что если суждено нам с ним быть счастливыми, изгнав и уничтожив всю горечь душ наших, то произойдет это непременно через Вас и Вы сами об этом не будете знать».

[8] Просьбу о намерении возобновить с будущего 1881 г. «Дневник писателя» Достоевский подал 25 октября 1880 г. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 271—272).

901. Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВУ (стр. 222)

Печатается по тексту первой публикации: М. А. Александров. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг. — *РС*, 1892, № 5, стр. 324.

Подлинник неизвестен.

[1] В своих воспоминаниях М. А. Александров рассказывал, как он, желая занять освободившееся в октябре 1880 г. «место соединенных обязанностей» метранпажа журнала «Дело» (издатель Г. Е. Благосветлов) и фактора его типографии обратился за рекомендацией к Достоевскому: «Когда я объяснил Федору Михайловичу причину моего к нему визита, то оказалось, что он сильно антипатизировал тому литературному лагерю, к которому принадлежал Г. Е. Благосветлов <. . .>

— „Я ведь с ними <. . .> давно уж не знаюсь, — сказал Федор Михайлович, выслушав мою просьбу, — так что уж и не знаю, могу ли я быть вам в этом случае полезен-то <. . .> Я напишу, если хотите, то, что о вас знаю, ни к кому собственно не обращаясь".

Я согласился; тогда Федор Михайлович попросил Анну Григорьевну <. . .> писать под его диктовку.

— „А я подпишу", — добавил он и стал диктовать свой отзыв обо мне, иногда поправляя продиктованное.

Отзыв этот, долженствовавший иметь значение рекомендации, вышел у Федора Михайловича, по обыкновению, оригинальным и потому весьма мало похожим на все подобного рода документы» (*РС*, 1892, № 5, стр. 323—324).

[2] Александров изредка выступал в печати с собственными статьями (см. перечень некоторых его статей в издании: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 453). Так, его статья «Из воспоминаний простого человека. Мой учитель» с посвящением учителям народных школ была сочувственно оценена Достоевским и опубликована при его содействии в №№ 19—22 «Гражданина» за 1874 г. Именно после этой статьи, укрепившей общее расположение Достоевского к Александрову, писатель неоднократно напоминал ему, что он «сам литератор» (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 453),

902. А. П. ШУЙСКОЙ (стр. 222)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, отд. пост. № 13941.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 207.
Ответ на письмо Шуйской от 25 октября 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.153).

[1] Шуйская пригласила Достоевского прочесть статью на литературном вечере в пользу «Общества попечительства о воспитательницах и учительницах», попечительницей которого она была (см. письмо 904).

903. В. П. ГАЕВСКОМУ (стр. 223)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 109.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 207—208.

[1] Поездка Достоевского в Москву не состоялась (ср. письмо 907).
[2] В ноябре 1880 г. Достоевский завершал работу над «Братьями Карамазовыми» («Эпилог» был отослан в редакцию «Русского вестника» 8 ноября), затем приступил к подготовке отдельного издания романа (вышло в начале декабря) и организации подписки на «Дневник писателя» 1881 г. (см. письма 905, 907, 909).
[3] 2 ноября Достоевский писал П. И. Вейнбергу, что «в случае необходимости», «может быть», будет участвовать в ноябрьских чтениях для Литературного фонда (см. письмо 904), а 18 ноября в «Новом времени» сообщалось об «организации Комитетом Литературного фонда чтений произведений Гоголя 21 ноября, в пятницу, в 8 час‹ов› в Благородном собрании» и, в частности, о том, что «на этом вечере будет читать, между прочим, отрывки из „Мертвых душ“ Ф. М. Достоевский, высокохудожественное чтение которого на пушкинских чтениях в Москве и Петербурге вызвало необыкновенный и вполне заслуженный восторг» (*НВр*, 1880, № 1698). См. также письмо 904, примеч. 4.

904. П. И. ВЕЙНБЕРГУ (стр. 224)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 109, I.16.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 208—209.
Ответ на письмо Вейнберга от 1 или 2 ноября 1880 г. (*Материалы и исследования*, т. IV, стр. 249—250).

[1] См. письмо 902.
[2] См. письмо 903.
[3] Достоевский имеет в виду чтение, состоявшееся 19 октября 1880 г. в зале Городского кредитного общества по поводу «Лицейского дня» (см. письмо 897, примеч. 4), и повторение этой же программы 26 октября 1880 г. (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 352).
[4] Чтение в пользу Литературного фонда состоялось в зале Благородного собрания 21 ноября 1880 г. Достоевский «прочел в первом отделении стихотворение Некрасова „Когда из мрака заблужденья“, а во втором — отрывки из первой части поэмы Гоголя „Мертвые души“» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 352; воспроизведение программы этого публичного чтения см.: *ЛН*, т. 86, стр. 477).
[5] Достоевский содействовал организации Бестужевских курсов и был членом «Общества для доставления средств Высшим женским курсам» (см.: Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1878—1879 годы. СПб., 1896, стр. 50). Литературный вечер в пользу Бестужевских курсов состоялся 14 декабря 1880 г. В нем приняли участие Достоевский и Григорович. В первом отделении Достоевский читал стихотворение Пушкина «Пророк», а Григорович — рассказ Достоевского

«Мальчик у Христа на елке». Во втором была исполнена «Женитьба» Гоголя. Достоевский играл Подколесина, Григорович — Кочкарева (подробнее об этом см.: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 251—252). По поводу «ряда чтений из всей русской литературы» Вейнберг писал Достоевскому: «На днях сообщу Вам план тех литературных чтений, которые Вы задумали и которые надо непременно осуществить» (там же, стр. 251).

905. П. Е. ГУСЕВОЙ (стр. 225)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 266, оп. 5, ед. хр. 40.
Впервые опубликовано: *ГМ*, 1920—1921, стр. 124—125.
Ответ на письмо Гусевой от 29 октября 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.140).

[1] Еще 26 июля 1880 г. Гусева просила Достоевского забрать рукопись ее романа «Мачеха» из редакции «Огонька» (см. письмо 898, примеч. 5). 29 октября 1880 г. она вновь писала: «Сейчас прочла объявление и программу газеты „Русь" <...> и прошу Вас, глубокоуважаемый Федор Михайлович, принять на себя благодетельный труд отослать мою рукопись „Мачеха" (если она у Вас) вместе с тетрадкою мелких стихов в это новое издание, за направление которого говорит подпись редактора <...>. Как *Гусева* я, может быть, немножко знакома Ивану Сергеевичу чешскими переводами и мелкими стихотворениями, которые он поместил однажды в сборнике „Братская помощь" (если не перепутала название)». О чешских переводах и стихотворениях Гусевой см. письмо 906, примеч. 2.

[2] См. письмо к И. С. Аксакову от 4 ноября 1880 (906). Гусевой как «хорошему человеку» покровительствовал не только Достоевский. В 1873 г. о ней писала Н. П. Огареву Т. П. Пассек: «Прилагаю тебе стихотворение одной русской молодой женщины, она в Праге, в одной квартире со мною живет. Я ее знаю давно — хороший человек — вырвалась из бедного быта, — дочь дьячка сельского, развилась, пообразовалась сама собой, случайно в Праге выучилась чешскому языку, переводит с чешского и этим существует» (см.: А. Изюмов. Пражское письмо Татьяны Пассек к Огареву в 1873 г. — Центр. Европа, 1934, № 2, с. 98—103; цит. по кн.: К. И. Ровда. Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870—1890. Л., 1978, стр. 48)).

906. И. С. АКСАКОВУ (стр. 225)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 190.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 345—347.
Аксаков ответил 12 ноября 1880 г. (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 359).

[1] См. письмо П. Е. Гусевой от 3 ноября 1880 (905). В ответном письме Аксаков сообщил: «Дошла „Мачеха" в свой черед и до меня. Но она таких почтенных размеров, что ко мне и в двери не лезет. Слишком велика. Впрочем, не вытолкну ее, не ознакомясь с нею, а для этого нужно время. Та же самая Пелагея Егоровна Гусева прислала ко мне послание в стихах и при нем поэму, переложение в *стихах* какого-то рассказа из Четьи Миней».

[2] В письме от 29 октября 1880 г. Гусева сообщила Достоевскому, что ее чешские переводы и мелкие стихотворения И. С. Аксаков, если ей не изменяет память, напечатал однажды в сборнике «Братская помощь» (см. письмо 905, примеч. 1). В сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (СПб., 1876) переводов или собственных сочинений Гусевой нет. Речь идет о книге: Родное племя. Сборник в пользу раненых сербов и черногорцев и вообще пострадавших от войны и турецкого насилия жителей Болгарии, Боснии, Герцеговины и Старой

Сербии, изданный дамским отделением Славянского благотворительного комитета в Москве. М., 1876, кн. 1. В этом сборнике были напечатаны переводы Гусевой чешских стихотворений («Чешским женам» Божены Немцовой; «Чешский народный гимн» Йозефа Каетана Тыла; «Чешская песня» Яна Гвезды; «Роза» Вячеслава Ганки) и два ее оригинальных стихотворения («Криволап» и «На освящение православного храма в Праге»). Чешские переводы Гусевой печатались также еще в начале 1870-х гг. в «Русском вестнике» (об этом см.: К. И. Ровда. Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870—1890. Л., 1978, стр. 126).

[3] Речь идет о письме Аксакова от 3 сентября 1880 г. (см. письмо 894).

[4] Объявление об издании еженедельной газеты «Русь» было напечатано 2 (14) и 4 (16) октября 1880 г. в газете «Новое время» (№ 1651 и 1653). Определяя направление газеты «Русь», название которой было выбрано как символ «той правды, которой так недостает <...> изолгавшемуся общественному бытию России», редактор-издатель Ив. Аксаков писал: «Насущная современная потребность нашего общества, а вместе и обязанность печати, как мы ее понимаем, это — эмансипация русского общественного сознания от рабства, почти уже невольного, иностранным мировоззрениям, учениям, мерилам, от отвлеченности, от доктринерства вообще — этого закоренелого исторического нашего недуга <...> Поменьше дерзкой надменной теории, побольше смирения пред явлениями русской жизни».

[5] 23 августа 1880 г. Аксаков писал Достоевскому, имея в виду «тон» его «Дневника писателя»: «Молва гласит, что Вы человек болезненно раздражительного самолюбия, но я ей не верю, и Вы позвольте мне высказаться откровенно <...> В Ваших статьях <...> приемы полемические *некоторые* показались мне уж очень грубы» (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 356). Здесь же Аксаков высказал критические замечания по поводу того, как Достоевский изобразил в «Дневнике писателя» за 1880 г. «каскадную певицу», исполняющую в «местечке Парижé-с» «канканчик в Баль-Мабиле» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 160) и сделал при этом выводы, затрагивающие уже основы эстетики реализма. Он писал: «...не понравилось мне <...> *как* Вы самую картину нарисовали. Вы нарисовали ее как *художник-реалист*, а художник-реалист всегда более или менее склонен, невольно склонен *смаковать* изображаемое, *услаждаться* верностью, точностью, самым процессом изображения, причем уже несколько *безразлично*, в смысле нравственном относится к содержанию. Но в этом и опасность, своего рода подводный камень. Вы и воспроизвели каскадную певицу, но так реально, так живо и притом, что хуже всего, — *с шуточкой*, — что превосходную, нравственно-поучительную Вашу статью нельзя дать в руки молодой девушке» (*Известия ОЛЯ*, т. 31, вып. 4, стр. 356—357). Этот упрек Аксакова Достоевский оставил без ответа (ср. *Фридлендер*, стр. 377—378).

[6] Отрицательное отношение к «Выбранным местам из переписки с друзьями», особенно к главе «Завещание», сформировавшееся еще в молодости (см. письмо к М. М. Достоевскому от 5 сентября 1846 г. — наст. изд., т. XXVIII_1, стр. 125), Достоевский сохранил на всю жизнь. Так, например, в подготовительных набросках к «Подростку» (1875) он писал, что Гоголь в своем «Завещании» «врал и паясничал» (там же, т. XVI, стр. 330). В заметках к «Дневнику писателя» за 1877 г. Достоевский признавался, что Гоголь всю жизнь ему представлялся как «не вынесший своего величия человек» (там же, т. XXV, стр. 250). Однако в той же записной тетради Достоевский отметил, имея в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: «Много искреннего в переписке. Много высшего было в этой натуре, и плох тот реалист, который подметит лишь уклонения» (там же, стр. 241). Работая над шестой книгой «Братьев Карамазовых» («Русский инок»), Достоевский с сочувствием коснулся некоторых проблем, которые волновали в свое время и Гоголя (об этом см. наст. изд., т. XV, стр. 427—428).

[7] Объявление о подписке на «Дневник писателя» 1881 г. было напе-

чатано в газете «Русь» 29 ноября 1880 г. (№ 3) и затем повторено 6, 13 декабря 1880 г., 17, 24 января 1881 г. (№ 4, 5, 10, 11). См. письмо 910.

[8] 20 августа 1880 г. Аксаков писал Достоевскому: «Я слышал от Кошелева, приезжавшего в Москву на один день, что в августовской книжке „Русской мысли“ должна была появиться статья Юрьева не то что против Вас, но по поводу Вас с некоторым возражением. Да и он сам (Кошелев) марнул было статейку на тему о смирении и гордости: слишком-де превозносите русский народ и т. д.» (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 354). В связи со статьями Юрьева и Кошелева И. С. Аксаков писал 17 августа 1880 г. О. Ф. Миллеру: «Вышла августовская книжка „Русской мысли“. Очень рад, что там нет статей *против* Достоевского. А должны были быть. Кошелев приезжал сюда на один день и сказал мне, что он послал свою статью Юрьеву, который также пишет статью. Может быть, Кошелев устыдился после сильных моих слов и отменил помещение своей статейки...» (*ЛН*, т. 86, стр. 515. См. также там же, стр. 518—519). Статья А. И. Кошелева «Отзыв по поводу слова, сказанного Ф. М. Достоевским па пушкинском торжестве» была напечатана в 10 номере журнала «Русская мысль» за 1880 г. О статье Кошелева, в которой он отклонил некоторые из тезисов речи Достоевского, см. наст. изд., т. XXVI, стр. 482.

907. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 227)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 54 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 131.

[1] 30 ноября 1880 г. в зале городского Кредитного общества был устроен вечер в пользу Общества вспомоществования студентам Петербургского университета. Достоевская, вспоминая об этом вечере, пишет: «Федор Михайлович прочел „Похороны Илюшечки“. Чтение это, несмотря на тихий голос, было до того художественно, до того затронуло сердца, что я кругом себя видела скорбные и плачущие лица, и это не только у женщин. Студенты поднесли мужу лавровый венок и проводили его большою толпою до самого подъезда. Федор Михайлович мог воочию убедиться, до чего его любит и чтит молодежь. Сознание этого было очень дорого мужу» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 352).

[2] Отдельное издание «Братьев Карамазовых», в 2-х томах, вышло в начале декабря 1880 г. (на титуле обоих томов — 1881 г.) в количестве трех тысяч экземпляров. «Издание это, — как пишет Достоевская, — имело сразу громадный успех, и в несколько дней публика раскупила половину экземпляров» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 369).

[3] См. письмо 896, примеч. 5.

908. В. М КАЧЕНОВСКОМУ (стр. 228)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 348. Подлинник — в Научной библиотеке Вильнюсского гос. ун-та.
Ответ на письмо Каченовского от 16 ноября 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.56).
Впервые опубликовано: *Достоевский и его время*, стр. 249.
Датируется 25 ноября по содержанию письма.

[1] Письмо В. И. Гаевского Достоевскому от 25 ноября 1880 г. неизвестно. Сообщая его содержание, Достоевский исполнял просьбу Каченовского. который 16 ноября 1880 г. писал: «Из письма высокочтимой супруги Вашей я узнал, что предполагалось назначение мне постоянного пособия из „фонда“, о чем я должен бы был, судя по письму, получить извещение; но теперь я боюсь, не последовало ли какого изменения

в этом добром намерении В. П. Гаевского, беспокоить же его письмом — я опасаюсь.

Не признаете ли возможным, при случае, конечно, узнать у него про это обстоятельство».

В протоколе заседания Комитета Литературного фонда 24 ноября 1880 г. отмечено: «Слушали: <...> Сообщение председателя о затруднительном положении В. М. Каченовского <...> Постановили: <...> Просить П. А. Гайдебурова списаться с А. Н. Веселовским для собрания дополнительных сведений» (*ИРЛИ*, ф. 155, Журнал № 25 заседания Комитета Литературного фонда 24 ноября 1880 г., л. 292 об.).

[2] 4 декабря 1880 г. А. Н. Веселовский сообщал П. А. Гайдебурову из Москвы, что «виделся с г-ном Каченовским, расспрашивал его лично о его нуждах и желаниях и по возможности собирал о нем сведения и от других лиц», вследствие чего пришел к выводу об удовлетворительности его материального положения: «Допускаю мысль, что у него временное затруднение денежное, и думаю, что единовременное пособие было бы для него небесполезно <...> но я не решусь ходатайствовать о постоянной пенсии, тем более, что личные его права на нее невелики, что он продолжает работать и что дочь его, пока еще не нашедшая, по его словам, уроков, будет, конечно, также содействовать своим трудом отцу» (*ИРЛИ*, ф. 155, Приложение к журналу № 26 заседания Комитета Литературного фонда 8 декабря 1880 г., л. 325—326). В связи с этим в заседании 29 декабря 1880 г. Комитет постановил: «Уведомить просителя, что вопрос о дальнейшем ему пособии отложен». После смерти Достоевского Каченовский продолжал подавать прошения в Литературный фонд о назначении ему пенсии, используя имя Достоевского. Ему было отказано за «недостаточностью прав» (Б. Н. Капелюш. Неопубликованное письмо Достоевского к В. М. Каченовскому. — *Достоевский и его время*, стр. 250). См. также письмо 899 и примеч. к нему.

909. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 229)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387. Вверху первой страницы письма помета рукой А. М. Достоевского: «Получено 1-го декабря 1880 года».

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 405—406.

[1] Именины А. М. Достоевского праздновались 2 декабря.

[2] Это письмо А. М. Достоевского, приуроченное к 30 октября, неизвестно.

[3] Ср. письма 898 и 899.

[4] К этому времени обе дочери А. М. Достоевского, Евгения и Варвара, были замужем, старший сын Александр окончил Медико-хирургическую академию. Приступая в 1875 г. к «Воспоминаниям», А. М. Достоевский открывал их упоминанием о своем семейном счастье: «В минувшем июле месяце сего 1875 году мы с женою отпраздновали свою серебряную свадьбу в кругу наших милых и добрых детей, каковых бы я желал иметь всем отцам семейств <...> К этому дню нарочно приезжала наша старшая дочь Евгения, по мужу Рыкачева, вместе с своим добрым и хорошим мужем, а также и со своею двухмесячною дочкою, нашею внучкою Сашуркою» (*Достоевский, А. М.*, стр. 11).

[5] Ср. письмо 808.

[6] Достоевская, в частности, писала А. М. Достоевскому 26 ноября 1880 г.: «...благодарю Вас от всего сердца, что Вы вспомнили день рождения Федора Михайловича. Он был очень доволен, получив Ваше письмо: из всех его родственников только Вы и Ваши дети поздравили его в этот день. Ни племянники, ни Николай Михайлович даже письмом не подумали об нем вспомнить, и это видимо огорчило Федора Михайловича. Зато тем приятнее было ему получить вечером Ваше письмо» (*ЛН*, т. 86, стр. 521).

[7] 8 ноября 1880 г. был отослан в редакцию «Русского вестника» эпилог «Братьев Карамазовых» (см. письмо 907).

[8] Первые объявления о подписке на «Дневник писателя» 1881 г. появились в «Новом времени» (1880, 27 ноября, № 1707) и «Голосе» (1880, 30 ноября, № 331). Текст объявлений см.: наст. изд., т. XXVII, стр. 41.

[9] «Каждый выпуск <...> будет выходить в последние числа каждого месяца», — говорилось в объявлении.

[10] На 5 декабря приходился день рождения сестры Достоевского Варвары.

[11] В конце 1880 г. Достоевский выступал на ряде литературных чтений (21 и 30 ноября, 14 и 22 декабря), «ему постоянно присылались почетные билеты на концерты и балы, устраивавшиеся в высших учебных заведениях <...> молодежь ходила за ним толпою, предлагала ему вопросы, на которые Федору Михайловичу приходилось отвечать чуть ли не речами...» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 368). Многие люди обращались к писателю с письмами, содержавшими вопросы на самые различные темы (ср. письмо 916).

[12] Имеется в виду Андрей Андреевич Достоевский, живший в то время в Ярославле.

910. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 230)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 54 об.
Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 132.

[1] В ноябрьской книжке «Русского вестника» был напечатан «Эпилог» «Братьев Карамазовых».

[2] Прошение с просьбой разрешить в 1881 г. издание «Дневника писателя» Достоевский подал 25 октября 1880 г. и в тот же день получил положительный ответ (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 271—272).

[3] Объявление о подписке на «Дневник писателя» 1881 г. было напечатано 27 декабря 1880 г. в «Московских ведомостях» (№ 358) одновременно с сообщением о выходе в свет отдельного издания «Братьев Карамазовых». См. также письма 906, примеч. 7; 909, примеч. 8 и 914.

911. А. И. САВЕЛЬЕВУ (стр. 231)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.42.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 214—215.
Ответ на письмо Савельева без даты, которое датируется концом ноября 1880 г. по связи с письмом Достоевского (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29839).

[1] Савельев писал Достоевскому, приглашая 1 декабря 1880 г. принять участие в чествовании П. Г. Андреева: «При поздравлении сослуживцев — официальных, формальных, Ваше коротенькое приветствие будет ему величайшею честью и, я уверен, так будет драгоценно, что сохранится в семействе его как одна из лучших и лестных для него наград за его многолетнюю и многотрудную должность преподавателя».

[2] Достоевский имеет в виду музыкально-литературный вечер в пользу студентов Петербургского университета, который состоялся 30 ноября 1880 г. (об этом см. письмо 907, примеч. 1; воспроизведение афиши см.: *ЛН*, т. 86, стр. 503).

[3] В этом же письме Савельев сообщил Достоевскому: «Сего 3-го декабря 1880 года имеет быть обед бывших воспитанников Инженерного училища».

912. И. С. АКСАКОВУ (стр. 232)

Печатается по тексту первой публикации: *Биография*, отд. III, стр. 347—350.

Ответ на письмо Аксакова от 12 ноября 1880 г. (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 359).

Аксаков ответил Достоевскому 21 января 1881 г. (там же, стр. 359—361).

[1] В передовой статье № 1 газеты «Русь» (1880, 15 ноября) Аксаков писал: «Мы привыкли к содействию всех наших провинциальных подписчиков и корреспондентов. Мы настойчиво просим их поразведать мысль крестьян и прочих классов уездного общества и попытаться начертать обдуманно, на местах, сообща, *планы уездного самоуправления*». И далее: «Мы исследуем, допрашиваем, неотступно пытаем ответа: „Как быть? Что делать? Куда идти?“ <...> „венчать здание“, — слышится иногда в ответ. Венчать здание! Да венчать-то нечего! Здания-то еще никакого нет! <...> Неужели не уразумели, что строят здание не сверху, а снизу вверх, что, решая задачу самоуправления для уезда, <...> потрудимся для всего нашего будущего государственного и общественного строя». Аналогичные мысли были высказаны и Достоевским в «Дневнике писателя» 1881 г. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 6—8, примеч. стр. 303—304).

[2] Речь идет об отклике на статью А. Д. Градовского «Не архитектуры, а жизни. — По поводу мнений газеты „Русь“», которая была напечатана в журнале «Русская речь» (1880, № 12, стр. 93—103). Пересказывая статью, рецензент «Нового времени» писал: «Обращаясь к архитектурным сравнениям г. Аксакова, г. Градовский находит эти сравнения ошибочными по существу. Государство, в смысле живого, народного целого, не есть *здание*, а известная форма общения *живых людей* <...> Отсюда ясно, что *живые люди* менее всего могут быть и должны быть рассматриваемы как „кирпичи“ для сооружения какого бы то ни было государственного здания» (*НВр*, 1880. 2 (14) декабря, № 1712).

[3] 20 августа 1880 г. И. С. Аксаков писал Достоевскому, что А. Д. Градовский читал лекции о славянофилах «очень сочувственные», хотя и обходил при этом «вопрос религиозный», которому Аксаков придавал первостепенное значение. «Я подивился, — писал далее Аксаков, — чему же он собственно сочувствует, но выразил уверенность, что инстинктивное сочувствие приведет его к разумению самой сущности „учения“» (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 353).

[4] Достоевский цитирует статью Градовского по отрывку, приведенному рецензентом «Нового времени» (ср.: *Рречь*, 1880, № 12, стр. 100).

[5] А. Д. Градовского.

[6] Аксаков писал в передовой статье: «Петр, разбив ограду тесной замкнутой в себе национальности, в которой пребывала старая Русь, вывел ее в семью европейских народов, на путь общечеловеческого просвещения, пробудил нас к сознанию и т. д.». Аксаков утверждал, что существуют «две истинно исторические основы <...> русский народ и единоличная верховная власть. <...> Эти два начала, две существенные реальные силы связаны между собою живым и органическим союзом, которыми стоит наше государство» («Русь», 1880, 15 ноября, № 1). Собираясь, очевидно, отвечать Аксакову в «Дневнике писателя» 1881 г., Достоевский сделал следующие заметки в записной тетради: «У нас Петр Великий, чтоб подавить аристократию бояр, ввел 14 классов <...> Привилось, но не начинало исчерпывать задачи. Не признано духом народным <...> Лучшие пойдут от народа и должны пойти. У нас более чем где-нибудь это должно организоваться. Правда, народ еще безмолвствует, хоть и называет кроме Алексея человека божия — Суворова, например, Кутузова, Гаса. Но у него еще нет голоса. <...> У нас в народе нет зависти: сделайте народу полезное дело и станете народным героем»

(наст. изд., т. XXVII, стр. 53—54). Мысль о том, что «лучшие люди» должны определяться не сословным положением, а готовностью служить русской народной идее, была развита в черновых материалах исповеди Версилова. Этот герой утверждал: «...верую, что недалеко то время, когда таким же дворянином, как я, и сознателем своей высшей идеи станет весь народ русский» (см. там же, т. XVII, стр. 332).

Теме «лучших людей» Достоевский посвятил специальные главки в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см.: октябрь, гл. II, §III—IV — «Лучшие люди», «О том же»). По определению писателя, «лучшие люди» — это те люди, «без которых не живет и не стоит никакое общество и никакая нация, даже при самом широком равенстве прав», «перед которыми и сам народ и сама нация добровольно и свободно склоняют себя, чтя их истинную доблесть» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 153).

[7] Достоевский имеет в виду фельетон под названием: «Одна из наших газет» («Русь», 1880, 15 ноября, № 1), составленный из отрывков, статей, напечатанных в газете «Голос». Автором фельетона был Н. М. Павлов. Достоевский впоследствии выделил статью этого же автора в номерах 4 и 5 газеты «Русь», о чем он сделал заметки в записной тетради (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 62). См. также письмо 914, примеч. 5.

[8] Речь идет об отрывке, названном «Современная сцена», в котором воспроизведен разговор трех лиц: Думина, Середкина и Шугаева («Русь», 1880, 15 ноября, № 1, автор — Константин Аксаков).

[9] См. примеч. 7.

[10] В ответ на это Аксаков писал: «Вы требуете большего разнообразия, живости, остроумия и полемического зуба. И я требую, да где взять? Поверите ли, что, получая множество писем и статей, я просто тоскую и ужасаюсь, что до сих пор не был утешен ни одной искоркой святого огня, ни одним проблеском таланта. Очень много благонамеренности, доброкачественности нравственной, но даровитости нет» (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, 1972, стр. 360).

[11] Речь идет о публикации стихотворения К. Аксакова «Свободное слово» в газете «Русь» (1880, 15 ноября, № 1).

[12] Владимир Ламанский в разделе «Критика и библиография» напечатал рецензию на книгу Пыпина и Спасовича «История славянских литератур». Изд. второе, вновь переработанное и дополненное. Два тома. 1879—1880 («Русь», 1880, 15, 22 и 29 ноября, №№ 1—3).

[13] В тех же номерах газеты «Русь» (15, 22 и 29 ноября) была напечатана статья Дмитрия Самарина «Теория о недостаточности крестьянских наделов по учению профессора Ю. Э. Янсона».

[14] Автор «разбора» «Братьев Карамазовых» славянофил Ипполит Павлов, упрекая Достоевского в пристрастии к патологическим явлениям, писал, что в его романе «добро является не потребностью человеческой природы, не общим, естественным законом, <...> а покупаемым лишь ценою самобичевания, тяжелой борьбы». К этой статье Аксаков сделал следующее редакционное примечание: «Роман „Братья Карамазовы“ по богатству, важности и глубине поставленных им вопросов, по яркости и художественных достоинств, и художественных недостатков, по необычайной силе таланта, проявившейся здесь с бóльшим блеском, чем во всех прежних произведениях Ф. М. Достоевского, — этот роман заслуживал бы целого исследования — и художественного, и психологического. В ожидании такой статьи даем место хоть беглому очерку одного из наших сотрудников» («Русь», 1880, 29 ноября, № 3).

[15] В «Политической летописи» еженедельника «Русь» освещались текущие события международной жизни. В 1—3-м номерах (15, 22 и 29 ноября) были помещены статьи, посвященные положению славян на Балканском полуострове, Греции, ирландцам, требующим для своего острова самоуправления, и др. Во «Внутреннем обозрении» сообщалось, что в Саратовской, Смоленской, Новгородской, Вологодской губерниях народ терпит крайнюю нужду. Приводились сведения о пустующих хлебных магазинах и о высоких ценах на хлеб. В № 1 «Руси» (15 ноября)

автор «Внутреннего обозрения» писал в связи с этим: «Не со стихийной силой, не нежданно-негаданно обрушилась на нас беда, а шла она на нас постепенно и неотразимо».

913. Т. И. ФИЛИППОВУ (стр. 235)

Печатается по тексту первой публикации: «Звезда», 1929, № 6, стр. 198. Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Филиппова от 4 декабря 1880 г. (*Д*, *Письма*, т. IV, стр. 442).

[1] Филиппов писал: «Сейчас кончил „Карамазовых“ и не нахожу слов, равных чувству моей признательности за испытанное мною наслаждение и полученную душою моею пользу. Очень желал бы лично повторить слова моей благодарности, если Вы позволите мне прийти к Вам, назначив для сего день и час».

914. И. С. АКСАКОВУ (стр. 235)

Печатается по тексту первой публикации: *Биография*, отд. III, стр. 450. Подлинник неизвестен.

Аксаков ответил 21 января 1880 г. (*Известия ОЛЯ*, 1972, т. 31, вып. 4, стр. 359—361).

[1] Достоевский послал Аксакову экземпляр отдельного издания «Братьев Карамазовых» со следующей надписью: «Глубокоуважаемому Ивану Сергеевичу Аксакову на память от автора». Воспроизведение титульного листа книги с автографом Достоевского см.: *ЛН*, т. 83, стр. 633.

[2] См. письма 906, примеч. 7; 910, примеч. 3.

[3] Объявление Достоевского: «9-го декабря вышел в свет отдельным изданием роман Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы“. Два тома, 76 печатных листов. Цена 5 р. Г‹оспода› иногородные, выписывающие от автора (С.-Петербург, Кузнечный пер., д. 5, книжная торговля для иногородных Ф. М. Достоевского), пользуются бесплатною пересылкою» — было напечатано в еженедельнике «Русь» 27 декабря 1880 г. (№ 7) и затем повторно в №№ 8—12 (3, 10, 17, 24, 31 января 1881 г.).

[4] Речь идет о передовых статьях И. С. Аксакова в еженедельнике «Русь» (см. письмо 912). Судя по заметкам в записной тетради 1880 г., Достоевский готовился откликнуться на эти передовицы в «Дневнике писателя» 1881 г. (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 60 и примеч. стр. 286—288, 342).

[5] В №№ 4 и 5 «Руси» (6, 13 декабря) была напечатана статья Н. М. Павлова «Нечто о XVIII веке», подписанная «Н. Б.». В записной тетради 1880 г. Достоевский сделал по поводу части статьи, опубликованной в № 5 «Руси», критические заметки. В ответ на утверждение Павлова, что «„образование“, воздвигнутое Петром», сделало возможным появление в России «*общественных деятелей*, способных возвышаться над личным и сословным эгоизмом» и что «простые люди, как Данилов или Болотов, возвращаясь со службы, заносили в родную глушь знание языков и любовь к книгам» («Русь, 1880, 13 декабря, № 5), Достоевский писал: «Да, культура есть, но родилась, отрицая целое и воротясь к народу в самом малом меньшинстве» (наст. изд., т. XXVII, стр. 62; см. также примеч. — там же, стр. 344).

[6] В передовой статье № 5 «Руси» (13 декабря) Аксаков откликнулся на недавние студенческие беспорядки в Москве (об этом см. наст. изд., т. XXVII, стр. 60 и примеч. стр. 342).

915. А. Ф. БЛАГОНРАВОВУ (стр. 236)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. 81, 4827.

Впервые опубликовано: «Русь», 1881, 18 июля, № 36, стр. 22.

Ответ на письмо А. Ф. Благонравова от 10 декабря 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.96; отрывок опубликован: *ЛН*, т. 86, стр. 490).

[1] Благонравов писал Достоевскому: «Печально наше время по тем аномалиям, какие совершаются в среде нашей молодежи. И. С. Аксаков причину зла видит в отрицании народности, Вы же смотрите гораздо глубже на предмет и причину зла видите в безверии, хотя нельзя не согласиться с тем, что отрицающий народность отрицает и веру. Научите нас: как бороться с таким растлевающим общество злом? Ждем много от свободы печатного слова, какая показана уже. Из того, что Ваш последний роман: „Братья Карамазовы“, захватывающий в себя и разрешающий глубину вопросов, в нем поставленных, читается многими в нашей глубокой провинции, хотя и под руководством лиц, более способных понимать Ваше художественное создание, Вы можете заключить, что живущая в провинции молодежь (я разумею чиновников и молодое купеческое поколение, воспитывавшееся на пустых романах) перестает коснеть в невежестве, и, мало-помалу умственно развиваясь, — идет вперед».

[2] Близкие идеи Достоевский развивал в своих романах и в «Дневнике писателя» 1876 и 1877 гг. Размышления на эту же тему нашли отражение и в «Дневнике писателя» 1881 г., над которым Достоевский в это время работал (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 15—20 и др.).

[3] По поводу главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» Благонравов писал Достоевскому: «Едва ли кому-либо, кроме Вас, суждено так ярко и так глубоко анализировать душу человека во время различных ее состояний, — изображение же галлюцинации, происшедшей с И. Ф. Карамазовым вследствие сильной душевной напряженности (я пока остановился на этой главе, читая Ваш роман понемногу), создано так естественно, так поразительно верно, что, перечитывая несколько раз это место Вашего романа, приходишь в восхищение. Об этом обстоятельстве я могу судить поболее других, потому что я медик. Описать форму душевной болезни, известную в науке под именем галлюцинаций, так натурально и вместе так художественно, навряд ли бы сумели наши корифеи психиатрии» (*ЛН*, т. 86, стр. 490).

[4] Еще в октябре 1880 г. Достоевский сделал предварительные наброски к главе «Дневника писателя» 1881 г., в которой собирался дать автокомментарий к «Братьям Карамазовым»: «„*Карамазовы*“. Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною верою в бога. ‹...› Не как дурак же, фанатик, я верую в бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я. Им ли меня учить.

Черт. (Психологическое и *подробное* критическое объяснение Ив‹ана› Федоровича и явления черта.) Ив‹ан› Федорович глубок, это не современные атеисты, доказывающие в своем неверии лишь узость своего мировоззрения и тупость тупеньких своих способностей» (наст. изд., т. XXVII, стр. 48).

916. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ) (стр. 237)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.50.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 221—222.

Список книг для библиотеки подростка сделан рукою Достоевской.

[1] Этих же авторов Достоевский рекомендовал читать и дочери Н. Л. Озмидова (см. письмо 892 и примеч. к нему).

[2] В черновых заготовках для «Дневника писателя» 1881 г. Достоевский сделал заметку, поясняющую его отношение к «другим критикам»: «Необычная стремительность к восприятию новых идей с необычным желанием, каждый раз. с восприятием нового растоптать всё старое, с ненавистью, с оплеванием, с позором. Как бы жажда отмщения старому, и я сжег всё. чему поклонялся.

Этого никогда не случалось с Белинским» (наст. изд., т. XXVII, стр. 50). Об отношении Достоевского к Белинскому в последние годы жизни см.: В. Кирпотин. Достоевский и Белинский. 2-е изд., доп. М., 1976, стр. 218—272.

917. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ (стр. 238)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.39.

Впервые опубликовано: Петербургский дневник театрала, 1905, № 15—16.

Плещеев ответил в конце декабря 1880 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 467—468).

[1] По поводу долга Плещеев писал Достоевскому: «Деньги, которые ты мне принес, выручили меня из очень трудного положения, но я никоим образом не ожидал их. Мне почему-то казалось, что счеты наши с тобой давно покончены. <...> Ради бога, наведи ты у себя хорошенько справку». Во второй половине 1850-х годов Достоевский взял у Плещеева 1000 р. взаймы. 5 декабря 1877 г. он оставался еще должен «до 750 р.» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 631). Остаток долга вернула Плещееву Достоевская уже после смерти мужа (об этом см. письмо 831, примеч. 1 и 2).

918. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 239)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.16.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 325.

Ответ на письмо Н. М. Достоевского от 23 декабря 1880 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29701).

Датируется 26 декабря 1880 г., так как данное письмо является постскриптумом к письму А. Г. Достоевской Н. М. Достоевскому от 26 декабря 1880 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 30413; опубл. частично: *ЛН*, т. 86, стр. 525).

[1] В письме от 23 декабря 1880 г. Н. М. Достоевский, слышавший о предполагаемой продаже Рязанского имения за долги с аукциона, просил согласия на срочную продажу части своей доли имения для уплаты долга сестре Александре, чтобы не лишиться всего, если дело дойдет до описи имения. 26 декабря Достоевская писала ему: «Федор Михайлович поручил мне ответить Вам на Ваше письмо от 23 дек<абря>, так как сам нездоров и занят по горло. Вы просите его разрешить Шеру продать восемь или десять десятин на покрытие Вашего и племянников долга Алекс<андре> Мих<айловне>, то есть на покрытие 2500 р. Но в таком случае Вы оцениваете десятину в 250 р., тогда как самая высшая цена, за которую продавали, — 95 р. за десятину, да притом это самые лучшие места, а в среднем числе можно продать по 50 р.; следовательно, чтоб выручить 2500 р., следует продать пятьдесят десятин. А так как Александра Михайловна пожелает получить свои деньги с Шера, около пяти тысяч, то придется продать еще сто десятин, а всего от 150 до 200 десятин хорошего леса. Вы сами видите, как это далеко от восьми—десяти десятин. Но продать такое количество десятин — значит обесценить имение совершенно, так как будут выбирать лучшие места, а останутся худ-

шие, на которые не найдется покупщиков. Так вот почему Федор Мих‹айлович› не может согласиться на продажу имения участками, подесятинно. Есть единственный выход из этого положения: чтоб нас выделили землею, то есть лесом, как было условлено прежде, а именно нам выделили 400 десятин Ширяева, а Андрею Михайловичу выделили 200 десятин Пехорки. Но так как до ввода во владение разделиться нельзя, то можно пока до раздела написать, так сказать, предварительный договор, по которому Шер, Ставровские, Вы и племянники обязуетесь, *как только мы все будем введены во владение*, нам выделить 400 десятин Ширяева, а Андрею Михайловичу — 200 десятин Пехорки ‹...› Но на случай, если б Шер, или Ставровские, или племянники захотели потом отказаться от этого договора и не захотели нам отделить 400 дес‹ятин› Ширяева, а Андрею Мих‹айловичу› 200 дес‹ятин› Пехорки, то тогда Шер, Ставровские или племянники обязаны уплатить нам неустойку в восемь тыс‹яч›. Без неустойки же этот акт не будет иметь никакого значения, так как наследники, вырубив свои участки, могут одуматься и не дать нам наших частей. В этом случае неустойка их остановит. Итак, многоуважаемый Николай Михайлович, теперь от Вас зависит, как Вы решите это дело: если захотите нас выделить этим предварит‹ельным› договором, то тогда выделяйте и тогда делайте с остальным имением что хотите. Если же не желаете нас выделить, то — что делать — пусть имение продается с публичного торга, и мы все понесем убытки. В наст‹оящее› время здесь Андрей Мих‹айлович›, который точно так же хочет получить землею и совершенно разделяет наши взгляды. Если решите нас выделить, тогда этот договор мог бы быть заключен еще в январе, до описи имения, так как Шер согласен и недостает Вашего согласия. Известите, если возможно, скорее о Вашем решении».

[2] См. примеч. 3 к письму 855.

[3] См. примеч. 8 к письму 885.

[4] Достоевского тревожило то, что брат Николай, соглашавшийся на словах с предложенным проектом, медлил с документальным подтверждением своего согласия. 23 декабря 1880 г. Н. М. Достоевский писал: «Что же касается до моего согласия на раздел, то тебе давно известно, что я во всем согласен с твоим желанием и противоречить не буду. Может быть, нужна какая-нибудь формальность, то я готов выслать тотчас же всё нужное. В поздравительном письме к Анне Григорьевне (по-видимому, по случаю дня рождения А. Г. Достоевской 30 августа. — *Ред.*) я обещал написать ей на другой же день, но не исполнил обещания по причине болезни и только сегодня, пользуясь возможностью встать с постели, спешу написать эти строки, не зная, что завтра будет и в состоянии ли я буду писать».

[5] В своем письме от 23 декабря Н. М. Достоевский ссылался на ранее написанное неизвестное нам письмо к А. Г. Достоевской: «Я писал Анне Григорьевне, прося разрешить Шеру продать от 8 до 10 десятин и поставить их при разделе на мой и племянников счет, и тогда тебе не было бы никакого ущерба, да и от продажи, за уплатою долга сестре, может быть, мне осталось бы сколько-нибудь на прожитие ‹...› Беспокою я тебя этим письмом потому, что Анна Григорьевна писала мне, что ты ни за что не соглашаешься на просимую мною, то есть вообще на продажу по частям. Но на этот раз разреши в виде исключения».

[6] О возбужденных А. М. Шевяковой судебных делах по взысканию денег, в связи с куманинским наследством, со своих братьев Н. М., Ф. М. и А. М. Достоевских см.: *ЛН*, т. 86, стр. 451, 457, 458, 467, 468.

[7] В недатированном письме Н. М. Достоевского к В. М. Ивановой (относящемся, по-видимому, к началу 1867 г.) рассказывается о том, как, получив наследство от А. А. Куманина «после выхода из больницы» (в 1864 г.), он выплачивал накопившиеся долги: «...выплатил все, за исключением уж очень старого долга 120 рублей, о которых совсем забыл и вспомнил тогда только, когда в один прекрасный день меня с полицейским унтер-офицером отправили в долговую тюрьму, из которой в тот же

день был выкуплен Эмилиею Федоровной и братом Федором» (*Волоцкой*, стр. 353).

[8] Что имеет в виду Достоевский, неясно. Можно предположить, что этот вопрос имел отношение как к денежным расчетам его с В. Ф. Коршем, который уплатил за него в декабре 1865 г. 300 р. по векселю (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, стр. 527), так и к судебному делу его брата Николая с А. М. Шевяковой, проигранному в 1877 г., как сообщал родителям Ал. А. Достоевский, по вине Е. В. Корша, сына В. Ф. Корша — поверенного Н. М. Достоевского, А. М. Достоевского и Казанских. Осенью 1877 г. все они отказали не оправдавшему их надежд адвокату (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 457, 459). В 1880 г. петербургский присяжный поверенный Е. В. Корш, близкий революционным кругам, был выслан в Томск (см.: Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Ст. 2, вып. 2, стб. 657).

919. А. Е. КОМАРОВСКОЙ (стр. 240)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.41.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 223.
Ответ на пригласительное письмо Комаровской от 27 декабря 1880 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.91).

[1] Комаровская писала:
«Многоуважаемый Федор Михайлович!
Вы мне сказали, что зайдете ко мне на днях; то, как я верю всякому Вашему слову, то и ожидаю Вас с нетерпением. Не можете ли исполнить Ваше обещание во вторник? Вы мне также сказали, что в пятом часу Вам было бы удобно, так я Вас так бы и ждала. Не могу сказать, как бы мне хотелось Вас послушать.

Искренно Вас уважающая
Гр. А. Комаровская.

Мраморный дворец».
У Комаровской в Мраморном дворце Достоевский был желанным гостем (см. письмо 843 и примеч. к нему).

[2] Достоевский в это время был занят работой над «Дневником писателя» на 1881 г. Кроме того, в декабре 1880 г. он много раз выступал на литературных чтениях, устраивавшихся с благотворительной целью (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 368—369).

920. Я. П. ПОЛОНСКОМУ (стр. 240)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 241, № 12065.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 457.

[1] Точное название «поэмки» Полонского «Лесные чары. Драматическая фантазия для детского театра». Опубликовано в журнале «Семейные вечера» (1880, № 1, стр. 1—30).

[2] Этот детский спектакль, очевидно, при жизни Достоевского не состоялся.

921. А. А. ТОЛСТОЙ (стр. 241)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 466, № 14.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 224.

[1] Очевидно, эта встреча с А. А. Толстой в «будущее воскресенье», т. е. 11 января 1881 г., как предполагал Достоевский, не состоялась. Из воспоминаний А. А. Толстой следует, что Достоевский был у нее дома *только*

один раз. Достоевская также рассказывает только об одном визите ее мужа к А. А. Толстой (об этом см.: Г. Ф. Коган. Достоевский знакомится с письмом Толстого. — В кн.: Яснополянский сборник. 1980. Статьи. Материалы. Публикации. Тула, 1981, стр. 220). Очевидно, что в тот единственный раз, когда Достоевский был у А. А. Толстой, он и получил от нее письмо Л. Н. Толстого. И А. А. Толстая и А. Г. Достоевская (см. там же) указывают, что эта встреча произошла дней за 5 до кончины Достоевского, т. е. не 11 января, а около 23 января 1881 г. Вот как рассказывает о своем знакомстве с Достоевским А. А. Толстая: «Я встретила Достоевского в первый раз на вечере у граф‹ини› Комаровской. С Л‹ьвом› Н‹иколаеви-чем› он никогда не видался, но, как писатель и человек, Л‹ев› Н‹иколае-вич› его страшно интересовал. Первый его вопрос был о нем:

— Можете ли Вы мне истолковать его новое направление? Я вижу в этом что-то особенное и мне еще непонятное...

Я призналась, что и для меня это еще загадочно, и обещала Достоевскому передать последние письма Льва Николаевича, с тем, однако ж, чтобы он пришел за ними сам. Он назначил мне день свидания, — и к этому дню я переписала для него эти письма, чтобы облегчить ему чтение неразборчивого почерка Л‹ьва› Н‹иколаевича›. При появлении Достоевского я извинилась перед ним, что никого более не пригласила, из эгоизма, — желая провести с ним вечер с глаза на глаз. Этот очаровательный и единственный вечер навсегда запечатлелся в моей памяти; я слушала Достоевского с благоговением: он говорил, как истинный христианин, о судьбах России и всего мира; глаза его горели, и я чувствовала в нем пророка ‹...› через пять дней после этого разговора Достоевского не стало» (Воспоминания графини А. А. Толстой. — В кн.: Толстовский музей. Т. 1. Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой. 1857—1903. СПб., 1911, стр. 25—26). В письме, которое А. А. Толстая передала Достоевскому (датируется 2—3 февраля 1880 г.) Л. Н. Толстой высказал свое отрицательное отношение к церковному вероисповеданию (см.: *Толстой*, т. 63, стр. 6—9).

922. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 241)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, т. 1, л. 55 об.

Впервые опубликовано: *Б*, 1920, № 15, стр. 133.

Это — последнее письмо, написанное рукою Достоевского, очевидно, после первого кровотечения, происшедшего в ночь с 25 на 26 января 1881 г. (см. письмо 923 и примеч. к нему). Об этом письме упоминает в своей записной книжке Достоевская, которая ошибочно назвала в качестве адресата М. Н. Каткова и отнесла письмо к 25 января: «...написав, позвал меня и прочел его мне. Между прочим, он упомянул, что, может быть, это его последняя просьба, я на это со смехом сказала, что вот будешь писать опять „Карамазовых", опять будешь просить вперед» (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 319). Об этом же письме вспомнил Катков в своем некрологе, посвященном памяти Достоевского: «Еще накануне получили мы от него собственноручное письмо, писанное твердым почерком и не возбуждавшее никаких опасений. Было, однако, в этом письме зловещее слово, которое тогда скользнуло для нас незаметно. Прося нас об одном деле, он прибавил: „Это, быть может, моя *последняя* просьба". Только теперь стал нам понятен скорбный смысл этого слова „последняя". В нем сказалось предчувствие смерти еще прежде, чем совершилось роковое кровоизлияние, которое так быстро погасило дорогую жизнь нашего друга...» (*МВед*, 1881, 30 января, № 30).

[1] Этот счет был прислан Достоевскому из редакции «Русского вестника» по его просьбе, изложенной в письме к Н. А. Любимову от 29 ноября 1880 г. (см. письмо 910).

923. Е. Н. ГЕЙДЕН (стр. 242)

Печатается по подлиннику (рукою А. Г. Достоевской): *ГБЛ*, ф. 93, III.5.111.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 147.

Адресат и дата указаны Достоевской: «Продиктовано мне в ответ на письмо графини Гейден в 5 час. или ½ 6-го в день смерти» (*ГБЛ*, ф. 93, III.5.11). Достоевская имела в виду недатированное письмо к ней Е. Н. Гейден. Графиня выражала тревогу по поводу болезни Достоевского, о которой узнала из газет, и просила передать с посыльным сведения о состоянии больного (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 530).

В записной книжке Достоевской есть записи от 27 и 28 января: «Вечером до Кошлакова диктовал мне письмо к Гейден с историею его болезни»; «продиктовал бюллетень» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 30773, л. 92 об., 93 об.). 27 января весть о тяжелой болезни Достоевского «разнеслась по городу, и с двух часов до позднего вечера раздавались звонки <...> приходили узнавать о здоровье знакомые и незнакомые, приносили сочувственные письма, присылались телеграммы» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 374). В этой обстановке, чтобы удовлетворить многочисленные запросы, Достоевский, возможно, наспех диктовал жене бюллетени о состоянии своего здоровья (один из них послужил основой для письма к Е. Н. Гейден). О том, что текст этот писался в спешке под диктовку, свидетельствует и его черновой характер (недописанные слова, буквы, использование стенографии и т. д.).

Публикуемая записка относится, скорее всего, к 28 января 1881 г. Помимо прямого указания на этот счет Достоевской, в пользу подобного предположения приведем следующее соображение. Как уже отмечалось выше, записка является ответом на письмо графини Гейден, которая *только что* узнала о болезни Достоевского («...сейчас поражена была прочитанным в газетах известием о тяжкой болезни Федора Михайловича!»). Первое печатное известие о болезни Достоевского появилось в «Новом времени» от 28 января 1881 г. (№ 1767).

[1] Достоевская пишет в своих «Воспоминаниях», что в ночь с 25 на 26 января Достоевский, чтобы достать упавшую вставочку с пером, передвинул тяжелую этажерку, после чего у него пошла горлом кровь (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 372). Однако в письме Достоевской к Н. Н. Страхову от 21 октября 1883 г. приведена другая, неофициальная версия предсмертной болезни писателя. «Федор Михайлович страдал последние 9 лет эмфиземой, т. е. катарром дыхательных путей. Смертельный исход болезни произошел от разрыва легочной артерии и был лишь случайностью, которую никто из докторов не предвидел. Болезнь началась в ночь с 25 на 26 января небольшим кровотечением из носа, на что Федор Михайлович не обратил никакого внимания. 26 января он был повидимому совершенно здоров, но хотел посоветоваться с доктором насчет кровотечения. В течение дня ему пришлось иметь крупный разговор и почти ссору со своей сестрой Верой Михайловной (по поводу куманинского наследства. — *Ред.*) <...> и затем по уходе ее, в 4 часа, у него сделалось „первое кровотечение горлом“» (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 352; ср.: *Достоевская, Л. Ф.*, стр. 96—97).

[2] Достоевский скончался в 20 часов 38 минут 28 января 1881 г. (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 378). О последних днях его жизни и похоронах, вылившихся в величественную демонстрацию признательности великому писателю, см.: *НВр*, 1881, 28 января—3 февраля, № 1767—1773; *Биография*, отд. I, стр. 321—329; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 415—430; *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 370—390; Г. Я. Галаган. Кончина и похороны Ф. М. Достоевского. (В письмах Е. А. и М. А. Рыкачевых). — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 285—302.

ПИСЬМА, НЕ ПОДДАЮЩИЕСЯ ТОЧНОЙ ДАТИРОВКЕ

924. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (стр. 244)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. III, оп. 2, № 1025.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 290.

Письмо наклеено на картон, по обеим сторонам которого пометы: «Ранний автограф Достоевского: записка к неизвестному лицу, с просьбой объяснить тут же сообщаемый сон»; «Судя по датам бумаг (писем), среди которых найден этот автограф, его можно отнести к 1860-м годам». Позднее картон с автографом был наклеен на л. 7 альбома, принадлежавшего Е. Н. Опочинину. Рукою последнего была сделана запись: «Записка, найденная в бумагах Воейковых (московских)».

По содержанию письмо можно предположительно отнести не только к 60-м, но и 70-м годам. Сон, очевидно, навеян размышлениями Достоевского о судьбах России и Европы, облеченными в аллегорическую форму. Нехитрая символика сна поддается общему истолкованию. «Восток» — Россия; «запад» — Европа; «щит» — заслон, защита со стороны России (на последнее указывают слова «да», «да», написанные на щите старинными церковнославянскими буквами, а также направление щита, движущегося с востока на запад). В свете комплекса нравственно-философских и политических идей Достоевского 1860—1870-х гг. в данном случае речь идет о «всечеловеческом» предназначении православной России, призванной обновить нравственно разлагающуюся Европу, или же о защите (спасении) Россией южных славян от инородцев — турок. К близкой символике Достоевский прибегает в «Дневнике писателя» при осмыслении исторических судеб России и Европы (ср., например, истолкование «мистической аллегории» — книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера: «Дневник писателя» за 1877 г., май—июнь, гл. I, §1 — см.: наст. изд., т. XXV, стр. 122—125).

Высказанное М. М. Громыко предположение, что данное письмо следует отнести к первой половине 1850-х гг., к периоду заточения Достоевского в Омском остроге, нуждается, на наш взгляд, в более основательной аргументации (см.: М. М. Громыко. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985, стр. 62).

925. И. Ф. ГОРБУНОВУ (стр. 244)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.6.

Впервые опубликовано: И. Ф. Горбунов. Собрание сочинений. СПб., 1907, т. 3, стр. 76.

Письмо не поддается точной датировке, однако, вероятнее всего, его можно отнести ко второй половине 1870-х гг., когда взаимоотношения Достоевского с Горбуновым приобрели особенную близость. Достоевский упоминает актера в «Дневнике писателя» 1876 г., в подготовительных материалах к нему (см. наст. изд., т. XXII, стр. 141, 393; т. XXIV, стр. 91, 92, 419) и в «Братьях Карамазовых» (там же, т. XV, стр. 80, 592—593). В этот период писатель почти еженедельно встречался с Горбуновым в доме А. С. Суворина (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 368), часто они участвовали вместе в литературных чтениях (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 340). Так, например, в архиве Достоевского сохранилась программа «литературного утра», состоявшегося в воскресенье 30 декабря 1879 г., на котором писатель читал главу из «Братьев Карамазовых» — «Великий инквизитор», а Горбунов прочел три своих рассказа. На программе карандашный рисунок головы старика, сделанный Горбуновым, его подпись и дата (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.104).

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

38. Ю. И. ВОЛЬФРАМУ (стр. 245)

Печатается по ксерокопии письма, хранящегося в Публичной библиотеке Базельского университета (Швейцария, г. Базель, собрание автографов Гейлп—Хагенбах, № 1568).

Впервые опубликовано: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 72.

Текст письма написан рукою А. Г. Достоевской. Подпись — автограф Достоевского.

[1] Письмо Вольфрама, на которое отвечает Достоевский, неизвестно.

[2] С книжным магазином Ю. И. Вольфрама в г. Пскове у Достоевского установились деловые отношения с 1876 г., в связи с розничной продажей и распространением по подписке «Дневника писателя» (см.: Г. М. Фридлендер. Ф. М. Достоевский. Неопубликованное письмо к Ю. И. Вольфраму. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 73).

39. ДОВЕРЕННОСТЬ В. Д. ШЕРУ (стр. 246)

Печатается по тексту доверенности, написанному рукой Б. Б. Полякова, — *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 121, л. 35.

Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

Проект доверенности Шеру был составлен и выслан В. Б. Поляковым в Старую Руссу 6 июля 1878 г. на имя А. Г. Достоевской с сопроводительным письмом, в котором он, в частности, сообщал: «Я получил недавно письмо от Кузьмина, в котором он просит меня выслать скорее доверенность *Шеру* для присутствия его при отмежевании крестьянских наделов, так как без этого обмен земель состояться не может. Доставляя Вам составленную вчерне доверенность на имя Шера, я прошу Вас предложить Вашему супругу подписать ее и в таком виде доставить Шеру в Москву» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 121, л. 32—32 об.). Предложенная Поляковым доверенность была Достоевским В. Д. Шеру выдана, дело в Министерстве государственых имуществ по обмену земель было продолжено.

40. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л. С. МАКОВУ (стр. 246)

Печатается по тексту черновика: *ГБЛ*, ф. 93, I.4.2.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 15, стр. 293.

10 марта 1879 г. А. А. Киреев, связанный с официальными кругами, сообщал Достоевскому: «Я виделся сегодня утром с Л. С. Маковым, который повторил мне то, что я Вам уже передавал. Снятие с Вас полицейского надзора не встретит *никакого* препятствия, но так как никто, кроме Вас, не имеет права делать какие-либо заявления от Вашего имени, то для достижения желаемого результата необходимо, чтобы Вы потрудились написать министру докладную записку вроде той, которую я Вам передал» (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 279). Киреев, вероятно, имеет в виду намеченную им форму официальной записки, в текст которой Достоевский вписал конкретные сведения своей биографии.

Докладная записка была передана в канцелярию Министерства внутренних дел. В описи дела канцелярии «по ходатайству подпоручика Федора Достоевского об освобождении его от надзора полиции» значится, что «по собранным сведениям оказалось, что Ф. Достоевский был освобожден от полицейского надзора еще в 1875 г.» (там же, стр. 293). О снятии сек-

ретного надзора с Достоевского см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 278; В. С. Нечаева. Когда был снят секретный надзор над Ф. М. Достоевским. — *РЛ*, 1964, № 2, стр. 170—172.

41. ПРОШЕНИЕ МИРОВОМУ СУДЬЕ (стр. 247)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.4.13. Текст написан рукой А. Г. Достоевской, подписи и доверенность — автограф Достоевского.

Публикуется впервые.

[1] Речь в прошении идет об отданных на комиссию для продажи отдельных изданиях романа «Бесы» (СПб., 1873) и «Записок из Мертвого дома» (СПб., 1875).

42. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ (стр. 248)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 776, оп. 5, 1875 г. № 132, л. 13.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 337.

[1] Еще продолжая работу над последними главами «Братьев Карамазовых», Достоевский твердо решил возобновить в 1881 г. издание «Дневника писателя». 25 июля 1880 г. он писал К. П. Победоносцеву «С будущего года намереваюсь „Дневник писателя" возобновить» (стр. 204). В тексте «Дневника писателя» 1880 г. о своем намерении писатель заявил публично: «Я намерен с будущего года „Дневник писателя" возобновить. Так вот этот теперешний номер „Дневника" пусть послужит моим profession de foi на будущее, „пробным", так сказать, номером» (наст. изд., т. XXVI, стр. 174). В ответ на прошение Достоевского сразу же последовало разрешение: «25 октября 1880 г. № 3970. Главное управление по делам печати извещает отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского, что ему разрешено согласно его ходатайству возобновить с будущего 1881 года издававшееся им в 1876 и 1877 годах по подписке и с предварительною цензурою ежемесячное издание „Дневник писателя" на тех же основаниях, как это было разрешено в 1876 году.

Гербовый сбор уплочен.

Начальник Главного управления по делам печати сенатор Абаза» (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 5, 1875 г., № 132, л. 14).

В этот же день Главное управление по делам печати сообщило о разрешении в С.-Петербургский Цензурный комитет (см. там же). Единственный январский номер «Дневника писателя» 1881 г. вышел в свет уже после смерти писателя (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 5—40, 269—301).

43. ДОВЕРЕННОСТЬ П. Г. КУЗНЕЦОВУ (стр. 248)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.4.15, л. 1 об.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 333.

Доверенность находится на «Билете» с.-петербургского почтамта от 3 января 1881 г. для получения корреспонденции «всякого рода», поступившей «на имя Федора Михайловича Достоевского, его книжной торговли и редакции „Дневника писателя"». Здесь же отметки и штемпеля с.-петербургского почтамта с 10 по 28 января 1881 г. о получении денежных сумм.

Достоевская писала, что служивший у них в книжном магазине мальчик Петр, «несмотря на свои пятнадцать лет, отлично справлялся с покупкою книг и их отправкою». Впоследствии Кузнецов, работавший мальчиком в книжном магазине Ф. М. Достоевского, оставил воспоминания; см.: П. Г. Кузнецов. Служба у Достоевского. — Книжная торговля, 1964, № 5, стр. 40—41; *ЛН*, т. 86, стр. 332—336.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

727_1. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ (стр. 249)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29612.

Публикуется впервые; на обороте черновика письма денежные подсчеты и записи для памяти рукой Достоевского.

[1] См. письмо 727 и примеч. к нему.

799_1. В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ (стр. 249)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.64.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 79.

[1] Письмо было опубликовано в несколько иной редакции в «Русском гражданине», 1879, № 5, 31 июля, стр. 4—5 (см. письмо 799 и примеч. к нему).

828_1. М. П. КАТКОВУ (стр. 250)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29444—29446.

Впервые опубликовано: в немецком переводе *Die Urgestalt*, стр. 320—321; на языке подлинника: *Д, Материалы и исследования*, стр. 376—377.

Датируется на основании следующих фактов: 8 декабря 1879 г. Достоевский сообщил Н. А. Любимову, что он готовится написать письмо к издателю «Русского вестника» по поводу задержки печатания «Братьев Карамазовых», в котором одновременно скажет «несколько слов об идее романа для читателей» (см. письмо 827). 12 декабря 1879 г. Достоевский отправил в «Русский вестник» уже готовый текст нового варианта письма (см. 828), отличающийся от предыдущего тем, что в нем не было речи об идее романа. Об изменении своего намерения Достоевский сообщил в сопроводительном письме к Любимову (см. письмо 829, примеч. 5). Следовательно, черновой набросок письма Каткову мог быть сделан в промежутке между письмами 827 и 828, т. е. 9—11 декабря 1879 г.

[1] По предположению В. Л. Комаровича (см.: *Die Urgestalt*, стр. 517—522), комментируемая фраза свидетельствует о намерении Достоевского ответить на полемические отклики Салтыкова-Щедрина по поводу главы «Золотые прииски» из восьмой книги «Братьев Карамазовых» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 343—352) в цикле «Круглый год». Впервые Салтыков-Щедрин причислил автора «Братьев Карамазовых» к разряду людей, «которые мертвыми дланями стучат в мертвые перси», в постскриптуме к очерку «Первое октября» (см.: *ОЗ*, 1879, № 11, «Совр. обозр.», стр. 115—116), это же сопоставление было повторено в декабрьской книжке «Отечественных записок» (см. там же, № 12, «Совр. обозр.», стр. 229; см. также: *Салтыков-Щедрин*, т. 13, стр. 774—777). О полемике Салтыкова-Щедрина с Достоевским см.: *Борщевский*, стр. 314—335.

[2] Эта мысль была развита в двенадцатой книге «Братьев Карамазовых» в речи прокурора Ипполита Кирилловича (см. наст. изд., т. XV, стр. 125 и примеч. стр. 435).

[3] Как установил В. Л. Комарович (см.: *Die Urgestalt*, стр. 517—592), в данном случае Достоевский имел в виду слова рецензента «Молвы» (А. М. Скабичевского), усмотревшего в главах «Надрыв в избе», «И на чистом воздухе» «истерический бред развинченных нервов и эпилептические судороги» (Молва, 1879, 25 мая, № 141). В то же время Достоевский, очевидно, хотел ответить и критикам, обвинившим его в пристрастии к «мистицизму». Так, рецензент журнала «Свет» Л. Е. Оболенский писал:

«Господину Достоевскому угодно было сделать своего героя мистиком ⟨...⟩ но позволим себе заметить почтенному автору, что это анахронизм. Современная действительность имеет и пессимистов, и аскетов, но они являются не на мистической подкладке» (Свет, 1879, № 9, стр. 101). Аналогичный упрек был высказан Достоевскому и на страницах «Молвы» (1879, 19 октября, № 288, автор рецензии — В. Ф. Корш).

850_1. Е. Ф. ЮНГЕ (стр. 249)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93. I. 2.1/19.
Впервые опубликовано: *Д, Материалы и исследования*, стр. 249.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

11. ДОВЕРЕННОСТЬ Б. Б ПОЛЯКОВУ (стр. 252)

Печатается по копии, принадлежавшей Б. Б. Полякову: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.121, л. 30—31 об.

Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

Доверенность от лица Достоевского и его племянников Ф. М. и М. М. Достоевских датируется на основании пометы рукой Полякова — «1878».

[1] Доверенность от 6 марта 1874 г. неизвестна. В бумагах, связанных с делом по наследству, имеется написанное писарской рукой «Условие» между Ф. М. Достоевским, его племянниками и Б. Б. Поляковым от мая 1874 г., в котором, в частности, излагается содержание вышеупомянутой доверенности: «Мы, Достоевские, утверждены Тульским окружным судом 23 октября 1873 года в правах наследства по закону ⟨...⟩ я, отставной подпоручик Федор, в $^1/_{12}$ и мы, дворяне Федор и Михаил Достоевские, каждый в $^1/_{24}$ частях; затем 6 марта настоящего года мы, Достоевские, выдали г-ну Полякову новую доверенность ⟨...⟩ Этою новою доверенностью мы, Достоевские, уполномочили г-на Полякова на распоряжение частями, доставшимися нам, Достоевским, в имениях после покойной Куманиной и о продаже оных по соглашению с прочими наследниками Куманиной, а также и лесных дач в Рязанской губернии ⟨...⟩ Выданную г-ну Полякову доверенность 6 марта 1874 года ⟨...⟩ мы, Достоевские, и наследники наши до окончания продажи всех недвижимых имений, а также и лесных дач не должны уничтожать без всяких на то основательных причин» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.121, лл. 18—19 об.).

12. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ НАСЛЕДНИКАМИ А. Ф. КУМАНИНОЙ (стр. 252)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.121, л. 44.

Впервые опубликовано: *Материалы и исследования*, т. VII, стр. 269—270.

Датируется второй половиной ноября 1879 г. на основании письма от 20 ноября 1879 г. Ал. А. Достоевского к родителям, в котором он сообщал, что был у Достоевских «и там мы втроем, т. е. я, Федор Михайлович и Анна Григорьевна, сочинили бумагу, заключающуюся в том, что мы относительно имения согласны на те условия, которые предлагает нам Шер. Эту бумагу должны подписать еще другие сонаследники и потом она отошлется Шеру» (*ЛН*, т. 86, стр. 489).

[1] О дальнейших переговорах по размежеванию между сонаследниками рязанского имения А. Ф. Куманиной см. ниже, разд. «Коллективное», № 14; письмо В. Д. Шеру от 18 июля 1880 г. (№ 885), а также: И. Д. Якубович. Неизвестные деловые бумаги Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VII, стр. 270.

13. И. Ф. ГОРБУНОВУ (стр. 253)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.7.

Впервые опубликовано: И. Ф. Горбунов. Сочинения. СПб., 1907, т. 3, стр. 76.

Написана О. Ф. Миллером; подпись — автограф Достоевского.

Датируется 28 марта 1880 г. на основании сопоставления содержания данной записки с письмом И. С. Тургенева от 28 марта 1880 г. к устроителям литературного вечера в пользу Общества вспомоществования студентам Петербургского университета. В опубликованной программе литературного вечера, назначенного на 28 марта 1880 г., предполагалось выступление Тургенева с чтением рассказа «Малиновая вода» (см.: *Г*, 1880, 27 марта, № 87). Однако 28 марта в «пятницу утром» писатель предупредил устроителей вечера, что «едва ли» он сможет принять участие в предстоящем вечере, так как «занемог простудою» (см.: *Тургенев. Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 226; *НВр*, 1880, 1 апреля, № 1470).

[1] В дневниковой записи И. Ф. Горбунова от 28 марта 1880 г. отмечено: «Нездоровилось. Не мог ехать к студентам в Благородное собрание» (И. Ф. Горбунов. Сочинения. СПб., 1907, т. 3, стр. 430). О. Ф. Миллер (с 1874 г. являвшийся товарищем преподавателя Общества вспомоществования студентам Петербургского университета) был распорядителем вечера. Ему, как сообщал хроникер «Голоса», «пришлось заменить г-на Горбунова, который не мог явиться сам для прочтения назначенных по программе сцен из народного быта. Вместо него г-н Миллер прочел два стихотворения» (*Г*, 1880, 30 марта, № 90). В газетах отмечалось: «Литературный вечер в пользу недостаточных студентов петербургского университета ‹...› в материальном отношении удался вполне. В обширной зале не было ни одного свободного места. Наиболее шумных приветствий из всех участвовавших удостоился Ф. М. Достоевский, прочитавший известный рассказ Мармеладова из первой части „Преступления и наказания". Его вызывали восемь раз и поднесли ему два большие лавровые венка» (*Г*, 1880, 30 марта, № 90); «Зала ‹...› осталась совершенно полною, на что, впрочем, можно было рассчитывать, зная неизменное участие нашей публики к университетской молодежи и то обаятельное действие, какое постоянно производит на публику имя Ф. М. Достоевского» (*НВр*, 1880, 1 апреля, № 1470). См. также примеч. 3 к письму 846.

14. ДОГОВОР О РАЗДЕЛЕ РЯЗАНСКОГО ИМЕНИЯ (стр. 253)

Печатается по копии, засвидетельствованной В. Д. Шером. — *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.121, л. 45.

Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

15. МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ (стр. 254)

Печатается по тексту первой публикации: «Венок на памятник Пушкину». СПб., 1880, стр. 193.

Подлинник неизвестен.

Заявление от имени депутатов различных учреждений, присутствовавших на открытии памятника Пушкину в июне 1880 г.

[1] Публикация заявления в сб. «Венок на памятник Пушкину» завершается записью: «Заявление подписано 61 депутатом, в числе которых подписи И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, гг.. Лежера, Сухомлинова и др.», стр. 193).

СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ 1878—1881 годов

1878

348. А. ШУЛЬЦ

Конец января 1878. Петербург

23 января 1878 г. Шульц обратилась к Достоевскому из г. Каргополя Олонецкой губернии, куда, вероятно, была сослана, с просьбой: «Голубчик Федор Михайлович! (Извините за фамильярность, но Вы мне так близки по своим сочинениям, что я назвать иначе Вас не могу). Скажите, где могу я познакомиться с делом Петрашевского,* в котором Вы были замешаны, это меня крайне интересует. Несколько раз собиралась я Вам писать, особенно по прочтении Вашей повести „Кроткая“ и многих других статей в „Дневнике“, но боялась беспокоить Вас. Вы замечательный психолог, Вы так ясно, отчетливо объясняете малейшие позывы души и сердца; Вы так сочувственно относитесь ко всем пострадавшим, ужаленным жизнью, а так как я одна из таковых, то и решаюсь на первый раз только просить Вас ответить на мой вопрос; впоследствии же, если позволите, поговорю и о своей жизни или, лучше сказать, о нашей жизни, потому что я одна из многих женщин-тружениц. Итак, надеюсь, что Вы не рассердитесь на меня и, во всяком случае, ответите».

На конверте этого письма Достоевский сделал помету: «Ответил» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 216).**

349. А. К. ДЕТЕНГОФУ

Середина мая 1878. Петербург

Упоминается в письме Детенгофа Достоевскому от 20 мая 1878 г. В начале мая литератор Детенгоф послал Достоевскому из Киева свои сочинения с просьбой способствовать их опубликованию в каком-либо из петербургских периодических изданий. Письмо было получено в тяжелый для Достоевского момент скоропостижной смерти сына Алеши и вызвало раздраженный ответ писателя, получив который, Детенгоф писал 20 мая 1878 г.: «Письмо Ваше поразило меня не потому, что встретил отказ — я привык к этому! — а потому, что я никак не ожидал и не мог ожидать *такого тона*. Положим, что я не прав, сознаюсь чистосердечно, что я поступил с Вами действительно бесцеремонно ‹...› притом же я не думал, что Вы не имеете в редакциях журналов *никакого влияния*, что моя просьба — *такая тяжелая для Вас обуза* и что Вы не захотите даже *прочесть* моей статьи, чтобы откровенно высказать свое мнение, которым я дорожу и которого просил так горячо...» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 207; см. также ниже, № 350).***

---

* В подлиннике: Петрушевского.

** На конверте письма к Достоевскому А. П. Гемилиана от 22 марта 1878 г. помета Достоевского: «От Гемильяна — отвечать» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.76).

*** На листе с черновыми набросками к «Братьям Карамазовым» среди апрельских и майских заметок 1878 г. (датируются по упомянутым в них

350. А. К. ДЕТЕНГОФУ

Конец мая—начало июня 1878. Петербург

Упоминается в письме Детенгофа Достоевскому от 22 июля 1878 г.: «Сию минуту я возвратился из-за границы, куда ездил лечиться, и мне подали Ваше письмо из Старой Руссы. Не могу выразить, до какой степени мне было больно и тяжело читать Ваши упреки, которые произошли чисто от недоразумения, оттого, что Вы получили мое письмо в такую страшно тяжелую для Вас минуту и потому весьма естественно приняв мои слова далеко не в том смысле, в каком они были написаны. Клянусь Вам, Федор Михайлович, что у меня и *в мыслях не было* оскорбить Вас ‹...› тем не менее я считаю своим нравственным долгом попросить у Вас извинения за то горе, которое я причинил Вам совершенно невольно, и вполне уверен, что после этого Вы измените ко мне то, как видно из Вашего письма, крайне нелестное мнение, которое Вы обо мне имеете...» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 208).

351. Ю. Д. ЗАСЕЦКОЙ

Первая половина июня 1878. Петербург

14 июня 1878 г. Засецкая, дочь Дениса Давыдова, откликаясь на письмо Достоевского, писала: «Все сделано, улажено и устроено для Вашей старушки. Я взяла ей годовой мещанский паспорт, отдала Лопатину для богадельни ‹...› Очень рада, что это мне удалось, несмотря на все препятствия, но после бога она Вас должна за это благодарить.

Я получила Ваше письмо и дорого ценю его, зная, насколько Вы не любите писать письма ‹...› Совершенно справедливо Вы мне заметили, что не следует строго судить никого, даже и чиновников в белых галстуках ‹...›

Кстати, раз навсегда, Вы ничем меня оскорбить не можете, потому что я знаю, что Вы этого желать не можете...» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 217).

352. Г. М. АЛФИМОВОЙ

Конец июня 1878. Старая Русса

В июне 1878 г. гимназическая подруга А. Г. Достоевской Алфимова, год назад вышедшая замуж за чиновника из Перми и приехавшая с мужем в Петербург — для выяснения возможностей их переселения оттуда, в письме, направленном в Старую Руссу, спрашивала Достоевского, не может ли он похлопотать через М. А. Языкова о доставлении ее мужу места в Новгородской губернии. Отвечая на письмо Достоевского вместо заболевшей жены, Н. А. Алфимов писал из Петербурга Достоевскому 2 июля 1878 г.: «В письме Вашем к моей жене Вы были так добры, что обещались принять возможное участие в моем переводе и желали узнать как род моей службы, так и положение Михаила Александровича Языкова», далее он сообщал сведения о себе (см. повторение их в письме Достоевского М. А. Языкову — № 756) и М. А. Языкове как управляющем акцизными сборами Новгородской губернии (*ИРЛИ*, № 29636).

дошедшим письмам) содержатся записи: «*Текущее*. Письмо к Радецкому ‹...› (см. письмо к Ф. Ф. Радецкому от 16 апреля 1878 г., далее также названы 2 известных нам письма к другим адресатам. — *Ред.*). К Засецкой и проч. (Труханов). М‹ada›me Серовой письмо. Стрюцкому. Стукаличу ‹...› Письма. ‹...› Поэту-пролетарию. Маньяку писательство. Стукаличу Стрюцкому ‹...› Писаревой. Михайлову (непременно)» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 116, 381).

353. П. А. и Г. М. АЛФИМОВЫМ

Около 14 июля 1878. Старая Русса

Упоминается в письме Достоевского к М. А. Языкову от 14 июля 1878 г., написанном по просьбе Алфимовых (см. список, № 352): «Не понимаю, почему и Алфимов обратился ко мне, то есть почему и он считает меня таким всемогущим. Чтобы не отказывать доброй и симпатичной жене его, я решился рискнуть написать к Вам (о чем их уведомил, и они теперь ждут ответа)» (см. выше, стр. 39).

354. Н. Н. БЕКЕТОВУ

Первая половина августа 1878. Старая Русса

18 августа 1878 г. Бекетов, отвечая на письмо Достоевского, просившего сообщить подробности об одной своей харьковской корреспондентке, писал: «Как отрадно было мне получить от Вас письмо и убедиться, что связь с прошлым между нами еще не порвана. У меня, как и у Вас, в памяти о прожитом удержалось одно лучшее, то есть одно положительное, и Ваша личность всегда выступала ясно и отчетливо на этом отдаленном фоне. Письмо Ваше я получил в Крыму ‹...› Я могу исполнить только часть Вашей просьбы — сообщить Вам кое-что о личности Людмилы Алексеевны Ожигиной; адреса ее у меня нет; но, возвратившись в Харьков (к 1 сентября), я надеюсь узнать этот адрес и тогда немедленно Вам его сообщу; если же увижу Ожигину лично, то скажу ей о невозможности, в которой Вы находились (не зная адреса) отвечать ей ‹...› Мы часто беседовали с нею об Вас по поводу Вашего „Дневника“, о прекращении которого я очень сожалею, и сожалею вдвойне, так как причина этого Ваше слабое здоровье» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 214).

355. Ф. Д. ВЕБЕРУ

17—23 августа 1878. Старая Русса

Врач Вебер, собиравшийся предпринять издание курортной газеты и хлопотавший по поводу ее разрешения в Петербурге, получив от Достоевского ответ на свое первое письмо, писал ему 25 августа 1878 г. из Стрельны: «...чувствительно благодарю за Вашу любезность; я Вас беспокоил так заблаговременно потому, что в случае положительного ответа я бы мог заняться в сентябре месяце приготовительными работами, потому что нужно иметь запас гигиенических статей по крайней мере на четыре первых номера, а в апреле месяце мне уже не до кабинетных работ, так как городская практика в разгаре и оставляет мало свободного времени... Во всяком случае, я последую Вашему совету. Если позволение будет дано, то и мне бы было удобно печатать здесь...» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 203).

356. И. Р. ТРИШИНУ

27 августа 1878. Старая Русса

30 августа Тришин сообщал Достоевскому: «Письмо Ваше от 27 августа я получил 28 ч‹исла› и спешу отвечать Вам, что Ситкин был у нас того же числа вечером и отдал только 20 рублей и уплатил проценты, а остальные 40 рублей он обещал отдать 8 сентября, ибо он тогда получит прогонные деньги. Насчет 30 рублей он сказал, что не должен их Вам, а когда мы показали ему Ваше упомянутое письмо, тогда он сказал,

что сам будет писать Вам об них» (*ЛН*, т. 86, стр. 466). Письмо это вызвано тем, что Достоевский дал ростовщику Тришину письменное поручительство за И. Г. Сниткина.

357. Ю. Д. ЗАСЕЦКОЙ

Начало сентября 1878. Старая Русса

7 сентября 1878 г. Засецкая писала Достоевскому: «Наконец-то Вы решились обрадовать меня письмом. До вчерашнего утра я беспокоилась о Вас, думая, что Вы нездоровы, потом воображала, что Вы сердитесь на меня за мое длинное письмо ‹. . .› Но скажу откровенно, вечером, когда получила Ваше письмо, с радости все Вам простила.

Не могу верить, чтобы роман Ваш, как бы Вы его ни подразделяли, был иначе как художественным, хотя Вы им пока недовольны. Вы знаете, как ценят все Ваши произведения, то есть люди понимающие, потому что публика вообще не стоит внимания, для нее всё хорошо, даже Мещерский ‹. . .›

Как я рада, что скоро увижу Вас, однако к 25 сент‹ября› пришлю Вам много адресов квартер, не слишком отдаленных от меня, возьму в конторе указатель квартер. Дозвольте мне, уважаемый друг, быть Вам чем-нибудь полезной и не причиняйте мне mauvaise humeur * постоянным напоминанием о каких-то книгах, за которые я сама ничего не заплатила. Только будьте здоровы и для этого не волнуйте себя ‹. . .› Неужто необходимо для Вас писать по ночам и расстраивать себе нервы? . .» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 217).

1879

358. ЗАЯВЛЕНИЕ НА ИМЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА А. Е. ЗУРОВА

3 марта 1879. Петербург

Упоминается в письме Зурова Достоевскому от 5 марта 1879 г.: «Имею честь уведомить Вас, что о случае, изложенном в заявлении Вашем от 3 сего марта, составлен местною полициею протокол, который 1 сего марта передан мировому судье; ввиду этого с моей стороны не может быть сделано никаких дальнейших распоряжений по предмету Вашего заявления» (*ЛН*, т. 86, стр. 475). Речь идет об инциденте, связанном с нападением на Ф. М. Достоевского грабителя поздно вечером на одной из улиц Петербургской стороны. См. заметку «Нападение злоумышленника на Ф. М. Достоевского» («Новости», 1879, 11 марта, № 63), а также письмо Н. А. Соловьева-Несмелова к И. З. Сурикову от 13 марта 1879 г. и комментарий к нему (*ЛН*, т. 86, стр. 474—475). Ср. письмо К. П. Победоносцева к Достоевскому от 3 марта 1879 г., в котором он сообщает, что «вчера», т. е. 2 марта, вероятно, по просьбе Достоевского, он «написал и послал потребное письмо градоначальнику» (*ЛН*, т. 15, стр. 136).

359. О. А. ЛЕВКОВИЧ

Март 1879. Петербург

О существовании несохранившегося письма Достоевского можно судить по ответу на него Левкович от 22 марта 1879 г.: «Искренно благодарю Вас

---

* огорчения (*франц.*).

за высказанную Вами готовность услужить мне. Извините, пожалуйста, что я к Вам обращалась, я не знала, что Вы живете исключительно только на трудовые деньги; извините, прошу Вас. Но что письмо писала действительно я, в том могу уверить Вас честью. Конечно, в общем оно было весьма странно, и личность, писавшая его, могла не менее того показаться Вам странною, если не более...». Рассказывая о своем бедственном материальном положении и о сделанных ею долгах, О. А. Левкович далее пишет: «Вы пишете, что просимая мною ссуда велика для Вас <...>, что можете ссудить мне гораздо меньшую сумму, и за нее я была бы Вам очень благодарна, если только она не может затруднить Вас. Вполне согласна с Вами, что весьма сомнительно посылать деньги в *том виде*. Но, как ни тяжело мое положение, а явиться к Вам на лицо мне очень и очень неловко» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 221).

360. С. Д. КОНСТАНТ

9—10 апреля 1879. Петербург

Упоминается в письме Констант от 10 апреля 1879 г., обращенном к А. Г. и Ф. М. Достоевским: «Сию минугу возвратилась с храма божьего и у дверей своей скромной хижины или квартирки застала Ваше письмо и наскоро пробежала его». Письмо это, написанное в этот день или накануне, возможно от лица А. Г. и Ф. М. Достоевских, было ответом на письмо С. Д. Констант к Достоевскому от 16 января 1879 г., в котором она, прося сохранить свою просьбу в тайне от родных, обращалась к писателю за помощью («одолжите мне рублей 200 на рассрочку»). В письме С. Д. Констант от 10 апреля 1879 г. далее говорится: «Тороплюсь Вас поблагодарить за ответ; прошу Вас обоих хотя в 30 рублях серебром мне помочь, не откладуя*), пока Вы еще находитесь в С.-Петербурге» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 222).

361. С. Е. ГУРОВИЧУ

Вторая половина мая 1879. Старая Русса

Упоминается в письме Гуровича Достоевскому от 31 мая 1879 г. «Мы все Вам очень благодарны за позволение переводить Ваши сочинения на французский язык. Особа, о которой я Вам писал в своем прошлом письме, уже приступила к переводу „Преступления и наказания", следуя Вашему совету <...> На то же, что Вы пишете, что уже много раз просили позволения переводить и ни разу не перевели, я могу лишь сказать Вам, что это неприменимо в данном случае, потому что переводчица серьезно *желает* перевести *Ваши* сочинения» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 215).

Согласие Достоевского на перевод его сочинений содержалось в ответе на письмо Гуровича от 12 мая 1879 г., написанное от имени группы студентов.

362. С. Е. ГУРОВИЧУ

Июнь 1879. Старая Русса

Упоминается в письме Гуровича Достоевскому от 2 июля 1879 г. Достоевкий писал, что хочет ознакомиться с переводом «Преступления и наказания» на французский язык, предпринятым знакомой Гуровичу переводчицей, а также о том, что в июле уезжает на лечение в Бад-Эмс,

* *Так в подлиннике.*

Письмо Достоевского — ответ на письмо Гуровича от 31 мая 1879 г. (см. *список*, № 361), где содержалась просьба к Достоевскому «дать исключительное право перевода на все сочинения разом».

2 июля Гурович писал, что переводчица просит сообщить о возвращении писателя из Эмса в Петербург «и тогда можно будет или мне самому занесть, или по городской почте послать всё, что до тех пор переведено и переписано» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 216). Судьба этого перевода неизвестна.

363. Н. А. ИВАНОВОЙ

Конец ноября (после 22) 1879. Петербург

Из письма Ивановой Достоевскому из Москвы (почтовый штемпель С.-Петербурга 5 декабря 1879 г.) видно, что Достоевский ответил на ее письмо от 19 ноября 1879 г. (почтовый штемпель 22 ноября), в котором она сообщает, что пишет роман и просит 60 руб. взаймы, чтобы снять комнату для работы (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 171; частично опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 402). Достоевский в ответном письме рекомендовал Ивановой обратиться в редакцию «Русского вестника» к Н. А. Любимову, к которому дал рекомендательную записку (см. *Список*, № 364). Он пожелал Ивановой успеха: «Скажу Вам наперед, мне что-то кажется, что Вам удастся. Письмо Ваше нимало не удивило меня» (приведено в письме Н. А. Ивановой Достоевскому от 1 февраля 1880 г.: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 171). Достоевский согласился прочитать роман Ивановой в рукописи, как только будет закончена первая часть, что видно из ответного письма ее от начала декабря. «Позвольте мне поблагодарить Вас, что Вы ‹...› так мило ответили на мое письмо» (см.: *Д, Письма*, т. IV, стр. 402—403).

364. Н. А. ЛЮБИМОВУ

Конец ноября (после 22) 1879. Петербург

Записка, рекомендующая Любимову племянницу Достоевского Н. А. Иванову и содержащая просьбу выдать ей 60 руб. в счет авторского гонорара Достоевского, упомянута в письме Н. А. Ивановой к Достоевскому, написанному не позднее 4 декабря 1879 г. (почтовый штемпель С.-Петербурга 5 декабря 1879 г.). Иванова писала, что три раза была у Любимова и получила деньги (*Д, Письма*, т. IV, стр. 402—403). См. также письмо Достоевского Любимову от 8 декабря 1879 г. (№ 827).

365. С. А. КОСАРЕВУ

1870-е годы

«Петербургский мещанин» Косарев обратился к Достоевскому с просьбой помочь «сколько и чем может бедному, семейному народному учителю, обиженному за правду и лишившемуся последних средств к борьбе за существование». На конверте помета Достоевского: «Ответил» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.130; частично опубликовано: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 222). Л. Ланский предположительно отнес письмо Косарева и не дошедший ответ на него Достоевского к 1870-м гг. (см. там же; ср.: *Описание*, стр. 411).

366. Б. Б. ПОЛЯКОВУ

Конец 1879—первые числа января 1880. Петербург

Упоминается в письме А. Г. Достоевской А. А. Достоевскому от 10 января 1880 г.: «Поляков писал нам, будто Моншеров ‹...› нашел покупателя на имение, и покупатель дает сто тысяч. Федор Михайлович ответил, что за сто тысяч отдать не согласится, а хочет получить натурою» (*ЛН*, т. 86, стр. 495). См. также письмо Достоевского к В. Д. Шеру (№ 885), где речь идет о дальнейших переговорах, связанных с продажей части рязанского имения, доставшегося Достоевским в наследство от А. Ф. Куманиной, и раздел «Офиц. письма и делов. бумаги», № 39.

367. Н. А. ЛЮБИМОВУ

29 января 1880. Петербург

Существование этого письма и его дата устанавливаются на основании записки Достоевского к жене от 29 января 1880 г., в которой содержится просьба «Сегодня же, не медля» отправить в Москву прилагаемое заказное письмо Любимову (см. письмо 840). Письмо Н. А. Любимова от 1 февраля 1880 г., очевидно являющееся ответом на несохранившееся письмо Достоевского, дает представление о его содержании. Любимов сообщает, что «навел справки» о замеченных Достоевским опечатках в начале IX главы «Братьев Карамазовых», опубликованной в январском номере «Русского вестника» за 1880 г. «Тут, оказывается, есть какое-нибудь недоразумение. Напечатано все верно с Вашей рукописи (начало IX главы присылаю). Но осталась ли у Вас вставка в черновой? Точно так же и ошибка: *поверил* вместо *не верил* произошло оттого, что в рукописи стоит *поверил*» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.33).

368. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

5 марта 1880. Петербург

Упоминается в письме Вейнберга Достоевскому от 6 марта 1880 г.: «Распорядители вечера в пользу Дома милосердия пришли в совершенное отчаяние, узнав от меня о Вашем вчерашнем решении» (*Материалы и исследования*, т. IV, стр. 247). Речь идет о письменной просьбе Достоевского отложить литературный вечер в пользу Дома милосердия, благотворительной детской организации, на котором он согласился ранее выступить по просьбе Вейнберга. См. письмо 842.

369. П. П. ВЕЙНБЕРГУ

Между 6 и 10 марта 1880. Петербург

Упомянуто в письме Вейнберга Достоевскому, написанном между 6 и 10 марта (см. *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 249) и связанном с организацией литературного вечера в пользу Дома милосердия (см. *Список*, № 368). Достоевский отказался выступить на этом вечере в ранее назначенный день: «Я им (распорядителям вечера. — *Ред.*) препроводил Ваше письмо — пусть теперь делают, как знают. А на меня, пожалуйста, не сердитесь; повторяю, я тут, собственно, ни при чем, и если б знал, что будет столько возни, то не стал бы и путаться» (*Материалы и исследования*, т. IV, стр. 249). Вечер состоялся 20 марта 1880 г. с участием Достоевского. См. также письмо 845.

370. Э. РИХТЕРУ

Апрель 1880. Петербург

Упоминается в письме Рихтера 21 апреля 1880 г. из Лондона, в котором он благодарит Достоевского за письмо и посылку с книгами, полученные им одновременно (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29833). Очевидно, Рихтер заказывал ряд книг через книжную торговлю Достоевского.

371. К. А. ИСЛАВИНУ

11 июня 1880. Старая Русса

Телеграмма

Упомянута в письмах Достоевского Иславину от 12 и 20 июня 1880 г.: «Вчера послал ответ на Вашу телеграмму в 11-м часу. Не знаю, когда дошло к Вам и успело ли дойти вовремя» (см. письмо 874); «На телеграмму из редакции от 11-го числа я тотчас же отвечал телеграммой» (см. письмо 880). Корреспонденты вели переговоры о публикации Пушкинской речи в «Московских ведомостях».

372. С. А. ЮРЬЕВУ

Конец июня—первая половина июля 1880. Старая Русса

Упоминается в письме Юрьева Л. И. Поливанову от 22 июля 1880 г. из села Воскресенского: «приехав в деревню, я был в каком-то онемении: и упадок сил, и какое-то необычайно хорошее чувство. ‹...› Меня разбудили письма из Москвы и Питера. И. С. Аксаков, О. Миллер и Достоевский потребовали от меня написать мою речь» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 513). Имеется в виду речь Юрьева на пушкинском празднике в Москве (прочтена на заседании Общества любителей российской словесности 7 июня 1880 г.; опубликована с сокращениями в сборнике «Венок на памятник Пушкину». СПб., 1880).

373. Е. Н. ГЕЙДЕН

Вторая половина июля—начало августа 1880. Старая Русса

Упомянуто в письме Гейден Достоевскому от 9 августа 1880 г., в котором Гейден сообщает, что отвечает не сразу, а через «несколько дней», когда «улеглось волнение», вызванное получением письма Достоевского. Очевидно, Достоевский ответил на письмо к нему Гейден от 2 июля 1880 г. В письме Достоевского, по-видимому, был дан анализ характера и поведения корреспондентки, так как 9 августа 1880 г. Гейден отвечала: «„Я хочу познать Ваш характер“, — говорите Вы» и далее: «Я в борьбе, это правда...». В этом же письме Гейден благодарит Достоевского за обещание прислать ей «Дневник писателя» (см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.2.73; частично опубликовано: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 218; *ЛН*, т. 86, стр. 530—531).

374. С. Г. РЕХНЕВСКОЙ

Конец октября (после 27) 1880. Петербург

27 октября 1880 г. Рехневская, попечительница приюта св. Ксении (общежития девушек-курсисток), обратилась к Достоевскому с письменной просьбой выступить на благотворительном лермонтовском вечере в пользу

приюта (*ГБЛ*, 93, II.8.31). Достоевский ответил ей отказом, о чем сообщил в письме П. И. Вейнбергу от 2 ноября 1880 г. (см. письмо 904). Отказ, скорее всего, был выражен в письменной форме, как и другие аналогичные отказы официального характера (ср. письмо 902).

375. В. М. КАРЕПИНОЙ

Около 4 декабря 1880. Петербург

Упоминается в письме Карепиной Достоевскому от 1 января 1881 г.: «до сих пор не поблагодарила тебя за твое милое дорогое письмо, за твою любовь и память обо мне. Письмо твое, милый брат, меня сильно порадовало, такое оно хорошее, задушевное и любящее, что я и не знаю, как благодарить тебя за него и за любовь твою ко мне. Ты один вспомнил обо мне 4-го декабря» (см.: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 219). 4 декабря — день именин Варвары Михайловны, сестры Достоевского.

376. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

Декабрь (до 14) 1880. Петербург

Факт письма Достоевского Вейнбергу подтверждается наличием двух писем Вейнберга Достоевскому (оба без даты), написанных в декабре 1880 г. и связанных с организацией литературного вечера в пользу Бестужевских курсов 14 декабря 1880 г. (см.: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 251—253). В первом письме, написанном в стихах, Вейнберг просил Достоевского выступить на этом вечере и прочесть вместе с Д. В. Григоровичем сцену из «Женитьбы» Гоголя. Достоевский, по-видимому, ответил согласием, на что указывает второе письмо Вейнберга, в котором он подтверждает, что вечер состоится «в воскресенье» и что Григорович «завтра» зайдет к Достоевскому, «чтобы условиться насчет чтения „Женитьбы", поставленной в программе». Об участии Достоевского в этом литературном вечере см. там же, стр. 251—252.

377. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

9 декабря 1880. Петербург

Существование этого несохранившегося письма подтверждается наличием двух записок Победоносцева Достоевскому от 9 декабря 1880 г. (см.: *ЛН*, т. 15, стр. 148). В первой из них Победоносцев благодарил писателя за подаренный ему экземпляр «Братьев Карамазовых» и советовал преподнести роман цесаревичу, который им интересовался, но не читал, ожидая выхода отдельной книги. Отдельное издание «Братьев Карамазовых», помеченное 1881 г., фактически вышло в начале декабря 1880 г. Вторая записка Победоносцева, посланная в тот же день, — несомненный ответ на недошедшее письмо Достоевского, в котором тот сообщал, что не сможет пойти к наследнику в ближайшие дни, так как хочет подарить ему переплетенный экземпляр романа. Победоносцев отвечал: «Не смущайтесь, любезный Федор Михайлович, спокойно ждите переплета. Можно пойти и на следующей неделе. Предупредите меня накануне, а я предупрежу вел‹икого› князя, что Вы будете» (*ГБЛ*, ф. 93, II.7.94).

378. Е. С. ПОЛЯНСКОЙ

Декабрь (до 15) 1880. Петербург

Упоминается в письме Полянской Достоевскому от 15 декабря 1880 г., из которого следует, что ранее она обращалась к писателю с просьбой принять ее и обсудить составленный ею проект, касающийся народного образования. Достоевский ответил ей отказом, сославшись на нездоровье и занятость. Однако 15 декабря 1880 г. Полянская просила Достоевского ознакомиться с ее запиской к проекту, которую на этот раз она предложила переслать писателю и которую он может читать, «не торопясь в часы отдыха», и затем уже назначить ей время встречи» (см.: *Ланский. Утраченные письма*, 218—219. *ГБЛ*, ф. 93, II.7.109).

379. Е. С. ПОЛЯНСКОЙ

16—17 декабря 1880. Петербург

Ответ на письмо Полянской от 15 декабря 1880 г. (см. *Список*, № 378). Упоминается в письме Полянской Достоевскому от 19 декабря 1880 г.: «Говорю Вам русское душевное *спасибо* за письмо Ваше» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 219). Далее Полянская сообщает, что письмо Достоевского, очевидно вновь подтвердившего свой отказ читать записку, «пришло поздно»: «Я уже отослала Вам свою записку. Ради бога, не беспокойтесь читать ее, а тем более что-либо писать мне о ней. В генваре я зайду к Вам и возьму ее обратно» (там же),

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО с 1878 по 1881 год[1]

1878. Петербург — январь—18 июня
Москва — 19—22 июня
Оптина пустынь — 23—28 июня
Москва — 29 июня—1 июля
Старая Русса — 2 июля—конец августа
Петербург — начало сентября—6 ноября
Москва — 7—13 ноября

1879. Петербург — середина ноября 1878—17 апреля 1879
Старая Русса — 18 апреля—18 июля
Старая Русса — 18 апреля—18 июля
Берлин — 22—23 июля (3—4 августа)
Эмс — 24 июля (5 августа) — 29 августа (10 сентября)
Старая Русса — начало сентября

1880. Петербург — сентябрь 1879—середина мая 1880
Старая Русса — середина мая—22 мая
Москва — 23 мая—10 июня
Старая Русса — 11 июня—5—6 октября

1881. Петербург — 7 октября 1880—28 января 1881

[1] Даты, обозначающие пребывание Достоевского в России, даются по старому стилю.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

---

* Имена, упомянутые только в примечаниях, в указатель не включены. Адресаты писем отмечены одной звездочкой, адресаты несохранившихся и ненайденных — двумя звездочками. Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

Александр Николаевич — см. *Сниткин* А. Н.

Александра Петровна — см. *Ольденбургская* А. П.

Александров, книготорговец — XXX_1, 181, *353*

Александров Анатолий Александрович (1861—1930), в конце 1870-х гг. воспитанник Ломоносовской семинарии при Лицее в память цесаревича Николая, впоследствии — приват-доцент Московского университета, редактор газеты «Русское слово» и журнала «Русское обозрение», автор воспоминаний о Достоевском (см.: «Светоч и дневник писателя», 1913, № 1, стр. 53—56) — XXX_1, 34, 35, *279*

Александров Михаил Александрович — см. т. XXIX_2, указатель имен — XXX_1, 222, *261, 268, 283, 328, 380*

Александров Петр Акимович (1838—1893), окончил юридический факультет Петербургского университета в 1860 г., занимал различные должности по Министерству юстиции, в том числе был товарищем прокурора кассационного департамента Правительствующего Сената. В 1876 г. после служебного конфликта вышел в отставку и поступил в адвокатуру. В качестве защитника выступал в политическом процессе «193-х»; в деле Веры Засулич добился оправдания подсудимой. Участвуя в Кутаисском деле, заявил на суде, что видит свою обязанность как судебного деятеля не только в том, чтобы защитить подсудимых, но и в том, чтобы способствовать «разъяснению вопросов, представляющих общественный интерес» (см.: *Г*, 8 марта—7 апреля 1879 г., а также: Судебные речи известных русских юристов. М., 1956, стр. 11—12, 59—102) — XXX_1, 59, *291*

Алексей, викарий — см. *Лавров-Платонов* А. Ф.

Алексей, или Алексий (1293 или 1298—1378), русский митрополит с 1354 г. Отличался энергией, твердым характером, широкой образованностью, что позволило ему приобрести большое влияние не только в делах церковных, но также и в светских. Во время княжения малолетнего князя Дмитрия Ивановича был фактически главою княжества. В то же время строгостью своей жизни он приобрел всеобщее уважение; после смерти стал одним из самых чтимых русских святых, деяния которого описаны в многочисленных житиях. В духовной литературе сохранились его грамоты и поучения — XXX_1, 102

Алексей (*«отец Алексей»*) — см. *Надеждин* А. С.

Алеша — см. *Достоевский* А. Ф.

***Алфимов* Николай Александрович, инженер-технолог по образованию, с 1872 г. служил в Перми в Акцизном управлении; в 1877 г. женился на Г. М. Андреевой (см. Алфимова Г. М.). Достоевский принял участие в устройстве Алфимова через М. А. Языкова на службу в Новгородской губернии. Однако, как видно из прошения, составленного позднее А. Г. Достоевской от лица жены Алфимова, переход на службу в Новгород не состоялся. Здесь же имеются сведения о тяжелом психическом заболевании Алфимова (см.: *ИРЛИ*, № 30707, л. 79 об.). Известно одно письмо Алфимова к Достоевскому (1878; *ИРЛИ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Алфимову (и Г. М. Алфимовой) см.: *Список*, № 353 — XXX_1, 38—40, *281*, *404*, *405*

***Алфимова* Глафира Михайловна, урожд. Андреева, подруга А. Г. Достоевской по Мариинской женской гимназии, встречавшаяся с ней и позднее и познакомившаяся через нее с Достоевским, который относился к ней с симпатией. По ее просьбе Достоевский хлопотал о переводе ее мужа на службу из Пермской в Новгородскую губернию. В записной книжке А. Г. Достоевской содержится недатированный набросок прошения от лица Г. М. Алфимовой «об определении ее на какую-либо казенную педагогич‹ескую› или админист‹ративную› службу» ввиду того, что она осталась «вследствии ‹...› болезни» мужа «с 2 груд‹ными› детьми без средств к существованию» (*ИРЛИ*, № 30707, л. 79 об.). Сведения о несохранившихся письмах к ней Достоевского см.: *Список*, №№ 352, 353— XXX_1, 39, *404*, *405*

Андреев Михаил, начальник отделения одного из департаментов в Петербурге, отец Г. М. Алфимовой — XXX_1, 39

см.: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 257. Достоевский мог также знать его работы: «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» (СПб., 1869) и «Азбука социальных наук» (ч. 1—2, 1871), а также его художественные произведения: роман «На жизнь и смерть» (1877), повесть «Забытая история (1880). С 1862 по 1887 г. Н. Флеровский находился в ссылке, но благодаря помощи революционных народников печатался в демократических журналах «Дело», «Отечественные записки», «Знание» — XXX_1, 30, *277*

Бергеман Анна Петровна («Бергеманша»), знакомая А. Г. Достоевской, по характеристике А. Ф. Кони — «добрая и отзывчивая на людское горе женщина» (*Кони*, т. VI, стр. 434). В декабре 1876—январе 1877 гг. Достоевский по просьбе Бергеман и совместно с ней при участии и юридической помощи А. Ф. Кони занимался устройством одиннадцатилетней девочки Марфы в больницу, а затем и в приют (см. там же, стр. 434—435). В рабочей тетради Достоевского 1876—1877 гг. есть записи: «Солдат и Марфа» и «О деятельной любви, Бергеман» (наст. изд., т. XXV, стр. 226, 231, а также примеч. стр. 450). Достоевский, очевидно, предполагал рассказать в «Дневнике писателя» за 1877 г. историю этой девочки и отметить роль Бергеман в спасении ребенка. Известно одно письмо Бергеман к Достоевскому (1877; *ИРЛИ*) — XXX_1, 110, 114, 115, *311*

Бессонов Петр Алексеевич, секретарь Общества любителей российской словесности в 1869—1878 гг. — см. т. XXIX_2, указатель имен — XXX_1, 162

**Бестужев-Рюмин* Константин Николаевич (1829—1897), историк, общественный деятель, академик (с 1890 г.). С 1878 по 1882 г. — председатель Славянского благотворительного общества, возглавлял основанные им Высшие женские курсы в Петербурге («Бестужевские»), член Археографической комиссии, Русского географического общества и др. научных обществ. Достоевский познакомился с ним не ранее 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIX_2, стр. 220). 4 мая 1880 г. на общем собрании Славянского благотворительного общества Бестужев-Рюмин предложил избрать Достоевского депутатом от Общества на открытие памятника Пушкину в Москве. 1 февраля 1881 г. произнес речь у открытой могилы Достоевского (см. *Достоевская А. Г. Воспоминания*, стр. 390), 14 февраля выступил с речью памяти Достоевского на заседании Славянского благотворительного общества (напечатана: «Полярная звезда», СПб., 1881, № 2, стр. 149—152). Известно одно письмо Достоевского к Бестужеву-Рюмину (1880) и одно письмо Бестужева-Рюмина к Достоевскому (1880; ГБЛ) — XXX_1, 150, 154, 213, *335*, *373*

Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770—1827) — XXX_1, 100, 168, *307*

Бисмарк Отто — см. т. XXIX_2, указатель имен — XXX_1, 118, 307

Благовидов Александр Матвеевич, управляющий пермскими акцизными сборами — XXX_1, 39

**Благонравов* Александр Федорович, провинциальный врач и литератор. Известно одно письмо Достоевского к Благонравову (1880) и одно письмо Благонравова Достоевскому (1880; *ГБЛ*; частично опубликовано: *ЛН*, т. 86, стр. 490; наст. изд., т. XXX_1, 390), в котором Благонравов отмечает как медик поразительную достоверность в изображении галлюцинации Ивана Карамазова — XXX_1, 236—237, *368*, *390*

**Благосветлов* Григорий Евлампиевич (1824—1880), журналист и публицист, редактор-издатель журнала «Дело» (1866—1880). В записной тетради Достоевского 1876—1877 гг. содержится критическое суждение о Благосветлове, который причисляется к «торгующим либерализмом» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 246, 247). На отношение Достоевского к Благосветлову, возможно, повлияла и публикация в «Деле» написанного С. С. Шашковым некролога А. П. Щапова, в котором Достоевского возмутили некоторые суждения о его покойном брате Михаиле Михайловиче (см. наст. изд., т. XXII, стр. 132—135). Известно одно письмо Достоевского к Благосветлову (1880) и 2 письма Благосветлова Достоевскому (1864; *ГБЛ*) — XXX_1, 222, *380*

Блан (Blanc) Луи (1811—1882), французский утопический социалист, историк, журналист — XXX$_1$, 216, *376*

Бретцель Яков Богданович — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 142

Буренин Виктор Петрович (1841—1926), поэт, пародист, публицист, литературный критик. В 1860-х годах сотрудничал в демократических изданиях, с середины 1870-х — в суворинском «Новом времени», где печатал фельетоны и критические статьи. Начиная со второй половины 1860-х годов Буренин рецензировал почти все появившиеся в печати произведения Достоевского. Он высоко оценил роман «Братья Карамазовы», в котором видел отражение «самых основных сторон русской жизни» (см. наст. изд., т. XV, стр. 493, 498—499). Часто полемизируя с критиком, Достоевский в то же время признавал справедливость некоторых суждений (см., например, наст. изд., т. XXI, стр. 60—68; т. XXV, стр. 298—301) — XXX$_1$, 44, 155, 178—180, *293, 335, 351*

Буссе Владимир, выпускник 1832 г. верхнего офицерского класса Главного инженерного училища; убит 7 сентября 1842 г. в действии против горцев при устроении укрепления Воздвиженского (см.: М. Максимовский. Исторический очерк развития Главного инженерного училища (1819—1869). СПб., 1869, стр. 83) — XXX$_1$, 231

Вагнер (Wagner) Рихард (1813—1883), немецкий композитор — XXX$_1$, 100, *307*

Ваня — см. *Сниткин* И. И.

Варя, *Варенька* — см. *Карепина* В. М.

Васильев, московский книготорговец — XXX$_1$, 34

***Вебер* Фридрих Данилович, врач, инициатор издания (с одобрения Достоевского) в Старой Руссе курортной «гигиенической» газеты «Листок», задуманной им в августе 1878 г. и подготавливаемой в Петербурге, по всей вероятности, к весне 1879 г. Известны два письма Вебера к Достоевскому (1878; *ИРЛИ*, *ЦГАЛИ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Веберу см.: *Список*, № 355 — XXX$_1$, *405*

Веймар Орест Эдуардович (ум. 1885), член народовольческой организации «Земля и воля». В мае 1880 г. привлекался к судебной ответственности в связи с убийством в 1878 г. шефа жандармов Н. В. Мезенцова и покушением в 1879 г. на Александра II — XXX$_1$, 155, *336*

**Вейнберг* Петр Исаевич (1831—1908), поэт, переводчик, педагог. общественный деятель, сотрудник «Современника», «Отечественных записок», «Искры», «Колокола». В 1860—1862 гг. Вейнберг издавал еженедельный журнал «Век», а с 1866 г. стал заведовать литературным отделом журнала «Будильник». В 1868—1874 гг. преподавал русский язык и литературу в Варшавской главной школе, с 1874 г. жил в Петербурге. Достоевский познакомился с Вейнбергом в Петербурге в конце 1859 г. (см.: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 240). В 1861 г. Достоевский полемизировал с Вейнбергом — автором фельетона «Русские диковинки» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 91—104, 119—139). В воспоминаниях Вейнберга воспроизводятся некоторые эпизоды общения с Достоевским (см.: Ежегодник императорских театров. Сезон 1893—1894 гг., Прил., кн. 3, стр. 96—108; «Былое», 1906, № 4, стр. 299—300). Известны 3 письма Достоевского к Вейнбергу (1880) и 12 писем Вейнберга к Достоевскому (1860—1880; *ГБЛ; Материалы и исследования*, т. IV, стр. 242—253). Сведения о недошедших письмах Достоевского к Вейнбергу см.: *Список*, №№ 368, 369 — XXX$_1$, 142—143, 145, 224, *257—258*, *323—326*, *377, 381*, *409*, *411*

Верочка — см. Иванова В. М.

Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918), историк литературы, член Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым — XXX$_1$, 228, *385*

**Веселовский* Константин Степанович (1819—1901), экономист и статистик, академик, непременный секретарь императорской Академии наук

(1857—1890). В 1840-х годах печатался одновременно с Достоевским в «Отечественных записках». В «Записной тетради» 1880—1881 гг. Достоевский, откликнувшись на широко обсуждавшееся прессой голосование Веселовского против избрания Д. И. Менделеева в Академию, отнес его к разряду «наиболее бездействующих (отдыхающих) наших русских академиков» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 68 и примеч. стр. 347—348). Известно одно письмо Достоевского к Веселовскому (1878) и одно письмо Веселовского к писателю (1878; *ГЛМ*) — XXX$_1$, 7, 249, *262, 399*

Висковатов Павел Александрович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 164, 169—171, 174—176, 178, 180, *342, 346*

Владиславлев Михаил Иванович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 109, *310*

**Воеводин* Александр Дмитриевич (1857—1903), печатался под всевдонимом Н. И. Галицкий, журналист, автор статей в «Энциклопедическом словаре», издаваемом Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном. Последние годы жизни служил письмоводителем имп. Вольно-Экономического общества. Выпустил книгу: Н. И. Галицкий. На берегах Невы. Пб., 1901. Известно одно письмо Достоевского к Воеводину (1878) и два письма Воеводина к Достоевскому (1878; *ИРЛИ*) — XXX$_1$, 25, *275*

Воейков Александр Федорович (1778—1839) — XXX$_1$, 104, *309*

Воейков, возможно — Николай Васильевич (1832—1898), генерал-адъютант, кавалергард; Достоевский мог с ним встречаться у К. П. Победоносцева (см.: *Д, Письма*, т. IV, стр. 431) — XXX$_1$, 203

Волконский Михаил Сергеевич (1832—1909), князь, попечитель С.-Петербургского учебного округа (1876—1880) — XXX$_1$, 145, *327*

**Вольфрам* Юлий Иванович, владелец книжного магазина в г. Пскове. У Достоевского с 1876 г. установились с ним деловые отношения в связи с продажей «Дневника писателя». Известно одно официальное письмо Достоевского к Вольфраму (1878) и одно письмо книгопродавца в редакцию «Дневника писателя» (1877; *ИРЛИ*; *Материалы и исследования*, т. III, стр. 73) — XXX$_1$, 245, *397*

Гаевский Виктор Павлович— см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 55, 56, 138, 145, 174, 180, 198, 216, 219—220, 223—224, 228, *257, 258, 288, 321, 326—327, 347, 365, 377—379, 381, 384—385*

Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893), журналист и публицист, редактор-издатель газеты «Неделя» (с 1876 г.). Известны 5 писем его Достоевскому (1876—1878; *ГБЛ*) — XXX$_1$, 180, *340, 342, 352—353, 355, 385*

Гартунг Мария Александровна, урожд. Пушкина (1832—1919), старшая дочь А. С. Пушкина. О ней см.: В. М. Русаков. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л., 1982, стр. 17—31 — XXX$_1$, 160 («фамилия Пушкиных»), 165 («дети ‹. . .› Пушкина»), *342*

Гатцук Алексей Алексеевич (1832—1891), археолог, издатель «политико-литературной, художественной и ремесленной» «Газеты А. Гатцука» (с 1876 по 1879 г.). Имя Гатцука и его «Календарь» упоминаются в главе девятой книги одиннадцатой «Братьев Карамазовых» («Черт. Кошмар Ивана Федоровича» — (наст. изд., т. XV, стр. 75) — XXX$_1$, 164. *342*

**Гейден* Елизавета Николаевна, урожд. Зубова (1833—1894), графиня, великосветская дама, занимавшаяся благотворительной деятельностью. А. Г. Достоевская пишет: «Из лиц, с которыми Федор Михайлович любил беседовать и которых часто посещал в последние годы своей жизни, упомяну графиню Елизавету Николаевну Гейден, председательницу Георгиевской общины» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 356; ср.: Л. Ф. Достоевская об отце. (Впервые переведенные главы из воспоминаний) — *ЛН*, т. 86, стр. 305. О ее взаимоотношениях с Достоевским см. также: *ЛН*, т. 86, указатель имен). Во время предсмертной болезни Достоевского Гейден обратилась к А. Г. Достоевской с сочувственным письмом (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 530), ответом на которое явилось единственное сохранившееся письмо (черновое) к ней Достоевского от 28 января 1881 г., про-

диктованное умирающим писателем жене. Известны 5 писем Гейден Достоевскому (Б. д. — 1880; *ГБЛ*; частично опубликованы: *ЛН*, т. 86, 295—296, 530—531; *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 218). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Гейден см.: *Список*, № 373 — XXX$_1$, 242—245, *395, 410*

Гемилиан Алексей Петрович, преподаватель Московского университета, составитель учебника французского языка (неутвержденного), автор нескольких повестей и рассказов, обратившийся к Достоевскому за советом, стоит ли ему заниматься литературой. Известно одно письмо Гемилиана к Достоевскому (1878; *ГБЛ*). Имеются сведения о запланированном письме Достоевского к нему — XXX$_1$, *403*

Гербель Николай Васильевич (1827—1883), поэт-переводчик и издатель, был близок к кругу «Современника». В 1857—1880 гг. подготовил и издал собрания сочинений Шиллера, Байрона, Шекспира, Гофмана, Гете в переводах русских писателей. Издал «Кобзарь» Т. Г. Шевченко (1860) — XXX$_1$, 237

Гете (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — XXX$_1$, 205, 212, 237—238, *359*

Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887), публицист, издатель газеты «Современные известия». Сотрудничал также в газетах и журналах, издававшихся И. С. Аксаковым («Русская беседа», «День», «Москва», «Русь»). Достоевский, вероятно, познакомился с Гиляровым-Платоновым в середине 1860-х годов в доме И. С. Аксакова — XXX$_1$, 188

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — XXX$_1$, 113, 237—238, *278, 311, 346, 381—383, 411*

Голицын Николай Николаевич (1836—1893), публицист, библиограф, с 1879 по 1883 г. редактор газеты «Варшавский дневник», автор «Библиографического словаря русских писательниц» (СПб., 1889), в 1870-х годах — подольский вице-губернатор. Известно одно письмо Голицына к Достоевскому (1878; *РЛ*, 1976, № 3, стр. 138) — XXX$_1$, 84, 90, 141, *303, 305, 312, 323*

Голохвастова Ольга Андреевна, урожд. Андреевская (? — 1894), писательница. Известен экземпляр ее исторической драмы «Две невесты» (М., 1877) с дарственной надписью: «Федору Михайловичу Достоевскому от автора, неизвестной ему, но горячей поклонницы его таланта» (см.: *Описание*, стр. 524). О ней см. также наст. изд., т. XXVII, стр. 429— XXX$_1$, 182

Голубин, петербургский домовладелец — XXX$_1$, 247

Гончаров Иван Александрович — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 168, 207, 212

**Горбунов* Иван Федорович (1831—1895), писатель, рассказчик-импровизатор и актер, автор бытовых сцен из жизни городского мещанства и крестьян (сб. «Сцены из народного быта». Пб., 1861). Имеются свидетельства, относящие факт знакомства Достоевского с Горбуновым к 1860-м годам, однако особенную близость их отношения приобрели во второй половине 1870-х годов. Достоевский высоко ценил художественный дар Горбунова, отзывался о нем не только как о «замечательно талантливом артисте», но также и как о «литераторе-художнике», в произведениях которого «много чрезвычайно тонких и глубоких наблюдений над русской душой и над русским народом» (наст. изд., т. XXII, стр. 180). В конце 1870-х гг. Достоевский участвовал вместе с Горбуновым в литературных чтениях (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 340). Известны два письма Достоевского к Горбунову (б. д., 1880) — XXX$_1$, 244, 253, *258, 376, 396, 401*

Горчаков Александр Михайлович — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 112, *279, 311, 312*

Градовский Александр Дмитриевич — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 58, 121, 198—199, 204, 232—233, *290, 314, 364—365, 367, 371, 374, 375, 387*

Гриббе Александр Карлович — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 33

Жакеляр — см. *Жаклар А. В.*

Жаклар Анна Васильевна — см. *Корвин-Круковская* А. В. — т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 82, 87,94, 95, 98, *276, 299, 303, 312*

Жаклар (Jaclard) Шарль Виктор (1840—1903), революционер-бланкист, участник Парижской Коммуны 1871 г., член ЦК Национальной гвардии. После поражения Коммуны и ареста эмигрировал в Швейцарию. С 1869 г. женат на А. В. Корвин-Круковской. В 1874 г. переехал с женой в Россию. Здесь сблизился с народниками, сотрудничал в журналах «Слово» и «Дело». Вернулся во Францию после амнистии в 1880 г. — XXX$_1$, 82, 87, 98, 100, 114, *303, 312*

Жаклары — XXX$_1$, 74, *299, 306, 313*

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — XXX$_1$, 237, *279*

***Засецкая* Юлия Денисовна, урожд. Давыдова (? — 1882), дочь поэта-партизана Д. В. Давыдова, переводчица, автор книги «Часы досуга». В конце 1872—начале 1873 г. основала в Петербурге ночлежный приют; к этому времени относится и знакомство ее с Достоевским, которого она «чрез секретаря редакции „Гражданина“ пригласила ‹...› осмотреть устроенное ею убежище для бездомных»; по ее же приглашению Достоевский несколько раз присутствовал у нее в 1874 г. при беседах проповедника-евангелиста лорда Редстока, вызвавших, однако, у него отрицательное отношение (см. наст. изд., т. XXII, стр. 98—99). Позднее писатель «любил бывать» у Засецкой и «вел с нею горячие, хотя и дружеские споры по поводу ее религиозных убеждений» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, с. 255, 357, 452, 453). Через Засецкую Достоевский устраивал няню Прохоровну «в богадельню». Известно 6 писем ее к Достоевскому, один конверт от несохранившегося письма и визитная карточка ее с надписью Достоевскому (1872—1878 и без даты; *ЦГАЛИ, ГБЛ, ИРЛИ*; *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 291; *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 216—217). Сведения о несохранившихся письмах к ней Достоевского см.: *Список*, №№ 351, 357 — XXX$_1$, 62, 71, 117, 118, 128, 141, *292, 297, 313, 404, 406*

Засулич Вера Ивановна (1851—1919), деятель революционного народнического движения, позднее социал-демократка. В 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Судом присяжных была оправдана. Достоевский присутствовал на процессе (см.: Г. К. Градовский. Итоги (1862—1907). Киев, 1908, стр. 18); особенно большое впечатление на него произвели слова Засулич: «Страшно поднять руку на человека... но я находила, что мне должно было это сделать», приведенные Достоевским в записной тетради (см. наст. изд., т. XXVII. стр. 57 и примеч. на стр. 341) — XXX$_1$, 23, *273, 274, 337—338, 341*

Зверев Николай Андреевич (1850—1911), правовед, профессор Московского университета, впоследствии сенатор и член Государственного совета — XXX$_1$, 158

Зизерин (*Зезерин?*) Григорий Павлович (ум. 1880), купец — XXX$_1$, 207—209, *369*

Золотарев Иван Федорович (1813—1881), чиновник Министерства внутренних дел, член Русского географического общества. Присутствовал вместе с Достоевским на Пушкинском празднике 1880 г. в Москве как делегат от Славянского благотворительного общества и как «лично знавший» Пушкина (о знакомстве Золотарева с Пушкиным см.: Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1976. стр. 155). 19 ноября 1878 г. Золотарев в письме к А. Н. Майкову передал приглашение Достоевскому принять участие в обеде, организуемом Славянским благотворительным обществом в честь министра народного просвещения Сербии А. Васильевича. «Пересылаю вам, любезнейший Федор Михайлович, это письмо, — писал Майков Достоевскому. — Автора его — Золотарева, кажется, Вы знаете; если ж нет, то из почерка увидите, какой это почтенный человек» (*ЛН*, т. 86, стр. 468) — XXX$_1$, 163, 167, 171, 173—175, 178, 180—181, *335, 341*

***Зуров* Александр Елпидифорович (1837—1902), петербургский градо-

к Комаровской (1880) и три письма Комаровской Достоевскому (1879—1880; *ГБЛ*; *ЛН*, т. 86, стр. 538, наст. изд., т. XXX$_1$, стр. 323, 391) — XXX$_1$, 143, 240, *257, 325, 393—394*

***Констант* Софья Дмитриевна, младшая сестра М. Д. Достоевской. В 1860-х годах была гражданской женой генерала Ф. А. Яковлева и жила в его имении в селе Высоцкое Псковской губ. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 208; наст. изд., т. XXVIII$_2$, стр. 420—421). В 1870-х годах жила в Петербурге. Обращалась за материальной помощью к Достоевскому. Сохранились два письма ее к Достоевскому (1879; *ИРЛИ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к ней см.: *Список*, № 360 — XXX$_1$, *407*

Константин Николаевич — см. *Бестужев-Рюмин* К. Н.

Кораблев, петербургский книгопродавец — XXX$_1$, 247

Кори Густав Иванович (ум. 1880), выпускник 1832 г. верхнего офицерского класса Главного инженерного училища. Умер в чине генерал-майора в отставке (см.: М. Максимовский. Исторический очерк развития Главного инженерного училища (1819—1869). СПб., 1869, стр. 83) — XXX$_1$, 231

Корнилов Федор Петрович — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 180

**Корнилова* Екатерина Прокофьевна — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 7, *258, 261—262*

Корш Валентин Федорович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 239, *393, 400*

***Косарев* Степан Алексеевич, народный учитель. В 1870-х годах обращался к Достоевскому за материальной помощью. Известно одно письмо Косарева к Достоевскому (1870-е гг.; *ГБЛ*). Сведения о несохранившемся письме к нему Достоевского см.: *Список*, № 365 — XXX$_1$, *408*

Костомаров Николай Иванович — см. т. XXVIII$_2$, и XXIX$_2$, указатели имен — XXX$_1$, 212, *373, 374*

Кошелев Александр Иванович (1806—1883), публицист и общественный деятель, в молодости член Общества любомудров, один из издателей альманаха «Мнемозина». В 1840-х годах сблизился со славянофилами. Издавал журналы «Русская беседа», «Сельское благоустройство» (1858—1859), «Беседа» (1871—1872) и газету «Земство» (1880—1882), сотрудничал в газете «День». В 1870-х годах активно участвовал в органах земства и городского самоуправления. Оставил «Записки» (1864) — XXX$_1$, 227. *351, 384*

Краевский Андрей Александрович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 174

Кранихфельд — семья, которой Достоевские сдали на лето 1879 г. свою квартиру. Известно письмо А. Кранихфельд к А. Г. Достоевской, см.: *ЛН*, т. 86, стр. 481 — XXX$_1$, 79, *302*

Крузе, домовладелец в Варшаве — XXX$_1$, 117

Крылов Иван Андреевич — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 114, *312*

**Кузнецов* Петр Григорьевич (1866—1941). Подростком работал на складе книжного магазина Достоевского, помогая относить посылки и бандероли на почту, впоследствии ленинградский книгопродавец. Оставил воспоминания о Достоевском (см.: «Книжная торговля», 1964, № 5, стр. 40—41; *ЛН*, т. 86, стр. 332—337; о нем см. также: Ф. Шилов. Записки старого книжника. М., 1965, стр. 106—107) — XXX$_1$, 245, 248, 257, *398*

Куманина Александра Федоровна — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 201, 252—254, *283, 286, 306, 310, 315, 325—327, 333, 366, 400, 401, 409*

**Лавров* Вукол Михайлович (1852—1912), журналист и переводчик, издатель журнала «Русская мысль» (с 1880 г.), «страстный, исступленный почитатель» Достоевского (см. наст. изд., т. XXX$_1$, стр. 166), о котором он отозвался как о «титане» «по своему великому художественному таланту

и еще более по своей способности понимать и делать понятным другим сокровеннейшие движения человеческой души» (*ЛН*, т. 86, стр. 524). Известны телеграмма Достоевского Лаврову (1880), записка Лаврова (совместно с И. П. Аксаковым) Достоевскому (1880; *ГБЛ*) и его же письмо к Достоевскому (1880; *ГБЛ*; *ЛН*, т. 86, стр. 524) — XXX$_1$, 33, 157—160, 163—166, *278, 280, 281, 338—339, 342*

Лавров-Платонов Александр Федорович (1829—1890), епископ Дмитровский, викарий Московский, профессор Московской духовной академии (с 1870 г.). Известно, что с Лавровым-Платоновым (викарием Алексием), считавшимся одним из лучших православных богословов того времени, встречался в начале октября 1879 г. Л. Н. Толстой, напряженно размышлявший об отношении церковного учения к государству — XXX$_1$, 170, 177, *349*

Ламанский Владимир Иванович — см. т. XXXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 234, *388*

Ламартин (Lamartine) Альфонс Мари Луи де (1790—1869), французский поэт-романтик, политический деятель, историк — XXX$_1$, 216, *376*

Ламовская Анна Леонтьевна, урожд. Чермак, дочь Л. И. Чермака (см. т. XXVIII$_2$, указатель имен), жена А. М. Ламовского — XXX$_1$, 219.

Ламовский Александр Михайлович — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 219

Ландсберг К. Ф., офицер из аристократической среды, убийца. Отчеты о суде над ним см.: *Г*, 1879, июль. Осужден в каторжные работы на 15 лет — XXX$_1$, 72, *298*

Ларош Герман Августович (1845—1904), музыкальный критик, композитор, публицист. Печатался под псевдонимами: Л. Н., Нелюбов Л., L, и др. С 1871 г. Ларош — профессор теории и истории музыки в Петербургской консерватории, постоянный сотрудник газеты «Голос», где помещал музыкальные и литературные фельетоны. Достоевский, полемизируя со статьями Лароша, утверждал, что у него «вместо сердца ‹...› нечто казенное» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 216, 245 и примеч. на стр. 468, 487, 488) — XXX$_1$, 118, *313*

Лассаль (Lassalle) Фердинанд — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 43

Лебедев Николай Константинович, псевд. И. Морской (1846—1888), беллетрист, сотрудник «Нового времени», «Нивы» и др. периодических изданий, автор романов «Аристократия Гостиного двора», «Содом», «Купленое счастье», «Сандрильон». Достоевский сочувственно отозвался о романе Н. Морского «Аристократия Гостиного двора», назвав его «прелестной вещицей, хоть и с шаржем» (см. выше, стр. 44). Отдельное издание этого романа (СПб., 1879) находилось в личной библиотеке Достоевского (см.: Л. Гроссман. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, стр. 132). Титульный лист этой и некоторых других книг Н. Морского с дарственными надписями автора сохранились среди бумаг Достоевского (очевидно, они были вырезаны из книг А. Г. Достоевской). Известно одно письмо Н. К. Лебедева к Достоевскому (1880; *ЛН*, т. 86, стр. 511) — XXX$_1$, 43, *283*

**Лебедева Е. Н.*, читательница романа «Братья Карамазовы», задавшая Достоевскому вопрос: «Кто убил старика Карамазова?». Известно одно письмо Достоевского к Лебедевой (1879) — XXX$_1$, 129, *317*

***Левкович* Ольга Александровна, почитательница Достоевского. Училась в петербургском женском Институте принцессы Ольденбургской, но не окончила курса. Обращалась к Достоевскому за денежной помощью и с просьбой найти ей работу (переписывание бумаг или переводы). Известно одно письмо Левкович к Достоевскому (1879; *Ланский, Утраченные письма*, стр. 221). Сведения о недошедшем до нас ответе Достоевского см.: *Список*, № 359 — XXX$_1$, *406*, *407*

Лентовский Михаил Васильевич (1843—1906), актер Малого театра, антрепренер, организатор общедоступных театров «Эрмитаж» и «Скоморох» (на спектакле в летнем саду «Эрмитаж» Достоевский побывал 2 июня

Марин Сергей Никифорович (1775—1813), поэт-сатирик — XXX_1, 64, *294*

Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884), писатель и публицист, автор антинигилистических романов, сотрудничал в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» (под псевдонимом «Иногородний обыватель»). Известен отзыв Маркевича о Пушкинской речи Достоевского (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 514), в которой он усмотрел компромисс между христианским учением и социализмом. Маркевич присутствовал при кончине Достоевского и описал ее в своих воспоминаниях (см.: *МВед.*, 1881, 1 февр., № 32), отрицательно оцененных А. Г. Достоевской, отметившей их недостоверность (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 379) — XXX_1, 49, 141, 166—167, 176, *342*

Марков Евгений Львович (1835—1903), писатель и критик, автор путевых очерков. Сотрудничал в журналах различного общественно-литературного направления («Отечественные записки», «Дело», «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская речь»). В романах «Черноземные поля» (1876), «Берег моря» (1879) изображал русскую жизнь в идиллических тонах, что вызвало резкую критику Достоевского (см. письмо 787). В своих «Критических беседах» Марков уделял постоянное внимание творчеству Достоевского — XXX_1, 58, 72, 73, 121, *268, 290, 291, 298, 315*

Маркс Карл (1818—1883) — XXX_1, 43, *368*

Марр («один немец»), автор брошюр националистического характера — XXX_1, 104, *305*

Марья, прислуга в старорусском доме Достоевских — XXX_1, 206, 208

Марья Федоровна — см. *Штакеншнейдер* М. Ф.

Массе (Masse) Феликс-Мари-Виктор (1822—1884), французский композитор, автор восемнадцати опер, шедших на сцене парижской комической оперы, и многочисленных романсов. Оперы «Пирушки Жанетты», «Галатея» и «Поль и Виржиния» ставились в Петербурге на частных оперных сценах — XXX_1, 177, *349*

Машенька — см. *Иванова* М. А.

Мезенцов Николай Владимирович (1827—1878), государственный деятель, генерал-адъютант, член Государственного совета (1877), с 1876 г. шеф жандармов и начальник «Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии». Убит С. М. Кравчинским в ответ на казнь революционера И. М. Ковальского — XXX_1, 43. *274, 282*

Мельников Иван Александрович (1832—1892), певец, солист Мариинского театра (1867—1892) — XXX_1, 180

Менгден Аделаида Федоровна (ум. 1886), графиня, знакомая Достоевского. 22 декабря 1880 г. Достоевский выступал в доме графини Менгден с чтением своих произведений (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 368) — XXX_1, 167, *344*

Меньшова Агриппина Ивановна («Грушенька»), знакомая семьи Достоевских по Старой Руссе, послужившая прототипом Грушеньки в «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 456—457; Л. М. Рейнус. О прототипе Грушеньки из «Братьев Карамазовых». — *РЛ*, 1967, № 4, стр. 143—146; *Рейнус*, стр. 46—63) — XXX_1, 87, 304

Меренберг Наталья Александровна, урожд. Пушкина, графиня (1836—1913), младшая дочь А. С. Пушкина, морганатическая жена принца Николая Нассаутского. О ней см.: В. М. Русаков. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л., 1982, стр. 94—108 — XXX_1, 160 («фамилия Пушкиных»), 165 («дети ‹...› Пушкина»), 180, *342*

Мещерский Владимир Петрович — см. т. XXIX_2, указатель имен — XXX_1, 43, 112, 129, 141, 152, *283, 317*

Мещерский, князь — неустановленное лицо; лечился в 1879 г. в Эмсе одновременно с Достоевским — XXX_1, 89

Мёзер (Meuser), хозяин гостиницы «Люцерн» в Эмсе — XXX_1, 86

Миллер Екатерина Николаевна (1808—1884), жена И. П. Миллера, дяди О. Ф. Миллера, в чьей семье он воспитывался — XXX_1, 174 («тетинька»), *347—348*

Николай Александрович*, неустановленное лицо. Известно одно письмо Достоевского (1880) к нему — XXX$_1$, 237—238, ***390*

Николай Алексеевич — см. *Любимов* Н. А.

Николай Михайлович — см. *Достоевский* Н. М.

Николай Японский — см. *Касаткин* И. Д.

Нил Столбенский (Столобенский) (ум. 1555), инок Крыпецкого монастыря, основавший на острове Столобне (озеро Селигер) пустынь, получившую его имя — XXX$_1$, 87, 90, 93—96, 99, 101, 107, 110, 112, 114—116, ***304, 306, 309, 311***

Ниночка — см. *Иванова* Нина А.

Новикова* Ольга Алексеевна, урожд. Киреева (1840—1925), писательница-публицистка, близкая к славянофильским кругам, дочь хозяйки московского литературного салона А. В. Киреевой, жена генерала И. П. Новикова. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. печатала в «Московских ведомостях» корреспонденции из Лондона, автор ряда книг о русско-английских отношениях, вышедших в Лондоне в 1878—1880 гг. (о ней см.: В. Стед. Депутат от России. Воспоминания и переписка О. А. Новиковой. Пер. с англ. Пг., 1916). Достоевский познакомился с Новиковой, вероятно, в конце 1860-х годов. Известна дарственная надпись писателя на титульном листе «Преступления и наказания», издания 1867 г., обращенная к Новиковой (см.: *Материалы и исследования*, т. 6, стр. 8). В 1880 г. Новикова встречалась с Достоевским на Пушкинских празднествах в Москве, а Пушкинскую речь писателя назвала «гениальной» (*ЛН*, т. 86, стр. 510). Сообщив в письме к Стеду от 14 февраля 1881 г. о смерти Достоевского, Новикова сказала о нем: «Нет в настоящее время человека в России, которого влияние было бы очевиднее и полезнее» (*РС***, 1913, № 11, стр. 379). В этом же письме Новикова вспоминает о встречах с писателем. Известны 2 письма Достоевского к Новиковой (1879) и 7 писем Новиковой к Достоевскому (1879—1880; ***ГБЛ, ИРЛИ*** — частично опубл.: ***ЛН***, т. 86, стр. 473, 510) — XXX$_1$, 34, 56, 58—59, 159, ***279, 288—291***

Оболенская, графиня, неустановленное лицо — XXX$_1$, 89

Ожигина* Людмила Александровна — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 9, ***264, 405*

Озмидов Николай* Лукич (1844—1908), владелец фермы в Химках близ Москвы, землю которой он обрабатывал силами своей семьи, почитатель Достоевского и подписчик на «Дневник писателя», позднее последователь Л. Н. Толстого. Озмидов считал, что именно в этом издании он находил «указания и разъяснения таких свойств человеческих, которых почти никто не видит и которые <...> существеннее всего действуют в обществах людских» (*Д, Письма***, т. IV, стр. 345). После смерти Достоевского обратился к А. Г. Достоевской с просьбой выслать ему «Дневник писателя» за январь 1881 г., ибо для него «дорога каждая строчка Федора Михайловича» (*ЛН*, т. 86, стр. 547). Известны два письма Достоевского к Озмидову (1878, 1880) и два его письма к писателю (1878, 1880; ***ИРЛИ***; частично опубл.: наст. изд., т. XXX$_1$, стр. 369, 371) — XXX$_1$, 9, 211—212, ***264, 265, 371, 373, 390***

Озмидова Ольга Николаевна (род. 1865), дочь Н. Л. Озмидова — XXX$_1$, 211—212, ***371, 390***

Ольденбургская Александра Петровна (1838—1901), принцесса, дочь принца П. Г. Ольденбургского, жена великого князя Николая Николаевича-старшего; основала в Петербурге ряд медицинских учреждений (больницу, фельдшерское училище и т. д.), а во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. организовывала санитарные отряды — XXX$_1$, 81, ***302***

Ольденбургский Петр Георгиевич, принц (1812—1881), председатель Комитета по сооружению памятника Пушкину в Москве — XXX$_1$, 180, ***302, 348***

Ольга Андреевна — см. *Эйснер* О. А.

Ольга Кирилловна — см. *Сниткина* О. К.

ками Инженерного училища, прославившими русское военно-инженерное искусство в ходе русско-турецкой войны, в «Дневнике писателя» за 1877 г. (наст. изд., т. XXVI, стр. 35). 19 октября 1878 г. писатель присутствовал на обеде в честь Радецкого и произнес речь (см. *Г*. 1878. № 293, 23 октября, а также наст. изд., т. XXX₂) — XXX₁, 20, 21, *270—272, 404*

Радзивил, графиня. Лечилась в Эмсе в 1879 г. одновременно с Достоевским; неустановленное лицо — XXX₁, 89

Рассохин, московский книгопродавец, его магазин упомянут в объявлении о подписке на «Дневник писателя» 1877 г. в числе прочих, где будет производиться розничная продажа отдельных выпусков этого издания (см. наст. изд., т. XXV, стр. 449) — XXX₁, 45, 49, 51, 52

Ренан (Renan) Жозеф Эрнест (1823—1892), французский писатель, историк и филолог-востоковед, автор многотомных научных исследований по истории семитских языков, израильского народа и др. В сочинениях Достоевского неоднократно упоминается книга Ренана «Жизнь Иисуса» (1863), положившая начало восьмитомной «Истории происхождения христианства» (Paris, 1863—1883). В журнале Достоевского «Эпоха» (1864, № 7) был помещен перевод статей Ренана «Древние религии». О книге «Жизнь Иисуса» как об одном из источников романа «Идиот» см. наст. изд., т. IX, стр. 396—398, а также наст. изд., т. XXI, стр. 11). Подготовительные материалы к «Подростку» позволяют заключить, что Достоевский был знаком с работой Ренана «La réforme intellectuelle et morale» (Paris, 1872), хотя бы по фрагментам перевода, содержащихся в статье Н. Н. Страхова «Ренан» (см.: Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882) и в полемических статьях Н. К. Михайловского (об этом см. наст. изд., т. XVII, стр. 284, 285). Судя по письму Достоевского к Н. П. Петерсону (см. № 735), автору «Братьев Карамазовых» была известна и последняя, вышедшая при его жизни работа Ренана «Философские диалоги и фрагменты» (1876). Об отношении Достоевского к Ренану см.: Е. И. Кийко. Достоевский и Ренан. — *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 106—122 — XXX₁, 14, *267*

***Рехневская* Софья Григорьевна, урожд. Полянская, в первом браке Мей (ум. 1889), попечительница приюта св. Ксении (общежития девушек-курсисток), жена генерал-лейтенанта С. С. Рехневского. Обращалась к Достоевскому с просьбой выступить на благотворительном литературном вечере. Известно одно письмо Рехневской к Достоевскому (1880; *ГБЛ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к Рехневской см.: *Список*, № 374 — XXX₁, 224, *410—411*

***Рихтер* Э., лицо неустановленное; жил в Лондоне, обращался в книжную торговлю Достоевского за книгами. Сохранилось одно письмо Э. Рихтера к Достоевскому (1880; *ИРЛИ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского Э. Рихтеру см.: *Список*, № 370 — XXX₁, 410

**Романов* Константин Константинович (1858—1915), великий князь, внук Николая I, поэт, драматург, печатался под инициалами К. Р., автор драмы «Царь Иудейский» и текста песни «Умер бедняга в больнице военной», получившей широкое распространение. П. И. Чайковский написал на стихи К. Р. шесть романсов. Достоевский познакомился с К. К. Романовым 21 марта 1878 г. В тот же день Константин Константинович писал в своем дневнике о Достоевском: «Это худенький, болезненный на вид человек, с длинной редкой бородой и чрезвычайно грустным и задумчивым выражением бледного лица. Говорит он очень хорошо, как пишет» (*ЛН*, т. 86, стр. 135). В течение 1879—1880 гг. Достоевский по приглашению К. К. Романова несколько раз его посещал. А. Г. Достоевская в «Воспоминаниях» пишет по этому поводу: «С молодым великим князем у моего мужа, несмотря на разницу лет, установились вполне дружеские отношения <...> Федор Михайлович провидел в юном великом князе истинный поэтический дар и выражал сожаление, что великий князь избрал, по примеру отца, морскую карьеру, тогда как, по мнению моего мужа, его деятельность должна была проявиться на литературной стезе» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 328). Известны 2 письма

**Самойлов* Василий Васильевич (1813—1887), драматический актер, автор водевилей, окончил Горный корпус (1829) и Лесной институт (1832), дебютировал в 1834 г. в Москве, в 1835—1875 гг. в труппе Александринского театра, как актер сформировался под влиянием натуральной школы. Об актерском мастерстве Самойлова положительно отзывался Белинский (см.: *Белинский*, т. IV, стр. 191 и др.). Знакомство Достоевского с Самойловым состоялось, очевидно, в 1875 г. (см.: А. Г. Достоевская. Библиографический указатель. Пб., 1906, стр. 264). 30 декабря 1879 г. они встретились на литературном утре в пользу студентов (см. *ЛН*, т. 86, стр. 493), в начале 1881 г. Достоевский подарил Самойлову отдельное издание романа «Братья Карамазовы» с дарственной надписью (см.: *Материалы и исследования*, т. VI. стр. 10). Известны одно письмо Достоевского к Самойлову (1879) и одно письмо Самойлова к Достоевскому (1879; *ГБЛ*) — XXX$_1$, 135, 136, *320*

Семенов, неустановленное лицо из Петербурга, лечился в 1879 г. в Эмсе одновременно с Достоевским — XXX$_1$, 89

Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra) Мигель — XXX$_1$, 212 *372*

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей Кириллович) (ок. 1315 или 1319—1392), церковный и политический деятель, основатель и игумен Троице-Сергиевой лавры под Москвой (ныне г. Загорск, Московской обл.). В 1380 г. помог Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой, содействуя объединению русских князей и являясь сторонником укрепления великокняжеской власти. Способствовал превращению русских монастырей в крупные феодальные объединения. Достоевский писал о Сергии как об «историческом идеале» русского народа (см. наст. изд., т. XXII, стр. 43) — XXX$_1$, 102

Сергуша — см. Румянцев С. П.

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910), литературный критик и историк литературы. В 1868—1884 гг. сотрудник «Отечественных записок», печатался под псевдонимом «Заурядный читатель» в «Биржевых ведомостях». Достоевский многократно полемизировал со статьями Скабичевского в «Дневнике писателя» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 54; XXIV, стр. 156, 297; XXV, стр. 27; XXVI, стр. 113, 193, 194, 199, 200) — XXX$_1$, 250, *293, 399*

Сиряков, петербургский книгопродавец — XXX$_1$, 247

Скотт (Scott) Вальтер (1771—1832) — XXX$_1$, 212, 237—238, *372*

След (Слэд), американский медиум — XXX$_1$, 16, *268*

Сниткин Иван Григорьевич — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 143, 152, *324, 333, 344*

Сниткин Иван Иванович, сын И. Г. Сниткина — XXX$_1$, 33, 36, *279*

Сниткина Анна Николаевна — см. т. XXVIII$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 33, 36, 142, 157, 174, 177, *324, 338, 344, 350*

Сниткина Мария Николаевна — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 208, *369*

Сниткина Ольга Кирилловна — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 35, 143, *324*

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), философ, поэт, публицист и критик; познакомился с Достоевским в 1873 г., о чем свидетельствует его письмо к писателю от 24 января того же года (см. *ГБЛ*, ф. 93.II.8, л. 2 об.). Защитив магистерскую диссертацию «Кризис западной философии. Против позитивизма», в 1874 г. уехал из Петербурга за границу. После возвращения в 1877 г. в Петербург часто встречался с Достоевским. В марте 1878 г. писатель регулярно посещал лекции Вл. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве». В июне 1878 г. во время совместной поездки в Оптину пустынь Достоевский рассказал Вл. Соловьеву о задуманном им цикле романов, из которых написаны были только «Братья Карамазовы» (см.: Вл. С. Соловьев. Собр. соч., т. 3. СПб., 1912, стр. 197). 6 апреля 1880 г. Достоевский присутствовал на защите Вл. Соловьевым докторской диссертации «Критика отвлеченных начал», к многим идеям

которой отнесся весьма сочувственно (см. письмо Е. Ф. Юнге от 11 апреля 1880 г.). Работая над главой IX одиннадцатой книги «Братьев Карамазовых» «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», Достоевский откликнулся на полемику, которая возникла в связи с выходом в свет книги Вл. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивизма» (СПб., 1874; книга имелась в библиотеке Достоевского — *Библиотека*, стр. 156). Об этом см. наст. изд., т. XV, стр. 441—442. После смерти писателя Вл. Соловьев выступил с тремя речами, посвященными его творчеству (см.: Вл. Соловьев. Три речи в память Достоевского. М., 1884). Об отношениях Достоевского и Вл. Соловьева см. статью Э. Л. Радлова «Соловьев и Достоевский» в кн.: *Сб. Достоевский, I*, стр. 155—172. Известны 5 писем Вл. Соловьева Достоевскому (1878; *ГБЛ*; *ЛН*, т. 86, стр. 479), письма Достоевского к Вл. Соловьеву неизвестны — XXX$_1$, 14, 33—35, 40, 148, 189, *266*, *267*, 278, 281, 330, 331, 359—360.

Соловьев Иван Григорьевич — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 45, 47, 48, 165, *285*

Соловьев Сергей Михайлович — см. т. XXIX$_2$, имен — XXX$_1$, 212, 237, 372

Соловьев Филипп Гаврилович (1834—1888), депутат на пушкинских торжествах 1880 г. в Москве от Совета присяжных поверенных — XXX$_1$, 178, *350*

Соня — см. *Румянцева* С. И.

Софья Ивановна — см. *Штакеншнейдер С. И.*

Софья Петровна — см. *Каткова С. П.*

Ставровские — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 120, 132, 239, 253—254, *283, 318, 333, 367, 392*

Ставровский Максимиллиан Дмитриевич — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 254

Ставровский Федор Дмитриевич — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 254

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, журналист и общественный деятель, основал и редактировал в 1866—1908 гг. журнал «Вестник Европы» либеральной западнической ориентации. Известны полемические выпады Достоевского против «Вестника Европы» и его редактора. Достоевский встречался со Стасюлевичем на литературных обедах (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 461—462) — XXX$_1$, 217, *284, 338, 342, 356, 364*

Суворин Алексей Сергеевич — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 154—155, 178—181, *334—336, 350—351, 360, 396*

Суворина Анна Ивановна — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 178—180

Сухомлинов Михаил Иванович (1828—1901), историк литературы, профессор Петербургского университета (с 1860 г.), академик (с 1872 г.); делегат от Петербургского университета на пушкинских торжествах 1880 г. в Москве — XXX$_1$, 164, *342*

Тестов И. Я., владелец ресторана — XXX$_1$, 172, 180, *346*

Тихон Задонский — см. т. XXIX$_2$, указатель имен — XXX$_1$, 102

Тицнер, петербургский врач — XXX$_1$, 80, 81

Толиверова Александра Николаевна см. *Якоби А. Н.*

**Толстая* Александра Андреевна (1817—1904), двоюродная тетка Л. Н. Толстого, с которым в течение многих лет вела переписку (см.: «Толстовский музей», т. I. Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой. 1857—1903. Петербург, 1911). С Достоевским познакомилась незадолго до его смерти. О встречах с Достоевским рассказала в своих воспоминаниях (см. там же, стр. 25—26). Известно одно письмо (1881) Достоевского Толстой и одно ее письмо к писателю (1880; *ГБЛ*; *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 249) — XXX$_1$, 58, 241, *325, 393—394*

Толстая Анастасия Ивановна, графиня (1817—1889), жена президента Академии художеств Ф. П. Толстого, мать Е. Ф. Юнге. Достоевский по-

знакомился с Толстой, очевидно, в ноябре 1878 г. (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 479—480). Выдержки из писем Толстой к А. Г. Достоевской 1879—1881 гг. см.: *ЛН*, т. 86, стр. 479, 493, 498, 551 — XXX_1, 148, *329*, *331*

**Толстая* Софья Андреевна, урожд. Бахметьева (1844—1892), жена А. К. Толстого, хозяйка литературного салона, была в дружеских отношениях с Гончаровым, Тургеневым, Вл. Соловьевым и др. В своих воспоминаниях об отце Л. Ф. Достоевская пишет: «Поселившись в Петербурге, графиня Толстая стала принимать в своем доме всех прежних друзей своего мужа, поэтов и писателей, и попыталась завязать новые литературные знакомства. Встретив моего отца, она поспешила пригласить его к себе и была с ним очень любезна. Отец обедал у нее, ходил на ее вечера, согласился прочесть в ее салоне несколько глав из «Братьев Карамазовых» до их публикации. Вскоре у него вошло в привычку заходить к графине Толстой во время своих прогулок, чтоб обменяться новостями дня» (*ЛН*, т. 86, стр. 303). А. Г. Достоевская также отмечает, что «всего чаще в годы 1879—1880 Федор Михайлович посещал вдову покойного поэта графа Алексея Толстого, графиню Софию Андреевну Толстую. Это была женщина громадного ума, очень образованная и начитанная. Беседы с ней были чрезвычайно приятны для Федора Михайловича, который всегда удивлялся способностям графини проникать и отзываться на многие тонкости философской мысли ‹...› Но, кроме выдающегося ума, гр. С. А. Толстая обладала нежным, чутким сердцем, и я всю жизнь с глубокою благодарностью вспоминаю, как она сумела однажды порадовать моего мужа». Далее А. Г. Достоевская вспоминает, как Толстая подарила Достоевскому прекрасную репродукцию его любимой картины — «Сикстинской мадонны» Рафаэля. Достоевский «был тронут до глубины души ее сердечным вниманием и в тот же день поехал благодарить ее». «Сколько раз в последний год жизни Федора Михайловича, — пишет А. Г., — я заставала его стоящим перед этою великою картиною в таком глубоком умилении, что он не слышал, как я вошла, и, чтоб не нарушать его молитвенного настроения, я тихонько уходила из кабинета. Понятна моя сердечная признательность графине Толстой за то, что она своим подарком дала возможность моему мужу вынести пред ликом мадонны несколько восторженных и глубоко прочувствованных впечатлений!» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 355—356). Известно одно письмо Достоевского к Толстой (1880), а также записка (1878; *ЛН*, т. 86. стр. 294) и телеграмма (коллективная, 1880; *ЛН*, т. 86, стр. 509) Толстой Достоевскому — XXX_1, 187—189, *359—360*

Толстой Дмитрий, соученик Достоевского по пансиону Л. И. Чермака — XXX_1, 219

Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889), консервативный государственный деятель, с 1865 г. — обер-прокурор Синода, с 1866 по апрель 1880 г. одновременно министр народного просвещения — XXX_1, 66, *294*

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — XXX_1, 76, 134, 166, 168, 212, 237—238, *262, 279, 300, 301, 325, 337, 343, 349, 375, 394*

Тома (Thomas) Фредерик (1814—1884), французский писатель, журналист, адвокат; один из наиболее известных защитников в литературных процессах, президент Международной литературной ассоциации. Известно одно письмо Достоевского к Ф. Тома (1879) в ответ на официальное сообщение об избрании его членом Почетного комитета Международной литературной ассоциации (1879; *ГБЛ*; опубликовано: см. стр. 298) — XXX_1, 74. *299, 300*

Третьяков Павел Михайлович — см. т. XXIX_2, указатель имен — XXX_1, 182. 190—191, *360—361*

Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892), московский городской голова (1877—1881), основал в Москве вместе со своим братом, известным прогрессивным деятелем русского искусства (о нем см. т. XXIX_2, указатель имен) национальный музей изобразительного искусства, получивший позднее название Третьяковской галереи. Принимал активное участие в организации Пушкинских торжеств в Москве в июне 1880 г., во

чинений и статьи под названием «Философия общего дела» (т. 1. Верный, 1906; т. 2. Москва, 1913; см. также сов. изд.: Сочинения. М., 1982 («Философское наследие»)). Центральная идея Федорова — универсальная философия «общего дела» — представляет собой императив всеобщего «имманентного воскресения» всех умерших на земле, а также этическое обоснование бессмертия, нравственные предпосылки его. Мистико-религиозный характер учения Федорова противостоял традиционному христианству. Достоевский с Федоровым знаком не был и в переписке с ним не состоял, однако идея «воскресения предков», с которой писатель познакомился в изложении Н. П. Петерсона (см. письмо 735), волновала автора «Братьев Карамазовых» в период работы над романом (см. наст. изд., т. XV, стр. 419). Узнав об интересе Достоевского к его учению, Федоров тщательно готовил ответ писателю, в сущности представлявший первое систематическое изложение учения философа-утописта. Достоевский, к сожалению, не успел прочесть этот «ответ», вызвавший большой интерес В. С. Соловьева (см.: Вл. Соловьев. Письма, т. II, СПб., 1909, стр. 345). Этико-космические взгляды Федорова были высоко оценены также Л. Н. Толстым, М. Горьким, К. Э. Циолковским, В. Я. Брюсовым, А. Белым и др. О Федорове см.: С. Т. Семенова. Федоров и его философское наследие. — В кн.: Н. Ф. Федоров. Сочинения. М., 1982, стр. 5—53; Н. Скатов. Спор двух утопистов. — «Звезда», 1978, № 8, стр. 172—180 — XXX_1, 13—15 («мыслитель»), *266, 267*

Федя — см. *Достоевский* Ф. Ф.

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — XXX_1, 58

Филипп, лицо неустановленное, петербургский парикмахер — XXX_1, 79

**Филиппов* Тертий Иванович (1825—1899), публицист славянофильского направления, знаток истории церкви, государственный деятель, занимавший важные посты в Синоде. Достоевский познакомился с Филипповым в начале 1870-х годов через посредство А. Н. Майкова (см. *ЛН*, т. 15, стр. 149—150), а затем регулярно с ним общался в 1873 г., в период редактирования «Гражданина», постоянным и влиятельным членом редакции которого тот был. Достоевский сочувственно относился к церковно-славянофильским идеям Филиппова и посвятил их защите несколько публичных выступлений, напечатанных в «Гражданине» (см., например, наст. изд., т. XXI, стр. 139, 159, 261, 275, 278—280, 291, 293). В свою очередь Филиппов высоко ценил талант Достоевского и писал А. И. Майкову еще в 1871 г., что «он один из нынешних романистов имеет право на название глубокого писателя» (*ЛН*, т. 15, стр. 49). Известно одно письмо Достоевского Филиппову (1880) и 14 писем Филиппова Достоевскому (1873—1880; *ИРЛИ*, *ГПБ*; *ЛН*, т. 15, стр. 130—156; *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 442) — XXX_1, 235, *389*

Философов Владимир Дмитриевич (1820—1894), статс-секретарь, член Государственного совета, муж А. П. Философовой — XXX_1, 79, *302*

Философова Анна Павловна — см. т. XXIX_2, указатель имен — XXX_1, 25, 27, 30, 58, 77, 96, *272, 277, 301, 302, 306*

Финикова, лицо неустановленное — XXX_1, 79

Флеровский Н. — см. Берви-Флеровский В. В.

Фома, лицо неустановленное; помогал семье Достоевских в работах по дому в Старой Руссе — XXX_1, 95, 98, *306*

Хаецкий, лицо неустановленное — XXX_1, 30, *277*

* *Хитрово* Софья Петровна, племянница С. А. Толстой, жена дипломата, хозяйка литературного салона в Петербурге. Достоевский познакомился с Хитрово в конце 1870-х годов и часто бывал у нее в доме. А. Г. Достоевская пишет: «...Софья Петровна Хитрово, необыкновенно приветливая молодая женщина <...> Детки этой семьи были ровесниками наших детей, мы их познакомили, и дети подружились, что очень радовало Федора Михайловича» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 356). По характеристике К. Н. Леонтьева, в Хитрово были «соединены изуми-

тельно лейб-гусарский юнкер и английская леди, мать и супруга, японское полудетское личико и царственная поступь, злость и самая милая грация, восхитительное косноязычие и ясный твердый ум» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 435, 476). В начале 1881 г. Достоевский подарил Хитрово отдельное издание «Братьев Карамазовых» (см.: *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 10). Известны одно письмо Достоевского к Хитрово (1880) и 12 писем Хитрово к Достоевскому (1878—1880; *ИРЛИ*; *ЛН*, т. 86, стр. 295). Известно также письмо Хитрово А. Г. Достоевской (1881; *ГБЛ*; *ЛН*, т. 86, стр. 530) — XXX_1, 139, *322*

Хмыров Дмитрий Николаевич — см. т. XXIX_2, указатель имен — XXX_1, 159

Хмырова, (урожд. Иванова) Софья Александровна — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXX_1, 159, *363*

Цёльнер («Цольнер») (Zöllner) Иоганн Карл Фридрих (1834—1882), немецкий астрофизик, профессор Лейпцигского университета, спирит, автор статей, посвященных «четырехмерному пространству». О нем писал А. М. Бутлеров в статье «Четвертое измерение пространства и медиумизм» (*РВ*, 1878, № 2) — XXX_1, 15, *268*

Цитович Петр Павлович (1842—1912), профессор гражданского права в Новороссийском университете, автор брошюр: «Новые приемы защиты общинного землевладения» (1878; отзыв о нем Достоевского см. выше, стр. 45), «Ответ на письма к ученым людям», «Что делали в романе „Что делать?“», «Разрушение эстетики», «Реальная критика» (1878—1879). В 1880 г. редактировал консервативную газету «Берег» (прекратилась на № 277), выходившую в Петербурге. Впоследствии занимал кафедры гражданского права в Киевском и Петербургском университетах, стал сенатором — XXX_1, 45, 141, *284, 323*

Чаев Николай Александрович — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXX_1, 170, 177—178, 180, *351*

Чермак Леонтий (Леопольд) Иванович — см. т. XXVIII, указатель имен — XXX_1, 219 («чермаковцы»), *379*

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), историк, философ и юрист, автор мемуаров. Полемические возражения Достоевского вызвала, в частности, статья Чичерина «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», которую он, как и другие современники, приписывал Т. Н. Грановскому (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 63—69, примеч. на стр. 383) — XXX_1, 89, *304*

Шабанова Анна Николаевна (1848—1932), известный детский врач первого выпуска русских женщин-врачей, состоявшегося в 1878 г. в Петербургской медико-хирургической академии. В 1878 г. стала ординатором в детской больнице у П. К. Раухфуса. Автор ряда исследований, защитила диссертацию. Участвовала в Международном женском конгрессе в Берлине. Автор воспоминаний об истории женского врачебного образования (сб. «К свету». СПб., 1904, с. 289—310). Известны 2 ее письма к Достоевскому 1876 и 1877 гг. с просьбой пересылать «Дневник писателя», «выписываемый библиотекой Женских врачебных курсов», где она была библиотекарем, по новому адресу (*ИРЛИ*. Там же хранятся ее письма к А. Н. Веселовскому, К. Д. Кавелину, А. Ф. Кони, Я. П. Полонскому и другим деятелям культуры) — XXX_1, 7

Шаховской, князь, зять М. Н. Каткова — XXX_1, 46, *288*

Шаховской. князь, отец зятя М. Н. Каткова — XXX_1, 48

Шевякова Александра Михайловна — см. т. XXVIII_2, указатель имен — XXX_1. 31, 239, *276, 391, 392—393*

Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564—1616) — XXX_1, 212, 237, 238, *331*

**Языков* Михаил Александрович (1811—1885), чиновник, товарищ И. И. Панаева по Петербургскому благородному пансиону, был близок в 1840-х годах к Белинскому и кругу «Отечественных записок», а затем — «Современника». Достоевский познакомился с Языковым в середине 1840-х гг. (см. наст. изд., т. XXVIII, стр. 125) и собирался воспользоваться услугами его комиссионерской конторы при продаже издания своих сочинений в 2-х т. (см. там же, стр. 128). В 1870-х годах Языков жил в Новгороде и был управляющим Новгородского акцизного управления. Известно одно письмо Достоевского к Языкову (1878) и семь писем его к Достоевскому 1876—1880; *ГБЛ*; *ИРЛИ*; частично опубл.: наст. изд., т. XXII, стр. 312; т. XXVII, стр. 344) — XXX_1, 38, 180, *281, 404, 405*

**Якоби* Александра Николаевна, урожд. Сусоколова. во втором браке Тюфяева, в третьем Пешкова (1842—1918), детская писательница (печаталась под псевдонимом Толиверова), участница гарибальдийского движения. Сотрудничала в 1860—1870-х годах в «Голосе», «Неделе», «Биржевых ведомостях», «Молве», вела художественные отделы в «Новом времени» и «Живописном обозрении». С 1875 по 1878 г. издала несколько сборников для детей, в том числе «На память о Н. А. Некрасове», «На память о Жорж Санд», участвовала в журналах «Детское чтение» и «Игрушечка». Познакомилась с Достоевским в конце 1876 г., поддерживала дружеские отношения с А. Г. Достоевской. Якоби — автор воспоминаний о Достоевском (см.: «Игрушечка», 1881, № 6 и 7; «Красные зори», 1911, № 4). О ней см.: А. Ф. Кони. Незамеченная смерть заметного человека. — *Кони*, т. 7, стр. 312—315; *ЛН*, т. 51—52, стр. 558—559, а также ее письмо к А. Г. Достоевской от 15 мая 1877 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 445. Известны одно письмо Достоевского к Якоби (1878) и два ее письма к Достоевскому (1876—1878; *ИРЛИ*, *ГБЛ*) — XXX_1, 7, *258, 262—263*

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

Берлинская государственная библиотека (Зап. Берлин) — Deutsche Staatsbibliothek.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Печатные источники

Анненков — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.
Б — «Былое» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883.
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Волоцкой — М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевского. 1506—1933. «Север», М., 1933.
Г — «Голос» (газета).
ГМ — «Голос минувшего» (журнал).

Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. «Academia», М.—Л., 1935.

Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Д — «Дело» (журнал).

Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.

Д, Переписка с женой — Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. «Наука», М., 1979.

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.

Д, Письма к жене — Ф. М. Достоевский. Письма к жене. Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. ГИЗ, М.—Л., 1926.

Достоевская, А. Г. Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевская, Л. Ф. — Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Пер. с нем. Л. Я. Круковской. Под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. «Художественная литература». М., 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. «Наука». Л., 1971.

«Достоевский». Однодневная газета — «Достоевский». Однодневная газета Русского библиологического общества. Пг., 1921, 30 окт. (12 ноября).

Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., тт. I—IX. «Academia» — Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

Известия ОЛЯ — Известия АН СССР. Серия литературы и языка (журнал).

КА — «Красный архив» (журнал).

Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. I—VIII. «Юридическая литература», М., 1966—1969.

ЛА — «Литературный архив».

Ланский, Утраченные письма — Л. Ланский. Утраченные письма Достоевского. — *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 196—222.

Леонтьев — К. Н. Леонтьев. Собрание сочинений. В 12-ти томах. М., 1912—1914. Вышли тт. 1—9.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—94. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1931—1983. Издание продолжается.

Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования, тт. I—VII. «Наука». Л., 1974—1987. Издание продолжается.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

МГ — «Минувшие годы» (журнал).

Московский сборник — «Московский сборник». М., 1887.

НВр — «Новое время» (газета).

Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. «Наука», М., 1975.

О Достоевском — О Достоевском. Сб. статей. Вып. I—III. Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929—1936.

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. гос. архив литературы и искусства — Институт русской литературы АН СССР).

Островский — А. Н. Островский. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. М., 1973—1980.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН

СССР, М.—Л.. 1937—1959.
РА — «Русский архив» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РВед — «Русские ведомости» (газета).
РК — «Русский курьер» (газета).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русская мысль» (журнал).
Рречь — «Русская речь» (журнал).
РС — «Русская старина» (журнал).
Сл — «Слово» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах. «Художественная литература», М., 1965—1977.
Сб. Достоевский, 1 — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник 1. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Пб., 1922.
СВ — «Северный вестник» (журнал).
Сборник в память С. А. Юрьева. — Сборник в память С. А. Юрьева. М., 1891.
СИ — «Современные известия» (газета).
СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
Список — Список несохранившихся и ненайденных писем 1878—1881 годов.
Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. 1—90. ГИЗ—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1964.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, т. I—XIII. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.
Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.
Die Urgestalt — F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der «Brüder Karamazoff», München, [1928].

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1878

1879

1880

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXX, кн. 1

Редактор издательства *Е. А. Гольдич.* Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко.* Технический редактор *Г. А. Смирнова* Корректоры *Н. П. Кизим, Л. Б. Наместникова* и *Г. В. Семерикова*

Сдано в набор 1.07.87. Подписано к печати 29.01.88. Формат 60×90[1]/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 28.50 + 0.12 вкл. Усл. кр.-от. 29.62. Уч.-изд. л. 34.52. Тираж 54 500. Тип. зак. № 1702. Цена 3 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.